

АЛЕКСАНДР
НЕЧВОЛОВ

**КАЗАНИЯ
О ЗЕМЛЕ
РУССКОЙ**

ОТ НАЧАЛА ВРЕМЕН
ДО КУЛИКОВА ПОЛЯ

РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯН
НАЧАЛО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
КРЕЩЕНИЕ РУСИ
НАШЕСТВИЕ БАТЬЯ
КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Сказания о земле Русской. От начала времен до Куликова поля

//Центрполиграф, Москва, 2019

ISBN: 978-5-227-07803-2

FB2: "Alesh ", 2018-12-09, version 1.0

UUID: 0637ff95-fbf5-11e8-861b-0cc47a5453d6

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Дмитриевич Нечволодов

Сказания о земле Русской. От начала времен до Куликова поля

Книга, написанная действительным членом Императорского русского военно-исторического общества Александром Нечволодовым, уникальна. Ее первое издание стало настольной книгой в семье последнего российского императора Николая II. «Сказания о земле Русской» включают в себя обширнейший историографический материал: от древнерусских былин, песен и летописей до работ Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, И.Е. Забелина и многих других историков и писателей, чьи имена вписаны в золотой фонд истории нашего Отечества. Каждая страница книги пронизана любовью к России и гордостью за ее славное прошлое, настоящее и будущее.

Содержание

#1	0005
#2	0006
Часть первая. С древнейших времен до расцвета русского могущества при Ярославе Мудром	0014
Глава 1	0014
Глава 2	0056
Глава 3	0129
Глава 4	0197
Глава 5	0285
Часть вторая. От разделения власти на Руси при сыновьях Ярослава Мудрого до конца великого княжения Дмитрия Иоанновича Донского	0480
Глава 1	0480
Глава 2	0536
Глава 3	0622
Глава 4	0741
Глава 5	0897
Глава 6	0968
Глава 7	1106
Источники первой части	1310
Источники второй части	1320
Список иллюстраций	1329
Часть первая	1329
Часть вторая	1330

Александр Нечволодов
Сказания о земле Русской.
От начала времен до
Куликова поля

© «Центрполиграф», 2019
© Художественное оформление,
«Центрполиграф», 2019
* * *

Посвящается светлой памяти Ивана Егоровича Забелина, благодаря многолетним трудам которого, созданным его глубокою душою и проникновенным умом, каждый русский человек получил драгоценное право гордиться своими отдаленнейшими предками и с уверенностью взирать на грядущие судьбы нашего великого народа

Предлагаемая книга написана с целью дать возможность каждому русскому человеку изучить жизнь и дела своих предков в давние времена.

Изучение это не только высокопоучительно, но и совершенно необходимо.

Оно показывает нам, от каких смелых, мудрых и благородных людей мы происходим, какие великие труды были положены ими на создание нашей Родины и как обильно орошена их кровью каждая пядь Русской земли.

Вместе с тем изучение это показывает нам и путь, по которому мы должны идти, чтобы исполнить священную обязанность перед потомством: сохранить для него в полной

неприкосновенности святое наследие наших предков – Русскую землю.

В том же 1909 году написанная мною книга удостоилась самого милостивого внимания со стороны государя императора и его величеству благоугодно было выразить мне свою волю, чтобы я продолжал начатый мною труд.

24 мая 1911 года я получил всемилостивейшее разрешение представить государю в Царском Селе вторую часть «Сказаний о Русской земле», причем работе моей было вновь оказано несколько самых незабвенных для меня знаков монаршего внимания.

1 декабря 1911 года, в Ливадии, государь император несказанно осчастливил меня словами, что он читает вслух мою книгу ее величеству.

При своей работе я руководствовался всеми доступными мне первоисточниками, а также и трудами наших знаменитых историков и ученых: Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, И.Е. Забелина, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, А.А. Шахматова, Н.П. Кондакова, А.И. Соболевского, Н.П. Лихачева и др. Подробное указание печатных произведений и рукопи-

сей, коими я пользовался и из которых делал более или менее значительные заимствования, приведено в конце каждой части.

Вместе с тем я по мере сил стремился осуществить заветы И.Е. Забелина, выраженные им в следующих словах:

«Всемирно известно, что древние, в особенности греки и римляне, умели воспитывать героев. Это умение заключалось лишь в том, что они умели изображать в своей истории лучших передовых своих деятелей не только в исторической, но и в поэтической правде. Они умели ценить заслуги героев, умели различать золотую правду и истину этих заслуг от житейской лжи и грязи, в которой каждый человек необходимо проживает и всегда больше или меньше ею марается. Они умели отличать в этих заслугах не только реальную и, так сказать, полезную их сущность, но и сущность идеальную, то есть историческую идею исполненного дела и подвига, что необходимо и возвышало характер героя до степени идеала.

Наше русское возделывание истории находится от древних совсем на другом, на проти-

воположном конце. Как известно, мы очень усердно только отрицаем и обличаем нашу историю и о каких-либо характерах – идеалах не смеем и помышлять. Идеального в своей истории мы не допускаем. Какие у нас были идеалы, а тем паче герои! Вся наша история есть темное царство невежества, варварства, суесвятства, рабства и так дальше. Лицемерить нечего: так думает великое большинство образованных русских людей. Ясное дело, что такая история воспитывать героев не может, что на юношеские идеалы она должна действовать угнетательно. Самое лучшее, как юноша может поступить с такою историею, это – совсем не знать, существует ли она. Большинство так и поступает. Но не за то ли самое это большинство русской образованности несет, может быть, очень справедливый укор, что оно не имеет почвы под собою, что не чувствует в себе своего исторического национального сознания, а потому и умственно, и нравственно носится попутными ветрами во всякую сторону.

Действительно, твердою опорою и неколебимою почвою для национального сознания

и самопознания всегда служит национальная история...

Не обижена Богом в этом отношении и русская история. Есть или должны находиться и в ней добрые общечеловеческие идеи и идеалы, светлые и высоконравственные герои и строители жизни. Нам только надо хорошо помнить правдивое замечание античных писателей, что „та или другая слава и знаменитость народа или человека в истории зависит вовсе не от их славных или бесславных дел, вовсе не от существования исторических подвигов, а в полной мере зависит от искусства и умения или даже от намерения писателей изображать в славе или уничижать народные дела, как и деяния исторических личностей“».

Кроме приведенных выше слов И.Е. Забелина, в моих взглядах на русскую историю я во многом находил себе точку опоры, подтверждение и разъяснение в трудах одного из самых великих своею любовью к Родине современных русских людей – Николая Федоровича Федорова. При жизни он был известен многим только как изумительный по добро-

совестности, трудолюбию и разнообразию знаний скромный служащий при библиотеке Румянцевского музея в Москве, который знал содержание всех решительно книг громадной библиотеки этого музея. Ему было также всегда известно каждое требование всякого посетителя библиотеки на книги, и по этим требованиям он сразу узнавал действительного работника, с любовью относящегося к своему делу. Тогда Николай Федорович заглазно всей душой привязывался к нему и старался быть полезным, чем мог, причем от себя посылал изумленному посетителю еще две-три книги, которых тот совсем не требовал и о существовании которых совершенно не подозревал, а между тем содержание этих неожиданных книг прямо отвечало на поставленную им себе задачу. Когда же случалось, что посетитель, обративший на себя внимание Н.Ф. Федорова, требовал таких книг, коих в Румянцевском музее не было, то он покупал их на свои более чем скудные средства. Люди, которым приходилось соприкасаться с ним, называли его мудрецом и праведником, а более близкие к нему говорили, что он был один из

тех немногих праведников, которыми держится мир, и считали Николая Федоровича по уму и истинно христианской душе – «великим и даже великим из великих». После своего знакомства с Н.Ф. Федоровым граф Л.Н. Толстой, пораженный его личностью, писал: «Николай Федорович святой. Каморка... не хочет жалованья, нет белья, нет постели».

Вслед за кончиной этого замечательного русского человека, последовавшей в 1903 году, В.А. Кожевников и Н.П. Петерсон предприняли издание его обширных творений под заглавием «Философия общего дела», причем, к сожалению, выпущенная до настоящего времени в свет первая их часть в продажу не поступила, а была бесплатно разослана в разного рода библиотеки, так как покойный возмущался торговлей произведениями мысли и считал это святотатством.

По глубочайшему убеждению Н.Ф. Федорова, конечным общим делом всего человечества является воскресение из мертвых, которое последует после того, когда наступит на Земле всеобщий братский союз, причем во главе его будет стоять русский государь, а Рос-

сия станет для всех «родной, милой и дорогой».

При жизни Николая Федоровича весьма немногие были знакомы с его взглядами, но взгляды эти разделялись такими выдающимися людьми, как Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев; последний называл его учение «первым движением вперед человеческого духа по пути Христову со времени появления христианства».

В своих творениях, подробно разбирая прошлое России и ее значение среди остальных государств и высказывая по этим вопросам ряд изумительно глубоких мыслей, а порой и предсказаний, уже частью осуществившихся, Николай Федорович совершенно соглашается со взглядами на будущность Русской земли, высказанными в начале XVI века старцем Елизарова монастыря Филофеем.

От автора

Часть первая. С древнейших времен до расцвета русского могущества при Ярославе Мудром

Глава 1

Расселение славян. Сказания греков о кентаврах и амазонках. Скифы. Путешествие Геродота и его описание нашей страны и обычаев. Курганные находки

С берегов Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи в Европу славянские племена шли, вероятно, двумя главными путями; одна часть их спускалась по берегам Аму-Дарьи к южным берегам Каспийского моря, а затем, обогнув это море с южной же стороны, двигалась по Малой Азии, к переправе в Европу через так называемый Фракийский Босфор – узкий пролив у Константинополя, ведущий из Эгейского моря в Черное; после же переправы – направлялась к северу и к западу.

Другая часть славянских племен могла идти из мест своей первоначальной родины вниз по течению Сыр-Дарьи, а затем, обогнув Каспийское море с севера, распространяться по славным нашим южнорусским степям и по низовьям наших рек – Дона, Днепра, Буга и Днестра, вплоть до низовьев Дуная, на которых садились славянские племена, шедшие в Европу по первому пути – через Малую Азию.

Кроме движения по только что указанным двум главным путям, часть славянских племен могла идти в Европу еще и третьим путем, а именно: доходить по течению реки Аму-Дарьи до южного берега Каспийского мо-

ря, а затем, повернув к северу и следуя или по западному побережью Каспия, или по восточному берегу Черного моря, – переваливать через высокие Кавказские горы и выходить на обширные и плодородные равнины, примыкающие к Кавказским горам с севера, то есть в нынешнюю Кубанскую область.

Заселивши низовые и средние течения Дуная, Днестра, Буга, Днепра и Дона, славяне не останавливались в своем движении, а постепенно передвигались дальше.

Часть славян, получивших название ляхов, или поляков, заселила берега Вислы, имея восточнее себя по Неману и низовьям Западной Двины – близкородственное себе племя литву.

В горах Карпатских и прилегающих к ним засели чехи, моравы и хорваты.

Наконец, восточные славянские племена, расселившиеся на низовьях рек нынешней Южной России – Днестра, Буга и Днепра, – также продвигались вверх по этим рекам к северу и востоку и вышли постепенно к верховьям рек, впадающих уже в другие моря, а именно: 1) к верховьям Немана и Западной

Двины, текущих в Балтийское море; 2) к верховьям Шелони, Ловати и других рек, впадающих в озеро Ильмень, а оттуда через Ладожское озеро и реку Неву – в Балтийское же море; 3) к верховьям рек, впадающих в Северную Двину и Белое море, и, наконец, 4) к верховьям рек Оки и Волги, которые несут свои воды сперва на восток через середину всей России, а потом, круто повернув на юг, – в Каспийское море.

Заняв верховья перечисленных выше рек, которые почти все близко сходятся между собой в местности, называвшейся в старину Волковским лесом, наши предки получили возможность, постепенно подвигаясь по течениям их, расселиться и на всем обширном пространстве нынешней Европейской России.

Вот как последовательно, в течение многих веков, по всей вероятности, расселялись по разным странам Европы славянские племена.

При своем движении в Европу славяне должны были, разумеется, встречать на пути древнейших туземных обитателей тех стран,

по которым они двигались.

Точных сведений об этих первых встречах, за повсеместным отсутствием в то время грамоты, мы не имеем, но знаем, что у древних греков сохранились старинные сказочные предания, что к северу от Греции появились особые чудовища, у которых зад и четыре ноги были конские, а грудь, голова и руки – человечесьи. Эти чудовища, называемые греками кентаврами, отличались крайне свирепым нравом, превосходно стреляли из луков и были благодаря быстрым конским ногам совершенно неуловимы, причем, по греческим сказаниям, между этими кентаврами и греками происходили когда-то кровопролитнейшие битвы.

В этих сказочных преданиях греков о кентаврах, на первый взгляд совершенно невероятных, есть, однако, большая доля правды.

Жестокие битвы древнейших греков действительно происходили с пришельцами с севера, метко выпускавшими стрелы из своих луков и постоянно появлявшимися перед противниками верхом на быстроногих конях, с которыми они, казалось, составляли одно

неразрывное целое.

Это были, возможно, наши славные предки, славяне, и именно те племена, которые дали начало великому русскому народу. Идя по нашим привольным южным степям, они покорили себе во время этого длинного и долгого пути главного тогдашнего обитателя русских степей – дикую лошадь, и сделали себе из этого борзого скакуна вернейшего и преданнейшего друга; сроднившись с ним, предки наши стали лучшими в тогдашнем мире наездниками и конными стрелками и наводили ужас на все народы, которые пытались им сопротивляться.

Одновременно со сказочными рассказами о чудовищах-кентаврах древние греки рассказывали также о необыкновенном народе, будто бы и состоявшем из одних женщин-воительниц, неустрашимо сражавшихся на быстроногих конях и тоже отличавшихся искусным метанием стрел; греки называли этих храбрых наездниц – амазонками.

Эти сказочные амазонки были также, можно думать, не кто иные, как наши доблестные прародительницы; они, как верные и предан-

ные жены и дочери, сопровождали своих мужей и отцов в их лихих набегах и принимали участие во всех кровавых боях, отважно сражаясь и бесстрашно умирая рядом с близкими себе людьми.

Перед тем, чтобы продолжать наше повествование дальше, необходимо сказать, что, по-видимому, славянами или словами, то есть говорящими, стали называть себя первоначально наши предки сами, обозначая этим именем все племена, говорящие на понятном друг для друга языке; немыми же, или немцами, славяне, в отличие от себя, первоначально называли все те народы, которые со славянами разговаривать, вследствие разницы языка, не могли. Название «славяне» долгое время употреблялось только исключительно среди славян же; обитатели же других стран называли их самыми различными наименованиями; из этих наименований весьма долго наиболее известным было наименование – скифы, так как именем скифов греки, по-видимому, уже с древнейших времен обозначали славянские племена.

Первые письменные сказания греческих

писателей о скифах относятся приблизительно ко времени за 800 лет до Рождества Христова. В сказаниях этих повествуется, что воинственные и храбрые скифы, появившись на берегах нынешнего Азовского моря и устьев Днепра, навели такой страх на прежних обитателей этих мест, носивших название киммериян, что те поспешно совершенно очистили занимаемые ими земли и без сопротивления бежали через Кавказ в Малую Азию.

Сведения эти ясно показывают, что уже с первых времен своего появления в Европе наши предки заявили себя храбрым и воинственным народом, который не замедлил предпринять ряд славных войн и походов.

Особенно прославились скифы своим далеким походом, предпринятым ими с огромным количеством всадников, около 630 года до Рождества Христова, от берегов Днепра и Дона через Кавказские горы, Армению, Персию и Малую Азию.

Поход этот продолжался 28 лет и доставил громкую известность его участникам. При своем движении скифы, гарцуя на легких ко-

нях и предавая все огню и мечу, наводили такой ужас на встречающиеся на пути народы, что многие из них, не вступая в бой, спешили откупаться богатыми дарами от грозных завоевателей. На своем победоносном пути скифы подчинили себе мидийского царя Киаксара и заставили его платить себе дань; затем они направились к Ассирии, и ассирийскому царю пришлось откупиться от них бесчисленными сокровищами своих дворцов. От Ассирии скифы повернули к западу, к богатым городам Финикии и проникли по морскому берегу в область Филистимскую.

Повернув вновь к северу, скифы, в полном блеске своей славы и нагруженные богатейшей добычей, возвращались по покоренным ими странам домой, в свои широкие степи – на Дон и Днепр.

Однако весьма немногие вернулись на родину; большинство же из них совершенно неожиданно для себя погибло, благодаря пагубной страсти скифов к вину, чем они отличались еще и в те древнейшие времена и чем, к несчастью, себя губят и их потомки – русский народ.

Зная непомерную жадность скифов к вину и способность напиваться им до полного бесчувствия, мидийский царь Киаксар, которого они покорили и заставили себе платить дань, приготовил для них при возвращении роскошное угощение и множество вина. Скифы перепились им, и, когда лежали после пиршества мертвецки пьяными, коварному Киаксару не стоило большого труда избить большую часть из них; только немногие ушли домой.

Сто лет спустя после описанного печального происшествия, в 530 году до Рождества Христова, страсть скифов к злополучному употреблению вина опять оказалась для них крайне пагубной.

Дело произошло следующим образом: Кир, царь Персидский, один из великих завоевателей Древнего мира, покорил себе царства – Мидийское, Ассирийское и все другие племена в Малой Азии; после этого, взяв славный город Вавилон, к великой радости иудеев, находившихся там в плену, которым он разрешил вернуться в Палестину, Кир решил идти на скифов, считавшихся непобедимыми, и направился на те скифские племена, которые

жили за рекой Аму-Дарьей, причем предварительно послал царице их Томириссе предложение выйти за него замуж. Умная Томирисса, уже немолодая женщина, поняла, конечно, что это был только предлог, чтобы завладеть ее владениями; поэтому она послала Киру отказ, но приказала ему объявить, что оба они отлично могут царствовать каждый в своей стране и не воевать друг с другом; если же Кир непременно хочет войны, то она на нее согласна и будет ожидать его в своих владениях.

Кир, зная неукротимое мужество и воинское искусство скифов и зная вместе с тем их непреодолимую страсть к вину, решил получить над ними успех не в открытом бою, а с помощью хитрости.

Для этого, вторгнувшись в скифскую страну, он собрал в своих войсках всех слабых и плохих воинов, которыми ему не жаль было пожертвовать, и двинул их вперед – в направлении скифов, причем приказал этому передовому отряду, по приходе на ночлег, приготовить множество всякой пищи и вина и так ожидать появления скифов. Это приказание

Кира было в точности исполнено. Вскоре появились перед персидским передовым отрядом скифы, под предводительством молодого сына царицы Томириссы. Они напали на этот отряд, без труда разбили его, а затем кинулись на приготовленную пищу и вино и предались необузданному разгулу и пьянству, без всяких мер предосторожности. Этим, конечно, воспользовался Кир. Он напал на беспечно бражничавших скифов, перебил громаднейшее их число и, кроме того, забрал великое множество их в плен, в том числе и молодого сына царицы Томириссы. Всего при этом было перебито и взято в плен около 150 тысяч скифов.

Узнав про это несчастье, Томирисса послала сказать Киру, что она просит его отпустить к ней ее сына, после чего она не будет мстить персам за предательское нападение на ее воинов, если персы удалятся домой. Но Кир и не думал исполнить ее желания; он только разрешил снять оковы с молодого сына царицы; тогда этот последний, от стыда и горя, что не оправдал доверия матери и был, благодаря своей страсти к вину, главной причиной ги-

бели стольких храбрых соотечественников, наложил на себя в отчаянии руки. Узнав про его смерть, Томирисса двинула все свои войска, которых было около 300 тысяч мужчин и 200 тысяч женщин, против персов.

Последовало одно из самых кровопролитнейших сражений, когда-либо происходивших в древние времена. Обе стороны дрались с величайшим упорством и ожесточением, и, наконец, скифы победили. При этом был убит Кир. Когда отыскали его тело, то скифская царица приказала отрубить его голову и бросить ее в кожаный мешок, наполненный человеческой кровью. При этом, обращаясь к голове Кира, она сказала: «Хотя я осталась в живых и одержала большую победу, но не радуется она меня; не искала я вражды с тобою, а ты пришел и коварством погубил моего юного сына. Ты всегда жаждал крови, так напейся же ею досыта в этом мешке, кровопийца».

Двадцать лет спустя после этого происшествия, в 510 году до Рождества Христова, один из преемников Кира, Дарий Первый, который, подобно Киру, был также одним из великих завоевателей Древнего мира, решил, что-

бы наказать скифов за смерть Кира, покорить их страну. Для этого он собрал в Малой Азии огромные полчища, переправил их в Европу через Босфор и двинулся к Дунаю. Здесь был выстроен большой постоянный мост; переведя по нему свои войска и поручив охрану моста союзным грекам, Дарий вступил в пределы нынешней Бессарабской и Херсонской губерний, не сомневаясь в скорой победе над многочисленными, но разрозненными скифскими племенами, тем более что между племенами этими царили раздоры и даже, несмотря на весть о приближении персов, более дальние племена не соглашались прийти на помощь тем, которые ближе всего находились на пути персов. Однако, несмотря на эти несогласия среди скифов, обстоятельства для Дария сложились так, как он менее всего ожидал.

Скифы, при вторжении его войска в пределы их земель, вышли ему навстречу, но затем боя не принимали, а, отправив своих детей и лишний скот далеко на север, постоянно отступали от персов к востоку, все время держась от них на один день пути впереди и вы-

жигая при своем отступлении весь подножный корм, так что персы, приходя на ночлег, постоянно терпели крайнюю нужду. Так продолжалось очень долгое время. Скифы отступили за Днепр, потом за Дон, повернули к Волге, а затем, обойдя персидское войско с севера, стали уже отступать на запад, все оставаясь недосыгаемыми для ударов Дария.

Так как это продолжалось долго и не предвиделось конца странствований, то Дарий послал всадника к одному из скифских царей, отступавшему перед ним, со следующей речью: «Зачем ты, чудак, все убегаешь, хотя можешь выбрать одно из двух: если ты полагаешь, что в силах противостать моему войску, остановись, не блуждай более и сражайся; если же ты чувствуешь себя слабее, то также приостанови свое бегство и ступай для переговоров ко мне, твоему владыке, с землею и водою в руках, в знак подданства и покорности».

В ответ на это скифский царь послал передать Дарию: «Вот я каков, перс. Никогда прежде я не убегал из страха ни от кого, не убегаю и от тебя, и теперь я не сделал ничего

нового сравнительно с тем, что обыкновенно делаю в мирное время. Почему я не тороплюсь сражаться с тобой, объясню тебе это. У нас нет городов, нет засаженных деревьями полей; нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены, нечего поэтому и торопиться вступать с вами в бой. Если вам крайне необходимо ускорить сражение, то вот: есть у нас гробницы предков, разыщите их; попробуйте разрушить – тогда узнаете, станем ли мы сражаться с вами из-за этих гробниц или нет. Раньше же мы не сразимся, раз это для нас невыгодно. Вместо земли и воды я пошлю тебе такие дары, какие приличны тебе, а за то, что ты называешь себя моим владыкой, я расплачусь с тобой». Таков был ответ, сообщенный Дарию, и остальные скифские цари пришли в негодование, узнав, что он заговорил с одним из них о порабощении.

Часть своих скифов, а именно племя храбрых савроматов, они отправили к Дунайскому мосту, чтобы уговорить стерегших его греков уничтожить этот мост, а другие, оставшиеся на месте, скифы решили нападать на персов каждый раз, как только те заняты будут

добыванием продовольствия.

Так скифы и поступали, подстерегая, когда персы выходили за сбором корма для людей и лошадей. Персидская конница всегда обращалась в бегство, как только виделадвигающуюся на нее скифскую и поспешно пряталась за свою пехоту. Скифы подскакивали к персидской пехоте, заставляли ее своим появлением изготавливаться к бою, а затем поворачивали назад и быстро исчезали из вида. Подобные нападения скифы производили не только днем, но и по ночам, и, держа постоянно в тревоге персов, сильно обессилили их, чем и поставили Дария в крайне затруднительное положение. Заметив это, скифские цари решили послать ему обещанные дары.

Они послали к нему глашатая с подарками, состоявшими из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел. Персы спрашивали посланца о значении подарков, но тот отвечал, что ему приказано только вручить дары и немедленно возвратиться; если же персы догадливы, то они и сами поймут, что означают эти подарки.

После этого персы стали совещаться. По

мнению Дария, скифы отдавались ему с землей и водой; заключал он так на том основании, что мышь водится в земле и питается тем же плодом земным, что и человек, лягушка живет в воде, птица наиболее походит на лошадь, а под видом стрел скифы передавали-де свою военную храбрость. Таково было мнение Дария. Но старший из его приближенных – Гобрива, мнение которого он чрезвычайно уважал, толковал смысл даров совершенно иначе, а именно: «Если вы, персы, не улетите, как птицы, в небеса, или, подобно мышам, не скроетесь в землю, или, подобно лягушкам, не ускачете в озера, то не вернетесь назад и падете под ударами этих стрел».

Вопрос, как понимать смысл и значение даров, оставался несколько дней нерешенным до следующего случая.

Как-то раз скифы появились в своем боевом строю перед войсками Дария. Дарий быстро выстроил все свои силы и приготовился вступить в решительный бой. В это время мимо скифов пробежал заяц, и скифы, все страстные охотники, с шумом и гамом бросились его травить, не обращая внимания на

находящуюся недалеко выстроенную и ожидающую боя персидскую армию. Когда в скифских войсках раздались шум и крики, Дарий спросил о причине такой тревоги среди неприятелей и, услышавши, что они гонятся за зайцем, обратился к постоянным собеседникам своим со следующим замечанием: «Люди эти смотрят на нас с большим пренебрежением; теперь для меня очевидно, что Гобрива верно истолковал смысл их подарков. Положение дел представляется мне таким же, как и для него, а потому следует хорошенько обдумать, каким образом обеспечить наше отступление».

Персы решили отступить ночью, разведя в своем стане, чтобы обмануть бдительность скифов, большие огни и оставя в нем всех вьючных ослов, которые своим ревом должны были также утверждать скифов в мысли, что персы не трогаются с места. На самом же деле они поспешно уходили к своему мосту на Дунай, бросив на произвол скифов всех своих больных и раненых.

Скифы преследовали персов до самого Дуная и едва-едва не захватили мост. Только с

большим трудом удалось персам уйти за Дунай, окончив так бесславно и неудачно этот поход, который Дарий начинал с большой самоуверенностью.

Подробности о походе Дария Первого в Россию сообщил в своих записках знаменитый грек Геродот.

Геродот родился в 484 году до Рождества Христова от богатых и высокообразованных родителей, которые дали ему отличное воспитание и оставили большие денежные средства; благодаря этим средствам он мог совершать путешествия по всем странам, известным древним грекам, и в 450 году до Рождества Христова посетил нынешнюю Южную Россию; по-видимому, он даже поднялся по Волге до того места, где ныне стоит Саратов. О своих путешествиях Геродот оставил замечательно любопытное сочинение. Его рассказы о наших предках – скифах дышат необыкновенной простотой и правдой и вместе с тем так живо изображают и природу страны, и людей с их нравами, обычаями и делами, что все это в действительности представляется, как будто сам живешь в то время в нашей

стране, с нашими прародителями. К сожалению, Геродот не был на нашем севере, а потому рассказывает о нем только с чужих слов – весьма темно и неопределенно; он также кратко и неопределенно говорит и о северных племенах, с которыми встретились славяне при своем расселении; однако из слов Геродота видно, что все это были народы финского племени – весь, меря, мурома, мордва, чуваша и другие, остатки которых встречаются и теперь на севере и северо-востоке России.

Что касается рассказов о юге России, который он посетил, то они очень точны и подробны.

Он рассказывает, что скифы по роду занятий делились на землепашцев и скотоводов. Землепашцы жили оседло по течению рек Днестра и Буга и по западному берегу Днепра до того места, где ныне стоит город Киев. Скифы же – скотоводы жили в степях, расстилающихся по югу России восточнее Днепра – вплоть до реки Донца. Несколько восточнее и севернее скотоводов жило особое скифское племя – царские скифы; они считались самыми знатными и благородными, а еще восточ-

нее, за Доном, жили так называемые савроматы; они были в высшей степени воинственны и ходили всегда на войну со своими женами, которые ловили врагов, ловко накидывая им на полном скаку аркан на шею; у савроматов девушка не могла выйти замуж раньше, чем не убьет врага; вследствие воинственности савроматских женщин у греков было поверье, что племя савроматов произошло от браков скифов с амазонками.

Все скифы жили родами и племенами, которые управлялись вождями или царями. Племена эти постоянно между собой враждовали и тем взаимно ослабляли друг друга. «Если бы они, – говорит Геродот, описывая одно скифское племя, сидевшее у Дуная в том месте, где ныне живут болгары, – имели общего повелителя, которому бы повиновались, то, по моему мнению, они были бы самым сильным народом из всех существующих на земле; но у них всегда такие раздоры между собой, что никогда не дойдут они до того, чтобы соединиться всем вместе и избрать одного общего властелина».

Скифы, занимавшиеся земледелием, вели

уже во времена Геродота обширную торговлю своим хлебом с чужими странами, преимущественно с греками; хлеб доставлялся скифами по течению рек, впадающих в Черное море, в больших ладьях или судах, совершенно так же, как и в наши времена. Особенно много шло хлеба по Днепру, который назывался тогда Борисфеном. Геродот описывает Днепр с большой любовью и говорит, что после Дуная это величайшая из рек; воды ее изобилуют всякого рода рыбой, а по берегам превосходные посевы и луга. Для покупки хлеба у скифов и вообще для всяких торговых оборотов греки имели в то время по северному побережью Черного моря ряд славных городов: Ольвию на нижнем Буге, близ соединения его с Днепром, верстах в сорока южнее нынешнего Николаева; Херсонес, или Корсунь, на южном берегу Крыма, рядом с нынешним Севастополем; Пантикапею – в проливе из Азовского моря в Черное, где теперь стоит Керчь, и Танаис – у устьев Дона, где в настоящее время расположен известный своей хлебной же торговлей Ростов-на-Дону. Из перечисленных городов особенно славились Ольвия и Пантика-

пея. В Пантикапее греки образовали даже одно время особое царство Боспорское, по имени пролива из Азовского моря в Черное, который прозывался Боспором Киммерийским.

Развалины этих славных древних греческих городов на нашем черноморском побережье существуют и поныне, и русские ученые произвели в них уже много подробных раскопок; благодаря раскопкам этим найдены остатки старых домов, площадей, целые кладбища с гробницами, монеты всякого рода и разных времен, домашняя утварь, кости животных, оружие, а также мраморные и медные доски с сохранившимися надписями; по всем этим предметам можно весьма ясно представить себе жизнь, которую вели в этих городах греки и посещавшие их для торгова скифы.

Кроме хлеба, в означенных городах велась также оживленная торговля и другими произведениями скифской земли: мехами, рыбою, воском, медом, лошадьми, а также рабами и рабынями, в которых обращались все взятые в плен неприятели; в большом спросе был и янтарь, ценившийся в Греции на вес

золота; он добывался на балтийском побережье, близ устьев Вислы, и попадал оттуда в черноморские города длинными речными путями и волоками; наконец, тут же шла бойкая торговля золотом и разными самоцветными камнями с Урала, для торговли которыми и пушным товаром из тогда совершенно дикого Пермского края и Сибири те же предприимчивые греки устроили на берегу Волги, несколько ниже нынешнего Саратова, также торговый город – Гелон.

Скифы, в свою очередь, покупали у греков тонкие ткани для своих одежд, превосходное греческое вино, перец, грецкие орехи и разные пряности; расписную посуду, богато оправленное оружие, а также драгоценные сосуды и различные украшения из золота и серебра, зачастую дорогой работы лучших греческих мастеров, как для себя и своих жен, так и для обделывания конских уборов, всегда дорогих их сердцу скифских лошадей.

Наиболее воинственными были кочевые скифы, жившие в широких степях у низовья Днепра и Дона, а также савроматы, жившие восточнее Дона. В двух местах близ устьев

этих рек, а именно в лесистой местности по восточному берегу Днепра, в так называемом Олешье, где ныне расположен среди плавней и зарослей город Алешки, и по низовьям Дона – всегда собирались ватаги молодых и жаждущих воинских приключений скифов; они постоянно производили, или на быстрых ладьях, или на резвых конях, воинственные набеги на соседние племена.

«Я не знаю, – говорит Геродот про этих степных удальцов-кочевников, – людей более мудрых, чем скифы. Никто из других народов не придумал то, что они: они изобрели складные шатры, которые быстро складывают на повозки, когда хотят избежать боя с противником, и таким образом уходят от него со всеми домочадцами и имуществом, так что, если не захотят, никогда не будут настигнуты врагом. Наоборот, если они хотят кого-нибудь принудить к бою, то никто не может уйти от скифов, благодаря их быстроногим коням и необыкновенно меткой стрельбе из луков! Военные обычаи скифов, – рассказывает далее Геродот, – были таковы: молодой скиф первый раз, как убьет врага, должен обяза-

тельно напиться его крови, а головы всех врагов, убитых в сражении, относятся к царю, потому что только те скифы получают свою долю при дележе неприятельской добычи, которые представили неприятельскую голову, причем доля эта увеличивается в зависимости от числа принесенных голов. С неприятельской головы скифы снимали кожу следующим образом: кругом головы около ушей делается надрез; потом голова берется в руки и вытряхивается из кожи; затем с кожи соскабливается бычачьим ребром мясо, и она вымывается в руках и делается совершенно мягкой; после этого она употребляется как утиральник, и скиф привешивает ее к уздечке той лошади, на которой ездит сам, и гордится этим. Тот, кто владеет наибольшим числом таких утиральников из кож с неприятельских голов, почитается доблестнейшим человеком. Многие скифы приготовляли себе из неприятельских человеческих кож плащи, в которые и одевались; для этого кожи сшивались вместе, как козьи шкурки. Многие скифы снимают также кожу с правых рук убитых врагов и готовят из этих кож колчаны

для своих стрел. Человеческая кожа, – применяет Геродот, – действительно толста и блестяща; блеском и белизной она превосходит почти все другие кожи. Наконец, многие скифы снимают кожу со всего трупа убитого врага, натягивают ее на палки и возят с собой на лошадях.

С головами врагов, не всех, впрочем, но ненавистнейших, скифы обращаются так: они отпиливают ту часть головы, что повыше бровей, и потом очищают череп изнутри; если скиф – человек бедный, он обтягивает череп снаружи сырой бычачьей кожей и в таком виде пользуется им; если же он богат, то, обтянувши кожей, покрывает череп внутри золотом и употребляет его вместо чаши. Поступают так скифы и с теми родственниками, с которыми входят в распрю, если царь, разобрав дело, выдаст их им головой. Когда приходят в гости лица, которым скиф хочет оказать особое внимание, то он выставляет черепа и подробно рассказывает, кому из его врагов или родственников они принадлежали, по каким поводам возникла вражда и каким образом он вышел из распри победителем.

Один раз в году каждый начальник в своем околотке приготовляет чашу вина, из которой пьют лишь те скифы, которые умертвили врагов; те же из них, за которыми нет таких подвигов, не вкушают этого вина и как обесчещенные садятся в стороне; это самый тяжкий позор для них. Напротив, если кто из скифов убил очень много врагов, тот получает две чаши и пьет вино из обеих разом».

Только богу войны Арею приносились человеческие жертвы – взятые в плен на войне неприятели; другим же богам в жертву приносились только животные. В честь Арея в каждом скифском племени воздвигали огромный холм из сухого хвороста, на котором водружался большой старинный железный меч.

«Этому-то мечу ежегодно, – рассказывает Геродот, – приносится в жертву рогатый скот и лошади, а сверх того, совершается еще и следующее: в честь него умерщвляется каждый сотый мужчина из всего числа взятых в плен врагов и умерщвляется не так, как скот, но иным образом: сделавши предварительно возлияние вином на головы людей, их режут

над особым сосудом; потом кровь убитых относят на холм из хвороста и льют ее на меч. Только кровь относится наверх; внизу у холма всем убитым людям отсекают правые плечи вместе с руками и бросают в воздух; покончив с принесением в жертву остальных животных, удаляются. Руки оставляют там, где упали, а трупы лежат отдельно.

Похороны скифских царей и вождей происходили, – рассказывает Геродот, – таким образом: после смерти тотчас же выкапывается большая четырехугольная могила; по изготовлении ее принимают за покойника и покрывают его тело воском, предварительно разрезав ему живот, который вычищают и наполняют шафраном, толченым ладаном, семенами сельдерея и аниса, а потом сшивают и везут в соседнее село или деревню. По прибытии тела жители в знак печали отрезают себе кончик уха, обстригают в круг волосы на голове, делают на своих руках нарезки, распарывают кожу на лбу и на носу, а левую руку прокалывают стрелами. Отсюда перевозят труп в другое подвластное село, причем жители первого селения сопровождают покойни-

ка. Объехавши таким образом все поселки, над которыми царь владычествовал, тело предается погребению в особой местности, где находятся царские усыпальницы. Здесь трупы хоронят в заранее вырытой могиле, на подстилке из листьев; по обеим сторонам трупа вбивают колья, сверху кладут брусья и все покрывают ивовыми прутьями. В остальной обширной части могилы хоронят одну из наложниц покойного, предварительно задушивши ее, а также виночерпия, повара, конюха, приближенного слугу, вестовщика, наконец, лошадей, первенцов всякого другого скота и золотые чаши; серебра и меди скифские вожди не употребляют. После этого все присутствующие устраивают большую земляную насыпь, прилагая особенное старание к тому, чтобы она вышла как можно больше.

По прошествии года скифы возвращаются на могилу и совершают следующее: из оставшихся слуг выбирают пятьдесят самых лучших, которые были особенно угодны покойнику; все эти отроки-слуги – природные скифы, так как царям чужеземные рабы не служат; выбирают также и пятьдесят наилучших

лошадей; затем удавливают как слуг, так и коней, вынимают из них внутренности, вычищают брюхо и, наполнивши его отрубьями, зашивают. Потом укрепляют на двух столбах половину колеса так, чтобы обод был обращен вниз и несколько наискось; против него совершенно так же располагают на двух столбах другую половину колеса. Заготовив вокруг могилы большое количество таких станков, вбивают после этого в удавленных и набитых отрубьями лошадей по толстому колу вдоль хребта, достигающему до самой шеи, и в таком виде их поднимают на обода от колес, причем на передних полукругах помещаются плечи лошадей, а на задних держатся туловища у самых бедер, так что обе пары ног свешиваются вниз, не доставая до земли; наконец, накидывают на лошадей уздечки и удила, тянут их вперед и прикрепляют к кольшкам. Удавленных же отроков сажают по одному верхом на коней следующим образом: в труп каждого юноши забивается вдоль спинного хребта прямой кол, достигающий до шеи; нижний выступающий конец его вбивается в пробуравленную дыру другого кола, то-

го, что проходит через лошадь; поставивши таких всадников вокруг могилы, скифы расходятся. Так хоронят они своих вождей».

Рассказы Геродота об этих похоронных обрядах скифов, несмотря на их необычность для нашего времени, совершенно справедливы и подтверждаются постоянно раскопкой курганов, в большом количестве разбросанных по югу России. Особенно много этих курганов по Днепру – близ порогов, в нынешней Екатеринославской губернии.

Курганы встречаются различной величины и вида и носят в народе различные названия, очень метко их изображающие. Так, одни называются острыми могилами, потому что имеют вершину, закругленную остро; другие – широкими могилами, по значительной разлогости своих боков; иные рябыми, когда ссыпаны две или три могилы рядом в одну, получившую от этого неправильный, продолговатый вид; если же могила насыпана продольно и правильно, как бы валом, то ей дают название долгой могилы. Два кургана одинаковой величины, стоящие рядом, называются близнецами. Из всех степных курганов

нов особенно замечательны могилы толстые. Этим именем народ обозначает курганы, которые, кроме значительной величины, имеют и особый вид, резко отличающий их от всех остальных. Это могилы с очень крутыми боками, которые, при обширности насыпи, действительно придают ей вид толстоты. Крутизна боков у толстых могил, как оказалось при расследовании, поддерживается окладом, сложенным на подошве кургана из больших нетесаных камней, которые были добываемы в речках и балках, удаленных иногда на значительное расстояние от насыпи.

Степные могилы малой и средней величины обыкновенно не заключают в себе богатых или особенно важных гробниц, но среди толстых могил найдены богатые царские погребения. Хотя почти все исследованные до сих пор учеными могилы были уже в неизвестные времена осматриваемы и разграблены неведомыми нам хищниками, однако в некоторых из них сохранилось достаточно всякого рода предметов, чтобы судить об условиях жизни тех лиц, которые в них по-

гребены. Иные из могил относятся к очень отдаленным временам, еще до прибытия в эти места славян. Многие могилы, наоборот, были насыпаны значительно позднее, чем жили скифы, описанные Геродотом, но тем не менее встречаются большие курганы и погребения, устроенные именно так, как описывает их Геродот. При разрытии этих курганов находились костяки главных лиц, в них похороненных, в истлевших одеждах, с положенным рядом оружием, а в головах с сосудами для пищи; иногда находят тут же золотые и серебряные украшения, которые носил покойный; обыкновенно рядом с ним имеется женский труп удушенной наложницы, также в истлевшей одежде, и часто с золотыми кольцами, браслетами и другими украшениями на руках; далее обнаруживаются мертвяки убитых вместе слуг и лошадей, сосуды разного рода, конская сбруя, запонки и различные бусы, бляшки, топоры, стрелы, луки, колчаны, наконечники копий, различные монеты – золотые, серебряные, медные, и прочее. Все вещи при раскопках тут же подробно описываются, причем указывается, где и когда каж-

дая найдена; затем разбитые сосуды при возможности тщательно склеиваются, и все отправляется в особые хранилища, из которых главное находится в городе Санкт-Петербурге, рядом с Зимним дворцом, в Императорском Эрмитаже.

Предметы, найденные в скифских могилах, позволяют с большими подробностями восстановить картину нравов тех лиц, кои в них похоронены. Особенно интересны различного рода сосуды и металлические вещи, на которых изображены рисунки из жизни самих скифов. Рисунки эти большею частью сделаны по заказу скифов превосходными греческими мастерами и обыкновенно поражают своей тонкой работой; но встречаются и изделия с рисунками погрубее.

Из рассмотрения рисунков на найденных предметах в наших курганах мы видим, что Геродот замечательно правдиво описывал скифские нравы и обычаи.

В этих нравах и обычаях нас, конечно, больше всего поражает необыкновенная кровожадность и жестокость наших древних предков. Сдирание кожи с трупов врагов, об-

делка черепов родственников, с которыми поспорились, в чаши для вина, наконец, удушение стольких преданных слуг на могиле вождей – все это не может не поражать нас.

Но надо всегда помнить время, в которое жили наши предки; надо помнить, что это было за несколько столетий до рождения Иисуса Христа, который явился, именно чтобы спасти этот жестокий языческий мир, погрязший в потоках крови, и просветить его Своею проповедью любви к ближнему.

В описываемое же время никто о возможности подобной любви к ближнему даже и не подозревал; к тому же если прародители наши и были жестоки к своим врагам, то только потому, что они знали, что и с ними, в случае беды, эти враги поступят точно так же, если еще не хуже. Надо не забывать, что все войны велись тогда с беспощадной жестокостью.

Греки, самые просвещенные из всех тогдашних обитателей Древнего мира, вступили между собою, вскоре после путешествия Геродота в Скифию, в большую братоубийственную войну, продолжавшуюся двадцать семь лет, причем доходили в обращении с по-

бежденными греками же до ужасающих зверств; часто случалось, что, торжественно обещав жителям какого-нибудь осажденного города жизнь и свободу, если те сдадутся, они не затруднялись тотчас же нарушить это слово и предавали доверчивых противников самому безжалостному поголовному избиению, не щадя ни женщин, ни грудных детей.

Еще большей жестокостью и беспощадностью отличались знаменитые римляне; много столетий спустя после описанных Геродотом времен, когда христианская проповедь проникла в Рим, они именно отличались крайним изуверством по отношению к беззащитным христианам и всенародно подвергали их мучительным истязаниям или отдавали на растерзание диким зверям; известно, что римляне водружали христиан на высокие шесты, обмазывали смолой, потом зажигали их, и при пламени таких светочей устраивали веселые ночные пиршества.

Вообще у римлян крайняя жестокость уживалась вместе с утонченной роскошью. Римские императоры и знатные римляне большую часть своего времени проводили в

великолепных загородных дворцах, предаваясь там всяким излишествам и истязая при этом беспощадно своих рабов.

Поэтому скифы вовсе не были более жестоки, чем другие.

Если они заставляли своих молодых воинов напиться крови первого убитого ими врага, то это делалось, конечно, только затем, чтобы дать своей молодежи воинскую закалку, между тем соседи скифов – финские племена, жившие рядом с ними на севере России, были во времена Геродота еще настоящими людоедами, причем не гнушались даже поедать тела своих покойных родителей.

Наконец, обсуждая погребальные обычаи скифов, когда на могилах царей или вождей лишалось жизни столько преданных им людей, надо всегда помнить, что наши предки глубоко верили в бессмертие души, но по грубости своей языческой религии полагали, что с покойниками необходимо отправлять на тот свет, чтобы им не было одним скучно, и всех самых близких людей, а также и любимых лошадей. Только поэтому и убивалось столько народу при погребении вождей. При

этом также надо помнить, что для самих убиваемых слуг смерть эта считалась самой почетной, и многие шли на нее с радостью. Это была истинная преданность своим повелителям «на живот и на смерть». Благодаря этой беспредельной преданности своим вождям древние славяне и одерживали столько славных побед и поэтому считались непобедимыми.

Сам Геродот очень высоко ставил скифов среди остальных народов за их душевное благородство, разум, отвагу, искусное ведение сельского хозяйства и отличное понимание военного дела. Он называл их справедливейшими. Кроме сего, Геродот ставил также скифам в большую заслугу, что хотя они и были ласковы к чужестранцам, но ничего у них не перенимали, а крепко держались своих родных обычаев и старины.

Главные упреки, которые Геродот делает скифам, – это пагубная для самих же скифов страсть к раздорам между собой и столь же пагубная невоздержанность в употреблении вина. Необузданное пьянство скифов всегда сильно поражало трезвых греков, обыкновенно-

но пивших только разбавленное водою вино; у греков даже вошло в обычай говорить, если кто-либо хотел выпить лишнее: «налей-ка мне вина по-скифски» или «ну-ка, подскифь», и тогда виночерпий наливал чистого, неразбавленного вина.

Особенно уважались скифы за их беспредельную преданность близким себе людям, как вождям и родным, так и тем, с кем они побратались.

Обычаи эти у северных инородческих обитателей России сохранились вплоть до московских царей, которые строго приказывали следить за ними своим воеводам и выводить эти «прелести».

Вот один из многих рассказов о том, что значила среди скифов дружба и братство.

Однажды двое скифов, Дандамид и Амизок, побратались между собой. На четвертый день после того, как они вместе пили кровь друг друга, внезапно пришло в их землю другое скифское же племя – савроматы, и так как никто нападения не ожидал, то савроматы перебили многих воинов, многих увели живыми и разграбили дотла жителей. В числе

пленных был и Амизок. Когда его уводили, он крикнул друга и напомнил ему кровь и кубок. Услышав это, Дандамид прямо поскакал на глазах у всех к врагам. Савроматы, подняв копья, двинулись на него, чтобы пронзить его, но он крикнул: «Зирин». Если кто произносил это слово, то савроматы не убивали его, но принимали, как явившегося для выкупа пленных. Когда привели его к вождю, он попросил выдачи друга; тот потребовал выкупа, говоря, что не выпустит, не получив большого выкупа. Дандамид сказал: «Что я имел, все расхищено вами, а что я, не имея ничего, могу дать в выкуп, охотно предоставляю вам; приказывай, чего бы ни пожелал. Если же хочешь, то делай со мной то же, что с моим другом!» Савромат отвечал: «Мне не надо всего тебя, да еще пришедшего со словом «зирин». Уводи друга взамен одного из членов твоего тела».

Дандамид спросил, что он хочет взять; тот потребовал обоих глаз, и Дандамид тотчас предоставил вырезать их. Когда их вырезали и савроматы получили такой выкуп, он, взяв Амизока, пошел назад, опираясь на него; за-

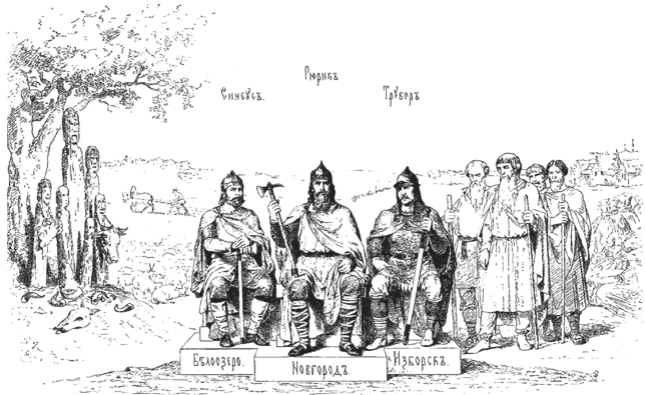
тем они спаслись к своим. После этого савроматы восхваляли скифское племя, на которое напали, и находили, что они не побеждены, так как не лишились лучшего сокровища – хорошего ума и верности друзьям.

Мало того, савроматы были так напуганы этим событием, что ночью совсем ушли. Амирок же, чтобы не отставать от друга, ослепил себя сам, и оба жили в большом почете, поддерживаемые скифской общиной.

Глава 2

Сведения о Русской земле у писателей после Геродота. Путешествие святого апостола Андрея Первозванного. Походы предков славян против Римской империи. Готы. Гунны объединяют восточных славян. Аттила. Раздоры славян между собой. Нашествие аваров. Русь во время хазарского ига. Призвание князей

После Геродота никто из писателей не оставил такого подробного и правдивого описания Русской земли, как он, вплоть до первого русского летописца, которым обыкновенно считают преподобного Нестора, инока Киево-Печерского монастыря, жившего в одина-

дцатом столетии после Рождества Христова, стало быть, спустя более полутора тысяч лет после Геродота.

Все писатели, которые говорили за эти полторы тысячи лет о наших предках, упоминали о них главным образом только в тех случаях, когда описывали войны, в которых принимали участие славянские племена. Однако, так как славяне были народом воинственным, а войны происходили в разных концах земли непрерывно, то мы и можем найти довольно часто у писателей того или другого народа сведения о наших предках.

Из этих сведений мы видим, что славянские племена всегда и при всех обстоятельствах сохраняли за собою славу бесстрашных и искусных воителей и высококчественных людей.

Вот мнения некоторых писателей, позднейших Геродота, о тогдашних обитателях Русской земли.

«Правосудие у них было запечатлено в умах, – говорил один из этих писателей, – а не в законах; воровство редко и считалось важнее всяких преступлений. Золото и серебро они столько же презирали, сколько прочие смертные желали его».

«Они превосходные воины, потому что военное дело становится у них суровой наукой во всех мелочах. Высшее счастье в их глазах погибнуть в битве. Умереть от старости или от какого-либо случая – это позор, унижительнее которого ничего не может быть. Они вообще красивы и рослы; волосы их отливают в русый цвет. Взгляд у них скорее воинственный, чем свирепый».

«Племена славян, – пишет другой писатель, – ведут образ жизни одинаковый, имеют

одинаковые нравы, любят свободу и не выносят рабства. Они особенно храбры и мужественны в своей стране и способны ко всяким трудам и лишениям. Они легко переносят жар и холод и наготу тела, и всевозможные неудобства и недостатки. Очень ласковы к чужестранцам, о безопасности которых заботятся больше всего: провожают их от места до места и поставляют себе священным законом, что сосед должен мстить соседу и идти на него войной, если тот, по своей беспечности, вместо охраны допустит какой-либо случай, где чужеземец потерпит несчастье».

Чтобы угостить гостя, бедным людям разрешалось даже украсть, хотя воровство и было самым важным преступлением.

«Пленники у славян не так, как у прочих народов, не всегда остаются в рабстве; они определяют им известное время, после которого, внеся выкуп, те вольны или возвратиться в отечество, или остаться у них друзьями и свободными. Часто делают набеги, нечаянные нападения и различные хитрости днем и ночью и, так сказать, играют войной».

«Величайшее их искусство состоит в том,

что они умеют прятаться в реках под водой. Никто другой не может так долго оставаться в воде, как они. Часто, застигнутые неприятелем, они лежат очень долго на дне и дышат с помощью длинных тростниковых трубок, коих одно отверстие берут в рот, а другое высовывают на поверхность воды и, таким образом, укрываются неприметно в глубине. Кто даже приметит эти трубки, тот, не зная такой хитрости, сочтет их самородными. Опытные узнают их по отрезку или по положению и тогда или придавливают их ко рту, или выдергивают и тем заставляют хитреца всплыть наверх. Славяне никакой власти не терпят и друг к другу питают ненависть».

В Риме до сих пор стоит огромный столп или колонна, высеченная из камня в честь императора Траяна, жившего в конце I и начале II века по Рождеству Христову и считавшего своим славнейшим подвигом покорение племени даков, обитавших на Балканском полуострове. На Траяновой колонне изображены различные случаи из борьбы римлян с даками, и изображения эти ясно показывают, какими храбрецами были даки и каких

огромных трудов стоило могущественному Римскому государству и его закаленным в боях воинам победить сравнительно небольшое племя.

Величайшим источником всех несчастий предков славян являлись их постоянные раздоры между собой. Каждый раз, когда славяне соединялись для какого-либо общего дела вместе, они тотчас же делались грозными и непобедимыми и легко приводили под свою руку тех, кого хотели покорить. Но как только начиналась у славян междоусобица – они сейчас же начинали ослабевать, и этим искусно пользовались их враги, стараясь всеми мерами раздуть еще больше взаимную их вражду между собой.

Сто лет спустя после того, как Геродот составил описание своих замечательных путешествий в Скифскую землю, Александр Македонский, величайший из завоевателей всех времен, который за свою недолгую жизнь (умер 31 года) покорил всю Грецию, Малую Азию, Египет, Персию, Вавилон и часть Индии, причем особенно прославился своими знаменитыми битвами с могущественным

персидским царем Дарием Третьим, дважды ходил также против скифов; первый раз, около 335 года до Рождества Христова, против племен, обитавших к северу от Дуная, причем он сжег их главный город, а второй раз, в 328 году до Рождества Христова, против скифов, живших к северу от Аму-Дарьи.

Последний поход окончился неожиданно: Александр, до сей поры совершенно равнодушный к девичьей красоте, был сразу покорен, как только увидал дочь одного из скифских царей – Роксану, и тотчас же женился на ней, а с отцом ее заключил союз. По поручению Александра Македонского один из его морских военачальников обследовал в те времена Каспийское море и первый представил сведения о том, что, поднявшись по Волге, возможно, идя по ее притокам, перевалить к рекам, впадающим в Балтийское море.

После Александра скифы воевали не раз с македонскими царями, и в 293 году до Рождества Христова живьем захватили в степях близ Днестра одного их царя, Лизимаха, со всем его воинством.

Незадолго до тех времен, когда надлежало

родиться на свет Господу нашему Иисусу Христу, владычество почти над всем Древним миром перешло, как уже было указано раньше, в руки знаменитых римлян.

Одним из сильнейших их врагов был малоазийский царь Митридат Великий, живший от 121 до 64 года до Рождества Христова. Он владел, между прочим, и греческим Боспорским царством, лежавшим на берегах Азовского моря и Керченского пролива. Этот царь Митридат долго воевал с соседними скифскими племенами, которым и нанес наконец жесточайшее поражение, после чего заключил со всеми ними мир и союз, с целью двинуть соединенные их силы против ненавистного ему Рима. Кроме значительного количества сухопутных войск из всех союзных ему славянских племен, Митридат поднял на Рим и всех побережных жителей Черного моря на их ладьях. Затем он содержал на жалованье морских разбойников и образовал из них такую разбойничью силу, с которой римляне могли еле сладить.

Митридат очень гордился своей победой над скифами. «Из смертных я один покорил

Скифию, – говорил он, – ту Скифию, мимо которой прежде никто не мог ни безопасно пройти, ни приблизиться к ней. Два царя – Дарий Персидский и Филипп Македонский осмелились было не покорить, а только войти в Скифию и с позором бежали оттуда, откуда нам прислано теперь великое количество войска против римлян».

После поражения Митридатом скифов, слава непобедимых воинов перешла к соседнему племени, жившему по левому берегу Дона, к савроматам, как называл Геродот, или сарматам, как их называли римляне, а также и к другому славянскому племени, жившему севернее их, к роксоланам. Мало-помалу имя сарматов, благодаря ряду их доблестных подвигов, сделалось общим именем для всех славянских племен, обитавших Русскую землю, и она сама прозывалась одно время Сарматией.

Сарматы особенно отличались быстротой и внезапностью своих набегов; их женщины имели такое же участие в государственных и военных делах, как и мужчины. «Амага, – рассказывал один греческий писатель, – жена

сарматского царя, жившего на берегу Черного моря, видя невоздержанность своего мужа в еде и питье, сама творила суд, сама и расставляла сторожевые отряды, и отражала набеги врагов, и сражалась в союзе с соседними племенами, и слава ее была громка у всех скифов. Однажды она поссорилась с одним скифским царем за то, что он обижал херсонесцев, которых она взяла под свою защиту. Царица послала сперва приказание не трогать херсонесцев, но когда скифский царь презрел ее волю, то, собрав 120 человек, крепчайших душой и телом, и дав каждому по три лошади, дабы иметь всегда две в заводу, она проскакала в одни сутки равно 200 верст и, внезапно напав на царский дворец, перебила всех привратников. Скифы, пораженные внезапным набегом, думали, что пришло не столько, сколько они видят, а гораздо больше, и растерялись, а царица быстро вторгнулась со своим отрядом во дворец, где был царь, и убила его и всех приближенных, а владения его отдала херсонесцам».

Страна наша не оставалась без евангельской проповеди в первые же годы после вос-

кресения Христова. Во время своего третьего путешествия апостол Андрей Первозванный, следуя по восточному берегу Черного моря, после проповеди кавказским горцам, посетил города Керчь, Феодосию и Корсунь, откуда отплыл вверх по Днепру и, прибыв в ненаселенные тогда горы у Киева, водрузил крест, сказав своим ученикам: «Видите ли горы сии; на горах этих воссияет благодать Божия, и будет большой город, и много церквей будет воздвигнуто здесь по изволению Божьему».

Основанная апостолом Андреем церковь верующих в городе Корсуни вскоре подверглась сильным гонениям, и римляне сделали этот город местом ссылки христиан. Так, сюда была сослана, в первом же веке после Рождества Христова, племянница римских императоров Тита и Домициана, Флавия Домитилла, христианка, и долго содержалась в заключении, а при императоре Траяне – и римский епископ святой Климент, который должен был исполнять тяжелые работы в каменоломнях. Святой Климент усердно насаждал христианство в Корсуни и основал до 75 церквей, вследствие чего, по повелению из Рима, был

схвачен, отвезен за две версты от города в море и брошен в воду с железным якорем на шее, чтобы христиане не могли достать его мощей. Но мощи эти были обреты и перевезены в Рим, – в IX веке после Рождества Христова, – святым Кириллом Философом; часть же этих мощей осталась в Корсуні и была взята в Киев святым Владимиром после своего крещения.

За пределами Корсуні в нашей стране проповедь святого апостола Андрея не принесла заметных плодов; слишком грубы еще были наши нравы, и только отдельные личности могли воспринять божественные истины учения Христа.

Митридат Великий научил предков славянских племен ходить на римские границы; после Рождества Христова как отдельные племена славян, так и соединенные по нескольку вместе начинают часто тревожить эти границы, тем более что одно время они очень близко подходили к нашим южнорусским степям, так как римские владения в I веке после Рождества Христова захватывали уже и греческий город Ольвию, близ нынеш-

него Николаева. Укротить римлянам славян было очень трудно, по той причине, что государств у них не было; жили они особыми племенами и дружинами, каждый сам по себе; ни союзов, ни договоров заключать было не с кем; никто за другого не отвечал, а всякий, выждав случай и собравшись с силами, действовал по своему рассуждению и без малейшего повода бросался в римские земли.

Поэтому римляне признали нужным откупаться от славян и в 69 году после Рождества Христова уже содержали на жалованье старшин некоторых славянских племен, обитавших в Русской земле, то есть попросту платили этим старшинам дань.

Особенно неприятны были для римлян пограничные славянские племена, когда они предварительно соединялись вместе и затем уже совершали свои нашествия. Из таких нашествий самым грозным было нашествие при императоре Марке Аврелии, продолжавшееся целых четырнадцать лет, от 166 до 180 года по Рождестве Христове; в нашествии этом принимали участие не только соединенные славянские племена, но также и герман-

ские народы, причем после усмирения германцев римляне долго еще продолжали войну со славянами; среди этих славян особенно прославились два племени, жившие в России: роксоланы и языги.

Война с ними велась римлянами с большим ожесточением, и очень много народу погибло с обеих сторон. Спустя много лет после войны языги возвратили Риму 100 тысяч римских пленнх.

Римляне же такого количества пленнх возвратить не могли, так как они поступали обыкновенно со своими военнопленными следующим бесчеловечным образом: в Риме было построено огромное здание, совершенно круглое, вокруг большой площади; в нем могло помещаться сразу до 100 тысяч человек. Сюда постоянно собирались обитатели Рима для своих развлечений, которые заключались в том, что христианских мучеников травили на площади дикими зверями, а также и в том, что на площадь пригонялись римские пленники, каждый со своим оружием; затем их разводили по площади и заставляли сражаться друг против друга, по-

одиначке или целыми отрядами, каждого по обычаям своей страны, до тех пор, пока они себя взаимно не уничтожали. В Риме до настоящих дней сохранились развалины этого огромного здания, называвшегося Колизеем. Сохранилось также и высеченное в те времена из дорогого камня изображение такого умирающего пленника после боя, веденного им для потехи развратной и жадной до крови римской толпы. Взглянув на это изображение, мы легко можем узнать в нем своего брата славянина: у умирающего совершенно те же черты лица, какие мы постоянно встречаем у русских людей; надета у него на шею и гривна, которые так любили носить наши предки.

Описанная четырнадцатилетняя война Рима с предками славян, прозванная Сарматской, послужила как бы военной школой для всех пограничных Риму народов. Она научила эти народы подниматься на римские области не в одиночку, а целыми союзами. Славяне производили при этом свои нападения как сухим путем, так и водою; собираясь на своих ладьях у устьев Днепра и Дона, они смело пус-

кались на них в море и доходили не только до Византии и Малой Азии, но достигли и до самых Афин и Рима.

Все эти походы не могли не беспокоить сильный Рим, и, чтобы избавиться от этих постоянных нашествий, римские императоры стали употреблять все усилия, чтобы ссорить между собою различные племена и этим отвлекать их от своей столицы. Этот способ действий так и назывался у римлян: «разделять и властвовать». Особенно это разделение своих противников удалось императору Диоклетиану, царствовавшему в начале IV века после Рождества Христова и оставившему по себе память жестокого гонителя христиан. Диоклетиан сумел натравить германские племена, которые носили общее имя готов, на славян, после чего они и славяне оставили Рим в покое и стали в течение долгих лет ожесточенно истреблять друг друга.

Эта вражда готов и славян продолжалась и во время царствования святого Константина равноапостольного, первого из императоров, принявшего святое крещение и много способствовавшего со своей супругой равноапо-

стольной царицей Еленой к распространению Христовой веры. При нем, в 321 году, славянские удальцы с низовьев Дона и берегов Азовского моря пришли на судах на Дунай и осадили какой-то город, так что сам император должен был поспешить к нему на защиту и отразить нападающих.

Когда в 332 году готы стали слишком нападать на славян, живущих в Русской земле, то они обратились к святому Константину с просьбой помочь им, и император укротил готов и приказал противникам помириться. Однако мир этот не понравился славянам, и они стали опустошать земли святого Константина, теперешние Сербию и Болгарию. Тогда император усмирил их и принудил к миру.

После кончины святого Константина вражда между готами и славянами вспыхнула опять с новой силой, и готы стали забирать верх, особенно когда они объединились под рукой их героя-завоевателя – Германриха. Германрих со своими соединенными силами начал сильно теснить своих противников; он перешел Днепр, подчиняя себе по пути встречающиеся славянские племена, и доходил да-

же до Дона.

Но гнет чужестранцев скоро стал невмочь нашим свободолюбивым предкам, и все тогдашние обитатели Русской земли стали подниматься на общего врага.

Первыми поднялись храбрые обитатели низовьев Дона и Днепра; они двинулись под именем гуннов против Германриха, присоединяя к себе по мере движения вперед и все подвластные готам славянские племена.

Когда до Германриха дошла весть о движении гуннов, то на готов напал страх и они стали держать со своим королем совет, что делать. В это время роксаланы, которые перед тем были покорены готами, услышав о приближении гуннов, передались на их сторону; при этом и один из вождей роксаланов, бывший при Германрихе, так же точно покинул его, оставив, однако, во власти короля свою жену – Сонильду. Рассвирепевший Германрих приказал, за бегство мужа, казнить несчастную Сонильду; ее привязали к диким лошадям, и она была растерзана на части. Двое из ее родственников, мстя за смерть неповинной женщины, поразили Германриха мечом

в бок. После этого он влачил еще некоторое время жизнь, но однажды был захвачен врасплох гуннами и после долгой битвы, видя всю безуспешность ее, в отчаянии и страхе от неминуемой гибели, сам лишил себя жизни, кинувшись на свой меч. Он умер ста десяти лет от роду. После Германриха долго вел войну с гуннами храбрый готский король Винитар. Сначала он был побежден гуннами, но затем захватил одного из их князей – Богша и, чтобы навести ужас на врагов, распял его вместе с сыновьями и 70 старейшинами на крестах. После этого Винитар спокойно царствовал целый год, до тех пор, пока повелитель гуннов Валамир, собрав сильную рать, не двинулся против него.

Две битвы были выиграны Винитаром, и невозможно себе представить ту ужасную резню, которую он произвел в войске гуннов. В третий раз полки сошлись на реке Прут. Здесь Винитар погиб от стрелы, которую ему пустил в голову сам Валамир. После этого Валамир взял себе в жены Валадамарку, племянницу Винитара, а готский народ без сопротивления покорился гуннам.

Так опять, соединившись вместе под рукою храброго и искусного вождя Валамира, снова входят в силу и славу славянские племена, обитавшие нашу Родину, – на этот раз под новым общим именем гуннов. По всем немецким, или, как тогда называли, готским, областям разнесся слух о появлении неведомого диковинного народа, который то как вихрь спускался с высоких гор, то будто вырастал из земли и все, что ни попадалось на пути, опрокидывал и разрушал.

Особенно стали грозны гунны, когда над ними, около 444 года, воцарился Аттіла. К этому времени, бывшая столько веков единой, Римская империя была уже разделена надвое: разделение это произошло в 395 году, когда скончался один из преемников императора Константина равноапостольного – Феодосий Великий и передал Римскую империю своим двум сыновьям, разделив ее на две – Восточную и Западную империи. С той поры западные императоры проживали в Риме, а восточные – в городе Константинополе, или Византии, который славяне называли Царьградом.

Само собой разумеется, что это разделение бывшей столько веков крепкой Римской державы вскоре же повело к раздору между собой правителей ее обеих половин, а вследствие этого и к их взаимному ослаблению. Ослабление это проявилось особенно сильно, когда Аттила стал во главе гуннов. По просьбе западного императора он сперва стал поддерживать его против восточного, но затем сам поссорился с первым и вступил с ним в борьбу.

Готы, которых окончательно покорил Аттила, прозвали его Божьим Бичом и в своих описаниях выставляли как его самого, так и славных гуннов какими-то чудовищами, вроде того, как древние греки выставляли наших предков – кентаврами и амазонками. Эти готские писатели повествовали, что гунны вышли с берегов Азовского моря и устьев Дона и произошли от браков ведьм с нечистыми духами.

«Они, – рассказывали готы про гуннов, – когда рождаются у них дети мужского пола, то изрезают им щеки, чтобы уничтожить всякий зародыш волоса. Однако у всех у них ко-

ренастый стан, члены сильные, шея толстая, голова огромная. Скорее это двуногие животные, а не люди, или каменные столбы, грубо вытесанные в образе человека; на своих лошадях, нескладных, но крепких, они точно прикованы и справляют на них всякого рода дела. Начиная битву, они разделяются на отряды и, поднимая ужасный крик, бросаются на врага. Рассыпавшись или соединившись, они и нападают и отступают с быстротой молнии. Но вот что особенно делает их наипугающими воинами на свете – это, во-первых, их меткие удары стрелами хотя бы и на далеком расстоянии, а во-вторых, когда в схватке один на один дерутся мечами, они с необыкновенной ловкостью в одно мгновение накидывают на врага ремень и тем лишают его всякого движения.

Они не больше зверей понимают, что честно и что бесчестно. Самый разговор они ведут двусмысленно и загадочно. Язык их едва напоминает человеческий язык».

Так описывали готы своих лютых врагов – гуннов.

Если из этого описания мы откинем все,

что прибавлено готской озлобленностью, то увидим в гуннах прямых потомков наших удалых предков, изгнавших гордого персидского царя Дария из наших черноморских степей. А что у предков наших бывало порой в обычае брить бороду и даже голову, оставляя на ней только одну чупрыну, так этим были известны и славные запорожские казаки; да и теперь еще среди донского казачества многие бреют себе бороду.

Греческие писатели, жившие в том же веке, описывают гуннов совершенно иначе, чем готские летописцы. Из описаний этих греческих писателей легко увидеть, что гунны были прямые потомки скифов, а Аттила – мудрейшим государем и искуснейшим воинским вождем. Он строго наблюдал за правосудием и не терпел притеснений народа чиновниками, а потому неудивительно, что греки и римляне, в особенности промышленники и искусные мастера, тысячами переходили к Аттиле.

Послушаем одного из таких греческих писателей-очевидцев, который сам ездил к страшным гуннам, сам видел Аттилу и на-

блюдал, как живет этот могучий человек. Очевидец этот – грек Приск, секретарь посольства, которое послал к Аттиле византийский император в 448 году.

Причина, почему было послано посольство, следующая: когда гунны заключили мир с греками, предварительно нанеся им тяжелое поражение, то Аттила строго потребовал, чтобы ему возвратили всех его перебежчиков; кроме того, он потребовал уплаты огромной дани и чтобы торжища на греческой земле между греками и приезжающими в нее гуннами происходили на равных правах и без всякого опасения для гуннов.

Греки на все эти условия согласились, но медлили затем в выдаче некоторых знатных гуннских перебежчиков и наложенной дани, которая была так тяжела, что даже богатые греки выставляли на продажу уборы жен и свои пожитки.

Настаивая на выдаче своих перебежчиков и правильной уплате дани, Аттила постоянно посылал в Византию послов, причем кому из своих любимцев хотел сделать добро, того и отправлял послом, так как послов по обычаю

богато дарили.

В 448 году в Византию прибыл опять посол Аттилы. То был Эдикон, скиф, отличавшийся великими военными подвигами.

Аттила послал к императору грамоту, в которой жаловался, что ему не выдают перебежчиков, и грозил войной. На этот раз греки ухитрились войти в тайные сношения с послом Эдиконом и предложили, что осыпят его золотом, если он изведет Аттилу. Эдикон согласился, и для этого дела с ним же было отправлено от императора посольство, в котором находился и Приск; все нити заговора были в руках грека Вигилы, одного из членов посольства; сам же греческий посол и его секретарь Приск ничего не знали о заговоре.

Прибыв к берегам Дуная, греческое посольство встретилось с гуннами, среди которых был и Аттила, развлекавшийся здесь охотой. На другой день по прибытии посольство пожелало представиться Аттиле, но Аттила уже знал о заговоре на его жизнь (вероятно, верный Эдикон предупредил его) и приказал грекам тотчас же убираться домой, если они не скажут главной цели своего посольства. Вви-

ду этого посол, все не зная о заговоре, собрался уже уезжать, как на другой день Аттила, которому объяснили, что посол в этом деле ни при чем, объявил, что он примет посольство.

«Мы вошли, — описывает этот прием Приск, — в шатер Аттилы, охраняемый многочисленной стражей. Аттила сидел на деревянной скамье. Мы стали несколько поодаль, а посол, подойдя, приветствовал его. Он вручил ему царскую грамоту и сказал, что император желает здоровья ему и всем его домашним. Аттила отвечал: «Пусть и грекам будет то, чего они мне желают». Затем Аттила обратился вдруг свою речь к Вигиле, не показывая, однако, вида, что ему что-либо известно о заговоре; он назвал его бесстыдным животным за то, что тот решился приехать к нему, пока не выданы еще все гуннские перебежчики. Вигила отвечал, что у них нет ни одного беглого из скифского народа, все выданы. Аттила утверждал, что он византийцам не верит, что за наглость слов Вигилы он посадил бы его на кол и отдал бы на съедение птицам и не делает этого только потому, что уважает права по-

сольства».

После такого приема Вигила с гунном Ислою был отправлен к императору в Византию, будто бы собирать беглых, а на самом деле за тем золотом, которое было обещано Эдикону.

Послы же и Приск отправились следом за Аттилой дальше к северу, причем по дороге он заехал в одно селение, в котором женился на молодой девушке. Аттила имел много жен, но хотел жениться и на этой девушке, согласно с обычаем скифским.

«Наконец, переехав через некоторые реки, – продолжает Приск, – мы прибыли в одно огромное селение, в котором был дворец Аттилы. Этот дворец, уверяли нас, был великолепнее всех дворцов, какие имел Аттила в других местах: он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянною оградю, более служащей к украшению, нежели к защите. Недалеко от ограды была большая баня, построенная Онигисием, имевшим после Аттилы величайшую силу между скифами. При въезде в селение Аттила был встречен девами, которые шли ряда-

ми под тонкими большими покрывалами. Эти девы, приветствуя Аттилу, пели скифские песни.

Когда Аттила был подле дома Онигисия, мимо которого пролежала дорога, ведущая к царскому дому, супруга Онигисия вышла из дома со многими служителями, из которых одни несли кушанье, а другие вино. Это у скифов было отличнейшее уважение. Они приветствовали Аттилу и просили его вкушать того, что ему подносят в изъявлении своего почтения. В угодность жене своего любимца Аттилы, сидя на коне, ел кушанья из серебряного блюда, высоко поднятого служителями».

Выпив вина, поднесенного ему слугами, он поехал в царский дом, который был выше других и построен на возвышении.

На рассвете следующего дня Приск отправился к Онигисию с дарами и чтобы узнать, как будут вестись переговоры с послами.

Ожидая у ворот Онигисиева дома, пока тот примет его, Приск увидел человека, судя по одежде, скифа, который подошел к нему, приветствуя его на греческом языке.

Приск очень удивился этому, зная, что ски-

фы не говорят по-гречески, а этот человек был по виду знатным скифом, богато одетый и с головой, стриженной в кружок, и спросил его, кто он таков. Оказалось, что это был грек из одного византийского города на Дунае; он был богат, но при взятии города гуннами попался в плен и за богатство достался при разделе пленных Онигисию, потому что богатые люди доставались после Атиллы на долю его вельможам. «После я отличился в сражениях против римлян, – говорил грек, – и отдавал своему господину, по скифскому закону, все добытое мной на войне; получив свободу, я женился на скифской женщине, прижил детей и теперь благоденствую. Онигисий сажает меня за свой стол, и я предпочитаю настоящую свою жизнь прежней, ибо иноземцы, находящиеся у скифов, после войны ведут жизнь спокойную и беззаботную; каждый пользуется тем, что у него есть, и никем не тревожится». После этого грек стал выхвалять скифское житье перед греческим.

Таким образом, своим рассказом грек подтвердил Приску, что гунны вовсе не были жестокими и кровожадными чудовищами, как

их описывали готы, а добрыми и справедливыми людьми, по-отечески относившимися к своим пленным, чем издревле и славились.

На другой день после описанного разговора Приск с другими членами посольства был приглашен к обеденному столу самого Аттилы.

«В назначенное время, – говорит Приск, – пришли мы и стали на пороге комнаты против Аттилы. Виночерпцы, по обычаю страны своей, подали чашу, дабы и мы поклонились прежде, нежели сесть. Сделав это и вкусив из чаши, мы пошли к седалищам, на которые надлежало нам сесть пообедать. Скамьи стояли у стен комнаты по обе стороны. В самой середине сидел на ложе Аттила. Первым местом для обедающих почитается правая сторона от Аттилы; вторым – левая, на которой сидели мы. Когда все расселись по порядку, виночерпец подошел к Аттиле и поднес ему чашу с вином. Аттила взял ее и приветствовал того, кто был в первом ряду. Тот, кому была оказана честь приветствия, вставал; ему было позволено сесть не прежде, чем Аттила возвратит виночерпцу чашу, выпив вино или

отведав его. Когда он садился, то присутствующие чтили его таким же образом: принимали чашу и, приветствовав, вкушали из нее вино. По оказании такой же почести второму гостю и следующим за ним гостям Аттила приветствовал и нас, наравне с другими, по порядку сидения на скамьях. После того как всем была оказана честь такого приветствия, виначерпцы вышли. Подле стола Аттилы поставлены были столы на трех, четырех или более гостей, так, чтобы каждый мог брать из положенного на блюде кушанья, не выходя из ряда седалищ. С кушаньем первый вошел слуга Аттилы, неся блюдо, наполненное мясом. За ним прислуживающие другим гостям ставили на столы кушанья и хлеб. Для других гуннов и для нас были приготовлены яства, подаваемые на серебряных блюдах, а перед Аттилою ничего больше не было, кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он показывал умеренность. Пирующим подносились чарки золотые и серебряные, а его чаша была деревянная. Одежда на нем была также простая и ничем не отличалась, кроме опрятности. Ни висящий при нем меч, ни за-

стежки скифской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотом, камнями или чем-либо драгоценным, как водилось у других скифов.

После того как наложенные на первых блюдах кушанья были съедены, мы все встали, и всякий из нас не ранее пришел к своей скамье, как выпив прежним порядком поднесенную ему полную чашу вина и пожелав Аттиле здоровья. Изъявив ему таким образом почтение, мы сели, а на каждый стол было поставлено второе блюдо с другими кушаньями. Все брали с блюда, вставали по-прежнему, потом, выпив вино, садились.

С наступлением вечера зажжены были факелы. Два гунна, выступив против Аттилы, пели песни, в которых превозносились его победы и оказанная в боях доблесть.

Собеседники смотрели на них: одни тешились, восхищались песнями и стихотворениями, другие воспламенялись, вспоминая о битвах, а которые от старости телом были слабы, а духом спокойны, проливали слезы.

После песен какой-то скиф, юродивый (шут-дурак), выступил вперед, говорил речи

странные, вздорные, не имеющие смысла и рассмешил всех.

За ним предстал собранию горбун Зеркон Маврусий. Видом своим, одеждою, голосом и смешно произносимыми словами, ибо он смешивал языки латинский с готским и гуннским, он развеселил присутствующих и во всех них, кроме Аттилы, возбудил неугасимый смех. Один Аттила оставался неизменным и непреклонным и не обнаруживал никакого расположения к смеху. Он только потягивал за щеку младшего из своих сыновей, вошедшего и ставшего подле него, и глядел на него веселыми, нежными глазами».

На другой день послы стали просить об отпуске. Онигисий сказал им, что и Аттила хочет их отпустить. Потом он держал совет с другими сановниками и сочинял письма, которые надлежало отправить в Византию.

«Между тем, – продолжает Приск, – Крека, супруга Аттилы, пригласила нас к обеду у Адамия, управляющего ее делами. Мы пришли к нему вместе с некоторыми знатными скифами, удостоены были благосклонного и приветливого приема и угощены вином. Каж-

дый из предстоящих, по скифской учтивости, привставал, подавал нам полную чашу, потом обнимал и целовал выпившего и принимал от него чашу. После обеда мы пошли в свой шатер и легли спать.

На другой день Аттила опять пригласил нас на пир. Мы пришли к нему и пиروвали по-прежнему. Во время пиршества Аттила обращал к нам ласковые слова. Мы вышли с пиршества ночью. Во время этих пиров, – рассказывает Приск, – наравне с вином подавали мед и особый напиток – кам».

По прошествии трех дней послы были отпущены с приличными дарами и на возвратном пути встретились с Вигилой, участником заговора на жизнь Аттилы, который вез теперь золото, назначенное для подкупа Эдикона. Но Аттила, раньше предупрежденный об этом заговоре, по прибытии Вигилы заставил его рассказать, как было дело, отобрал у него все золото и велел привезти его еще для выкупа самого Вигилы. Затем Аттила послал в Византию своего посла Ислу и преданного ему римлянина Ореста, которого он всегда употреблял при переговорах, домочадца и

писца. Оресту приказано было навесить себе на шею мошну, в которой Вигила привез золото для передачи Эдикону; в таком виде предстать перед царем, показать мошну ему и евнуху Хрисафию, первому заговорщику, и спросить их: узнают ли они мошну? Послу Ис-ле велено было сказать царю изустно: «Ты, Феодосий, рожден от благородного родителя, и я сам, Аттила, хорошего происхождения и, наследовав отцу моему, сохранил благородство во всей чистоте. А ты, Феодосий, напротив того, лишившись благородства, поработился Аттиле тем, что обязался платить ему дань. И так ты нехорошо делаешь, что тайными кознями, подобно дурному рабу, посягаешь на того, кто лучше тебя, кого судьба сделала твоим господином».

Таков был Аттила, повелитель грозных гуннов. Из описания Приском обычаев при его дворе мы видим, что они были чисто славянские, и притом именно совершенно такие, какие в течение долгих столетий мы будем видеть при дворах наших московских царей.

Кроме борьбы с императором Восточной империи, Аттила вступил в продолжитель-

ную вражду и с императором Западной Римской империи – Валентинианом Третьим. Первоначальной причиной этой вражды была сестра Валентиниана – Гонория, которая отличалась бешеным нравом, почему ее мать поступала с ней необыкновенно строго и требовала, чтобы она оставалась безбрачной. Гонория, чтобы освободиться от тяжелого ига, послала Атилле кольцо с предложением своей руки. Атила предложение это принял и потребовал от ее брата не только согласия на брак, но и часть Римской империи в приданое за сестрой. Валентиниан отказал, Атила же упорно стоял на своем, и разногласие это привело в конце концов к кровопролитной войне. Поход Атилы в этой войне был подобен переселению народов. Все германские и славянские племена были принуждены принимать в ней участие. Так он дошел до самого сердца Франции, и здесь, на Каталлаунских полях, произошла страшная битва народов, после которой обе стороны разошлись, каждая приписывая себе победу.

Это было в 451 году, а через два года погиб Атила. Он умер на своей свадьбе, будто бы

выпивши много вина. Ввиду его замечательной всегдашней трезвости, вернее всего, что его отравили.

Владычество после Аттилы над всеми подвластными ему народами перешло к его сыновьям. Между ними тотчас же возникли распри, и грозная гуннская держава быстро распалась; подвластные германские племена стали независимыми; часть славянских племен, под главенством младшего сына Аттилы, села на Дунае и образовала болгарский народ, а восточнославянские племена ушли к себе за Днестр и Днепр – в Русскую землю и распространились до Кавказских гор. Распри между наследниками шли непрерывно; этим, конечно, не замедлили воспользоваться соседи, особенно греки. Сыновья Аттилы посылали в Царьград посольства, прося установить между греками и гуннами старинные торги, но получали, несмотря на всю выгодность этой просьбы для греков, отказы, конечно, только для того, чтобы показать детям грозного Аттилы, что в Византии на их просьбы уже не обращают больше внимания.

Неприятные действия между славяна-

ми и греками усилились, особенно при греческом императоре Юстиниане Первом, царствовавшем с 527 до 562 года.

Во время его правления, в 558 году, несметная сила разных славянских племен перешла Дунай; часть из них направилась по Греции, а другая прямо к Царьграду, и опасность для города была так велика, что для защиты его было поставлено не только все войско, но и мещане и окрестные крестьяне. Только хитростью удалось старому византийскому вождю Велизарию обойти предводителя славян Завергана, который получил за выкуп пленных огромную сумму денег и отошел к Дунаю.

После этого случая, чуть не окончившегося захватом Константинополя, Юстиниан принял все меры, чтобы подобного нашествия не повторялось. Для этого он решил жестоко рассорить между собой славян, а затем навести на ослабленных противников еще нового врага.

Все это вполне удалось Юстиниану.

Посылкой богатых даров и искусным натравливанием одного вождя на другого он надолго рассорил славянские племена, обитав-

шие в южных степях; они вступили между собою в ряд больших кровопролитных столкновений; а когда они были совершенно обессилены, то на них с востока, из далекой Азии, было призвано греками родственное нынешним туркам племя, обры, или авары; авары перешли Волгу и Дон и после жестокой борьбы подчинили себе совершенно ослабленные междоусобной распрей южнорусские племена.

Славяне оказывали аварам всюду самое бесстрашное сопротивление, но вследствие своей разрозненности, разумеется, не могли одержать верх над соединенными силами врага и в конце концов были поработаны, вызвав своим упорством сильнейшее раздражение в победителях. Особенно досталось племени дулебов, или бужан, живших по реке Бугу. Сотворили авары большое насилие над их женами. «Когда случалось обрину куда-либо ехать, – говорит наш летописец, – он не запрягал в телегу лошадей или волов, а впрягал наших женщин тройкою, четверкою или пятериком; так и ездил, куда было надо».

Однако власть аваров распространилась

далеко не над всеми славянами. Чтобы избежать аварского ига, немало удалых дружин перешло на Дунай в Болгарию, Сербию и Хорватию. Когда аварский повелитель, который назывался хаганом, послал к хорватам, населявшим Карпатские горы, требование покорности и дани, то князь их, Добрита, так ответил аварским послам: «Еще не родился на свет и не ходит под солнцем тот человек, который бы мог одолеть нашу силу. Наше дело завоевывать чужие земли, а своей не отдадим в неволю никому, пока есть на свете меч и сила». Несмотря на то что после таких гордых слов хорватов они даже убили аварских послов, повелитель последних в ту пору так и оставил храбрецов в покое.

Утвердившись, по приглашению греков, на побережье Черного моря, авары начали скоро воевать и с самими греками. В 628 году они вместе с персами и с помощью славян из России осаждали даже самый Царьград, причем одна часть славянского войска действовала с сухого пути, а другая на многочисленных лодках-однодревках должна была по данному знаку напасть на столицу с моря. Но гре-

ки, вовремя узнав об этом замысле, предупредили врагов и, выведя свои суда, разгромили все славянские однодревки, причем между убитыми и потонувшими воинами были найдены и женские трупы.

Много помогла грекам и наставшая в это время буря. Кое-как спасшиеся остатки славян спустились к берегу и собрались в стан хагана, который в негодовании за неудачу велел всех их казнить. Когда сухопутные славянские дружины, узнав об этом зверстве, оставили хаганово войско и пошли по домам, то хаган принужден был тоже отойти прочь от города.

Неожиданная буря, помогшая грекам разметать славянские однодревки, а затем неразумный гнев хагана, вследствие чего он лишился своих подручников и должен был отступить, были почтены обитателями Царьграда как святое и чудное дело заступничества Божией Матери, так как славянские однодревки были уничтожены в виду царьградского храма Влахернской Богородицы. С тех пор, в память этого заступничества от неминуемой гибели, и установлена особая служба

Божией Матери – акафист, что означает по-гречески – неседален, так как она совершается церковным пением во всю ночь стоя; с тех же пор во время всенощной всегда поется песнь: «Взбранной Воеводе, Победительная», причем «злыми» в этой песне именно подразумевались наши предки славяне.

Этот аварский поход на греков был последним. С тех пор самое имя аваров мало-помалу совсем исчезает и заменяется именем хазаров. Произошло это следующим образом: в воинственную среду аваров весьма быстро проникли в значительном количестве иудеи, которые были самым деловым и промышленным инородческим племенем из живших в устьях Волги и по черноморскому побережью. В то время как чисто военный народ, авары, добывал себе силу и славу, покоряя и разоряя разрозненных усобицами славян, иудеи быстро добывали себе другую силу, захватывая в свои руки богатейшую торговлю, бывшую до времени аварского нашествия, конечно, в руках наших предков, так как предки наши были всегда не только отважными воинами, но и славными купцами.

Захватив все торговые дела в крае, иудеи, вследствие своей сметливости, быстро захватили совершенно мирным путем и всю власть в аварских владениях в свои цепкие руки, а затем скоро и эти аварские владения стали известны уже под именем государства Хазарского, где первенствующим сословием были именно иудеи.

Столица хазар была сперва на Каспии, который тоже стал прозываться хазарским морем, у нынешнего селения Тарки, а затем она была перенесена, когда арабы потеснили их с Кавказа, на устье Волги, в город Итиль, несколько ниже нынешней Астрахани.

Во главе Хазарского государства стоял неограниченный повелитель – каган, или хакан, иудей по происхождению и вере. Он жил особо со своим двором и военной свитой и очень редко показывался перед народом. Могущество хакана было таково, что если он кому из знатных приказывал: «поди умри», тот неизменно исполнял его волю и убивал себя. Ниже хакана стоял царь – наместник хазарский, тоже иудей. Хотя царь этот и ведал всеми делами, но к хакану обязан был входить

босыми ногами, держа в руках лучину какого-то дерева, которую тут же зажигал. Хазары распространили свое владычество на всю нынешнюю южную и среднюю Россию, и все земледельческое славянское население принуждено было платить им дань.

Греки же держали с хазарами постоянно самую тесную дружбу, и даже греческие цари вступали с их хаканами в родство, решаясь отдавать им в замужество дочерей или сами женись на хазарках, лишь бы связями и дружбой с этим народом обуздать, а то и вовсе истребить всегда опасные для них дружины славян на низовьях Днепра и Дона. Для этого были призваны авары; для этого же не гнушались гордые греческие императоры родниться с хазарскими хаканами.

Таким образом, по всему русскому побережью Черного моря наступила большая тишина, которая была достигнута успешным, но коварным поведением правителей Византии, всегда натравливавших одних своих врагов на других, а теперь нашедших себе в торговых хазарах самых лучших друзей и охранителей своего спокойствия.

Но, конечно, такому блестящему успеху тайных стремлений греческих императоров, больше всяких аваров и хазар, способствовало пагубное свойство самих славян – страсть к раздорам между собой, на которую указывал еще Геродот и многие писатели после него.

Понадобилось целых двести лет, чтобы в половине IX столетия наши предки вошли опять в прежнюю силу и по-прежнему стали работать на Черном море не только торговлей, но и войной.

Что же происходило за эти двести лет в Русской земле? Об этом дают нам некоторые сведения арабские писатели и первый русский летописец.

Арабы были полукочевниками, происшедшими от колена Сима. Они жили отдельными племенами и заселяли с незапамятных времен Аравийский полуостров в Азии.

В 571 году среди арабов родился замечательный человек по имени Магомет. С ранней молодости он отличался большим отвращением к грубому идолопоклонству, которому были преданы его соотечественники. Пу-

тешествуя однажды по торговым делам в Сирии, Магомет познакомился с одним христианским монахом Георгием, который стал наставлять его в евангельском учении. Магомет христианства не принял, но в душу его глубоко запало учение о едином всемогущем Боге христиан, и он получил еще большее отвращение к идолопоклонству. Женившись затем на богатой вдове, у которой он был приказчиком, Магомет долгое время занимался торговлей и приобрел уважение соплеменников своей честностью и правдивостью. При этом он не переставал предаваться благочестивым размышлениям и, наконец, решил сам создать новую религию, поставив во главе ее единого бога и объявив себя его пророком.

Вначале проповедь Магомета не имела никакого успеха, и он был даже осмеян, но мало-помалу около него стали собираться все арабы, не сочувствовавшие идолопоклонству, тем более что Магомет проповедовал строгую честность, благородство, храбрость, разрешал многоженство и обещал всем павшим в боях с врагами воинам – вечное блаженство на том свете, в особом раю с красивейшими де-

вушками.

Так как арабы отличались наибольшим благородством из всех потомков Сима, а также и большой воинственностью, то учение Магомета стало все более приходиться им по душе, и он начал объединять вокруг себя многие племена Аравии, жившие до сих пор разрозненно, а затем, при их посредстве, распространял силою меча свое учение и дальше. Быстро одержав несколько больших побед, Магомет к концу своей жизни сделался грозным завоевателем и властелином почти всей Аравии; его гробница в городе Медине благоговейно чтится всеми магометанами до настоящего времени и привлекает ежегодно огромные толпы паломников, так же как и древний храм Каабы в Мекке.

Преемники Магомета, которые назывались калифами, соединяли в своем лице верховную власть, как духовную, так и военную; при первых калифах объединение племен, покоряемых арабами и принимавших магометанство, шло очень быстро, и скоро арабские войска завоевывают бывшее Персидское царство, где устраивают в древнем Вавилоне

новую великолепную столицу – Багдад; затем они распространяют свои владения, всюду проповедуя магометанство, и гораздо дальше. Идя на запад, арабы покоряют Египет, весь северный берег Африки, наконец, переправляются в Европу и завладевают на несколько столетий Испанией. На востоке они овладели всем Закавказским краем и берегом Каспийского моря.

Здесь, на Кавказе, они столкнулись с хазарами и потеснили их, почему хазары, как уже было сказано раньше, и перенесли свою столицу из Тархи в Итиль, в устье Волги.

Арабы, помимо того что были храбрыми воинами, были также и отличными купцами. Они быстро завязали торговые связи с хазарами и жили всегда в большом количестве в их столице Итиль, а затем, с торговыми же целями, поднимались высоко по Волге и доходили в половине IX столетия до далекой Камской Болгарии, где жило племя камских болгар турко-финского происхождения, совершенно отличное от дунайских болгар. Арабы распространили магометанство среди камских болгар и, приезжая к ним за пушными товарами,

имели частые встречи и с русскими купцами. До сих пор при раскопках в различных местностях Русской земли попадаются довольно часто арабские деньги – диргемы; кроме того, до нашего времени сохранилось в русском языке много, по-видимому, чисто арабских слов: град, дьяк, сын, тур, поток и другие.

Из описаний некоторых арабских писателей о торговых их встречах с русскими мы можем иметь сведения, как жили наши предки в те горестные времена, когда большая часть России была под игом хазар и платила им дань.

Оказывается, что, несмотря на это тяжкое унижение, предки наши пользовались и тогда большим почетом у арабов.

«Русь, – говорит один арабский писатель, – имеет большое число городов и живет в довольстве на просторе. Любят опрятность в одежде; даже мужчины носят золотые браслеты на руках. Об одежде своей заботятся, так как занимаются торговлей, и носят большие шаровары, собирая их в сборки у колен. Некоторые из руссов бреют бороду, а другие свивают ее наподобие лошадиной гривы и окраши-

вают в желтый или черный цвет. Гостям руссы оказывают почет и обращаются хорошо с чужестранцами, которые ищут у них покровительства, да и со всеми, кто часто бывает у них; не позволяют никому из своих обижать или притеснять таких людей. В случае же, если кто из них обидит или притеснит чужеземца, то помогают последнему и защищают его.

Когда у кого из руссов родится сын, то отец новорожденного кладет перед дитятей обнаженный меч и говорит: не оставлю в наследство никакого имущества. Будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом.

Когда кто из них имеет дело против другого, то зовет его на суд к старшине, перед которым и препираются; когда старшина произнесет приговор, то исполняется то, что он велит; если же обе стороны приговором старшины недовольны, то, по его приказанию, они решают дело оружием; чей меч острее, тот и одерживает верх. На борьбу эту приходят и становятся родственники обеих тяжущихся сторон. Тогда соперники вступают в бой, и победитель может требовать от побеж-

денного чего хочет.

Когда который-либо из родных просит о помощи, то выступают в поле все и не разделяются на отдельные отряды, а бьются с врагом сомкнутым строем, пока не победят его.

Руссы мужественны и храбры. Когда нападут на другой народ, то не отстанут, пока не уничтожат его всего. Ростом они высоки, красивы и смелы в нападениях».

При этом арабский писатель Ахмед эль-Катиб, живший в Испании, рассказывает про большой поход, совершенный в 844 году, на легких судах, «неверными, называемыми руссами», в далекую Севилью, которую они завоевали. По рассказам арабов, руссы очень любили своих жен и старались всеми силами доставлять им всевозможные дорогие украшения.

Особенно ценились ожерелья из зеленых бус, покупавшихся за дорогую цену у арабов, а также золотые и серебряные шейные цепочки. Чем богаче был муж, тем большее число таких цепочек носила его жена на шее.

Взамен этого и жены платили мужьям большой верностью и, по примеру древних

скифских женщин, часто принимали смерть вместе с ними.

Погребальные обряды руссов состояли в то время в погребениях под курганами, как и во времена скифов, а также и в сожжении. В обоих случаях, однако, отправлялось на тот свет вместе с покойниками уже значительно меньше народа, чем при Геродоте. Обыкновенно убивались только жены или кто-либо из близких слуг, и при этом непременно по их доброму желанию, а затем лошади и скот.

«Женщины их, – говорит про руссов арабский купец тех времен по имени Масуди, – желают своего сожжения для того, чтобы вместе со своими мужьями попасть в рай».

Эту же преданность славянских женщин к мужьям подтверждает в своих записках и греческий император Маврикий, который говорит, что славяне «соблюдают целомудрие, и жены их чрезвычайно привязаны к мужьям, так что многие из них, лишаясь мужей, ищут утешения в смерти и сами себя убивают, не желая влачить вдовьей жизни». Если у руссов в те времена кто-либо умирал холостым, то его обыкновенно женили после смерти, при-

чем новобрачная предавалась огню вместе с телом покойника.

Вот как описывает арабский писатель Ибн Фадлан русских людей и обряды венчания и сожжения покойников после смерти:

«Они, руссы, приходят из своей страны и бросают якорь на Волге. На берегу у якорного места строят большие деревянные дома и живут в них человек по десять, по двадцать, или больше, или меньше. У каждого из них скамья, лавка, на которой он сидит вместе с привезенными для продажи красивыми девушками. Во время прибытия судов к якорному месту каждый из них выходит, неся хлеб, мясо, молоко, лук и пьяный напиток, и идут к своим кумирам. Это были деревянные болваны, один в середине – высокий, с изображением лица, похожего на человеческое; другие – малые, стояли вокруг главного. Русс подходит к большому изображению, простирается перед ним, кладет принесенное и говорит: «О, господине! Я пришел издалека, со мной девушек – столько-то и столько-то голов, соболей столько-то и столько-то шкур», пока не поименует всего, что он привез из своего това-

ра. Затем продолжает: «Этот подарок принес я тебе, желаю, чтобы ты послал мне купца с динарами (греческими золотыми) и диргемами, который купил бы у меня все, что желаю продать, и не торговался бы, не прекословил бы ни в чем». После этого русс уходил.

Мне сказывали, – говорит этот арабский писатель, – что руссы со своими начальными людьми делают по их смерти такие вещи, из которых малейшая есть сожжение. Я очень желал присутствовать при этом, и вот я узнал, что один знатный человек у них умер. Они положили его в могилу в том платье, в котором он умер, поставили с ним пьяный напиток, положили плоды и балалайку. Могилу накрыли крышкой, засыпали землей, и она так оставалась в течение десяти дней, пока кроили и шили одежду покойнику. Это делается так: бедному человеку делают у них небольшое судно, ладью, кладут его туда и сожигают его. У богатого же они собирают его имущество и разделяют его на три части: одну дают семье, на другую изготовляют платье, а на третью долю покупают пьяный напиток, который пьют в тот день, когда его де-

вушка убивает себя и сожигается со своим господином. Они очень преданы вину, пьют днем и ночью, так что иной от пьянства и умирает с кружкой в руке.

Когда у них умирает начальный человек, то его семья говорит девушкам и мальчикам (вообще подчиненным им слугам, по древнерусскому названию – отроки): «Кто из вас умрет с ним?» Кто-нибудь скажет: «Я».

По большей части соглашаются на смерть девушки. Так точно произошло и в настоящем случае. Когда умер вышеупомянутый человек, то сказали его девушкам: «Кто умрет с ним?» И одна из них ответила: «Я». Поэтому назначили двух девушек, которые бы стерегли, охраняли ее, прислуживали ей и были бы всегда с ней, куда она ни пойдет. Иногда они даже моют ей ноги своими руками. Затем взялись кроить одежду для покойника и готовить все нужное. Между тем девушка пила каждый день и пела, веселясь и радуясь. Когда наступил день, назначенный для сожжения, я пошел к реке, где стояло судно (лодка) для умершего.

И вот оно было уже вытащено на берег,

сделали для него четыре деревянные подпоры, а вокруг поставили деревянные изображения, подобные великанам (кумиры). Лодку притащили и поставили на столбы – подпоры. Люди начали ходить взад и вперед и говорили слова, мне непонятные. Затем принесли скамью (ложе) и поставили ее в лодке. После этого пришла старая женщина, которую называют ангелом смерти. Она покрыла скамью коврами, а по ним греческою золотою тканью и положила подушки из такой же ткани. Она управляет шитьем и его приготовлением. Она же принимает (убивает) девушку. Я видел ее, она смуглая, толстая, лоснящаяся, с лютым видом.

Когда постель была изготовлена, руссы пошли за покойником к его могиле, сами раскрыли крышу, вынули мертвеца, как он был, со всеми предметами, которые с ним были положены. Я видел его почерневшим от холода этой страны, а впрочем, он ни в чем не изменился.

Ему надели шаровары, носки или чулки, сапоги, куртку или кафтан из толстой ткани с золотыми пуговицами; надели ему на голову

шапку из золотой ткани с соболевой опушкой; понесли его в палатку, которая была устроена в упомянутой лодке, посадили на постель и обложили его подушками.

Затем принесли пьяный напиток, плоды, благовонные растения и положили к нему; принесли также хлеб, мясо, лук и положили перед ним; принесли собаку, рассекли ее на две части и положили в лодку. Принесли все оружие покойного и положили сбоку его. После того привели двух лошадей, гоняли их, пока не вспотели, затем разрубили их мечами и мясо покидали в лодку. Принесли петуха и курицу, зарезали их и поклали туда же.

А девушка, которая должна была умереть, ходила повсюду, заходила в каждую палатку русских, прощалась с ними.

В пятницу, между полуднем и закатом солнца, руссы повели девушку к чему-то, сделанному наподобие навеса или выступа у дверей. Она стала на ладони мужчин и, поднятая ими, посмотрела на этот навес, сказала что-то на своем языке и была опущена. Она сказала: «Вот вижу отца моего и мать мою». Затем ее подняли во второй раз. Она сделала

то же самое и сказала: «Вот вижу всех родителей, умерших родственников, сидят». Подняли ее в третий раз, и она сказала: «Вот вижу моего господина; сидит в саду, в раю, а рай прекрасен, зелен; с ним сидит его дружина и отроки. Он зовет меня. Ведите меня к нему». Ее повели к лодке. Она сняла свои браслеты с рук и подала их ангелу смерти – старой женщине. Она сняла обручи – кольца со своих ног и отдала двум девушкам, которые ей прислуживали; они прозываются дочерьми этой старухи, то есть дочерьми ангела смерти. Потом ее подняли на лодку, но не ввели в палатку, где лежал мертвец. Пришли мужчины со щитами и палками и подали ей кружку с пьяным напитком. Она взяла ее, пела над ней песню и выпила ее. Это она прощалась со своими подругами. После того ей подали другую кружку. Она взяла и запела длинную песню. Старуха торопила ее выпивать кружку скорее и идти в палатку, где ее господин. Я видел ее в нерешимости, она изменилась. Неизвестно, желала ли она войти в палатку. Она просунула туда голову. Старуха взяла ее за голову, ввела ее в палатку и сама вошла за ней. Муж-

чины начали стучать по щитам палицами для того, вероятно, чтобы не слышно было ее криков, чтобы это не устрасило других девушек, готовых также умереть со своими господами.

В палатку вошло шесть человек и простерли девушку обок с ее господином; двое схватили ее за ноги и двое за руки, старуха – ангел смерти обвила ей вокруг шеи веревку, за конец которой взялись остальные двое мужчин. Старуха-ведьма, ангел смерти, подошла с большим ширококлинным ножом и начала вонзать его между ребер жертвы, а двое мужчин тянули за концы веревку и душили девушку, пока не умерла.

После того под лодку подложили дров, и ближайший родственник покойного, взяв кусок дерева, зажег его и, держа в руке, пошел к лодке задом. Он первый зажег костер; за ним стали подходить остальные люди с лучинами и дровами; каждый бросал в костер зажженную лучину и дрова. Вскоре огонь охватил дрова, затем лодку, потом палатку с мертвыми и со всем, в ней находящимся. При этом подул сильный, грозный ветер, пламя усили-

лось и все больше и больше распространяло свое могущество. Подле меня стоял человек из руссов, и я слышал, как он разговаривал с толмачом (переводчиком). Я спросил толмача, о чем он вел с ним речь. Он ответил, что русс сказал ему: «Вы, арабы, народ глупый. Вы берете любимого и почтеннейшего для вас человека и бросаете его в землю, где его поедают гады и черви. Мы в одно мгновение сжигаем его в огне, и он в тот же час входит в рай». Затем этот человек засмеялся и проговорил: «Бог любит покойника: послал сильный ветер, и огонь унес его в одночасье»; и действительно, не прошло и часа, как лодка, дрова и оба мертвеца превратились в пепел».

Так рассказывали арабы, посещавшие нашу родину для торговых целей, про нравы и обычаи руссов в половине IX столетия.

Из приведенных рассказов мы видим, что нравы наших предков были в это время уже несколько мягче, чем во времена скифов, но тем не менее они оставались такими же язычниками, как и прежде, и поклонялись идолам. Главным идолом, изображавшим древнего арийского всемогущего бога, считал-

ся Перун – бог молнии. Потом очень почитался Велес, или Волос – бог скота и домашнего богатства; за ним шли Ладо – бог веселия, любви и согласия, Ярило – бог плодородия, Купало – бог земных плодов и некоторые другие. Кроме этих главных, или, так сказать, общих богов, народ верил также в местных или домашних богов: в домовых, водяных, леших, обитавших в лесах, в речных русалок, в ночных кикимор и в прочую нечисть.

Храмов у наших языческих предков не было; места же, где стояли идолы больших богов, назывались капищами; это были площадки, где идолы помещались на каменных плитах и колодах. Тут совершались и жертвоприношения; жертвовались обыкновенно плоды, овощи и скот. Человеческие же жертвы в те времена приносились уже редко. Особого сословия священнослужителей или жрецов не было, так как жертву приносил каждый сам за себя или за свою семью и род, но в народе было довольно много волхвов или кудесников, к которым любили обращаться за советами и предсказаниями.

Кроме рассказов арабов о состоянии Рус-

ской земли в половине IX века, у нас имеются сказания о тех же временах и нашего первого летописца. Свою летопись он начинает повествованием о расселении народов, происшедших от колена Иафета. Из этого повествования видно, что в половине IX столетия Русскую землю заселяли следующие славянские племена: по Днепру у Киева и ниже – до хазарских владений – сидели поляне; выше их, по Днепру же, там, где широкая русская равнина, идущая от Черного моря, – поле – сменяется русским же могучим лесом, сидели древляне, так прозывавшиеся, ибо жили в лесу среди деревьев; севернее древлян по реке Припяти жило племя дреговичей; восточнее дреговичей по реке Соже – радимичи; еще восточнее, по рекам Сейму и Десне – северяне. По реке Полоте, притоку Западной Двины и по верхнему и среднему течению последней реки, сидели полочане. В Волковском лесу, на возвышенной местности, откуда берут начало почти все великие русские реки, было расселено племя кривичей, так называвшееся по причине большой кривизны рек, на которых они жили.

Восточнее кривичей, по реке Оке, сидели вятичи, а севернее кривичей, вокруг озера Ильмень, в нынешней Новгородской стороне, – славяне ильменские.

Наконец, на Западном Буге сидели бужане, или волыняне; между Южным Бугом и Днестром – тиверцы, а у устья самого Днестра – уличи.

Вот названия славянских племен, населявших Русскую землю в IX столетии по Рождеству Христову.

Все эти племена жили родовым бытом и сохраняли все обычаи этого быта: отдельный человек подчинялся порядкам своего рода, а целый род покровительствовал каждому своему родичу, причем за обиду его полагалась кровавая месть целым же родом.

Безродный же человек назывался сиротой и имел самое убогое место среди людей, между которыми жил.

Большинство славян, как люди, занимавшиеся сельским промыслом, жило селениями; несколько селений одного рода или племени составляли обволость, или волость; в такой волости власть принадлежала старей-

пинам – князьям. Эти старейшины жили зачастую в городках или городах. Там же, вокруг них, жили ратные люди, составлявшие княжескую дружину, промышленники, ремесленники и купцы. В некоторых городах, главным образом торговых, где собиралось много разного люда со всех сторон, вместе с князьями дела решало вече, то есть собрание выборных людей от города. Городки рубились также и тогда, когда предки наши продвигались в местности, заселенные туземным коренным населением, по большей части финскими племенами, обитавшими на севере и востоке Русской земли. В этом случае городки представляли крепости, в которых порой отсиживались и выдерживались осады до прихода подмоги.

Из городов IX века более значительные были следующие: Ладога на озере Нево, Изборск на Великом озере; вскоре около него возник и Псков, затем Новгород на озере Ильмень; Смоленск на верхнем Днепре; Полоцк на реке Полоте; Чернигов на Десне – притоке Днепра, а на самом Днепре Любек, и затем Киев – в том месте, где когда-то святой апостол Андрей

Первозванный водрузил крест.

Наконец, славяне имели свои города и среди финских племен на востоке: Белоозеро среди веси, Ростов у мери и Муром среди муромы, мещеры и мордвы.

Вот главнейшие древние города Русской земли.

Вообще, в Русской земле городов было тогда много, почему шведы и прозвали ее «Гардарик», или страна городов.

Про сооружение Киева существует два предания: по одному – его построили три брата: Кий, Хорив и Щек, жившие со своей сестрой Лыбедью на соседних к Киеву горах, а другое предание гласило, что когда-то, в отдаленное время, здесь был перевоз через реку Днепр, и перевозчиком был некто Кий, почему и говорили – едем к Киеву перевозу; отсюда и пошло название Киев.

Наибольшими городами были, конечно, те, где могла бойко идти торговля.

В этом отношении первое место принадлежало Киеву, а затем и Новгороду.

Через эти города проходил великий водный путь «из варяг в греки», по которому шла

главнейшая торговля между племенами, жившими по Балтийскому морю, то есть варягами, с далеким Царьградом. Путь из варяг в греки шел от Балтийского моря через реку Неву в озеро Ладожское, или Нево, по реке Волхов на озеро Ильмень, а оттуда вверх по реке Ловати до ее верховьев в Волковском лесу; здесь суда перетаскивались по сухому пути волоком – в верховья Днепра и спускались по нему в Черное море.

По пути этому шло множество различных товаров: от варягов шло сукно, холст, полотно, медные и железные изделия, олово, свинец и драгоценный янтарь; кроме того, шла в большом количестве соленая сельдь; Русская земля торговала, как и в Геродотовы времена, хлебом, дорогими мехами, медом, лесом, салом, скотом, лошадьми и рабами; из Царьграда шли главным образом паволоки, каковым именем назывались греческие шелковые ткани с золотом или без него; паволоки были в большом ходу, как в Русской земле, так и у варягов, и всякий человек с достатком непременно шил себе одежду из паволок; затем греки торговали золотом и серебром в различ-

ных вещах женского и мужского убора, какими были серьги, браслеты, обручи, перстни, запонки, кольца и пуговицы; наконец, из Царьграда же шли тканые и кованые кружева для отделки платья, разного рода южные плоды и вина.

На этот путь «из варяг в греки» прибывали и товары из далекой Пермской страны – самоцветные камни и редчайшие меха, а также ковры из Вавилона, индийские ткани с причудливейшими узорами, бусы, бисер, пряности и благовония из Аравии.

Деньги в это время на Руси были кожаные: «куны» (мордочки куниц), «резаны» (отрезки) и «ногаты» – лапки и ушки белок с серебряными гвоздиками (с тех пор и идет название «полушка», то есть пол-ушка белки). Эти кожаные деньги ходили не только на Руси, но в Италии, Франции и на Востоке. Кроме кожаных денег, для крупных оборотов употреблялось необделанное серебро и серебряные шейные гривны, которые весили по фунту каждая.

Наконец, деньгами в то время на Руси служили и монеты различных государств, с кото-

рыми мы вели торговлю; больше же всего было в ходу монет греческих и арабских.

Торговлю на пути из варяг в греки начинали весною по вскрытии рек и оканчивали к осени – до замерзания. Множество купцов и разного люда, причастного к торговле, жило по всему пути; главным же их средоточием был Новгород и особенно Киев. И в самом деле, на всем Днепре не было места привольнее и приятнее Киева, особенно для первоначальных действий торга и промысла. Оно доставляло все способы защиты и засады при нападениях врага, давало всякие средства вовремя уйти от опасности и в то же время открывало всякие пути для обеспечения себя продовольствием. Здесь окончательно собирались караваны судов для отправки в Царьград; здесь делались наряды на товары и заключались разного рода торговые сделки; здесь же набиралась для этих караванов судов охрана из вооруженных людей, чтобы пройти по далеко не безопасным от хищных жителей южным степям; наконец, здесь же нанимались и опытные кормчие, чтобы провести суда через опасные пороги на южном Днепре. Поэтому в

Киеве, наряду с своим славянским населением, всегда жило много разного люда: греки, варяги, поляки и евреи; последние не только торговали, но, как представители хазарского кагана, были в описываемое время и чиновниками, собиравшими с коренных обитателей дань. Ввиду большого количества жителей, принадлежавших к различным народам, целые концы города Киева носили название по имени их обитателей, так: хазары жили в Козаре, поляки у Лядских ворот, а евреи у Жидовских.

Торговое дело считалось у наших предков весьма важным и большим делом. Купцы, или гости, как их тогда называли, были всегда, везде и всюду почетными и желанными людьми. Они должны были не только отлично знать все условия жизни тех стран, с которыми торговали, но должны были также обладать немалой отвагой и воинским искусством, так как нередко им приходилось в своих торговых странствованиях выдерживать бои с разбойниками или дикими туземцами. Наибольшей известностью, как мореходы и славные торговцы, пользовались в те време-

на варяжские купцы, принадлежавшие преимущественно к племенам, сидевшим по южному побережью Балтийского моря; они совершали отважные плавания по самым дальним странам и морям; однако не отставали от них и купцы из природных уроженцев Русской земли. Они тоже смело пускались на своих ладьях по рекам нашего севера и востока в отдаленные края и доходили до северного Урала и Югры, где происходила с тамошним населением любопытнейшая немая торговля: когда славянские купцы приезжали в их землю, то в назначенном месте раскладывали свои товары, положи на них заметки, и уходили; по их уходе приходили местные жители и раскладывали рядом с славянскими товарами свои, большею частью меха; затем купцы приходили опять, и кому мена кажется сходною, тот забирает разложенный товар, а свой оставляет; кому же цена не покажется подходящею, тот не берет туземного товара, пока не сойдутся в цене.

Насколько ценились у нас гости, показывает старинный обычай провожать их по своей земле, чтобы им не чинили каких-либо

обид; при этом старейшины и князья не только наряжали ратных людей для охраны гостей, но на большом пути из варяг в греки сами со своими дружинами провожали купеческие караваны, когда они шли по Днепру и возвращались назад.

Это было постоянное занятие старейшин и князей в весеннее и летнее время, пока не закрывалось судоходство по рекам. Осенью же и зимой, как только становились реки, они отправлялись со своими дружинами в особые зимние походы, которые назывались полюдье, по подвластным себе областям. Здесь они собирали дань, творили суд, охотились, а также принимали участие и в той торговле, которая велась зимой.

Так жили наши предки в половине IX века, во время владычества над ними хазаров. Владычество это, как мы видели, было не особенно жестоко; обычаи и распорядки жизни у нас остались те же, что были всегда и встарь у славян. Подвластность же хазарам выражалась главным образом в платеже дани. Но подвластность эта была тем не менее весьма унижительною. Ввиду зависимого положения

наших предков в описываемое время от хазар и другие народы обходились с нами пренебрежительно. В Царьграде гостей наших постоянно обижали, не впускали порой в самый город, иногда изгоняли, словом, чинили разные притеснения, зная, что некому было за них вступиться. И на севере, в Ильменской стороне – многочисленные воинственные обитатели Варяжского моря также захаживали сюда и накладывали порой дань на отдельно жившее здесь славянское племя.

Наименее могущественными были в эти времена сами наши владыки, хазары; они сильно побаивались своих могучих данников – русских славян, и для своей защиты, на случай их набегов, хазарский каган выстроил в 834 году на Дону, в том месте, где Дон ближе всего подходил к Волге, каменную крепость Саркел, или Белую Вежу.

Когда же однажды поляне, жившие по Днепру, на требование хазар дани дали им от каждого дома по мечу и когда хазары принесли эту новую дань своим старшинам, то те крепко подумали и сказали своему князю: «Княже, дань недобрая. Ее доискались мы од-

ной стороной оружия, – то есть саблями, – а у этих оружие остро с обеих сторон; это – меч. Будут они брать дань и на нас, и на других странах».

И действительно, для этого нужно было только, чтобы могучие племена, отдельно сидевшие на Русской земле, собрались в одно единое несокрушимое целое.

Наконец, это важнейшее событие в жизни нашего народа свершилось.

В 862 году ильменские славяне прогнали каких-то заморских пришельцев, наложивших на них три года тому назад дань. Затем они стали управляться сами, и сейчас же началась обычная славянская усобица, восстал род на род, «и начали они, – говорит летописец, – воевать сами между собой».

На этот раз, однако, они вскоре сознали, что так жить дальше нельзя, и, не видя конца распрям, решили обратиться к стороннему племени, чтобы оно дало им князя, который владел бы ими и судил по праву.

И вот пошли ильменские славяне, кривичи и владевшие финским племенем чудь, к варягам, с которыми имели постоянные сно-

шения, и сказали: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет; придите княжить и владеть нами».

И отправились три брата со всем родом своим и племенем, и сели: старший Рюрик – в Новгороде, другой Синеус – на Белоозере, а третий Трувор – в Изборске.

Этим призванием князей и было положено начало Русскому государству.

Глава 3

Начало Русского государства. Кирилл и Мефодий – просветители славян. Княжение Рюрика. Аскольд и Дир; их славный набег на Царьград. Княжение Олега. Игорь, святая Ольга

В половине IX века, когда свершилось важнейшее событие в Русской земле и началась жизнь уже не отдельных племен, а Русского государства, в то же приблизительно время произошли и некоторые другие весьма важные события, имевшие впоследствии большое влияние на русскую жизнь.

Важнейшим из этих событий было изобретение славянской грамоты, благодаря святым

равноапостольным братьям Кириллу и Мефодию. Они родились от знатных и богатых родителей в греческом городе Солуне и с юных лет были близкими в семье византийских императоров, которые осыпали их своими милостями. Они хотели женить Кирилла на своей родственнице, а Мефодия назначить на высокую должность правителя обширного края, но святые братья добровольно отказались от всех почестей и земных благ, а приня-

ли суровый монашеский чин и затем много потрудились и претерпели, проповедуя христианство придунайским и западным славянам. Во время этого служения своего святой Кирилл и изобрел славянскую грамоту, что имело величайшее значение для всех славянских народов, так как они получили возможность изучать Евангелие и установить богослужение на понятном для них языке; благодаря общему письму все славяне могли теснее чувствовать братскую связь, соединяющую их между собой, и, наконец, благодаря грамоте же славяне могли вести летописи событий своей жизни на родном языке, а также и постигать плоды книжного просвещения. Таковы были заслуги святых Кирилла и Мефодия. Православная церковь дала им наименование равноапостольных.

Во время жизни святых братьев произошло событие огромной важности: отделение католиков от бывшей до сих пор единой православной церкви.

Произошло это вследствие того, что епископы Римской церкви, приобретя постепенно огромную власть над своей паствой, – в

числе которой были обращенные в христианство народы Испании, Англии, Франции, Германии и Италии, – и приобретя также значительные земельные владения в Римской области, возгордились и не пожелали в церковных делах подчиняться соборным постановлениям всех епископов, как это было правилом еще со времен апостольских. Римские епископы, называемые папами, мало-помалу стали тяготиться этим и начали доказывать, что они должны быть старшими над всеми остальными епископами; при этом они ввели некоторые самовольные изменения не только в обрядах, но и в Символе веры, в котором, вопреки постановлениям Вселенских соборов, прибавили, что Дух Святой исходит не от одного Отца, но также и от Сына. Все это привело к большим несогласиям в Церкви, особенно когда защитником апостольских правил, свято хранимых православными, явился царьградский патриарх Фотий, высокообразованный и твердый в делах веры, как камень, человек, а его противником – гордый и властолюбивый римский папа Николай, который окончательно отделился от православия

и образовал самостоятельную Римскую, или Католическую, церковь, называемую также латинской, так как богослужение у католиков происходит всегда на латинском, или древнеримском, языке.

Отделение католиков от православных было делом весьма неблагоприятным для всех славян, так как при крещении часть из них принимала православие, а другая – католичество; конечно, это сильно мешало, и мешает до сих пор, их взаимному соединению и вызвало много кровопролитных войн.

Из остальных важных событий следует указать на образование к этому времени государств уже у многих славянских народов. Первым славянским государством было княжество Болгарское, образовавшееся около 650 года; оно подчинило себе соседние славянские племена – сербов и хорватов и скоро стало грозным и для греков. Столицей болгарского княжества была Преслава, а крепостью Доростол. Угнетая постоянно хорватов, болгары вызвали среди них восстание, после чего, около 750 года, хорваты отложились и образовали независимое княжество.

Затем чехи, после долгой борьбы с аварами, которые было их покорили, образовали около 700 года независимое государство, с князем Кроком во главе. Преемницей его была славная дочь Крока – Любуша, основательница города Праги, которую народ прозвал за ум «Вещею».

Она отличалась необыкновенной справедливостью, за что и доныне прославляется чехами в песне «Любутин суд». В мужья себе она выбрала простого крестьянина Премысла, и от этого брака пошли первые чешские князья.

Кроме чехов, не на долгое время образовали самостоятельное княжество и моравы, но оно скоро было разрушено немцами, а затем и венграми, племенем, пришедшим из Азии.

Затем, в 960 году, ляхские, или польские, племена также образовали государство – Польшу, выбрав своим королем Земовита, тоже сына простого крестьянина Пяста. При наследнике Земовита Мечиславе поляки крестились и приняли от немцев и папы католичество.

Несколько раньше образования Польши

почти все народы, жившие в нынешней Франции, Италии и Германии, были соединены в огромную империю под рукою Карла Великого. Карл Великий, образовав свою державу, начал ожесточенную борьбу с храбрыми славянскими племенами, сидевшими в западной части балтийского побережья, которые, к сожалению, не соединились между собой для образования одного крепкого государства.

Хотя по смерти Карла Великого империя его и была разделена между тремя его сыновьями, но тем не менее начатое им дело – уничтожение западных славян, сидевших по южному берегу Балтийского моря, – усердно продолжалось немцами.

Таким образом, мы видим, что к половине IX века почти везде уже в Европе жили не разрозненные племена, а были образованы государства.

Через два года после призвания князей братья Рюрика – Синеус и Трувор – умерли, и он стал единовластно править над новгородскими славянами, кривичами и над финскими племенами – весью, мерей и муромой, сажая во все города своих посадников из стар-

ших витязей прибывшей с ним русской дружины.

Два мужа из этой дружины, не получившие в управление городов, Аскольд и Дир, отпросились у Рюрика идти искать счастье в Царьград. Следуя по великому пути «из варяг в греки», они дошли по Днепру до Киева.

Здесь, узнав, что Киев не имеет своего князя, а платит дань хазарам, и полюбив это бойкое и богатое место, Аскольд и Дир решили остаться; к ним присоединилось много варягов, и они стали владеть Киевом и всей полянской землей, причем освободили ее от платежа дани хазарам и успешно воевали со степными хищниками и некоторыми соседними племенами.

Через четыре года Аскольд и Дир настолько уже вошли в силу, что могли привести в исполнение заветное желание руссов – отомстить коварным и высокомерным грекам за все обиды и унижения, которые претерпевали от них наши предки во время хазарского ига. К этому еще представился и подходящий случай: греки убили в Царьграде нескольких русских провевальщиков зерна по ничтожно-

му поводу.

И вот, в 866 году, Аскольд и Дир решили совершить смелый набег на Царьград, как хаживали на него в старину смельчаки с устьев Днепра и Дона. Они собрали 200 ладей, то есть больших лодок с мачтами и парусами, посадили на каждую от сорока до шестидесяти человек, и настолько скрытно совершили свой переход по Днепру и Черному морю, что до самого их появления у Царьграда никто и не подозревал об этом набеге.

Патриарх Фотий был в это время в Константинополе и оставил подробное описание происшедшего.

По его словам, русский набег случился в один из прекрасных летних дней, под вечер, при совершенно тихом море. В этот прекрасный летний вечер царьградские горожане любовались красотами своего любимого моря не только из великолепных палат, но и из бедных хижин, с своих улиц и площадей, из бесчисленных садов и даже со стен самого города, которые опоясывали его со всех сторон по берегу моря.

Император Михаил отсутствовал со всем

своим войском, так как двинулся против арабов, и спокойный и беспечный город вовсе не ожидал ничего чрезвычайного, как вдруг в проливе из Черного моря обозначилось что-то невиданное, которое скоро обнаружило целую кучу русских ладей. Весь город обезумел от страха. Все в один голос с ужасом воскликнули: «Что это?! Что это?!» А руссы подплывали все ближе и ближе, навевая на всех своим видом что-то свирепое, дикое и убийственное; скоро они стали сходить на берег и угрожать городу, простерши свои мечи.

«Мрак объял все трепетные умы, – говорит Фотий, – слезы и рыдания распространились во всем городе; крайнее отчаяние объяло всех; со всех сторон разносилась одна весть, один крик: «Варвары перелезли через стены! Город взят неприятелем!» Неожиданность бедствия и нечаянность набега заставили всех воображать и слышать только это одно».

По свидетельству Фотия, руссы из-за загородных ворот напали на красивые предместья города и опустошили их огнем и мечом до самой крепости, или Царьградского кремля, стоящего на выдающемся в море высоком

холме. Они огнем и мечом опустошили и морские пристани, распределив их между собой для разгрома по жребию.

Это показывает, что руссы хорошо обдумали все подробности своего нападения; они внезапно пришли вечером, во время отсутствия царя с войском, чтобы поразить неожиданностью врага, а затем совершить нападение под покровом ночи, дабы скрыть свою малочисленность; при этом, чтобы не было никакого беспорядка, заранее определили жребием, кто в какой части города будет действовать.

После опустошения морских пристаней руссы быстро окружили городские стены и стали валить к ним земляную присыпь, намереваясь скорее перелезть в самый город. При этом «трусость дрожью пробежала по всему телу и обессилила даже и тех, которым предоставлено было распоряжаться в опасное время», – говорит Фотий.

Народ, лишенный всякой помощи и защиты, теперь помышлял только о молитве и наполнил все храмы. Повсюду во всю ночь совершалась служба: с воздетыми руками вос-

сылались усердные и слезные моления о помиловании. Общее несчастье заставило раскаяться в грехах, образумиться и приняться за добрые дела.

Не встречалось благодатнее часа, как этот, для проповеди и поучения к народу о грехах, о всеобщем покаянии, об исправлении своей жизни добрыми делами.

И святитель Фотий начал в соборе Святой Софии свою проповедь:

«Что это! Откуда поражение столь губительное! Откуда гнев столь тяжкий? Откуда упал на нас этот дальнесеверный страшный Перун! Откуда нахлынуло это варварское, мрачное и грозное море! Не за грехи ли наши все это ниспослано на нас! Не обличение ли это наших беззаконий и не общественный ли это памятник им. Не доказывает ли эта кара, что будет суд страшный и неумолимый. И как не терпеть нам страшных бед, – продолжал святитель, – вспомните, как греки несправедливо обижали в Царьграде приезжих руссов, когда мы убийственно рассчитались с теми, которые должны были нам что-то малое ничтожное. Мы получали прощение и не мило-

вали ближнего. Сами обрадованные, всех огорчали; сами прославленные, всех бесчестили; сами сильные и всем довольные, всех обижали; безумствовали, утолстели, разжирели, расширились. Вы теперь плачете, и я с вами плачу. Но слезы ваши напрасны. Кого они могут умолить теперь, когда перед нашими глазами мечи врагов, обагренные кровью наших сограждан, и когда мы, видя это, вместо помощи им, бездействуем, потому что не знаем, что делать, и только ударились все в слезы...

Часто внушал я вам: берегитесь, исправьтесь, обратитесь, не попускайте отточиться Божью мечу и натянуться его луку. Не лукавьте с честными людьми. Горько мне от того, что я дожил до таких несчастий; от того, что мы сделались поношением соседей наших. От того, что поход этих варваров схитрен был так, что и молва не успела предупредить нас, дабы мог кто подумать о безопасности. Мы слышали об них уже тогда, когда их увидели, хотя и отделяли нас от них столькие страны и народоначальства, судоходные реки и пристанищные моря. Горько мне от того,

что я вижу народ жестокий и борзый, смело окружающий наш город и расхищающий его предместья. Они разоряют и губят все: нивы, жилища, пажити, стада, женщин, детей, старцев, юношей, всех поражая мечом, никого не милуя, ничего не щадя. Погибель всеобщая! Как саранча на ниве. Или страшнее, как жгучий зной, наводнение, или не знаю, что и сказать, этот народ явился в стране нашей и сгубил ее жителей.

О, город-царь! Какие беды столпились вокруг тебя! О, город-царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается над тобою, как над рабом! Необученное и набранное из рабов (хазарских)! О, город, украшенный делами многих народов! Что за народ вздумал взять тебя в добычу? О, город, воздвигший многие победные памятники после поражения ратей Европы, Азии и Ливии!.. А слабый и ничтожный неприятель смотрит на тебя сурово, пытается на тебе крепость своей руки и хочет нажить себе славное имя! О, царица городов царствующих!

О, храм мой, святилище Божие, Святая София, Недреманное Око Вселенной! Рыдайте,

девы. Плачьте, юноши. Горюйте, матери. Пропливайте слезы и дети. Плачьте о том, что умножились наши несчастья, а нет избавителя, нет печальника».

Святитель закончил свое обращение к народу воззванием: «Наконец, настало время прибегнуть к Матери Слова, к Ней, Единой Надежде и Прибежищу. К Ней возопием: Досточтимая, спаси град Твой, как ведаешь, Госпоже!»

После этого, при стечении трепетавшего от ужаса народа, с горячей мольбой о спасении, из Влахернского храма была поднята риза Божией Матери и крестным ходом обнесена вокруг стен города и погружена в воду.

И Царица Небесная вняла мольбам своего грешного, но раскаявшегося народа, и во второй раз, подобно тому как это было в 628 году, во время набега аваров, Она явила Свою чудесную помощь и отвратила неминуемую гибель от города. Вид православного крестного хода, с патриархом и духовенством в полном облачении, множество хоругвей, стройное пение и несомая впереди чудотворная риза – все это представило совершенно необычное

зрелище для язычников руссов; они настолько были уstraшены им, что повсюду, как только видели приближение к себе крестного хода, поспешно бросали работы по ведению приступа и спешили к своим ладьям, после чего оставили город.

Так, заступничеством Божией Матери, был чудесно спасен Царьград от полного истребления. Руссы же возвратились из своего смелого набега домой в Киев с богатейшей добычей и громкой славой.

Через несколько дней после набега руссов Фотий опять собрал свою паству и в поучении по поводу чудесного избавления города от полного истребления говорил между прочим:

«Разразилась у нас внезапная беда, как явное обличение нас в наших грехах. Она совершенно не похожа на другие нападения варваров: напротив, и нечаянность нашествия, и чрезвычайная быстрота его, и бесчеловечность варварского народа, и жестокость его действия, и свирепость его нрава доказывают, что поражение, как громовая стрела, было ниспослано с неба.

Поистине, гнев Божий бывает за грехи; гроза скопляется из дел грешников. Ибо эти варвары справедливо рассвирепели за умерщвление соплеменников их и справедливо требовали и ожидали кары, равной злодеянию...

Народ, до нападения на нас, ничем не давший себя знать, народ не почетный, народ, считаемый наравне с рабами, не именитый, но приобретший славу со времени похода на нас, незначительный, но получивший значение, смиренный и бедный, но достигший высоты блистательной, народ, где-то далеко от нас живущий, варварский, гордый оружием, не имеющий ни гражданского устройства, ни военного искусства, так грозно, так мгновенно, как морская волна, нахлынул на пределы наши и, как дикий вепрь, истребил живущих здесь, словно траву. И какие зрелища скоплялись пред нами: младенцы были разможжены о камни, матери, зарезываемые или разрываемые, умирали подле своих малюток... Лютость губила не одних людей, но и бессловесных животных: волов, коней, кур и других, какие только попадались варварам. А что де-

лалось над мертвыми телами! Речные струи превращались в кровь. Колодезей и водоемов нельзя было и отыскать, потому что они через верх были наполнены телами.

Но, – говорит Фотий, – когда обнесли вокруг стен города ризу Божьей Матери, тогда помиловал Господь достояние свое. Поистине, эта досточтимая одежда есть риза Богоматери. Носилась она вокруг этих стен, и неприятели, непостижимо как, обращали тыл своей. Покрывала она город, и насыпь их рассыпалась, как по данному знаку. Охраняла она осажденных, и осада неприятелей не удавалась сверх чаяния... Ибо, как только эта девственная риза была обнесена по одной стене, варвары тотчас сняли осаду города, и мы избавились от ожидаемого плена и сподобились нечаянного спасения. Неожиданно было нашествие врагов, но нечаянно и удаление их, чрезмерно негодование, но неизреченна и милость... Их привел к нам их гнев; но за нами следовала Богоматерь и отвратила их набег. Поражение остановлено покаянием... Отточенные на нас мечи остановлены литиями и молениями!..»

Чудесное заступничество Богоматери за Царьград произвело сильное впечатление и на руссов. И раньше еще были христиане среди них и варягов; после же чудесной помощи свыше, оказанной царьградским христианам, когда гибель их казалась неминуемой, Аскольд и большое число ходивших с ним в набег ясно убедились в неизбежном преимуществе христианской религии над языческой.

В этом их должно было также убедить и то обстоятельство, что незадолго перед тем крестился весь болгарский народ.

Через два года после набега Аскольд прислал в Царьград послов заключить прочный мир и уговор, как вести руссам и грекам торговлю, чтобы было справедливо и для той и для другой стороны. Вместе с тем присланные Аскольдом просили греков просветить их и Христовой верой. Византийские цари, братья Василий и Михаил, заключив прочный мир с руссами и щедро одарив их золотом, серебром и шелковыми тканями, крестили прибывших, а патриарх назначил для Киева епископа.

В своем окружном послании по этому по-

воду Фотий писал между прочим следующее: «Не только болгарский народ переменял прежнее нечестие на веру во Христа, но и тот народ, о котором многие рассказывают и который в жестокости и кровопролитии все народы превосходит, оный глаголемый росс, который поработил живущих окрест его и, возгордясь своими победами, воздвиг руки и на Византийскую империю; и сей, однако, ныне переменял языческое и безбожное учение, которое прежде содержал, на чистую и правую христианскую веру, и, вместо недавнего враждебного на нас нашествия и великого насилия, с любовью и покорностью вступил в союз с нами. И столько воспламенна их любовь к вере, что и епископа, и пастыря, и христианское богослужение с великим усердием и тщанием приняли».

По преданию, когда назначенный Фотием епископ прибыл в Киев, то Аскольд принял его на народном вече, где стали рассуждать о вере своей и христианской и спросили епископа: чему он хочет учить их?

Епископ открыл Евангелие и стал говорить им о Спасителе и о Его земной жизни, а

также и о разных чудесах, совершенных Богом в Ветхом Завете. Руссы, слушая проповедника, сказали: «Если мы не увидим чего-нибудь, подобного тому, что случилось с тремя отроками в огненной печи, мы не хотим верить». Служитель Божий не поколебался; он смело отвечал им: «Мы ничтожны перед Богом, но скажите, чего хотите вы?» Они просили, чтобы брошено было в огонь Евангелие, и обещали обратиться к христианскому Богу, если оно останется невредимым. Тогда епископ воззвал: «Господи! Прослави Имя Твое перед сим народом» – и положил книгу в огонь. Евангелие не сгорело. После этого многие из присутствовавших, пораженные чудом, крестились.

Спустя четырнадцать лет после Аскольдова крещения Рюрик, сидевший в Новгороде, умер, передав правление родственнику своему Олегу, так как сын Рюрика Игорь был еще очень мал. Это было в 882 году.

Три года ничего не было слышно в Киеве про нового князя, а в 885 году Олег, собрав большую рать из варягов, новгородских славян, кривичей, чуди от Изборска, веси от Бе-

лоозера и мери от Ростова, пошел водой на Киев.

Княжеская дружина была в кольчугах, или железных чешуйчатых рубашках, в железных же шлемах, с секирами, мечами, копьями и дротиками. В руках у каждого воина был большой деревянный щит, обтянутый кожей, выкрашенной в красную краску, и окованный железом. Ратные же люди от земли, или вои, как их называли, одевались попроще. Мало кто из них носил кольчуги, и многие шли в одних портах; вооружены они были копьями, топорами, стрелами, мечами и ножами. Почти все были пешие.

Двигаясь на Киев, Олег по пути занял Смоленск, в котором поставил посадником мужа из своей дружины, а затем занял и город Любеч, где тоже оставил своего посадника. Таким образом он завладел днепровским путем до самого Киева.

Подойдя к Киеву, Олег укрыл всю свою силу в лодках и засадах, а сам с маленьким Игорем на руках вышел на берег и послал с вестью к Аскольду и Диру, что пришли гости, идут в Грецию от Олега и Игоря княжича и

желают повидаться с земляками – варягами. Не подозревавшие ничего Аскольд и Дир пришли к берегу, но не успели они вступить в разговор с Олегом, как из лодок и засад повывскакивала дружина, и Олег сказал киевским владыкам: «Вы владеете Киевом, но вы не князья и не княжеского рода; я есть княжеский род, а это сын Рюрика» – и вынес вперед маленького Игоря. После этого Аскольд и Дир были тут же убиты, а Олег, избавившись таким образом от киевских вождей, уже без труда завладел городом. Аскольд же и Дир были похоронены на горе близ города. Впоследствии на могиле Аскольда была поставлена церковь Святого Николы; могила эта сохранилась и до сих пор, и каждый православный человек, посещающий Киев, заходит помолиться за упокой души великого витязя, здесь лежащего.

Причина, почему Олег поступил так жестоко с Аскольдом и Диром, совершенно понятна. Богатый Киев лежал на том же большом пути из варяг в греки, у начала которого стоял и Новгород, где сидели русские князья. Аскольд и Дир были их дружинниками, и не из

старших, так как не получили от Рюрика в управление городов, почему и отпросились у него идти искать счастья к Царьграду. Осевши в Киеве, эти витязи освободили его от уплаты дани хазарам, подчинили себе соседние племена и, кроме того, прославились славным набегом на Царьград. Все это сделало их сильными и могущественными, а потому и опасными для природного княжеского рода, сидевшего в Новгороде. Поэтому Олег, задумав объединить Русскую землю, для чего он и собрал большую ратную силу, конечно, прежде всего должен был овладеть Киевом, лежащим к тому же в самом важном месте великого водного пути «из варяг в греки».

Кроме того, нет сомнения, что язычник Олег и его языческая новгородская дружина с большим неудовольствием смотрели, что отделившиеся от них варяги с Аскольдом и Диром мало того что приобрели значительную силу, но еще вдобавок и приняли ненавистное для закоренелых язычников христианство.

Что же касается того, что Олег избавился от Аскольда и Дира путем хитрости, то это по-

казывает, конечно, только их большую силу, почему он и не желал вступить с ними в открытый бой; надо при этом сказать также, что употребленный им обман, чтобы заманить их, по языческим понятиям не только не был плохим делом, но, наоборот, – молодецким, и слово «хитрец», или «хитрок», считалось похвальным для тех людей, которые искусно обманывали своих врагов.

Поход Олега на Киев показывает, что действительно он был очень искусно соображен. Начавши после Рюрика княжить, Олег целых три года оставляет Аскольда и Дира в Киеве в покое и ничем не показывает своего намерения напасть на них. Сидя эти три года, по-видимому, бездеятельно в Новгороде, он между тем старательно готовится к походу, собирает большую рать из всех северных племен, вооружает ее и строит ладьи для похода, на что новгородцы, как отличные плотники, были всегда мастера; при этом все свои замыслы против Аскольда и Дира и все сборы к походу Олег держит до того скрытно, что киевские витязи о них вовсе и не догадываются, несмотря на то что по большому пути из ва-

ряг в греки много народу из Новгорода перебывало за эти три года в Киеве.

Наконец, выступив со своею ратью и ладьями к Киеву, Олег сумел и тут тоже так скрытно пройти по водному пути, что совершенно незаметно подошел к Киеву и выманил из него Аскольда и Дира, которые сами были весьма опытные и искусные воины.

Такое искусное приготовление Олега к скрытному походу и самое его совершение должно и в наши времена, несмотря на то что с тех пор прошло уже более тысячи лет, служить примером, достойным подражания, как следует изготовляться, чтобы внезапно напасть на врага.

Покончив с Аскольдом и Диром, Олег перенес свой княжеский стол из Новгорода в Киев. «Это будет мать городам русским» – вот первое слово, которое сказал Олег про Киев. В Новгороде же он посадил своего посадника. Затем он сейчас же стал строить в занятых землях городки и посылать в них своих мужей-правителей.

Вместе с тем он решил начать покорение и тех соседей, от которых Киев и поляне терпе-

ли тесноту. В первое же лето он отправился походом на древлян, постоянно нападавших на полян из своих дремучих лесов. Олег обошелся с древлянами сурово, «примучил их», как говорит летописец, и обложил их данью по черной кунице с дыма. На следующее лето он пошел на северян и возложил на них дань легкую, чтобы не платили хазарам. «Я хазарам недруг, а не вам», – сказал он им. На третье лето Олег спросил радимичей: «Кому дань даете?» Те отвечали: «Хазарам». – «Не давайте хазарам, но мне давайте». Так радимичи и поступили.

Объединив таким образом под своей рукою соседние к полянам племена и владея уже большим путем из варяг в греки, Олег стал укреплять княжескую власть во всех собранных им воедино славянских племенах; вместе с тем он стал готовиться к большому походу против Царьграда, чтобы подтвердить грекам, что и после Аскольда и Дира Русь осталась такой же грозной и могучей для Византии, как и во времена этих витязей.

В этих занятиях по управлению землею и приготовлениях к большому походу на Царь-

град прошло двадцать три года. За эти двадцать три года летописец упоминает о двух важных событиях, имевших место в Русской земле.

В 897 году прошла мимо Киева и, переправившись через Днепр, направилась дальше к западу орда азиатского кочевого народа угров, или венгров. Столкновений у венгров с русскими не было; очевидно, русские были настолько грозны, что венгры и не помышляли напасть на них, а просили только разрешения пройти по их земле, чтобы найти дальше на западе свободное место, где можно было бы осесть.

Пройдя Карпатские горы, венгры потеснили некоторые в этих горах и южнее западно-славянские племена и сели в широкой равнине по среднему Дунаю, к югу и западу от Карпат. Здесь венгры, по наущению греческих императоров, сейчас же начали воевать с соседними славянскими племенами, особенно же с моравами. Вообще, прибытие угров, или венгров, в Европу и расположение их по среднему течению Дуная было весьма неблагоприятно для всего славянства, так как с появ-

лением их на Дунае южные славянские племена были отрезаны совершенно чужим для них народом от своих северных, восточных и западных братьев, причем отрезанность эта продолжается и по сей день.

Указав в летописи о проходе венгров, летописец рассказывает затем, что князь Игорь, успевший подрасти и начать помогать Олегу в управлении государством, женился в 902 году на природной русской славянке, уроженке села Выбуты, лежащего в 12 верстах от Пскова. По красоте своего лица и редким душевным качествам она была прозвана Прекрасой. После замужества Прекраса приняла имя Ольги, в честь Олега.

К 906 году приготовления Олега к походу на Царьград были закончены.

Оставив князя Игоря в Киеве управлять делами на время своего отсутствия, Олег выступил в поход на греков, собравши множество варягов, новгородских славян, чуди, кривичей, мери, полян, северян, древлян, радимичей, хорватов, волынян, или дулебов, и тиверцев. Вся эта славная рать двинулась к Царьграду на кораблях, ладьях и конях. Кораблей

было две тысячи, причем в каждом помещалось по 40 человек; водой, стало быть, шло 80 тысяч, да по берегу шла конница.

Когда Олег подошел к Царьграду, греки застроили город железными цепями и заперли городскую гавань. Олег высадился на берег и стал воевать около города, творя большое опустошение; при этом он выволок свои корабли на берег, поставил их на колеса и ждал попутного ветра; когда же такой ветер поднялся с поля, он поднял паруса, и рать его поехала на кораблях к самому городу посуху, как по воде. Увидевши такую беду, греки перепугались и выслали Олегу гонцов с покорным словом: «Не губи город: дадим тебе дань, какую пожелаешь». Олег остановил поход. Греки по обычаю вынесли ему угощенье – пищу и вино; но мудрый русский князь не принял угощенья, ибо знал, что вероломные греки непременно устроят его с отравой. С ужасом воскликнули тогда греки: «Это не Олег, это сам святой Димитрий, посланный на нас от Бога». И заповедал Олег потребовать с греков огромную дань: на все две тысячи кораблей по 12 гривен на человека; в каждом же

корабле, как мы знаем, сидело 40 человек. Греки соглашались на все и просили только мира. Отступив немного от города, Олег послал к царям творить мир. Утвердив сказанную дань по 12 гривен на каждое весло, Олег установил также, чтобы греки платили дань или уклады и русским городам: Киеву, Чернигову, Переяславлю, Полоцку, Ростову, Любечу и прочим, находившимся под рукой Олега.

Брать дань было делом обычным у каждого победителя, и Олег не за тем поднимался в поход. Главное, что сказали его послы грекам, было следующее: «Да приходят русь – послы в Царьград и берут посольское (хлебное, столовый запас), сколько хотят; а придут которые гости (купцы), пусть берут месячину на полгода: хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи, и да творят им баню, сколько хотят. А поедут русь домой, пусть берут у вашего царя на дорогу съестной запас, якоря, канаты, паруса, сколько надобно».

Таким образом, главное требование Олега было: чтобы каждый русский человек имел право приходить в Царьград и чтобы там принимали его как доброго и уважаемого гостя.

Олег требовал при этом хорошего угощения и именно для купцов-гостей, по крайней мере на полгода, пока они не устроят свои торговые дела; затем он требовал, чтобы вдоволь можно было париться в бане, так как для доброго и далекого гостя это было первое угощение; наконец, он требовал, чтобы как поедет Русь домой, ее отпускали тоже как всякого доброго гостя, давали бы съестное и все, что надобно заезжему человеку в далеком пути.

Значит, Русь требовала, чтобы в Царьграде с русскими людьми обращались так, как историки обращались на Руси с чужими гостями.

Требование это показывает, что напрасно греки называли русских варварами и смотрели на них свысока, так как, наоборот, русские люди были тогда гораздо ласковее и обходительнее с своими гостями, чем греки, и требовали для себя такого же вежливого обхождения и от греков.

Греки же во время хазарского ига над Русской землей, когда у нас не было своей ратной силы и некому было заступиться в Царьграде за русского торгового человека, привыкли относиться к нему, как уже было объясне-

но, пренебрежительно и несправедливо.

Как странник, случайно попавший в этот большой торговый город, русский человек должен был кланяться, унижаться или же добывать себе даже необходимые вещи для жизни насильно, воровством, разбоем, что было опасно и редко сходило с рук, так как греки, пользуясь своей силой, жестоко платили русским за малейшую обиду. Вот почему, как только почувяла Русь свою силу, то сейчас же собралась она в лихой набег под начальством Аскольда и Дира – отомстить за свои обиды Царьграду, и с этой же целью – подтвердить грекам русскую силу – собрался и Олег в свой славный поход на Царьград.

Конечно, греческие цари согласились на требования Олега, но со своей стороны просили: «Пусть приходит Русь в Царьград; но если придут без купли, то месячины не получают. Да запретит князь своим словом, чтобы приходящая Русь не творила пакости в наших селах. Когда приходит Русь, пусть живет за городом, у святого Мамонта. Там запишут их имена, и по той росписи они будут получать свое месячное: первое от Киева, также от Чер-

нигова, Переяславля и прочие города. В Царьград Русь входит только в одни ворота, с царевым мужем, без оружия, не более 50 человек. И пусть творят куплю, как им надобно, не платя пошлин ни в чем».

Затем, в утверждение мира, цари целовали крест, а Олег и его мужи, по русскому закону, клялись своим оружием, своим богом Перуном и Велесом, скотьим богом.

Корабли Олега наполнялись всяким товаром. Шелковых и других тканей было так много, что на возвратном пути Олег велел своей дружине сшить паруса паволочные (разноцветного шелку), а остальной рати от земли – кропийные (ситцевые). Когда подняли кропийные паруса, случилась беда: их разорвал ветер; тогда сказали славяне: «Останемся при своих холстинах, непригодны славянам парусы кропийные».

Отходя от Царьграда, руссы прибили к воротам его свои щиты, в знак победы. Вернулся Олег в Киев с большой славой, неся золото, паволоки, овощи, вина и всякое узорочье, всякий товар, который был ходок и дорог в Русской земле.

Народ, видя возвращение Олега с такой богатейшей добычей и вместе с тем видя, что войско его все вернулось целым и невредимым, то есть что, стало быть, он все это добыл, не пролив крови своих людей, дивился этому и прозвал его «Вещий», что значило – чудесный, великий.

На пятое лето после этого славного похода, в 911 году, воцарился в Царьграде император Константин Багрянородный, и Олег снова послал к грекам послов, чтобы подтвердить мир и договор с новым царем.

В Царьград было отправлено 14 послов, в числе которых находилось и пятеро, устроивших первый договор.

Приветствовав императоров от имени Олега, великого князя Русского, и от всех находящихся под рукой его, светлых и великих князей и великих бояр, послы стали объяснять цель своего прибытия.

«Первое слово, – сказали послы, – да умиримся мы с вами, греки! Да любим друг друга от всей души и изволенья и сколько будет нашей воли не допустим случая, чтобы кто из живущих под рукой наших светлых князей

учинил какое зло или какую вину, но всеми силами постараемся не превратно и не постыдно во всякое время, во веки сохранить любовь с вами, греки, утвержденную с клятвами нашим словом и написанием. Так и вы, греки, храните такую же любовь, непоколебимую и непреложную, во всякое время, во все лета, к князьям светлым нашим русским и ко всем, кто живет под рукой нашего светлого князя».

Затем послы стали договариваться о том, как поступать, если будут случаться убийства греков русскими или наоборот, а также и о других происшествиях между русскими и греками:

«Если кто убьет, русин христианина (грека) или христианин русина, да умрет на самом месте, где сотворил убийство.

Если убежит убийца и будет имовит (достаточен), то его имение, какое принадлежит ему по закону, да возьмет ближний убиенного; но и жена убившего возьмет свое, что следует по закону.

Если украдет что русин у христианина или христианин у русина и будет пойман в тот

час и, сопротивляясь, будет убит, да не взыщется его смерть ни с христиан, ни от руси, а хозяин возьмет свое покраденое. Если вор отдастся в руки беспрекословно и возвратит покраденное, пусть за воровство заплатит втрое против покраденного»...

Наконец, русские послы предложили:

«Если греческая ладья будет выброшена большим ветром на чужую землю и случится там кто из нас, русских, то мы, русские, охраним их ладью и с грузом отправим ее в землю христианскую; проводим ладью сквозь всякое страшное место, пока не приведем в место безопасное. Если такая ладья, или от бури или от противного ветра, не сможет идти в свои места сама собой, то мы, русские, потрудимся с гребцами той ладьи и допроводим с товаром их поздорову в свое место, если то случится близ греческой земли. Если такая беда приключится ладье близ земли Русской, то проводим ее в Русскую землю. И пусть продают товар той ладьи, и если чего не могут продать, то мы, русь, отвезем их, когда пойдем в Грецию, или с куплей или с посольством; отпустим их с честью и непроданный

товар их ладьи...

Что касается пленных, то на Руси им установлена торговая и выкупная цена – 20 золотых. Пленных на обе стороны, или от Руси, или от греков, должно продавать в свою страну.

Кто из русских работает в Греции у христианского царя и умрет, не урядивши своего имения (не сделав завещания), или из своих никого при нем не будет, да возвратится то его имение наследникам в Русь. Если сделает завещание, то кому писал наследство, тот его и наследует.

Кто из ходящих в Грецию, торгуя на Руси, задолжает, и, укрываясь, злодей не воротится в Русь, то Русь жалуется христианскому царству, и таковой да будет взят и возвращен в Русь, если б и не хотел. Это же все да творит Русь грекам, если где таковые случатся».

Греки согласились на эти предложения послов; конечно, предложения эти показали грекам, насколько русские были высококультурны, образованны и разумны. Договор был подписан царем греческим и послами, причем Русь клялась по закону и по покону свое-

го народа не отступать от установленных мира и любви.

Греческий император почтил русских послов дарами, золотом, паволоками и велел показать им город: «церковную красоту, палаты золотые и в них всякие богатства, многое золото, паволоки и каменьё дорогое и особенно христианскую святыню: Страсти Господни – венец, гвоздь и хламиду багряную и мощи святых, поучая послов в своей вере. И отпустил их в свою землю с честью великой».

Так установил мудрый Олег договор Руси с греками в 911 году.

Через два года, в 913 году, после тридцати двух лет княженья, Олега не стало.

«И плакали все люди плачем великим», хороня своего вещего князя, который первый собрал Русскую землю в одно великое государство и громко прославил русское имя своими удачными походами и мудрыми договорами.

Летописец рассказывает, что волхвы и кудесники предсказали как-то раз Олегу, что он умрет от своего любимого коня; поэтому конь этот был отправлен на покой, и Олег больше

никогда не садился на него; когда же Олег узнал о смерти коня и увидел его кости, то, поставив ногу на его голову, сказал смеясь: «От этого ли лба я приму свою смерть?» Но в это же самое время он был смертельно укушен змеею, выползшей незаметно из конской головы.

После Олега на княжеский стол сел Игорь, сын Рюрика. Это было в 913 году. Первым его делом было усмирение древлян, которые по смерти Олега отказались платить дань. Игорь победил их и наложил дань больше Олеговой. Затем он усмирил и непокорное славянское же племя уличей, которые жили в низовьях Днепра, близ нынешнего города Алешек; во время этого усмирения долго не покорялся город Пересечен, так что Игорев воевода сидел около него три года и едва взял. Тогда уличи совсем перебрались с Днепра и сели между Бугом и Днестром.

После ухода их весь великий путь «из варяг в греки» был уже вполне в руках великого князя.

Но от варягов, по Русской земле, существовала еще дорога в иной морской угол – на да-

лекий Восток, к богатому тогда Каспийскому морю.

Тут, как известно, сидели хазары. Конечно, много обид чинилось русским людям во время хазарского ига, как от самих хазар, так особенно от народов, населявших, под рукою арабов, кавказские берега Каспийского моря, куда постоянно хаживали наши торговые люди.

И вот пришло время – чтобы Русь и здесь показала свою силу и отплатила долголетние обиды.

После усмирения древлян, в 914 году, русские ратные люди, на 500 кораблях, в каждом по 100 человек, спустились вниз по Днепру в море; затем, обогнув с юга Крымский полуостров, они вошли в Азовское море; отсюда они послали просить хазарского царя пропустить их в Каспийское море, чтобы отмстить кавказским народам за долголетние обиды. Хазарский царь согласился, вероятно не считая себя достаточно сильным, чтобы отказать, а русские обещали ему отдать за это, при возвращении, половину своей добычи. Получив согласие, русские из Азовского моря подня-

лись по Дону до перевала в Волгу, вблизи хазарского города Саркела, у теперешней Качалинской станицы. Отсюда они, так же как Олег под Царьградом, должны были перевезти свои корабли на колесах в Волгу и по ней спустились в Каспийское море. Здесь наши удальцы распространились отрядами по всем богатым приволжским и закавказским берегам и начали свою жестокую месть за все прежние обиды. «Руссы проливали кровь, – говорит арабский писатель, – брали в плен женщин и детей, грабили имущество, распускали всадников для нападений, жгли села и города». Народы, обитавшие около этого моря, с ужасом возопили, а русские, разгромив этот богатый берег, отошли к нефтяной земле у города Баку, где до сих пор еще живут огнепоклонники, и поселились для отдыха на близлежащих островах.

Тогда, опомнившись от удара, жители вооружились, сели на корабли и купеческие суда и отправились к островам. Но русские не дремали и встретили врага таким отпором, что тысячи нападавших были изрублены и потоплены. После этой победы русские, обре-

мененные богатейшей добычей, стали собираться домой и, по уговору с хазарским царем, за пропуск их в Каспийское море, послали ему половину всего добытого. Однако хазары решили поступить с нашими предками самым предательским образом. Они собрали в Итиле большую силу и напали на возвращавшихся русских. Жестокая битва продолжалась три дня, и, наконец, наши были почти все перебиты. Тысяч пять из них спаслось и направилось вверх по Волге, но там финское племя буртасов и камские болгары добились окончательно. Много ли воротилось отважных мореплавателей домой – неизвестно. Но нет сомнения, что кто-нибудь принес на родину весть о том, сколько русской крови было пролито изменническим образом на Волге. Кровь же русская никогда и нигде даром не пропадала без жестокого мщения; надо было только выждать для этого удобное время и случай.

Вслед за этим несчастьем случилось на Русской земле и другое большое горе.

Из Средней Азии пришло, в 915 году, в наши южные русские степи новое большое

хищное племя – печенег. Оно, без сомнения, было вызвано греками, которые, видя усиление Руси, а также болгар на Дунае и не рассчитывая больше на ослабевших хазар, призвали против славян печенегов, по примеру императора Юстиниана. Вначале Игорь умирился с ними, и они прошли прямо на болгар, но затем стали прибывать их новые полчища, которые сели восемью ордами по всему побережью между Доном и Дунаем, преградив, разумеется, русским путь из варяг в греки.

Конечно, это было для недавно образовавшегося государства Руси большим несчастьем. Со времени прихода печенегов наши предки могли выходить по Днепру к Черному морю – или покоривши печенегов, или умирившись с ними. И вот уже через пять лет по их прибытии, в 920 году, князь Игорь начинает продолжительную борьбу с этим народом.

Борьба эта сменялась иногда на несколько лет миром, и тогда мы свободно входили в Черное море. Греки же постоянно дружили с печенегами и искусно натравляли их то на нас, то на болгар, а также и на венгров.

Печенеги были народом жадным и ненасытным: они бесстыдно выпрашивали у греков множество дорогих подарков за свои нападения на славян; но при этом печенеги были также народом воинственным и свирепым; они отлично ездили верхом и стреляли из лука. На венгров они сразу, как появились, навели такой ужас, что те отказались дальше воевать с ними; русских же печенеги всегда сами боялись, так как они наносили им зачастую жестокие поражения.

После занятия печенегами выхода из Руси к Черному морю греки мало-помалу скоро стали опять обижать в Царьграде русских людей и относиться к ним пренебрежительно, так как считали, что нам уже невозможно будет повторить набег на Константинополь, как это было во времена Аскольда и Олега. Однако греки ошиблись в своих расчетах.

Заклучивши с печенегами мир, Игорь в 941 году поднялся на Царьград с большой силой. У него было не меньше тысячи кораблей. Он, по русскому обыкновению, быстро подошел к городу, высадился по обоим берегам Царьградского пролива и жестоко опустошил

все побережье, производя обычные по тому времени ратные дела, сожигая села, церкви и монастыри и без пощады убивая жителей.

Вскоре выступил греческий флот; он был вооружен приспособлениями, из которых пускали на врагов знаменитый в то время греческий огонь. Эти приспособления были установлены на корме, на носу и по бокам каждого корабля.

Византийский флот встретил ладьи Игоря у Искресту, как называли русские башню со светильником, или маяк, стоявший к северу от Босфора на скале.

Русь, конечно, сама выманила греков в открытое море, где надеялась с полным успехом не только разбить, но и захватить своих врагов живьем. На море стояла полнейшая тишина, что, по-видимому, было благоприятно для русских; но на самом деле именно эта тишина и оказалась для них пагубной, так как в ветер греки не могли бы добрасывать со своих судов «греческий огонь» в наши корабли; при наступившей же тишине огонь этот действовал без всякой помехи. Главным его составом была нефть, которая горела даже и в

воде. Как только приблизились друг к другу корабли – огонь был пущен греками во все стороны. Облитые нефтью русские корабли, и люди, и вся поклажа мгновенно воспламенились и производили сильнейший пожар. Спасаясь от огня, русские стали бросаться в море, желая лучше утонуть, чем сгореть. Иные, обремененные кольчугами и шлемами, тотчас шли ко дну, иные, плывая, горели в самых волнах морских. Ушли от гибели только те, которые успели отплыть к азиатскому низменному берегу, в мелководье, куда греческие огненосные суда не могли пройти вследствие своей величины.

Однако оставшиеся русские были еще очень многочисленны и потому, высадившись на малоазиатском берегу, распространяли свои набеги далеко по побережью, а также углублялись и вовнутрь страны для сбора всякой добычи. Когда с сухого пути их выбивали собравшиеся сухопутные греческие полки, тогда русские отходили в своих малых кораблях на мелководье и, воюя таким образом, успешно держались против греков в течение всего лета. Мелкая вода была для них своего рода

крепостью, так что во все это время они жили и ночевали в своих лодках. Наконец, настал сентябрь месяц. Запас съестного истощился, и русские порешили отправиться домой, для чего в одну темную ночь и тронулись в путь. Но греческий флот ожидал их ухода и зорко следил за морем. Утром наши были настигнуты большими греческими судами, и произошло второе морское сражение, из которого немногие русские ушли домой; большинство же участников похода погибло, а некоторые взяты в плен. В Царьграде всем русским пленникам торжественно, в присутствии иноземных послов, были отрублены головы.

Так неудачно окончился поход Игоря против Царьграда в 941 году.

Возвратившиеся домой русские рассказывали, что случившееся с ними горе произошло от неведомого доселе греческого огня, который был – «как есть молонья, что на небесах. Эту молонью греки и пущали на нас и пожигали. Оттого нам и нельзя было их одолеть», – говорили они.

Конечно, простить грекам нашу неудачу было невозможно, и, чтобы их тяжело нака-

зять, Игорь по прибытии домой стал сейчас же собирать новую большую рать и послал за море приглашать варягов. Военные сборы русских продолжались три года.

В это самое время, когда по всей стране и даже за морем разносился военный клич, у Игоря родился, в 942 году, сын Святослав, будущий мститель за все обиды русским, причиненные в княженье его отца. Вся русская сила и варяги из-за моря собрались к 944 году. Кроме варягов, Игорь приманил и печенегов, а для укрепления соглашения взял у них заложников. После этого его огромное войско двинулось в поход на ладьях и конях.

Корсунцы первые узнали об этом походе и послали в Царьград сказать, что «идут русские – кораблей нет числа, покрыли все море кораблями». Болгары, дружившие тогда с греками тоже, с своей стороны дали весть, что «идут русские, наняли себе и печенегов». Видя неминуемую беду, греческий царь Роман поспешил послать навстречу русским не войско, а отправил лучших бояр со словами к Игорю: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, придам и еще к той дани». И к печене-

гам послал Роман много паволок и золота, разумеется, подкупая их отстать от Руси. Игорь в это время дошел уже до Дуная. Он созвал дружину, и начали думать. Дружина решила: «Если царь говорит о мире и дает дань, еще и с большой прибавкой, то чего же и думать больше». Игорь послушал дружины, взял у греков золото и паволоки на все войско и воротился домой, а печенегам велел воевать Болгарскую землю.

На другое же лето греческий император прислал в Киев просить снова построить мир такой, какой был построен при Олеге.

«Говорите, что сказал ваш царь», – спросил Игорь, когда греческие послы явились перед его лицом. «Наш царь рад миру, – отвечали греки. – Мир и любовь хочет иметь с князем русским. Твои послы водили нашего царя к клятве, и наш царь послал водить к клятве тебя и твоих мужей». – «Хорошо», – сказал Игорь. Утром на другой день он вышел с послами на холм, где стоял Перун. Там Русь положила перед истуканом свое оружие: щиты, мечи и прочее, а также золото (браслеты с рук и гривны с шей). И клялся Игорь и все люди,

сколько их было некрещеных; а христианская Русь клялась в своей соборной церкви Святого Ильи. Утвердив мир и выгодный договор с греками, Игорь на отпуск одарил греческих послов русскими товарами: дорогими мехами, челядью, воском.

Сосчитавшись таким образом с греками за тяжелую неудачу на море, понесенную три года тому назад, князь Игорь послал в набег часть дружины и в Каспийское море – отомстить за старое унижение, которое претерпели русские в 914 году. Арабы и армяне сохранили рассказы об этом набеге.

«В это время, – говорит один армянский писатель, – с севера грянул народ дикий, чуждый, рузики. Они, подобно вихрю, распространились по всему Каспийскому морю и не было возможности сопротивляться им. Они предали город Бердаа мечу и завладели всем имуществом жителей. Туземный воевода осадил их в городе, но не мог нанести им никакого вреда, так как они были непобедимой силой. Женщины города, прибегнув к коварству, стали отравлять рузиков; но те, узнав об этой измене, безжалостно истребили женщин

и детей».

«Только один враг, – говорит другой писатель-араб, – мог выжить русских из города – это чрезвычайное изобилие в стране всякого рода садовых плодов, от употребления которых между русскими распространилась повальная болезнь, еще более усилившаяся, когда русские заперлись в крепости. Смерть опустошала их ряды в течение нескольких месяцев. Когда же выпал снег, а осада со стороны туземцев не прекращалась, то русские, видя неминуемую гибель от поваральной болезни, решили пробиться и уйти домой. Ночью они перебрались с захваченной добычей на свои корабли и удалились в свою страну». Поход этот, несмотря на успешное возвращение домой, был все-таки не особенно благополучным для нас, ввиду множества умерших от поваральной болезни.

В Киеве тоже настало общее горе. Игорь с наступлением осени отправился, как обычно, в полюдье, за сбором дани и для совершения суда и расправы. Прибыв в древлянскую землю и получив дань, он отпустил дружину и направился с небольшим отрядом к городу

Искоростеню, чтобы потребовать дани лично для себя. Древляне стали думать и гадать со своим князем Малом, как быть, и решили убить Игоря. Они напали на него, перебили всех его слуг, а самого привязали к двум нагнутым деревьям и заживо разорвали пополам, распустивши связанные деревья. Так несчастливо кончил свою жизнь князь Игорь в 945 году.

Вообще, вся жизнь его была не очень удачной: неудачный первый поход за Каспий, приход в южные русские степи печенегов, а затем и неудачный большой поход на кораблях к Царьграду в 941 году; но, несмотря на все эти сильные невзгоды, Игорь, в течение своей долгой жизни, упорно работал над делами отца своего Рюрика и Вещего Олега: собирать воедино Русскую землю и в случае поражений в военных походах не падать духом, а готовить новую ратную силу и жестоко мстить врагам за обиду; и Игорь достиг многого: Царьград должен был склонить перед ним свою голову и, заплатив тяжелую дань, просить мира; с печенегами ему удалось заключить соглашение и даже переманить их

на свою сторону, затем и за Каспием в армянских владениях – часть обид русским людям была уже отомщена под конец его жизни.

За те же обиды Руси, за которые князь Игорь не успел отмстить при своей жизни, и за позорную смерть его у древлян рано или поздно должна была также последовать суровая месть. С древлянами расправа произошла очень скоро.

В то время как Игорь был бесчеловечно растерзан древлянами, в Киеве оставалась его княгиня Ольга с малолетним сыном Святославом. Княгиню, и город, и всю землю вместо князя оберегал воевода Свенельд, а Святослава хранил кормилец его, или дядька, Асмолд.

Первое известие о смерти Игоря великая княгиня получила от древлянских же послов. Убивши русского князя, древляне задумали совсем упразднить княжий род в Киеве и рассудили так: «Русского князя мы убили; возьмем его княгиню Ольгу в жены нашему князю; а Святослава тоже возьмем и сотворим с ним, как захочем».

Порешивши на этой мысли, древляне послали к Ольге послов или сватов – 20 лучших

мужей, старейших бояр. Послы приплыли к Киеву на ладьях по Припяти и Днепру и велели сказать Ольге о своем прибытии.

Княгиня позвала их к себе. «Добрые гости пришли?» – спросила княгиня. «Добрые пришли, княгиня», – ответили послы. «Говорите, с каким делом сюда пришли?» – «Послала нас древлянская земля, – отвечали послы, – и велела тебе сказать: мужа твоего убили. А за то, что был твой муж, аки волк, хищник неправедный и грабитель. А у нас князья добрые, не хищники и не грабители, распасли, обогатили нашу землю, как добрые пастухи. Пойди замуж за нашего князя».

«Приятно мне слушать вашу речь, – сказала Ольга, – уж мне моего Игоря не воскресить. Теперь идите в свои ладьи и отдохните. Завтра я пришлю за вами. Хочу вас почтить великою почестью перед своими людьми. Когда за вами пришлю, вы скажите слугам: не едем на конях, не едем и на возах, не хотим идти и пешком – несите нас в ладьях, и внесут вас в город в ладьях. Такова будет вам почесть. Таково я люблю вашего князя и вас».

Послы обрадовались и пошли к своим ла-

дьям, пьяны-веселы, воздевая руки и восклицая: «Знаешь ли ты, наш князь, как мы здесь тебе все уладили».

А Ольга тем временем велела выкопать на своем загородном теремном дворе, вблизи самого терема, великую и глубокую яму, в которую был насыпан горящий дубовый уголь. Наутро она села в терем и послала звать к себе гостей. «Зовет вас Ольга на любовь!» – сказали послам пришедшие киевляне. Послы все исполнили, как было сказано: уселись в ладьях, развалившись и величаясь, и потребовали от киевлян, чтобы несли их прямо в ладьях. «Мы люди подневольные, – ответили киевляне, – князь наш убит, а княгиня хочет за вашего князя!»

Подняли ладьи и торжественно понесли послов-сватов к княгининому терему. Сидя в ладьях, древлянские послы гордились и величались. Их принесли во двор княгини и побросали в горящую яму, вместе с ладьями. «Хороша ли вам честь!» – воскликнула Ольга, приникши к яме. «Пуще нам Игоревою смерти», – застонали послы. Ольга велела засыпать их землю живых. Потом она послала к

древлянам сказать так: «Если вы вправду просите меня за вашего князя, то присылайте еще послов, самых честнейших, чтобы могла идти отсюда с великою почестью, а без той почести люди киевские не пустят меня». Древляне со своим князем Малом избрали в новое посольство самых набольших мужей и отправили их в Киев.

Как пришли новые послы, Ольга велела их угощать, а затем и истопить баню. Вошли древляне в баню и начали мыться. Двери же за ними затворили и заперли; затем тут же от дверей зажгли баню; так они все и сгорели.

После того Ольга посылает к древлянам с вестью: «Пристроивайте – варите меды! Вот я уже иду к вам! Иду на могилу моего мужа; для людей поплачу над его гробом; для людей сотворю ему тризну, чтобы видел мой сын и киевляне, чтобы не осудили меня!» Древляне стали варить меды, а Ольга поднялась из Киева налегке, с малой дружиной. Придя к гробу мужа, она стала плакать, а поплакавши, велела людям сыпать большую могилу. Когда могила была ссыпана в большой курган, княгиня устроила тризну. После того древляне, луч-

шие люди и вельможи, сели пить. Ольга приказала отрокам угощать и поить их вдоволь. Развеселившись, древляне вспомнили о своих послах. «А где же наша дружина, наши мужи, которых послали за тобою?» – спросили они у Ольги. «Идут за мной с дружиной моего мужа, приставлены беречь скарб», – ответила княгиня. Когда древляне упились как следовало, то княгиня велела отрокам пить на них, что значило пить чашу пополам за братство и любовь и за здоровье друг друга, от чего отказываться было невозможно; таков был обычай. Это также называлось – перепивать друг друга. Когда древляне перепились вконец, то княгиня поспешила уйти с пира, приказав своим перебить всех древлян. Они были посечены, как трава; всего их погибло пять тысяч человек. Ольга же вернулась в Киев и стала готовить войско, чтобы истребить древлянскую силу до остатка.

На другое лето, в 946 году, Ольга привела в древлянскую землю большое и храброе войско, под предводительством маленького Святослава, с воеводой Свенельдом и с дядькой малютки Асмолдом. Древляне тоже собрались

и вышли. Полки сошлись лицом к лицу, и первым начал битву четырехлетний малютка Святослав, так как доблестные русские князья, по отцовскому и дедовскому обычаю, всегда сражались впереди своих дружин и всегда первые вступали в бой.

Поэтому и Святослав начал битву, кинув свое копьё в древлян. Копьё полетело между ушей его лошади и упало ей под ноги. Но этим княжье дело было исполнено. «Князь уже начал! – воскликнули воевода и дядька. – Потягнем, дружина, по князе!» После жестокой сечи победа досталась киевлянам, а древляне разбежались по городам и заперлись в осаду. Ольга с сыном пошла прямо к Искоростеню, где был убит Игорь. Этот город знал, что ему пощады не будет, и поэтому боролся крепко. Великая княгиня простояла под городом все лето и не смогла его взять; тогда она послала в Искоростень послов сказать от ее имени: «Чего вы хотите досидеть? Все ваши города отдались мне, все ваши люди взялись платить мне дань и теперь спокойно обрабатывают свои нивы и пахут землю, а вы хотите, видно, помереть голодом, что не идете в

дань». – «Рады и мы платить дань, – отвечали горожане, – да ты хочешь мстить на нас смерть мужа». – «А я уже отомстила обиду мужа, – отвечала Ольга. – Во-первых, когда пришли ваши первые послы в Киев творить свадьбу, потом со вторыми послами и, наконец, когда правила мужу тризну. Теперь иду домой, в Киев. Больше мстить не хочу. Покоритесь и платите дань. Хочу умириться с вами. Буду собирать от вас дань легкую». – «Бери, княгиня, чего желаешь, – отвечали древляне. – Рады давать медом и дорогими мехами». – «Вы обеднели в осаде, – говорит Ольга. – Нет у вас теперь ни меду, ни мехов; хочу взять от вас дань на жертву богам, а мне на излечение головной болезни дайте от двора по три голубя и по три воробья».

Конечно, жители Искоростеня обрадовались такой легкой дани и прислали княгине птиц с поклоном. Ольга объявила, чтобы они жили теперь спокойно, так как наутро она отступит от города и пойдет в Киев.

Услышавши такую весть, горожане обрадовались еще больше и разошлись по дворам спокойно спать. А между тем Ольга раздала

ратным людям голубей и воробьев, велела к каждой птице привязать горючую серу с трупом, обернувши в лоскут и завертевши ниткой, и, как станет смеркаться, выпустить всех птиц на волю. Птицы полетели в свои гнезда, голуби в голубятни, а воробьи под застрехи. Город в один час загорелся со всех сторон; в ужасе люди повыбежали за городские стены, но тут и началась с ними расправа: одних убивали, других забирали в рабство; старейшин всех забрали и сожгли.

После этого наложена была на древлян тяжелая дань: по две черных куницы и по две белки, кроме прочих мехов и меда, на каждый двор.

Вот как отомстила Ольга, как добрая и верная жена, за смерть своего мужа. И за эту жестокую месть, которую она совершила с такой хитростью и мудростью, народ прозвал свою княгиню «умнейшей от человек».

Такова была язычница Ольга.

Показав себя мудрой в деле мщения за смерть Игоря, Ольга показала себя такой же мудрой и в делах управления Русской землей, во время малолетства князя Святослава.

Вся княжеская деятельность Ольги тем особенно и прославляется, что она установила хозяйственный порядок по всей Русской земле. На другой же год после сожжения Искоростеня княгиня начала объезжать самолично всю Русскую землю вдоль и поперек; она устанавливала правила и порядок во всех земских делах, устраивала погосты, куда могли съезжаться гости для торговли, определяла оброки, назначала участки для ловли зверей и, своей высокой справедливостью и участливым отношением к нуждам народным, приобрела большую любовь всей Русской земли. «Все на этом свете остроумная Ольга искала мудростью», – говорит преподобный Нестор.

Изыскивая и испытывая, что творилось в Русской земле, чем и как жила эта земля, объехавши всю эту землю из конца в конец, Ольга пришла, наконец, к великому решению – воспринять веру Христову.

Для этого великая княгиня в 955 году решила сама совершить трудное и опасное путешествие в Царьград, где в это время царствовали императоры Роман и Константин Багрянородный. Ольга присоединилась к

обычному торговому каравану, взявши с собой 16 знатных боярынь, своих родственниц, и 18 придворных женщин, кроме прочих слуг.

По прибытии в Царьград нашего каравана судов подозрительные греки долго не пускали в город Ольгу и ее приближенных, пока не убедились в цели ее прибытия, и тем даже вызвали ее неудовольствие.

Наконец, 9 сентября наша княгиня была торжественно принята царями в их великолепном дворце, который строился в течение шестисот лет, еще со времени святого равноапостольного императора Константина Великого.

Когда подъезжаешь к Царьграду от Черного моря, тоходишь сначала в морской пролив Босфор, по обеим сторонам которого видны населенные берега. В конце Босфора, направо – длинный морской залив, называемый Золотой Рог. Высокий береговой угол между Босфором и Золотым Рогом и есть место Царьграда. Весь город стоит на семи холмах. Царский двор начинался тогда на самом берегу моря и шел все выше и выше в гору; палаты

царские стояли на высоком холме, а против них – тоже на холме – дивный храм Святой Софии Премудрости Господней. Кругом города, у самой воды, стояли каменные стены с четырехугольными башнями. Подъезжающим путникам из-за стен ближе всего на холме виднелись золотые царские палаты; подле них золотой дворцовый собор, а дальше – тоже палаты и церкви, церкви и палаты, и над ними всеми величественный храм Святой Софии, с громадным куполом, как венец всего города. Зрелище было дивное. Высадившись у входа в царский дворец, великая княгиня Ольга со своими спутниками вступила в великолепный двор, вымощенный мрамором и другим дорогим камнем; на дворе этом стояли огромные литые из меди статуи знаменитейших императоров и высокие столпы из мрамора. Посредине же помещался огромный четырехугольный и сквозной столп, составленный из нескольких столпов и сводов. На нем возвышался большой крест с предстоящими царями Константином и царицей Еленой, взиравшими к востоку; такое же изображение креста находилось на особом возвыше-

нии к западу от этого огромного сквозного столпа, а к востоку от него помещалась на другом столпе статуя равноапостольного царя Константина, с изображением сияния вокруг головы, о котором говорили, что оно сделано из гвоздей, коими был пригвожден к кресту Спаситель. К этому же двору примыкал, с одной стороны, великолепный царский дворец, а с другой – собор Святой Софии.

По окончании стола в покоях царицы было приготовлено послеобеденное угощение на небольшом золотом столике, в золотых тарелках и блюдах, осыпанных дорогими камнями. Здесь сидели по своим местам цари Константин Багрянородный и другой царь – его сын Роман, царские дети, невестки царя и русская княгиня.

Затем княгине Ольге были поднесены подарки на золотом, осыпанном драгоценными камнями блюде. Одарены были также и все ее приближенные. По рассказу нашего летописца, один из греческих царей, восхищенный умом Ольги, сказал ей: «Подобает тебе царствовать в этом граде с нами». Но наша мудрая княгиня, уразумев, чего желает царь,

ответила ему: «Я ведь язычница. Если хочешь, то крести меня сам, иначе не крещуся». Тогда царь поручил ее патриарху Полиевкту, который, наставив в учении Христовой веры, крестил ее вместе с царем, причем после крещения Полиевкт благословил ее словами: «Благословенна ты между женами русскими, что возлюбила свет и отвергла мрак; и будут тебя благословлять сыны русские до скончания их рода». Потом патриарх преподал ей наставления о церковном уставе, о молитве, о посте, о милостыне, о чистоте телесной. Она стояла с наклоненной головой и внимательно слушала его, а затем промолвила: «Твоими молитвами да сохранит меня Господь от всякой неприятной сети». После этого царь объявил ей, что хочет взять ее себе в жены. «Как же ты хочешь меня взять, ведь ты крестил меня и нарек дочерью, а у христиан такого закона нет», – ответила Ольга. «Переключала (перехитрила) ты меня, Ольга!» – воскликнул на это недогадливый царь.

В воскресенье, 18 октября, Ольга вторично была торжественно принята царями и царицей, одарена подарками и стала собираться за-

тем в Киев. Перед самым своим отъездом она была у патриарха для испрошения благословения и говорила ему: «Народ мой и сын мой – язычники; когда б Бог соблюл меня от всякого зла». – «Чадо верное, – отвечал ей патриарх, – крестясь во Христа, ты облеклась во Христа; Он сохранит тебя». Затем патриарх дал на благословение Ольге крест, который долго сохранялся в Киеве и после нее.

Прибывши в Киев, Ольга привезла с собой несколько умных священников и построила деревянный храм Святой Софии; он был украшен иконами, присланными ей патриархом.

Вместе с Ольгой возвратились в Киев и ее спутницы, из которых многие, несомненно, тоже крестились со своей великой княгиней. Величие и чистота новой веры и христианская жизнь, виденные ими в Царьграде, конечно, произвели большой переворот в их душах. Они стали влиять на своих близких, чтобы те оставили язычество и приняли крещение. Особенно старалась Ольга, чтобы ее сын Святослав принял христианство. Но Святослав отвечал на это матери: «Как я приму один новый закон; дружина моя будет сме-

яться надо мной!» И действительно, дружина его не только смеялась над переходившими в христианство, но иногда и грубо оскорбляла их. Все это глубоко огорчало великую княгиню.

Однако недалеко уже было то время, когда надлежало озариться всей Русской земле Святой Христовой Верой.

После своего крещения великая княгиня прожила еще двенадцать лет, в течение которых посетила свою родину. Там, обозревая местность нынешнего Пскова и стоя на берегу реки Великой, где тогда был густой лес и многие дубравы, она увидела три светоносных луча, как бы падающие с неба на крутой противоположный берег. Равноапостольная княгиня водрузила крест на этом месте и предрекла, что здесь будет храм Святой Троицы и воздвигнется великий и славный город. На месте, где стояла великая княгиня, ныне устроена часовня, при которой имеется источник с целебной водой.

Глава 4

Святослав. Его детство. Первое боевое крещение. Его походы. Доростол. Смерть Святослава. Ярополк и убоицы с братьями. Владимир-язычник. Крещение Руси. Княжение святого Владимира

Пока княгиня Ольга готовила себя к вос-

приятию Святого Крещения и, наконец, совершила для этого далекий путь в Царьград, вырастал и мужал Свято слав. Еще с малых лет стал он делать княжеское дело. Четырехлетним малюткою он храбро повел свою дружину в бой с древлянами, чтобы отомстить за смерть отца, и первый бросил в них свое копье. Первое дело его жизни был бой, и бой открытый, прямой, отважный, и по языческому обычаю святой, так как он мстил за отца.

И каким показал себя Святослав в своем первом бою маленьким ребенком, таким оставался он и всю свою жизнь – прямым, отважным и честным.

Оставшись после отца по четвертому году, Святослав был передан умной матерью из женских теремов на руки дядьки, а собственно, на руки дружины. Тогда водилось, чтобы в это время ребенку делались с большим торжеством постриги, торжественное стрижение первых волос, которое, как обычай, шло из далекой древности и могло заключаться в том, что голову кругом стригли под гребенку, оставляя заветный чуб на лбу, с которым всю жизнь и ходил Святослав. Тут же ребенка са-

жали на коня и справляли веселым пиром общую радость всей дружины. Дружина и заезжие гости, которые созывались на торжество, получали при этом богатые подарки золотыми и серебряными сосудами, дорогими мехами, паволоками, одеждами и особенно конями. Это было дружинное посвящение ребенка в князья, в ратники. Вот почему маленький Святослав выехал на древлян на коне: он был уже в постригах, в посвящении.

Конечно, при жизни отца он еще не скоро выбрался бы из-под опеки матери, но теперь он стал князем вполне. Он один был князем во всей Русской земле и потому должен был тотчас перейти на руки дружины, которая стала для него родным отцом, воспитателем и кормильцем.

Вот почему, как прямой сын дружины, Святослав и не поддался на сторону матери, когда она уговаривала его принять христианство, тем более что все свое детство и молодость Святослав прожил не в Киеве, а в Новгороде, куда новгородцы выпросили его, так как не любили сидеть без князя, а известно, что именно в Новгороде, еще со времен Аскольдо-

вых, была особенная ненависть к киевским христианам. Дружина Святослава была на диво подобрана: в ней были собраны богатыри и храбрецы со всей Русской земли, безразлично к какому бы славянскому племени они ни принадлежали. Это были настоящие сыны своей великой Родины и преданные слуги и друзья своего князя. Сам Святослав ничем не отличал себя от дружины и заодно с ней переносил все труды и лишения походной жизни. Он не возил за собой повозок с разным добром, чтобы утешаться на роздыхе сладкою пищей, хорошим питьем или мягкой постелью. Он не брал с собой даже котла и не варил мяса, а, тонко изрезавши конину, зверину или говядину, жарил прямо на углях, быть может, на копье или мече и так и ел. Он не возил с собой шатра, чтобы укрыться во время отдыха, но, расстелив на земле подседельный войлок, в голову клал седло и отлично спал под открытым небом. Так же жила и вся его дружина. Вот почему, ведя многие войны, он со своей дружиною, стремительно и легко, как барс, переносился из страны в другую, и потому без боязни посылал врагам сказать: «Хочу

на вас идти».

Выросши и возмужав, и собравши много храбрых, Святослав, в 964 году, направил первый свой поход на Волгу, где у хазар, буртасов и камских болгар изменнически погибла русская рать, возвращавшаяся в 914 году из похода по Каспию. Теперь внуки шли, по языческому обычаю, мстить за смерть своих дедов.

Выйдя на лодках из Киева по Десне, Святослав волоком перетащил свои суда в реку Оку, чтобы следовать по ней к Волге. По Оке жило в это время славянское племя вятичей, еще не приведенное под руку русского князя. «Кому дань даете?» – спросил их Святослав. «Хазарам дань платим», – отвечали вятичи. Святослав промолчал и поплыл дальше. Разумный князь понял, что невыгодно ему покорить вятичей и, тем возбудив их против себя, оставить в своем тылу, когда впереди на Волге было много дела; поход мог кончиться неудачей, а потому на обратном пути и выгоднее было встретить в вятичах друзей, а не врагов.

Этот первый поход Святослава продолжался более трех лет и был необыкновенно счаст-

лив; после него, по словам арабских писателей, не осталось следа ни от камских болгар, ни от бургасов, ни от хазар. Святослав уничтожил главный город камских болгар – Болгары; разгромил хазарский Саркел, или Белую Вежу, на Дону, а затем, спустившись к югу, покорил воинственные племена ясов и касогов, жившие на северном Кавказе, в нынешней Кубанской области. Наконец, победоносный Святослав на обратном пути подчинил себе и вятичей и возложил на них дань. Огромную добычу привезла с собой в Киев и его храбрая дружина из своего далекого и славного похода на восток.

С тех пор богатая Волга уже перестает быть хазарской, или камско-болгарской, а начинает становиться чисто русской рекой.

Недолго сидел Святослав в Киеве. Вскоре по возвращении из его славного похода к нему прибыл посланный от греческого императора Никифора Фоки знатный вельможа и сын корсунского градоправителя именем Калокир.

Калокир привез Святославу много драгоценнейших даров, в числе коих было 27 пу-

дов чистого золота, и просил от имени императора помочь грекам против дунайских болгар. Дело в том, что греки при нескольких императорах платили из года в год дань болгарам. Когда же воцарился Никифор Фока и прославился своими победами над арабами, то ему показалось очень обидным платить дань болгарскому народу; поэтому когда болгарские послы прибыли в Царьград за ежегодной данью, то Никифор Фока, в торжественном собрании всего двора, велел их бить по щекам и всячески оскорблял на словах; затем он пошел войной на болгар, но вскоре, однако, увидел, что совладать с ними ему одному не под силу. Вот тогда он снарядил Калокира с богатыми дарами просить помощи русского князя. Передав Святославу поручение императора, Калокир, человек отважный и хитрый, увидел, какую грозную силу представляют русские, и понял, что с их помощью можно покорить не только болгар, но и достигнуть царского греческого престола. И вот Калокир начинает обдумывать дело совсем по-другому, нежели как приказывал ему царь Никифор. Он вознамерился сам заместить, с

помощью русских, этого царя и овладеть греческим царством; русскому же князю, за ратную помощь в этом деле, он предложил предоставить всю Болгарскую землю.

Смелое, отважное и великое предприятие было по душе нашему Святославу. Покорив Болгарию, он рассчитывал привести под единую русскую руку еще одно славное славянское племя.

В августе 967 года Святослав с 60 тысячами храбрецов спустился обычным русским путем по Днепру в Черное море, а затем приблизился к Дунаю и, быстро высадившись на берег, смело напал на болгар. Те не выдержали, побежали и заперлись в крепости Доростоле, а болгарский царь Петр так огорчился этим неожиданным нападением русских, что у него отнялись руки и ноги.

Русские прошли по Дунаю, как и по Волге, страшной грозой и возвратились на зиму домой с неисчислимой добычей. На другой год, в 968 году, Святослав снова явился на Дунае и быстро, как барс, переносясь с одного места на другое, забрал 80 болгарских городов. После этого он сел княжить в городе Пе-

реяславце на Дунае. Калокир оставался при нем и из Переяславца продолжал строить свои козни, чтобы завладеть греческим престолом. Однако царь Никифор скоро прозрел и узнал, что замышляет против него коварный Калокир. При этом Никифор увидел также, что он сделал большую ошибку, призвав против болгар русских, так как этим призыванием он нажил себе нового сильного соседа, гораздо более грозного, чем болгары. И вот, забыв свою гордость, Никифор послал послов мириться с болгарами, напоминая, что болгары такие же христиане, как и греки, а потому и должны жить вместе в дружбе и любви. При этом Никифор, в утверждение дружбы, просил болгар прислать невест царского рода для сыновей бывшего императора Романа.

Болгары пошли, конечно, на мир и союз с греками с большой радостью.

Первым их делом против общего врага – русских был подкуп печенегов, чтобы те напали на Киев и тем вызвали из Переяславца и самого Святослава.

Так и случилось.

Летом 968 года печенеги подкрались врасплох к Киеву и обступили его в огромнейшем количестве.

В городе затворилась Ольга с тремя малолетними внуками. Дружина же, по какому-то случаю, находилась на той стороне Днепра и даже не ведала об опасности. В Киеве скоро пришлось очень круто, и люди стали изнемогать от голода и жажды, так как достать воды из Днепра не было возможности. Надо было во что бы то ни стало уведомить дружину, стоявшую на том берегу; но как это было сделать, когда печенеги плотным кольцом окружили город?

Наконец, один русский молодец нашелся. Молодец этот был мальчик, отрок, еще не вошедший в юношеский возраст. Умея отлично говорить по-печенежски, он незаметно перелез через городскую стену в поле, с уздой в руках, и затем смело стал расхаживать между печенегами и спрашивать всех: не видал ли кто его коня? Печенеги принимали его за одного из своих и старались помочь его беде. Таким путем он незаметно дошел до берега Днепра. Здесь он быстро скинул с себя одежду,

бросился в реку и поплыл к тому берегу. Печенеги догадались об обмане, начали стрелять по нему, но не могли уже попасть – он был далеко, а русские с той стороны выехали ему навстречу в лодке и перевезли на другой берег. Он заявил им: «Если не подступите завтра к городу, то люди хотят сдаться печенегам». На это русский воевода, по имени Претич, сказал: «Подступим завтра в лодках, как-нибудь захватим княгиню с княжатами и умчим на эту сторону; а не то Святослав погубит нас, как воротится». Все согласились, а на другой день, на рассвете, севши в лодки, громко затрубили в трубы; люди в городе радостно откликнулись им. Печенеги подумали, что пришел Святослав, и отбежали от города, а тем временем Ольга со внуками успели сесть в лодку и переехать на другой берег. Увидя это, печенежский князь просил свидания с воеводой Претичем. Они съехались вместе. Печенег спросил: «Кто это пришел?» Претич отвечал: «Люди с той стороны». – «А ты князь ли?» – спросил опять печенег. «Нет, я муж княжой, – сказал Претич, – и пришел в сторожах, а по мне идет полк с князем, бесчислен-

ное множество войска». Тогда печенежский князь сказал воеводе: «Будь мне другом». Тот согласился. Оба подали друг другу руки и разменялись подарками; князь печенежский подарил Претичу коня, саблю, стрелы; Претич отдал ему броней, щитом и мечом. После этого печенеги отступили от города, но стали так близко, что русским нельзя было коней напоить за городом.

Но все же, таким образом, благодаря бесстрашию и находчивости несравненного героя-отрока, гибельная сдача города была избегнута. Бесконечно жаль, что в летописи не сохранено имя этого мужественного мальчика. Киевляне тотчас же послали сказать Святославу: «Ты, князь, чужой земли ищешь и чужую землю соблюдаешь, а от своей совсем отрекся. Чуть было нас не взяли печенеги вместе с матерью твоею и детьми! Если не придешь и не оборонишь нас, опять нас возьмут. Или тебе не жаль своей отчизны, своей старой матери и детей своих?» Услышав эти вести, Святослав немедленно сел с дружиною на коней, барсом перескочил с Дуная в Киев, расцеловал свою мать и детей и далеко про-

гнал печенегов.

Однако недолго оставался после этого Святослав со своими. Мирная жизнь в Киеве была ему не по нраву. Он постоянно помышлял о Болгарии. Там могло свиться еще одно могучее гнездо для Руси; там ожидали князя славные и великие дела.

Наконец, весной 969 года, Святослав сказал матери и боярам: «Не любо мне жить в Киеве. Хочу жить на Дунае, в Переяславце. Тот город есть середина моей земли. Туда сходится все добро: от греков – золото, паволоки, вина, овощи различные; от чехов и венгров – серебро и кони; от Руси – меха, воск, мед, челядь». На это княгиня Ольга, изнемогавшая от старости и болезни, ответила сыну: «Видишь, я больна; куда ты хочешь от меня идти? Ты похорони меня, а там и иди, куда желаешь!» Спустя несколько дней она скончалась. Плакали по ней сын и внуки, плакали все люди великим плачем. Плакали по ней христиане, теряя твердую опору для своей жизни в Киеве; плакали и язычники, теряя в ней мудрейшую устроительницу Русской земли.

Перед смертью равноапостольная княгиня

заповедала не справлять над ней языческой тризны и не насыпать кургана, а похоронить по христианскому обряду, что и совершил ее духовник. Кроме того, она послала деньги на поминовение души своей царьградскому патриарху. Святая Ольга была погребена близ Аскольдовой могилы, ее мощи в малом каменном гробу, где она почивала, как спящая, были впоследствии положены у самого основания десятинной церкви в Киеве.

Оплакав свою святую мать, Святослав собрался покинуть Русскую землю. Он посадил в Киеве на княжество своего старшего сына Ярополка, которому было лет девять или десять, а другого – Олега – посадил у древлян.

Когда Святослав собрался уже отправиться в свой любимый Переяславец Дунайский, то к нему пришли новгородские люди просить себе князя, так как новгородцы, как мы уже видели, очень не любили быть без князя и управляться посадниками. «А если не пойдете к нам, то мы на стороне отыщем себе князя», – сказали новгородцы Святославу. «Только бы кто пошел к вам», – ответил Святослав и объявил новгородскую просьбу своим сыно-

вьям. Ярополк и Олег отказались. Тогда Добрыня, посадник новгородский, надоумил новгородцев: «Просите Владимира!» Владимир был сын Святослава от Ольгиной ключницы Малуши, а Добрыня был брат Малуши и, стало быть, дядя Владимиру. «Отдай нам Владимира», – сказали тогда новгородцы Святославу. «Вот он вам!» – ответил Святослав, отдавая новгородцам малютку с рук на руки. Посадивши, таким образом, в Новгород князем своего младшего сына, Святослав помчался с дружиной к Дунаю, в свой Переяславец.

За его отсутствие дела здесь сильно переменились. Болгары вошли в тесную дружбу с греками и успели не только обратно овладеть своей страной, но и самим городом Переяславцем.

Когда появились на Дунае ладьи с воинами Святослава, болгары в огромном числе вышли из города и началась жестокая сеча. Болгары сильно теснили русских и одолевали уже их со всех сторон. Видя это, Святослав воскликнул: «Здесь нам погибнуть! Потягнем же мужески, братья и дружино!» После этих слов князя воины напрягли все силы и к вече-

ру одолели город, взявши его приступом. После этого Святослав, как всегда быстро совершая свои походы, опять, подобно прыгающему барсу, стал брать болгарские города один за другим и вскоре завладел и столицей – великой Преславой, где захватил самого болгарского царя Бориса со всею семьею и двором. Затем, узнав, что всему виной были греки, он поднялся на них и приказал им объявить: «Хочу на вас идти, хочу взять ваш город, как взял болгарскую Преславу».

Получив это грозное объявление Святослава, царь Никифор стал поспешно готовиться к отражению врага и укреплять Царьград. Он протянул даже через пролив железную цепь, чтобы русские не могли проникнуть и с моря. Во время этих приготовлений к войне с Святославом Никифор получил тяжелую весть, что войска его в Малой Азии разбиты арабами, а вслед за тем, совершенно неожиданно, в декабре 969 года, он был коварно убит в своем же дворце.

Его убийцами были сама царица и воевода Иван Цимисхий, который после этого вступил на греческий престол. По своему происхожде-

нию Иван Цимисхий был армянин, и имя Цимисхий по-армянски значило «маленький». Однако, несмотря на свой малый рост, новый царь был замечательно искусным воином и при этом необыкновенно ловким и сильным человеком. Вступив на престол на сорок шестом году жизни, он сохранил еще полностью всю свою силу и не страшился кидаться один на целый неприятельский отряд, так как, обладая исполинской силой в руках и ногах, он мог быстро побить множество врагов, а затем быстро же отбежать к своим. В прыганье, в игре мячом, в метании копий, в натягивании луков и в стрельбе он превосходил всех людей того времени. Поставив рядом четырех коней, он прыгал затем, как птица, и садился на самого последнего. Он так метко стрелял в цель, что мог попадать в отверстие кольца. Таков был Иван Цимисхий, с которым предстояло помериться теперь Святославу. Верный своему слову взять Царьград, русский князь, весной 970 года, перешел Балканские горы, занял город Филиппополь и направился дальше, к Царьграду. Тогда Иван Цимисхий, видя наступление русских и получая изве-

ствия об успехах арабов над его войсками в Малой Азии, а также и ввиду того, что во всем царстве третий год свирепствовал голод, решил, чтобы оттянуть время, искать со Святославом мира, а против арабов послал сильное войско.

Чтобы узнать, сколько у русских войска, греки послали сказать Святославу, что они не в силах бороться с ним и готовы уплатить дань на всю дружину по числу людей, почему и просят сказать, сколько у него счетом всего войска. Святослав понял их намерение и, чтобы скрыть свою малочисленность, сказал, что у него 20 тысяч человек, когда на самом деле было всего только 10 тысяч. Узнавши число русских, греки дани не дали, а собрали сто-тысячное войско и вышли Святославу навстречу. Вражеские рати сошлись друг с другом у Адрианополя. Видя огромное превосходство в силах у греков, русская дружина пала духом. Но не пал духом доблестный Святослав. Перед боем он сказал своим воинам: «Уже нам некуда деться. Волею или неволею пришлось стать против греков. Так не посра-мим же земли Русской, ляжем тут костьми.

Мертвым нет срама. Если побежим, то осра-
мим себя, но убежать не сможем. Станем же
крепко, а я пойду перед вами. Если моя голова
ляжет, то промышляйте о себе». – «Где твоя
голова ляжет, там и мы свои головы сло-
жим», – отвечала дружина своему великому
князю. Затем Русь построилась к бою, и, после
жестокой сечи, греки были обращены в пол-
ное бегство. Святослав же подошел к Царьгра-
ду, воюя и разбивая встречные города. Видя
это, Иван Цимисхий собрал свою боярскую ду-
му в царских палатах и сказал им: «Что нам
делать? Нельзя бороться с Святославом». –
«Пошли к нему дары, – отвечали бояре, – и ис-
пытаешь его, на что он больше польстится –
на золото или на ткани дорогие». Цимисхий
послал Святославу золото и ткани, а с ними
мужа мудрого, которому наказал: «Смотри хо-
рошенько ему в лицо».

Святославу объявили, что пришли греки с
поклоном. Он велел их ввести; греки пришли,
поклонились, разложили перед ним золото и
ткани. Святослав, смотря по сторонам, сказал
отрокам своим: «Спрячьте это». Послы возвра-
тились к царю, который опять созвал бояр, и

послы стали рассказывать: «Как пришли мы к нему и отдали дары, то он и не посмотрел на них, а велел спрятать». Тогда один боярин сказал царю: «Поиспытай-ка его еще, пошли ему другие дары». И вот послали Святославу меч и разное другое оружие; он его принял, стал хвалить, любоваться и велел передать поклон и благодарность Ивану Цимисхию.

Когда послы вернулись и рассказали об этом, то, подумавши, бояре держали такую речь царю: «Лют должен быть этот человек, что на богатство не смотрит, а оружию радуется; делать нечего – станем платить ему дань». После этого Цимисхий послал сказать Святославу: «Не ходи к Царю-городу, но возьми дани, сколько хочешь». И послал ему столько дани, сколько он пожелал, причем Святослав брал и за убитых, говоря: «Род их возьмет». Вероятно, в это время между ним и Цимисхием состоялось и личное свидание. Затем Святослав, взявши много даров, возвратился в Переяславец с большой честью.

Отвративши беду от Царьграда и заплативши большую дань Святославу, Цимисхий стал тотчас же готовить огромное войско,

чтобы на этот раз наконец победить русских. Он поспешно вызвал свои полки из Малой Азии, где они воевали с арабами, а для охраны своей особы набрал себе полк отчаянных храбрецов, назвав их и самый полк «бессмертными».

Святослав тоже не дремал: к русской дружине он присоединил часть покоренных болгар, призвал на помощь печенегов и венгров и вновь прошел от Переяславца до Адрианополя, производя повсюду страшные опустошения, а затем возвратился к себе на Дунай.

Как только наступила весна 971 года, Иван Цимисхий, поднявши крестные знамена, изготовился в поход против русских.

Прямо из дворца пошел он прежде всего молиться в храм Христа Спасителя, оттуда в славную церковь Софию, а затем и в храм Богоматери Влахернской, избавительницы Царьграда от нападений той же Руси.

Из Влахернского дворца император любовался на собранные в заливе огненосные суда, числом триста, смотрел искусное и стройное их плавание и примерное сражение и, наградив гребцов и вои нов деньгами, повелел

им идти в реку Дунай, чтобы запереть русским возвращение домой. Корабли поднимались по Дунаю, а император тем временем дошел до Адрианополя. Здесь он с радостью узнал, что о русских нигде не было слышно и что тесные и опасные горные проходы в Балканских горах, называемые мешками, были оставлены Святославом без внимания и защиты. Он быстро прошел эти опасные проходы со своим полком бессмертных; за ним следовало 15 тысяч пехоты и 13 тысяч конницы. Все же прочее огромное войско, с обозами и осадными орудиями, шло позади, не спеша.

Пройдя горные проходы, Цимисхий неожиданно напал на русский отряд, занимавший болгарскую столицу Преславу, где содержался пленный царь Борис с женой и двумя детьми, а также и известный грек Калокир, замышлявший при помощи Святослава овладеть царьградским престолом.

После жестокой битвы Цимисхий занял Преславу, а оставшиеся русские храбрецы, в числе семи тысяч человек, засели в крепком кремле. Калокир же ускакал в крепость Доростол на Дунае, чтобы предупредить Святослава.

ва, который находился там в это время.

Обласкав болгарского царя Бориса и обещав ему свою помощь против русских, Цимисхий стал водить свои войска на приступ, чтобы взять Преславский кремль, где заперлись наши храбрецы. Однако овладеть Русью в этом убежище не было никакой возможности; сам император лично пускался на приступ, но без успеха: греки падали у стен кремля, как снопы. Тогда Цимисхий велел со всех сторон поджечь кремль.

Чтобы не сгореть живыми, русские вышли в поле, отбиваясь до последнего, и полегли все семь тысяч; только воевода Сфенкел с малою дружиной пробил себе дорогу и ушел к Святославу.

Овладев Преславою, Цимисхий радостно отпраздновал здесь Светлый праздник, а к Святославу отправил пленных рассказать, что случилось, и объявил русскому князю, чтобы немедленно выбрал одно из двух: или с покорностью положил бы оружие и, испросив прощение в дерзости, сейчас же удалился бы из Болгарии, или готовился защищаться, чтобы принять конечную гибель.

Святослав, получив эти вести, решил помериться с Цимисхием у крепости Доростол.

Доростол было то место на Дунае, где равноапостольный царь Константин увидал перед победой на небе крестное знаменье и слышал глас с неба: «Сим победиши». В память этого чуда он и основал крепость Доростол, прозываемый ныне Силистрией.

Цимисхий двинулся через несколько дней к Доростолу и на пути забрал много болгарских городов, которые отлагались от Руси и сдавались ему беспрекословно.

Тогда, чтобы остановить дальнейшую измену болгарского населения, Святослав захватил всех знатных родом и богатых болгар, числом до трехсот человек, и велел им отрубить головы, а прочих в оковах запер в темницы.

Когда Цимисхий подошел к Доростолу, то Святослав вывел в поле всю свою ратную силу. Всего у него было только 60 тысяч человек; у императора же гораздо больше. Сомкнув свои щиты и выставив копья наподобие стены, русские встретили греков действительно как несокрушимая стена. Началась

сильнейшая битва, и долго никто не мог осилить друг друга. Двенадцать раз победа была то на одной, то на другой стороне. Наконец, император, распустив знамя империи, направился со своей конницей в тыл и в крыло русским; наши, не имея своей конницы, чтобы отразить греческую, не выдержали, отошли и затворились в городе.

Греки пели победные песни и знатно угощались императором; но вместе с тем он поспешно укреплял свой лагерь валами и рвами, так как очень боялся нового нападения русских. Сделав один безуспешный приступ к городу, он стал поджидать для осады свои огненосные корабли. Как скоро эти страшные корабли показались на Дунае, греки подняли радостный крик. Тогда русские убрали свои ладьи поближе к городу и на другой день, с длинными до самых ног щитами и в кольчужных бронях, они снова вышли в поле перевеяться с греками. Опять долгое время победа была то на одной, то на другой стороне, пока один из греков не поразил копьем русского храброго великана, воеводу Сфенкела. Тогда наши заперлись опять в городе.

С прибытием огненосных лодок, запиравших выход к Дунаю, Святослав увидел, что надо сесть в крепкую осаду, и потому в ту же ночь укрепил город глубоким рвом. Но у русских не доставало главного – съестных припасов. Добывать их приходилось каким-нибудь отчаянным средством.

И вот в одну темную ночь, когда лил сильнейший дождь, блистала страшная молния и гремели ужасные громы, две тысячи русских садятся в свои однодревки и бесстрашно отправляются отыскивать себе хлеба. Они успели обшарить все добрые места далеко по берегам реки и возвращались уже домой. В это время они заметили на одном берегу греческий обозный стан – людей, поивших коней, собиравших дрова и сено. Они бесшумно и быстро высадились из лодок, обошли греков через лес, внезапно разгромили их и с большой добычей вернулись в город. Весть об этом сильно поразила Цимисхия. Он объявил всем своим воеводам смертную казнь, если случится что-либо подобное впредь. С тех пор русские были окружены греками еще теснее; повсюду выкопаны были рвы и поставлена

стража на берегу реки, чтобы окончательно заморить Святослава голодом. Другого средства победить его греки не видели. Но, несмотря на такую тесную осаду, русские и не думали прятаться от греков, а постоянно делали внезапные вылазки, во время которых жестоко поражали их. При одной вылазке, когда русские очень старались истребить греческие осадные орудия, выехал на них сам воевода, близкий родственник царю, Иван Куркуй. Он был во хмелю, а потому скоро слетел с лошади. Богатое воинское убранство его, отделанное золотом, навело русских на мысль, что это царь Иван Цимисхий. Они бросились на него и мечами и секирами изрубили в мелкие части вместе с доспехами; отрубленную же голову вздернули на копье и поставили на башню, потешаясь, что закололи самого царя. Затем, ободренные этим делом, русские на другой день снова все вышли в поле и построились к битве. Греки двинулись на них всеми силами. Первый муж у русских, после Святослава, был храбрый воевода Икмор; он происходил из простых людей и достиг звания первого вельможи исключительно своей добле-

стью. Икмор с яростью врезался в густой ратный строй греков и без пощады улицами укладывал их направо и налево. Тогда один из греческих богатырей, по имени Анемас, извлек свой меч и, сильно разгорячив коня, бросился на русского исполина и поразил его так, что отрубленная вместе с правой рукой голова отлетела далеко на землю. Эта неожиданная смерть храброго Икмора сильно подействовала на наших, и они ушли за городские стены.

После этой битвы греки, обирая трупы наших убитых для добычи, были крайне поражены, найдя среди них много женщин, которые сражались в мужской одежде такими же беззаветными храбрецами, как их мужья и близкие люди.

Как только после битвы этого дня наступила ночь и вошла луна, русские вышли в поле, собрали все трупы убитых к городской стене и сожгли их на кострах, заколов над ними, по языческому обычаю, много пленных и женщин. Затем, по рассказу греков, совершив эту кровавую жертву, они также по языческому обычаю погрузили в волны Дуная петухов

и живых младенцев. Конечно, это были грудные дети тех матерей, которые погибли накануне в бою.

После этих обрядов и принесения жертв вошло солнце и начался день. Святослав стал думать с дружиною, как быть и что предпринимать дальше? Одни советовали тихо, в глухую ночь, сесть на суда и спастись бегством. Другие говорили, что лучше просить у греков мира, так как уйти на ладьях тайно от огненосных кораблей невозможно. Все в один голос советовали прекратить войну. Тогда славный Святослав, вздохнув от глубины сердца, сказал дружине: «Если мы теперь постыдно уступим грекам, то где же слава русского меча, без труда побеждавшего врагов; где слава русского имени, без пролития крови покорявшего целые страны. До этой поры русская сила была непобедима. Деда и отцы наши завещали нам храбрые дела! Станем крепко. Нет у нас в обычае спасать себя постыдным бегством. Или останемся живы и победим, или умрем со славой. Мертвые срама не знают, а убежавши от битвы, как покажемся людям на глаза?» Так говорил Святослав.

Храбрые воины его не могли устоять против этой речи, и все восторженно решили лечь костями за славу русского имени. Между тем ночь уже прошла, и стало светать.

24 июля 971 года, рано на заре, все русские вышли из Доростола и, чтобы никто не возвратился, заперли все городские ворота. Вскоре настала жестокая битва. День был необычайно знойный и душный. К полудню греки, томимые жаждой и изнывая от зноя, стали отступать; русские, хотя тоже страдали от жажды и зноя не менее греков, стали жестоко их преследовать и теснить. Тогда на помощь грекам явился сам Цимисхий со своими бессмертными; он ободрил свои войска и приказал привезти им воды и вина. После этого греки снова вступили в бой. Сражение, однако, долго шло равносильно: ни та ни другая сторона не поддавались. Вот греки лукаво побежали. Русские бросились за ними. Но это была только хитрая уловка выманить наших в далекое поле. Затем произошла еще более ожесточенная схватка; в ней греческий воевода Феодор упал с коня. Обе рати бросились к нему. Русские хотели его убить, греки спа-

сти. Воевода успешно защищал себя сам. Он схватил за пояс одного русского и, размахивая им туда и сюда, наподобие легкого щитика, отражал удары копий и мечей. Наконец греки спасли своего героя, и оба воинства, не уступив друг другу, прекратили битву.

Видя, что русских одолеть невозможно, Цимисхий задумал решить брань единоборством и послал Святославу вызов на поединок. «Лучше смертью одного прекратить борьбу, чем помалу губить и истреблять народ. Из нас двоих кто победит, тот пусть и останется обладателем всего», – передали Святославу от греческого царя. Но Святослав не принял вызова, ожидая какой-либо хитрости от коварного Цимисхия; он с презрением приказал ему ответить: «Я лучше своего врага знаю, что мне полезно. Если царю жизнь наскучила, то на свете есть бесчисленное множество других путей, приводящих к смерти. Пусть он избирает, какой ему угодно!» После этого кровопролитное побоище наступило с новой яростью. Долго не видно было, кто останется победителем. Греческий богатырь Анемас, поразивший накануне нашего слав-

ного великана Икмора, напал теперь на самого Святослава, который с бешенством и яростью руководил своими полками. Разгорячив коня несколькими скачками в разные стороны, Анемас поскакал прямо на нашего великого князя и, поразив его в плечо, повергнул на землю. Только кольчужная броня и щит спасли Святослава от смерти. Зато Анемас погиб тут же со своим конем под ударами русских копий и мечей. После этого, в страшной ярости, с громкими и дикими криками, русские бросились на греческие полки, которые наконец не выдержали необыкновенного стремления воинов Святослава и стали отступать. Тогда сам император, с копьём в руке, опять выехал со своими бессмертными навстречу бегущим грекам и остановил отступление. Загремели бубны, зазвучали трубы; греки, вслед за царем, оборотили коней и направились на русских.

Тут внезапно приблизилась с юга свирепая буря; поднялась пыль, полил дождь прямо в лицо русской рати, и кто-то на белом коне явился впереди греческих полков, ободряя их идти на врага, и чудесным образом рассекал

и расстраивал ряды русских. Никто в греческом стане не видел этого воина ни прежде, ни после битвы. Его долго и напрасно искали по окончании боя, когда царь хотел его достойно наградить. Впоследствии распространилось мнение, что это был великомученик Феодор Стратилат, которого царь молил о защите и помощи, так как битва происходила в день празднования греками его памяти. Сказывали еще, что и в Царьграде, в ночь накануне битвы, некая девица, посвятившая себя Богу, видела во сне Богородицу, говорящую огненным воинам, ее сопровождавшим: «Призовите ко мне мученика Феодора». Воины тотчас привели храброго вооруженного юношу. Тогда Богоматерь сказала ему: «Феодор! Твой Иоанн (царь), воюющий со скифами, в крайних обстоятельствах; поспеши к нему на помощь; если опоздаешь, то он подвергнется опасности». Воин повиновался и тотчас ушел. С тем вместе исчез и сон девы. Предводимые верою в святое заступничество, греки одолели русских и оттеснили их до самой стены города. Сам Святослав, израненный и истекавший кровью, не остался бы

жив, если б его не спасла наступившая ночь.

Несмотря на свою досаду и гнев о потере рати, Святослав понимал, что дело проиграно, а потому, желая сохранить остатки дружины, послал на другой день утром к царю условия о мире; условия эти заключались в следующем: русские отдадут грекам Доростол и возвратят пленных; совсем оставят Болгарию и возвратятся на своих судах домой, для чего греки беспрепятственно их пропускают. Затем греки позволяют свободно привозить к ним из Руси хлеб, а посылаемых в Царьград русских купцов считают по старому обычаю друзьями.

Цимисхий очень охотно принял предложение мира, так как считал, что неожиданно одержал победу над русскими только благодаря чуду, и послал на каждого из русской рати по две меры хлеба; всего получивших хлеб было 22 тысячи человек; таким образом, из шестидесятитысячной рати Святослава в боях под Доростолом погибло 38 тысяч храбрецов.

Цимисхий так обрадовался чудесному окончанию войны с непобедимым Святославом, что выстроил великолепный храм над

могилой святого Феодора и на его содержание определил большие доходы. Самый же город, где почивали мощи, вместо Евхании переименовал в Феодорополь. Затем он выстроил в Царьграде, в дворцовой ограде, новый храм Спасителю, не пощадив никаких издержек на великолепное его украшение. Кроме того, он сложил обременительную народную подать с домов и, наконец, повелел на греческих монетах изображать образ Спасителя и на обеих сторонах начертывать слова: «Иисус Христос Царь Царей», чего прежде не бывало; последнее соблюдали и после бывшие императоры.

Вот как ценил свою победу над русскими под предводительством Святослава могущественный греческий император, храбрый и искусный воин и полководец Иван Цимисхий.

Через несколько дней после заключения мира, перед отправлением русских домой, бывшие враги свиделись на берегу Дуная.

Цимисхий прибыл верхом на коне, в позлащенном оружии, сопровождаемый великим отрядом всадников, в блистающих доспехах. «В это время, – рассказывает грек Лев

Диакон, присутствовавший при свидании, – Святослав переезжал через реку в простой скифской ладье и, сидя за веслом, работал наравне с прочими, без всякого различия. Видом он был таков: среднего роста – не слишком высок, не слишком мал; с густыми бровями, с голубыми глазами, с обыкновенным носом, с бритой бородою и с густыми длинными усами. Голова у него была совсем голая; только на одной ее стороне висела прядь волос, означающая знатность рода, шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и суровым. В одном ухе у него висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, с рубином посредине. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, от других не отличная. Поговорив немного с императором о мире, сидя в ладье на лавке, он переправился обратно». Таков был Святослав. Как простой воин, сидел он в ладье со своими дружинниками-гребцами и так же работал веслом, как и они. И в этой простоте и братском единении со своими воинами и была сила великого Святослава.

По примеру его и последующие русские государи всегда считали своим родным братом русского воина и всегда, когда требовали того обстоятельства, не гнушались делить с ним и тяжкий труд, и последний ломоть хлеба, и вместе бестрепетно клали с ним свой живот на поле брани. Расставшись с русским князем, Иван Цимисхий поспешил в Царьград, где ему был оказан самый торжественный прием. Святослав же плыл домой по морю в своих однодревках. Он хотел достичь Киева обычным путем, водою, через Днепровские пороги. Его старый воевода Свенельд советовал идти в обход на конях, затем, что в порогах непременно сидят печенеги в засаде. Но Святослав не послушался Свенельдова совета; слишком уверен он был в греческом царском слове, так как Цимисхий обещал ему послать даже посольство к печенегам, чтобы не трогали возвращавшихся домой русских. Однако обычное коварство греков сказалось и тут: печенегам, кроме посольства, было также послано сказать: «Вот идет Святослав домой в Русь с малой дружиной, взявши у греков многое богатство и налоги бесчисленные». Поэто-

му когда Святослав подошел к порогам, то увидел, что они были уже заняты огромными полчищами печенегов. Пробриться сквозь них с слабыми силами было немыслимо, и Святослав решил зимовать на Днепре же, несколько пониже порогов, в Белобережье. Тут у русских не хватило хлеба, настал великий голод, и питались они, конечно, одной рыбой. Весной следующего, 972 года Святослав все-таки пошел на пороги, где его ждал в засаде печенежский князь Куря, который напал на русских и перебил всю дружину вместе с Святославом. Спасся на конях и прибыл в Киев один только воевода Свенельд, несомненно отправленный Святославом раньше, чтобы собрать в Киеве дружину.

Так погиб Святослав, самый воинственный из всех русских государей, на тридцать втором году от своего рождения, прокняживши двадцать восемь лет.

Убивший его печенежский князь Куря сделал из черепа его чашу, оковал ее золотом и пил из нее в память своей победы над великим русским князем.

После смерти Святослава Ярополк, сидев-

ший в Киеве, остался старшим в княжеском роде. Ему было в это время не более пятнадцати лет. Еще моложе были Олег – в древлянской земле – и Владимир – в Новгороде. Конечно, все дела делали не сами князья, а стоящие около них бояре. При Ярополке вскоре забрал большую силу воевода отца его Свенельд. Как-то раз сын этого Свенельда, Лют, заехал в древлянскую землю, охотясь за зверем. Надо сказать, что охота почиталась тогда важным и любимым занятием как князей, так и бояр; и действительно, леса были полны всякого зверя: медведи, лоси, огромные зубры, или туры, черные куницы, дикие кабаны, олени, козы попадались в большом изобилии.

Олег в этот день тоже выехал на охоту и, узнав, что встретившийся ему Лют – сын Свенельда, приказал его убить. Это было в 975 году.

Конечно, Свенельд употребил все свои силы, чтобы отомстить за своего сына, и спустя два года уговорил Ярополка ополчиться и идти на брата в древлянскую землю. Обе рати встретились, и войска Ярополковы победили

полки Олега. Тогда Олег с своими бросился бежать; при входе в город Овруч, на мосту, среди беглецов произошло большое столпление, и Олега столкнули в ров, где он был задавлен падавшими на него трупами людей и лошадей.

Когда Ярополк вошел в Овруч, то он всюду приказал искать брата, но его нигде не было; наконец, один древлянин сказал: «Я видел, как его спихнули вниз с моста». Стали вытаскивать конские и людские трупы из рва и нашли на дне тело Олега. Когда его вынесли и положили на ковре, то Ярополк горько заплакал над трупом брата и с укоризной сказал Свенельду: «Смотри, вот чего ты хотел».

Похоронивши Олега у Овруча, Ярополк завладел и древлянской землей.

Когда слух о братоубийстве дошел до Новгорода, то Владимир и Добрыня почували беду. Владимир, по обычаю кровавой мести, должен был мстить Ярополку за смерть брата, а потому ожидал, что брат, зная это, сам предупредит эту месть и постарается известить его. При таких обстоятельствах Владимир, видя свою слабость против Ярополка, решил идти

за море, конечно, к своим родственникам – русским варягам, чтобы собрать большую рать и тогда уже идти с ней мстить за смерть брата.

Ярополк же, после отбытия Владимира к варягам, посадил своего посадника в Новгороде и стал единоподержавцем на всей Руси.

Пока Владимир собирал военную силу у варягов, Ярополк пошел против печенегов, чтобы отмстить за смерть отца, покорил их и заставил платить себе дань. Затем к нему пришли греки, тоже с данью от нового царя Василия; этот Василий вступил на престол после Ивана Цимисхия, окончившего жизнь в больших муках от медленного яда, которым его отравили.

Ярополк ласково принял греческих послов и утвердил с ними старый мир и любовь. В Киеве в это время было уже много христиан, и православные греки были среди них, конечно, любимыми и желанными гостями. Сам Ярополк был воспитан своею бабкой – премудрой Ольгою в христианских правилах и не был крещен только потому, что она опасалась гнева его отца – Святослава. Жена Яро-

полка была также христианка; это была грекиня – монахиня, которую полонил еще Святослав и назначил своему юному сыну в жены за ее необычайную красоту.

Во время этих дружеских сношений Ярополка с греками Владимир, пробывши три года за морем, привел, в 980 году, варяжскую силу из-за моря и первым делом прогнал Ярополковых посадников из Новгорода, приказав им сказать брату: «Владимир идет на тебя, приготовляйся к войне». Так говорил его отец Святослав, когда шел на врагов; так начал свой поход на брата и сын.

Но кроме того, что Владимир шел войной на Ярополка, он решил еще и отбить у него невесту. Дело в том, что, будучи женат на греческой чернице, Ярополк, в 980 году, был также сговорен и с красавицей Рогнедой, дочерью полоцкого князя Рогволода (не из Рюрикова рода).

Собравшись на брата, Владимир послал и к Рогволоду послов – тоже просить руки его дочери. Рогволод, будучи в затруднении, кому из братьев отдать дочь, спросил ее, за кого она сама хочет. На это гордая Рогнеда отвеча-

ла: «Не хочу идти за сына рабыни, а хочу за Ярополка». Ответ этот передали Владимиру, чем глубоко оскорбили не только молодого князя, но и дядю его, Добрыню, брата той самой Малуши, которую Рогнеда назвала рабыней.

И вот, чтобы смыть кровью полученную обиду, Владимир собирает своих варягов, новгородцев, чудь, кривичей и идет на Полоцк. После боя с полочанами Владимир взял город, убил на глазах Рогнеды ее отца и двух братьев, а затем силой заставил ее выйти за себя замуж; конечно, всем этим делом руководил Владимиров дядя, Добрыня, так как сам князь был еще очень молод – не больше шестнадцати или семнадцати лет от роду.

Покончив с мезтью Рогнеде за обиду памяти своей матери, Владимир пошел на Ярополка – мстить за смерть брата Олега.

У Ярополка не было уже в это время старика Свенельда; его место, старшего боярина в дружине, занимал воевода Блуд.

Этот Блуд оказался предателем, так как тайно держал сторону Владимира и снохился с ним, а своему великому князю давал такие

советы, которые должны были привести Ярополка к гибели.

Когда Ярополк узнал от своих выгнанных Владимиром посадников, что младший брат вернулся из-за моря и идет на него войной, то он хотел сейчас же собирать свои полки и выступить против Владимира, так как был очень храбр, но Блуд уговорил Ярополка не собирать войска и уверял, что Владимир не посмеет на него пойти.

«Не может случиться, – говорил он, – что Владимир пойдет на тебя воевать. Это все равно, как бы синица пошла воевать на орла. Чего нам бояться и незачем собирать войско. Напрасный труд будет для тебя и для ратных людей». Вследствие этого коварного совета, когда Владимир подошел к Киеву, у Ярополка не было войска, почему он и не мог встретить его в поле, а затворился в городе.

Владимир же, подослав своих людей к Блуду, стал его приманивать больше прежнего, говоря: «Помоги мне; если я убью брата своего, то буду иметь тебя вместо отца и большую честь примешь ты от меня. Не я начал избивать братьев, а Ярополк, и, только боясь смер-

ти от него, пришел я сюда теперь сам». Блуд приказал ответить Владимиру, что он будет помогать ему всем сердцем, и затем они стали часто сноситься между собой. Сначала они решили убить Ярополка на приступе, для чего Владимир должен был напасть на город. Но потом оказалось, что киевляне хотят постоять за своего князя. Тогда Блуд придумал другое: он стал наговаривать Ярополку на киевлян, уверяя, что они сносятся с Владимиром и зовут его, говоря: «Приступай к городу, мы выдадим Ярополка». Убедив таким образом Ярополка в большой опасности, если он останется в Киеве, Блуд предложил ему затем тайком убежать в другой город, поближе к печенегам. Ярополк согласился и бежал в город Родню, на реке Реи, а Владимир занял без боя Киев и осадил брата в Родне, где сделался скоро большой голод, так как Блуд умышленно не заготовил припасов. Этот голод был так жесток, что в народе надолго осталась поговорка: «Беда, как в Родне». Поставив таким образом Ярополка в отчаянное положение, Блуд стал ему говорить: «Видишь, сколько войска у твоего брата; нам их не победить, лучше ми-

рися с ним». Ярополк принужден был согласиться на это, а Блуд послал сказать Владимиру: «Желание твое сбылось, я приведу к тебе Ярополка, а ты распорядись как бы убить его».

Тогда Владимир, получивши эту весть, вышел на отцовский теремной двор и сел здесь с дружиной, а Блуд послал к нему Ярополка, научив его сказать Владимиру при встрече: «Что дашь мне, то я и возьму». Не подозревая никакого коварства, простодушный Ярополк отправился к младшему брату в Киев, хотя верный его дружинник Варяжко чуял сердцем беду и говорил своему князю: «Не ходи, князь. Убьют тебя. Побежим лучше к печенегам и приведем войско». Но Ярополк не послушал его и пошел к брату. Как только он вошел в двери терема, два варяга, стоявшие по сторонам, мгновенно подняли его мечами под пазухи, а Блуд сейчас же притворил двери, чтобы не вошел кто из дружинников несчастного Ярополка. Верный Варяжко, видя, что князь убит, бежал со двора к печенегам и постоянно приходил с ними потом на Владимира, мстя за смерть своего князя, так

что Владимир едва успел перезвать его через многие годы к себе, поклявшись не делать ему никакого зла.

Покончив с братом, Владимир сел в Киеве и стал единовластно княжить над всей Русской землею. Первым его делом было жениться на прекрасной грекине, бывшей чернице, вдове своего брата. Как ярый язычник, покоровивший Киев со своей языческой же новгородской дружиной, Владимир стал сильно теснить христиан, которых было уже довольно много в Киеве, причем еще со времени Игоря они имели свой соборный храм – Святого Ильи.

Что касается до дел государственных, то Владимир, несмотря на молодость, показал себя таким же твердым и храбрым князем, каким был и его отец Святослав. Пришедшие к нему из-за моря варяги, поселившись в Киеве, стали очень буйно себя держать и требовали даже, чтобы Владимир наложил для них дань на киевлян. Он сказал им, чтобы они подождали месяц; через месяц же, выбрав из этих варягов самых лучших, умных и доблестных людей и раздав им города в управление, он

отказал остальным в уплате дани, а предложил пойти на службу к греческому императору. Те так и сделали.

После этого Владимир совершил ряд удачных походов. Он разбил поляков и отвоевал у них города Перемышль, Червен и другие, где сидела Червонная Русь, и присоединил их к владениям Русской земли.

Затем вятичи отказались платить дань, но он также быстро привел их в полное послушание. После этого Владимир ходил воевать воинственное племя ятвягов, живших к северу от древлян, и одержал над ними полную победу.

Наконец, в 984 году, Владимир чрезвычайно удачно усмирил радимичей. Он выслал против них своего воеводу, по имени Волчий Хвост, который разбил их на реке Пищане. Русь долго корила после этого радимичей, говоря, что они бегают «от волчьего хвоста».

Оставаясь все время усердным язычником, Владимир, в благодарность богам за свои блестящие успехи, построил много кумиров, причем на холму, близ княжеского терема, он поставил огромного бога Перуна, с серебряной

головой и золотыми усами.

Таким же усердным язычником был и Добрыня, посланный посадником в Новгород, где он поставил огромный кумир на берегу Волхова. «И поклонялись ему люди, как Богу», – говорит летописец.

Усердно ставя кумиры, Владимир вместе с тем кроме Рогнеды и грекини, взятой после Ярополка, завел себе множество жен. Всех их по разным городам было, по преданию, восемьсот. Гордая Рогнеда, оскорбленная таким пренебрежением к себе мужа, решила его извести.

Однажды пришел к ней Владимир и уснул. Она взяла нож и совсем бы его заколола, если бы он вовремя не проснулся и не схватил ее за руку. «С горести подняла на тебя руку», – ответила Рогнеда разгневанному мужу, который спросил ее, за что она хочет убить его. «Отца моего убил, землю его полонил из-за меня. А теперь не любишь меня и с этим младенцем», – добавила она, показывая на своего маленького сына Изяслава. Владимир промолчал, но велел ей нарядиться во всю царскую одежду, какая была надета в день сва-

дьбы, и сесть на богато убранной постели в своей горнице. Здесь, как на брачном торжестве, он хотел казнить ее мечом. Но Рогнеда догадалась, что замышляет муж, и перед его приходом устроила так: дала малютке Изяславу обнаженный меч и научила, что сказать, когда войдет отец.

Когда Владимир вошел, маленький Изяслав, выступя с большим мечом в руках, сказал ему: «Отец, или ты думаешь, что ты здесь один ходишь?» – «А кто тебя здесь чаял!» – воскликнул Владимир и бросил меч. Потом он позвал бояр и передал дело на их суд. Бояре решили так: «Не убивай ее ради малютки, а устрой вотчину и дай ей с сыном». Тогда Владимир построил Рогнеде особый город и в честь сына назвал его Изяславлем; ей же дал имя Гореслава.

После этого происшествия Владимир продолжал свою прежнюю языческую жизнь. В 983 году, вернувшись из удачного похода на ятвягов, он пожелал особо почтить своих богов принесением им человеческой жертвы. Решили кинуть жребий на отрока и на девуцу, – на кого падет, того и зарезать в жертву

богам. Жребий пал на одного отрока варяга, прекрасного лицом и душой и притом христианина. Имя его было Иоанн. Этот отрок жил вместе со своим отцом, Феодором, который тоже исповедовал Христову веру. Язычники, обрадованные, что жребий пал на одного из христиан, которых они особенно не любили во времена Владимира, отправили посланных в отчий дом отрока; те объявили, что пришли за сыном, чтобы заколоть его на потребу богам. «Это не боги, – ответил им отец, – а дерево: сегодня стоят, а завтра сгниют. Не едят, не пьют, не говорят, а руками сделаны из дерева, топором и ножом обрублены и оскоблены. Вышний Бог есть один: Ему поклоняются греки. Он создал небо и землю, звезды и луну, солнце и человека. А ваши боги что сотворили и что сделали? Их самих сделали люди! Не отдам сына своего бесам». Когда посланные передали этот ответ, толпа язычников в ярости прибежала к дому Феодора и требовала выдачи сына. Оба едва успели войти в верхнюю горницу. «Давай сына на жертву богам!» – кричала толпа. «Если есть боги, – отвечал Феодор, – то пусть по-

шлют от себя одного бога и возьмут моего сына, а вы для чего препятствуете им!» Тогда рассвирепевший народ поджег хоромы и убил обоих варягов.

Впоследствии на месте их убийства была выстроена десятинная церковь, а мощи отрока Иоанна перенесены в Антониеву пещеру Киево-Печерской лавры, где они почивают и поныне. Не имеющие детей прибегают к нему с молитвой о чадородии; где находятся мощи Феодора – неизвестно.

Убийство варягов – Иоанна и отца его, Феодора, – произвело сильное впечатление на Владимира.

С тех пор он чаще стал задумываться над вопросами о религии и все более и более охладевал к язычеству. Конечно, он должен был видеть все преимущества веры Христовой над своей, тем более что в Киеве среди купцов и других жителей было много христиан еще со времен Аскольда и Ольги; попадались они даже и в рядах княжеской дружины: их чистая жизнь, сравнительно с языческой, резко кидалась всем в глаза.

Сомнения князя в истине языческой веры,

которую он до сих пор так ревностно исповедовал, стали скоро известны всем. И вот к нему начинают являться камские болгары, исповедовавшие магометанство, хазары – иудейского закона, немцы, принявшие латинство и поддавшиеся папе римскому, и, наконец, православные греки. Все стали выхвалять свою веру и уговаривать могучего русского великого князя перейти в их закон со всем русским народом. «Ты, князь, мудрый и смысленный, – говорили ему камские болгары, – а закона не знаешь. Прими наш закон и поклонись Магомету». – «А в чем ваша вера?» – спросил их Владимир. «Мы веруем в Бога, – отвечали они, – а Магомет учит нас: творите обрезание, не ешьте свинины, вина не пейте, и по смерти Магомет даст каждому по семидесяти прекрасных жен». Выслушав их внимательно, Владимир решил: «Питие есть веселие Руси; не может без того быти».

Затем пришли немцы от папы и стали его уговаривать принять католичество. «А какая заповедь ваша?» – спросил их Владимир. «Держать пост по силе, – отвечали немцы, – если же кто пьет и кто ест, то все во славу Бо-

жию, – говорит учитель наш Павел». – «Ступайте домой, – сказал им на это Владимир, – отцы наши этого не приняли».

После немцев пришли к Владимиру хазарские иудеи. Чтобы унижить христианскую веру, они начали говорить великому князю, что христиане веруют в Того, Кого они распяли. «Мы же веруем, – продолжали они, – в единого бога Авраамова, Исаакова и Иаковлева». – «А что у вас за закон?» – спросил Владимир. «Обрезание, – отвечали хазары, – свинины не есть, ни заячины, субботу хранить». – «Где же находится ваша земля?» – продолжал князь. «В Иерусалиме», – получил он в ответ. «Там ли вы теперь живете?» – задал тогда им вопрос Владимир. «Наш Бог прогневался на наших отцов, – сказали иудеи, – и за грехи наши рассеял нас по всем странам; землю же нашу отдал христианам». – «Как же вы других учите, а сами отвержены Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и ваши законы, то не рассеял бы по чужим странам. Или думаете, что от вас и нам тоже принять».

Наконец, и греки прислали к Владимиру ученого мужа. Муж этот вначале рассказал по

порядку лживость и заблуждения других вер. Магометанство он изобразил так, что Владимир плюнул и сказал: «Не чисто это дело». Затем о католичестве ученый муж сказал, что это такая же вера, как и греческая, но есть неисправления, и служат на опресноках, когда Господь повелел служить на хлебах, так как, разломив хлеб, Он сказал ученикам на Тайной вечери: «Сие есть Тело Мое, ломимое за вы». Выслушав эти речи ученого грека, Владимир сказал ему: «Ко мне приходили иудеи хазарские и говорили: немцы и греки в Того веруют, Кого мы распяли на кресте». На это грек ответил так: «Воистину в Того веруем, ибо так пророчествовали и пророки: одни – как Господу нашему суждено родиться, а другие – что быть Ему распяту и погребенну, а в третий день воскреснуть и взойти на небеса. А иудеи таких пророков избивали, а когда все сбылось по пророчеству, и Господь сошел на землю, и принял распятие, а затем воскрес и вознесся на небеса, Он ожидал их покаяния сорок шесть лет, но не покаялись они; и послал тогда Бог на них римлян, и разрушены были города их, самих же рассеял по разным

странам, где и работают».

Выслушав со вниманием все это, Владимир спросил грека: «Чего же ради сошел Господь на землю и принял такое страданье?» Тогда ученый муж сказал ему, что если хочет, то он расскажет все сначала, и рассказал ему по порядку все Священное Писание: о сотворении мира, о гордости и высокоумии Сатаны, и как он был низвержен с неба; о жизни Адама в раю; о том, как была сотворена ему в подруги Ева и как произошло первое грехопадение, и были Адам и Ева изгнаны из рая; как Каин убил Авеля; как люди, размножившись, забыли Бога и стали жить по-скотски, и как Господь наказал их потопом; как от праведного Ноя и его трех сыновей произошли все народы, ныне населяющие землю, и что было после потопа на земле, вплоть до пришествия Господа нашего Иисуса Христа на землю и приятия Им страданий, а затем и чудесного воскресения из мертвых и вознесения. Закончил свое поучение греческий муж так: «Господь поставил один день, в который Он придет с небеси и будет судить живых и мертвых, и воздаст каждому по его делам: праведным

царство Небесное и красоту неизреченную, радость без конца и бессмертие во веки; грешникам же вечные муки».

Рассказавши это, греческий муж показал Владимиру запону, на которой было написано судилище Господне: справа праведные в веселии идут в рай, а слева грешники шествуют в муку вечную. Задумался Владимир над всем слышанным и, вздохнувши, сказал: «Хорошо будет тем, что идут направо, но горе тем, что идут налево». – «Если желаешь быть с праведными, то крестись», – ответил ему грек. Владимир глубоко воспринял эти слова в своей душе, но ответил: «Подожду еще немного». Затем он созвал на совет дружину свою и старейших жителей Киева и сказал им:

«Приходили ко мне болгары и предлагали принять свой закон; за ними были с тем же немцы; после приходили иудеи...

После же всех пришли греки, разобрали все чужие законы, а свои хвалят, и так чудно и хорошо говорят. Повествуют, что есть другой свет; если, говорят, кто примет нашу веру, то хоть бы и умер – опять встанет и не умрет

воеки. Что вы на все это мне ответите?» – «Ты сам знаешь, князь, – сказали бояре и старцы, – никто своего не хулит, а всегда хвалит. Если хочешь испытать доподлинно, то у тебя довольно мужей, пошли их и вели рассмотреть в каждой стране, как служат там своему Богу».

Речь эта понравилась и князю, и всему совету. Было выбрано десять мужей добрых и смысленных, которые отправились прежде всего к камским болгарам, потом к немцам, а затем и к грекам. По их возвращении у великого князя собрались опять бояре его дружины и старцы городские. Послы стали рассказывать собранию, что видели в разных странах. «Видели мы у болгар, – говорили они, – поклоняются в храме, стоя без пояса; поклонившись, сядут и глядят туда и сюда, как сумасшедшие. Нет веселья у них, но печаль и страх великий, нет добра в их законе. Когда были мы у немцев, то видели многое на их службе, но красоты не видали никакой. Когда же пришли мы к грекам и они повели нас туда, где служат своему Богу, то мы в изумлении не ведали, на небе ли мы или на земле.

Нет на земле такого вида и такой красоты. И рассказать не умеем! Знаем только, что там Сам Бог с людьми пребывает, и служба у них выше всех стран! Не забудем мы той красоты! Всякий, кто вкусил сладкого, не захочет уже горького; тоже и мы не можем уже больше оставаться в язычестве». Слушавшие послов бояре и старцы вполне согласились с ними и сказали Владимиру: «Если бы дурен был закон греческий, то и Ольга, бабка твоя, мудрейшая из всех людей, не приняла бы его». – «Где же приму крещение?» – спросил тогда великий князь.

«Где тебе будет любо», – ответила ему его верная дружина. Это было в 988 году.

В это время как раз случились у Владимира нелады с городом Корсунью, принадлежащим византийским императорам, и он пошел на него походом.

Подойдя к городу, русские осадили его и приступили к подготовке приступа. Для этого они начали насыпать к городской стене земляную насыпь, чтобы войти по ней в город. Но греки повели подкоп под самую стену, ночью спускались в него и выбирали всю зем-

лю, которую наваливали русские за день, и разносили ее потом по городу. Таким образом, дело Владимирово почти не подвигалось вперед. Но вскоре нашелся в городе среди корсунцев друг русских, некий муж Настас. Он пустил в наш стан стрелу с запиской к Владимиру, на которой было написано: «Перекопай и перейми воду из колодца, лежащего от тебя к востоку; из него идет по трубе вода в город». Обрадованный этой запиской, Владимир громко сказал: «Если от этого Корсунь сдастся, то я и сам крещусь». После этого вода из колодца была перекопана, и томимые жаждой корсунцы сдались через несколько дней.

Вступив в город, Владимир тотчас же послал к царям Василию и Константину послов, с таким словом: «Славный ваш город я взял. Слышал я, что у вас есть сестра девица; коли не отдадите ее за меня, то и с Царьградом вашим сделаю то же, что и с Корсунью».

Встревоженные и опечаленные цари отвечали: «Недостойно христианкам выходить за язычников. Крестись, и тогда дадим тебе невесту, и примешь ты царство Небесное и

единоверен будешь ты с нами. Не захочешь креститься, не сможем мы отдать тебе сестру нашу». На это Владимир послал им такой ответ: «Я уже испытал вашу веру и готов креститься; любя мне эта вера и служенье, о которых мне рассказывали посланные мною мужи». Константин и Василий обрадовались этому ответу и стали умолять свою сестру Анну идти за Владимира. Ему же они послали сказать, чтобы он крестился перед тем, как посылать Анну. Но Владимир ответил: «Пусть те священники, которые придут с сестрой вашей, крестят меня». Тогда цари уговорили с большим трудом свою сестру и отправили ее в Корсунь со священниками. Расставание Анны с братьями было очень тягостное. «Иду точно в полон, – говорила она, – лучше бы мне умереть». Братья же утешали ее так: «А что, если Господь обратит, благодаря тебе, Русскую землю на покаяние, а Греческую землю избавит от их лютой рати; ты знаешь, сколько зла наделала Русь грекам? И теперь, если не пойдешь, будет то же самое».

Анна, в сопровождении священников, со слезами села на корабль, простилась с милой

родиной и поплыла в Корсунь, где была торжественно встречена жителями. В это время, по Божьему устройению, Владимир заболел глазами, и настолько сильно, что ничего не мог видеть, почему очень горевал и не знал, что ему делать. Царевна Анна, узнав про эту болезнь, послала ему сказать, что если он хочет избавиться от болезни, то непременно должен скорее креститься.

Услышав это, Владимир сказал: «Если так случится, то воистину велик будет Бог христианский».

Затем последовало его крещение. Епископ Корсунский с прибывшими из Царьграда священниками, после оглашения, крестил великого князя. Как только на него были возложены руки, Владимир тотчас же прозрел. До глубины души потрясенный этим, он воскликнул: «Теперь увидел я Бога истинного».

По прибытии в Киев первым долгом Владимира было крестить своих сыновей и освободить от обязанностей супруг своих языческих жен.

К Рогнеде им было послано сказать следующее слово: «Теперь, крестившись, я должен

иметь одну жену, которую я взял, христианку; а ты выбери себе мужа из моих князей и бояр, кого пожелаешь».

Но не такова была Рогнеда Рогволодовна. Она, в свою очередь, послала сказать Владимиру: «Царицей я была, царицей и останусь, и ничьей рабой не буду. А если ты сподобился святого крещения, то и я могу быть невестой Христовой и принять ангельский лик». В это время с ней был ее десятилетний сын Ярослав, хромой от рождения и больной ногами, почему он до сего дня вовсе не мог ходить. Услышав слова матери, он вздохнул и сказал ей: «Истинная ты царица царицам и госпожа господам, что не хочешь с высоты сойти вниз. Блаженна ты в женах». Сказавши это, Ярослав свободно встал на ноги и с тех пор начал ходить, а Рогнеда постриглась и была наречена в иночестве Анастасией. Всех детей от Владимира у нее было шесть: сыновья Изяслав, Ярослав, Всеволод и Мстислав и дочери Мстислава и Предслава.

Отпустив своих языческих жен, Владимир по прибытии в Киев приступил и к очищению города от языческих идолов: некоторых

рассекли на части, других сожгли, а самого главного – Перуна – привязали к хвосту лошади и потащили с горы, причем 12 человек должны были бить его палками, для поругания перед народом. Когда его приволокли к берегу и бросили в воду, то многие проливали слезы и долго следовали за плывшим болваном по берегу. Разрушив идолов, приступили к проповеди народу Христовой веры; прибывший из Греции митрополит, вместе со священниками, ходил и проповедовал всюду по Киеву слово Божие; сам великий князь Владимир участвовал в этой проповеди. Наконец, когда население было таким образом подготовлено, он приказал оповестить по всему городу, чтобы на другой день все некрещенные шли к Днепру.

Здесь, 1 августа 988 года, и совершилось величайшее событие в жизни Руси – она приняла святое крещение.

Киевляне, стар и млад, входили в воды Днепра. Кто стоял по шею в воде в самой глубине, кто до персей; малые теснились поближе к берегу, а младенцев взрослые держали на руках. Службу свершали епископ Михаил

и прибывшие с царицей священники.

Восприемником своего народа был сам великий князь, стоявший тут же на берегу.

«Умилившись духом при виде этого радостного зрелища, как крестится его родной народ, Владимир, – говорит летописец, – возведя очи на небо, изрек: «Боже, сотворивший небо и землю! Призри на новые люди сии и даждь им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, как уже познали страны христианские; утверди веру в них правую и несовратимую, а мне помощи, Господи, на супротивного врага, дабы, надеясь на Тебя, я победил бы его козни».

После крещения Владимир приказал тотчас же рубить и ставить по всему городу церкви в тех местах, где раньше были кумиры. На холму, где стоял Перун, была построена церковь Святого Василия, именем коего был окрещен Владимир в Корсуни. На том же месте, где были убиты разъяренной толпой два варяга – Феодор и Иоанн, Владимир повелел соорудить особо богатый храм, в честь Богоматери, вызванными для этого мастерами из Греции. Когда постройка этого храма была

окончена, то на содержание его Владимир определил давать десятую часть доходов со своих имений, почему церковь и была названа десятинной, а управителем этих десятин был поставлен корсунский грек Настас.

Дивный храм этот был построен и украшен по-царьградски. Двадцать пять глав, или верхов, украшали его снаружи, а внутри было множество столпов из драгоценного мрамора, яшмы и других камней; стены же были украшены прочной живописью. Перед храмом, с западной стороны, в подражание Царьграду, были поставлены привезенные из Корсуни две медные статуи и четыре медных коня.

Вместе с постройкой Божиих храмов первым помыслом Владимира после крещения было заведение школ для книжного учения, так как христианство, кроме истинной веры, принесло также с собою в Русскую землю грамоту и всю науку.

Владимир же, как восприемник при крещении своего народа – по святому долгу, налагаемому Церковью на восприемников, должен был тотчас же приступить к научению своих крестных детей Христовой вере и всей

людской премудрости во славу Божию и на пользу своей родной земли. После него и все русские государи, наследуя от своих предшественников верховную власть над землею, наследуют вместе с тем и долг восприимчивости над своим народом; поэтому-то они всегда и стоят во главе русской Церкви и просвещения.

Чтобы начать дело обучения народа, Владимир собрал у лучших простых людей Киева их детей и отдал их в устраиваемые школы, под руководство священников. При этом многие матери плакали по своим ребятам, как по умершим, так как очень темен еще был народ. Из набранных детей в школах этих, разумеется, прежде всего стали готовить будущих священников и прочих церковников, которые необходимы были как для совершения треб, так и для научного просвещения паствы.

После крещения киевлян Владимир послал священников, вместе с мужами своей дружины, по разным концам Русской земли – исповедовать Евангелие, а затем и крестить народ. На север, по великому пути «из варяг в

греки», был отправлен митрополит Михаил, вместе с Добрыней, дядей Владимира, и Настасом Корсунянином.

Народ, живший по пути из варяг в греки, крестился везде без принуждений, но в Новгороде, старом языческом гнезде, всегда крепко не любившем Киев и его христиан, введение Христовой веры было делом нелегким. Когда в Новгороде узнали, что Добрыня идет крестить, то собрали вече, и все поклялись не пускать его в город и не давать идолов на ниспровержение; и точно, когда пришел Добрыня, то новгородцы разметали большой мост и вышли на него с оружием. Добрыня стал было уговаривать их ласковыми словами, но они и слышать не хотели и выставили против него камнеметные орудия; особенно возбуждал новгородцев против христианства волхв Богомил, прозванный за свою складную речь Соловьем. На торговой стороне назначенный в Новгород епископом Иоаким, корсунянин родом, вместе со священниками ходили по улицам и учили людей, сколько могли; им удалось окрестить в два дня несколько сот человек. На другой же стороне

реки в это время новгородский тысяцкий Угоняй ездил всюду и кричал: «Лучше нам помереть, чем дать богов наших на поруганье» – и до того возбудил народ, что тот разграбил дом Добрыни, находившийся на том берегу реки Волхов, убил его жену и еще несколько родственников.

Тогда Добрыня отправил на ту сторону реки своего тысяцкого Путятю с 500 человек. Путята незаметно переправился ночью на лодках, захватил Угоняя и других главных зачинщиков беспорядков и отправил их на расправу к Добрыне. После этого народ вступил с Путятой в жестокую сечу и разметал церковь Преображения Господня, принадлежавшую новгородским христианам, кои давно находились в городе в малом числе.

В помощь Путяте на другой день с рассветом прибыл Добрыня со своими людьми и велел зажечь некоторые дома на берегу. Тогда новгородцы испугались, побежали тушить пожар, и сеча перестала, а самые знатные люди пришли к Добрыне просить мира. Добрыня, конечно, тотчас же согласился на мир, но приказал немедленно сокрушить всех идо-

лов: деревянных пожечь, а каменных, изломав, побросать в реку. Мужчины и женщины, видя это, с воплями и слезами просили за них, как за своих богов. Добрыня с насмешкой отвечал им: «Нечего вам жалеть о тех, кто себя защитить не может; какой пользы вам от них ждать?» – и послал всюду с объявлением, чтобы шли креститься. Вместе с тем посадник Воробей, воспитанный в детстве с Владимиром, человек, отлично владевший словом, пошел на торг и стал сильно уговаривать народ креститься. Многие пошли к реке сами собой, а кто не хотел, того воины тащили силой; говорившим же, что они уже крещены, приказано было надеть на шею кресты, а у кого креста не было, того вели в воду. Так крестились новгородцы. Память в народе о насильном крещении сохранилась надолго, и много лет спустя нельзя было больше рассердить новгородцев, как сказать, что их «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем».

Приняв христианство, Владимир не только ревностно насаждал его среди народа, но и сам преобразился духовно до неузнаваемости. Со времени своего крещения в свою бояр-

скую думу, кроме городских старцев, он стал всегда приглашать и епископов, которые оказывали на все дела большое влияние.

Особенно усердно творил Владимир милостыню. Слушая однажды, как читали в церкви Евангелие, Псалтырь и Книгу премудрости Соломона, он, по рассказу преподобного Нестора, был более всего поражен следующими местами этих священных книг:

В Евангелии: «Блаженны милостивые, яко тии помилованы будут. Продайте имение ваше и отдайте нищим. Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребят». В Псалтыри царя Давида: «Блажен муж, который милует и дает». В Книге премудрости Соломона: «Дающий нищему, Богу займы дает». Слышавши все это и желая жить по Писанию, Владимир приказал каждому нищему и убогому приходить на княжий двор и брать все, что им нужно, платье, и яденье, и деньги из казны своей. После этого он вспомнил, что есть и такие, которые, вследствие дряхлости и болезни, не могут до-

брести до двора его; и вот Владимир велел устроить особые возы, складывать на них хлеб, мясо, рыбу, всякие овощи, мед в бочонках, а в других квас, возить все это по городу и везде спрашивать: «Нет ли где больного и нищего, который не может идти к князю во двор» – и раздавать, кому что нужно.

Сделавшись христианином, Владимир стал настолько жалостлив к людям, что прекратил казнить и наказывать преступников; вследствие этого вскоре развелось огромное множество воров и убийц, которые заняли все дороги и начали немилосердно убивать и грабить всех путников, так что одно время не было безопасного прохода и проезда к Киеву.

Тогда сами епископы пришли к Владимиру и сказали, что «умножились разбойники, отчего не казнишь их?» – «Боюсь греха», – отвечал Владимир. «Ты поставлен от Бога, – сказали ему на это епископы, – казнить злых, а добрых миловать; поэтому разбойников следует казнить, но по правде, с испытанием». Тогда Владимир стал казнить разбойников; впоследствии же он нашел возможным отменить эти казни и стал наказывать преступни-

ков одной денежной пеней – вирую.

Будучи истинно благочестивым и в точности исполняя евангельские веления о милосердии, Владимир вместе с тем был гостеприимным и ласковым хозяином; он со своей княгиней постоянно задавал веселые пиры – как по случаю особых церковных торжеств, так и вообще, в каждый воскресный день. На эти пиры приглашались, во-первых, дружина, а затем сотские, десятские и другие выборные мужи от города. Было за княжескими столами всего во множестве: было мясо и от скота, и от зверей, и всего было в великом изобилии. Народ прозвал своего ласкового и щедрого князя Красным Солнышком.

Особенно любил князь свою дружину и ничего не жалел для нее. Однажды подпили его гости и начали роптать на своего князя: «Горе нашим головам, дает нам есть деревянными ложками, а не серебряными!» Услышав это, Владимир тотчас велел сковать серебряные ложки и промолвил при этом: «Серебром и золотом не соберу дружины, а дружиной сыщу и серебро и золото, как и дед мой, и отец мой дружиной доискались и золота, и серебра».

Насаждая Христову веру и устраивая порядки в Русской земле, Владимиру и после своего крещения немало приходилось заниматься ратным делом. Он удачно воевал с дунайскими болгарами, посылая на помощь русские войска своим новым родственникам, греческим царям.

Однажды он послал отряд русских воинов, в шесть тысяч человек, своему зятю – царю Василию. Этот Василий, около 1000 года, взял их с собой в Армению, куда он приходил с миром и делал дружеский прием владетелям Грузии и Кавказа. Тут произошел такой случай. Как-то раз из отряда русских какой-то воин нес сено для лошади. Подошел к нему один из грузин и отнял у него сено. Тогда на помощь русскому прибежал другой русский. Грузин крикнул своих, которые, прибыв, убили первого русского. Тогда все русские, бывшие там, как один человек, поднялись на бой и побили всех находившихся здесь грузин. «В этот день не уцелел ни один благородный грузин; все заплатили немедленно смертью за свое преступление», – рассказывает один армянский писатель по этому поводу. Это по-

казывает, почему Русь всегда была грозной; она всюду жестоко платила за полученные обиды и никогда не оставляла их без отмщения; даже и после принятия христианства обычай кровавой мести существовал еще весьма долгое время и был даже узаконен.

Самыми главными и тяжелыми походами для Владимира были его походы против ближайших соседей – печенегов. С тех пор как их навел на Русскую землю, чтобы отомстить за смерть Ярополка, его верный дружинник Варяжко, они постоянно тревожили Владимира и часто подходили к самой границе, которая проходила тогда близко от Киева.

В 992 году печенеги двинулись на Киев от реки Сулы; Владимир же встретил их на реке Трубеже, на броне, где стоит город Переяславль. Каждая рать стала на своем берегу, и никто не решался переходить реку. Наконец, печенежский князь подъехал к реке, крикнул Владимира и сказал ему: «Выпусти своего мужа, а я своего; пусть борются. Если твой муж ударит моим, то не будем воевать три года; если же мой муж ударит твоим, то будем воевать три года». Владимир согласился и, воз-

вратясь в свой стан, приказал кликать клич по всем палаткам: «Нет ли кого, кто бы взялся биться с печенегом?» Но никто не отозвался. А на другой день уже приехали печенеги и привезли своего бойца. Стал тужить Владимир, что нет у него никого против печенежского силача, и вот пришел к нему один старик и говорит: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; с четырьмя сынами вышел я сюда, тот дома остался; с детства никому еще не удавалось им ударить; однажды я его журил, а он мял воловью кожу, так в сердцах он разорвал ее руками». Князь обрадовался, послал за меньшим сыном старика и рассказал ему, в чем дело; тот отвечал: «Не знаю, могу ли я сладить с печенегом; пусть меня испытают; нет ли где быка большого и сильного?» Нашли быка, разъярили его горячим железом и пустили; ко гда бык бежал мимо силача, тот схватил его рукой за бок и вырвал кожу с мясом, сколько мог захватить. Тогда обрадованный Владимир сказал: «Можешь бороться с печенегом».

На другой день пришли печенеги и стали кликать: «Где же, наконец, ваш боец; наш уже

давно готов». Владимир велел вооружиться нашему молодцу, и оба выступили друг против друга. Выпустили печенеги своего великана страшного, и когда выступил боец Владимиров, то печенег стал смеяться над ним, потому что тот был среднего роста. Затем измерили место между обоими полками и пустили борцов: они схватились и стали крепко жать друг друга; русский, наконец, сдавил печенега в своих могучих руках до смерти и ударил им о землю; раздался крик в полках; затем печенеги побежали, а русские погнались за ними. Обрадованный Владимир заложил на том месте, где стоял, город и назвал его Переяславлем, потому что русский богатырь перенял славу у печенежского; отца же, вместе с сыном, князь пожаловал в знатные бояре. Звали нашего славного кожемяку Ян Усмошвец.

По истечении трех лет после этого единоборства, в 995 году, печенеги, согласно уговору, открыли военные действия и подошли к городу Василеву. Владимир вышел им навстречу с малой дружиной и едва не погиб; дружина была разбита, а сам он с несколькими

ми человеками еле спасся, укрывшись где-то под мостом. Это было в самый день Спаса Преображения, 6 августа. В благодарность за свое избавление от неминуемой смерти Владимир построил в Василеве обетную деревянную церковь и затем праздновал Преображение целых восемь дней; он сварил 300 провар меду, созвал бояр, посадников, старейшин со всех городов и множество простых людей и богато одарил всех убогих. К Успеньеву дню великий князь воротился в Киев и опять устроил великий праздник, созвавши бесчисленное множество народа.

Через два года, в 997 году, печенеги опять в огромном количестве появились у наших границ. Владимир пошел в Новгород собирать конных людей, а печенеги, узнав, что великого князя нет, пришли и стали вокруг Белгорода, отчего в нем скоро наступил большой голод. Наконец, съевши почти все запасы и видя пред собой голодную смерть, белгородцы, рассказывает летописец, собрались на вече и сказали: «Нам приходится помирать с голоду, а от князя помощи нет; что же, разве лучше нам помирать? Сдадимся печенегам: кого

убьют, а кого и в живых оставят, все равно умираем уже с голода». На том и порешили.

Один старик не был на вече; когда он спросил, зачем собирались, и ему сказали, что на другой день люди хотят сдать печенегам, то он послал за городскими старейшинами и спросил их: «Что это я слышал, вы уже хотите передаться печенегам?» Те отвечали: «Что же делать, не стерпят люди голода». Тогда старик сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я велю». Те обещали с радостью его слушаться, и он приказал: «Соберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей». Когда все это сыскали, старик велел женщинам сделать кисельный раствор; потом он приказал выкопать колодец, вставить туда кадку и налить в нее раствор; кроме того, велел выкопать еще один колодец и вставить в него тоже кадку; потом приказал искать меду; лукошко меду нашли в княжеской медуше; из него старик велел сделать сыту и вылить в кадку, что стояла в другом колодце.

На другой день он послал за печенегами; горожане пошли и сказали им: «Возьмите к

себе наших заложников и пошлите человек десять своих к нам в город, пусть посмотрят, что там делается». Обрадованные печенеги, думая, что белгородцы хотят им сдаться, взяли у них заложников и послали своих лучших мужей в город посмотреть, что там делается. Когда они вошли в Белгород, то люди сказали им: «Зачем вы себя губите; можно ли перестоять нас? Хотя десять лет стойте, так ничего нам не сделаете, потому что у нас корм от земли идет; не верите – смотрите своими глазами». Затем привели их к одному колодцу, почерпнули раствора и сварили кисель; кисель этот понесли к другому колодцу, почерпнули сыты и начали есть, прежде сами, а потом дали отведать и печенегам. Те удивились и сказали: «Не поверят наши князья, если сами не отведают». Горожане налили корчагу раствора и сыты и дали печенегам; они пришли в свой стан и рассказали все, что видели. Печенежские князья сварили кисель, отведали, подивились, разменялись заложниками и, отступив от города, пошли домой.

Беспрерывные нападения печенегов на

русские владения заставили Владимира укрепить границы и строить города по рекам Десне, Остёру, Трубеж, Суле и Стугне. В города эти Владимир посылал дружины из лучших и храбрейших мужей, от новгородцев, кривичей, чуди и вятичей, которые постоянно должны были быть готовы отражать нападения печенегов.

О князе Владимире и печенегах сохранился рассказ немецкого епископа Бруна, который был послан папой проповедовать христианство печенегам в 1000 году. Брун, чтобы попасть к печенегам, приехал в Киев; Владимир принял его очень ласково, отговаривал ходить к ним, а когда Брун настаивал, то проводил его до границы и поручил ему быть посредником при переговорах о мире с печенегами.

Вот как доносил об этом сам Брун германскому императору:

«После того, как я напрасно пробыл год среди венгерцев, я направился к самым диким из всех язычников, к печенегам; князь руссов, Владимир, хозяин обширной страны и больших богатств, задержал меня на месяц,

пытался отговорить от моего намерения и хлопотал обо мне, как будто я из тех, кто добровольно бросается на гибель. Когда, однако, он ничего не мог со мной поделать и его, сверх того, напугало видение, касавшееся меня недостойного, то он в течение двух дней провожал меня со своим войском до самой крайней границы своего государства, которую он окружил чрезвычайно крепким и сильным частоколом. Там он спешился; я и мои товарищи шли впереди, а он с знатнейшими своими воинами следовал за нами. Так мы прошли ворота.

Князь остановился на холме. Я сам понес крест, который обнял руками, и запел известный стих: «Петр, если ты меня любишь, то паси моих овец». Когда окончилось пение, то князь послал к нам одного из своих сановников со следующим предложением: «Я тебя проводил до того места, где кончается моя земля и начинается неприятельская. Прошу тебя, ради Бога, не терять, к моему бесчестию, твоей молодой жизни: я знаю, что ты завтра еще до трех часов испытаешь горькую смерть без всякой причины и выгоды». Я послал ска-

зять ему в ответ: «Пусть Господь откроет тебе рай, как ты открыл нам дорогу к язычникам». Так расстались мы с ним и шли два дня без того, чтобы кто-либо обидел нас. На третий же день – то была пятница – мы трижды: утром, в полдень и в девять часов, были с согнутыми шеями приводимы на казнь и все же каждый раз выходили невредимыми из рук врагов». Пробыв пять месяцев у печенегов, среди ужасных опасностей, Бруну удалось крестить 30 человек и заключить мир между ними и русскими, причем Владимир послал одного из своих сыновей заложником к печенегам.

Из замечательных событий на Руси во время княженья Владимира следует указать также на начало чеканки при нем золотой и серебряной монеты вследствие увеличившихся оборотов по разного рода торговым сношениям.

Всех сыновей у Владимира было двенадцать.

Они сидели на княжении в следующих городах: 1) старший, Вышеслав, от варяжской жены Оловы, – в старшем после Киева городе,

в Новгороде; 2) Изяслав, от Рогнеды, – в Полоцке; 3) Святополк, от Ярополковой грекини-черницы, – в Турове на Припяти; 4) Ярослав, от Рогнеды, – сначала в Ростове, а по смерти Вышеслава – в Новгороде; 5) тогда в Ростове сел Борис, родившийся от греческой царевны Анны; 6) в Муроме, брат его от той же матери – Глеб; 7) у древлян – Святослав, от Малфриды; 8) во Владимире Волынском, – Всеволод от Рогнеды; 9) в Тмутаракани, близ пролива из Азовского моря в Черное, – Мстислав, от Рогнеды же; 10) Станислав, от чехини, – в Смоленске; 11) Судислав, от Адели, – в Пскове и 12) где сидел Позвизд и кто была его мать – сведений не имеется.

Любимыми сыновьями Владимира были младшие – Борис и Глеб, от царевны Анны.

К концу своей жизни престарелому великому князю пришлось пережить много огорчений: в 1011 году умерла нежно любимая им княгиня Анна, а затем много горя доставили ему двое старших сыновей – Святополк и Ярослав.

Мы видели, что Владимир в начале своего княжения воевал с поляками и отнял у них

города Червонной Руси – Перемышль, Червен и другие. Это было в 981 году.

Вражда с поляками закончилась тем, что сын Владимира, Святополк, женился на дочери польского короля Болеслава Храброго. Однако, выдав свою дочь замуж за православного князя, Болеслав стал действовать на Святополка через дочь, с целью склонить его к принятию католичества. Скоро Святополк очень поддался этому, что ему было особенно удобно, так как он сидел в Турове, городе, близко лежащем к Польской земле. Тогда Болеслав стал подучивать Святополка восстать против отца. Владимир заключил за это Святополка с женой в темницу, в которой они и провели некоторое время.

По поводу этого заключения в темницу Болеславовой дочери у нас в 1013 году началась с поляками война, которая, однако, скоро окончилась, так как Болеслав поссорился с печенегами, которых навел на Русь, и ушел к себе в Польшу.

Ярослав, как мы знаем, был сыном Рогнеды и унаследовал от матери ее гордость и независимость нрава. Когда он прибыл в Нов-

город, то очень пришелся по душе новгородцам. У него было много тяжелых воспоминаний из-за матери о Киеве, а новгородцы, как мы знаем, тоже очень не любили все киевское: Олег перенес от них столицу в Киев; из Киева пришли их крестить огнем и мечом Добрыня и Путята, и, наконец, новгородцы должны были платить киевскому же великому князю дань в две тысячи гривен в год на нужды всего государства. Дань эта особенно не нравилась им, и они часто подумывали, что хорошо было бы получить себе в князья смелого и гордого человека, который объявил бы себя независимым от Киева. Таковым именно человеком и оказался Ярослав. Уже с молоком матери он всосал вражду ко всякой зависимости, а помня, что вытерпел он с ней от отца, когда тот был язычником, Ярослав, конечно, не мог питать к нему особенно нежной и глубокой привязанности.

И вот, уговариваемый своими новгородцами, он решил в 1014 году отказаться платить дань Киеву. Старый великий князь очень разгневался. «Теребите (прочищайте) путь, мостите мосты», – приказал он и стал готовить

войска к походу.

Узнав об этом, Ярослав тоже стал готовиться к войне и послал за море призвать себе на помощь варяжскую рать. Но поход отца на сына не состоялся.

Владимира постигла болезнь. В то же время он услышал, что идут на Русь печенеги, почему должен был послать на них своего нежно любимого сына Бориса, а при себе оставил нелюбимого Святополка, недавно вышедшего из заключения.

Болезнь его между тем усиливалась, и 15 июля 1015 года князя Владимира не стало.

Он скончался в селе Берестовом близ Киева. Святополк, не давая огласки, ночью, разобравши потолок между клетями и завернув тело в ковер, спустил его вниз, положив, как тогда был обычай по отношению покойников, в сани, и свез в Киев, в десятинную церковь Святой Богородицы. Хотя Святополк и скрывал смерть отца, но наутро бесчисленное множество народа собралось в слезах к соборной церкви.

Все плакали – бояре о защитнике земли, бедные и сырые о своем заступнике и корми-

теле. С плачем положили тело в каменный гроб и опустили в землю. Так почил великий Владимир, крестивший Русь, славный и своим государственным умом, и своей христианской добротой и смирением. Православная церковь причислила благочестивого князя к лику святых и дала наименование равноапостольного. Мощи его, покоившиеся в десятинной церкви, рядом с телом великой княгини Анны, умершей на четыре года раньше, были, при нашествии татар, скрыты вместе с гробом и затем обретены под развалинами храма в 1631 году; при этом были взяты из гроба некоторые части мощей; ныне честная глава равноапостольного князя находится в великой церкви Киево-Печерской лавры, челюсть – в Московском Успенском соборе, а ручная кисть – в соборе Святой Софии в Киеве.

Глава 5

Убийство Святополком Бориса, Глеба и Святослава. Борьба его с Ярославом. Княжение Ярослава. Состояние Руси ко времени кончины Ярослава. Богатыри. Духовенство. Киево-Печерская лавра

После кончины отца Святополк, как старший, сел на его место в Киеве и сейчас же стал раздавать жителям подарки – богатые

одежды и деньги; он чувствовал, что сердце киевлян не лежало к нему, и старался их задобрить. Действительно, киевляне не могли забыть Святополку его приверженности к католичеству и восстание против отца. Общим любимцем киевлян, так же как и покойного князя Владимира, был прекрасный своею внешностью и истинно христианской душой князь Борис, едва вышедший из юношеского возраста.

Воспитанный матерью христианкой, вместе с нежно любимым младшим братом Глебом, он с юности прилежно читал книги, особенно же жития святых. По преданию, читая о страданиях мучеников, Борис обливался слезами и молился: «Господи Иисусе Христе! Удостой меня участвовать в святом произведении святых Твоих; научи меня идти по их следам. Молю Тебя, Господи, да не увлечется душа моя суетой мира сего; просвети сердце мое, чтобы оно знало Тебя и Твои заповеди; даруй мне дар, какой даровал Ты угодникам своим».

Вызванный из Ростова, своего удела, состарившимся и больным отцом, он, как мы зна-

ем, был им направлен против печенегов и, возвращаясь после напрасной погони, остановился для отдыха на берегу реки Альты. Здесь узнал он о смерти блаженного родителя. Известие это поразило его тяжелой скорбью; он горько оплакивал отца, говоря: «Свет очей моих, не буду уже я больше наслаждаться благим учением и мудростью твоею». Бывшая с ним отцовская дружина, узнав о кончине великого князя, обратилась к Борису со следующим словом: «Здесь, с тобою, дружина отца твоего и войско; иди в Киев и садись на отчий стол, так как все тебя желают». На это Борис ответил своей дружине: «Не могу я поднять руки на старшего брата. Пусть будет он мне вместо отца».

Затем, чтобы отнять у старшего брата всякий повод к опасению, а также чтобы еще более показать дружине, что он ничего не намерен предпринимать против Святополка, Борис тут же на реке Альте распустил ее вместе с войском по домам и остался один со своими слугами.

Не так действовал Святополк. Не доверяя брату и ожидая от него какого-либо коварно-

го шага, Святополк решил сам его известить. Для этого он послал сказать Борису, что хочет иметь с ним любовь и придаст ему еще волостей, против тех, что наследовал Борис от отца; пославши с этими словами к брату, Святополк между тем пришел ночью в Вышгород и, тайно позвав вышгородских боярцев – Тальца, Еловита, Лешка и какого-то Путшу, спросил их: привержены ли они ему всем сердцем? Путша с вышгородцами отвечали: «Можем головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса».

Путша с товарищами пришли ночью на Альту и, подошедши к шатру Борису, услышали, что князь слушает заутреню. Это было в субботу вечером, 24 июля 1015 года. Несмотря на осторожность, Святополк не мог утаить своих замыслов, и Борис знал, что его собираются погубить. Он велел священнику петь утреню, а сам читал шестопсалмие и канон. По окончании заутрени, он стал еще перед иконою и молился: «Господи! Ты пострадал за грехи наши; удостой и меня пострадать за Тебя. Умираю не от врагов, а от брата; не по-

ставь ему того в грех». Затем, причастившись Святых Тайн и простясь со всеми, Борис покойно лег в постель.

Убийцы дождались, пока князь, помолившись, лег; тогда они бросились на шатер и начали тыкать в него копьями, которыми и пронзили Бориса. Вместе с князем они пронзили и его верного слугу, родом венгра, по имени Георгий; этот доблестный юноша хотел прикрыть своим телом любимого господина и принял смерть вместе с ним.

Борис, который с своей стороны тоже очень любил своего слугу, подарил ему большую золотую гривну; так как убийцы не могли скоро снять ее с шеи, то они тут же отрубили голову Георгию и ограбили его тело, а затем убили и много других отроков. Бориса же, еще дышавшего, завернули в полотно от шатра, положили на воз и повезли, дав знать Святополку об успехе своего дела. Святополк, узнав, что брат еще дышит, сейчас же послал двух варягов прикончить его; они убили его, близ Киевского бора, пронзив мечом в сердце, а затем тело его принесли тайно в Вышгород и положили в церкви Святого Василия.

За этим братоубийством последовало и другое: меньшой брат Бориса, Глеб, сидел в Муроме. «Бориса я убил, как бы убить мне и Глеба», – сказал Святополк, по рассказу летописца; но Глеб был далеко, и потому Святополк послал сказать ему: «Приезжай поскорее сюда, отец твой зовет тебя; он очень болен». Глеб немедленно сел на коня и пошел с малой дружиной.

Когда он пришел на Волгу, около нынешней Твери, то конь его споткнулся во рву и намял ему немного ногу. После этого князь поплыл уже водой на Смоленск, чтобы спуститься в Киев Днепром.

Вскоре как Глеб проехал Смоленск и остановился для отдыха, его настиг посланный от Ярослава из Новгорода, который передал от брата: «Не ходи; отец наш умер, а брата твоего убил Святополк».

Глеб оплакал смерть отца, но еще больше горевал о брате, которого нежно любил. «Не услышу я больше кротких наставлений твоих, брат мой любимый, – говорил Глеб. – Если получил ты милости у Господа, моли Его, чтобы и я пострадал, как ты; лучше мне быть с

тобой, чем в этом злом мире».

Затем встретили его убийцы, посланные Святополком.

Отроки Глеба увидели их и схватились за оружие; скоро двое из них были убиты; тогда Глеб сказал остальным: «Братцы, если мы не будем драться с ними, они возьмут меня и поведут к брату; если же мы вступим в бой, они всех нас убьют. Плывите к берегу, а я останусь на середине реки». Убийцы, приблизившись к лодке, схватили Глеба, и главный из них, по имени Горясер, приказал сейчас же резать юного князя; это было исполнено его же поваром, Торчин по имени. Тело Глеба было затем вынесено из лодки и брошено между колодами в глухом лесу.

Узнав о злодейской расправе Святополка с младшими братьями, ближайший к Киеву князь Святослав, сидевший в стране Древлянской, не стал спокойно дожидаться такой же участи, а бежал в Венгрию. Но Святополк послал за ним погоню, и Святослав был убит в Карпатских горах.

Тогда, по словам летописца, Святополк начал думать: «Перебью всех братьев и приму

один всю власть на Руси». Но он встретил грозного врага в лице Ярослава.

Мы оставили Ярослава в приготовлении к войне с отцом, для чего он собрал войско от Новгородской земли и призвал из-за моря варяжскую дружину.

Эти варяги, живя пока в Новгороде без дела, стали пошаливать и заводить всюду буйства и драки, творя насилие не только жителям, но и их женам. Гордые новгородцы никогда никаких обид не сносили и решили, что варяжскому насилию пора положить конец. Когда варяги были на каком-то Парамоновом дворе, то новгородская дружина ворвалась на этот двор и перебила всех озорников.

Этим, конечно, была нанесена кровная обида Ярославу, – не только тем, что избili призванных им воинов, но также и тем, что избili его гостей; особа же гостя, как мы знаем, была неприкосновенной, и за всякую обиду гостю полагалась жесточайшая месть. И вот Ярослав решился мстить.

Правда, он был христианином, но христианином еще недавним, а обычай кровавой мести сидел еще так глубоко в сердцах всех, что

очень долго и после принятия христианства допускался тогдашними законами.

Скрыв свою обиду и притворившись равнодушным к гибели варягов, Ярослав сказал по делу этому: «Так и быть, уж мне не воскресить убитых», – а потом пригласил новгородцев, виновных в убийстве варягов, к себе на загородный двор; здесь на них неожиданно напали его слуги и иссекли всех лучших людей новгородской дружины. Кто же спасся, тот в ужасе бежал из города.

Окончив это вероломное побоище, Ярослав в ту же ночь получил важную весть из Киева: сестра Ярослава, Предслава, извещала брата, что отец умер, а Святополк, севши в Киеве, уже убил Бориса и послал теперь убийц и к Глебу. Каково было Ярославу получить эту весть!

Во-первых, сведение о смерти Владимира не могло не возбудить в нем глубокого раскаяния, что он поднялся на старого отца. А затем убийство Святополком кроткого Бориса и посылка убийц к Глебу ясно показывали Ярославу, что очередь скоро дойдет и до него.

А между тем та верная дружина, которая

именно и была нужнее всего в наступившее опасное и тяжелое время, была вчера избита из мести самим же князем.

«О, моя любимая дружина, – воскликнул при этих обстоятельствах Ярослав, – вчера в своем безумии я изгубил тебя, а ныне ты была бы надобна!»

На следующий день Ярослав созвал оставшихся новгородцев за город, в поле, и на вече в слезах объявил им: «Други мои и братья! Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и избивает братьев. Хочу идти на него, помогите мне».

И славные новгородцы помогли своему князю, которого горячо любили за большой ум и решительный нрав. Они, сами недавние язычники, понимали, конечно, что, избивая вчера их дружину, он платил долг священному чувству мести за убитых гостей-варягов. «А мы, княже, за тебя идем, – слышал он себе в ответ. – Если и погибли наши братья, то мы можем за тебя бороться». Конечно, тронутый до глубины души, Ярослав на этом же вече дал многие такие льготы Новгороду, которых не имел ни один город. Впоследствии

льготы эти были им подтверждены так называемыми «Ярославовыми грамотами», к сожалению, утерянными и до нас не дошедшими, но до сих пор еще сохранилось в Новгороде место – Ярославов двор, где много веков подряд собиралось Новгородское вече и решало свои дела на основании этих грамот.

Собрав к 1016 году три тысячи новгородцев и одну тысячу варягов, Ярослав двинулся на Святополка, отдавши успех своего предприятия на Божий суд. «Не я стал избивать братию, но Святополк, – сказал он. – Да будет Бог отмстителем невинной крови моих братьев. Ведь та же участь готовится и мне. Пусть судит Господь по правде и скончает злобу грешного».

Святополк, узнав, что Ярослав идет на него, стал собирать множество войска из Руси и, чтобы усилить себя, пригласил и печенегов. Затем он двинулся к Любечу на Днепре. Здесь он стал по одну сторону берега, а по другую расположился Ярослав. Три недели стояли братья друг против друга, и каждый не решался перевезтись через Днепр и напасть. Был в то время обычай – поддразни-

вать врагов, чтобы побудить их начать дело к своей невыгоде; видя, что главная сила Ярослава состояла из новгородцев, горожан и сельчан, воевода Святополков, по прозвищу Волчий Хвост, тот самый, который в 984 году победил радимичей, ездя по берегу, бранил новгородцев, называя их ремесленниками, а не воинами. «Эй, вы, плотники, – кричал он им, – зачем пришли сюда с хромым своим князем? Вот мы вас заставим рубить нам хоромы».

Сильно обиделись новгородцы на эту насмешку и, придя к Ярославу, сказали ему: «Завтра же переведемся на них, а если кто не пойдет с нами, того сами убьем».

Видя намерение своих новгородцев, Ярослав в ту же ночь послал в лагерь Святополка – к одному приятелю, которого имел в нем, спросить: «Что делать? Меду мало варено, а дружины много». Приятель послал такой ответ: «Если меду мало, а дружины много, то к вечеру дать!» Ярослав понял, что ночью надо начать битву. Новгородцы стали перевозиться на другой берег уже с вечера, а чтобы не вздумал кто воротиться, оттолкнули все ла-

дья и стали строиться в полки; для того же, чтобы узнавать своих, повязывали головы полотенцами. Была заморозь. Святополково войско стояло между двумя озерами, причем за одним из них были расположены печенеги. Сам Святополк пировал и пил со своею дружиною всю ночь и не знал о готовящемся нападении.

После переправы новгородцы напали на Святополка, и произошла жестокая сеча; в ней Святополк с дружиною был притиснут к одному из озер и принужден был вступить на лед; лед обломился, и люди Святополка стали гибнуть; печенеги, стоя по другую сторону озера, не могли ему оказать помощь, а потому победа досталась на долю Ярослава.

После битвы Святополк бежал в Польшу к тестю, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском.

Новгородцы же были отпущены домой и очень щедро награждены: все горожане получили по 10 гривен каждый, все люди от земли – по одной гривне, а их старосты – по десяти.

Но Святополк был жив и скоро дал о себе

знать. Он сейчас же соединился с тестем своим, Болеславом Польским, и они объявили войну Ярославу. Прежде всего они навели на Киев печенегов; злая сеча была вокруг самого города; погорело множество домов, и едва к вечеру удалось Ярославу одолеть этих степных хищников.

Затем сам Ярослав, заключив союз с недругом Болеслава – немецким императором Генрихом Вторым, пошел осаждать город Брест в Польше; но осада эта была unsuccessful.

В это же время немецкий император также неудачно воевал с Болеславом и скоро заключил с ним мир, после которого уже сам стал советовать полякам идти против русских.

В 1017 году Болеслав выступил в поход, усилив себя немцами, венграми и печенегами.

Он встретился с Ярославом 22 июля того же года на реке Западный Буг, разделявшей польские владения от русских. Так же как под Любечем воевода Волчий Хвост дразнил новгородцев, так здесь, на Буге, воевода Ярослава Будый, который был ему дядькой и кормиль-

цем, езда по берегу, тоже начал смеяться над Болеславом, стоявшим со своим войском на другом берегу. Будый называл его самыми бранными словами и кричал ему: «А вот подожди, уж мы проткнем спицею брюхо твое толстое».

«Болеслав, – говорит летописец, – был велик и тяжел и с трудом сидел на лошади; но зато был смышлен. Не вытерпел он Будыевой брани и, обратившись к дружине своей, сказал: «Если это вам ничего, то я один погибну», – сел на коня и бросился в реку». Воодушевленная этими словами и примером короля, дружина бросилась за ним, перешла Буг и напала на застигнутых врасплох воинов Ярослава, которые не ожидали нападения. Победа поляков была полная. Ярослав спасся только с четырьмя человеками и ушел с ними в Новгород; Болеслав же и Святополк подошли к Киеву.

Киевляне затворились и не пожелали принять Святополка и ляхов, причем в город собралось много народу из окрестных сел, искавших в нем защиты.

Болеслав хотел сперва взять Киев голодом,

но затем, 14 августа, пошел на приступ и через несколько часов въехал в него победителем на коне. По рассказу польских летописцев, Болеслав сделал будто бы при въезде на Золотых воротах, чтобы зарубить новую границу своих владений, зарубку мечом, причем ударил им так сильно, что на мече осталась щербина, отчего меч этот стал прозываться с тех пор поляками щербец и наследственно передаваться польским королям.

Однако Болеслав, несмотря на будто бы сделанную зарубку на Золотых воротах (в действительности ворота эти тогда еще вовсе не существовали, а были сооружены позже) и на свой знаменитый меч-щербец, сидел в Киеве недолго.

Войдя в Русскую землю, он вздумал распоряжаться в ней, как победитель в покоренной стране. Застав в Киеве мачеху, жену и сестер Ярослава, он одну из них, Предславу, за которую прежде сватался, но получил отказ, теперь, в отместку, взял себе в наложницы.

Затем он захватил все имущество Ярослава. Хитрый грек Настас, пустивший из Корсуни стрелу с запиской в стан Владимира пред

крещением князя и проживавший с ним в Киеве, где был в большой чести и заведовал десятинною церковью, вошел теперь в большую милость к Болеславу.

Уверенный в себе, польский король одну часть своих дружин отпустил домой, а другой приказал разойтись по русским городам для кормленья.

Вот тут-то он и ошибся в своих расчетах.

Русские отнюдь не были склонны переносить наглое отношение к себе поляков и начали всюду беспощадно их избивать. В этом им помог и Святополк, которому наскучило присутствие тестя. Он послал сказать кому следует: «Сколько есть ляхов по городам, избивайте их».

Видя гибель своих поляков, Болеслав бежал из Киева, причем дочиста ограбил город, забрал с собой церковное и княжеское имущество, захватил двух сестер Ярослава – Предславу и Мстиславу, его бояр и множество пленных. При этом к награбленному имению он приставил своего нового друга, ловкого Настаса, а по дороге в Польшу взял назад отобранные у него святым Владимиром Червен-

ские города. Святополк же после бегства тестя стал княжить в Киеве.

Обратимся теперь к Ярославу.

После неожиданного для себя разгрома на реке Буг он прибежал сам-пят в Новгород и решил бежать дальше, за море, – к варягам.

Но доблестные новгородцы опять не оставили в несчастье своего любимого князя и не позволили ему бежать за море. Под предводительством посадника Константина, сына Добрыни, они рассекли княжеские ладьи, приготовленные для бегства, и объявили ему: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком». После этого сейчас же начали собирать деньги на войну: с простого человека брали по 4 куны, со старост по 10 гривен, а с бояр – по 18 гривен. На деньги эти наняли варягов и пошли на Киев.

Услышав про поход Ярослава, Святополк побежал к печенегам и привел оттуда огромную рать. Оба войска встретились на реке Альте, у того самого места, где был убит князь Борис. «Братья мои, – воскликнул Ярослав перед боем, – если вы уже далеки от меня телом, то молитвою помогите мне на этого гордого и

супротивного убийцу». Сеча была злая, какой еще не было на Руси. Три раза сходились обе рати биться; секлись, схватываясь руками; кровь текла по долинам реками. Наконец, к вечеру, Ярослав одолел.

Потрясенный своим поражением, Святополк бежал, несомый на носилках, так как у него ослабели все члены и кости, и постоянно твердил: «О, бегите, бегите, догоняют нас».

Так пробежал он всю Польскую землю и погиб в пустыне между ляхами и чехами. Это было в 1019 году. Народ прозвал его Окаянным.

После сего Ярослав сел в Киеве, где «утер пот с дружиною», по выражению летописца.

Первым его делом было отдать последний долг своим братьям-страстотерпцам Борису и Глебу. О месте погребения Бориса он узнал скоро, но целый год искал напрасно останки Глеба.

Только весной 1020 года тело его было случайно найдено звероловами. Священники со свечами и кадилами перенесли его в лодку, и затем оно было перенесено в Вышгород, где его погребли рядом с братом.

При этом всеобщее внимание было обращено на то, что тело Глеба, пролежав пять лет в лесу, нисколько не повредилось от погоды; также звери и птицы не тронули его; оно было бело и нетленно, как живое. Скоро у могилы мучеников начали являться знамения и чудеса.

Ярослав, по совещании с митрополитом Иоанном, решил открыть мощи новоявленных святых, прославленных нетлением и даром чудотворения. Для этого приступили к постройке нового храма, и 24 июля 1021 года храм этот был освящен и мощи открыто поставлены в правой стороне церкви. Во время литургии, при бесчисленном стечении народа, хромой, ползавший у раки святых, встал и стал ходить в виду всех.

С памятью святого страстотерпца Бориса неразлучно связана память о верном слуге его Ефреме Новоторжском. Ефрем, родом венгр, пришел на службу к князю Борису вместе с двумя своими братьями – Моисеем и Георгием. Георгий, как мы знаем, был при своем господине на берегу реки Альты и погиб от копий убийц, когда хотел прикрыть своим те-

лом Бориса. Узнав о смерти князя и любимого его брата, Ефрем искал тело Георгия на месте убийства, но нашел только голову, которую злодеи отрубили, чтобы снять с шеи золотую гривну, подаренную ему Борисом. Ефрем взял с собой голову брата и затем принял иночество, удалившись на берег реки Тверцы, в селение Новый Торжок. Там он построил странноприимный дом, а когда открылись мощи святых князей Бориса и Глеба, то в честь них он соорудил каменный храм и основал монастырь. Мощи преподобного Ефрема, обретенные в 1872 году, почивают открыто в соборной церкви Новоторжского Борисоглебского монастыря. При них нетленная глава брата его Георгия, которая, по завещанию преподобного Ефрема, была положена с ним в могилу.

Сев в Киеве на княжение и заботясь об отдаче последнего долга погибшим братьям, Ярослав вместе с тем должен был перенести еще немалые огорчения от других своих родственников.

В 1020 году племянник Ярослава, полоцкий князь Бречислав, сын того Изяслава, который, будучи малюткой, с большим мечом в

руках спас свою мать Рогнеду от гнева Владимира, напал на Новгород, ограбил город, полонил множество жителей и с богатой добычей пошел обратно к Полоцку. Узнав про это, Ярослав собрался против него и совершил поход, по примеру деда своего Святослава, с поразящей быстротой, сделав в семь дней от Киева до речки Судомы, впадающей в Шелонь, около семисот верст; здесь он отобрал у Бречислава весь его полон и прогнал обратно к Полоцку; впрочем, он вскоре примирился с ним и прибавил к его уделу еще две волости.

Расправившись с Бречиславом, Ярослав через два года вынес гораздо более упорную борьбу с родным братом своим от Рогнеды Мстиславом. Этот Мстислав, получив от отца далекую Тмутаракань, усилил свои владения, победив хазар и касогов, живших в степях, примыкающих к Северному Кавказу. По природе богатырь, дебелый телом, черный волосом, светлый лицом, храбрый, милостивый и долготерпеливый ко всем, Мстислав больше всего на свете любил свою дружину, для которой ничего не жалел.

В 1016 году, помогая грекам, он оконча-

тельно разрушил Хазарское царство и взял в плен хазарского кагана. В 1020 году, когда Ярослав расправлялся с Бречиславом, Мстислав покорил касогов.

Это случилось так. Когда Мстислав и его дружина сошлись с касожскими полками, то их князь Редедя, богатырь по своей силе, предложил Мстиславу: «Для чего будем губить свою дружину, лучше сойдемся сами и поборемся. Если ты одолеешь, то возьмешь все мое: именье, жену, детей и всю землю. Если я одолею, то возьму все твое». – «Да будет так», – ответил ему Мстислав. Тогда Редедя добавил, что бороться будут не оружием, а борьбой. Крепко схватились два богатыря. Редедя был силен и велик, и Мстислав стал уже изнемогать. «Пресвятая Богородица, помоги мне», – воскликнул он в молитве и помыслил: «Если одолею, построю церковь во имя Твое». Как только он это сказал, то в ту же минуту ударил Редедю о землю, после чего вынул нож и заколол его. Затем, согласно уговору, Мстислав вошел в Касожскую землю, забрал ее и наложил дань, а вернувшись к себе в Тмутаракань, заложил обещанную церковь

Святой Богородице.

Вот этот-то Мстислав, получивший прозвище Удалой, усилившись касожскими полками, решил в 1023 году искать себе лишних волостей после умерших братьев и вторгся в русские пределы. Он уже раньше требовал их себе, и Ярослав давал ему Муром, но Мстислав нашел, что этого мало.

В то время как Мстислав шел к Киеву, Ярослав был в Новгороде, где работал на пользу народа. Дело в том, что в Суздальской стороне случился в это время голод; языческие волхвы волновали народ, уверяя, что гнев богов происходит от старых людей, и научали убивать их. Все это вызвало великий мятеж по всей стране, и было убито несколько старых женщин. Ярослав поспешил на помощь к взволнованному люду, переловил волхвов, одних казнил, других заточил и успокоил народ, говоря, что Бог по грехам наводит на землю бедствия и казни и что человек знать этого не может; старые же бабы тут ни при чем. В то же время он отправил людей по Волге и к болгарам за хлебом, получив который все ожили и успокоились.

Узнав о вооружении Мстислава, Ярослав стал собирать в Новгороде рать и послал за море нанять варягов. Эти варяги пришли к нему под начальством воеводы Якуна Слепого, носившего на глазах повязку из золотой ткани.

Тем временем Мстислав подошел к Киеву; но киевляне заперлись и отказались его принимать. Тогда он сел в Чернигове.

Собрав своих новгородцев, Ярослав, вместе с варягами, пошел против брата; Мстислав тоже вышел ему навстречу, и полки сошлись в Листвене, в 40 верстах к северу от Чернигова. Мстислав построил свое войско с вечера. Ночью разразилась страшная гроза, засверкала молния, загредел гром, полил дождь. Тогда удалой князь сказал своей дружине: «Пойдем на них; это наша добыча». Однако Ярослав тоже не дремал; по-видимому, его новгородцы и варяги также хотели напасть врасплох на Мстислава. Оба войска встретились, и наступила страшная сеча. Великая гроза тоже не уменьшалась. Наконец, Мстислав ударил со своей дружиной на варягов; те подались и побежали; Слепой Якун второпях потерял даже

свою золотую повязку с глаз и бежал прямо домой за море. Ярослав тоже вынужден был отступить и направился в свой Новгород. Тогда Мстислав послал ему вдогонку посланных, чтобы они сказали Ярославу от него: «Садись в своем Киеве, ты старейший брат, а мне будет эта Черниговская сторона». Но Ярослав, искушенный своей борьбой со Святополком, не пошел на этот зов сразу, а послал в Киев своих посадников. Только через год, собрав в Новгороде большое войско, пошел он на Киев и заключил с Мстиславом мир; братья съехались у Городца близ Киева и разделили Русскую землю по Днепру: Мстислав взял себе восточную часть, со столом в Чернигове, а Ярослав – западную, с Киевом. Это было в 1025 году. «И начали они жить мирно и братолюбиво, – говорит летописец, – перестала усобица и мятеж, и была тишина великая в земле».

После примирения с братом Ярослав начинает усердно трудиться над приведением в порядок дел государственных и над защитой границ от соседей, поднявших было голову во время братских усобиц. Прежде всего надо было наказать поляков за их хозяйничанье в

Киеве с Болеславом и Святополком.

Как только в 1025 году умер Болеслав, во всей Польше начался мятеж. При этом поднялись также и Червенские города – Перемышль, Червен и другие, не желавшие больше сносить польское иго. Ярослав с Мстиславом пришли им на помощь и в 1030 году отобрали их обратно от ляхов, а затем прошли и по Польской земле, где забрали множество пленных.

В том же 1030 году Ярослав утвердил свою власть на западном берегу Псковского озера и построил город Юрьев, в честь своего христианского имени.

В 1036 году Мстислав поехал на охоту, простудился и умер. Все его волости достались Ярославу, который стал с тех пор единовластным в Русской земле.

В том же 1036 году великий князь ходил в Новгород, где посадил княжить старшего сына своего Владимира, а епископом поставил знаменитого проповедника Луку Жидяту. Находясь в Новгороде, Ярослав узнал, что печенеги в огромном количестве подошли к самому Киеву. Он тотчас же выступил против них

с варягами и новгородцами, которых, по прибытии, соединил с киевлянами. Битва с печенегами произошла на том месте, где ныне в Киеве стоит собор Святой Софии.

Сеча была жестокая; но к вечеру Ярослав наголову разгромил печенегов, которые в ужасе бежали во все стороны.

Поражение печенегов было настолько полное, что с той поры они навсегда прекратили всякие нападения на Русь.

На следующий год Ярослав заложил в Киеве кремль и соборный храм Святой Софии Премудрости Господней, на месте своей славной победы над печенегами. Тогда же он построил в Киеве церковь Святой Ирины и монастырь Святого Георгия. Наконец, в том же 1037 году соорудил он и Золотые ворота, с церковью Благовещенья над ними, те самые Золотые ворота, на которых, по рассказу поляков, их король Болеслав сделал будто бы еще в 1018 году зарубку своим мечом-щербцом.

Особенно много труда и забот было положено на сооружение храма Святой Софии: для этого были призваны греческие зодчие и ху-

дожники. Храм сей и до настоящего времени сохранился, несмотря на позднейшие переделки, в сравнительно большой целости. В первоначальном своем виде это было продолговатое каменное здание, сложенное из огромных кирпичных плит и отчасти дикого камня; длина была 52 аршина и ширина около 76 аршин, а высота доходила до 70 аршин. На северной, западной и южной сторонах сделаны были каменные хоры, поддерживаемые толстыми столбами; алтарь троечастный, полукруглый, с окнами, а рядом с ним два придела. Храм освещался пятью куполами, из которых самый большой приходился над его серединою. Снаружи была устроена паперть, с которой на двух сторонах – северной и южной – идут две лестницы на хоры.

Внутренность храма была богато отделана живописью и особою стенописью, так называемой мусией, или мозаикой. Эта мусийная стенопись заключается в том, что стена выкладывается мелкими разноцветными камешками, подобранными так, чтобы получались желаемые изображения. Хорошая мусия чрезвычайно прочна, и в Софийском храме до

сих пор сохранились мусийные изображения: на главном алтарном своде – Божьей Матери, с поднятыми руками, так называемая «Нерушимая стена»; под ней – часть Тайной Вечери; а еще ниже – некоторые другие изображения; на алтарных же столбах – картина Благовещения: ангел с ветвью и прядущая Богоматерь. Затем уцелела и часть мусии в куполе.

Стены лестниц, ведущих с паперти на хоры, были покрыты обыкновенной живописью, с изображением разных случаев княжеской жизни: суда, увеселений, охоты и других.

Кроме Киева, по повелению Ярослава сына его, Владимир, воздвиг и в Новгороде храм Святой Софии по образцу киевского, но поменьше, на месте первоначальной дубовой церкви, сгоревшей в 1045 году. Этот храм подвергался впоследствии величайшим разорениям от нашествия врагов и пожаров, но до сих пор еще в нем уцелела часть его старинной замечательной мусийной живописи, а также и редчайшие ворота на западной стороне церкви, так называемые Корсунские.

В Чернигове, еще в 1031 году, Мстислав

Удалой заложил собор Спаса Преображения, стоящий нерушимо и поныне. В недавние времена собор этот особенно прославился открытием нетленных и чудотворных мощей святого Феодосия Углицкого, архиепископа Черниговского.

После разгрома печенегов Ярославу пришлось вести еще несколько войн; он послал воевать финское племя ям, жившее в нынешней Финляндии, и распространил русские владения по течению Северной Двины.

Затем были при нем походы на литву и ятвягов, чтобы наказать их за набеги на наши границы.

Наконец, в 1043 году Ярослав предпринял поход и на Царьград. Причина этого похода заключалась в следующем. После крещения святого Владимира греки жили с русскими очень мирно и свято соблюдали договоры, писанные при Олеге и Игоре. Но однажды случилось, что русские с греками поспорили на торгу; произошла драка, и один русский был убит. Ярослав, горячий и неукротимый, несмотря на свои преклонные годы, пришел за эту обиду в большой гнев и, собравши

большое войско, посадил его на ладьи и отправил к Царьграду, под начальством сына своего Владимира, при двух воеводах: Вышате и Иване Творимириче.

Греческий царь Константин Мономах, узнав о приготовлениях русских к войне, послал тотчас к Ярославу послов с предложением мира, говоря, что из-за такой маловажной причины не следует нарушать добрый и старый мир и вводить в войну два больших народа.

Но Ярослав, рассказывают греки, прочитав царское послание, прогнал послов с бесчестьем и послал Константину гордый и презрительный ответ. Греки, конечно, почитали убийство русского маловажным делом и хотели отделаться дарами и деньгами, но Русь дешево не отдавала свою кровь и никаких обид не прощала, особенно льстивым грекам. Русская голова, погибшая в Царьграде, всегда волновала всю Русскую землю, и вся земля, не разбирая опасностей, собиралась, как один человек, мстить за свою кровь.

Получив такой ответ от Ярослава, Константин стал готовиться к защите: он прежде все-

го захватил находившихся в Царьграде русских, опасаясь от них возмущения, и разослал их по отдельным областям. Затем он вооружил свои корабли и войска и выслал их к входу из Черного моря в Босфор, где обыкновенно останавливалась Русь, – в небольшой гавани, у маяка Искресту. Греческие и русские суда стали друг против друга, но боя не начинали. Царь Константин снова послал своих приближенных просить мира. Князь же Владимир отослал их назад с посрамлением, сказав, что примет мир не иначе, как получив на каждого русского воина по три фунта золота. Конечно, царь Константин столько золота дать не мог и начал битву.

Вот как рассказывает про эту битву грек Псел, состоявший в то время, как она шла, при императоре Константине:

«Царь ночью с кораблями приблизился к русской стоянке и потом наутро выстроил корабли в боевой порядок. Русские, с своей стороны, снявшись, как будто из лагеря и окопа, от противоположных нам пристаней, и выйдя на довольно значительное пространство в открытое море, поставив потом все свои ко-

рабли по одному в ряд и этой цепью перехватив все море от одних до других пристаней, построились так, чтобы или самим напасть на нас, или принять наше нападение. Не было ни одного человека, который, смотря на происходящее, не смутился бы душой. Я сам стоял тогда, – говорит Псел, – около императора и был зрителем совершающегося. Однако никто не двигался вперед, и обе морские силы стояли неподвижно.

Когда прошло уже много дня, тогда император подал знак двум из больших кораблей и приказал понемногу двигаться вперед против русских ладей. Большие корабли ровно и стройно вышли вперед, а сверху копьеносцы и камнеметатели подняли военный крик; метатели же огня построились в порядке, удобном для бросания его.

Тогда большая часть русских лодок, высланных навстречу, быстро гребя, устремились на наши корабли, а потом, разделившись, окружив и как бы опоясав каждый из отдельных больших кораблей, старались пробить их снизу балками, а греки бросали сверху камнями и веслами. Когда против русских

начали метать огонь и в глазах у них потемнело, то одни из них стали кидаться в море, как бы желая проплыть к своим, а другие не знали, что делать, и в отчаянии погибали.

Затем император подал второй знак, и уже большее число больших кораблей двинулось вперед; за ними пошли другие корабли, следуя сзади или плывя рядом. Наша греческая сторона уже ободрилась, а русские стояли неподвижно.

Когда, разрезывая воду, большие корабли очутились против самых русских лодок, то связь их была разорвана, и строй их рушился; однако некоторые из них осмелились стоять на месте, но большая часть повернула назад.

Между тем солнце, уже высоко поднявшись, стянуло в себе густое облако снизу и изменило погоду: сильный ветер поднялся с востока, возмутил море вихрем, который и устремил волны на русских и потопил часть их лодок тут же, а другие, загнав далеко в море, разбросал по скалам и утесистым берегам; иные из них были настигнуты греческими большими кораблями, которые и предали их пучине, со всеми гребцами и воинами; дру-

гие, будучи рассечены пополам, были выкинуты на ближайшие берега. Произошло большое избиение русских, и море было окрашено поистине убийственным потоком, как бы идущим сверху, из рек».

Так рассказывает грек Псел про это морское сражение, причем сам же указывает, что больше всего помогла грекам поднявшаяся буря. Выкинутые этой бурей тела русских собирались греками, после чего они обирали покойников одежду и вещи.

Корабль князя Владимира был также разбит бурей, и сам он чуть не погиб. Воевода Иван Творимирич еле успел посадить его на свою лодку. Оставшиеся в живых русские пошли домой – одни пешком по берегу, другие на оставшихся судах. Всего на берегу, после бури, собралось шесть тысяч человек; они были наги, голодны, без припасов и без начальства, так как никто из старших княжеской дружины не хотел идти с ними, предпочитая вернуться на ладьях.

Тогда доблестный Вышата, воевода Ярославов, видя столько воинов, брошенных без вождя, на произвол судьбы, воскликнул от жа-

лости: «Не поеду я к Ярославу, а пойду с ними» – и высадился из своей лодки на берег. «Если я жив буду, то с ними, – сказал он, прощаясь с князем Владимиром, – а если погибну, то с дружиной» – и после этого принял начальство над нагими и голодными воинами.

Между тем греки выслали погоню за русскими ладьями. Узнав про это, Владимир повернул назад, вступил в бой с греческими кораблями и разбил их со славой: четыре из них взял в плен со всеми людьми и убил самого греческого воеводу. После этого он с большой честью вернулся в Киев к отцу.

Не такова была судьба благородного Вышаты. Он благополучно добрал со своими большими, увечными и еле одетыми и обутыми воинами до Варны. Здесь их поджидал греческий воевода. Наши вступили в бой, но были разбиты; при этом 800 человек и сам Вышата попались в плен, после чего были приведены в Царьград и ослеплены.

Неудачное окончание описанного похода несколько не уменьшило значения Руси в Царьграде: слишком силен и могущественен был русский князь Ярослав, и слишком храб-

ры и неустрашимы были русские войска. Да кроме того, греки и не могли существовать без русских товаров: хлеб, меха, мед, рыба, воск, янтарь, золото – все это получалось из Руси, а потому греки и были, конечно, крайне рады, когда через три года им удалось восстановить с Ярославом прежний мир.

По этому миру Вышата со слепой дружиной был отправлен на Родину, где был, несомненно, встречен с большим почетом; на Руси же после этого можно было видеть много слепцов.

Впоследствии, чтобы укрепить еще больше мир с Русью, Константин Мономах выдал свою дочь замуж за Всеволода, любимого сына Ярослава.

Кроме греческого императора все знаменитые короли и владетельные князья того времени искали высокой чести породниться с русским великим князем.

Сам Ярослав был женат на Индигерде, дочери шведского короля Олафа; сестру свою Доброгневу он выдал замуж за короля Казимира, занимавшего польский стол после Болеслава Храброго; а сестра самого Казимира

была женой сына Ярослава Изяслава. Одна дочь Ярослава, Елизавета, была замужем за норвежским королем Гаральдом. Ярослав долго не соглашался выдавать за него дочь, так как он сватался к ней во время своего изгнания из родины; но своею храбростью и доблестной службой Ярославу, а также и византийскому императору, которому он завоевал много городов, Гаральд склонил, наконец, русского великого князя отдать за него дочь. До сих пор еще норвежцы распевают славные песни, которые сложил Гаральд в честь горячо любимой жены своей – красавицы Елизаветы Ярославны. Другая дочь, Анна Ярославна, была женой французского короля Генриха Первого и матерью французского же короля Филиппа, за малолетством которого она долго правила Францией. Французы до настоящего времени берегут ее собственноручную подпись: «Королева Анна», на одной государственной грамоте. «На ней королева Анна, – говорит французский ученый, описывавший грамоту, – не удовольствовалась по обычаю тех времен, за общую безграмотностью, поставить крест рядом со своим именем, напи-

санным рукой писца, но собственноручно подписала ее своим именем на русском языке». В городе же Реймсе, где венчались на царство французские короли, до сих пор хранится Евангелие, которым, вероятно, благословил свою дочь, отправляя во Францию, Ярослав Мудрый.

Французские короли при своем помазании давали обет Господу на этом Евангелии, причем, ввиду незнакомства французов со славянским языком, оно считалось ими написанным на каком-то совершенно неведомом языке. 22 июля 1717 года, когда император Петр Великий проезжал через город Реймс и осматривал соборную ризницу, то Евангелие это было ему показано с пояснением, что никто не знает, на каком оно написано языке. К величайшему удивлению присутствующих, великий русский царь, взяв его в руки и увидев церковнославянское письмо, начал его тотчас же бегло читать.

Третья дочь Ярослава Анастасия была женой венгерского короля Андрея Первого, а из сыновей Ярослава двое были женаты на немецких графинях очень знатных родов.

Двор Ярослава, окруженный блеском величия, служил убежищем и для несчастных государей и владетельных князей: Олаф Святой, король Норвежский, лишенный престола, проживал одно время у нас. Ярослав принял его с особым дружелюбием и хотел дать ему в управление область, но он скоро выехал опять в Норвегию, оставя у нас своего юного сына Магнуса; затем у нас же проживали Эдвин и Эдуард, дети английского короля Эдмунда, изгнанного из Англии датским завоевателем Канутом Великим. Далее, принцы венгерские Андрей и Левента искали одно время также убежища у Ярослава, и, наконец, им же был принят на службу варяжский князь Симон, изгнанный из своего отечества дядей своим, Якуном Слепым, который потерял, как мы знаем, свою золотую повязку с глаз под Лиственном.

Так блистательно поставил Русь к концу своего княжения мудрый Ярослав. Дела его славились по всем странам Европы, а введенные им на Руси порядки служили многим примером. Так, вычеканенная им монета – «Ярославле сребро» – послужила образцом

для монет северных государств – Швеции, Норвегии и других.

В 1054 году, чувствуя приближение смерти, Ярослав собрал своих детей и для предупреждения всякой распри между ними держал им следующее слово: «Вот я отхожу из этого света, дети мои! Любите друг друга, потому что вы – братья родные, одного отца и одной матери. Если будете жить в любви между собой, то Бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцов и дедов, которую они приобрели трудом своим великим. Так живите же мирно, слушаясь друг друга; свой стол – Киев – поручаю вместо себя старшему сыну моему, Изяславу. Слушайтесь его, как меня слушались; пусть он будет вам вместо отца. Святославу даю Чернигов, Всеволоду – Переяславль, Игорю – Владимир, Вячеславу – Смоленск; каждый да будет доволен своею частью; если же кто захочет обидеть брата своего, то ты, Изяслав, помогай обиженному».

Вскоре после этого великий князь, уже со-

вершенно больной, но не перестававший заниматься государственными делами, поехал по какой-то надобности в Вышгород и там скончался, 19 февраля 1054 года, на руках своего любимого сына Всеволода; он умер семидесяти шести лет от роду, окруженный всеобщим почетом и любовью и горько оплакиваемый народом.

Тело его было положено в гробницу из светлого мрамора, в которой оно покоится и поднесь, в приделе, по правую руку от алтаря, в соборном храме Святой Софии в Киеве. Благодарный русский народ почтил память своего великого князя, наименовав его Мудрым.

Действительно, немало мудрости и трудов положил Ярослав для создания и великой и могучей Руси.

Длинные междоусобные войны с братьями заняли у него многие годы. При этом военное счастье далеко не всегда было на его стороне. Тяжкие поражения пришлось ему испытать и от поляков при борьбе с Святополком, и от брата Мстислава под Лиственном. Наконец, не удался и его греческий поход. Но все эти тяжкие времена мудрый Ярослав преодолел сво-

им твердым нравом и ясным умом, и к концу его жизни все устроилось так, как лучше он и желать не мог.

Кроме войн, веденных для защиты и усиления русской мощи и славы, не меньше трудов положил Ярослав и на устройство внутренних дел и порядков в Русской земле. За свою любовь к сооружению церквей, монастырей, палат и других зданий, киевляне признали его «хоромцем», то есть охотником строить. Еще с большей любовью и усердием относился Ярослав к народному просвещению.

Время его ознаменовалось распространением православной веры почти по всей Русской земле и постройкой множества церквей и монастырей.

Как глубоко верующий христианин, Ярослав смущался, что дяди его – Ярополк и Олег – умерли некрещеными; поэтому он вырыл их кости и, крестивши их, предал опять погребению.

Детей своих он воспитывал в вере Христовой с самым большим старанием. Особенной ревностью к вере отличалась супруга его Ин-

дигерда, в крещении Ирина, и старший сын Владимир Ярославович, сидевший в Новгороде, в котором он положил очень много трудов на сооружение собора Святой Софии; почив тридцати трех лет от роду, Владимир был погребен в Корсунской паперти собора, рядом с матерью, принявшей перед смертью пострижение с именем Анна. Мощи князя Владимира и княгини Анны прославились своим нетлением и ко дню празднования тысячелетия России, в 1862 году, были положены в серебряных раках в самом соборе. Православная церковь причислила их к лику святых. Во время княжения Ярослава выросло уже поколение тех детей, которых святой Владимир отдал в книжное ученье и матери которых оплакивали их при этой отдаче, как умерших. Теперь эти дети ставились всюду священниками и церковниками. Ярослав продолжал дело своего отца: в Новгороде он тоже собрал 300 детей у старост и попов и отдал учиться книжному и церковному просвещению. Великий князь, пристрастившийся к книжному ученью, сам читал священные книги, и днем и ночью. Он неутомимо всюду

отыскивал их и, конечно, собрал все, что можно было найти на славянском языке у болгар. Но, не довольствуясь этим, он посадил у себя в терему множество переводчиков и заставил их переводить и переписывать в большом числе книги с греческого языка, чтобы рассылать их потом по церквам. Этим рвением к книжному делу великий князь положил основание и древнейшему русскому книгохранилищу при Новгородском Софийском соборе.

Руководимые Ярославом как семья его, так и все русское высшее общество усердно просвещали себя чтением и наукой; переписка книг, так как книгопечатание не было тогда еще известно, считалась настолько почетным занятием, что первейшие духовные лица, князья и княгини посвящали свое свободное время этой переписке. Любимый сын Ярослава Всеволод по собственной охоте изучил пять иностранных языков, а другой сын, Святослав, собирал где мог книги и заваливал ими свои покои. До сих пор сохранилась написанная по его приказанию и украшенная драгоценными рисунками книга «Изборник

Святослава». К тем же временам относится также сохранившееся до сей поры Евангелие с великолепными рисунками и украшениями, написанное для новгородского посадника Остромира. Оно носит название «Остромирово Евангелие».

По поводу так сильно развившейся любви к книжному просвещению в Ярославово время летописец говорит: «Подобно тому, как если б кто распахал землю, а другой посеял, а иные стали бы пожинать и есть пищу обильную, так и князь Владимир распахал и умягчил сердца людей, просветивши их крещением; сын его, Ярослав, насеял их книжными словами, а их теперь пожинают, принимая книжное ученье. Велика бывает польза от него; из книг учимся путем покаяния, в словах книжных обретаем мудрость и воздержание; это реки, напоющие вселенную; в книгах неисчетная глубина, ими утешаемся в печали, они узда воздержания». Кроме распространения православия и просвещения Ярослав оставил по себе память также и тем, что он был государь, которому приписывается составление первого писанного свода законов,

под названием Русская Правда. В эту Русскую Правду вошли все порядки для производства княжеского суда, а также и правила для взимания взысканий и государственных доходов.

Сборник этот весьма любопытен, так как по наказаниям, указанным в нем, можно судить о нравах, господствовавших тогда на Руси.

Из законов, помещенных в Русской Правде, мы видим, что, несмотря на принятие христианства, родовая месть при Ярославе считалась еще вполне законною; так сильны, значит, были языческие обычаи.

Русская Правда делает лишь то ограничение, что мстит за обиду не весь род обиженного, а только его ближайшие родственники: брат за брата, отец за сына, сын за отца и племянник за дядю. В случае, если почему-либо мести не было, то за убийство или увечье князю платилась вира, имевшая разные размеры, смотря по свойству обиды и званию обиженного; так, за убийство свободного человека платилось 40 гривен, а за княжеского мужа – 80 гривен. Если же на земле какого-ли-

бо селения находили мертвое тело, причем убийца не был обнаружен, то все селение платило князю виру; эта вира называлась дикой. По Русской Правде особенно сильно карались поджигатели и конокрады – самые злые враги сельского населения и в настоящее время. Виновные в этих преступлениях выдавались князю на поток, то есть на изгнание, а дома их и имущество разграблялись.

Исследование дела производилось всегда очень тщательно: вызывались свидетели, выслушивались стороны, и только тогда постановлялось решение. Если же свидетелей не было и дело почему-либо представлялось неясным, то обвиняемые в убийстве или в краже не менее чем на полгривны золота подвергались испытанию железом: они должны были произносить присягу, либо стоя на раскаленном железе, либо держа на нем два пальца; при менее важных преступлениях производилось испытание водой: обвиняемый должен был сделать несколько шагов в глубину реки; если он при этом робел или мешался, то проигрывал дело. Главнейшим наказанием была денежная пеня различного

размера, смотря по вине осужденного; причем продажа в рабство применялась в том случае, когда у него не было средств заплатить наложенную на него по суду пеню.

Мы видели, что ближайшим помощником русских князей во всех делах была его дружина. Дружина эта разделялась на старших мужей, или бояр, и на младших – называемых также гридями (от этого слова произошло и название гридница, то есть палата, где в княжеских теремах собирались люди его дружины). Бояре были те старшие мужи, с которыми совещался князь о всех важных делах, как ратных, так и земских; мы видели также, что святой Владимир совещался с боярами же и тогда, когда задумал принять христианство. Князья посылали бояр посадниками в города, послами к иноземным государям и назначали их тысяцкими или воеводами над ратными людьми от земли, которые приходили со своими старостами, сотскими и десятскими.

При построении полков для боя дружина обыкновенно ставилась на обоих крыльях большого полка, или чела, который состоял из воев от земли. Таким порядком обыкно-

венно большой полк вел бой, а дружина на крыльях своими решительными действиями довершала победу. Конечно, дороже всего для дружины должен был быть ее князь, а для князя его дружина. И действительно, мы видели, насколько всегда были преданы своим князьям их дружины в самых трудных делах, а также как и князья любили свои дружины. Олег, возвращаясь из Царьградского похода, не пожалел наделать из драгоценных паволок парусов для кораблей своей дружины. Доблестный Святослав не хотел креститься, чтобы не смеялись его мужи; дружина же его всегда была готова лечь костью за своего князя. Святой Владимир, услышав, что его подвыпившие дружинники жалуются на деревянные ложки, сейчас же приказал выковать их из серебра. Наконец, Мстислав Удалой надолго оставил по себе память именно тем, что беспредельно любил свою дружину.

Все мужи дружины были совершенно свободны и всегда могли оставить службу у князя и переехать к другому; но в действительности случаи эти в описываемое время были чрезвычайно редки.

Кроме князей и княгини тоже имели свои дружины, особенно те, которые по складу своей души любили принимать участие в делах Русской земли.

Содержание дружин обходилось князьям, вообще, очень дорого, почему они и не были многочисленны; 800 человек считалось уже очень большой дружиной. Но если дружины были невелики, то состав их подбирался с особой заботой. Во главе ее всегда стоял сам князь, поступая в ее ряды с раннего детства. Мы видели малютку Святослава, уже с четырехлетнего возраста идущего во главе дружины в бой. Вообще, в те времена жизнь князей начиналась рано: они нередко женились одиннадцати или двенадцати лет от роду, на восьми- или девятилетних невестах, и в этом же возрасте начинали принимать участие в делах управления и переносить все тягости боевой жизни. К двадцати годам из них вырабатывались настоящие мужи по своему зрелому уму в делах земских и по уменью не только лично вести бой с врагом, но и искусно водить на него свои войска.

Таковыми же молодцами были и молодые то-

варищи князя, с которыми он вместе рос, – боярские дети; да и все остальное население, по примеру князей, с раннего возраста отличалось большим мужеством и деловитостью. Стоит только вспомнить того замечательного отрока, который пробрался через стан печенегов, с уздой в руках, к воеводе Претичу во время осады печенегами Киева, в княженье Святослава. И до сих пор среди русского народа, когда случается война, всегда находятся славные отроки, иногда не старше тринадцати или четырнадцати лет, которые не только проявляют чудеса храбрости, но также, следуя примеру этого киевского молодого героя, отличаются необыкновенным хладнокровием и рассудительностью при величайшей опасности; что же касается нашей молодежи, из которой ныне состоит русское войско, то всем известно, какими отважными героями, наравне со старыми воинами, они всегда себя держат перед врагом.

В княжескую дружину принимались люди всякого рода и племени, и всех возрастов и состояний. Единственное требование, которое им предъявлялось, чтобы они были мужа-

ми добрыми, храбрыми и смышленными. Каждый самый простой человек мог рассчитывать занять в княжеской дружине самое почетное место – исключительно благодаря своим личным доблестям.

Мы видели, что у Святослава первым вельможей после него был великан Икмор, вышедший из простого звания, только вследствие своих необыкновенных воинских подвигов; мы видели также, во время борьбы святого Владимира с печенегами, что он тотчас же возвел в бояре, даже вместе с отцом, простого крестьянина Яна Усмошвеца за его славную победу над печенежским силачом.

Этим братством и равенством военных людей перед своими государями, вне зависимости от того, из какого звания они происходили, всегда отличались только русские войска, причем у нас так осталось и до настоящего времени.

Особенно ценили князья, когда в ряды их дружин поступали знаменитые богатыри, славные своими доблестными делами.

В древних наших песнях мы находим, что князь встречал прибывающих неизвестных

ему богатырей следующими словами:

*Гой вы еси, добры молодцы!
Скажите ж, как вас по имени зовут;
А по имени вам можно место
дать,
По отчеству можно пожаловать.*

Такое отношение князей к богатырям еще яснее выражено в одной из былин про Илью Муромца:

*Приехал Илья Муромец во Киев-град
И вскричал он громким голосом:
«Уж ты, батюшка, Владимир-князь!
Тебе надоль нас, принимаешь ли
Сильных, могучих богатырей,
Тебе, батюшка, на почесть – хвалу,
Твоему граду стольному на избе-речь!»
Отвечает батюшка Владимир-князь:
«А и как мне вас не надо-то!
Я везде вас ишу, везде спрашиваю».*

Богатырями в старые времена прозыва-

лись те добрые молодцы, знаменитые своей отвагой, исполинской силою и христианскою душою, которые всегда готовы были помочь своему меньшому брату в беде и защитить его от обиды.

А обиды тогда было от кого терпеть. В степях рыскало Идолище поганое, каковым именем народ называл печенегов и других хищников; в лесах же сидели лютые люди – Соловь-разбойники, чудно перекликавшиеся между собой разными звериными и птичьими голосами, когда давали друг другу знать о приближении путников; был и жидовин проклятый – с хазарской стороны, были и другие злые враги, называвшиеся в народе Змеями Горынычами, Тугаринами Змииновичами и другими мудреными прозвищами. Все эти враги Русской земли нападали внезапно на отдельных людей или на целые селения, подстерегали в лесах и оврагах путников, грабили, убивали, жгли и уводили в полон беззащитный народ – стариков, женщин и детей. Княжеская дружина была невелика, да почти всегда и занята войной. Кроме того, Русь была так обширна, а дорог в ней было так мало, что

много нужно было времени, чтобы княжеской дружине дойти до того места, где свершался разбой или набег хищников; поэтому, конечно, воры и разбойники могли всегда уйти вовремя. Мы видели, что даже большую печенежскую силу иногда было невозможно догнать и найти в степях; князь Борис, посланный святым Владимиром с дружиной против печенегов, возвращался назад, не встретив их, когда узнал на реке Альте о смерти отца.

Вот защитниками бедного люда в их округах, против этих воров и разбойников, и являлись в Древней Руси наши славные богатыри, которые вместе с тем были и верными княжьими слугами. Они посылались или самими князьями, или приглашались местными жителями для защиты от лютых врагов; здесь они совершали свои подвиги, иногда очень трудные, и делались, конечно, народными любимцами и героями.

Наряду с богатырями в те же времена водились и поленицы.

Поленицами прозывались в народе те добрые девицы, обыкновенно дочери или сестры богатырей, которые, обладая всеми лучшими

свойствами женской души, были вместе с тем так сильны и смелы, что могли заткнуть за пояс любого молодца; они тоже, как и их отцы и братья, служили святому делу народной защиты и вступали в отважные бои с разбойниками и прочими лихими людьми. Носили поленицы обыкновенные женские платья, но ездили на конях и были вооружены копьями, щитами и булатными мечами.

Удалые поленицы, будучи бесстрашными и грозными воинами, пока оставались в девицах, по выходе замуж превращались в самых верных и добрых жен и хозяек.

Так рисуют их народные сказания.

Летописи почти не говорят о подвигах богатырей, и не говорят потому, что составлялись они, чтобы заносить на память потомству важные государственные дела, имевшие значение для всей Руси; при этом они составлялись всегда кратко, без лишних слов. Славные же дела богатырей и полениц относились обыкновенно к отдельным событиям той или другой местности, а не ко всей Русской земле, а потому они в летописи и не заносились. Из летописных известий мы зна-

ем только, что богатыри водились на Руси вплоть до нашествия татар, при котором они в первой же битве все легли костями за Русскую землю.

Познакомиться же подробно с богатырями и поленицами можно по народным песням-былинам.

Былины – это предания о подвигах богатырей, созданные народной любовью к ним; они переходят местами в сказку и наделяют своих любимцев совершенно несуразною силою и невероятными подвигами. Но как в сказочных преданиях древних греков о кентаврах и амазонках заключалось много истинного смысла, так и в наших былинах о богатырях находится много настоящей правды.

Читая былины, мы знакомимся не только с именами наших славных богатырей и их чудесными делами, но как бы переносимся в те времена, когда они жили, – так живо и правдиво составлены эти былины; в них показаны и нравы каждого богатыря, и счеты их между собой, и насмешки, которыми они осыпали иногда друг друга; читая былины, как бы присутствуешь на богатырских пирах, видишь их

одежду, и оружие, и тех добрых коней, которые их носили.

Все рассказы киевских былин связаны между собою так, что одна служит как бы продолжением другой.

Богатыри в них выводятся двух родов – старшие и младшие.

Из старших богатырей особенно знамениты были двое: Святогор-богатырь, такой страшный силач, что «грузно ему было от силушки, как от тяжелого бремени», и еще сильнее его – богатырь-пахарь Микула Селянинович. По былинному сказанию, Микула Селянинович пахал такой тяжелой сохой, что ее не могла вытянуть из земли вся дружина мимо езжего князя Вольги Всеславьевича, а он, Микула, брал ее одной рукой и кидал за ракитов куст.

Рассказ о силе Микулы Селяниновича явно сказочный, но вся былина о нем глубоко поучительна и показывает нам, каким почетом и уважением издревле пользовалось у предков наших земледелие, почему они и возвели доброго и искусного хлебопашца в своего самого старшего и славного богатыря. В

этом сказывается глубокая мудрость наших прародителей, так как тогда только русский народ может быть велик и славен, когда кормильцы его – земледельцы будут добрыми, сильными и искусными хозяевами в своем деле.

Вот как изображен в былине доблестный Микула Селянинович:

*Орет в поле оратай, понукивает,
У оратая сошка поскрипывает,
Омешики по камушкам почирки-
вают;
Орет в поле оратай, понукивает,
С края в край бороздки пометы-
вает;
В край уедет – и другого не ви-
дать;
Из земли дубья колодья выверты-
вает,
А великие каменя все в борозду
валит;
Только кудри у оратая качаются,
Скатным жемчугом по плечам
рассыпаются.
Сошка у оратая дубовая,
А омешики на сошке чиста сереб-
ра,*

На омешиках присошек красна золота.

Идя за своей сохой, Микула встречает Вольгу Всеславьевича, тоже старшего богатыря и славного охотника на всякого зверя; между ними завязывается разговор, после которого Микула и предлагает дружине Вольги вытянуть его соху из земли, и когда та не может этого сделать, то он забрасывает ее легко за кусты; изумленный его силой, Вольга спрашивает:

*«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Как тебя, скажись-ка, именем зовут,
Как величают по отчеству?»
На это ему отвечает Микула:
«Я как ржи напашу да в скирды сложу,
В скирды сложу, с поля выволочу,
С поля выволочу, дома вымолочу,
Драни надеру да пива накурю,
Пива накурю да гостей соберу, –
Станут гости пить, станут кушати,
Станут здравствовать меня да похваливати:*

Ай ты здравствуешь, Микула Селянинович!»

Таков был набольший из богатырей – крестьянин-кормилец Микула Селянинович.

У Микулы Селяниновича были три дочери, все славные поленицы. Старшая из них, Василиса Микулична, кроме силы, отличалась необыкновенным умом и вышла замуж за богатого черниговского купца Ставра Годиновича. В одной из былин рассказывается, как она выручила мужа своим умом из большой беды. Случилось это так: однажды Ставр Годинович приехал в Киев, к князю Владимиру, и во время пира начал выхвалять свою жену:

*«Разве мне похвастать молодой женой,
Василисой, дочерью Микуличной?
Как во лбу-то у нее светел месяц,
По косицам – звезды частые,
Бровушки чернее черна соболя,
Очушки яснее ясна сокола,
Всех вас, князей-бояр, продаст да
выкупит,
А тебя, Владимира, с ума сведет».
На то слово на пиру все приза-
молкнули,*

*А Владимиру то слово не слюби-
лося,
И спроговорил Владимир таковы
слова:
«Гой вы, слуги мои, слуги верные!
Вы берите-ка Ставра Годинова
За его за ручушки за белые,
За его за перстни за злаченые,
Отведите-ка во погреба холодные,
За его речи за неучтивые,
Посадите на овес да на воду,
Не на много, не на мало, ровно на
шесть лет.
Пусть-ка там Ставер да обдума-
ется,
Пусть-ка там да образумится.
Поглядим-ка, как Ставрова моло-
да жена
Муженька из погребов повыручит,
Всех вас, князей-бояр, продаст да
выкупит,
А меня, Владимира, с ума све-
дет».*

Когда Василиса Микулична узнала про бе-
ду, стрясшуюся над мужем, она сейчас же по-
няла, что сможет выручить его отнюдь не си-
лою, а только «своей догадочкою женскою».

Для этого она оделась в мужское платье и богатырские доспехи, снарядила с собой сорок молодцов и отправилась прямо в Киев, будто бы послом от какого-то царя Калина, требовать от Владимира платежа дани, которую он должен был, конечно, только по былинному сказанью, уплатить этому грозному Калину за целых двенадцать лет.

Явившись к Владимиру, она грозно потребовала уплаты долга и назвала себя Василием Микуличем – послом царя Калина. При этом Василий Микулич стал засматриваться на молодую племянницу Владимирову, на Забаву Путятичну, и объявил князю, что просит ее руки.

На это:

Говорит Владимир стольнокиевский:

*«Ай ты, молодой Васильюшка,
Микулич сын!*

Я пойду с племянницей подумаю».
*Выводил племянницу из горенки,
Спрашивал племянницу, выведывал:*

«Ай же ты, моя любезная племянница!

Ты пойдешь ли за того грозна
посла,
За млада Василия Микулича?»
Говорит ему племянница тихо-
хонько:
«Ай же ты, мой дядюшка возлюб-
ленный!
Что-то у тебя теперь затеяно,
Что-то у тебя задумано?
Не отдай ты девицы за женщину,
Не наделай смеху по Святой Ру-
си!»
Говорит Владимир стольнокиев-
ский:
«Как же не отдать мне за грозна
посла,
За грозна посла – собаки царя Ка-
лина?»
«А не быть же то грозну послу –
быть женщине.
Знаю я приметы все по-женско-
му:
Как по улочке идет – что уточка
плывет,
А по горенке ступает почастенеч-
ко;
Как на лавочке сидит – коленица
вместе жмет,

*С поволокою глаза поваживает.
Речь с провизгом у ней по-женско-
му,
Бедра крутеньки у ней по-женско-
му,
Ручки беленьки у ней по-женско-
му,
А и пальчики-то тоненьки по-
женскому,
Даже дужки от колец не вышли
все.
Двое на двое нам будет хоть с
тоски пропасть!»*

Тогда Владимир, чтобы испытать посла, предложил ему побороться с княжескими молодцами, думая, что если посол – женщина, то она откажется. Но Василиса Микулична, как бывшая поленица, на это и рассчитывала. Она быстро поборолла всех молодцов и легко уложила их на землю.

*Плюнул князь Владимир, да и
прочь пошел.
«Глупая Забава, неразумная!
Долог волос у тебя, ум короткий:
Женщиною назвала богатыря,
Экого посла здесь и невидано!»*

Позаспорилась Забава с князем-дядюшкой:

«Ай же ты, мой государь свет-дядюшка!

А не быть же то грозну послу – быть женщине:

Все приметы у него по-женскому».

Тогда, чтобы еще раз испытать посла, Владимир предлагает ему пострелять из тугого лука с его молодцами. Посол не только соглашается, но велит еще принести свой лук, который был так тяжел, что его еле снесли десять молодцев; при этом он одной стрелой изломал громадный дуб на ножевые черенки. Тогда Владимир окончательно убедился, что это настоящий мужчина и посол царя Калина; он предложил ему сыграть с ним в заморские шашки, причем с своей стороны ставил стольный град Киев, а посол должен был поставить неуплаченную дань за двенадцать лет. Согласились и сели играть. Через три хода Владимир уже проиграл всю игру, и посол сказал ему:

«Ай ты, князь Владимир стольно-

киевский!
Проиграл ты мне твой стольный
Киев-град».
Говорит ему Владимир-князь:
«Ты изволь меня, посол, взять го-
ловой с женой».
Посол на это ответил:
«А не надобно же мне тебя с кня-
гинею,
Да не надобно и вашего мне Киева;
Ты отдай-ка за меня замуж пле-
мянницу
Молоду Забавушку Путятичну».
На великих радостях Влади-
мир-князь
Не пошел Забаву больше спраши-
вать,
Стал любимую племянницу про-
сватывать
За грозна посла Василия Микули-
ча.

Когда наступил день свадьбы, то молодой посол закручинился и попросил прислать веселых закусельщиков, чтобы развлечься их игрой. Достал Владимир закусельщиков, да все не могут они развеселить посла, который просит уже выпустить из тюрьмы заключен-

ных, умеющих играть на гусях. Выпустили и этих, но и они играют невесело.

Тогда, наконец, посол спросил, нет ли здесь черниговского гостя Ставра Годиновича, который отлично может играть на гусях. Призадумался над этим Владимир и говорит себе: «Мне как выпустить Ставра, так не видать Ставра, а не выпустить Ставра, так разгневить посла». Наконец, Ставра выпустили, и он стал играть на гусях. Когда посол спросил: не узнает ли Ставр его, то Ставр ответил: «Неоткуда ж мне и знать тебя».

Тогда посол обратился к Владимиру и сказал ему: «Мне твоих не надо даней-выходов, ты пожалуй-ка меня веселым молодцем, молодым Ставром Годиновым».

Опять призадумался Владимир, но потом опять решил исполнить желание посла и отдал ему Ставра. Тогда посол предложил Ставру поехать с ним в поле, посмотреть его храбрую дружину из сорока молодцев.

*Сели на добрых коней, поехали,
Приезжали ко дружинушке хоро-
броей.
Шел посол Василий во белый ша-*

тер,
Сокрутился Василисой в платья
женские:

«Здравствуешь, Ставер Годино-
вич:

А теперь-то ты меня не знаешь
ли?»

Отвечает тут Ставр Годинович:
«Здравствуешь, моя любимая се-
меюшка,

Молодая Василиса, дочь Микулич-
на!» –

«А за что же ты, Ставер Годино-
вич,

Засажен был князем в погреба хо-
лодные?» –

«Я тобой похвастал, молодой же-
ной,

Что всех князей-бояр продашь да
выкупишь,

Самого Владимира с ума сведешь.

А теперь скорей посядем на доб-
рых коней,

В свою сторону уедем, во Черни-
гов-град».

Говорила Василиса, дочь Микулич-
на:

«А не честь же, не хвала нам мо-

*лодецкая
Воровски уехати из Киева;
Мы поедем свадебку доигрывать.
Князья-бояре-то проданы, выкуп-
лены,
Солнышко Владимир-князь с ума
сведен».*

Когда они вернулись в Киев, то Василиса сказала Владимиру:

*«Я, грозен посол, Ставрова моло-
да жена,
Василиса, дочь Микулична,
Воротилась свадебку доигрывать.
Да отдашь ли за меня еще пле-
мянницу?»
Говорит Забава, дочь Путятична:
«Ай же ты, мой дядюшка, Влади-
мир-князь!
Чуть ведь смеху не наделал ты по
всей Руси,
Чуть не отдал девицу за женищи-
ну!»
Солнышко Владимир стольноки-
евский
Сам проговорил да таковы слова:
«Благодарствуешь, Ставер да сын
Годинович,*

*Знал похвастать молодой женой!
Всех сумела здесь она продать да
выкупить,
А меня, Владимира, с ума свести.
За твою за похвальбу великую
Ты торгуй-ка век во Киеве,
Век торгуй и по веку беспошлин-
но».*

Вот какова была славная Василиса Микулична, старшая дочь старшего и набольшего богатыря Микулы Селяниновича.

Из младших богатырей особенной известностью пользовались Добрыня Никитич, боярского рода, Алеша Попович – сын священника – и Илья Муромец – простой крестьянский сын. Среди этих трех богатырей, по былинным сказаниям, опять первое место принадлежало прямому сыну земли – славному Илье Муромцу.

Илья Муромец, по этим сказаниям, был прямодушным и неподкупным человеком, честно и верно служившим князю Владимиру. Как крестьянский сын, он был несколько грубоват в своих речах, невоздержан в пировании и не прочь пошуметь и подраться во

хмелю. Но при этом он всегда был и высокочестив – даже и в порыве гнева. Он был сильнее всех киевских богатырей и старше их годами; свою могучую силу Илья Муромец получил от трех вещей старцев, которые предсказали ему, что «смерть ему на бою не писана». И Илья бесстрашно до конца своих дней боролся с врагами земли Русской, не щадя ни пота, ни крови.

Добрыня Никитич, сын дружинного боярина, кроме мужества и храбрости, в противоположность Илье Муромцу, отличался еще особым вежеством, умел говорить красиво и умно, и славно пел, с гусями в руках, былины про старших богатырей. Затем он обладал еще необыкновенно благородным и глубоко христианским сердцем, что мы увидим, когда речь пойдет о его жене.

Третий славный богатырь, Алеша Попович, был опять совсем другой человек. Очень храбр, остер, умен и красен на язык, но зато хвастлив, завистлив и нетверд в своем слове. «Не возьмет силою, так возьмет лукавством», – говорил про него старый Илья Муромец.

Из этих трех богатырей Добрыня и Алеша были много моложе Ильи Муромца, но свою богатырскую службу они начали раньше его, так как Илья Муромец смолоду тридцать лет сидел сиднем вследствие болезни и не мог двинуть ни рукою, ни ногою. Будучи в таком беспомощном состоянии, Илья усердно молил Бога и просил исцелить его с тем, что он тогда убьет Соловья-разбойника, занявшего в лесах дорогу на Киев и творившего много зла проезжему народу. По этой молитве, во двор к его отцу зашли однажды прохожие старцы – калики перехожие; они исцелили его от болезни, дали вдобавок силу могучую и предсказали, что он в бою смерти своей не примет.

Обрадованный, Илья сел тотчас же на коня и отправился на Соловья-разбойника, которого взял в полон и привязал себе к седлу, после многих, чисто сказочных, приключений. С привязанным Соловьем Илья отправился прямо в стольный град Киев, где, отстояв обедню, предстал пред ясные очи самого князя Владимира Красно Солнышко, в гриднице у которого шел в это время, как всегда по воскресным дням, пир горой. Владимир, по свое-

му обычаю, ласково встретил прибывшего витязя и спросил его, откуда он и чем занимается. Илья Муромец ответил, что приехал прямой дорогой в Киев и поспел к поздней обедне. На это Алеша Попович сказал Владимиру:

«Гой ты, ласковое солнышко, Владимир-князь!

*Во глазах детина завирается,
Во глазах над нами насмехается!*

Уж ему ли, деревенщине, проехати

Прямохожею дорожкой, прямоезжею?

Во лесах во Брынских грязь топучая.

Вор сидит на трех дубах да на семи суках,

Соловей-разбойник, сын Рахманович,

*Как засвищет он по-соловьиному,
Зашипит, разбойник, по-змеиному,*

*Закричит, собака, по-звериному –
Все-то травушки-муравы уплетаются,*

Все лазоревы цветочки отсыпятся,

Все лазоревы цветочки отсыпятся,

*Темны лесушки к земле все при-
лоняются,
А что есть людей, то все мертвы
лежат».*
*Говорит удалый Илья Муромец:
«Гой ты, Солнышко Владимир
стольнокиевский!
Соловей-разбойник на твоём дво-
ре:
Выбил я ему злодею правый глаз,
Приковал его ко стремечку бу-
латному».*

После этого князь с княгиней и все богатыри сошли на двор смотреть Соловья-разбойника, который так всех насмерть напугал своим страшным свистом и шипением, что Илья Муромец вывел его в поле и убил стрелой. Когда Илья вернулся после этого в гридницу, то Владимир держал ему такую речь:

*«Благодарствуешь, удалый Илья
Муромец,
Что избавил нас от смерти от
напрасные!
Нареку тебе я имечко по-новому:
Будь ты первый богатырь во Кие-
ве,*

Старый Илья Муромец, да сын
Иванович,
Да живи у нас во стольном Киеве,
Век живи отныне до веку!»
И пошли они к обеду княженецко-
му.

Говорит Владимир стольнокиев-
ский:

«Гой еси ты, первый богатырь
наш киевский,

Старый Илья Муромец, да сын
Иванович!

Жалую тебя тремя местами я:
Первое место – в ряд со мной са-
дись,

Друго место – в ряд с княгинею,
Третье место – куда сам захошь».

Заходил Илья с оконничка,
Пожал всех князей да бояров,
Сильных, могучих богатырей:
Очутился против самого Влади-
мира.

Смелому Алеше за беду пало,
Взял Алеша со стола булатный
нож

Кинул во Илью во Муромца;
На лету поймал Илья булатный
нож

Да воткнул его в дубовый стол.
Говорит Илье Добрынюшка Никитич млад:

«Гой ты, первый богатырь наш
киевский,
Старый Илья Муромец Иванович!
Держим все мы на тебя надежду
крепкую:

Уж прими-ка ты меня, Добрынюшку,
А со мной и моего ли братца
меньшого,
Смелого Алешеньку Поповича,
Во свои во братья во крестовые;
Будешь ты, Илья, нам братцем
большим,
Я, Добрыня, буду братцем средним,

А Алеша – братцем меньшим».
Говорит ему Алешенька Попович млад:

«Во своем ли ты уме, Добрынюшка,
Во своем ли, братец мой, во разуме?
Сам из роду ты, Добрыня, из боярского,
Я, Алешенька, из старого попов-

ского,
А ему никто не знает роду-племе-
ни,
Принесло его невесть откудова,
Назвался крестьянским сыном
из-под Мурома,
Да чудит у нас во Киеве, юрод-
ствует».

Был тут славный богатырь Сам-
сон Самойлович,
Говорит Илье Самсон Самойло-
вич:

«Гой ты, мой возлюбленный пле-
мянничек,
Первый богатырь наш Илья Муро-
мец!
На Алешку больно ты не гневайся:
Роду он поповского, захлыщева,
И каков он трезв, таков и пьян,
Лучше всех бранится, лучше ссо-
рится!»

Говорит Алешенька Попович
млад:

«Ай ты, дядюшка Самсон Самой-
лович!
Не во гнев же и тебе будь сказано:
Сам доселе слыл ты старшим
богатырем,

*А теперь кого в племянники по-
жаловал,
Над собою наибольшим кого при-
знал?*

*Деревеньщину, засельщину!»
Говорит Самсон Самойлович:
«Ай же ты, Добрынюшка Ники-
тич млад:
Ты горазд играть во гусельцы
звончатые,
Петь про времена про стародав-
ние...
Спой Алеше на послушанье стари-
нушку
Про того про деревенского бога-
тыря,
Про Микулу Селянинова».*

Добрыня взял после этого гусли и спел в поучение зазнавшемся Алеше былинку про славного Микулу Селяниновича и про встречу его с Вольгой Всеславьевичем, уже рассказанную нами, когда вся Вольгина дружина не могла поднять Микулиной сохи.

*Как замолкнул молодой Добры-
нюшка,
Воспроговорил Владимир столь-
нокиевский:*

*«Ай ты, славный загусельщик наш
Добрынюшка!
Пил допрежь ты чарочку заздрав-
ную,
А теперь повыпей-ка забавную,
Во-первых, за то, что распотешил
нас,
Во-вторых, за то, что ко стыду
привел
Смелого Алешеньку Поповича»;
Во скамье сидит Алешка, не сво-
рохнется,
Утопил глаза завидливы в дубо-
вый стол.*

После этой речи Владимира Добрыня вы-
пил чару зелена вина, а один из богатырей,
Бермята Васильевич, стал упрекать Добрыню,
что в своей песне про Микулу Селяниновича
он забыл сказать про трех его славных дочек:

*«Поленицы молодые все, удалые,
Все в родителя и силою, и мудро-
стью;
Старша – Василиса, дочь Мику-
лична,
Средняя – Мария, дочь Микулична,
И меньша – Настасья, дочь Мику-
лична».*

К Бермяте Васильевичу присоединился и Алеша Попович и начал выговаривать Добрыне:

*«Ай ты, славный загусельщик наш
Добрынюшка!
Полениц, удалых и забыл как раз!
Ты поди-ка, сослужи-ка Богу молебен,
Что Микула твой уже преставился:
За твою за память молодецкую
Наградил бы он тебя из рук своих
Теми же грошами подорожными –
Шелепугой подорожною.
Хоть и живы дочери Микулины,
Да вот та, что поумнее, старшая,
Василиса, дочь Микулична,
За Ставра Годинова замуж пошла,
Во Чернигове за муженьком живет,
На печи лежит да калачи жует;
Всех сумела здесь продать да выкупить,
А Владимира-то князя и с ума свела;*

*И тебя не обошла бы благодарно-
стью.*

*Но вот сестры у нее еще на выда-
нье,*

Обе поленицы же удалые,

*Во раздольице чистом поле поли-
куют;*

*Вы седлайте-ка скорей добрых ко-
ней,*

*Ты, Добрыня, со своим со братцем
большим,*

*С первым ли богатырем Ильею
Муромцем,*

*Выезжайте во раздольице чисто
поле,*

*Во чистом поле порыскайте, по-
кликайте,*

*Может, выкличете полениц уда-
лых;*

*Тут побить их во бою вам, доб-
рым молодцам,*

Уже дело не великое – последнее;

*А кто поленицу во бою побьет,
За того ведь и замуж идет.*

*Прямо в церковь Божью ко злату
венцу,*

*От венца честным пирком да и за
свадебку!*

*Только буде, как Ставра Годинова,
Приберут вас ко белым рукам –
Не взыщите, братцы, не прогне-
вайтесь!»*

Илья Муромец отказывается ехать воевать полениц, говоря, что «старому жениться – не ко младости». Но Алеша не унимается и настаивает, чтобы Илья и Добрыня ехали бы воевать с дочерьми Микулы Селяниновича.

Тогда Добрыня говорит ему следующее:

*«Ай же смелый ты, Алешенька
Попович млад!
Любо всякому могучему богаты-
рю
По чисту полю порыскать, попо-
ляковать,
Силой с супротивником поме-
риться,
А с неверным за Святую Русь
Прозакладывать и буйную голову,
Простоять хоть век свой на за-
ставушке
За сирот, за вдов да за бедных лю-
дей.
Да не честь же, не хвала богаты-
рю,
Для ради утехи молодецкие,*

Проливать безвинну человечью
кровь,
Обездоливать семейку богатыр-
скую,
Молоду жену да малых детушек.
А мужик Микула Селянинович
И не тянется за славой за бога-
тырской:
Он проходит в поле век за сош-
кою,
С края в край распахивает зем-
лю-матушку,
Напасает хлебушка на всю Свя-
тую Русь –
И на нас с тобой, могучих бога-
тырей;
Всю земную тягу, во поту лицу,
Носит он, кормилец, на плечах
мужицких,
А земную тягу на плечах носить
Не под силу и сильнейшему бога-
тырю».

После этого, видя усмешку Алеши, Добрыня берет гусли и начинает петь былинку про то, как оба старших богатыря – Святогор и Микула встретились, и при этой встрече силач Святогор никак не мог поднять малой су-

мочки Микулиной, в которой вся земная тяга была понагружена. При этом Добрыня закончил свою былинку так: Святогор, силясь поднять сумочку, так и увяз в землю, на которой она лежала, и тут же и отдал богу душу. Бермята же Васильевич опять поправил Добрыню и сказал, что Святогор живет теперь на Святых горах.

Тогда неугомонный Алеша Попович предложил князю Владимиру послать Илью Муромца к Святым горам, чтобы проверить, кто говорит правду – Добрыня или Бермята. На это предложение Илья тотчас же согласился, сказав, что «не довлеет сильному богатырю на покое дома жить, живот кормить». Князь Владимир отпускает его и дает в товарищи Добрыню Никитича, с которым Илья Муромец братается по пути и они меняются золочеными крестами. В этой поездке Илья доехал до самых Святых гор, видел Святогора, похоронил его и получил в благословение часть его силы и славный Святогоров меч. Добрыня же расстался с Ильею в пути, так как им встретилась удалая поленица – младшая дочка Микулы Селяниновича – Настасья Мику-

лична. Добрыня начал с ней борьбу и два раза ударил ее своей палицей, но она и бровью не повела, а когда он ударил ее в третий раз, то промолвила:

*«Я-то думала, комарики покусы-
вают,
Ан то русские богатыри пощелки-
вают!»
Ихватила за желты кудри Доб-
рынюшку,
Сдернула Добрынюшку с коня до-
лой
И спустила во глубок мешок во
кожаный.*

Но добрый конь Настасьин отказался везти двух богатырей – ее и Добрыню, и тогда она вынула его из мешка и промолвила:

*«Если стар богатырь – голову
срублю,
Если млад богатырь – во полон
возьму.
Если мне в любовь придет – за-
муж пойду,
Не прилюбится – в ладонь складу,
другой прижму,
Сделаю богатыря в овсяный*

блин».

Как взглянула на млада Добрынюшку,

Прилюбился ей Добрынюшка, понравился:

«Здравствуй, душенька, молоденький Добрынюшка!»

Говорил на то Добрыня, спрашивал:

«Ай же, поленица ты удалая!

Ты почему узнала млада Добрынюшку?»

«А бывала я во стольном Киеве, Там видала млада Добрынюшку...»

Как возьмешь меня, Добрыня, во замужество,

Сделаешь со мною заповедь великую –

Отпущу тебя, Добрыня, я во живности;

Не возьмешь меня – в ладонь складу, другой прижму,

Сделаю тебя в овсяный блин!»

Добрыня, конечно, тотчас же согласился жениться на славной поленице, поехал с нею в Киев и, испросив благословение у своей ма-

тери – честной Афимьи Александровны, принял с Настасьей по злату венцу, после чего устроил большой пир для всех богатырей, не позвав на него лишь братца меньшего – пересмешника Алешеньку Поповича.

Затем молодые супруги стали жить в большом счастье и согласии.

Как-то раз, на пиру у князя Владимира, все его богатыри крепко выпили и стали хвастаться друг перед другом:

*«Умный хвастает отцом да матерью,
Неразумный – золотой казной,
А Добрыня – молодой женой».*

В это время встает сам батюшка Владимир-князь и говорит им:

*«Все вы, добры молодцы, расхвастались;
Мне-то, князю вашему, чем будет хвастати?
Как уж далече-далече во чистом поле,
Как летает там Невежа черным вороном.
Пишет мне Невежа со угрозою,*

*Кличет-выкликает поединщика,
Супротив себя да супротивника.
Уж кого бы мне послать с Неве-
жей ратиться,
Очищать дороги прямоезжие,
Постоять на крепких на заста-
вушках».*

На это встает из-за стола Илья Муромец и говорит, что он сам недавно с дороги, так как простоял двенадцать лет на заставе и никогда ему Невежа глаз не казал, а теперь советует послать против него Добрыню Никитича.

Добрыня, выпив чару зелена вина, сейчас же отправляется домой, прощается со своей матерью и женой и говорит Настасье Микуличне следующее слово:

*«Ожидай Добрыню с поля три го-
да,
Три года пождешь – другие три
пожди,
Как исполнятся тому все шесть
годов
И Добрыня твой не возвратит-
ся –
Поминай тогда Добрынюшку уби-
того,*

*А тебе, Настасье, воля вольная:
Хоть вдовой живи тут, хоть за-
муж поди,
Хоть поди за князя, за боярина,
За богатыря, за гостя за торгово-
го
Или за простого за крестьянина,
Не ходи ты только за единого –
За того за бабьего насмешника,
За Алешеньку Поповича:
Он, собака, мне названный брат,
А названный брат ведь паче родно-
го».*

После этого Добрыня уехал и шесть лет не давал о себе никаких вестей; все это время мать его и жена сидели вместе дома и ежедневно ожидали его возвращения. Когда же минуло шесть лет, то им привез Алеша Попович недобрую весть, что Добрыня убит и лежит непохороненным в чистом поле.

Сильно горевала о муже Настасья Микулична, вместе со своею свекровью, но затем князь Владимир и княгиня решили ее выдать замуж, причем лукавый Алеша Попович подстроил дело так, что в женихи ей князь с княгиней прочили именно его.

Но Настасья Микулична не поддавалась на все эти уговоры и объявила, что будет ждать мужа еще шесть лет. Когда прошли и эти шесть лет и Алеша уверил ее, что и косточки Добрынины уже порастасканы в чистом поле, то Настасья Микулична, уговариваемая Владимиром и его женой, решила, наконец, выйти замуж за Алешу Поповича.

Был назначен день свадьбы, и венчание должно было произойти вечером после большого пира у князя Владимира.

В это время как раз возвращается Добрыня. Узнав, что его жена выходит замуж за Алешу Поповича, он никому не говорит о своем приезде, а одевается скоморохом, берет гусли в руки и идет в княжеский терем, где шел свадебный пир. Когда он вошел, то никто его не узнал, а Владимир приказал ему сесть у печки, на скоморошном месте. Добрыня так и сделал и, настроив гусли, начал петь. Пел он настолько хорошо, что Настасья Микулична припомнила, что так только играл и пел ее покойный муж, а Владимир пригласил его с печки к своему столу и позволил выбрать любое место. Тогда Добрыня сел против своей

жены и просил разрешения князя поднести чару вина тому, кого сам он, Добрыня, пожалует ею. Владимир разрешил. Налив чару и опустив в нее свое обручальное кольцо, Добрыня поднес ее новобрачной и просил выпить до дна. Как только она увидела это обручальное кольцо, то тотчас же пала мужу в ноги и просила у него прощения:

*«Ты прости, прости меня, моя державушка,
Во вине меня прости, во женской глупости,
Что наказа твоего я не послушалась,
За Алешку за Поповича замуж пошла.
Не охотою берут меня, не честию,
Силою берут меня, неволею».*
Говорит Добрынюшка Никитич млад:
*«Не дивуюсь разуму я женскому:
Волос бабий долог, ум-то короток;
Я дивуюсь братцу своему названому:
От жива мужа жену берет;*

*Я в других дивуюсь князю Солныш-
ку,
Со княгинею его Апраксией:
Я за них с Невежей в поле ратил-
ся,
Все очистил им дороги прямоез-
жие,
На заставе простоял двенадцать
лет,
А они мою жену законную друго-
му сватают».*

Тогда князь Владимир с княгиней смути-
лись, а заводчик всего этого дела, Алеша По-
пович, пал Добрыне в ноги и просил простить
его.

На это Добрыня сказал ему, что не может
простить его, но не за то, что он хотел же-
ниться на Настасье, а за ложную весть о его
смерти, чем он доставил много горя Добрыни-
ной матери; затем, взяв блудливого Алешу
за кудри одной рукой, Добрыня ударил его
несколько раз гусями по спине.

Тут вступился в дело старый Илья Муромец и скоро помирил обоих богатырей. Добрыня же простил жену, поцеловал ее и отправился с ней порадовать свою старую мать

счастливым возвращением после долгой разлуки.

Вот каковы были, по былинным рассказам, киевские младшие богатыри.

Из этих рассказов мы видим, что былины чрезвычайно важны для изучения быта наших славных предков. Может быть, удалой Добрыня Никитич никогда не спорил с завистливым Алешею Поповичем; может быть, даже оба они на свете вовсе и не жили, а были другие богатыри, с другими именами. Но вполне несомненно, что сказания о богатырях рисуют нам картины действительной жизни и нравов, почему они, в отличие от сказок, и называются былинами, то есть такими рассказами, в основании которых лежит правда – быль.

Русский богатырский быт, как он рисуется в былинах, весьма замечателен. В Западной Европе и в Польше – в те времена – было тоже много знаменитых богатырей; они носили название рыцарей и также совершали, как и у нас на Руси, славные дела и даже предпринимали ряд так называемых Крестовых походов в Святую землю, чтобы отвоевать Гроб Госпо-

день от арабов, покоривших Иерусалим.

Однако большая разница была между этими рыцарями и нашими русскими богатырями. На Западе рыцарем мог быть только человек высшего сословия, которое одно почиталось благородным; все же другие сословия представлялись этим гордым рыцарям настолько низкими и презренными, что они и за людей их не считали. Особенно отличались гордостью польские рыцари, которые были под сильным влиянием немцев и старались подражать их обычаям; несмотря на то что польский король Земовит был из крестьянского рода, польские рыцари глубоко презирали крестьян-пахарей.

У нас же богатырями могли быть люди всех сословий, но зато они обязаны были заслужить это звание своею личною доблестью; при этом славнейшим из старших богатырей почитался именно крестьянин-пахарь Микула Селянинович.

Точно так же, когда прибыл на княжий пир неизвестный крестьянский сын Илья Муромец, то все остальные богатыри, во главе с самим князем Владимиром, признали его

первым из всех присутствовавших, как только убедились, что он полонил страшного Соловья-разбойника. Один только завистливый Алеша Попович стал было кичиться перед Ильёю, но его сейчас же начал стыдить Добрыня, старый богатырь Самсон Самойлович, а затем и князь Владимир стольнокиевский.

Хотя западные рыцари и ходили освобождать Гроб Господень, а также хотя некоторые из них и были замечательно благочестивыми людьми, но все же главным и постоянным занятием этих рыцарей было, выстроив себе на неприступных скалах крепкие каменные замки, выходить из них закованными с ног до головы в железо, с тем чтобы совершать хищные набеги на окрестное население, обирая и грабя его. Эти рыцари постепенно настолько усилились на Западе своими грабежами и насилиями, что стали очень буйными и непопулярными даже относительно своих королей.

Все же без исключения наши богатыри употребляли всю свою удаль и силу только на служение великому христианскому делу – защищать свою страну, сирот, вдов и старцев от

степных врагов и лихих людей; при этом они всегда были первыми слугами своих князей и для несения службы бескорыстно сидели по многу лет на пограничных заставах, в разных глухих местах. Если же кто-нибудь из них вздумал бы когда-либо напасть на мирных жителей с целью пограбить их, то, конечно, сейчас же лишился бы высокого наименования богатыря и превратился в обыкновенного вора и разбойника.

Рыцари на Западе из тщеславия постоянно мерились друг с другом силою и вступали для этого между собой в смертные поединки на глазах народа, королей и других рыцарей, только чтобы почваниться своею силою и заслужить одобрение главным образом дам, то есть чужих жен, присутствовавших на таких поединках; со своими же собственными супругами эти знаменитые рыцари часто обращались весьма круто и, случалось, бивали их железными перчатками по щекам.

Не таковы были наши богатыри: они считали большим грехом обнажать оружие с целью помериться силою против таких же добрых молодцев, как они сами, полагая, что сво-

ею жизнью следует жертвовать только против врагов веры и государства и воров и разбойников, обиравших сирых людей.

При этом поглядывать на чужих жен у нас считалось зазорным делом, за что и был наказан Алеша Попович. Зато своих жен наши богатыри любили очень крепко и нежно. Если бы на Западе случилась у какого-нибудь рыцаря такая беда с женою, как у Добрыни, то, несомненно, западный рыцарь убил бы и Алешу, и свою жену и, может быть, только в лучшем случае посадил бы ее в темное подземелье своего замка, а потом насильно постриг бы в монастырь.

Наш же Добрыня взглянул на поступок своей жены как истинный христианин и при этом как умный человек и любящий муж. Он понял, что за двенадцать лет отсутствия Настасью Микуличну могли убедить в его смерти и уговорить выйти за Алешу Поповича, почему он сейчас же и простил своей жене все и поцеловал ее, а выговорил только князю и княгине за сватовство да задал небольшую трепку Алеше Поповичу.

На Западе было совершенно невозможно,

чтобы вдова рыцаря, да еще с благословения покойного мужа, вышла бы за кого-нибудь замуж, не принадлежащего к рыцарскому роду. У нас же Добрыня, отправляясь против Невежи в длинную разлуку, говорит жене, что она может выйти замуж:

*Хоть за князя, за боярина,
За богатыря, за гостя за торгово-
го
Или за простого за крестьянина.*

Таким образом, былины совершенно ясно показывают, насколько тогдашний русский быт был неизмеримо лучше западноевропейского. Там высшее сословие смотрело с несказанным презрением на все остальные. У нас же все считались равными братьями, и каждое сословие уважало другое, отлично понимая, что не могут все люди в государстве заниматься одним делом и состоять поэтому в одном сословии. Такое взаимное уважение русских друг к другу, несмотря на разность занятий, происходило вследствие той весьма важной причины, что все наши предки, с самых отдаленнейших времен, были всегда людьми благородными по рождению, а пото-

му среди них только и уважались благородные чувства и благородное же отношение друг к другу; вследствие благородства же своих чувств было развито у них и высокое уважение к чужому труду, как бы скромн он ни был.

Наконец, вследствие этого же общего благородства и одинаковости своего происхождения установилась между предками нашими и необыкновенная простота отношений друг к другу: князья, бояре, дружинники, простые крестьяне – все говорят друг с другом вежливо, но просто, как с родными; старшие по летам называются дедушками и батюшками, равные – братьями, а младшие – детками, ребятами и племянниками. Эта исключительно русская родственная простота отношений, на диво всем иностранцам, сохранилась у нас на Руси и по сей день. Каждый крестьянин, если случается ему говорить с государем императором, попросту говорит ему – «ты, батюшка-царь»; в свою очередь, как государь, так и все начальные люди русского войска всегда называют солдат ребятами, братцами. Этого ни в одной другой стране нет и никогда не

бывало. Идет же такой порядок у нас, как мы видим, еще с тех давних времен, которые мы здесь описываем.

Христово ученье, просветившее наше Отечество при князе Владимире, конечно, еще больше заставляло всех лучших людей тогдашней Руси относиться с чисто братскими чувствами к своему ближнему и употреблять все свои силы и разум на служение общему благу своей страны.

Действительно, дивное время было тогда на Руси. Мудрые князья, доблестные ратные люди, славные богатыри, смелые и смышленные купцы, могучие пахари-кормильцы – все жили полной жизнью среди многих тревог, опасностей, тяжелых походов, но также среди многих великих и славных дел на пользу Родины, дел, освященных недавно принятой верою во Христа Спасителя.

Правда, сильно еще было язычество в нравах и обычаях; даже мудрый Ярослав должен был признать законным обычай родовой мести; так крепко сидела она в крови новообращенных христиан. Веруя во Христа и Святую Троицу, народ наш долго еще сохранял вме-

сте с тем и свои языческие суеверия и, в случае нужды, часто обращался не к священникам, а к колдунам или волхвам. Но несмотря на эти остатки язычества, Христово учение все более и более просвещало ум и сердце русского народа.

Благодаря мерам Владимира и Ярослава для распространения православия и обучения детей книжному просвещению у нас скоро образовалось уже достаточное количество своих русских священников и епископов.

Управление Церковью было основано на правилах, установленных царьградскими патриархами и собранных в так называемой «Кормчей книге», а также и на церковных уставах святого Владимира и Ярослава. Кроме митрополита, сидевшего в Киеве, были еще епископы – в Новгороде, Ростове, Чернигове, Белгороде, Владимире-Волынском и некоторых других городах.

Способ содержания митрополита и епископов состоял из десятин доходов, отдаваемых князьями в пользу Церкви, из судебных пошлин и из доходов с недвижимых имений, пожертвованных благочестивыми людьми.

Эти доходы митрополит и епископы употребляли не для себя одних, но и на содержание соборного храма с его причтом, на пропитание нищих, больных, странников, сирот и вдов, на пособие потерпевшим от пожара и неурожая, на возобновление церквей и монастырей. Дома епископские были домами призрения всякой нищеты. Приходские храмы обеспечивались иногда пожертвованиями своих строителей. Так, Ярослав, строя храмы по городам и селам, назначал всегда священникам известное жалованье; больше же всего, как и теперь, священники существовали добротными приношениями прихожан.

К великому счастью Руси, среди ее первых митрополитов и епископов было много людей, замечательных по своему уму и христианскому рвению. Они пользовались громадным влиянием и уважением у князей, и без них не решалось ни одно важное государственное дело, так как они постоянно принимали участие в княжеской думе, вместе с боярами и городскими старцами.

Михаил, первый митрополит, присланный патриархом из Царьграда, вслед за крещени-

ем Руси при святом Владимире, прославился при жизни ревностным распространением христианства, а после смерти нетлением своих мощей, которые почивают в Великой Киево-Печерской церкви.

Таким же нетлением прославились и почивающие в Феодосиевых пещерах мощи блаженного Иллариона, первого митрополита из русских людей, поставленного собором русских епископов, когда Ярослав, после войны с греками, хотел им показать полную независимость от них своего государства во всех отношениях. Илларион был ближайшим и деятельнейшим сотрудником великого князя по укреплению веры и насаждению просвещения.

Помимо святости жизни многие из наших епископов были и замечательными проповедниками; им всем приходилось не только утверждать свою паству в недавно принятой Христовой вере, но также защищать православие от католической и иудейской пропаганды, уже сильной и в те отдаленные от нас времена. Из этих поучений и проповедей до нас дошли три «Слова» митрополита Иллари-

она, одно поучение новгородского епископа Луки Жидяты и целый ряд поучений неизвестных святителей, не пожелавших из смирения сохранить для потомства свои имена.

В этих поучениях проповедовалась необходимость твердо держаться православия, любовь к ближнему, преимущества вечной жизни пред скоропреходящей земной и христианское смирение. Наиболее проникновенной была проповедь христианского смирения. Она находила отклик в душе каждого. Это показывало, конечно, что русский человек сердечно понял истину христианского учения, сердечно ей отдался и только в смирении находил истинную силу, способную смягчить его грубое языческое сердце.

«Не будьте буйны, горды; помните, что, может быть, завтра будете смрад, гной, черви. Будьте смиренны и кротки; у гордого в сердце дьявол сидит, и Божье слово не прильнет к нему», – учил свою паству епископ Лука Жидята.

А в поучениях неизвестных святителей находим мы и такую притчу: «Два конника были – мытарь и фарисей. Запряг себе фарисей

два коня, один конь – добродетель, другой конь – гордость, и пересилила гордость над добродетелью, и разбилась колесница, и погиб всадник. И запряг мытарь два коня, один – злые дела, а другой – смирение, и не отчаяние получил, но оправдание, сказавши только: «Боже, очисти меня грешного!»

Светлым источником, откуда истекали в те времена на всю Русскую землю лучи Христовой веры, истинного просвещения, горячей любви к ближнему и славные примеры святой подвижнической жизни, была основанная у самого Киева иноческая Печерская обитель.

По поводу основания этой обители летописец говорит следующее: «Много монастырей поставлено от царей и бояр на богатом иждивении, но не таковы эти монастыри, как те, которые поставлены слезами, постом, молитвою и бдением».

Основание Печерского монастыря было положено блаженным митрополитом Илларионом, когда он был еще простым священником в великокняжеском селе Берестове, славившемся, особенно при князе Владимире, своею

веселою и шумною жизнью.

Чтобы уединиться на несколько часов от этой шумной жизни, Илларион ходил в дремучий лес, расстилавшийся по холмам над Днепром близ самого Киева. Здесь выкопал он себе небольшую пещеру, около двух саженьей, и тайно подвизался в ней, пребывая в псалмопении и молитве.

В то же самое время проживал и другой замечательный русский подвижник – по имени Антиппа. Антиппа родился в Любече, близ Чернигова, и с детства имел страх Божий и стремление к иноческим подвигам. Будучи еще очень молодым, он уединился в пещеру у Любеча, существующую и поныне, предавался в ней усердному посту и молитве. Здесь Господь положил ему на ум идти в Греческую страну, на святую Афонскую гору.

Афонская гора составляет одну из самых великих святынь для всякого православного человека, так как с первых же дней христианства она была, по преданию, избрана Пресвятой Богородицей себе в жребий и с тех пор до нынешнего дня служит местом уединения и великих подвигов для множества православ-

ных святителей и иноков.

Гора эта расположена на узком полуострове, с трех сторон омываемом морем и имеющем в длину до восьмидесяти, а в поперечнике, местами, до двадцати верст. Высоты ее поднимаются до двух верст над уровнем моря. Растительность на горе скудная, зверей и птиц мало, и все располагает к уединению и созерцанию. В языческие времена на Афоне было главное капище греческого бога Аполлона. Но свет евангельский воссиял на ней вскоре по воскресении Господнем.

Вот как об этом рассказывает святой Дмитрий Ростовский, в составленной им Четьи минеи, или книге жития святых. Когда святые апостолы в Иерусалиме, с Божьей Матерью, кинули жребий, кому какая страна достанется для евангельской проповеди, то Богородице досталась Иверская земля, иначе называемая Грузия, на Кавказе; но ангел Господень тогда же возвестил ей, что Иверская земля просветится в другое время, «а Тебя, – сказал ей Ангел, – ожидают попечения об иной земле, в которую Сам Бог проведет Тебя». Между тем Лазарь, друг Господень, которого

Иисус Христос воскресил после четырех дней смерти, был в это время епископом на острове Кипр и усердно желал видеть Божью Матерь; однако он опасался тогда прибыть в Иерусалим, вследствие сильного гонения от иудеев, и поэтому, по ее соизволению, Лазарь прислал за Нею корабль, на котором Она отправилась на Кипр. Во время этого пути сильный ветер отнес корабль от Кипра и прибил его на пристань горы Афон. Здесь в это время было много народа, пришедшего поклониться идолам, сооруженным в честь бога Аполлона. По приближении корабля Богоматери вдруг раздались со стороны идолов крики: «Люди, обольщенные Аполлоном, ступайте в Климентову пристань и примите Марию, Матерь Великого Бога Иисуса». Услышав эти необычайные крики, изумленный народ устремился к пристани. Увидев подошедший корабль, все пришедшие приняли, с большим почтением, сошедшую с него Божью Матерь и спрашивали Ее, как Она родила Бога и как Его имя. На это Пресвятая Мария возвестила о Иисусе Христе; тогда все пали и преклонились Ему, а Ей оказывали все почести; затем,

уверовав, крестились. Многие чудеса совершила Божья Матерь в те дни на Афоне. После крещения новопросвещенных Она поставила учителем одного из бывших с ней мужей и, возрадовавшись духом, сказала: «Пусть это место будет Мне в жребий, данный Мне от Сына и Бога Моего». Затем, благословив людей, Она продолжала: «Да пребудет Божья благодать на месте этом и на пребывающих здесь с верою и благоговением и сохраняющих заповеди Сына и Бога Моего; необходимые же для жизни на земле блага будут им изобильны с малым трудом, и жизнь небесная им изготовится, и не оскудеет милость Сына Моего отныне и до скончания века; Я же буду заступницей этому месту и теплой ходатаицей о нем пред Богом».

Сказавши это, Она вторично благословила народ и отправилась па остров Кипр для посещения Лазаря.

С тех пор и до сего дня, несмотря на разные грозные бедствия, обрушивавшиеся не раз на Греческую землю, на Афоне не переводятся высокое христианское благочестие и православные иноки, которые ныне только одни

его и заселяют; сюда же постоянно удаляются кончать жизнь в строгих подвигах многие патриархи и другие знаменитые отцы Церкви.

Через восемьсот лет после своего первого посещения Афона Божья Матерь явилась во сне одному из афонских пустынножителей, святому Петру, и снова нарекла Святую гору своим жребием и подтвердила свою постоянную милость к ней.

Вот на эту-то Святую гору, особенно прославленную в те времена дивными подвигами святого Афанасия Афонского, и прибыл молодой Антиппа; здесь он стал ревностно подвизаться, под руководством опытного старца Феоктиста, в существующей и в настоящее время пещере при греческом монастыре Эсфигмен, в котором он принял затем монашеский образ с именем Антония.

После того как Феоктист увидел Антония совершенно окрепшим в иноческой жизни, он сказал ему: «Антоний, иди в Россию; ты будешь там благословением Святой горы, так как много монахов пойдут от тебя на Руси». Антоний повиновался и, прибыв в Киев, посе-

лился на почти неприступном берегу реки, в пещере, вырытой варягами, разбойничавшими по Днепру. Это было в 1013 году. Скоро после того преставился равноапостольный князь Владимир, и началось княжение Святополка Окаянного, вызвавшего кровавые смуты на Руси. Огорченный и встревоженный, Антоний отбыл опять на святой Афон. Здесь он провел много лет в строгом подвижничестве и, наконец, получил вторично благословение игумена вернуться в Россию, что он и исполнил.

Вторичное возвращение его было в 1028 году, когда на Руси уже наступила полная тишина. Антоний решил остаться отшельником и выбрал себе пещеру, вырытую благочестивым Илларионом на лесистом холму реки Днепр, где и поселился. Он начал со слезами молиться Богу следующими словами: «Господи! Утверди меня в месте этом, и да будет на нем благословение Святой горы и игумена моего, который меня постриг». Начав здесь жить, Антоний питался исключительно сухим хлебом, и то через день, проводя все свое время в бдении, молитве и трудах. К его уте-

шению, пещера была далеко от людных мест, так как Берестовский холм был покрыт густым лесом. Однако слава о его необыкновенных подвигах разнеслась по всей Киевской стране, а потом и далеко за пределы ее, и скоро он прослыл под именем великого Антония, к которому стали все более и более обращаться за благословением.

Вместе с тем к Антонию начали собираться и люди, также искавшие, как и он, уединения и высоких подвигов. Первый, который изъявил желание с ним жить и разделить труд, был преподобный Никон, уже бывший иеромонахом; он долго исправлял обязанности игумена зарождавшейся пещерной обители, так как Антоний, по своему крайнему смирению, отказывался не только от игуменства, но и от священства.

В 1032 году к Антонию пришел молодой человек, пал к его ногам и просил пострижения. Это был Феодосий.

Жизнь Феодосия замечательна с первых же дней его юности. Он родился близ Киева, в городе Василеве, но еще в детстве стал жить с родителями в Курске. Благочестивое настро-

ение души обнаружилось в нем с первых же годов. Он не любил ни детских игр, ни шалостей, а каждый день ходил в церковь и со вниманием слушал чтение священных книг. Затем он сам упросил своих родителей отдать его к какому-нибудь учителю для обучения чтению. Он учился быстро и отличался при этом необыкновенной кротостью – «был послушен не только учителю своему, но и всем учащимся с ним». Обладая отличными способностями, Феодосий, конечно, весьма быстро постиг всю преподанную ему науку, так что все дивились этому необыкновенному по кротости и по разуму дитяти. Тринадцати лет он лишился своего отца. С тех пор Феодосий начинает постигать горечи жизни. Душа его всецело стремилась к Господу и подвигам во Имя Его, а мать его была не такова. Она страстно любила сына, но готовила его к тщеславной светской жизни, почему глубоко возмущалась его наклонностями и, по вспыльчивости и резкости своего нрава, была часто несправедлива и жестока к сыну. А он между тем, наследник значительного имущества, носил самую простую и худую одежду и боль-

ше всего любил помогать домашним слугам в их работах. Мать же, видя это, осыпала его по боями и постоянно попрекала, что он позорит свой род, не живя так, как должны жить его равные.

При таких затруднительных обстоятельствах Феодосий убеждался все более и более, что для спасения души своей ему надо уйти из дома. Однажды ему привелось видеть странников, шедших в Палестину на поклонение Гробу Господню. Он упросил их взять его с собой и тайно покинул дом. Однако мать догнала его и тут дала полный простор своему гневу: она с большой яростью накинулась на него, крепко избива, а затем заперла в горницу и на два дня лишила пищи; потом, накормив его, еще на несколько дней оставила со связанными ногами, чтобы он не ушел. Перейдя затем от гнева к ласкам, она всеми силами упрашивала сына не уходить от нее. Феодосий послушался, но по-прежнему продолжал усердно посещать церковь.

Заметив, что обедня совершается редко за недостатком просфор, он стал сам печь просфоры. Матери его не нравилось и это за-

нятие сына, и она ласково просила его оставить печение просфор. «Ты наносишь, – говорила она, – бесчестие своему роду; не могу слышать, как смеются над тобой за это занятие». Смышленный и добрый сын почтительно объяснил матери высокое назначение просфор, и она успокоилась на время. Но на следующий год, видя, что Феодосий почернел от печи и огня, она опять стала запрещать ему печение просфор с угрозами, а иногда и с побоями. Не зная, что делать, Феодосий решил опять тайно уйти из дома и отправился в соседний город к одному священнику, где продолжал свои занятия по выпеканию просфор. Мать, конечно, вскоре отыскала его, привела опять домой и решительно запретила печь просфоры. Обо всем этом узнал, наконец, сидевший в Курске боярин и пригласил Феодосия к себе, вероятно, чтобы служить причетником в домово́й церкви.

Привязавшись к кроткому и смиренному Феодосию, боярин не раз дарил ему хорошую одежду, но тот постоянно отдавал ее нищим, а сам ходил в рубище. Однажды у доброго градоправителя давался большой пир знамени-

гостям города. Феодосию для служения гостям необходимо было явиться в чистом платье. Когда он переменял белье, то мать увидела кровь на его рубашке. Это открыло ей, что сын носил на теле железные вериги. Она опять пришла в большую ярость, сорвала с него эти вериги и жестоко избила его. Но все было напрасно: Феодосий все более и более стремился отдать себя всецело на служение Господу.

Стоя один раз в храме, он услышал следующие слова Евангелия от Матфея: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и не следует за Мной, не достоин Меня».

На этот раз слова эти сильно подействовали на Феодосия, и он решился следовать им. Вскоре мать его на несколько времени отлучилась из города, а он поспешил уйти в Киев, где, как слышал, есть монастыри. Не зная дороги, он наткнулся на обоз, шедший в стольный город, куда и прибыл с ним через три недели. Здесь он обошел все монастыри и

просил, чтобы его приняли. Но, видя простого юношу, никому не известного, одетого в худые одежды, его нигде не хотели принять. К своему счастью, Феодосий, во время этих странствований по киевским монастырям, услышал о великом Антонии-пещернике; он «окрылател духом» и поспешил к нему. Увидя святого старца, Феодосий пал к его ногам и со слезами просил принять его. «Дитя мое, – сказал ему Антоний, – видишь ли, какая эта пещера мрачная и тесная! Ты молод и должен будешь терпеть много лишений».

На это Феодосий ответил ему: «Ты знаешь, честный отец, Всевидящий Бог привел меня к твоей святыне, чтобы я был спасен тобою. Поэтому все, что прикажешь, то и буду исполнять». Тогда блаженный Антоний сказал: «Благословен Бог, укрепляющий тебя, дитя мое, на такой подвиг!» И затем Никон, по повелению святого старца, постриг Феодосия. Ему было тогда двадцать три года. Получив давно желанное пострижение, Феодосий предался со всем пылом своего сердца трудам подвижничества, посту, молитве, послушанию и смирению, так что преподобный Антоний и

Никон только дивились ему. Однако Феодосию пришлось вынести еще одно сильное испытание. В 1036 году, через четыре года после того, как он покинул Курск, мать его, тщетно всюду искавшая пропавшего сына, узнала от приехавших из Киева людей, что Феодосия видели там, в одном из монастырей. Она тотчас же отправилась в Киев и стала обходить все монастыри, но нигде не находила сына. Наконец, ей указали на пещеру Антония. Приказав сказать старцу, будто она пришла издалека, наслышавшись о его святости, мать Феодосия хитростью вызвала его на беседу. Старец, ничего не подозревая, вышел к ней. Тогда она стала расспрашивать о своем сыне, говоря: «Я столько сокрушалась о нем, не зная, жив ли он?» Антоний же, будучи прост душою и не подозревая ее хитрости, сказал: «Сын твой здесь; не сокрушайся о нем; он жив. Если хочешь видеть его, то иди сегодня домой, а я пойду и уговорю его, иначе он ни с кем не желает видеться».

Но уговоры Антония были напрасны, и старец на другой день вынужден был объявить матери: «Много просил я его, чтобы вы-

шел к тебе; но он не хочет». Тогда мать Феодосия начала уже с гневом говорить Антонию и кричать на него: «Ты меня обидел, старец! Взял сына моего, спрятал в пещере и не хочешь мне показать его. Выведи мне сына моего, иначе я умру от скорби: сама себя погублю пред дверями этой пещеры, если не покажешь мне его».

Антоний, сильно смущенный этим порывом, стал опять просить Феодосия, и тот, наконец, вышел к матери. Она же, увидав сына в большом изнеможении, так как лицо его изменилось от трудов и воздержания, обняла его и горько заплакала; потом, несколько успокоившись, стала просить сына вернуться домой, добавляя: «Делай в доме своем по воле своей, только не разлучайся со мной». Феодосий на это сказал ей твердо: «Матушка, если хочешь меня видеть каждый день, то иди и постригись в одном из киевских женских монастырей. Тогда приходи сюда, и ты будешь меня видеть. Если же ты не сделаешь этого, то никогда не увидишь моего лица».

Мать долго не соглашалась, но, наконец, решила посвятить себя Богу, в общине Свято-

го Николая, сооруженной на Аскольдовой могиле. Феодосий благодарил Господа за мать и с радостью обратился к подвигам своим.

Жизнь пещерная была, вообще, строга. Отшельники питались одним ржаным хлебом; в субботу и воскресенье они ели сочиво (вареный горох или бобы). Чтобы иметь это пропитание, они занимались простым рукоделием, которое продавали; на полученные деньги покупали рожь и, разделив ее, сами мололи на ручных жерновах. По окончании утрени копали землю в огороде; после обедни трудились в подземных своих кельях. Феодосий трудился более обоих старцев. Крепкий телом, он всегда брал на себя часть их работ: носил за них воду, рубил дрова, молот рожь. Иногда в знойную ночь, обнажая плечи и грудь, он отдавал тело свое в пищу комарам и мошкам; кровь текла по нему, а он спокойно пряд волну и пел псалмы. В маленькой церкви, устроенной в пещере, он являлся прежде других и, став на место, не сходил с него до конца службы.

Тогда, по словам летописца, три светила сияли в пещере: Антоний, Никон и Феодосий.

Вскоре присоединился к ним еще один подвижник – преподобный Моисей Угрин, или венгерец по происхождению, родной брат святого Георгия, доблестного слуги блаженного князя Глеба, погибшего с ним на Альте, когда он хотел своим телом прикрыть своего господина, и родной же брат святого Ефрема Новоторжского. Моисей также служил у князя Бориса и был с ним на Альте; из всех слуг князя он один уцелел и скрылся у сестры его, княжны Предславы. После этого, во время захвата Киева Болеславом, он попал в плен к полякам и пять лет провел в оковах. Статный и красивый лицом, он невольно обратил на себя внимание одной знатной и богатой польки, которая почувствовала к нему сильную любовь. Выкупив его из оков, она объяснила ему свои чувства и всячески старалась привлечь к себе, объявив, что готова выйти за него замуж. Но Моисей, уже бесповоротно решив посвятить себя Богу, ответил ей отказом.

Тогда взбешенная полька перешла от ласки к жестокости: она заключила его в темницу и стала морить голодом. Затем она жаловалась на него и королю Болеславу, но ничего

не помогло. Моисей оставался и в темнице непреклонным и вскоре получил возможность исполнить свой обет Богу: к нему пришел афонский черноризец и тайно постриг его.

Узнав, что ее пленник уже инок, неистовая полька, чтобы отомстить за оказанное пренебрежение ее красоте, приказала жестоко изуродовать Моисея, так что несчастный страдалец, истекая кровью, едва остался жив. Затем, в своем негодовании на афонского черноризца, постригшего Моисея, она уговорила Болеслава, на которого имела большое влияние, выгнать всех черноризцев из Польши. Однако суд Божий не замедлил наказать их: Болеслав умер внезапно, а в Польше поднялся мятеж, причем была убита и нечестивая жестокая полька, изуродовавшая праведника. Это было около 1027 года. Спустя несколько лет, собравшись мало-помалу с силами, многострадальный Моисей пришел в пещеру к преподобному Антонию. Здесь он провел десять лет в посте и молитве, но постоянно больной, так что еле мог ходить с помощью посоха. Преподобный Моисей Угрин обладал

даром исцеления некоторых страданий и пре-
дугнул блаженную кончину свою. Он преста-
вился 26 июля, вероятно, в 1043 году; мощи
его почивают в Антониевой пещере.

В 1054 году умер великий князь Ярослав.

Вскоре после его кончины занявший от-
цовский стол великий князь Изяслав посе-
тил, вместе со своей дружиной, Антония и
просил у него благословения и молитвы;
вслед за этим прибыл к Антонию юноша, сын
тысяцкого Яна Вышатича и внук того знаме-
нитого воеводы Вышаты, который вследствие
своего нежелания оставить в несчастье рус-
ских воинов был пленен и ослеплен греками;
юноша этот усердно просил принять его в
число иноков. Видя его необыкновенную рев-
ность, Антоний согласился и поручил Никону
произвести обряд пострижения, наименовав
его Варлаамом.

После Варлаама явился к Антонию самый
доверенный и любимый из слуг Изяслава и
тоже, по своей горячей просьбе, был постри-
жен под именем Ефрем.

Эти два пострижения вызвали, конечно,
сильнейшее неудовольствие против Антония.

Боярин Ян Вышатич прибыл к нему со множеством слуг, разогнал всех монахов, а сына своего вытащил насильно и, сорвав с него одежду чернеца, облек в прежние светлые боярские одеяния и отправил домой.

Сильно разгневался на Антония и великий князь Изяслав, узнав о пострижении своего любимого слуги. Он приказал взять блаженного Никона, совершившего пострижение, и угрожал отправить его вместе с Антонием и остальной братией в заточение, а самые пещеры раскопать. «Делай что хочешь, – отвечал преподобный Никон, – а я не могу отнимать воинов у Царя Небесного». Видя такой гнев князя, Антоний решил оставить пещеры и вовсе уйти с братией в другую страну. Однако, узнав о намерении преподобного, супруга Изяслава, полька по рождению, стала умолять князя, чтобы он своим гневом не изгнал таких подвижников из страны, и при этом рассказала про бедствие, постигшее Польшу, когда Болеслав поступил там подобным же образом. Ей удалось утишить гнев Изяслава, и он послал просить Антония возвратиться на старое место. Послы князя еле нашли Ан-

тония на третий день поисков и умоляли его именем Изяслава вернуться. Преподобный послушался и пришел в свою пещеру, непрерывно молясь. Затем собралось и все его разогнанное стадо. Вернулся и молодой Варлаам, который провел три дня дома, не принимая пищи и питья; он смягчил наконец своего отца, который сжалился над ним и разрешил вернуться к Антонию. Мало того, Ян Вышатич, тронутый до глубины души подвижничеством сына, сам сделался усердным посетителем обители, причем особенно почитал он Феодосия.

Понемногу число братии увеличилось до двенадцати; они выкопали большую пещеру и поставили в ней церковь; они также выкопали кельи и для себя. Затем прибыло еще несколько братьев, а из старых – некоторые оставили пещеры, чтобы основывать обители в других местах. Так, ушел преподобный Никон, удалившись в Тмутаракань, где основал Богородицкий монастырь. По удалении Никола Феодосий был посвящен в священники и отправлял богослужение в пещерной церкви.

Число братии в монастыре простиралось

уже до 15 человек, когда преподобный Антоний, в присутствии их всех, однажды сказал: «Бог собрал вас сюда, братия, и над вами поживает благословение святой Афонской горы, данное мне постригшим меня игуменом, а от меня перешедшее на вас. Я назначу вам игумена, а сам пойду в другое место жить наедине, как привык издавна». Затем он назначил игуменом Варлаама, а сам выкопал себе новую пещеру, которая и поныне называется Антониевой, или Ближней, в расстоянии ста сажень от прежней.

Поселившись в этой пещере, Антоний прожил в ней сорок лет, в строгом подвижничестве. Но предаваясь, таким образом, самым высоким иноческим подвигам, сердцу его всегда были близки дела основанной им пещерной обители, почему обитатели ее имели с ним постоянное общение и всегда обращались за советом и благословением. Любовь его к истинным подвижникам простиралась до того, что он сам носил пищу каждый день принявшему затвор иноку Исааку, и это продолжалось семь лет.

Когда стало прибывать все более и более

братии в пещеру, то они обратились к Антонию за благословением начать постройку монастыря на горе. Антоний не только одобрил это желание, но послал от себя к великому князю с такой просьбой: «Князь мой! Бог умножил братию, а место у нас тесное; не подаришь ли ты нам ту гору, что над пещерою?» Изяслав охотно исполнил просьбу Антония, и на горе построили малую деревянную церковь Успения Богородицы; но братия все же оставалась еще жить в пещерах. Это было в 1057 году. В это же время Изяслав основал в честь покровителя своего, святого Димитрия, великолепный монастырь и взял туда в игумены Варлаама.

Тогда пещерная братия выбрала себе игуменом Феодосия. Святой Антоний избрание это утвердил, и с той поры начинается для Феодосия новая высокая деятельность.

Приняв начальство над братией, он не переменил своего смирения и образа жизни: на труд и на службу в храме выходил он раньше всех. Первым его делом было устройство нагорного монастыря, а затем и сооружение более обширного деревянного храма Успения

Богородицы. Окончательно устроив братию, уже значительно увеличившуюся в числе, Феодосий стал вводить устав общежительного жития, по образцу заведенного преподобным Феодором Студитом в Царьградском монастыре. Этот устав Феодосия перешел во все прочие русские обители. Братия разделена была на четыре степени: одни еще не были пострижены и ходили в мирской одежде; другие, хотя еще и не были пострижены, но ходили уже в монашеской одежде; третьи были уже пострижены и носили мантию; наконец, четвертые были облечены в великую схиму.

Все в обители совершалось не иначе как с благословения игумена и освящалось молитвой. В кельях не позволялось братии держать никакой собственности: ни пищи, ни излишней одежды. Феодосий сам строго наблюдал за исполнением всех этих правил и кротко выговаривал виновным; затем раскаивающихся прощал, а на других налагал епитимии.

Он часто говорил, со слезами на глазах, поучения, но больше всего он действовал на братию примером собственной жизни.

За братской трапезой он вкушал только сухой хлеб и вареную зелень без масла и не пил ничего, кроме воды; одежду носил ветхую и худую, а под ней колючую власяницу. Для сна никогда не ложился, но после повечерия засыпал сидя. Часто проводил он всю ночь напролет без сна, в молитве за себя и за обитель, что много раз замечали церковные будильники, слыша плач его и стук земных поклонов, когда приходили за благословением к утрени. Когда наступал Великий пост, он удалялся в пещеру, известную доньне под именем Феодосиевой, или Дальней, а иногда переходил из нее в другую, близ монастырского села, возвращаясь в обитель накануне Лазаревой субботы.

Феодосий каждый день трудился наряду с братией. «Часто ходил он в пекарню наряду с пекарями и, веселый духом, месил тесто и пек хлеб».

Раз, перед праздником, келарь сказал, что некому носить воду. Феодосий поспешно встал и начал носить воду из колодца. В другой раз некому было рубить дров. «Я празден и пойду», – сказал игумен; прочим велел идти

на трапезу, так как было уже время для обеда, а сам стал рубить дрова.

Не менее деятельна была его жизнь и за монастырской стеной. Он посещал всегда лиц, нуждавшихся в его помощи и советах, и, кроме того, ходил поучать православию и защищать его от нападков разных вредных лжеучений.

По ночам, когда братия спала, Феодосий часто ходил к городским воротам и горячо спорил с иудеями, доказывая им преимущество христианской веры.

Смирение его было изумительно. Раз, сердечно любивший и высоко уважавший Феодосия, великий князь Изяслав, у которого Феодосий был в гостях, приказал по случаю позднего времени отвезти его в обитель в покойной тележке. Слуга, назначенный для этого, видя инок в худой одежде, сказал ему: «Ты, чернец, каждый день без дела, а я живу в хлопотах и труде, садись на лошадь, а я лягу на твоём месте и сосну». Феодосий, не говоря ни слова, обменялся местом со слугой. С рассветом бояре, ехавшие к князю, при встрече с Феодосием слезали с коней и кланялись ему.

Видя это, слуга сильно оробел, но Феодосий предложил ему только сесть опять на коня. Перед воротами обители иноки встретили своего игумена с положенной ему честью, и бедный слуга совсем растерялся. Феодосий же приказал угостить его как можно лучше. Столько же замечательно было и милосердие преподобного Феодосия. Он был истинным заступником притесняемых и обиженных. Особенно же он любил бедных; он построил при монастыре особый двор для увечных, слепых, хромых и отдавал им десятую часть монастырских доходов. Каждую субботу отсылал он возы хлеба в тюрьмы. Однажды привели к нему воров, пойманных в монастырском селе; увидев их связанными, Феодосий заплакал, велел развязать и накормить их, потом, дав наставление не обижать их и снабдив всем нужным, отпустил с миром.

Сила веры Феодосия обнаруживалась во многих случаях. Собрав множество иноков, он не любил собирать запасов для обители, но заботился прежде всего о помощи бедным и во всем возлагал упование на Бога. Когда недоставало хлеба и других припасов для

братской трапезы и угощения бедных или вина и елея для церковной службы и иноки докладывали об этом Феодосию, он всегда спокойно говорил им, чтобы они не тревожились, так как промысел Божий не оставит их. И действительно, каждый раз, по молитве Феодосия, все являлось в свое время. То богатый боярин, по внушению Бога, отправит в обитель возы с хлебом, рыбою, сочивом, пшеном и медом, а то ключница великого князя пришлет воз с вином и елеем. Наконец, был случай, когда пред Феодосием предстал однажды никому не ведомый жертвователь, именно в то время, когда в монастыре не на что было купить хлеба и неоткуда было ждать помощи; жертвователь – молодой статный воин, войдя в келию Феодосия, молча поклонился, положил пред ним золотую гривну и молча же вышел с поклоном.

Тогда блаженный Феодосий призвал эконома и, отдавая ему золотую гривну, сказал: «Брат Анастасий! Теперь ты не скажешь – не на что купить хлеба; ступай покупай». Рассказав эконому, каким путем явилась эта гривна, Феодосий присовокупил: «Никогда не отчаи-

вайся, будь тверд в вере; возложи на Господа бремя твое. Он печется о нас. Приготовьте же для братии большой праздник».

Нужно ли говорить, как все киевские князья, бояре, дружинники и городские обитатели любили смиренных и ласковых подвижников, обитавших в монастыре, тем более что они не только занимались постом, молитвою и помощью бедным, но, кроме того, горячо распространяли книжное просвещение, говорили проповеди и собирали отеческие предания о делах прежних времен. Вот чтобы послушать этих светильников просвещения, постоянно и посещали киевляне Печерскую обитель и, в свою очередь, считали иноков самыми дорогими гостями, когда они бывали у них на дому.

И монастырь Печерский, как своих детей, любил киевских горожан. Во имя любви и правды он вступался во всякие их дела, домашние и общественные. Особенно любил Феодосий семью тысяцкого Яна Вышатича, отца Варлаама; Ян жил в большой любви и согласии с своей супругой, и оба они отличались необыкновенной набожностью и благо-

творительностью. Однажды Феодосий, зайдя к ним, подробно объяснял, что последует с ними после кончины, а также и значение церковного обряда, совершаемого над усопшими.

Слушая его, жена Яна в раздумье спросила: «Кто весть, где это меня положат?» Пророчествуя о ее желании, преподобный ответил: «Поистине, где лягу я, там и ты положена будешь». И так сбылось ровно через восемнадцать лет. Когда в 1091 году мощи святого Феодосия были торжественно перенесены в новый Печерский храм Пресвятой Богородицы и положены в притворе на правой стороне, через два дня там же, на левой стороне, погребена была и скончавшаяся супруга Яна Вышатича.

В обращении с князьями и вельможами Феодосий оказывал то же смирение, простоту и любовь к правде, без всякого лицепрятия, как и в обращении с простым народом. Великий князь Изяслав часто посещал его, причем никогда не позволял себе въезжать в монастырь на коне и не брал с собою многочисленной свиты. Однажды Изяслав пришел в

обитель во время послеобеденного отдыха братии, когда Феодосий запрещал впускать кого бы то ни было, чтобы не нарушать покоя иноков; привратник хотя и узнал князя, но не смел впустить его, не доложив Феодосию. Изяслав у ворот дождался настоятеля и не только не оскорбился строгостью монастырского устава, но еще более полюбил Феодосия.

Феодосий имел обыкновение мирян, приходивших к обедне в монастырь, приглашать после богослужения к братской трапезе.

Однажды во время такой трапезы князь Изяслав сказал ему: «Скажи, святой отче, что это значит? Дом мой полон всяких благ мира, но никогда в нем не готовят пищу так вкусно, как здесь?» – «Оттого, – отвечал Феодосий, – что здесь братия все готовит с молитвою и благословением, а твои слуги ссорятся, клянут друг друга и получают побои от приставников, когда готовят вам трапезу». Будучи смиренным и кротким, Феодосий умел быть в то же время и твердым, когда это повелевала ему его совесть. Когда между сыновьями Ярослава, несмотря на отцовское завещание, возникли усобицы и Святослав, соединившись со

Всеволодом, изгнал из Киева Изяслава, а сам сел на его место, то Феодосий долго отказывался иметь общение с Святославом, и в церковных молитвах он поминал одно только имя Изяслава. При этом он не переставал обличать Святослава и послал ему даже письмо, в котором уподоблял его Каину, убившему брата своего Авеля.

Святослав сильно разгневался и хотел сослать Феодосия в заточение.

«Я буду очень рад этому, – отвечал Феодосий, – так как это будет самое лучшее в моей жизни. Чего мне бояться? Потери ли имущества и богатства? Лишусь ли я детей или сел? Нагими мы пришли в этот мир, нагими и выйдем из него». Узнав про этот ответ Феодосия, Святослав сильно смутился духом и всеми силами стал искать с ним примирения.

Наконец, по усиленной просьбе братии, Феодосий согласился, вслед за именем законного князя, поминать во время церковных служб и Святослава за его действительно большую любовь к церкви. Святослав же, приехав затем в обитель и смиренно выслушав обличения от святого старца, упрашивал

его навещать княжеские палаты для своего назидания. Феодосий согласился и, зайдя однажды к Святославу, застал веселое пиршество: пелись песни, играла музыка. Феодосий сел поодаль, опустив глаза в землю, и потом, взглянув на князя, сказал: «Будет ли так на том свете?» Святослав прослезился и велел прекратить игры.

После уже всегда умолкали игры в палатах князя, когда возвещали о приходе Феодосия. «Если бы отец мой встал из мертвых, – говаривал Святослав Феодосию, – я не так обрадовался бы ему, как твоему приходу».

Такой же прямоотой по отношению князей отличался и Антоний, подвизавшийся в своей пещере. После изгнания Изяслава он сейчас же вошел в общение с князем Всеславом Полоцким, который, как мы увидим впоследствии, содержался при Изяславе в темнице, по мнению Антония, несправедливо. Когда Изяслав через несколько месяцев вернулся в Киев и опять сел на свой стол, то он стал очень гневаться на Антония за его сношения с Всеславом. Праведный Антоний удалился тогда в Елецкий монастырь, в город Черни-

гов, а затем и на соседнюю Болдину гору, покрытую густым лесом, где вырыл себе новую пещеру и где вновь к нему стали собираться иноки. Однако Антонию скоро пришлось опять вернуться в Киев, в свою пещеру, так как Изяслав сознал свою вину перед святым угодником и умолил его вернуться назад.

Кроме распространения света Христова учения, любви к ближнему и книжного просвещения, Киево-Печерской обители принадлежит также слава создания чрезвычайно важного дела: составление первого дошедшего до нас летописного свода событий о том, как произошла Русская земля и какие дела в ней совершались. Творцом этого свода почитается обыкновенно, как мы уже говорили, преподобный Нестор, пришедший семнадцатилетним юношей во времена Феодосиевы в обитель, где нетленные его мощи почивают и поныне в Ближних, или Антониевых, пещерах.

Как известно, вместе с Христовой верой первые русские христиане принесли нам и славянскую грамоту, изобретенную святым равноапостольным Кириллом. Они же поло-

жили и основание нашей летописи. Сперва это были короткие заметки, делаемые в церковных книгах о том или другом событии, которое желательно было почтить памятью в последующие годы, а именно: о блаженной кончине какого-либо праведника, о сооружении нового храма, а также и о важнейших событиях в жизни граждан – христиан. Так попали в эти заметки между прочим деяния и кончина киевских витязей Аскольда и Дира. Наконец, в заметки эти вносились дни празднования Святой Пасхи и переходящих праздников. Таким образом образовались первые летописные заметки, или краткие списки.

Так как все они составлялись исключительно глубоко верующими христианами и притом записывались зачастую на церковных книгах, то они и представляли одну святую и высокую правду, тем более что в древнее время самое слово «книга» обозначало у нас только Священное Писание.

Вместе с ростом Русского государства и крещением Руси возросло, конечно, как количество таких отдельных летописных заметок, так и число важных событий в русской жиз-

ни, которые в них заносились. Наконец, явилось желание и необходимость иметь общий летописный свод этих отдельных записей, чтобы получить полное описание всех дел земли Русской с начальных времен.

Дело это, конечно, могло быть исполнено наилучшим образом в Киево-Печерской лавре, где жили умные, образованные иноки и куда все киевляне ходили делить свои радости и горести, рассказывая о всех своих делах.

Таким путем и получился первый летописный свод, названный Повестью временных лет. Нет сомнения, что при составлении его собраны были не только все отдельные короткие рукописные заметки, бывшие в распоряжении летописца, но также помещены в него и рассказы всех лучших людей Киева о светских и государственных делах, в которых они сами принимали участие или о которых доподлинно знали от близких себе людей.

Несомненно также, что упомянутый нами сын славного Вышаты, тысяцкий Ян Вышатич, доживший до девяноста лет от роду, много дал сведений летописцу и из событий, которых был сам очевидцем, и из рассказанных

его отцом.

Вот почему первоначальная наша летопись рядом с церковными событиями описывает необыкновенно ярко и все светские, государственные дела, имевшие место на Руси.

Так было положено у нас начало летописанию. С тех пор во многих обителях хорошо книжные иноки продолжали дело первоначального летописца и, переписывая летописный свод, дополняли его вставками и прибавлениями о тех событиях, которые были лично им известны.

Каждый из них оканчивал свой труд обыкновенно следующими словами: «Господа, отцы и братья, если где-либо я описался, или переписал, или не дописал, читайте и исправляйте ради Бога и не кляните, ибо книги ветхи, а ум молод, не дошел».

Один же из таких переписчиков и дополнителей первоначального свода, простой крестьянин Ростовской области, заканчивает свой список следующим трогательно-смирненным обращением к читателям: «Молю вас, братья, которые будут читать и слушать эти книги: если кто найдет здесь многое недостаточное

или неполное, да не позазрит мне, ибо не киевлянин я родом, не из Новгорода, не из Владимира, но селянин Ростовских областей. Сколько нашел, столько и написал. Что силе моей невозможно и чего не вижу перед собой лежащего, то как могу наполнить? Богатой памяти не имею, дохтурскому искусству не учился, как сочинять повести и украшать премудрыми словами...»

С таким чистым сердцем относились наши летописцы к делу записи сказаний о делах Русской земли. Наши князья помогали им, так как без гнева повелевали заносить в летописи все доброе и дурное. Поэтому-то летописи наши и поражают своей исключительной правдивостью и простотой всех ученых Запада, которые сознают, что у них подобных правдивых сказаний об их минувших делах не имеется.

Здесь можно заметить, что такой высокочистый взгляд на книгу и книжное письмо оставался, к нашему счастью, весьма долгое время в Русской земле, и взгляд этот управлял всем русским книжным делом до весьма еще недавнего времени.

Кроме начала русского летописания, при жизни преподобных Антония и Феодосия получило начало и строение великой каменной церкви Киево-Печерской лавры, существующей и поныне.

Произошло это, согласно преданию, так.

Один из потомков варяжского князя Африкана, по имени Шимон, изгнанный своими родичами из родной земли, пришел в Россию еще во времена Ярослава, который с почестью принял его и поместил у своего любимого сына Всеволода; Всеволод, в свою очередь, очень скоро полюбил Шимона. Во время княженья Изяслава в южнорусские степи на смену печенегам пришел из Азии новый хищный народ – половцы и стал нападать на наши пограничные области. Против них выступили три князя: Изяслав, Святослав и Всеволод с Шимоном.

Собираясь в поход, Шимон зашел к преподобному Антонию за благословением. Старец откровенно предсказал ему ожидающую их гибель. Тогда Шимон пал к ногам его и просил, чтобы ему спастись. На это преподобный Антоний ответил: «Сын мой, многие из вас

падут от меча и обращенные в бегство врагами будут истоптаны, изранены, утонут в воде; ты же будешь спасен и положен в церкви, которая здесь создастся».

Затем русские пришли к реке Альте; ночью на них напали половцы, и наши, после жестокой сечи, были побеждены; при этом многие воеводы, по предсказанию Антония, были убиты со множеством своих воинов. Шимон же лежал на поле раненым. Посмотрев на небо, он вдруг увидел в воздухе великую церковь и возгласил: «Господи, избави меня от горькой смерти молитвами Пречистые Твоя Матери, преподобных Антония и Феодосия Печерских». И молитва его была услышана. Он вскоре нашел в себе достаточно сил, чтобы уйти незамеченным с поля битвы, затем исцелился от ран и благополучно возвратился в Киев. Придя к преподобному Антонию и рассказавши о случившемся, он прибавил: «Отец мой Африкан сделал крест величиной в десять локтей, с изображением распятого на нем Спасителя, и, в знак особого почитания этой святыни, он возложил на бедра Распятого пояс с пятьюдесятью гривнами

золота, а на главу Его – золотой венец. Когда я, изгнанный родными из дома, уходил в Россию, то взял с собой с креста этот пояс и венец; при этом я слышал голос: «Не возлагай, человек, этого венца на главу Мою, но неси на приготовленное место, где преподобным создается церковь Матери Моей, дай ему в руки, чтобы он повесил над жертвенником Моим». В трепете я упал на землю и лежал как мертвый. Потом, во время моего путешествия по морю, однажды поднялась большая буря, так что все мы уже готовились к смерти. Тогда я, вспомнив о поясе, о котором таинственный голос не вспоминал, возопил: «Господи, прости меня, я погибаю из-за пояса, который взял с Твоего Святого изображения на кресте». Вдруг я увидел высоко в небе церковь и, подумав, какая это церковь, услышал голос свыше: «Та, которая создается преподобным во имя Божией Матери, и размеры ее определить тем золотым поясом – 20 поясов в ширину, 30 – в длину и 50 – в вышину, и в ней ты будешь положен». Потом море вдруг стихло». Рассказав это, Симон прибавил: «До сих пор я не знал, где создается показанная мне

церковь, но ты мне сказал, что я буду положен здесь в церкви, которая будет строиться». После этого Шимон передал Антонию пояс со словами: «Вот мера основания церкви, – а затем и венец, сказав: – Пусть этот венец будет повешен над престолом». Антоний восхвалил Бога и сказал: «Сын мой, пусть отныне будет тебе имя не Шимон, а Симон» – и, позвав Феодосия, рассказал ему про происшедшее и передал пояс и венец. Это было в 1068 году.

Горячо привязавшись к Феодосию, Симон стал часто навещать его и однажды сказал ему: «Дай мне, отче, слово, что душа твоя благословит меня не только в этой жизни, но и по смерти моей и твоей».

«Это выше силы моей, – отвечал Феодосий. – Но если по моем отсутствии из мира устроится эта церковь, если будут уважаться в ней предания и мои уставы, то это будет тебе знаком, что я имею дерзновение у Бога».

После этого Симон поклонился ему до земли и сказал: «Отче! Не изыду от тебя, дай мне на письме свое благословение».

Тогда Феодосий дал ему молитву, какую теперь влагают в руки покойникам. С этих-то

пор и пошел на Руси обычай класть в руки усопшим грамоту с молитвой, которая при отпевании читается над умершим.

После получения молитвы Симон, готовясь строить храм, попросил еще у Феодосия отпустить грехи его родителям.

Феодосий, воздвигнув руки, сказал: «Да благословит тебя Господь от Сиона, и да увидите вы красоты Иерусалима во все дни жизни вашей, в третьем, в четвертом роде – до последнего».

Вслед за этим благословением Симон оставил католичество, в котором был прежде, и принял православие.

Через пять лет после передачи Симоном преподобному Антонию пояса и золотого венца, в 1073 году, в Киев прибыли из Царьграда четверо очень богато одетых церковных мастеров-зодчих; явившись к преподобным Антонию и Феодосию, они спросили их: «Где хотите вы строить церковь?» Преподобные отвечали: «Где Господь укажет это место». Мастера на это заметили: «Замечательно, вы узнали время вашей смерти, а до сих пор не назначили места для своей церкви, дав нам

на работу столько золота». Тогда преподобные, в присутствии всей братии, просили греков пояснить, что значат слова их. Те рассказали следующее: «Однажды рано, при восходе солнца, к каждому из нас в дом пришли благообразные юноши, говоря: «Царица зовет вас во Влахерн». И мы, собравши всех своих родственников и друзей, пришли во Влахерн одновременно все и при этом из расспросов узнали, что одни и те же юноши одинаковыми словами звали каждого из нас. Вдруг мы увидели Царицу и множество воинов вокруг Нее и поклонились Ей. И Она сказала: «Хочу Себе воздвигнуть церковь в России, в Киеве. Повелеваю вам взять золота на три года и идти строить ее». При этом Она указывала нам идти к преподобным Антонию и Феодосию, прибавив, что Антоний, благословивши начало постройки, отойдет в вечность, а Феодосий пойдет за ним на второй год. Отправляя нас, Царица вручила нам мощи святых мучеников – Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова и Феодора, чтобы мы положили их в основание церкви. О размерах церкви Царица заметила: «Для меры послала Я пояс

Сына Моего; по Его же повелению вы выйдете на открытое место и увидите размеры ее». Вышедши из церкви, мы увидели церковь на воздухе и, вернувшись, поклонились Царице и спросили: «Госпоже, в чье имя будет церковь?» Она сказала: «Хочу назвать ее в Мое имя». Мы не осмеливались спросить Царицу о ее имени и смутились, а Она, заметив это, сказала прямо: «Богородицына будет церковь». При этом Она дала нам святую икону, добавив: «Она да будет наместницей». Отправляя нас, Царица обещала наградить нас за это дело и дать то, „чего око не видело и ухо не слышало, что не вошло и на сердце человека“».

Выслушав этот рассказ, все иноки прославили Бога и Пречистую Богоматерь; при этом преподобный Антоний сказал зодчим, что «никто из нас не приходил никогда к вам», на что зодчие отвечали: «Царицыно золото мы получили от вас при многочисленных свидетелях, и через месяц по получении мы отправились в путь, и ныне десятый день, как мы вышли из Царьграда».

Окончив рассказ, зодчие спросили: «Где же

строить церковь?» Антоний сказал: «Подождите три дня». Затем он обратился к Богу с пламенной молитвой и испросил чудесное указание места для храма. По молитве его, в одну ночь на избранном месте было сухо, а все окрестности были покрыты росой, в другую ночь – одно оно оросилось, когда все прочие места были сухи.

Благословение места для великой Печерской церкви было последним земным делом дивного Антония. На девяностом году своей многотрудной жизни, 7 мая 1072 года, он мирно предал дух свой Господу. Мощи преподобного Антония почивают под спудом в той пещере, где он подвизался. То глубокое смирение, которое он хранил во всю земную жизнь свою, сокрывает его от славы человеческой и за гробом; все до сих пор бывшие попытки открыть его мощи были чудесным образом отстраняемы.

По кончине преподобного Антония вскоре последовала закладка нового храма на предназначенном месте. Земля эта принадлежала князю Святославу, который охотно подарил ее монастырю и сам первый начал копать ров

для основания храма.

Главной его святыней является лично переданная, согласно преданию, Божьей Матерью зодчим небольшая икона, изображающая Ее и апостолов, собранных при Успении. Замечательно, что, несмотря на все вражеские нашествия, с неоднократными разграблениями храма, на пожары и прочие бедствия, икона эта никогда не была исторгнута из церкви. Когда Петру Великому донесли о страшном пожаре в Киево-Печерской обители, бывшем в его время, он прежде всего спросил: «Спасена ли чудотворная икона?» – «Спасена, государь», – отвечал печальный архимандрит Иоанн, лично доносивший государю о сем несчастье. «Если спасена икона, – сказал Петр, – то спасена и обитель». Икона эта, как венец всей святыни монастыря, висит над главными царскими воротами, в серебряно-позлащенном сиянии. Она написана древней греческой живописью, на кипарисной доске, шириною в 9 вершков, а вышиною в 6¹/₂ вершка. Божия Мать изображена на ней почивающей на одре, пред которым стоит Евангелие, покрывающее отверстие в сере-

дину доски, где хранились частицы мощей семи мучеников, положенных Ею при передаче иконы зодчим. При Главе Богоматери изображены шесть апостолов, из них Петр представлен с кадиллом, а при ногах – пять; апостол же Фома не изображен, так как он, по особому устройению Божьему, при Успении Богородицы не присутствовал, а прибыл только на третий день после него. Посередине иконы, с левой стороны, стоит Спаситель и держит в пеленах душу Богоматери, а вверху, около Него, изображены два ангела с белыми убрусами. Вся икона, кроме лиц и рук, покрыта золотой ризой и украшена драгоценными камнями.

Приведенное повествование о чудном участии Божией Матери в сооружении храма Киево-Печерской обители показывает нам, что Царица Небесная из своего Влахернского храма, из которого Она два раза подавала грекам помощь против нападавших на них язычников руссов, ныне Сама простерла Свою благодать и благословение над освященным Верой Христовой русским народом.

Не оставил своим благословением Русскую землю в те же времена и великий святитель

и угодник Божий Николай Чудотворец.

Однажды, когда по случаю наступающего праздника святых Бориса и Глеба православные христиане спешили со всех сторон в Вышгород, туда же отправился по Днепру на лодке один богатый киевлянин вместе с женой своей и младенцем сыном; на обратном пути от Вышгорода мать задремала и уронила в реку младенца, который немедленно утонул.

Огорченные родители стали призывать на помощь святого Николая и в крайней горести прибыли в свое жилище. В ту же ночь, перед заутренею, пономари Киево-Софийского собора, пришедшие отпирать церковь, услышали в ней крик ребенка, а затем нашли в церкви мокрого младенца, лежащего перед иконой святителя Николая. Немедленно дали знать об этом митрополиту, а митрополит велел объявить по всему городу. Родители младенца скоро нашлись и узнали в нем, к изумлению всех, своего потонувшего сына. С того времени образ, перед которым найден мокрый младенец, стал называться образом Николая Мокрого и особенно чтится у право-

славных. Ныне этот образ находится в приделе Киево-Софийского собора, устроенном во имя святителя Николая.

Через несколько лет после этого объявилась и в Новгороде чудотворная икона святого Николая, от которого получил чудесное исцеление князь Мстислав Владимирович, сын Владимира Мономаха, с которым мы познакомим читателя во второй части нашего труда. В честь иконы этой был заложен каменный храм во «дворе Ярославовом», и она прозывается потому Дворищенскою.

Спустя год после кончины святого Антония, согласно пророчеству Божией Матери, и преподобный Феодосий приблизился ко дню своего блаженного упокоения.

Он велел собрать всю братию, находившуюся на послушании в селах и других местах. Когда все собрались, он учил их, со слезами, спасению души и богоугодной жизни, пощению, усердию к церкви, братолюбию и покорности. Вскоре заметили, что блаженный игумен лежал в сильном лихорадочном изнеможении: то томил его холод, то огонь сильно жег его, так что он не мог говорить. В продол-

жение трех дней он был в таком состоянии, что думали, не умер ли он. Затем он встал и сказал: «Братия и отцы! Вот я знаю, что время жизни моей оканчивается, как открыл мне Господь еще во время поста в пещере». Благословив избранного братией игумена Стефана и простившись со всеми, он лег на ложе, взглянул на небо и с веселым лицом громко сказал: «Благословен Бог! Если так, то я уже не боюсь, а с радостью отхожу из сего света». Затем он предал дух свой Господу, 3 мая 1074 года, шестидесяти пяти лет от роду. Мощи преподобного Феодосия были сперва погребены в пещере, а через семнадцать лет, когда была окончена постройка и освящена Великая церковь Киево-Печерской лавры, их решили перенести в самый храм.

Преподобному Нестору было поручено выкопать мощи. Они оказались совершенно нетленными, суставы не распались, и только волосы присохли к голове. На следующий день собрались бывшие в Киеве епископы, пришли мужи из всех монастырей с черноризцами и множество народа; святые мощи перенесены были в Великую церковь и по-

ставлены в притворе. Это было 14 августа 1091 года. К лику святых преподобный Феодосий был причислен в 1108 году. Мощи его оставались открытыми до нашествия татар; с той же поры они скрыты в основании Великой церкви, а на том месте притвора, где они прежде почивали открыто, поставлена гробница, прикрытая серебряной вызолоченной доской, с изображением преподобного.

После кончины преподобного отмечено несколько чудесных исцелений и избавлений от бед усердно обращавшихся к нему лиц, причем он иногда являлся молящимся ему во сне.

Из поучений Феодосия до нас дошли, к сожалению, далеко не все. Но и из тех, которые уцелели, вполне виден душевный склад этого великого подвижника.

«Любовь к Богу может быть выражена только делами, а не словами», – говорит святой Феодосий в одном из своих поучений, и действительно, вся его жизнь была обращена именно на дела, достойные христианина. «Мы должны от трудов своих кормить убогих и странников, а не пребывать в праздности

из келии в келию», – продолжает он. И при Феодосии в обители все трудились, а сам он больше всех; мы знаем, что он никогда не спал лежа, а ночью, когда братия засыпала, часто уходил к городским воротам, где спорил до утра с жидами, стараясь убедить их в превосходстве православия над иудейством.

Сильно нападал Феодосий и на пьянство, чем и в те времена были заражены все сословия, несмотря на принятие христианства. По этому поводу он говорил: «Бесноватый страдает поневоле и может удостоиться жизни вечной, а пьяный страдает по собственной воле и будет предан на вечную муку; к бесноватому придет священник, сотворит над ним молитву и прогонит беса; а над пьяным хотя бы сошлись священники всей земли и творили молитву, то все же не прогнали бы из него беса самовольного пьянства»...

Из творений Феодосия особенно замечательно «Завещание» его, написанное великому князю Изяславу Ярославовичу, когда того пытались совратить в католичество искусные проповедники папы. Вот его содержание: «Господи, благослови! У меня есть слово к

тебе, боголюбивый княже! Я – Феодосий, худой раб Пресвятой Троицы, Отца, Сына и Святого Духа, – в чистой и православной вере рожден и воспитан в добром научении православными отцом и матерью. Берегись, чадо, кривоверов и всех бесед их, ибо и наша земля наполнилась ими. Если кто и спасет свою душу, то только живя в православной вере. Ибо нет иной веры лучшей, чем наша чистая, святая православная. Живя в этой вере, не только избавишься от грехов и вечной муки, но и сделаешься причастником вечной жизни, и без конца будешь радоваться со святыми. А живущие в иной вере не увидят жизни вечной. Не подобает также, чадо, хвалить чужую веру. Кто хвалит чужую веру, тот все равно что свою хулит. Если же кто будет хвалить свою и чужую, то он двоеверец, близок ереси.

Итак, чадо, берегись их и всегда стой за свою веру. Не братайся с ними, но бегай от них и подвизайся в своей вере добрыми делами. Твори милостыню не своим только по вере, но и чужеверным. Если увидишь нагого, или голодного, или в беду попавшего, – будет ли то жид, или турок, или латинянин, – ко

всякому будь милосерд, избавь его от беды, как можешь, и не лишен будешь награды у Бога, ибо Сам Бог в нынешнем веке изливает милости свои не на христиан только, но и на неверных. О язычниках и иноверцах Бог в этом веке печется, но в будущем они будут чужды вечных благ. Мы же, живущие в православной вере, и здесь получаем все блага от Бога, и в будущем веке – спасет нас Господь наш Иисус Христос.

Чадо! Если тебе нужно будет даже умереть за святую свою веру, со дерзновением иди на смерть. Так и святые умирали за веру, а ныне живут во Христе.

Если увидишь, чадо, иноверцев, спорящих с православным и хотящих лестью оторвать его от Православной церкви, – помоги православному. Этим ты избавишь овца из пасти льва. Если же смолчишь и оставишь без помощи, то это все равно как если б ты отнял искупленную душу у Христа и продал ее сатане.

Если кто тебе скажет: «Ваша и наша вера от Бога», то ты, чадо, ответь так: «Кривовер! или ты и Бога считаешь двоеверным! Не слы-

пишь, что говорит Писание: «Един Бог, едина вера, едино крещение» (Послание к ефесянам: IV, 5).

Таков был преподобный Феодосий.

Созданная им и святым Антонием обитель, несмотря на грозные и тяжелые времена, которые не раз пришлось пережить Киеву и всей Русской земле, процветает и поныне. Многочисленные паломники круглый год прибывают в Киев, чтобы поклониться чудотворному образу Успения, лично переданному Царицей Небесной во Влахернском храме зодчим-строителям, мощам святых Антония и Феодосия, а также и другим праведникам, покоящимся в Ближних и Дальних пещерах.

В Ближних пещерах находятся три церкви – преподобного Антония, Варлаама и Введения во храм; тут же под спудом почивают мощи самого святого Антония и мощи 49 святых в открытых гробах; в числе этих 49 мощей находятся и мощи святого Иоанна, отрока варяга, убитого разъяренной толпой вместе с отцом при великом князе Владимире до его крещения. Далее, в Антониевых пещерах покоятся 10 затворников в своих затворах и

30 мироточивых глав неизвестных святых. Здесь же почивают открыто, без гробов, двенадцать греков, строивших Великую лаврскую церковь, а именно: четыре зодчих, посланных Божией Матерью из Влахернской церкви, и восемь живописцев, так же чудесно посланных Богородицей в 1083 году для украшения церкви живописью, когда она была уже окончена вчерне. Все эти двенадцать греков по окончании работы приняли пострижение, и мощи их до сего дня открыто пребывают в нетлении.

В Дальних, или Феодосиевых, пещерах, где первоначально и было положено основание обители, до сих пор находится в целости келья святого Феодосия и при ней малая церковь; затем древнейшая церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, устроенная руками первых жителей пещер, церковь Рождества Христова и мощи святых угодников: тридцать три почивают в открытых гробах, а тринадцать в затворах; кроме того, имеется 31 мироточивая глава и одна нетленная голь неизвестных святых.

Из покоящихся в обеих пещерах праведни-

ков, к величайшему сожалению, остаются совершенно неизвестными, даже по именам, шестьдесят один святой, коим принадлежат мироточивые головы, а также и святой, от которого осталась нетленная голень.

К большому сожалению также, далеко не о всех остальных святых, которые почивают в пещерах и имена коих известны, сохранились их жития. Об иных же из них жития хотя и имеются, но они так кратки, что почти не дают понятия о благочестивых подвигах праведников, про которых они написаны. Однако, к счастью, есть вызолоченная дощечка, с надписью: «Иулиания, княжна Ольшанская, дочь князя Григория Ольшанского, преставившаяся девою, в лето от рождения своего 16-е». Так как больше никаких сведений о де-ве Иулиании в лавре не имелось, то раку ее поставили в Печерской церкви, но ей никто особого почета не оказывал. Вскоре, однако, она явилась в чудесном видении киевскому митрополиту Петру Могиле и указала ему, что к мощам ее следует относиться с большим благоговением. Тогда митрополит приказал чтить ее мощи, как святые. Впослед-

ствии, после пожара в Большой лаврской церкви, они были перенесены в Антониевы пещеры.

Относительно некоторых святых сохранились более подробные жития, и по ним мы можем весьма ясно себе представить жизнь обитателей пещер, их подвиги и искушения, которым они порой подвергались.

Вот краткие выдержки из некоторых сохранившихся житий киево-печерских угодников.

Преподобный Исаакий был богатым торопецким купцом. Пожелав иноческой жизни, он, по евангельскому завету, роздал все свое имение и пришел в пещеру к преподобному Антонию, прося пострижения; Антоний принял его и постриг. Исаакий наложил на себя тяжелые подвиги: надел власяницу и сверх ее покрылся козлиной кожей, которая на нем высохла; затворился в тесной пещере и молился Богу со слезами. Семь лет провел он таким образом; пища его была просфора, и то через день; воду он пил в меру; Антоний, как мы уже указывали раньше, приносил ему и то и другое, подавая в малое окошко, куда ед-

ва проходила рука. В течение всех семи лет Исаакий ни разу не выходил из затвора, не ложился на бок, но только сидя засыпал ненадолго; с вечера до полуночи он пел псалмы и клал поклоны.

Однажды он сел отдохнуть после ночных поклонов. Вдруг его посетило замечательное видение: пещера озарилась ярким светом, и в нее вошли два лучезарных юноши. «Исаакий, – сказали они, – мы ангелы, и вот идет к тебе Христос, поклонись ему!» Обольщенный затворник, не оградив себя ни крестным знаменем, ни сознанием своего недостойнства, поклонился до земли бесовскому действию, как Самому Христу. Бесы воскликнули: «Ты наш, Исаакий; пляши с нами!» Они подхватили его, начали плясать и оставили его полумертвым. Наутро Антоний, по обычаю, подошел к окошку и сотворил молитву; ответа не было. Великий старец подумал, что затворник уже преставился; откопали пещеру и вынесли его, как мертвеца, но тут заметили, что он еще дышит. Опытные в духовной жизни старцы узнали дело бесов. Во время болезни за ним ходил сначала преподобный Антоний,

а затем его взял к себе в келью Феодосий и стал служить ему, как мать малому ребенку. Исаакий был в таком расслаблении, что не мог не только встать или сесть, но даже оборотиться с одного бока на другой. Два года пролежал он так, лишенный языка и слуха; Феодосий денно и нощно молился о нем. Наконец, на третий год Исаакий проговорил, начал слышать и, как младенец, стал учиться ходить. Насильно приводили его в церковь, потом приучили ходить в трапезу. Мало-помалу пришел в себя Исаакий от страшного потрясения и стал опять вести строгую жизнь. Однако, искушенный в затворе, он не хотел сначала идти в пещеру, но надел власяницу и начал помогать поварам на кухне. Прежде всех приходил он в церковь и стоял неподвижно. Во время зимы ходил он в протоптанных черевьях, так что ноги примерзали к земле, но он стоял на одном месте до конца службы. Укрепившись вполне в силах, он опять затворился; здесь он подвергся вновь бесовским искушениям, но уже успешно отражал их и через двадцать лет трудного вторичного затворнического подвига принял,

около 1090 года, блаженную кончину.

Преподобный Иоанн Многострадальный прожил тридцать лет в пещере перед мощами святого Моисея Угурина. Самым ревностным желанием его было походить по чистоте душевной и по помыслам на праведного Моисея; но в выполнении этого желания Иоанн, мучимый лукавым, испытал величайшие искушения. Чтобы побороть их, он то пребывал по шести дней без пищи, то удручал себя тяжелыми веригами, то закапывал себя на весь Великий пост в землю почти по плечи; так боролся он все тридцать лет своей пещерной жизни. Под конец его постигло в самое Светлое Христово воскресенье, когда он стоял закопанным в пещере, совершенно необычное видение огромного огненного змея, взявшего его голову к себе в пасть; когда Иоанн сотворил молитву, то дьявольское видение исчезло, но борода его и волосы на голове были опалены. После этого испытания Иоанн не только получил полное успокоение своей души, но даже и особый дар – видеть в совершенной тьме, так что он мог без помощи светильника совершать в пещере по книге свое

молитвенное правило. Перед кончиною своею он опять вкопал себя в землю по перси и так стоит и поныне, как памятник славной победы над врагом человеческого спасения.

Преподобный Пимен, прозванный Многоболезненным, родился больным и вырос в болезнях. Много раз просил он родителей, чтобы позволили ему постричься, но им не хотелось отдать в монастырь сына – единственного наследника. Наконец, не видя надежды на выздоровление, они решились отнести его в Печерскую обитель, чтобы молитвы отцов испросили ему исцеление. Но и эти молитвы остались безуспешными, потому что сам больной усердно молил себе не здоровья, а умножения болезни, чтобы остаться в монастыре. Он желал только одного – иночества. И вот в одну ночь пришли к нему невидимые иноки, совершили над ним обряд пострижения и облекли страдальца в иноческую одежду. Никто не слышал, как пришли они; никто не знал, как в запертой церкви, на раке святого Феодосия, очутились волосы Пимена, снятые при пострижении. Только звуки пения дошли до некоторых, но обряд был окончен,

когда пришли к Пимену и нашли его уже постриженным, с горящею свечою в руках. Более двадцати лет пробыл Пимен в тяжелой болезни, так что прислужники тяготились им, нередко оставляя его без пищи и питья; но он все переносил с радостью. В ту же пещеру был принесен другой больной, чтобы слуге было удобнее ходить за двумя вместе, но и после того их часто оставляли без присмотра. «Брат, – сказал Пимен лежавшему с ним больному, – служащие нам гнушаются нами. Если Господь исцелит тебя, можешь ли ты исправлять эту службу?» Больной обещал посвятить всю жизнь на служение больным. Тогда, по слову блаженного Пимена, он встал здоровым и служил ему; но затем обленился и опять заболел. «Маловажный, – сказал ему Пимен, – разве ты не знаешь, что болящий и служащий ему получают равную награду? Здесь – скорбь легкая, а там веселие веков. Бог, который исцелил тебя, может исцелить и меня, но я не желаю. Пусть я сгнию в этой жизни, но чтобы там я остался без нетления; пусть здесь будет вокруг меня смрадный запах, но чтобы там наслаждаться мне неисчерпаемым благо-

уханием». Перед смертью добровольный страдалец сделался здоров, обошел все кельи, чтобы проститься с братьями, указал себе место для погребения и скончался в мире.

Преподобный Прохор, уроженец смоленский, отличался удивительным воздержанием. Он лишил себя даже ржаного хлеба, а вместо него собирал лебеду, растирал ее и так и питался. За это он был прозван Лебедником. Кроме просфоры церковной и хлеба из лебеды, он не вкушал ничего – ни овощей, ни вина; никогда не был печален и всегда весело работал для Господа. Когда однажды случился голод, то он удвоил труд свой по собиранию лебеды и всем голодным раздавал хлеб из нее, который казался замечательно сладким, как бы испеченным вместе с медом.

Преподобный Дамиан – пресвитер отличался необыкновенною кротостью и даром исцеления болезней. Он был такой постник, что, кроме хлеба и воды, не вкушал ничего до самой кончины своей. Если приносили дитя, страдавшее каким-либо недугом, или приходили больные в монастырь, преподобный Федосий поручал Дамиану сотворить молитву

над больным; Дамиан совершал молитву, помазывал освященным елеем, и страждущие получали исцеление. Когда он сам разболелся и приблизился к кончине, то ночью явился ему ангел в образе преподобного Феодосия и обещал Царство Небесное. Утром пришел Феодосий и сел возле него. Умиравший, взглянув на игумена, сказал: «Не забудь же, что ты обещал мне в эту ночь». Великий Феодосий отвечал ему: «Брат Дамиан, да будет тебе, что обещано мною». Он же, сомкнув очи, предал дух свой Господу.

Преподобный Агапит был киевским уроженцем и, постригшись, служил безмездным [1] врачом в обители. Когда занемогал кто-либо из братии, Агапит, оставляя свою келью, переходил к больному брату, служил ему и давал вместо лекарства свою пищу – вареную траву. И больной, по молитве его, выздоравливал. Многие из города приходили к нему, и безмездный врач никому не отказывал в благодатной помощи. Однажды заболел внук Ярослава, Владимир Всеволодович, по прозванию Мономах, княживший тогда в Чернигове. Не получая помощи от своих врачей, он

послал звать к себе Агапита. «Если пойду к князю, – рассуждал блаженный Агапит, – то должен ходить и ко всем. Для человеческой славы не пойду за ворота монастырские, чтобы не преступить сим обета».

Он не пошел к князю, но послал ему вареную траву, которую употреблял в пищу. Исцеленный князь пришел благодарить чудотворца, но Агапит скрылся. Тогда Мономах отправился в его келью и оставил в благодарность несколько золотых монет; Агапит же, вернувшись, выкинул это золото. Чудесное врачевание безмездного врача печерского возбудило зависть в одном армянине, который славился тогда в Киеве своим врачебным искусством. Убедившись, однако, многократными опытами, что во врачевании Агапита действует сила небесная, армянин вскоре после блаженной кончины Агапита сам сделался иноком и в добрых подвигах кончил свою жизнь.

Преподобный Дионисий, иеромонах и блюститель пещер, по прозванию Щепа, вошел в день Светлого праздника воскресенья Христова в пещеру преподобного Антония покадить тела усопших святых; придя на место, назы-

ваемое общиной, или трапезой, Дионисий, покадивши, сказал: «Святые отцы и братия! Сегодняшний день есть день Великий: «Христос воскрес!» И тотчас ответил ему голос от всех мощей, прогремевший как гром: «Воистину воскрес!» До глубины души пораженный этим чудом, Дионисий заключился в затворе, где и почил.

Преподобный Николай Святоша, правнук великого князя Ярослава, первый из русских князей добровольно принял иночество, хотя имел жену и детей. Оставив княжество, он проходил разные послушания в Печерской обители: три года работал с братией на поварне, сам рубил дрова, носил из реки воду на плечах своих и приготавливал братскую пищу; еще три года стоял у врат монастырских, как сторож, не отходя никуда, кроме церкви; отсюда был взят служить при трапезе и своим усердием приобрел общую любовь. После таких подвигов послушания преподобный должен был, по совету игумена и всей братии, поселиться в келии и заботиться только о собственном спасении. Он повиновался, и никто никогда не видел его праздным. Своими рука-

ми он насадил перед своей кельею небольшой сад и постоянно занимался каким-либо рукоделием, произнося при этом молитвы. Преподобный не вкушал ничего, кроме общей монастырской пищи на трапезе, и не имел у себя никакой собственности, потому что раздавал нищим и на устройство церкви все, что получал от родственников. Братья его долго старались возвратить его в мир, особенно через врача, поселившегося для инока-князя в Киеве. Врач уверял, что такая суровая жизнь очень вредна для здоровья князя. «Да и благочестивые братья твои, – говорил врач, – терпят укоризну от твоей нищеты. Кто из князей поступал так? Кто из бояр пожелал иночества, кроме того Варлаама, который был здесь игуменом?» Блаженный князь отвечал ему: «Много думал я и положил не щадить плоти моей, чтобы она не одолевала меня; пусть она, угнетаемая многими трудами, смирится. Если никто из князей не делал этого прежде меня, то пусть я буду вождем, и кто захочет, пойдет по следам моим. Благодарю Бога моего, что освободил меня от работы мирской и сотворил слугою рабам Своим, бла-

женным черноризцам. Братья мои пусть думают о своем спасении, а мне прибыток, если умру для Христа».

Преподобный Мартирий Диякон сподобился при жизни за великие подвиги и чистоту жизни дара чудотворения, так что к нему обращались многие за молитвенною помощью в разных нуждах; и все, за кого он молился, стоя на амвоне, получали просимое: исцеление от болезней, избавление от скорбей, искушений и всяких бед и нужд. После его праведной кончины и до нынешнего времени мощи его тоже обладают даром чудотворения для всех, с верой и молитвой прибегающих к нему.

Преподобный Алипий, выучившись иконописанию от греческих мастеров, которые расписывали Великую лаврскую церковь, принял потом пострижение, трудился неусыпно и бесплатно писал иконы для игумена, для братии и для церквей киевских. За чистую и добродетельную жизнь он удостоился священства и был прославлен от Бога даром чудотворения: он помазывал раны своими красками, как лекарством, и больные ис-

целялись. Одна из икон, чудесно написанная в его келии, находится и теперь в Ростовском Успенском соборе, где она сохранена невредимую при трех больших пожарах, при падении первого каменного храма и при грабительских набегах татар и поляков. Другая икона была также чудесно написана в последние дни жизни Алипия. Он сказал братии: «Ангел, написавший икону, стоит передо мною и хочет взять меня». С этими словами первый русский иконописец предал дух свой Богу.

Преподобные Спиридон и Никодим занимались печением просфор, трудясь единомышленно в течение тридцати лет. Первый из них, будучи неграмотным, выучил наизусть всю Псалтырь и прочитывал ее ежедневно при своей работе. Троеперстное изображение крестного знамения, которым преподобный Спиридон осенил себя в минуту кончины, сохранилось до сих пор на его руке и обращает к православию многих раскольников-староверов, которые думают, что по старине крестное знамение должно быть двуперстным.

Преподобный Евстратий Постник попал в плен к половцам, разорившим в 1096 году Пе-

черский монастырь. Он вскоре, с 20 киевскими людьми и 30 монастырскими работниками, был продан в неволю в Корсунь одному жиду. Жид стал принуждать своих пленников голодом к отречению от Христа, но мужественный Евстратий умолял их не отречься и постоянно подкреплял поучениями из Священного Писания. Эти блаженные пленники, славные имена которых, к сожалению, до нас не дошли, подкрепляемые Евстратием, решили лучше умереть, чем отвергнуть веру Христову, и действительно, мучимые голодом и жаждой, постепенно умирали, причем, по прошествии четырнадцать дней, остался жив один только Евстратий, привыкший к посту с юности. Жид, видя, что благодаря Евстратию он лишился всех своих денег, уплаченных за русских пленных, решил жестоко отомстить ему, и в день Святой Пасхи распял его на кресте, в присутствии многочисленных других иудеев. Будучи пригвожден ко кресту, распятый страдалец благодарил Господа Иисуса Христа за то, что удостоил его пострадать так, как пострадал Он Сам. «Я верю, – говорил он жидом, – что Господь скажет некогда и мне,

как сказал разбойнику: «Сегодня будешь со Мною в раю». Но вас постигнет мщение за кровь христианскую». Раздраженный жид пронзил страдальца копьем и бросил тело его в море. Это было 28 марта 1096 года. Вскоре казнь Божия постигла убийцу: он был повешен. Многие же из иудеев, присутствовавших при крестной казни Евстратия, крестились. Мощи святого мученика были отысканы верующими и положены в Антониеву пещеру.

Преподобный Кукша был просветителем вятичей, где во времена Феодосия было еще много язычников. Одушевляемый святою ревностью к вере, Кукша с учеником своим оставил Киево-Печерскую обитель, чтобы проповедовать истину Христовой веры грубым язычникам; проповедь его сопровождалась чудесами, которые утверждали веру в сердцах народа; но это, конечно, сильно раздражало языческих волхвов, которые и предали святого Кукшу мучительной смерти, вместе с его учеником.

В один день и час с ним в Печерской обители скончался и преподобный Пимен Постник, друг Кукши. Он исцелял недужных, имел

дар пророчества и за два года предсказал свое отшествие к Богу. В день убиения Кукши он стал посреди церкви и громко воскликнул: «Брат наш Кукша теперь убит!» – и затем тотчас же преставился сам.

Святой Леонтий, ученик преподобного Антония, прославился просвещением в Ростовской земле, населенной грубым финским племенем мерею. Он встретил в них упорных и суровых идолопоклонников и подвергся с их стороны побоям и брани. Но святой Леонтий решил не оставлять вверенного ему стада. Поселясь за городом Ростовом, он построил деревянный храм в честь архистратига Михаила и стал приглашать к себе детей: кормил и ласкал их. Дети, конечно, охотно ходили к святителю, и он учил их началам святой веры, а потом и крестил. За детьми крестились и некоторые взрослые. Но застарелые язычники взволновались и бросились однажды к церкви с дубинами и оружием. Причт, окружавший Леонтия, испугался, но святитель был спокоен. Облачившись в ризы, он вместе со священниками и диаконами, также облаченными в ризы, вышел к дикому народу.

Спокойная твердость его поразила язычников. Они пали перед ним в страхе, и многие крестились. Святой Леонтий рукоположил много священников и диаконов, но не успел привести ко Христу всю «заблудшую чудь» и окончил свой апостольский подвиг мученической смертью, вероятно, в 1070 году.

Таковы были первые обитатели Киевской пещерной обители.

Среди подвижников, почивающих в Антониевой пещере, обращает на себя внимание открытый гроб с мощами, над которым надпись: «Илья из Мурома». Житие этого праведного Ильи, к сожалению, совершенно неизвестно, но, глядя на его честные мощи, вспоминается другой Илья из Мурома, славный богатырь наших былин, и невольно думается, не он ли окончил здесь свой земной путь, смиренно приняв пострижение, а после праведной кончины прославился нетлением своих мощей.

При этих мыслях каждый русский человек невольно осеняет себя крестным знамением, а сердце его невольно возносит к Богу молитву, чтобы и в настоящие дни жили и не пере-

водились бы могучие богатырским духом и крепкие православною верою верные сыны нашей Родины.

Далеко ушли от нас те времена, когда были живы дивные иноки, прославившие Киево-Печерскую обитель; давно уже и Киев перестал быть стольным городом всей Руси; но благоговеющая память о принятии здесь святого крещения русским народом, о славных князьях, в нем сидевших, о великих подвигах наших богатырей и ратных людей, а также и о делах смиренных обитателей его пещер будет жить навсегда в русских сердцах.

Всегда с особым чувством сердечного умиления приближается каждый из нас к матери русских городов и киевским святыням.

Обозревая тот длинный жизненный путь, который совершили наши предки в течение тысячелетий, прошедших со времени зарождения славянских племен до создания могучей Руси, нами описанной, мы можем с гордостью сказать, что ростом своей силы и славы они обязаны были исключительно самим себе, основному свойству своей души – благо-

родству.

Действительно, только оно придавало им всегда то беззаветное мужество и бесстрашие перед смертью, которым они славились во все времена. А это мужество и бесстрашие были совершенно необходимы, чтобы не погибнуть в борьбе с грозными и многочисленными врагами, всегда пытавшимися наложить свою руку на Русскую землю. Надо твердо помнить, что каждая пядь Русской земли, на которой мы живем, действительно для нас родная земля, так как каждая пядь ее была обильно полита кровью не только наших праотцев, но также и кровью наших храбрых и доблестных праматерей, постоянно жертвовавших за нее своею жизнью.

Вот почему эта земля нам дорога; мы связаны с ней кровью длинного ряда наших великих предков. Вот почему священнейший долг каждого из нас состоит в том, чтобы всеми силами своими, и телесными и душевными, всегда беречь эту землю, а в случае необходимости бестрепетно полагать для защиты ее свою жизнь.

То самое душевное благородство, которое

всегда давало нашим предкам мужество и бесстрашие для победы многочисленных врагов Русской земли, оно же постоянно направляло их силы и к мирному труду, столь необходимому для прочного закрепления за собой кровью приобретенной земли; оно направляло их на высокое искусство возделывать землю, на отважное мореходство, на трудный промысел за диким пушным зверем и на славное торговое дело.

И во всем этом благодаря основному качеству их души, заставлявшему каждого честно и с любовью относиться к тому делу, которому он служит, предки наши тоже приобрели громкую славу. Наш хлеб с незапамятных времен считался лучшим и шел для продажи во многие далекие страны; драгоценные меха, искусно добываемые нашими смелыми ловцами за зверем, были известны всем народам и ценились крайне дорого; ладьи наших отважных мореходов бороздили многие моря и поднимались по неведомым рекам в самые отдаленные края; наконец, русские гости-купцы славились своей богатой торговлей, приветливостью и высокой честностью.

Во внутренней, домашней жизни основным качеством наших прародителей была верность своим близким, названным братьям и вождям, за которыми они шли с величайшей охотой на смерть. Эта изумительная верность древних обитателей Русской земли, поражавшая другие народы, была тоже прямым последствием их высокой души.

На этом же свойстве души было основано у них и отношение к женщинам. Мы знаем, что в языческие времена у нас господствовало многоженство; однако, несмотря на это, положение женщины в семье было и тогда очень высоко и почетно: обыкновенно девушки были свободны в выборе себе мужа, почему, выходя замуж, древние русские женщины горячо привязывались к мужьям и были настоящими их помощницами во всех делах; они часто сражались рядом с ними и часто же сами лишали себя жизни, не желая переносить вдовства.

Уважение, которое питали люди одного сословия к занятиям другого, причем всякий труд считался почетным, было опять следствием того же общего высокого нравствен-

ного чувства.

Мы видели, что, несмотря на большую жесткость нравов, господствовавшую в древние времена, предки наши никогда не доходили до таких зверств в обращении со своими пленными, как греки и римляне; напротив, они обыкновенно были очень ласковы с ними и считали их своими домашними. Все это указывает на большую сердечную доброту, издревле присущую русскому человеку.

Наконец, русская гордость, никогда не прощавшая обид, нанесенных кому-либо из своих, почему предки наши всегда жестоко наказывали за эти обиды, поднимаясь для этого, когда было нужно, целым народом, также должна быть признана одним из лучших их свойств; конечно, и мы, их потомки, в подобных случаях должны следовать их примеру и никому не позволять обижать русское имя и русского человека.

Постоянным источником величайшего несчастья для самих же славян были, как мы знаем, их вечные взаимные раздоры, основанные на излишнем свободолюбии и нежелании подчинить своего мнения мнению дру-

ГИХ.

Мы видели, что этим свойством славян пользовались их враги, искусно раздувая их взаимные нелады, а врагами славян всегда были все народы, которые жили около них. Эта же страсть к раздорам долго не давала возможности нашим предкам соединиться в одно крепкое государство; наоборот, раздоры эти привели нас к постыдному аварскому, а потом и хазарскому игу, а на западе Европы и к тому, что некоторые отдельные славянские племена, несмотря на всю свою отвагу, были покорены и даже вовсе истреблены.

Но когда ильменские славяне сознали, что жить среди взаимных усобиц дальше нельзя, и пришли к мудрому решению поставить над собою для взаимного объединения высшую власть, для чего и призвали князей, то мощь и сила нашего государства тотчас же начинает расти с изумительной быстротой. Еще во времена Аскольдовы патриарх Фотий, в знаменитой проповеди своей в стенах Святой Софии, назвал нас, вследствие унижительной зависимости от хазар, «народом не почетным, народом, считаемым наравне с рабами», а ме-

нее чем через двести лет все могущественные государи Европы считали для себя высокой честью получить руку одной из дочерей русского великого князя или найти убежище при его дворе в случае своих невзгод. Эта громадная перемена в положении Руси была, конечно, создана исключительно благодаря высоким душевным качествам наших доблестных предков.

Действительно, решив признать над собою высшую власть и отдаться в руки призванных князей, наши предки, по свойственному им благородству, отдались этим князьям совсем, со всей своей беззаветной преданностью. Конечно, это тотчас же повело к полному освобождению их от хазарского ига и к быстрому росту государства, тем более что среди наших первых князей было несколько замечательных полководцев; имея под своею рукою храбрую и беззаветно преданную рать, они и могли одерживать все свои блестящие победы, с целью объединения Русской земли.

Однако, несмотря на всю храбрость и мужество, проявленные нашими прародителями при быстрых, смелых и победоносных по-

ходах Аскольда, Олега и Святослава, еще более достойно глубочайшего уважения их поведение при неудачах, которые постигали порой наших князей: мы видели, что князь Игорь был вообще несчастлив в ратном деле, да и Ярослав не раз бывал наголову разбит; наконец, и сам великий Святослав окончил свои славные дела неудачей под Доростолом и печальной гибелью у Днепровских порогов.

Вот тут-то, во время этих тягостных испытаний, поведение наших предков и достойно самого величайшего уважения.

Народ нестойкий, народ с мелкой душой, народ неразумный и вздорный народ, не привязанный к своей земле, народ, не имеющий или не знающий своего славного прошлого, словом – народ неблагородный, всегда отворачивается от своих вождей, когда их постигает несчастье; такой народ всегда начинает винить их в неудачах, которые произошли в бою, в походе или в государственной жизни; в таком народе сейчас же начинается неудовольствие и брожение, восстание воинских частей и позорные беспорядки; он этим, конечно, окончательно себя ослабляет и делает-

ся затем легкой добычей внешних врагов.

Но не таковы были наши стойкие, мудрые и благородные предки. Каждый из них понимал, что военное счастье – переменчиво, что неудача может быть уделом всякого и что единственное средство вернуть себе это счастье и поправить неудачу заключается в верности и преданности своим вождям и в готовности жертвовать всем до последнего, чтобы собирать новые силы до тех пор, пока враг не будет сломлен.

И что же мы видим? Несмотря на ряд неудач Игоря, на горестный конец Святослава, на занятие Киева Болеславом, на постоянные набеги печенегов, Русь, несмотря на все это, благодаря необыкновенной стойкости ее сынов и их преданности своим князьям в тяжелые времена все росла и росла, и быстро превратилась в самое могущественное и большое государство во всей Европе.

Конечно, все это произошло исключительно вследствие высоких душевных свойств наших предков.

Особенно ярко сказалось их благородство, переходящее в истинное величие духа, в от-

ношениях доблестных новгородских мужей к Ярославу. Дважды он был в несчастьи, и при том каждый раз при исключительно тяжелых обстоятельствах, и оба раза они выручают его, жертвуя для этого и своею жизнью, и своим состоянием. Первый раз он иссек накануне из мести множество их лучших мужей, но как только впал в несчастье, так сейчас же, на другое утро, услышал от остальных достойный ответ: «А мы, княже, за тебя идем. Если и погибли наши братья, можем за тебя бороться».

Второй раз, неожиданно разгромленный Болеславом Храбрым до такой степени, что еле мог уйти с поля битвы сам-пят, Ярослав, придя в Новгород, приготовился уже бежать дальше, к варягам; но и тут славные новгородцы, великие своими сердцами, не оставили его в несчастьи. Эти мужественные люди, большая часть которых состояла из простых плотников и ремесленников, рассекли княжеские ладьи, приготовленные к отплытию за море, и, объявив: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком», сейчас же начали собирать людей и деньги на новую войну, при-

чем добровольно сами обложили себя огромным налогом: по четыре куны с простого человека, по 10 гривен со старост и по 18 гривен с бояр.

В полном блеске и силе сказались все высокие душевные свойства наших предков при восприятии ими Христовой веры. Мы видели, какой ряд дивных подвижников засиял на Руси вскоре же после ее крещения. Мы видели также, как проникновенна была и для простых мирян проповедь главной христианской добродетели – смирения.

Конечно, такое полное и глубокое усвоение истин Христова учения могло быть только у людей с возвышенными душами, так как святая православная вера наша не есть удел рассудка и его мудрствований, а постигается исключительно благоговейным сердцем и душой, способной проникнуться пониманием высокого подвига нашего Спасителя и Его Божественного происхождения.

Таковы были наши предки, создавшие Русь.

Создавши ее, они оставили нам – их потомкам, устами своих трех лучших мужей, три

великих завета, как хранить и беречь их святое наследствие – Русскую землю.

Эти заветы каждый из нас всегда должен носить в своем сердце.

Великий Святослав заповедал под Доростолом: «Деды и отцы наши завещали нам храбрые дела. Станем крепко. Нет у нас в обычае спасать себя постыдным бегством. Или останемся живы и победим, или умрем со славою. Мертвые срама не знают, а убежавши от битвы, как покажемся людям на глаза».

Мудрый Ярослав, собрав перед смертью детей своих, сказал: «Если будете жить в любви между собою, то Бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцов и дедов ваших, которую они приобрели трудом своим великим».

Святой же Феодосий завещал:

«Нет иной веры лучшей, чем наша чистая, святая православная вера.

Если тебе нужно будет даже умереть за эту святую веру – со дерзновением иди на смерть. Так и святые умирали за веру, а ныне живут

во Христе.

Не подобает хвалить чужую веру. Кто хвалит чужую веру, тот все равно что свою хулит. Если же кто будет хвалить свою и чужую, то он двоеверец, близок ереси.

Берегись кривоверов и всех бесед их, ибо и наша земля наполнилась ими.

Берегись их и всегда стой за свою веру.

Не братайся с ними, но бегай от них и подвизайся в своей вере добрыми делами.

Твори милостыню не своим только по вере, но и чужеверным. Если увидишь кого-то или голодного, или в беду попавшего, – будет ли то жид, или турок, или латинянин, ко всякому будь милостив, избавь его от беды, как можешь, – и не лишен будешь награды у Бога».

Часть вторая. От разделения власти на Руси при сыновьях Ярослава Мудрого до конца великого княжения Дмитрия Иоанновича Донского

Глава 1

Разделение власти на Руси при сыновьях Ярослава Мудрого. Причина этого разделения. Княжение в Киеве Изяслава. Начало усобиц. Половцы. Первое изгнание Изяслава из Киева. Победа Святослава над половцами на реке Снове. Первое возвращение Изяслава. Его вторичное изгнание. Святослав. Вторичное возвращение Изяслава. Битва на Нежатиной Ниве. Княжение в Киеве Всеволода и его кончина. Святые Иоанн, Исаия и Авраамий

В первой части «Сказаний о Русской земле» мы познакомились с жизнью наших предков с времен отдаленнейшей древности до создания ими в половине XI века по Рождестве Христовом славной и могучей Руси под

рукою великого князя Ярослава Мудрого. При этом мы видели, что первоначально, расселившись по Русской земле, славяне еще весьма долгое время продолжали жить отдельными племенами, в которых происходили нескончаемые родовые усобицы; что эта взаимная вражда довела их до порабощения соседями: обрами, хазарами и варягами, и что только в 862 году ильменские славяне, желая

положить предел своим родовым распрям, решили поставить над собою высшую власть, для чего и обратились к постороннему роду, а именно к княжескому роду Рюрика с братьями, и пригласили их на княжение.

Затем мы видели, что под властью призванных князей земля Русская стала быстро устраиваться и крепнуть, и менее чем через два века она заняла уже почетное место среди всех остальных европейских держав того времени, причем этому быстрому расцвету своего могущества предки наши были всецело обязаны своему мудрому решению – объединиться под верховною властью призванных князей.

Однако, знакомясь с быстрым ростом Руси после призвания князей, мы видели, что и при них бывали иногда тяжкие времена, и именно тогда, когда одновременно княжило несколько князей-братьев, из которых каждый имел свою долю в Русской земле.

Так, тяжкие убоицы были после смерти Святослава: Ярополк поднялся на брата своего Олега, вскоре убитого, а затем и сам погиб от руки младшего брата Владимира, который

только после этого братоубийства стал едино-властно править Русскою землею. То же повторилось и после кончины святого Владимира; сейчас же между его сыновьями началась жестокая усобица из-за власти, причинившая земле столько зла: Святополк Окаянный погубил святых Бориса и Глеба и Святослава, водил поляков на Киев, затем сам погиб после жестокой борьбы с Ярославом, а Ярослав, в свою очередь, воевал еще немало и с удалым своим братом Мстиславом и помирился с ним только в 1025 году, спустя десять лет после смерти отца, и только после этого примирения началась славная для Руси пора княжения Ярослава.

Однако, несмотря на столь бедственные примеры, как из жизни своих предков, так и собственных, мы видим, что, умирая, мудрый Ярослав опять делит власть над Русскою землею между пятью своими сыновьями.

Из завещания Ярослава ясно видно, что, разделяя власть над землею между пятью сыновьями, Ярослав вполне сознавал, какая огромная опасность грозит Руси и его наследникам, если они не будут жить в мире между

собой; вместе с этим ясно видно также, что Ярослав, несмотря на даваемый завет, ожидал возникновения между сыновьями раздоров, так как он тут же добавлял: «Если же кто захочет обидеть брата своего, то ты, Изяслав, помогай обиженному».

Почему же, сознавая все это, Ярослав все-таки разделил власть над землею между всеми сыновьями, а не передал ее полностью одному из них?

Рассмотрение этого вопроса имеет чрезвычайно важное значение, так как оно поможет нам понять не только порядки, которые были в те времена на Руси относительно княжеской власти, но вместе с тем оно даст нам также возможность уяснить себе, при дальнейшем изучении жизни русского народа, каким путем и почему впоследствии создавалась у нас на Руси именно та царская власть, которой пользуются наши самодержавные государи в настоящее время.

Прежде всего необходимо сказать, что в те времена, когда создавалась Русь при первых князьях, еще не было вовсе каких-либо точно определенных или прочно установившихся

порядков как относительно самой княжеской власти над землею, так и относительно наследования этой власти; и не было этого именно потому, что государство наше при первых князьях еще только создавалось, почему в нем, конечно, и не могло быть по этим вопросам каких-либо твердо установившихся законов, сложившихся на основании векового опыта и наилучше всего приноровленных к потребностям страны и ее народа. Поэтому в деле передачи своих прав наследникам наши первые князья поневоле должны были руководствоваться теми понятиями, которые господствовали по этому вопросу во всех славянских племенах того времени.

Понятия же эти были таковы, что верховная власть принадлежала не одному лицу, а всему княжескому роду.

На этом основании и в 862 году ильменские славяне пригласили на княжение не одного Рюрика, а весь его род: «придите княжить и владеть нами», и только вследствие совершенно случайных обстоятельств у нас от призвания Рюрика до кончины Ярослава Мудрого князья почти все время правили

единовластно. Этими случайными обстоятельствами были ранняя кончина братьев Рюрика – Синеуса и Трувора, отсутствие у Рюрика других сыновей, кроме Игоря, а у Игоря – других детей, кроме Святослава, затем гибель в юных летах Олега и Ярополка и, наконец, убийство тотчас же после кончины святого Владимира святых Бориса и Глеба и Святослава.

После же кончины Ярослава Мудрого только что указанные случайные обстоятельства, приводившие к единовластию над землею, больше не повторялись. Наоборот, княжеский род стал быстро разрастаться; власть над землею распределялась вследствие этого между все большим и большим числом лиц, и вместе с тем все более и более росли усобицы между ними. Усобицы эти влекли за собою, разумеется, постепенный упадок нашего могущества, которое было затем вконец уничтожено грозным нашествием татар, и только после нескольких столетий тягчайших испытаний постепенно установилось на Руси прочное единовластие, а с ним вместе быстро возросли и прежние мощь и величие нашей

Родины.

Таким образом, желая изучать жизнь русского народа, мы необходимо должны изучать и все изменения, которые происходили в течение веков в порядке властвования над Русской землею.

При этом, конечно, следует одинаково подробно изучать как блестящие и славные времена нашей Родины, так и тяжкие годы невзгод, усобиц и поражений. Это совершенно необходимо, чтобы иметь возможность сознательно и с пользою служить своему Отечеству, так как только основательное знание прошлого своей страны помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего.

Перед тем, чтобы приступить к повествованию о событиях при преемниках Ярослава Мудрого, событиях, которые заключались главным образом в усобицах, необходимо прежде всего заметить, что мы должны очень остерегаться от поспешного осуждения лиц, замешанных в этих усобицах. Надо всегда помнить, что они жили за много веков до настоящего времени и что наши понятия по многим вопросам очень отличаются от тех,

которые считались тогда единственно правильными. В те времена никто, ни среди князей, ни среди народа, не мог постигнуть, чтобы было возможно передавать всю власть над землею только одному лицу в княжеском роде, вовсе лишив власти над нею остальных членов этого рода.

При этом, как мы уже говорили, каких-либо прочно установившихся законов относительно распределения верховной власти между разными членами княжеского рода не было; по существовавшим же общим понятиям о родовых отношениях у славян власть князей наших над землею должна была распределяться так: старшему князю в целом роде принадлежал и старший стол – Киевский; он один, еще со времен Олега, именовался в торжественных случаях великим князем, и ему повиновались все остальные князья, но, однако, отнюдь не как подданные, а только как дети отцу; старший князь, как отец, имел обязанность блюсти выгоды всего своего рода, думать и гадать о Русской земле, о своей чести и чести всех родичей, имел право судить и наказывать младшего, раздавал воло-

сти, выдавал замуж княжеских сирот-дочерей, а младшие князья обязаны были оказывать старшему глубокое уважение и покорность, иметь его себе отцом вправду и ходить в его послушании, являться к нему по первому зову и выступать в поход, когда он велит. Своими же волостями младшие князья правили совершенно самостоятельно.

Князь, следующий по старшинству в роде за старшим, занимал лучший после Киева стол – Чернигов; третий за ним по старшинству получал третий же по значению стол – Переяславский, и так далее. После смерти старшего в роде Киевский стол переходил к старшему после умершего, стало быть, к князю, сидевшему до сих пор в Чернигове, причем в Чернигов, на его место переходил князь, правивший в Переяславле, а за ним и все остальные должны были передвигаться на один стол ближе по старшинству к Киевскому. После смерти князя, перешедшего из Чернигова в Киев, Киевский стол занимался опять старшим в роде, а остальные передвигались опять на один стол ближе к Киеву, до тех пор, пока до них не дойдет очередь сесть

на старшем столе.

Такой очередной порядок передвижения к старшему столу носил наименование «лествичного восхождения».

При этом лествичном восхождении дяди считались старше племянников, хотя бы и родились позже некоторых из последних.

Право на описанное выше передвижение к Киеву с последовательным занятием перед его достижением младших столов имели только те князья, чьи отцы в своем восхождении доходили до Киевского стола. Те же князья, отцы которых умирали, не достигнув Киевского стола, вовсе исключались из очередного порядка и лишались со всем своим потомством как права на Киевский стол, так и на один из ниже его стоящих по значению столов; они должны были всецело зависеть от милости старших князей, которые могли дать им в кормление незначительные волости, но могли и вовсе лишиться части в Русской земле.

Этих обделенных князей обыкновенно называют изгоями.

Конечно, только что приведенный поряд-

док властвования нашими князьями над землею должен был вызывать многочисленные недоразумения и усобицы.

Когда во главе рода стоял отец и занимал старший стол, а на младших сидели его сыновья, то они обыкновенно, в силу большого уважения к родительской власти, были ему покорны, хотя и при этом мы видели возникновение усобиц еще при святом Владимире; на него восстали два родных сына: сперва Святополк, а затем Ярослав.

Когда же после отца на Киевский стол садился старший из оставшихся сыновей, то, разумеется, уважение к власти брата со стороны остальных сыновей должно было сильно уменьшаться, а потому и поводы к усобицам возникать значительно легче. Еще меньше могли иметь уважения к отцовской власти старшего князя его более дальние родственники, особенно когда на старший стол сажались дяди моложе годами своих племянников.

Крупным поводом к возникновению недоразумений была непостоянная величина волостей, или земель, принадлежавших тому

или другому столу, так как по мере увеличения княжеского рода необходимо было и увеличивать число волостей, дробя для этого уже существующие, а произвести такое дробление совершенно равномерно было, конечно, невозможно.

Другим крупным поводом к усобицам было положение, в которое попадали князья-изгои. Каждый из них считал себя глубоко обиженным и если был человеком неробкого нрава, то стремился с оружием в руках добыть себе и своей семье части в Русской земле. Такой князь-изгой всегда легко мог найти сторонников, как вообще на Руси, так в особенности в тех областях, где сидел на княжении его отец и где его самого знали с детства; затем легко было получить и помощь извне: пригласить поляков, венгров или степных кочевников. В те времена, как у нас на Руси, так и во всех других государствах Европы, был в полном ходу обычай приглашать при надобности чужие войска. Вводить их в свою землю не считалось постыдным делом.

Наконец, крупным же поводом к усобицам было то обстоятельство, что каждый из кня-

зей, участвовавший в очередном восхождении, но еще не достигший старшего Киевского стола, должен был опасаться, что дети его превратятся в изгоев, если он умрет раньше, чем сядет в Киеве. Это последнее обстоятельство, разумеется, было одной из главнейших причин ожесточенных усобиц из-за обладания Киевом.

Сказанное достаточно показывает, насколько описанный очередной порядок должен был сам по себе вызывать недоразумения и усобицы. Всегда были князья, которые находили его невыгодным для себя и старались его нарушить: при этом всегда же другая часть князей основывала свои права именно на нем, а потому всеми силами старалась его восстановить.

При таких обстоятельствах достижение общего соглашения мирным путем являлось делом весьма трудным, и в большинстве случаев спорные вопросы решались *полем*, или *Божьим судом*, то есть войною. «Бог промеж нами будет» или «Бог нас рассудит» – такими словами объявляли обыкновенно князья друг другу войну.

Разумеется, эти междоусобные войны сильно разоряли землю, тем более что, по обычаю того времени, войска, придя в неприятельскую волость, грабили и жгли селения, а жителей и скот забирали в неволю; все лучшие люди, как среди князей, так и среди духовенства, всегда были против усобиц и всеми силами старались прекратить их миром, но, к сожалению, удавалось это далеко не часто.

Такие же междоусобия, основанные на владении землею целым родом, происходили в описываемые времена и в других славянских государствах – в Польше и у чехов. Вместе с тем и в остальных государствах Европы в те времена шла всюду нескончаемая борьба по тем или другим причинам из-за верховной власти и всюду сопровождалась разорительною и кровавою бранью. Ввиду этого, приступая к знакомству с начавшимися в XI веке на Руси усобицами, не надо забывать, что они происходили тогда повсеместно во всей Европе, причем наши русские распри сопровождались, в общем, гораздо меньшими жестокостями, чем в других странах. Это объясняется, с одной стороны, большою добросердечно-

стью русского народа, а с другой – большим благородством большинства князей Рюрикова дома.

Мы встретим, конечно, среди многочисленных потомков Ярослава Мудрого людей разных душевных складов; некоторые из них во время наступивших усобиц окажутся их заводчиками; другие проявят неполную твердость в своих словах и поступках; наконец, иные запятнают себя даже злодейством; но все же огромное большинство наших князей оставило по себе навсегда светлую память, как о людях с самыми высокими душевными качествами: мужеством, великодушием, милосердием и истинным благочестием...

После кончины отца своего Ярослава, в 1054 году, сыновья его вступили, согласно его завещанию, во владение Русскою землею.

Изяслав, как старший, получил Киевский стол со всеми принадлежавшими Киеву волостями, а вместе с ним и Новгород, то есть оба русских конца великого водного пути «из варяг в греки»; Святослав – землю Черниговскую, а также Тмутаракань, Рязань, Муром и страну вятичей; Всеволод, кроме Переяслав-

ля, – Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье или берега Волги; Вячеслав – область Смоленскую, а Игорь – город Владимир-Волынский.

Через два года умер Вячеслав, и братья, согласно лествичному восхождению, перевели на открывшийся стол в Смоленске самого младшего – Игоря из Владимира; Игорь тоже вскоре умер, после чего волость его досталась трем старшим братьям.

Таким образом, в руках этих трех Ярославовичей, по смерти Вячеслава и Игоря, сосредоточились все русские земли, кроме земли Полоцкой, отданной в удел потомству старшего сына святого Владимира от Рогнеды, Изяславу; в земле этой в описываемое время княжил внук Изяславов – Всеслав Бречиславович.

Большая тишина и любовь царили между князьями нашими в первые десять лет после кончины Ярослава, так как завет, данный им умирающим отцом, они еще свято хранили.

К этому времени относится создание ими нескольких новых законов, дополнивших Русскую Правду; важнейшим из них была отмена узаконенной до сего времени кровавой

мести.

Тогда же они совершили ряд удачных походов против некоторых пограничных инородцев: *голядов*, живших в углу между реками Протвою и Окою; *сосолов*, обитавших близ *Колывани*, или нынешнего Ревеля, и, наконец, против *торков*, племени, родственного печенегам и обитавшего по соседству с Переяславской волостью; они были разбиты наголову.

Вскоре, однако, различного рода бедствия, как извне, так и внутри страны, разразились над Русскою землею.

Началу этих бедствий предшествовал, по рассказу летописца, ряд чудесных знамений: река Волхов, вероятно вследствие сильного скопления льдов на низовье, шла пять дней подряд вверх; затем в течение недели на западе появлялась большая звезда с лучами кровавого цвета, а солнце в продолжение некоторого времени утратило свой блеск и восходило без лучей наподобие месяца; наконец, киевские рыболовы извлекли из реки неводом младенца, такого отвратительного урода, что он был ими тотчас же обратно брошен в воду.

Вслед за этими знамениями начались и бедствия.

В степях, на смену печенегам, наголову разгромленным Ярославом Мудрым в 1036 году под Киевом, появился новый свирепый и чрезвычайно хищный азиатский кочевой народ половцы.

Половцы частью уничтожили, частью потеснили остатки печенегов и торков и прочно заняли Черноморское побережье вплоть до реки Днестр. Свой первый опустошительный набег на Россию они произвели зимой 1061 года, напав на Переяславскую землю, сильно разграбили ее и, захватив богатый полон, удалились на Дон.

Этим набегом началась наша жестокая борьба с новыми степными хищниками – половцами, продолжавшаяся почти без перерывов в течение двух столетий, вплоть до нашего времени татар.

Через три года после описанного первого половецкого набега, в 1064 году, началась и первая княжеская усобица.

Причинами этой усобицы было недовольство своею участью князя-изгоя Ростислава

Владимировича, сына самого старшего из Ярославовичей, Владимира, славного строителя Новгородского храма Святой Софии, который умер еще при жизни Ярослава и, стало быть, не успел подняться по лествичному восхождению до Киевского стола; вот почему и сын его Ростислав, как изгой, был исключен из общей очереди старшинства и обделен при распределении волостей своими дядями.

Этот князь Ростислав, человек храбрый, предприимчивый и умный, притом такой же добросердечный и великодушный, как его покойный отец, тяготясь своим положением, успел собрать в Новгороде, где он проживал с детства, удалых товарищей и неожиданно напал на Тмутаракань, доставшуюся, как мы видели, Святославу Черниговскому.

Здесь сидел в это время на княжении юный сын Святославов Глеб и мирно занимался измерением по льду ширины пролива из Азовского моря в Черное, когда на него внезапно налетел двоюродный брат Ростислав и изгнал из Тмутаракани.

Конечно, Святослав не замедлил выступить в поход, чтоб вернуть себе Тмутаракань;

Ростислав, уважая дядю, говорит летописец, отдал ему город без сопротивления, но как только Святослав удалился, то опять сел в нем княжить, причем весьма быстро покорил себе касогов и другие соседние кавказские народы, пользуясь тем, что Святослав был в это время занят новой усобицей, поднятой полоцким князем Всеславом. Однако Ростислав был вскоре лишен жизни, и притом самым низким образом. Быстрое покорение им окрестных кавказских народов возбудило против него сильные опасения у греков, владевших городом Корсунью на крымском побережье; чтоб избавиться от Ростислава, они подослали к нему одного своего знатного человека, который успел вкрасься в доверие к русскому князю и однажды, когда Ростислав угощал его, грек, налив чашу вина, провозгласил здорвьѣ хозяина и затем, отпив половину, передал ее Ростиславу, чтобы тот допил ее до дна, причем во время этой передачи выпустил незаметно из-под ногтя сильный яд, от которого доверчивый Ростислав и умер на шестые сутки, оставив трех сыновей-сирот: Рюрика, Володаря и Василька; место же его в Тмутара-

кани опять занял Глеб Святославович.

Так с кончиною Ростислава сама собою окончилась первая усобица между потомками Ярослава; но в это время на Руси шла уже другая усобица, и притом значительно более жестокая, между тремя Ярославовичами с одной стороны и Всеславом князем Полоцким с другой, который считал себя также на положении изгоя, ввиду того, что дед его Изяслав был совершенно выделен из остальной семьи святого Владимира и посажен с матерью в Полоцкой земле, причем, как мы видели, уже у сына этого Изяслава – Бречислава вышла в 1020 году усобица с великим князем Ярославом.

Теперь сын Бречислава Всеслав снова поднял оружие.

Князь этот, немилостивый, по сказанию летописца, на кровопролитие, большой какой-то язвой на голове, которую постоянно скрывал под повязкой и рожденный будто бы от волхвования, оставил по себе память как очародее за необыкновенное искусство чрезвычайно быстро и скрытно совершать свои походы.

В 1065 году, пользуясь, вероятно, тем, что внимание Ярославовичей было отвлечено Ростиславом к Тмутаракани, Всеслав стал неожиданно осаждать Псков. Но Псков ему взять не удалось; тогда он в следующем, 1066 году неожиданно же подступил, по примеру отца своего, к Новгороду, полонил множество жителей с женами и детьми и снял колокола у Святой Софии; «о, велика была беда в тот час, – примечает новгородский летописец, – и паникадила снял».

Возмущенные этим, Ярославовичи собрали войска и, вступив в страшные холода во владения Всеслава, подошли к Минску. Жители Минска, верные своему князю, их к себе не пустили и затворились. Тогда братья взяли город приступом, причем войска их в ярости изрубили множество жителей. Вскоре против Ярославовичей выступил Всеслав, и встреча их произошла на реке Немизе, должно быть, недалеко от Минска. Здесь 3 марта 1067 года, несмотря на сильный снег, произошла злая сеча, в которой пало много народу с обеих сторон, но победа осталась за Ярославовичами, и Всеслав должен был бежать.

Чтоб покончить с ним, Изяслав с братьями прибегнули через несколько месяцев к следующему: они пригласили Всеслава для переговоров, обещав не причинять никакого зла; когда же он прибыл и вошел в шатер Изяслава, то был тотчас же схвачен с двумя своими сыновьями и отвезен в Киев, где их посадили в поруб (тюрьму).

Это вероломство не принесло счастья Ярославичам, а, наоборот, как увидим, было источником многих бедствий.

В следующем, 1068 году половцы в огромном количестве подступили к границам Русской земли.

Изяслав, Святослав и Всеволод вышли им навстречу к берегам реки Альты, но имели слишком недостаточно войска и были наголову разбиты, как об этом и предсказал святой Антоний варягу Шимону перед выступлением князей в поход.

После этого поражения Изяслав и Всеволод с остатками своих воинов вернулись в Киев, а Святослав к себе в Чернигов.

В Киеве известие о погроме на Альте вызвало сильнейшее волнение; всеобщее него-

дование возгорелось против тысяцкого Коснячка, воеводы городских и сельских полков, которому ставились в вину все наши неудачи. Жители шумно требовали, чтоб им еще раздали оружия и коней и повели вновь биться против половцев. Вскоре возбуждение толпы перешло и против великого князя Изяслава; часть народа направилась к его терему, а часть к порубу, где был заключен Всеслав с сыновьями. Нерешительный Изяслав колебался, не знал, что предпринять, и, наконец, видя всеобщее неудовольствие против себя, решил бежать в Польшу; за ним оставил город и Всеволод; в это же время толпа вывела Всеслава из поруба, провозгласила его киевским князем, а затем кинулась грабить двор Изяслава.

Пока Изяслав поспешал в Польшу, к своему двоюродному брату королю Болеславу Второму, сыну дочери Ярослава Мудрого Доброгневы, а Всеслав, неожиданно очутившийся великим князем вопреки всем правилам лестничного восхождения, заводил свои порядки в Киеве, половцы разошлись по пограничным нашим областям и нещадно их пу-

стошили. Когда они стали подходить к Чернигову, то Святослав, не оправившийся еще от поражения на Альте, тем не менее собрал сколько мог войска и вышел им навстречу к реке Снов. Половцев было двенадцать тысяч человек, у Святослава же насчитывалось не более трех тысяч.

Но князь этот вместе с обширнейшей образованностью соединял в себе и истинную воинскую доблесть.

Он не смутился, выстроил полки и, обратившись к ним с теми же словами, с какими некогда его пращур, великий Святослав, обращался к своей дружине: «Потягнем же братие. Уже нам некуда деться», – стремительно ринулся на половцев. Это неожиданное и смелое наступление Святослава увенчалось самой полной победой: множество половцев было убито и потоплено в реке Снов, причем после поражения они оставили нас на некоторое время в покое.

Уже семь месяцев сидел Всеслав в Киеве, когда весной 1069 года появился в русских пределах Изяслав вместе с двоюродным братом Болеславом Вторым. Навстречу Изяславу

и полякам вышел Всеслав вместе с киевскими войсками. Однако, придя в Белгород, Всеслав рассчитал, что лучше всего ему будет уйти вовремя к себе в Полоцк, предоставив киевлян их собственной судьбе, что он и сделал, тайно покинув Белгород ночью.

Так, этому чародею, по словам предания, удалось только дотронуться копьем до золотого стола Киевского и, «обернувшись волком, побежал он ночью из Белгорода, закутанный в серую мглу».

Положение киевлян, оставшихся без князя, было ужасное. Они собрались на вече и решили послать к Святославу и Всеволоду с таким словом: «Мы дурно сделали, изгнав своего князя, и вот он ведет на нас Польскую землю. Придите же в город отца вашего. Если же не хотите, то нам нечего больше делать: зажжем город и уйдем в Греческую землю». Святослав тотчас же ответил им: «Мы пошлем к брату; если пойдет с ляхами губить вас, то мы пойдем против него ратью, не дадим изгубить отцовского города; если же хочет прийти с миром, то пусть приходит с малою дружиною».

Киевляне успокоились, а Святослав и Всеволод послали сказать Изяславу: «Всеслав бежал; так не води ляхов к Киеву... если же не перестанешь гневаться и захочешь погубить город, то знай, что нам жаль отцовского стола».

Изяслав послушался братьев и повел с собой только Болеслава с небольшим отрядом поляков, а вперед послал в Киев сына своего Мстислава. Этот Мстислав был человек жестокий; войдя в город, он приказал избить, а частью ослепить тех, которые освободили Всеслава из поруба (всего около семидесяти человек).

Вслед за тем прибыл в Киев и Изяслав с Болеславом и сел на своем прежнем столе; что же касается пришедших поляков, то их выпустили на покорм по волостям, причем вскоре они подверглись совершенно той же участи, как и их предки, приходившие с Болеславом Храбрым по зову Святополка Окаянного, а именно: поляки всюду стали держать себя крайне вызывающе и нагло, и всюду же жители стали их тайно избивать; видя это, Болеслав с остатками своего воинства поспешил

вернуться в Польшу.

Севши в Киеве, Изяслав тотчас же собрался против Всеслава, двинулся с ратью к Полоцку, изгнал его оттуда и посадил своего старшего сына Мстислава; когда же тот вскоре умер, то следующего – Святополка.

Конечно, Всеслав, изгнанный из своей во-
лости, не думал прекращать борьбы с Изясла-
вом. Он собрал огромные толпы финского
племени водь и подошел с ними к Новгороду.

Новгородцы, хорошо помня его недавний
набег, закончившийся уводом в полон мно-
гих жителей и снятием колоколов и паника-
дил со Святой Софии, мужественно выступи-
ли против него под начальством Глеба Свято-
славовича, пересевшего в Новгород из Тмута-
ракани, и жестокая сеча произошла под са-
мыми стенами города. В сече этой пало мно-
жество води, а сам Всеслав попал в руки за-
щитников города.

Доблестные новгородцы проявили по от-
ношению к Всеславу свое исконное величие
духа.

Видя впервые в своих руках пленником
князя из Рюрикова дома, богатыря по муже-

ству, знаменитого своим умом, но преследуемого судьбой, вследствие несправедливости его дядей, новгородцы забыли ему недавние свои обиды и отпустили его ради Бога, взявши, разумеется, клятву, что он не будет на них больше нападать, и отобравши у него крест князя Владимира Ярославовича, который был захвачен Всеславом во время первого его набега на Новгород.

Получив таким образом свободу, Всеслав продолжал с прежней неутомимостью бороться с Изяславом; несмотря на испытанные поражения, он не переставал пользоваться славою мудрого и храброго князя, и богатыри стекались к нему со всех сторон. Быстро собрав новую дружину, Всеслав двинулся к Полоцку и изгнал из него Святополка; тогда Изяслав выслал против него своего третьего сына Ярополка, которому удалось одержать верх над Всеславом; однако эта победа Ярополка была далеко не полная, и Всеслав удержал свой стол в Полоцке.

Убедившись в крайней трудности вести борьбу с Всеславом, Изяслав решил наконец вступить с ним в переговоры. Но переговоры

эти не были доведены до конца и прервались самым неожиданным образом для великого князя.

Вот что произошло.

После вступления Изяслава в Киев с поляками дружба между тремя братьями Ярославовичами, казалось, была по-прежнему неразрывной, а киевляне, по-видимому, окончательно примирились со своим князем. Особенно ярко сказалась эта дружба братьев и примирение Изяслава с киевлянами 2 мая 1071 года, когда последовало перенесение мощей святых Бориса и Глеба в новую церковь, сооруженную в городе Вышгороде. Оно было совершено с чрезвычайною торжественностью, в присутствии многочисленного духовенства, бояр и народа. Когда открыли деревянную раку, в которой покоились мощи святого Бориса, чтобы переложить их в каменную, то вся церковь наполнилась благоуханием; при этом митрополит Георгий, родом грек, присланный из Царьграда на место почившего митрополита Иллариона и худо веривший до сих пор святости братьев-мучеников, пал объятый ужасом ниц, моля святых

угодников простить ему неверие. Это, разумеется, произвело самое радостное впечатление на князей и на весь народ. Затем была открыта каменная рака князя Глеба, и митрополит благословил рукой святого отрока присутствующих князей. После духовного торжества последовала раздача богатой милостыни всем бедным, а потом большой веселый пир; все разошлись с него, по-видимому, в самых дружеских отношениях.

Однако вскоре, как повествует летописец, «дьявол воздвигнул распрю между братьями». Причины этой распри были следующие: киевляне, конечно, не могли искренно любить Изяслава и забыть те жестокости и казни, которым подверглись некоторые из них по возвращении его в город с поляками. При этом невольно добрые чувства киевлян переносились на Святослава, который первый откликнулся на их просьбу о заступничестве перед Изяславом, после бегства Всеслава из Белгорода, и который сумел при помощи небольшой дружины наголову разбить половцев на реке Снов и на время очистил от них Русь. Затем у Святослава же в Чернигове

постоянно находили приют те киевляне, которые преследовались Изяславом за добрые отношения со Всеславом; в числе их одно время был и святой Антоний, основатель Киево-Печерской обители.

Со своей стороны не мог не видеть и умный Святослав, что киевляне склонны гораздо более к нему, чем к Изяславу; не могла не заботить также Святослава и мысль о том, что он не переживет брата и не достигнет Киевского стола, так как он был только немногим моложе Изяслава и при этом постоянно хворал какими-то опухолями по всему телу, от которых впоследствии и умер; при этом, конечно, Святослав беспокоился главным образом о своих детях, которым грозило выключение из очередного порядка и бедственная участь изгоев в случае смерти отца до достижения им Киевского стола.

Все эти соображения явились настолько сильным искушением для Святослава, что он решился наконец, несмотря на свою глубокую набожность, лишить старшего брата Киевского стола и самому сесть на его место.

Благоприятным предлогом для этого яви-

лись упомянутые выше переговоры о мире со Всеславом Полоцким, которые Изяслав начал один, не сговорившись предварительно с братьями; это, конечно, должно было возбудить их неудовольствие и послужить поводом ко всякого рода подозрениям.

Пользуясь этим, Святослав стал убеждать брата Всеволода, человека обширного образования, но простодушного, что «Изяслав сносится со Всеславом на наше лихо; если не предупредить его, то прогонит он нас». Всеволод поддался на это, и затем оба брата ополчились на старшего.

Тогда Изяслав, не рассчитывая на преданность киевлян, без борьбы уступил братьям город и отправился с сыновьями опять в Польшу. На этот раз он успел взять с собою много своего именья, говоря «с золотом найду войско», позабыв, очевидно, что дед его святой Владимир говорил как раз обратное: «Серебром и золотом не соберу дружины, а дружиною сыщу и серебро, и золото». После его отъезда Святослав сел в Киеве.

Болеслав и поляки с великой охотой приняли богатые дары Изяслава, но на этот раз

помощи ему не оказали никакой и даже попросили оставить пределы Польши, так как Болеслав не желал в это время ссориться со Святославом и Всеволодом и сам ожидал от них помощи против чехов, с которыми вел борьбу.

Тогда несчастный Изяслав отправился просить заступничества к немецкому императору Генриху Четвертому. Этот молодой государь находился сам в чрезвычайно затруднительном положении, так как ему предстояла тяжелая борьба с подвластными ему немецкими князьями и римским папою. Поэтому он с радостью принял множество драгоценных золотых и серебряных сосудов и редчайших мехов от Изяслава, но мог оказать ему свое содействие только на словах, а именно он отправил к Святославу своих послов и просил возвратить Киевский стол старшему брату.

Немецкие послы были приняты весьма ласково Святославом, поражались богатствами, собранными в Киеве, и вернулись к Генриху Четвертому с богатейшими дарами. «Никогда, – писал их летописец, – не видели мы

столько золота и серебра и богатых тканей». На этом и закончилось заступничество Генриха за Изяслава.

Тогда Изяслав решил обратиться к римскому папе Григорию Седьмому, необычайно гордому и властному человеку, стремившемуся к тому, чтобы стать главой всех тогдашних властителей Европы, то есть сделаться, так сказать, царем царей.

Папа Григорий также получил, без сомнения, богатейшие дары от Изяслава; он милостиво обещал ему свое заступничество, ожидая при этом, что вместе с Изяславом и вся Русь переменит православие на латинство; в мае 1075 года Григорий Седьмой отправил два послания: одно к Святославу о том, что он принимает Русскую землю под свое высокое покровительство и утверждает на великом княжении Изяслава, а другое к Болеславу, чтобы тот вернул богатые дары и золото, полученные им и поляками от Изяслава.

Послания эти тоже не имели никаких последствий. В следующем, 1076 году Святослав и Всеволод выслали Болеславу на помощь против чехов вспомогательное войско, под

начальством своих старших сыновей, молодых князей Олега Святославовича и Владимира Всеволодовича Мономаха, прозванного последним именем в честь деда по матери, греческого царя Константина Мономаха. Известие о движении русской вспомогательной рати заставило чехов поспешить просить Болеслава о мире, который они и получили от него за тысячу гривен серебра, после чего Болеслав известил об этом Олега и Владимира, прося их возвратиться назад. Но по понятиям того времени, раз выступив в поход – возвратиться из него ни с чем считалось бесчестьем, а потому наши молодые князья ответили Болеславу, что они не могут без стыда отцам своим и земле возвратиться назад, ничего не сделавши, и двинулись вперед, чтобы «взять свою часть». После четырех месяцев хождения по Чешской земле князь Чешский запросил и их о мире и также заплатил за него тысячу гривен серебра.

Конечно, этот поход Олега и Владимира Мономаха был крайне не по душе Болеславу; между тем в том же 1076 году скончался великий князь Святослав от своей постоянной бо-

лезни – желвей, или опухолей на теле. Тогда Болеслав решил снова помочь Изяславу и дал ему несколько тысяч поляков, чтобы идти на Киев, где после Святослава сел Всеволод.

Всеволод с войском вышел против старшего брата, и они встретились на Волыни, но здесь вместо боя у братьев произошло самое сердечное примирение, после чего поляки были отпущены домой, Изяслав направился к Киеву, а Всеволод должен был сесть в Чернигове.

Это примирение двух оставшихся в живых сыновей Ярослава Мудрого не принесло, однако, мира Русской земле.

Усобицу подняли опять князья-изгой. Мы видели, что младшие сыновья Ярослава, Вячеслав и Игорь, недолго пережили отца и волости, где они сидели, перешли по их смерти трем старшим Ярославовичам. Теперь дети Вячеслава и Игоря, оставшись за смертью отцов изгоями, подросли и сами стали промышлять себе волости.

В то самое время, когда происходило на Волыни трогательное примирение старых князей Изяслава и Всеволода, молодой их пле-

мянник, сын покойного Вячеслава, Борис неожиданно напал с собранной им дружиною на Чернигов и овладел им. Затем, просидевши в нем восемь дней, он бежал в Тмутаракань, к двоюродному брату Роману Святославовичу, так как узнал о состоявшемся примирении Изяслава и Всеволода и, конечно, понял, что оба старых дяди, действуя вместе, не дадут ему удержаться в Чернигове.

Сев вновь после вторичного своего изгнания в Киеве, Изяслав, видимо, не мог забыть обид, нанесенных ему покойным братом Святославом, так как стал переносить свой гнев на его сыновей. Скоро Глеб Святославович был изгнан из Новгорода и погиб затем далеко на севере в стране чуди заволоцкой, а Олег был выведен Изяславом из Владимира-Волынского, где сидел до этого.

Тогда Олег пошел к дяде Всеволоду в Чернигов; он был очень дружен с сыном Всеволода Владимиром Мономахом и был крестным отцом его старших сыновей Мстислава и Изяслава; к тому же и отец его Святослав жил до смерти в полном согласии с Всеволодом; все это давало полное основание Олегу рассчиты-

вать на хороший прием в Чернигове. Однако Всеволод не хотел или не мог дать Олегу, против воли Изяслава, какой-либо волости, и вследствие этого, тяготясь жить в доме дяди без дела и в положении нахлебника, Олег также вскоре отправился к брату Роману в Тмутаракань.

Изгнавши сыновей Святослава, Изяслав распорядился освободившимися волостями так: своего старшего сына Святополка он посадил в Новгороде, следующего за ним сына – Ярополка в Вышгороде, а племянника – Владимира Мономаха в Смоленске.

Князья-изгои, собравшись в Тмутаракани, не хотели сидеть спокойно; они деятельно готовились вступить в борьбу с дядями, и в 1078 году Олег Святославович и Борис Вячеславович, ведя с собой большие толпы половцев, направились к Чернигову, против Всеволода. Всеволод вышел им навстречу, сразился и был побежден, причем половцы перебили в этой сече много знатных русских людей. Затем Олег и Борис вошли в Чернигов, а Всеволод отправился в Киев, жаловаться Изяславу на свою беду.

«Брат, – отвечал ему Изяслав, тронутый его горем, – не тужи, вспомни, что со мной самим случилось! Во-первых, разве не изгнали меня и именья моего не разграбили? Потом, в чем я провинился, а был же изгнан вами, братьями своими? Не скитался ли я по чужим землям, ограбленный, а зла за собой не знал никакого. И теперь, брат, не станем тужить; будет ли нам часть в Русской земле, то обоим, лишимся ли ее, то оба же вместе; я сложу свою голову за тебя». После этих слов Изяслав стал спешно собирать большую рать от мала до велика и выступил к Чернигову с сыном своим Ярополком из Вышгорода. К ним присоединился и Всеволод, к которому спешно пришел на помощь Владимир Мономах из Смоленска.

Когда Изяслав и Всеволод с сыновьями подошли к Чернигову, то Олега и Бориса в городе не было; они пошли собирать войско против дядей; однако черниговцы не пустили к себе Изяслава и Всеволода и затворились за городскими стенами, коих было две: наружная и внутренняя.

Скоро Владимир Мономах отбил восточ-

ные ворота и, пожегши дома, стоявшие между обеими стенами, стал готовиться к приступу внутреннего города, где укрылись жители. Но в это время пришла весть, что Олег и Борис приближаются с собранной ратью. Изяслав, Всеволод, Владимир и Ярополк рано утром сняли осаду Чернигова и двинулись навстречу племянникам. Те стали советоваться, что им делать. Олег был человеком смелым и воинственным, но при этом разумным; он говорил Борису: «Нельзя нам стать против четырех князей; пошлем лучше к дядям с просьбой о мире». Но на это пылкий Борис отвечал ему пренебрежительно: «Если ты хочешь, то стой и смотри только; я один пойду на них на всех». После этого полки их пошли вперед, и 3 октября 1078 года они встретились с дядями на Нежатиной Ниве.

Сеча была очень злая. Неблагоразумный Борис был убит в самом ее начале, а затем пал и старый Изяслав; он стоял среди своих пеших полков, как вдруг один из неприятельских воинов наехал на него и нанес смертельный удар копьем в плечо. Несмотря на убийство двух князей с обеих сторон, битва продол-

жалась еще долго; наконец, Олег побежал и едва мог уйти в Тмутаракань.

Когда тело князя Изяслава прибыло в Киев, то ему навстречу вышел весь город и провожал с великим плачем, искренно сожалея покойного. Так окончил свой земной путь, полный превратностей, старший сын Ярослава Мудрого, исполнив в конце дней своих отцовский завет – помогать обиженному брату, и сложил при этом свою голову. Эта прекрасная смерть расположила к его памяти все сердца, тем более что Изяслав обладал многими хорошими душевными свойствами: был очень набожен и добросердечен, и только недостаток твердой воли был главной причиной его жизненных ошибок.

После Изяслава, по правилам лествичного восхождения, на великое княжение сел Всеволод.

Сохранилось предание, что Ярослав перед кончиною дал Всеволоду, бывшему его любимым сыном, особое благословение: «Благо тебе, сын мой, – говорил он ему, – что покоишь мою старость, и радуюсь о кротости твоей. Бог даст, займешь ты после своих братьев Киев-

ский великокняжеский стол – правдою, а не насилием. Когда умрешь, пускай кости твои лягут рядом с моими, в Киеве, у Святой Софии, потому что я люблю тебя пуще братии твоей». Благословение это оказалось пророческим; Всеволод действительно занял Киевский стол правдою, после братьев своих.

Но великое княжение его было одним из самых беспокойных, так как все время не прекращались жестокие усобицы.

Как мы видели, все усобицы при Изяславе происходили из-за того, что осиротелые племянники не получали волостей и обращались в изгоев, причем Изяслав, после вторичного своего возвращения в Киев, превратил в таких же изгоев и сыновей Святослава, отняв у них волости, которыми они владели при своем отце. Конечно, это было сделано Изяславом под влиянием гнева на Святослава за вторичное свое изгнание из Киева, причем, разумеется, Изяслав имел полное основание считать достижение Святославом Киевского стола незаконным, а потому и детей его лишенными права на дальнейшее участие в очередном порядке владения Русской землею.

Но несомненно также, что Всеволод, который сам помогал Святославу изгнать Изяслава и сесть на Киевский стол и который до самой смерти Святослава считал его законным великим князем, уже не мог после этого, севши на старший стол, выключить его детей из очередного порядка наследования.

Однако, несмотря на это, Всеволод, враждуя с молодыми Святославовичами за недавнее изгнание из Чернигова, занявши Киевский стол, также не хотел давать им части в Русской земле и тем, конечно, создал, как для себя, так и для потомства своего, новую большую усобицу.

Севши на великое княжение, Всеволод взял себе все принадлежащие к Киевскому столу волости; сына Владимира Мономаха посадил в Чернигове, Ярополка Изяславовича – во Владимире-Волынском, придав ему и Туров, а Святополка Изяславовича – в Новгороде.

Обиженные племянники, все люди предприимчивые и воинственные, недолго оставили в покое своего дядю.

Первый ополчился на Всеволода сидевший

до сих пор смирно в Тмутаракани Роман Святославович Красный, прозванный так за свою большую красоту. Он нанял половцев и в 1079 году вошел с ними в Русскую землю. Всеволод вышел ему навстречу, встал у Переяславля и успел заключить с половцами мир, склонив их на свою сторону, разумеется золотом; заключив мир, половцы отступили, а когда Роман затеял с ними по этому поводу ссору, то он был ими убит. Затем, вернувшись в Тмутаракань, половцы захватили Олега Святославовича и отправили его в Грецию, где он был заточен на острове Родос; вероятно, греческий император сделал это в угоду Всеволоду, женатому на греческой царевне. На место убитого Романа и заточенного Олега великим князем был отправлен в Тмутаракань посадник – боярин Ратибор.

Но Тмутаракань недолго оставалась без князей. На следующий год в нее явились и изгнали Ратибора Давид, сын покойного князя Игоря Ярославовича, и Володарь, один из трех сыновей князя Ростислава Владимировича, отравленного в Тмутаракани корсунским греком в 1066 году.

Однако и этим двум князьям удалось недолго посидеть в Тмутаракани. После двух лет заточения на острове Родос, в 1080 году, Олегу посчастливилось бежать; он подступил к Тмутаракани и при помощи приведенных с собой людей овладел ею; затем, казнив всех, кого мог захватить из лиц, причастных к убийству брата Романа, предложил Давиду и Володарю выйти из Тмутаракани. Они должны были думать опять, как бы достать себе волостей.

Одновременно с описываемыми происшествиями в Тмутаракани не давал покою Всеволоду и неугомонный Всеслав Полоцкий. Он неожиданно появился под Смоленском и стал выжигать все вокруг крепости и города. Сидевший в Чернигове Владимир Мономах спешно двинулся против него с конным отрядом, причем для большей быстроты движения каждый всадник имел в поводу вторую лошадь для перемены. Проскакав таким образом одвуконь в кратчайший срок 400 верст, которые отделяют Чернигов от Смоленска, Мономаху все же не удалось захватить Всеслава; этот чародей успел уже скрыться.

Тогда Мономах пошел по его следам в Полоцкую волость и повоевал ее. Вскоре затем он еще раз ходил в земли Всеслава; овладел нечаянно Минском и захватил всех жителей и скот.

Князья-изгои продолжали между тем искать себе волостей. После своей высылки из Тмутаракани Олегом Святославовичем Володарь отправился в Русскую землю и поселился во Владимире-Волынском у Ярополка Изяславовича, в доме которого, по-видимому, воспитывались и его братья – Рюрик и Василько. Вскоре после этого молодые Ростиславовичи, пользуясь отсутствием дяди Ярополка, бежали от него, а затем, собрав дружину, вернулись во Владимир и силой овладели городом. Тогда Всеволод, оскорбленный этим захватом, двинул против Ростиславовичей сына своего Мономаха, который быстро изгнал их и опять посадил во Владимире Ярополка. Однако Всеволод вскоре примирился с Ростиславовичами и дал им Червенские города.

Другой изгой, высланный Олегом Святославовичем из Тмутаракани, Давид Игоревич, двинулся с собранной дружиною к низовьям

Днепра и, занявши Олешье, стал отнимать у греческих купцов, ходивших по великому водному пути, все товары; так как от греческой торговли во многом зависело богатство и значение Киева, то Всеволод, чтобы прекратить эту остановку торговли, вынужден был также примириться с Давидом, причем дал ему в волость Дорогобуж на Волыни.

Но Дорогобуж до этого входил в состав владений Ярополка Изяславовича; поэтому, в отдаче его Давиду Игоревичу, Ярополк, по наущению злых советников, как говорит летопись, увидел себе обиду и стал собирать против дяди Всеволода войско.

Проведав про это, Всеволод сейчас же послал против восставшего племянника своего неутомимого сына Владимира Мономаха, и Ярополк поспешил бежать в Польшу. Занявши Луцк, Мономах захватил здесь мать, жену, дружину и все именье Ярополка; во Владимире же Волынском посадил Давида Игоревича. Тогда Ярополк стал искать со Всеволодом мира, который вскоре и состоялся, конечно, в силу прежних долголетних дружеских отношений.

Вернувшись во Владимир, Ярополк прожил, однако, недолго; во время поездки своей в городок Звенигород он был убит каким-то человеком по имени Нерадец, который затем скрылся и нашел приют у одного из Ростиславовичей – Рюрика, сидевшего в Перемышле. По чьему наущению был убит Ярополк, осталось невыясненным, но подозрение падало на Рюрика Ростиславовича, хотя это могло быть и делом рук Давида Игоревича, человека, как мы увидим впоследствии, с весьма темной душой, которому, конечно, было невыгодно возвращение Ярополка во Владимир, где Давида посадил Мономах во время бегства Ярополка в Польшу.

Пользуясь усобицами русских князей, половцы беззастенчиво грабили наши пограничные области, и по обоим берегам Днепра постоянно дымились села, обрацаемые ими в пепел. Видя это, младший из Ростиславовичей, Василько, наследовавший после смерти брата Рюрика Перемышль, уговорил в 1092 году половцев оставить на время нашу землю и пойти воевать Польшу, где в это время так же, как и у нас, шла жестокая внутренняя

смута.

Таким образом, благодаря раздаче волостей племянникам и отвлечению Васильком внимания половцев на Польшу, последние годы княжения Всеволода могли пройти в тишине. Однако начались бедствия другого рода: страшный неурожай постиг Киевскую область в 1092 году; сделался голод, и открылся мор; в одном Киеве гробовщики продали более семи тысяч гробов за время с 14 ноября по 1 февраля. Затем случилась незапамятная засуха; повсюду горели леса и торфяные болота, отчего воздух был постоянно застлан дымом; после этого было солнечное затмение, и, наконец, произошло землетрясение. Все это действовало на воображение народа, и всюду ходили самые нелепые слухи: в Полоцке и Друцке рассказывали, что злые духи днем и ночью скакали на конях, невидимо уязвляя граждан, отчего умирало множество народа; в Киеве же всеми считался достоверным рассказ о том, что когда великий князь выехал на охоту, то около него с небес упал огромный огненный змий.

Занимая Киевский стол и будучи постоян-

но тревожим беспокойными племянниками, Всеволод всегда с удовольствием вспоминал время княжения своего в Переяславле. Переяславская земля лежала ближе всего к Киеву, а потому киевские князья по возможности сажали сюда своих любимых сыновей, чтобы иметь случай почаще их видеть; святой Владимир посадил сюда Бориса, Ярослав – Всеволода и, наконец, сам Всеволод – своего младшего сына от второй жены, княгини Анны, юного Ростислава.

Однако князьям, сидевшим в Переяславле, лежавшем на самой границе южных степей, приходилось быть всегда, так сказать, в сторожах Русской земли от внезапного нападения степных хищников; самому Всеволоду, во время сидения здесь, пришлось иметь немало дел с остатками печенегов и торками, а впоследствии и со свирепыми половцами; при этом для окончательного подчинения Руси торков и печенегов Всеволод не только прибегал к оружию, но придумал еще и очень удачный мирный способ обращать их в союзников, с тем чтобы они сдерживали хотя бы первый напор половцев; для этого он поселял

большие количества торков и печенегов в своих собственных владениях, где они в короткое время наполо вину обрусели. Скоро вблизи самого Киева завелись станицы, где жило особое сбродное население: ковуи, турпеи, берендеи; всех их вместе звали также черными клобуками, или *черкасами*. С половцами Всеволоду пришлось познакомиться в самом начале их появления в русских пределах; с тех пор он много воевал с ними, но много же раз и водил дружбу с их ханами во время перемирий.

Под конец своей жизни старый великий князь стал часто хворать, а 13 апреля 1093 года присланный нарочный из Киева привез Владимиру Мономаху в Чернигов тревожную весть, что отец его очень болен. Владимир прискакал наспех и застал Всеволода уже умирающим; тут же был и младший его брат Ростислав, мачеха, княгиня Анна, пользовавшаяся со стороны Мономаха величайшим уважением, и, разумеется также, и инокини сестры: Янка, или Анна, Евпраксия и Екатерина.

Всеволод скончался шестидесяти четырех

лет от роду и был похоронен в Киеве, рядом с отцом, согласно пророческому благословению Ярослава, в соборе Святой Софии. По отзыву летописца, он смолоду отличался набожностью, воздержанием, милостью к нищим и особенно любовью к монахам; был широко образован и говорил на пяти языках, вероятно по-гречески, по-латыни, по-шведски, по-венгерски и по-половецки.

Во время княжения Всеволода произошло, 9 мая 1087 года, важное событие в жизни всех христианских народов: мощи святого угодника и Чудотворца Николая были перенесены из места их первоначального упокоения – города Мира Ликийского в Малой Азии – в город Барьград в Италии, где они почивают и поныне. Затем, при Всеволоде же, 14 августа 1091 года, было открытие и перенесение в Великую церковь Киево-Печерской лавры мощей преподобного Фео досья.

Во времена княжения Всеволода, с 1077 по 1089 год, митрополитом Киевским был поставлен Иоанн, родом, вероятно, болгарин, причисленный к лику святых. «Никогда, – говорит летописец, – еще не было на Руси и не

будет подобного ему». Отличаясь замечательной кротостью, Иоанн в то же время выступал смелым обличителем грехов тогдашней Руси; он доказывал, какой страшный грех торговать купцам в Половецкой земле крещеными рабами; не одобрял, что князья наши выдают своих дочерей замуж за государей латинской веры, и был очень строг к проступкам священников и монахов.

Сохранилось весьма любопытное письмо его к папе Клименту, который делал попытки, чтобы наша церковь вошла в состав латинской. Письмо это отличается необыкновенною силой доказательств превосходства православия над католичеством, но вместе с тем оно замечательно почтительно и сердечно по отношению к папе. «Я самый меньший, – писал ему Иоанн, – приветствую и мысленно лобзаю священную главу твою. Будь счастлив. Да покрывает тебя Божественная, Всевышняя рука! Да даст благий и милосердный Бог тебе и твоим детям увидеть улучшение дел между вами и нами. Недоумеваю и не понимаю, как жестокий демон, злобный враг истины и благочестия, наделал все

это, разрушил братскую любовь нашу и союз, соединяющий христиан. Не скажу, что все погублено. Мы знаем, что вы изначально христиане по благодати Божией, и во многом мы одобряем Вас...»

Из церковных правил Иоанна замечательно его отношение к волхвам, или колдунам, которых оставалось еще много на Руси со времен язычества: «Тех, которые совершают волхвования и чары, мужчина ли то, или женщина, должно вразумить словом наставления и отвращать от зла; если же не отвратятся, подвергать строгому наказанию, но не лишать жизни и не уродовать...» На Западе же в это время латинские монахи целыми тысячами сжигали колдунов и колдуний на кострах.

Почти в одно время со святым Иоанном жили и святые Исаия и Авраамий, продолжавшие славное дело святого Леонтия, по принятии им мученического венца, просвещать язычников-мерян в Ростовской и Суздальской земле. Мощи обоих святителей доныне открыто почивают в Ростове в Успенском соборе и Богоявленском монастыре.

Неутомимым и могущественным их пособником в деле просвещения язычников-мерян был Владимир Мономах, который, между прочим, построил в Ростове на свой счет церковь и прислал для нее одну из чудесных икон преподобного Алипия Печерского, первого русского иконописца, сохранившуюся до настоящего времени.

Глава 2

Владимир Мономах. Его «Поучение». Великий князь Святополк Изяславович. Сражение у Треполя. Олег Святославович и половцы. Мстислав Владимирович и его великодушный поход против крестного отца. Любечский съезд. Ослепление Василька. Витичевский съезд. Начало своеволия новгородцев. Долобский съезд и походы против половцев. Мономах на Киевском столе. Святой Антоний Римлянин. Последние годы Мономаха

Со смертью Всеволода в 1093 году окончилось поколение сыновей Ярослава; на смену их выступили теперь его внуки. Самым известным и любимым из них, как в Киеве, так и вообще на Руси, был Владимир Мономах.

Он мог бы легко после похорон отца занять Киевский стол, но он этого не сделал. «Если сяду на столе отца моего, то будет у меня война со Святополком, потому что этот стол был прежде отца его», – размышлял, по рассказу летописца, Мономах после погребения Всеволода и, размыслив, послал просить на великое княжение Святополка Изяславовича, перешедшего к этому времени из Новгорода в

Туров, а сам отправился в свой Чернигов.

Несмотря, однако, на отказ от Киевского стола, Мономах делается после смерти отца благодаря свойствам своей светлой личности, так сказать, душой всей Русской земли.

Вот некоторые черты из жизни этого замечательного князя.

Владимир Мономах родился в 1053 году, за год до смерти Ярослава Мудрого, который, конечно, неоднократно брал в свои старческие руки малютку-первенца своего любимого сына Всеволода и призывал на него благословение Божие.

Проведя детство свое в Переяславской земле, где сидел Всеволод, Владимир должен был уже с ранних лет познакомиться с суровым воинским делом и грозным врагом Русской земли – половцами.

В это же время, конечно, по господствовавшему в те времена у князей обычаю, стал выработываться из него искусный и бесстрашный ловец зверей.

Вместе с тем он, несомненно, тогда же стал получать разностороннее образование под руководством своего высокопросвещенного

отца.

Войдя в юношеские годы, Владимир женился на Гиде, дочери английского короля Гарольда[2], и с тех пор до конца дней своих не переставал служить примером образцового мужа и отца.

Начав, как мы видели, в самые молодые годы непрерывно ходить, по поручению Всеволода, во главе войска, при многочисленных походах того времени, Мономах стал тотчас же проявлять замечательные военные дарования: мужество, решимость, сметливость и чрезвычайную быстроту при передвижениях. За все свои походы он был побежден только один раз при Треполе, и то только потому, как мы увидим это ниже, что не он был во главе войска и бой был дан против его желания.

Будучи грозным и суровым воином на поле брани, Мономах отличался вместе с тем необыкновенной добротой, и с ранней молодости сердце его было доступно всем нуждающимся. Никогда не прятал он сокровищ, никогда не считал денег, но раздавал их обеими руками, а между тем казна его была всегда

полна, потому что при своей щедрости он был и образцом доброго хозяина и находил время самому присмотреть за всем в доме.

Он всегда прощал обиды, нанесенные лично ему, но никому не позволял обижать бедняка или вдову и сам творил суд в своей земле.

Набожность его была изумительна; при этом он обладал особым благодатным даром: когда бывал в церкви и молился, то всегда слезы обильно текли из его глаз.

Благоговейно любя своим горячим сердцем Русскую землю и ясно понимая, что княжеские усобицы губят ее, Владимир Мономах тем не менее сознавал полную невозможность при существовавших условиях и понятиях того времени изменить порядок владения землею целым родом и передать власть над ней одному лицу. Но он делал все, что от него зависело, чтобы жить в мире и любви с остальными князьями, всегда свято держал свое слово, когда уговаривался с ними о чем-нибудь, и всегда жертвовал своими выгодами, когда это было нужно для поддержания мира. Другой постоянной заботой Мономаха

была война с половцами, и всю свою жизнь он был их самым жестоким и беспощадным врагом, хотя, по обстоятельствам времени, иногда ему приходилось заключать с ними и перемирия.

Владимир был красен лицом, невелик ростом, но крепок и силен; имел большие глаза, рыжеватые и кудрявые волосы, широкую бороду и высокий лоб.

К большому для нас счастью, сохранилось замечательное «Поучение», написанное им своим детям.

Как он сам рассказывает, путешествуя однажды в далекую Ростовскую область, после того как им была только что улажена одна княжеская усобица, он был встречен в пути послами от двоюродных своих братьев, которые звали его против других князей. Владимир отверг это предложение, но весть о предстоящих на Руси новых раздорах наполнила его сердце глубокой печалью.

Прибегнув, как обыкновенно в таких случаях, к Священному Писанию, чтобы найти в нем утешение, он развернул Псалтырь и попал на следующее место: «Зачем печалуешься

душа. Зачем смущаешься. Уповай на Бога, которого исповедуешь». Утешенный чтением этого псалма, Мономах тут же решил написать поучение своим детям о том, как должны жить русские князья. Вот некоторые отрывки из этого «Почучения», которое было в старину любимым чтением каждого русского человека:

«Диавол, враг наш, побеждается тремя добрыми делами: покаянием, слезами и милостынею. Ради Бога дети мои не забывайте этих трех дел; ведь они не тяжки: это не то, что отшельничество, или иночество, или голод... Послушайте же меня и если не все примете, то хоть половину. Просите Бога о прощении грехов со слезами и не только в церкви делайте это, но и ложась в постель. Не забывайте ни одну ночь класть земные поклоны, если вы здоровы; если же занеможете, то хоть трижды поклонитесь... Хвалите Господа за все созданное Им; пусть Бог смягчит сердце ваше и проливайте слезы о грехах своих, говоря: «Как разбойника и блудницу помиловал Ты, Господи, так и нас грешных помилуй!.. Когда едете на коне, вместо того, чтобы думать

бесмыслицу, повторяйте про себя «Господи помилуй». Эта молитва лучше всех...

Главное же не забывайте убогих, и по силе, как можете, кормите их; сироту и вдову сами на суде по правде судите и не давайте их в обиду сильным...

В разговоре не клянитесь ни Богом, ни крестом. В этом нет никакой нужды. Но когда вам придется целовать крест, давая клятву, то сначала подумайте хорошенько, можете ли вы ее сдержать, а поклявшись, крепко держитесь клятвы, чтобы, нарушив ее, не погубить своей души.

Епископов, попов, игуменов почитайте; принимайте от них благословение, любите их по мере сил, заботьтесь – пусть молятся за нас Богу.

Пуще всего не имейте гордости ни в сердце вашем, ни в уме; ибо все смертны – сегодня живы, а завтра в гробу. Все, что дал нам Бог, не наше, а только поручено на короткое время. В землю сокровищ не зарывайте – это великий грех.

Старика почитайте как отца, а молодых как братьев. В доме своем не ленитесь, а за

всем присматривайте сами; не полагайтесь на управителя вашего и слугу, чтобы приходящие к вам не посмеялись над домом вашим и над обедом.

Вышедши на войну, не ленитесь, не надейтесь на воевод; не предавайтесь много питью, ни еде, ни спанью; сторожевую охрану наряжайте сами; когда же всем распорядитесь, ложитесь спать среди воинов, но вставайте рано, и оружия с себя не снимайте – не удостоверившись, есть ли опасность или нет; от беспечности человек может внезапно погибнуть. Когда проезжаете по своим землям, не давайте слугам бесчинствовать и причинять вред ни своим, ни чужим, ни в селах, ни на нивах, чтобы не проклинали вас...

Когда приедете, где остановитесь, напоите, накормите бедного. Более всего чтите гостя, откуда бы он ни пришел, простой ли человек, или знатный, или посол. Если не можете почтить подарком, то угостите кушаньем и питьем... Больного посетите; покойника проводите и не оставляйте никого без привета, скажите всякому доброе слово.

Жен своих любите, но власти им над собой

не давайте. Что знаете полезного, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Сидя дома, мой отец знал пять языков. Творите добро, не ленитесь ни на что хорошее, прежде же всего по отношению к церкви. Да не застанет вас взошедшее солнце еще в постели; так делал мой блаженный отец и все лучшие люди. Сотворив утреннюю молитву и воздав Богу хвалу, следует с дружиною думать о делах, или творить суд людям, или же ехать на охоту, а затем лечь спать. В полдень самим Богом присуждено спать и человеку, и зверю, и птице»...

Перечислив в «Поучении» подробно все свои походы, Владимир Мономах добавляет:

«Выехав утром из Чернигова к отцу, я приехал к вечерни в Киев (166 верст).

Всех походов моих было 83 больших, а меньших и не упомню.

Девятнадцать раз заключал я мир с половцами при отце и после его смерти. Более ста вождей их выпустил из оков (плена), а избито этих вождей в разное время около двух сот. А вот как я трудился на охоте и ловах: коней диких по 10, по 20 вязал я своими руками; два

тура (зубры) метали меня на рогах с конем вместе; олень меня бодал; два лося – один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь оторвал у меня меч с бедра; медведь у колена прокусил подвьючный войлок; лютый зверь (вероятно, барс) вскочил ко мне на бедра и повалил коня со мною; а Бог сохранил меня целым и невредимым. Много раз падал я с коня, голову разбивал я два раза, и руки и ноги вредил себе в юности моей, жизни своей не жалел, головы не щадил. Что можно было поручить слуге, то сам я делал – на войне и на ловах, ночью и днем, в летний зной и в зимнюю стужу. Не давал я себе покою, не полагаясь ни на посадников, ни на управителей, сам все делал, что надо; сам смотрел за порядком в доме; охотничье дело сам правил, о конюшнях, о соколах и ястребах сам заботился... За церковным порядком и службой сам присматривал...

Не осудите меня, дети мои, или иной, кто прочтет эти слова. Не себя я хвалю, а хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что Он меня, грешного и худого, сохранял от смерти столько лет и сотворил не ленивым и способ-

ным на все человеческие дела.

Прочитав эту грамотку, постарайтесь творить всякие добрые дела. Смерти, дети мои, не бойтесь ни от войны, ни от зверя, но творите свое дело, как даст вам Бог. Не будет вам, как и мне, вреда ни от войны, ни от зверя, ни от воды, ни от коня, если не будет на то воли Божьей, а если от Бога придет смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут спасти. Божья охрана лучше человеческой»...

Таким был Владимир Мономах, уступивший в 1093 году Киевский стол Святополку Изяславовичу, чтобы не нарушать очередного порядка, хотя и знал, что киевляне и много лучших людей на Руси были бы за него.

Чтобы понять величину жертвы, принесенной Мономахом во имя мира в Русской земле, надо не забывать, что оба они со Святополком были однолетками (имея по сорок лет), а потому, конечно, Мономах имел весьма мало данных рассчитывать занять после него Киевский стол, тем более что у Святополка были еще другие братья. Стало быть, отказавшись от Киева, при тех крайне благоприятных обстоятельствах, при которых нахо-

дился Владимир после смерти отца, он этим отказом сознательно обрек и своих детей на незавидную участь изгоев только из чувства долга перед Родиной – не заводить усобицу из-за личных выгод.

Полную противоположность Мономаху представлял Святополк. Это был человек храбрый, но чрезвычайно легкомысленный, притом заносчивый, нетвердой воли, подозрительный и крайне корыстный.

Начало его великого княжения не замедлило ознаменоваться большими несчастиями.

Узнав о кончине Всеволода, половцы послали к новому киевскому князю послов с предложением остаться с ним в дружеских отношениях; нет сомнения, что они рассчитывали быть при сем случае богато одаренными. Легкомысленный Святополк, не посоветовавшись с боярами отца и дяди, приказал посадить половецких послов в тюрьму. Конечно, половцы пришли в ярость и сейчас же толпы их двинулись жечь и грабить пограничные области Киевской земли и осадили город Торческ, населенный торками. Тогда

сам Святополк стал просить их о мире, но теперь они его отвергли. Оскорбившись в свою очередь этим отказом, Святополк собрал 800 человек и хотел идти с ними против половцев; благоразумные бояре еле-еле успели удержать его от этого похода с такими ничтожными силами, говоря: «Хотя бы ты пристроил и восемь тысяч, так и то было бы только в пору; наша земля оскудела от рати и от продаж; пошли-ка лучше к брату своему Владимиру, чтобы помог тебе»...

Владимир, конечно, немедленно откликнулся на зов Святополка и послал сказать брату своему Ростиславу в Переяславль, чтобы тот тоже собрал свое войско. Приехавши затем сам в Киев, Мономах свиделся с Святополком в Михайловском монастыре, где у них состоялось совещание о том, что делать дальше.

Отлично зная половцев, Мономах видел, что успеха над ними в это время ожидать было нельзя, а потому, несмотря на свое испытанное мужество и глубокую вражду к ним, он настоятельно требовал, чтобы были употреблены все попытки заключить с ними

мир. Но Святополк и слышать не хотел о мире и во что бы то ни стало рвался в бой. Это привело к жестокой расправе между князьями, причем, чтобы прекратить ее, Владимир наконец уступил, и войска обоих князей, к которым присоединился затем и Ростислав, пошли к Треполю.

Не переходя реки Стугны, в это время сильно вздувшейся от дождей, был опять собран совет. Владимир стал снова говорить: «Враг грозен; остановимся здесь и будем с ним мириться». К совету его пристали и все смышленные мужи. Но киевляне, пришедшие со Святополком, поддерживали своего князя, говоря: «Хотим биться; пойдём на ту сторону реки». Они осилили, и рать переправилась через Стугну.

Святополк вел правое крыло, Владимир – левое, а Ростислав шел посередине. Встреча с врагом произошла, пройдя Треполь, причем наши, пустив вперед стрельцов, стали между двумя валами. Половцы обрушились прежде всего на Святополка. Он дрался с большим мужеством, но когда побежали его люди, он должен был также покинуть поле сражения.

Потом половцы стали наступать на Владимира; сеча была лютая; наконец, войска Владимира и Ростислава были также смяты; все в беспорядке бросились к Стугне. Здесь при переправе потонуло множество народа; потонул и юный Ростислав. Владимир, видя утопающего брата, бесстрашно кинулся за ним в воду, желая его подхватить, и едва не утонул сам.

Затем, потеряв большую часть своей дружины и всех своих бояр, печальный Владимир с телом нежно любимого брата возвратился в Чернигов. Он до конца своих дней не мог вспоминать без сильнейшего волнения об этом злосчастном дне, когда единственный раз в жизни потерпел поражение и потерял брата.

Святополк с поля битвы бежал сперва в Треполь, а потом в Киев. Половцы пошли воевать по всей земле и продолжали осаждать Торческ. Торки сопротивлялись очень мужественно; наконец, изнемогая от голода, послали сказать Святополку: «Если не пришлешь хлеба, то сдадимся». Великий князь выслал им обоз с хлебом, но обоз этот не мог пройти

скрытно от половцев в город. Десять недель стояли половцы под Торческом и затем разделились: часть их осталась продолжать осаду, а другие пошли к Киеву. Святополк вышел им навстречу и опять был наголову разбит при урочище Желвани, причем у него погибло народу еще больше, чем под Треполем, и он сам вернулся в Киев, где заперся. Торческ же после этого поражения, несмотря на мужественное сопротивление, должен был сдаться от голода.

Опустошение, производимое всюду половцами, было ужасное. Они жгли села и гумна; в пламени погибло множество церквей; жителей убивали, а оставшихся в живых уводили в плен; города и села пустели; пустели и поля, никем не обрабатываемые. Печальные, измученные голодом и жаждою, с осунувшимися лицами, почерневшим телом, нагие, босые, исколотые терновником, шли русские пленники в степи, со слезами рассказывая друг другу, откуда кто родом и какого города или из какой веси. Кроме этого несчастья и другое бедствие посетило в тот злосчастный год нашу землю; появилась в огромном коли-

честве саранча, до сих пор у нас еще невиданная, и то, что не было разорено половцами, было уничтожено ею.

При этих печальных обстоятельствах неразумный Святополк должен был, наконец, смириться и просить у половцев мира, конечно за огромные деньги. Мало того, чтобы получить его, ему пришлось жениться на дочери главного половецкого хана – Тугоркана. Без сомнения, высокомерному Святополку должно было казаться крайне унижительным это необычное родство, хотя половецанки, или «красные девки половецкие», как их называли, и отличались большой красотой.

Однако и брак Святополка с Тугоркановной не избавил Русской земли от половцев. В том же, 1094 году они явились опять в наших пределах. На этот раз их привел Олег Святославович.

Этот князь-изгой после поражения на Нежатиной Ниве, в 1078 году, где пали князья Изяслав Ярославович и Борис Вячеславович, бежал, как мы помним, в Тмутаракань, уже отделенную в те времена от остальной Русской земли осевшими в степях половецкими

ордами. Сидя в течение шестнадцати лет в Тмутаракани, Олег не забыл своих обид, зорко следил за всем, что делается в Русской земле, и, узнав о страшном поражении, нанесенном половцами Руси, вследствие пагубной самонадеянности Святополка, решил воспользоваться обстоятельствами и вернуть себе и семье своей отцовские волости. Для этого нужно было поднять руку на своего старого друга и двоюродного брата Владимира Мономаха, сидевшего теперь на столе отца Олегова в Чернигове, друга, с которым он был связан с раннего детства и у которого когда-то крестил двух старших сыновей. Но Олег слишком много вытерпел после смерти отца и, разумеется, находил достаточно оснований, чтобы искать себе и своему роду части в Русской земле.

И вот, видя наступление благоприятного для своих целей времени, он собрал большие толпы половцев, вошел с ними в Русскую землю и подступил под Чернигов, где осадил Мономаха.

Скоро окрестности города и монастыри были выжжены; восемь дней подряд билась дру-

жина Мономаха с половцами и не пускала их в острог. Наконец, Владимиру стало невыносимо жаль лившейся из-за него христианской крови и вида горящих сел и монастырей.

«Не хвалиться поганым», – сказал он и, отдав Олегу Чернигов, умирился с ним, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. Таким образом, во второй раз пожертвовал своими выгодами великодушный Мономах на пользу родной земли.

Он благополучно достиг с дружиной Переяславля, только благодаря страху, внушаемому его именем половцам, так как Мономах мог вывести из Чернигова, после огромной потери в людях на Стугне, менее ста человек, считая в том числе жен и детей. «Когда мы шли мимо половцев, – рассказывает он про это в «Поучении», – то они облизывались на нас, как волки на овец».

Не посмевши тронуть Мономаха с горстью храбрецов, его сопровождавших, половцы продолжали страшно опустошать Черниговскую землю и после того, как Олег утвердился на столе отца своего; очевидно, Олег противиться этому не мог, так как сам навел их, а

уплатить им за оказанную услугу, кроме разрешения грабежей, он ничем другим не имел возможности.

«Это уже в третий раз, – говорит летописец, – навел он поганых на Русскую землю; прости, Господи, ему этот грех, потому что много христиан было погублено, а другие взяты ими и расточены по разным землям».

Так утвердился Олег на столе отца своего в Чернигове. Конечно, Олег имел право искать для себя и для семьи отцовских волостей; приводить с собою иноплеменные войска было тоже в обычаях времени. Но все же жестокое разорение земли, которое повлекло за собой искание Олегом своей части, не могло быть забыто на Руси. И насколько в народной памяти сохранился образ Мономаха, как доброго страдальца за Русскую землю, настолько же Олег в народных преданиях изображается гордым, озлобленным и всюду приносящим с собою несчастье – Гориславовичем.

Как мы увидим дальше, несмотря на благородную уступчивость Мономаха, ему предстояло еще принять от Олега немало горя.

Незавидно было житье Владимира в Пере-

яславле. «Три лета и три зимы, – говорит он в «Поучении», – прожил я с дружиной в Переяславле и много бед натерпелись мы от рати и от холода». Половцы непрерывно нападали на разоренную Переяславскую землю. Владимир, когда мог, отражал их и с неослабным рвением подготавливал свои силы, чтобы дать должное возмездие за поражение на Стугне и за все последовавшие затем беды.

Случай скоро к этому представился. В 1095 году пришли к Мономаху два половецких князька – Итларь и Китан – торговаться, много ли он им даст за мир. Итларь с лучшими своими людьми вошел в город, а Китан с войском стал за валами, причем Владимир дал ему в заложники сына своего Святослава за безопасность Итларя, стоявшего во дворе боярина Ратибора. В это время прибыл из Киева от Святополка боярин Славата с каким-то поручением. Славата стал сейчас же убеждать Ратибора и его родню уговорить Мономаха согласиться на убийство Итларя, так как, по-видимому, Итларь и Китан самовольно, помимо главного хана, Святополкова тестя Тугоркана, пришли вести переговоры о мире.

Владимир не соглашался. «Как могу я это сделать, давши клятву?» – говорил он им. Но те отвечали ему: «Князь, не будет тебе греха; половцы всегда дают тебе клятву и всегда ее нарушают – губят Русскую землю и пьют христианскую кровь». Наконец, Владимир согласился и ночью послал отряд дружины и торгов к валам; они выкрали сперва Святослава, а потом перебили Китана и всю его дружину. Итларь же был убит рано утром сыном Ратибора Ольбегом, который выпустил в него стрелу и попал прямо в сердце. Этот поступок был единственным нарушением своего слова в жизни Мономаха.

После этого Владимир и Святополк выступили сейчас же в поход против половцев и пригласили с собой и Олега; он обещал идти вместе и действительно выступил, но не соединился, а держался поодаль. Святополк же и Владимир пошли на половецкие становища, или вежи, взяли их, полонили скот, лошадей, верблюдов и привели в свою землю.

Уклончивое и недоверчивое поведение Олега, конечно, должно было оскорбить двоюродных братьев. После похода они послали

сказать ему: «Ты не шел с нами на поганых, которые стубили Русскую землю, и вот теперь у тебя сын Итларев; убей его либо отдай нам, он враг Русской земли».

Но Олег не послушался.

В следующем, 1096 году, с целью обсудить вопрос о совместной борьбе с половцами, Святополк и Владимир послали опять сказать Олегу: «Приезжай в Киев урядиться о Русской земле перед епископами, игуменами, мужами отцов наших и людьми городскими, чтобы после нам можно было сообща оборонять Русскую землю от поганых». На это Олег послал следующий высокомерный ответ: «Не пристало судить меня епископам, игуменам и смердам» (сельским жителям и мужикам).

Конечно, этот ответ еще более возбудил Святополка и Владимира против Олега, и они послали ему такое слово: «Если ты не пошел на неверных и не приходишь на совет к нам, то, значит, ты мыслишь на нас худое и хочешь помогать поганым. Пусть Бог нас рассудит».

Так началась, несмотря на уступчивость Мономаха, новая междоусобная брань между

князьями. Вместо того чтобы ударить соединенными силами на половцев, приходилось идти войной на своих. Когда князья подошли к Чернигову, то Олег вышел из него и затворился в Стародубе. Святополк и Владимир осадили Стародуб и стояли под ним тридцать три дня. Приступы были сильные, но из города крепко отбивались. Наконец, осажденные изнемогли; тогда Олег запросил мира, который тотчас же был ему дан, но князья-союзники потребовали от него, чтобы он непременно приехал в Киев, «к столу отцов и дедов наших; то старший город во всей земле; в нем надлежит нам собираться и улаживаться». Обе стороны целовали на этом крест. Это было в мае 1096 года.

Между тем раздраженные половцы продолжали свои набеги на Русь. Хан половецкий Боняк, со своею ордою, жег окрестности Киева, а тесть Святополка Тугоркан осадил Переяславль. Владимир со Святополком разбили его, причем сам Тугоркан пал, после чего Святополк привез тело тестя в Киев и похоронил на распутье между дорогами в Берестово и Печерский монастырь. В июне Боняк

вновь подошел к самому Киеву и 20-го числа утром ворвался в Киево-Печерскую лавру. Монохи, отстояв заутреню, почивали по кельям; поганые, выломав ворота, ходили по обители, брали, что им попадалось в руки, сожгли южные и северные церковные двери и, наконец, вошли и в самую Великую соборную церковь, таскали из нее иконы и произносили кощунственные слова над христианским Богом и законом. Тогда же половцы сожгли и загородный княжеский двор, построенный Всеволодом. Они увели с собой множество пленных, в том числе и святого Евстратия Постника, затем распятого.

Олег, несмотря на крестное целование, не думал исполнить договор и явиться в Киев. Вместо этого он стал деятельно собирать войско для продолжения борьбы и в конце лета направился к Мурому, бывшему его волостью, но которую тем временем успел занять его крестник Изяслав, второй сын Мономаха, выступивший к Мурому из Смоленска без ведома и согласия отца своего. Подойдя к Мурому, Олег послал сказать Изяславу: «Ступай в волость отца своего, а эта волость моего отца;

хочу здесь сесть и урядиться с твоим отцом; он выгнал меня из отцовского города, а ты неужели и здесь не хочешь дать мне моего же хлеба?» Изяслав, однако, не послушался его, надеясь на свое войско, и 16 сентября 1096 года под стенами Мурома произошла злая сеча между крестным отцом и сыном, причем юный Мономахович был убит.

После этого Олег вошел в Муром и, оковавши людей Изяславовых, двинулся на Суздаль и Ростов, принадлежавшие Владимиру Мономаху. Захватив оба города, Олег сурово обошелся с их жителями, часть взял в плен, других рассеял по разным местам, понасажал своих посадников и стал брать дань с Муромской, Суздальской и Ростовской волостей.

Старший сын Мономаха, Мстислав, тоже Олегов крестник, сидел в это время в Новгороде. Новгородцы боготворили своего молодого князя – прекрасного по внешности и отличавшегося возвышенной и ангельски чистой душой; они готовы были принести для него всевозможные жертвы.

Сильная новгородская рать была собрана вслед за известием о гибели Изяслава. Но бла-

городный Мстислав не хотел кровопролития. Он послал к своему крестному отцу следующее твердое, но высоко христианское слово: «Ступай из Суздаля в Муром; в чужой волости не сиди; а я с дружиной пошлем к отцу моему, и помирю тебя с ним. Хотя ты и брата моего убил – что же делать! В битвах и цари, и бояре погибают».

Упоенный своим успехом, Олег не хотел мириться, а думал взять и Новгород. Он двинул брата своего Ярослава в сторожах вперед на реку Медведицу, а сам стал на поле у Ростова.

Тогда Мстислав перешел против Олега в решительное наступление. Шедший у него в сторожах Добрыня Рагуйлович прежде всего перехватил Олеговых сборщиков дани и заставил отступить Ярослава, который отошел назад к Олегу с известием, что Мстислав идет. Олег отступил в Ростов; Мстислав также подошел к нему; тогда Олег отошел к Суздаляю; Мстислав двинулся туда же следом за ним. Олег зажег Суздаль и ушел к себе в Муром. Придя в Суздаль и освободив, таким образом, отцовские волости от Олега, Мстислав не по-

шел дальше, а опять послал к крестному отцу со следующим словом: «Я моложе тебя; пересылайся с отцом моим, да выпусти дружину, а я во всем тебя послушаю». На Олега слова эти не подействовали; видя, однако, что ему трудно одолеть крестника силою, он решил прибегнуть к хитрости и для этого послал к Мстиславу с мирным ответом. Обрадованный, что ему удалось уговорить Олега, Мстислав выпустил свою дружину по селам; но Олег только этого и ждал и внезапно появился со своим войском на реке Клязьме, думая, что племянник, застигнутый врасплох, побежит. Однако Мстислав не побежал. Неожиданное известие о наступлении Олега застало его во время обеда; он тотчас же разослал во все стороны распоряжения о сборе и в два дня сосредоточил всю свою рать – новгородцев, ростовцев и белозерцев, так что когда подошел Олег, то нашел крестника в полной боевой готовности.

Так простояли они друг против друга четыре дня. Мстислав, как и прежде, не желал боя, а потому его и не начинал, а Олег колебался, так как не был уверен в своем успехе.

На пятый день к Мстиславу подошли подкрепления, присланные Мономахом с сыном Вячеславом. В этот же день и Олег решил вступить в бой; он выстроил свои войска и повел их на Мстислава; узнав про это, Мстислав двинулся ему навстречу. Сеча произошла на реке Колокше. С обеих сторон бились очень упорно, как вдруг Олег и его войско увидели позади себя большой стяг Мономахов; они подумали, что сам князь Владимир прибыл и зашел им в тыл, тогда как это был только один из пеших отрядов Мстислава, при котором было и знамя Мономаха, прибывшее вместе с Вячеславом.

Ужас напал тогда на Олега и на войско его, и все бросились бежать. Победа Мстислава была самая полная. Он пошел следом за Олегом на Муром и Рязань, взял оба города, миролюбиво обошелся с жителями, освободив только содержавшихся в оковах своих ростовцев и суздальцев, и в третий раз послал разбитому наголову Олегу следующее слово: «Не бегай больше, но пошли к братьи с просьбой о мире; не лишат они тебя Русской земли; а я пошлю к отцу своему просить за тебя».

Поставленный в безвыходное положение после поражения на Колокше, Олег должен был наконец принять великодушное слово своего крестного сына.

Тогда Мстислав не замедлил отойти к Суздалю, а потом и к Новгороду, откуда послал к Мономаху просить за своего крестного отца. Мономах тотчас же согласился на мир с Олегом и послал ему замечательное письмо, показывающее, какими истинно благородными людьми и глубоко верующими христианами был он сам и славный сын его Мстислав.

Вот содержание этого письма:

«Пишу к тебе, потому что принудил меня к тому сын твой крестный; прислал ко мне мужа своего и грамоту; пишет: уладимся и помиримся, а братцу моему суд пришел; не будем за него местники, но положимся во всем на Бога: они станут на суд перед Богом, а мы Русской земли не погубим. Увидав такое смирение сына моего, я умилился и утрашился Бога, подумал: сын мой в юности своей и в безумии так смиряется, на Бога все возлагает; а я что делаю; грешный я человек, грешнее всех людей! Послушался я сына своего,

написал к тебе грамоту: примешь ли ее добром или с поруганием – увижу по твоей грамоте. Я первый написал тебе, ожидая от тебя смирения и покаянья. Господь наш не человек, а Бог всей Вселенной, что хочет – все творит в мгновенье ока; а претерпел хуленье, и плеванье, и ударенье, и на смерть отдался, владея животом и смертью; а мы что – люди грешные? Нынче живы, а завтра мертвы; нынче в славе и в чести, а завтра в гробе и без памяти; другие разделят по себе собранное нами. Посмотри, брат, на отцов наших: много ли взяли с собой, кроме того, что сделали для души своей. Тебе бы следовало, брат, прежде всего прислать ко мне с такими словами. Когда убили дитя мое и твое пред тобою, когда ты увидал кровь его и тело увянувшее, как цветок, только что распутившийся, как агнца заголенного, подумать бы тебе, стоя над ним: «Увы, что я сделал! Для неправды света сего суетного взял грех на душу, отцу и матери причинил слезы! Сказать бы тебе было тогда по-давидовски: аз знаю грех мой, предомной есть выну!» Богу бы тебе тогда покаяться, а ко мне написать грамоту утешную да

сноху прислать, потому что она ни в чем не виновата, ни в добре, ни в зле; обнял бы я ее и оплакал мужа ее и свадьбу их, вместо песен брачных; не видал я их первой радости, ни венчанья, за грех мой; ради Богапусти ее ко мне скорее: пусть сидит у меня, как горлица на сухом дереве жалуючись, а меня Бог утешит. Таким уж видно путем пошли дети отцов наших: суд ему от Бога пришел... Если бы ты тогда сделал по своей воле, Муром взял бы, а Ростова не занимал и послал ко мне, то мы уладились бы; но рассуди сам: мне ли было первому к тебе посылать, или тебе ко мне; а что ты говорил сыну моему: «шли к отцу», так я десять раз посылал. Удивительно ли, что муж умер на рати, умирали так и прежде наши прадеды; не искать бы ему чужого, и меня в стыд и в печаль не вводить; это научили его отроки для своей корысти, а ему на гибель[3].

Захочешь покаяться пред Богом и со мной помириться, то напиши грамоту с правдой и пришли с нею посла или попа: так и волость возьмешь добром, и наше сердце обратишь к себе и лучше будем жить, чем прежде: я тебе

ни враг, ни местник. Не хотел я видеть твоей крови у Стародуба; но не дай Бог мне видеть крови и от твоей руки, и ни от которого брата по своему попущению; если же я лгу, то Бог меня ведает и крест честной. Если тот мне грех, что ходил на тебя к Чернигову за дружбу с погаными, то каюсь. Теперь подле тебя сидит сын твой крестный с малым братом своим, едят хлеб дедовский, а ты сидишь в своей волости: так рядись, если хочешь, а если хочешь их убить, они в твоей воле; а я не хочу лиха, добра хочу братьи и Русской земле... Я к тебе пишу не по нужде: нет мне никакой беды; пишу тебе для Бога, потому что мне своя душа дороже целого света».

Письмо это подействовало. Между старыми друзьями детства состоялось примирение, по-видимому искреннее и со стороны Олега.

Это примирение дало, наконец, возможность Мономаху осуществить то, о чем он давно мечтал, а именно: устроить общий княжеский съезд и на нем полюбовно решить все те вопросы, которые вызывали распри.

И вот в 1097 году в городе Любече собрались на съезд великий князь Святополк Изяс-

лавович, Олег и Давид Святославовичи, Владимир Всеволодович Мономах, Давид Игоревич и один из сыновей Ростислава Василько, сидевший с братом Володарем в Червенских городах[4]. С князьями вместе прибыли их дружинники, а также люди от земель.

Всем съездом руководил, разумеется, Владимир Мономах. Съехав шись, князья стали говорить друг другу: «Зачем губим Русскую землю, поднимая сами на себя вражду? Половцы разоряют землю нашу и рады, что между нами усобица. Пусть же с этих пор будет у всех нас единое сердце и будем блюсти Русскую землю».

Затем они урядились между собою так: дети каждого из трех сыновей Ярослава берут себе те волости, в которых сидели их отцы; поэтому Святополк вместе с Киевом получил и Туров; Мономах – Переяславль, Смоленск и Ростовскую область; Святославовичи – Олег, Давид и Ярослав – земли Черниговскую и Муромскую. Что же касается до бывших князей-изгоев – Давида Игоревича и двух Ростиславовичей, то за ними было оставлено то, что дал им великий князь Всеволод в конце

жизни, а именно: Давиду – Владимир-Волынский, а Ростиславовичам Червенские города: Володарю – Перемышль, а Васильку – Теребовль; эти части Давида, Володаря и Василька были выделены из Волынской земли, ранее полностью принадлежавшей отцу Святополка Изяславу.

Наконец, за сыном Мономаха, доблестным Мстиславом, был оставлен Новгород, который также входил прежде во владения отца Святополкова Изяслава, но куда Мстислав был посажен еще малюткой дедом Всеволодом.

Таким образом, на Любечском съезде были торжественно подтверждены права на все то, чем в действительности уже владели съехавшиеся князья ко времени этого съезда, причем за старшими князьями остались их отчины, то есть земли, которыми владели их отцы; бывшие же изгои были наделены богатыми городами, входившими ранее во владение Святополкова отца; однако и при этом оставшаяся у Святополка часть была все-таки лучше всех других княжеских частей, так как Киевская земля отличалась наибольшею населенностью и плодородием своей почвы, и ему

же принадлежал и город Киев с его богатейшей торговлею.

Разумеется, это полюбовное взаимное подтверждение прав съехавшихся князей на свои владения было чрезвычайно важно и, по-видимому, должно было устранить усобицы на будущее время. Так смотрели и сами князья. Уладившись, все они целовали крест и решили: «Если теперь кто-нибудь из нас поднимется на другого, то мы все встанем на зачинщика и крест честной будет на него же. Крест честной и вся Русская земля». Затем князья братски поцеловались друг с другом и разъехались.

Рассматривая внимательно постановления Любечского съезда, мы должны усмотреть, что хотя он и имел чрезвычайно важное значение, так как утвердил всех князей в их владениях, но, однако, на нем вовсе не обсуждался вопрос о том, как же будет с волостями при наследниках князей, участвовавших в съезде: останутся ли они навсегда в их потомствах или же будут меняться, согласно очередному порядку восхождения к Киевскому столу? Вместе с тем также не был разрешен

вопрос и о том, кто же должен наследовать Киевский стол после Святополка. Конечно, эти неразрешенные вопросы должны были привести к недоразумениям и усобицам в будущем.

Но усобицы начались немедленно же после съезда. Как мы знаем, к западу от Киева сидели по соседству друг от друга Давид Игоревич во Владимире Волынском и братья Володарь и Василько в Червенских городах. Василько, князь Теребовльский отличался необыкновенно предприимчивым духом; богатый по виду, набожный и великодушный, связанный с Володарем самой нежной и глубокой братской любовью, при этом мужественный и воинственный, он горел желанием совершить великие дела на пользу родной земле. Уже в ранней молодости стал он известен своею ненавистью к Польше, на которую навел половцев; теперь он затевал новые, обширные походы, о которых мы скажем ниже, и на его зов шли толпы берендеев, печенегов и торков.

Прямой противоположностью Васильку был его сосед Давид Игоревич – человек неда-

лекий и притом с низкими чувствами: завистливый, подозрительный и жестокий. Он еще до Любечского съезда злобился на Василька за то, что, по его мнению, тому досталась лучшая часть, чем ему. Приготовления же Василька к походу заставляли Давида Игоревича опасаться, что Василько собирается отнять у него Владимир. Эти опасения поддерживались и некоторыми мужами Давидовой дружины. И вот немедленно же по окончании съезда, приехав в Киев, Давид начинает наговаривать Святополку, что будто Василько с Владимиром Мономахом тайно согласились захватить Волынскую и Киевскую области и поделить их между собой. «Кто убил брата твоего Ярополка», – говорил Давид Святополку, намекая, что это сделали Ростиславовичи, хотя, может быть, как мы об этом упомянули в предыдущей главе, именно Давид и был заводчиком этого убийства. «Если не схватишь Василька, – продолжал он, – то не княжить ни тебе в Киеве, ни мне во Владимире».

Святополк, человек недалекого ума и к тому же подозрительный и алчный, после неко-

того колебания поверил Давиду Игоревичу и согласился схватить Василька, который в это время возвращался со своими людьми из Любеча и остановился на ночлег недалеко от Киева.

На другой день утром Святополк прислал к нему с просьбой остаться в Киеве до его именин. Василько, который торопился домой, где собиралось его войско, отказался. Тогда Давид послал ему такое же приглашение от себя, добавив: «Не ослушайся старшего брата». Но Василько решительно отказался остаться за недосугом.

На это Давид стал говорить Святополку: «Видишь, не хочет тебя знать, находясь в твоей волости; что же будет, когда пройдет в свою землю? Увидишь, что займет города твои Туров, Пинск и другие; тогда помянешь меня; созови киевлян, схвати его и отдай мне». Святополк послушался и послал сказать Васильку: «Если не хочешь остаться до именин, то зайди хоть нынче; повидаемся и посидим вместе с Давидом». На это Василько согласился и уже сел на лошадь и поехал, как встретился ему один из его слуг и сказал: «Не

езди, князь; хотят тебя схватить». Но Василько не поверил, вспоминая недавнее крестное целование в Любече, и продолжал свой путь. Когда он приехал на княжий двор, то Святополк вышел ему навстречу и ввел в избу, куда пришел и Давид. Святополк стал опять спрашивать Василько остаться на именины, но тот отвечал: «Никак не могу, брат; я уже и обоз отправил вперед». А Давид во все время сидел как немой. Потом Святополк начал спрашивать Василька хотя позавтракать у него; позавтракать Василько согласился, и Святополк вышел распорядиться. Василько стал разговаривать с Давидом; но у того от испугу не было ни языка, ни ушей. Посидевши немного, Давид спросил: «Где Святополк» – и затем вышел со словами: «Я пойду за ним; а ты, брат, посиди». Не успел Давид выйти, как Василька схватили, заковали в двойные оковы, затем заперли и приставили сторожей на ночь.

На другой день Святополк созвал бояр и киевлян и рассказал им все, что слышал от Давида. На это бояре и киевляне ответили уклончиво: «Тебе, князь, надо беречь свою го-

лову; если Давид сказал правду, то Василька должно наказать; если же сказал неправду, то пусть отвечает перед Богом».

Когда об этом узнало духовенство, то игумены стали прямо просить Святополка за Василька. Святополк заколебался и отвечал им: «Ведь это все Давид». Давид же стал упрашивать выдать ему Василька, чтобы его ослепить. «Если ты этого не сделаешь, – говорил он, – и отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Кончилось тем, что Святополк выдал Василька Давиду.

В ту же ночь пленника перевезли из Киева в Белгород на телеге, в оковах, и ввели в маленькую избу, где посадили.

Сидя тут, Василько увидал, что овчарь Святополка, родом торчин, по имени Берендя, точит нож. Он догадался, что его хотят ослепить, заплакал и начал усердно молиться Богу. Затем вошли Сновид Изечевич, конюх Святополков, да Дмитрий, конюх Давидов, разостлали ковер по полу и, схватив Василька, хотели его повалить. Окованный Василько, собравши всю свою богатырскую силу, боролся так крепко, что те вдвоем не могли с ним сла-

дить и позвали себе других слуг, при помощи которых им удалось наконец повалить Василька и связать. Тогда сняли доску с печи, положили ее на грудь лежащего, и по концам ее сели Сновид и Дмитрий, но не могли удержаться – так силен был поваленный и связанный Василько! Сняли с печи еще доску, положили ее рядом с первой, и еще двое участников этого гнусного дела сели на ее концы. Тогда, наконец, затрещали кости в груди у несчастного Василька.

Торчин Берендя, отточив нож, подошел к связанному и поваленному князю и хотел ударить ему в глаз, но не попал и порезал ему лицо; наконец, вырезал оба глаза, один за другим, и Василько обеспамятел. Его подняли вместе с ковром, положили на телегу как мертвого и повезли во Владимир Волынский; по пути, во Вздвиженске, Сновид с товарищами остановились, сняли с Василька кровавую сорочку и отдали попадье вымыть, а сами сели обедать; попадья, вымывши сорочку, надела ее опять на Василька и стала плакать над ним, как над мертвым.

Василько очнулся и спросил: «Где я?» По-

падья отвечала: «В городе Вздвиженске». Тогда он спросил воды и, напившись, совершенно пришел в себя; затем, прощупав сорочку, сказал: «Зачем ее с меня сняли; пусть бы я в этой кровавой сорочке смерть принял и стал перед Богом».

На шестые сутки пути Василько был привезен в Владимир. Приехал с ним туда и Давид, «как будто поймал какую добычу», по выражению летописца, и приставил к слепому узнику 30 человек стражи.

В ужас пришли русские князья, когда узнали о совершенном злодействе. Мономах заплакал... «Не бывало еще такого зла в Русской земле ни при отцах, ни при дедах», – воскликнул он и тотчас же послал сказать братьям Святославовичам Олегу и Давиду, чтобы шли на Святополка и Давида Игоревича. «Исправим зло, какое случилось теперь в Русской земле в нашей братье; бросили между нами нож; если это оставим так, то большое зло встанет, начнет убивать брат брата, и погибнет земля Русская: враги наши половцы придут и возьмут ее!» Давид и Олег также сильно огорчились, плакали и, немедленно собрав-

шись вместе, соединились с Мономахом и послали сказать Святополку: «Зачем это ты сделал такое зло в Русской земле – бросил нож между нами? Зачем ослепил брата своего, если бы он был виноват, то ты обличил бы его перед нами, и тогда по вине наказал его; а теперь скажи, в чем он виноват, что ты ему сделал?» Святополк, разумеется, все свалил на Давида. Но Мономах и Святославовичи возражали: «Нечего тебе оправдываться тем, что Давид его ослепил; не в Давидовом городе его взяли и ослепили, а в твоём» – и на другой день стали переходить Днепр, чтобы идти на Святополка, который уже собрался бежать из Киева. Однако киевляне не пустили его и, зная доброту Мономаха, отправили к нему посольство во главе с митрополитом и мачехой Владимира – вдовой князя Всеволода, которую он чтит как мать. Они держали князьям такое слово: «Если станете воевать друг с другом, то поганые обрадуются, возьмут землю Русскую, которую приобрели деды и отцы ваши; они с великим трудом и храбростью побороли по Русской земле, да и другие земли приискивали, а вы хотите погубить свою зем-

лю!»

Владимир расплакался и сказал: «В самом деле, отцы и деды наши собирали Русскую землю, а мы хотим погубить ее» – и склонился на просьбу мачехи и митрополита. Князья послали сказать Святополку: «Так как это все Давид наделал, то ступай ты, Святополк, на Давида, либо схвати его, либо выгони». И Святополк должен был согласиться исполнить их волю.

Между тем Василько продолжал содержаться под стражей во Владимире; там же находился в это время и какой-то монах Василий, который и оставил нам летописные известия об этих событиях.

«Однажды ночью, – рассказывает Василий, – прислал за мной Давид и говорит: сегодня Василько сказал своим сторожам: слышу, что идет Владимир и Святополк на Давида; если бы Давид меня послушал, то я послал бы боярина своего к Владимиру и тот бы возвратился. Так вот сходи-ка ты, Василий, к тезке твоему Васильку и скажи ему, что если он пошлет своего мужа и Владимир возвратится, то я дам ему город, какой ему люб: либо Все-

волож, либо Шеполь, либо Перемышль. Я пошел к Васильку, рассказал ему все речи Давидовы; он отвечал мне: «Я этого не говорил, но, надеясь на Бога, пошлю, чтобы не проливали из-за меня крови. Одно мне удивительно: даст мне свой город, а мой город Теребовль; вот моя волость!» Потом сказал мне: «Иди к Давиду и скажи ему, чтобы прислал ко мне Кульмея, я хочу его послать к Владимиру». Но Давид побоялся поручить переговоры человеку, которого выбрал Василько, и послал сказать ему, что Кульмея нет. В это свидание Василько выслал слугу и начал говорить Василию: «Слышу, что Давид хочет отдать меня ляхам. Видно, мало еще насытился моей крови, хочет больше, потому что я ляхам много зла наделал и хотел еще больше наделать, отмстить им за Русскую землю; если он выдаст меня ляхам, то смерти не боюсь; но вот что скажу тебе: вправду Бог навел на меня эту беду за мое высокоумье: пришла ко мне весть, что идут ко мне берендеи, печенег и торки; вот я и начал думать: как придут они ко мне, то скажу братьям Володарю и Давиду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и весе-

литесь; думал я зимой пойти на Польскую землю, а потом взять ее и отмстить за Русскую землю; потом хотел перенять болгар дунайских и посадить их у себя, а потом хотел проситься у Святополка и Владимира на половцев, и либо славу себе найти, либо голову свою сложить за Русскую землю; а другого помышления в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давида. Клянусь Богом и Его пришествием, что не мыслил зла братьям ни в чем, но за мое высокоумье низложил меня Бог и смирил».

Узнав, что Мономах и Святославовичи вернулись в свои земли, а наказать его поручено одному только Святополку, Давид, конечно, воспрянул духом. Он знал нерешительность и малую способность Святополка и полагал, что он не очень будет спешить наказывать своего соучастника преступления; действительно, усобица, возникшая из-за ослепления Василька, продолжалась с 1097 по 1100 год.

Весною 1098 года Давид выступил в поход, чтобы взять Василькову волость, но у города Бужска он был встречен Володарем. Давид не посмел стать против него в поле и затворил-

ся, а Володарь осадил его. Тогда Давид запросил мира, свалив все на Святополка. Володарь, горячо желая получить наконец в свои руки ослепленного брата, не стал с ним спорить, а послал сказать: «Про то ведает Бог, кто из вас виноват, а теперь отпусти мне брата, и я помирюсь с тобой». Давид обрадовался, помирился с Володарем, отдал ему Василька и был выпущен из Бужска.

Однако мир был непродолжителен, так как Давид не хотел возвращать городов, захваченных им во владениях Ростиславовичей. Вследствие этого военные действия возобновились: Ростиславовичи взяли на щит, то есть приступом, Давидов город Всеволож, причем в порыве ярости победители перебили всех его жителей. Затем братья подошли ко Владимиру Волынскому и, осадив здесь Давида, потребовали, чтобы он выдал им своих советчиков, подговоривших его на ослепление Василька. Давид имел низость предать их Ростиславовичам, которые заключили затем с ним мир, а выданных советчиков повесили.

Только после того, как Володарь и Василько одержали над Давидом Игоревичем верх,

собрался в 1099 году Святополк наказать его, причем предварительно он заключил с Ростиславовичами договор, поцеловал с ними крест на мир и любовь и затем отправился в город Брест для совещания с поляками, прося у них помощи против Давида. Узнав о прибытии Святополка в Брест, Давид испугался и сам кинулся искать помощи у польского короля Владислава Германа, который обещал ему свое содействие и взял за это 50 гривен золота.

Таким образом, поляки опять сделались посредниками в борьбе русских князей между собой. Однако когда Святополк тоже дал Владиславу богатые дары и договорился с ним выдать свою дочь Сбыславу за его сына, то Владислав объявил Давиду, что никак не может оказать ему помощи.

Тогда Давид заперся во Владимире Волынском. Святополк осадил его здесь и после семи дней осады выпустил на условии, что Давид передаст ему город Владимир. После этой передачи Давид ушел в Червен.

Одержав такой успех над Давидом, Святополк, несмотря на то что сам искал урядиться

с Володарем и Васильком и недавно целовал с ними крест, пошел теперь на обоих братьев, желая овладеть и их волостями, так как нашел удобным вспомнить теперь, что волости эти входили когда-то в состав владений его отца Изяслава.

Но Ростиславовичей трудно было вытеснить из их волости; они выступили против Святополка, взявши с собой и крест, который он целовал к ним, и встретили его на границах своих владений. Здесь перед началом битвы, когда обе рати уже исполчились, слепой Василько выехал верхом вперед, поднял крест и закричал Святополку: «Вот что ты целовал; сперва ты отнял у меня глаза, а теперь хочешь взять и душу; так пусть будет между нами этот крест». И после ходила молва, что многие благочестивые люди видели, как над Васильком в воздухе возвышался крест во время боя.

Произошла жестокая битва, в которой Ростиславовичи победили. Святополк побежал во Владимир, но Володарь и Василько не преследовали его; они хотели показать, что защищают только свое, а не ищут чужого, и

сказали после битвы следующие благородные и гордые слова: «С нас довольно стать на своей меже».

Святополк, однако, прибыв во Владимир, и не думал оставлять их в покое; посадив здесь одного из своих сыновей – Мстислава, он послал другого – Ярослава к венграм поднимать их на Володаря, а сам ушел в Киев.

Давид Игоревич, видя, что теперь одинаковая опасность грозит от Святополка как ему, так и Володарю с Васильком, стал искать с ними прочного примирения во имя общего дела – защитить себя от Святополка. Заклятые враги примирились, и Давид оставил жену свою у Володаря, а сам отправился нанять половецкую орду, которой управлял воинственный и свирепый хан Боняк.

Вскоре к Перемышлю, где сидел Володарь, пришли венгры со своим королем Коломаном, наведенные Ярославом Святополковичем, и осадили город. На счастье Володаря, Давиду не пришлось далеко ездить за половцами; он встретил Боняка по пути и привел его к Перемышлю же.

Здесь, накануне ожидаемой битвы с вен-

грамми, Боняк, как рассказывает летописец, отъехал от войска в поле и начал выть по-волчьи. Ему стали отвечать голоса множества волков. Таково было половецкое гаданье. «Завтра, – сказал Боняк, – мы победим венгров».

И действительно, это гаданье сбылось. На следующий день утром Боняк двинул своего военачальника Алтунопу на венгров; тот подскочил к ним, пустил стрелы и побежал; венгры кинулись его преследовать, но этого только и ожидал хитрый Боняк; он зашел им в тыл, а Алтунопа поворотился назад, и затем Боняк, говорит летописец, «сбил венгров в круг – как сокол сбивает галок».

Венгры бежали, и много их потонуло в реке Вагре и Сане. Половцы гнались за ними и секли их два дня, убили латинского епископа и много бояр; Ярослав, сын Святополка, бежал в Польшу, а Давид Игоревич, пользуясь победою, внезапно подошел к Владимиру Волынскому, где Мстислав, старший сын Святополка, заперся со своей засадой, или, как теперь говорят, со своим гарнизоном. Давид начал делать приступы; стрелы сыпались дождем с

обеих сторон; осаждающие закрывались подвижными вежами, или башнями, а осажденные стояли на стенах за досками; таков был тогдашний способ воевать.

Однажды Мстислав хотел сам выстрелить из лука, но неприятельская стрела проскочила через скважину доски и попала ему под паху; он умер в ту же ночь. Осажденные после его смерти терпели тяжелую осаду до августа 1099 года; наконец, Святополк прислал к ним на выручку войско. Давид против него не устоял, должен был снять осаду и бежал к половцам. Но войско Святополково недолго праздновало победу. Скоро к городу Владимиру подступил опять Давид с новыми полчищами половцев, приведенных Боняком, и отнял у них Владимир.

Таково было положение дел, вызванное ослеплением Василька, к концу 1099 года. Благородное намерение Владимира Мономаха соединить князей в одно целое, чтобы бороться затем общими силами против половцев, для чего им и был собран после стольких стараний Любечский съезд, не только не привело к цели, но, наоборот, повело к четырех-

летней кровавой усобице, во время которой враждующие стороны обращались за содействием к полякам и наводили на Русскую землю венгров и половцев.

Но Мономах продолжал настойчиво преследовать поставленную себе высокую цель и в следующем, 1100 году достиг того, что между князьями состоялся новый съезд, с целью окончания возникшей распри. 10 августа Владимир Мономах, Святополк, Олег и Давид Святославовичи съехались в Витичеве, а через двадцать дней, 30 августа, они снова сошлись на том же месте, и тогда с ними был уже и Давид Игоревич.

«Кому есть на меня жалоба?» – спросил он.

«Ты пришел к нам, – сказал Владимир, – объявить, что хочешь жаловаться перед нами на свою обиду. Вот теперь ты сидишь с братией на одном ковре. На кого у тебя жалоба?»

Давид ничего не отвечал.

Тогда князья сели на коней и стали врознь, каждый со своей дружиною. Давид же Игоревич продолжал сидеть особо. Князья рассуждали о Давиде: сначала каждый князь со своей дружиной, а потом совещались между со-

бой и послали Давиду от каждого князя мужей. Те держали ему такую речь: «Вот что говорят тебе братья: не хотим тебе дать стола Владимирского за то, что ты вверг нож между нами, сделал то, чего еще не бывало в Русской земле; но мы тебя не берем в неволю, не делаем тебе ничего худого; сиди себе в Бужске и в Остроге; Святополк придает тебе Дубен и Чарторижск, а Владимир дает тебе двести гривен, да еще Олег и Давид дадут тебе двести гривен»[5].

Потом князья послали к Володарю такое слово: «Возьми к себе брата своего Василька; будет вам обоим Перемышль. Хотите, живите вместе, а не хотите – отпусти Василька к нам; будем его кормить».

Таким образом, на Витичевском съезде Давид был наказан очень слабо, а Святополк, который был виноват в ослеплении Василька и во всей последующей смуте не менее Давида, получил только выгоду, так как приобрел Владимиро-Волынский стол, вместо Дубен и Чарторижска; при этом он не сам приплатил Давиду за эту мену четыреста гривен, а заставил это сделать Владимира Мономаха и Свя-

гославовичей. Очевидно, Святополк жаловался, что на Любечском съезде всех князей-изгоев наделили волостями из земель, принадлежавших прежде его отцу Изяславу и составивших, стало быть, его отчину; несомненно также, что, желая вернуть себе Теребовль, входивший прежде во владения его отца, тот же Святополк настоял на том, чтобы послать предложение Володарю ограничиться вместе с Васильком одним только Перемышлем.

Однако у храбрых Ростиславовичей, связанных между собою крепкою братскою любовью, не удалось ничего отнять из их владений; они с гневом отвергли сделанное им предложение, а когда на них собрался было идти Святополк со Святославовичами и послал приглашение и Владимиру присоединиться к нему, то благородный Мономах ответил ему решительно: «Я не могу идти на Ростиславовичей и преступать крестное целование», — вследствие чего задуманный Святополком поход так и не состоялся.

Алчному Святополку хотелось также власти и над Новгородом, где обыкновенно сидел старший сын великого князя Киевского, но в

его княжении стол этот занимал, как мы видели, Мстислав, старший сын Мономаха, посаженный там с малых лет еще дедом Всеволодом. Когда по этому поводу Святополк обратился к Мономаху, предлагая Мстиславу вместо Новгорода только что полученный от Давида Игоревича Владимир Волынский, то Мономах, как всегда жертвуя своими выгодами во имя общего дела – мира между князьями, согласился на эту мену и вызвал Мстислава из Новгорода в Киев.

Но вместе с Мстиславом приехали в Киев и новгородские послы и повели такую речь Святополку: «Приславшие нас велели сказать: не хотим Святополка и сына его; если у него две головы, то посылай его. Нам дал Мстислава Всеволод, и мы вскормили его».

Эта речь новгородских мужей показывает нам, насколько они были преданы Мстиславу, но вместе с тем ответ этот, крайне непочтительный по отношению Святополка, ясно показывает нам также, насколько уже в то время благодаря усобицам князей между собой упало в глазах новгородцев понятие о княжеской власти. И действительно, Свято-

полк ничего не мог поделаться с новгородцами, и Мстислав опять вернулся в Новгород.

При дальнейшем нашем повествовании мы увидим, как под влиянием княжеских усобиц все более и более падало значение княжеской власти и как вместе с тем все более и более росло своеволие новгородцев; увидим также, что это не привело ни к чему доброму, ни для князей, ни для самих новгородцев.

Жертвуя своими личными выгодами во имя согласия между князьями, Мономах все время настойчиво заботился о действиях общими силами против половцев, постоянно нападавших на наши пограничные области, и в 1101 году ему удалось наконец уговорить князей собраться против них; тогда половцы, услышав об общих сборах русских, тотчас же, одновременно от разных орд, прислали просьбу о мире.

Князья на мир согласились и обменялись заложниками. Однако и после этого Мономах не переставал настаивать на необходимости общего большого похода на «поганных», и вот в 1103 году, как рассказывает летописец, «Бог вложил в сердце князьям русским благую

мысль», и Святополк с Владимиром съехали в Долобске, чтобы обсудить этот важный вопрос.

Каждого князя на это свидание сопровождала его дружина. Долго сидели все молча. Наконец Владимир начал: «Брат, ты старший, начни же говорить, как бы нам промыслить о Русской земле?» Святополк отвечал: «Лучше ты, братец, говори первый». Тогда Владимир сказал на это: «Как мне говорить? Против меня будет и твоя, и моя дружины; скажут: хочет погубить поселян и пашни. Но дивлюсь я одному, как вы поселян жалеете и лошадей их, а того не подумаете, что станет весной поселянин пахать на лошади, и придет половчин, ударит его самого стрелою, возьмет и лошадь, и жену, и детей, да и гумно зажжет; об этом вы не подумаете!» На это дружинники, из которых люди Святополка были вначале против похода, убежденные словами Мономаха, сказали: «В самом деле так!» Тогда Святополк сошел с места и промолвил: «Я готов». Владимир Мономах, тронутый его согласием, горячо ответил ему на это: «Великое добро делаешь ты, брат, Русской земле».

После Долобского совещания Владимир и Святополк стали приглашать Святославовичей принять участие в походе: «Пойдем на половцев, либо живы будем, либо мертвы». Давид послушался их, но Олег велел сказать, что он нездоров. Понятно, что он неохотно ссорился с половцами, которые так помогли ему добиться Черниговского стола.

Кроме трех старых князей – Святополка, Мономаха и Давида Святославовича, собрались на половцев и несколько молодых, в том числе и Давид Всеславович Полоцкий, сын умершего чародея Всеслава.

Русские двигались до Хортицких порогов на Днепре: пешее войско в ладьях, а конница по берегу реки. От Хортиц все направились к востоку в степь, на четыре дня пути от реки.

Половцы, услышав, что идет вся Русь, стали быстро собираться со всех сторон и думать, что делать дальше. Один из их ханов предложил: «Пошлем просить мира у Руси, они станут с нами биться крепко, потому что много мы зла сделали их земле». Молодые отвечали ему: «Если ты боишься Руси, то мы не боимся; избивши этих, пойдем в их землю,

возьмем их города, и кто тогда защитит их от нас?»

Между тем русские князья и все ратники горячо молились в это время Богу и Пречистой Деве. Многие давали обеты: кто кутью поставить, кто милостыню раздать нищим, кто в монастырь послать нужное для братии.

Половцы выслали вперед в сторожах славного воина своего Алтунопу. Русские тоже выслали передовой отряд проведать неприятеля. Наши встретились с отрядом Алтунопы, лихо напали на него со всех сторон, окружили и истребили до единого человека.

За этим успешным для нас началом сошлись и главные полки, и после ожесточеннейшего боя мы наголову разбили половцев; одних ханов было перебито 20 человек. Эта блистательная победа была одержана 4 апреля 1103 года в местности, называвшейся *Сутьень*.

Один из половецких ханов Бельдюза был взят живым и приведен к Святополку; Бельдюза стал давать за себя выкуп: золота и серебра, коней и скота. Святополк послал его к Владимиру, который спросил пленника:

«Сколько раз вы клялись не воевать, а потом все воевали Русскую землю? Зачем же ты не учил сыновей своих и родичей соблюдать клятву, а все проливал кровь христианскую? Так будь же кровь твоя на голове твоей!» После чего Бельдюза был рассечен на части.

Когда все князья собрались после победы на Сутеньском поле, то Владимир обратился к ним со следующим словом: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся; Господь избавил нас от врагов, покори́л их нам, сокрушил головы змиевы и дал их достоиние людям русским».

Эта победа над половцами дала в наши руки много скота, овец, лошадей, верблюдов, шатров со всякою рухлядью и скарбом, а также было захвачено много печенегов и торков, бывших в плену у половцев.

Возвратились наши домой с большим велием, победою и славой.

Так осуществилась наконец заветная мечта Мономаха – соединиться русским князьям для общего дела и нанести хищному врагу Родины жестокое поражение.

Однако сила половцев была далеко еще не

сломлена. Жив был еще и страшный Боняк. В 1105 году он подал о себе весть, пришел к городу Зарубу, около устья Трубежа, и победил живших здесь торков и берендеев.

В следующем, 1106 году Святополк должен был выслать трех своих воевод против половцев, опустошавших пограничные волости киевского князя, а в 1107 году Боняк захватил конские табуны у Переяславля, а потом подошел с многими другими ханами к Лубнам на реке Суле. Тогда Владимир Мономах с Олегом Святославовичем, которого он успел наконец уговорить пойти против половцев, и еще с четырьмя князьями ударил на них внезапно и с большим криком; половцы испугались и побежали, не успев поставить своего стяга, а многие даже не успели сесть на коней. Наши долго гнали их и захватили весь половецкий стан. Узнав об этой победе, великий князь Святополк отправился в Печерский монастырь к заутрени в Успенъев день и с радостью сообщил о сем братии.

Несмотря, однако, на эти успехи, Владимир Мономах, Олег и Давид Святославовичи в том же 1107 году имели съезд с двумя поло-

вещками ханами и взяли у них двух дочерей замуж за своих сыновей: за Юрия, сына Владимира, прозванного впоследствии Долгоруким, и за Святослава, сына Олегова. Конечно, эти браки, заключенные для блага Русской земли, должны были быть очень тяжелы нашим князьям.

Но и эти браки не дали прочного мира с половцами. В 1109 году Владимир должен был послать своего воеводу Димитрия Иворовича к Дону, где он произвел большое разорение в половецких владениях; в 1110 же году Святополк, Владимир и Давид Святославович принуждены были опять ходить против поганых, причем поход этот вследствие зимней стужи и конского падежа кончился ничем, и только в 1111 году «думою и похотением» Владимира Мономаха состоялся новый большой поход князей против половцев в самую глубь степей к реке Дон.

Перед началом этого похода было чудесное предзнаменование: 11 февраля ночью над Печерским монастырем появился огненный столб; сперва он стал над каменной трапезой, перешел оттуда на церковь, потом стал над

гробом Феодосия, наконец, поднялся по направлению к востоку и исчез. Явление сопровождалось молнией и громом.

Самый поход начался весной, во второе воскресенье Великого поста. В него выступили Святополк, Владимир Мономах и Давид Святославович со своими сыновьями. В среду на Крестопоклонной неделе войско наше подошло к реке Ворскле; отсюда, помолившись Богу с обильными слезами и приложившись к Честному Кресту, русские двинулись дальше и на шестой неделе достигли реки Дон.

На берегах Дона находились оседлые становища, или зимовники главных половецких ханов. Здесь воинство наше облеклось в брони, которые во время похода везлись обыкновенно на возах; полки выстроились и в боевом порядке двинулись к городу хана Шарукана. По распоряжению Владимира священники шли впереди войска с пением тропарей и кондаков.

Шаруканцы вышли навстречу с поклоном, рыбою и вином, и тем спасли свои жилища от разорения. Следующий за тем город Сугров был сожжен. В четверг русская рать от Дона

пошла дальше, и на другой день, в пятницу, 27 марта, последовала встреча с половцами.

Князья наши, возложив всю надежду на Бога, после горячей молитвы перецеловались и торжественно сказали друг другу: «Помереть нам здесь. Станем крепко». Господь помог нашим, и после жестокой сечи половцы были побеждены, причем великое множество их было убито.

После этой блистательной победы русская рать отпраздновала на другой день Лазарево воскресенье и Благовещение «на костях», то есть на поле битвы, а наутро в Вербное воскресенье, несмотря на сильное утомление после только что одержанной победы, она должна была двинуться дальше для боя, так как новые огромные полчища половцев выступили против наших. Главная битва с ними произошла в Страстной понедельник на берегах реки Сальницы. Враги были очень многочисленны и, подобно густому бору, окружили наше воинство. Упорная и кровопролитная сеча длилась до тех пор, пока Владимир Мономах и Давид Святославович стремительным натиском во главе своих полков не решили по-

беды. По словам летописца, половцы объясняли свое поражение тем, что какие-то светлые воины носились в воздухе над русскими полками и всюду оказывали им помощь.

Снова с огромным количеством пленников и богатейшей добычей вернулись наши домой из этого трудного, но славного похода. После него слава о подвигах Мономаха, который был его душою, разнеслась далеко по всему свету: между греками, венграми, ляхами, чехами – и дошла до самого Рима. Таковы были блистательные плоды прекращения на время, стараниями Мономаха, княжеских усобиц.

За время описанных походов против половцев русские люди воевали и с другими варварами, окружающими нашу землю со всех сторон; новгородцы со своим доблестным князем Мстиславом ходили на чудь, к западу от Чудского озера; полоцкие и волынские князья боролись с ятвягами и латышами, а на востоке младший Святославович Ярослав, княживший в Муроме, бился, и притом несчастливо, с мордвою.

В начале 1113 года случилось солнечное

затмение; в нем все увидели дурное предзнаменование, и действительно, 16 апреля скончался великий князь Святополк на пути около Вышгорода. Его положили в лодку, привезли в Киев и похоронили в Михайловском Златоверхом монастыре, им основанном.

«Святополк, – говорит наш знаменитый писатель Карамзин, – имел все пороки малодушных: вероломство, неблагодарность, подозрительность, надменность в счастье и робость в бедствиях». При нем значительно унизилось достоинство великого князя, и только сильная рука Мономаха поддерживала его двадцать лет на престоле, даруя победы Отечеству.

Таково было княжение Святополка. Легко понять, что ни он, ни племя его не пользовались любовью на Руси. Не пользовались также любовью и Святославовичи; как мы видели выше, они часто, в особенности же Олег Святославович, наводили половцев на Русскую землю, а этого, конечно, забыть было нельзя.

Общим же любимцем всей земли был, разумеется, Мономах.

Мы видели, как своевольно поступил Новгород, когда князья хотели вывести из города любимого жителями Мстислава. Так же поступили киевляне после смерти Святополка, непременно желая иметь у себя после него Мономаха.

Они собрали вече, решили, что княжить должен Владимир, и послали ему объявить об этом в Переяславль. «Ступай, князь, на стол отцовский и дедовский», – говорили ему послы.

Мономах, узнав от них о смерти Святополка, много плакал, но в Киев не пошел. Если по смерти отца своего Всеволода он не пошел туда, уважая старшинство Святополка, то, конечно, и теперь он не пошел в Киев по тем же побуждениям, уважая старшинство Святославовичей.

Однако киевляне и слышать не хотели о Святославовичах. При вести, что Мономах в Киев не идет, в городе поднялся мятеж; одни пошли грабить дом тысяцкого Путяты, державшего сторону Святославовичей, а другие стали громить дома сотских и жидов.

После погрома киевляне послали опять к

Владимиру с таким словом: «Приходи, князь, в Киев; если же не придешь, то знай, что много зла делается: ограбят уже не один Путятин двор, или сотских и жидов, но пойдут на княгиню Святополкову, на бояр, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу ответ, если монастыри разграбят». Тогда Владимир решил наконец идти в Киев. Навстречу ему вышел митрополит с епископами и со всеми киевлянами, принявшими с великою честью и радостью доблестного князя. Мятеж же сейчас утих.

Так сел в 1113 году на золотой стол отца своего и деда Владимир Мономах – 60 лет от роду.

Конечно, при описанных выше обстоятельствах он уже не мог далее отказываться от Киева в пользу Святославовичей; но этим, разумеется, нарушался очередной порядок. Святославовичи потеряли старшинство и должны были сойти на удел, ограничившись своею отчиной – Черниговскою волостью. Как мы увидим впоследствии, Святославовичи примирились с этим только на время.

Время сидения Мономаха на Киевском сто-

ле было одним из счастливейших.

Свято чтя память братьев страстотерпцев Бориса и Глеба, погибших из-за братской вражды, и находя, что храм, где они покоятся, недостаточно прочен, Мономах воздвиг новую каменную церковь в Вышгороде, и 2 мая 1115 года состоялось перенесение мощей угодников в эту церковь.

На торжество съехались все русские князья, и бесчисленное множество людей толпилось на улицах и городских стенах; чтобы очистить дорогу для духовенства, Владимир велел бросать в народ ткани, одежду, драгоценные шкуры зверей и серебряные деньги. Олег же Святославович дал роскошный пир для князей, а бедных и странников угощал три дня.

Уже ни половцы и никакие другие иноплеменники не осмеливались нападать на Русскую землю. Напротив, сам Владимир послал своего сына Ярополка на Дон, где он завоевал три города и привел себе жену с северного Кавказа, дочь ясского князя, отличавшуюся необыкновенной красотой.

Старший сын Мономаха – доблестный

Мстислав – нанес вместе с своими новгородцами сильнейшее поражение чуди в 1116 году и взял их город *Оденне*, или Медвежьё Голову, а сын Мстислава – юный Всеволод-Гавриил совершил в 1122 году труднейший поход в Финляндию и победил жившее там финское племя *ямь*, предков нынешних обитателей Финляндии.

На северо-востоке во время великого княжения Мономаха дела наши шли также удачно: в 1120 году другой его сын Юрий, посаженный отцом в Ростовской области, ходил на волжских болгар, победил их полки, взял большой полон и вернулся домой с честью и славой.

Не смели и младшие князья заводить во время великого княжения Мономаха усобиц; в случае же строптивости они чувствовали его сильную руку. Владимир всегда прощал первые попытки нарушить порядок, но зато строго карал их повторение.

Так, после смерти Всеслава Полоцкого между сыновьями его наступила жестокая усобица, причем один из них, Глеб, напал на Слуцк, принадлежавший великому князю, и

сжег его; Владимир пошел на него войною, но Глеб поклонился ему, и Мономах оставил его княжить в Минске, дав наставление, как вести себя; когда же Глеб нарушил это наставление, то Мономах, в 1120 году, отнял у него Минск и привел в Киев, где Глеб и умер. Точно так же, в 1118 году, Владимир, собравши князей, пошел на сына покойного Святополка Ярослава, сидевшего во Владимире Волынском, который дурно обращался со своей женою, внучкой Мономаха, дочерью Мстислава Новгородского. После двухмесячной осады Ярослав покорился Мономаху и ударил ему челом; Владимир простил его, дал наставление, как жить, и ушел в Киев. Однако Ярослав вскоре опять отослал от себя жену; тогда Мономах вторично выступил против него и изгнал из Владимира Волынского. После этого Ярослав бежал в Венгрию, а потом и в Польшу, и, возвратившись с большой ратью из чехов, поляков и венгров, стал осаждать Владимир Волынский, занятый в это время сыном Мономаха Андреем. Однако осада эта окончилась весьма печально для Ярослава; он был предательски убит двумя поляками из приве-

денной им же рати, после чего вожди этой рати поспешили заключить с Мономахом мир и разошлись по домам.

Посылал Мономах наши войска и в греческие владения; дочь его Мария была замужем за греческим царевичем Леоном, который был умерщвлен во время одной усобицы; чтоб поддержать права своего внука Василия, сына убитого Леопа, Мономах и выслал наши войска к Дунаю. Греческий император, желая избавиться от войны с русскими, прислал с мирными предложениями к Мономаху митрополита Неофита и других знатных людей, которые поднесли ему драгоценные дары – крест из Животворящего Древа и чашу сердоликовую, принадлежавшую славному римскому императору Августу, во времена которого жил и принял страдание Спаситель. Вместе с тем, как об этом говорится в «Степенной книге царского родословия», составленной знаменитым митрополитом Макарием, с которым мы познакомимся в наших последующих «Сказаниях», греческий царь прислал с митрополитом Неофитом также царский венец деда Владимирова – императора Констан-

тина Мономаха, бармы и золотые цепи, причем Неофит торжественно возложил венец на голову Владимира и назвал его царем.

В Московской Оружейной палате до сего времени хранится так называемая «шапка Мономаха», или его золотой царский венец, держава, цепь и древние бармы, представляющие собой род оплечья, которыми украшаются наши государи во время торжественного венчания своего на царство.

В Московском же Успенском соборе, где происходит самое венчание на царство русских монархов, находится так называемый трон Владимира Мономаха, или царское место, из вызолоченного орехового дерева.

Из других отраслей многообразной и плодотворной деятельности Владимира Мономаха следует отметить его неустанные заботы в течение всей жизни по укреплению веры Христовой среди населения и сооружение храмов и монастырей. Близ Киева им был построен Выдубицкий монастырь, а в своей Ростовской земле, поддерживая всеми мерами насаждение православия среди язычников-мерян, он заложил на реке Клязьме город

Владимир, ставший скоро, как мы увидим, столь знаменитым, и построил там церковь во имя Всемилоостивейшего Спаса. Не переставал заботиться Владимир и об усилении существующих городов: он расширил укрепления Новгорода Великого и обнес Ладогу каменной стеною.

Наконец, им же был построен и постоянный мост через Днепр у Киева.

Во время жизни Владимира, и именно тогда, когда он предпринимал свои славные походы против половцев и когда «пил он Дон золотым шеломом и загнал окаянных агарян за железные ворота», как говорится в старинном предании, в это время начались и знаменитые Крестовые походы, предпринятые западноевропейскими королями и рыцарями для освобождения Гроба Господня от магометан, завладевших Святою землею. До нас дошло весьма любопытное описание русского игумена Даниила о его хождении в те времена к святым местам. Игумен Даниил рассказывает про весьма ласковый прием, оказанный ему иерусалимским королем, славным Балдуином, который был избран в короли са-

мими рыцарями-крестоносцами из своей среды. Даниил испросил разрешения Балдуина соорудить над Гробом Господним лампаду от всей Русской земли и записал в обители святого Саввы имена всех русских князей для поминовения на ектеньях; при своем путешествии по Святой земле Даниил встретил там много знатных киевских и новгородских людей.

Мономах после кончины первой супруги Гиды, дочери английского короля Гарольда, был женат еще два раза и оставил пять сыновей, о которых мы будем говорить ниже, и многочисленных внучат; его внучки, дочери старшего сына Мстислава Новгородского, женатого на шведской королевне Христине, были замужем: одна за норвежским королем Сигурдом, а впоследствии за датским – Эриком Эдмундом; другая за Канутом Святым, королем Оботритским; она была матерью знаменитого датского короля Вальдемара, прозванного этим именем в честь своего прадеда Владимира Мономаха; третья была замужем за сыном греческого императора Иоанна, а четвертая – за князем Всеволодом Ольговичем,

старшим сыном Олега Святославовича Черниговского.

Во времена Владимира Мономаха прибыл в Русскую землю пламенный ревнитель православия святой Антоний Римлянин. Согласно житию Антония, составленному первоначально со слов святого учеником его Андреем, Антоний родился в Риме от богатых и знатных родителей, исповедовавших православную веру. После их кончины он постригся в 1086 году и удалился в пустыню к православным инокам, которые были подвергнуты в это время жестокому гонению со стороны римского папы. Свое достояние, в виде драгоценных чаш и другой церковной утвари, он заключил в сделанную из дерева бочку и затем пустил ее в море. Переходя с места на место, Антоний однажды подвизался в уединении на большом камне, близ самого морского берега; здесь он был застигнут ужаснейшей бурей; волны, как горы, катались по морю и достигли до камня, на котором жил отшельник; камень оторвался вместе с Антонием, но не пошел ко дну, а поплыл, и после трех суток странствования по волнам, в ночь с 7 на 8

сентября 1106 года, Антоний очутился на берегу совершенно неведомой ему реки, близ большого города со множеством церквей, который оказался Великим Новгородом.

Обучившись несколько русскому языку, Антоний открыл тайну своего чудесного появления новгородскому владыке, блаженному Никите, который посоветовал ему устроить иноческую обитель в честь Рождества Богородицы на том самом месте, где пристал к берегу Волхова его камень. Через год случилось новое чудо. Рыбаки, ловя рыбу в Волхове, вытянули тяжелую бочку, в которой по вскрытии оказалась церковная утварь, принадлежавшая Антонию, и прочие его драгоценности. Это богатство послужило ему для построения каменного храма и для покупки близлежащих земель для монастыря, причем сохранились до настоящего времени следы купчих записей Антония на эти приобретения.

До настоящего же времени сохранились и некоторые его драгоценности: шесть мозаических икон с латинскими надписями, две богатые чаши, хранящиеся ныне в Московском

Успенском соборе, три служебника и некоторые другие вещи. Он пробыл шестнадцать лет игуменом сооруженного им монастыря, после чего мирно преставился. Его мощи, у которых совершались неоднократно чудеса, покоятся там же и были открыты в 1597 году.

Кроме Антония Римлянина, другим замечательным угодником во времена Мономаха был князь Святослав, или Святоша Давидович, про которого уже говорилось в первой части «Сказаний», сын князя Давида Святославовича, принявший в иночестве имя Николай. Святослав Давидович отличался в молодости большой воинственностью и однажды, во время уобицы, возникшей из-за ослепления Василька, позволил себе даже нарушить клятву, данную своему союзнику Давиду Игоревичу. Но затем он совершенно изменился: стал необыкновенно набожен и, наконец, первым из русских князей постригся в Киево-Печерской обители. Смирение его было необычайно; три года работал он с братией на поварне, сам рубил дрова, носил из реки воду и сам приготовлял пищу для трапезы; затем три года стоял у ворот монастыря и нес

тяжелую обязанность вратаря, причем его усердием был построен над этими воротами храм во имя Святой Троицы, существующий и по настоящее время. Под конец своей жизни, как мы увидим, Николай Святоша имел радость прекратить одну возникшую между князьями ссору и тем избежать на время усобицы.

Счастливые годы, наступившие на Руси с восшествием на великокняжеский стол Владимира Мономаха, продолжались до 1124 года, который ознаменовался рядом бедствий: упала в Переяславле большая церковь во имя Архангела Михаила; все лето было полное бездождие, а затем в Киеве начались сильнейшие пожары: сперва выгорела приречная часть города – стоящий на низу Подол, а на другой день загорелась и нагорная часть, причем сгорели все монастыри и церкви, а этих церквей было, как говорит летописец, около шестисот. Наконец, в этот же год имело место и редкое небесное явление: полное солнечное затмение. Посреди дня месяц закрыл свою тенью солнце и наступила на несколько мгновений великая тьма; на небе, как ночью,

зажглись звезды. Все это, конечно, было принято за дурные предзнаменования, и действительно, на следующий год, 10 мая 1025 года, не стало Владимира Мономаха, который в этот день окончил свой славный земной путь на семьдесят четвертом году жизни, после тринадцати лет великого княжения.

Он предстал перед Господом близ города Переяславля, на реке Альте, у любимой каменной церкви, построенной им в память святого Бориса, здесь убитого; тело Мономаха было перенесено в Киев, и его похоронили рядом с отцом – великим князем Всеволодом в Софийском соборе. Кончина его была, разумеется, большим горем для всех, а светлая память о нем сохранится навсегда, пока будет существовать Русская земля.

Владимир Мономах осуществил свою жизнь все то, что всегда дорого, близко и понятно русскому человеку. Он беспредельно верил в Бога, и вера эта не была мертвою; она никогда не отделялась от всех его дел. Своим горячим и любящим сердцем он всецело проводил в жизнь заповедь Христа: жить не для себя, а со всеми и для всех. Достигнув зрелых

лет и совершив уже многие знаменитые дела, он до кончины отца своего, старого и больного Всеволода, оставался нежным и почтительным сыном и, по свидетельству летописцев, никогда и ни в чем его не ослушался. Эта трогательная любовь к отцам и к их памяти глубоко заложена в душу именно русских людей, и делает поэтому образ Мономаха близким нам и родным, несмотря на восемь веков, протекших со времени его кончины.

Жертвуя всегда всеми своими выгодами во имя общего дела – братолюбия между князьями – и всегда храня благоговейную память о святых братьях-страстотерпцах Борисе и Глебе, Мономах должен быть назван первым миротворцем среди русских государей. Вместе с тем, когда судьба поставила его во главе Русской земли, он стал также и первым венчаным на царство русским самодержцем, так как самодержец значит для народа не что иное, как царь, в отцов и праотца место поставленный.

Являясь миротворцем и отцом для Русской земли, Мономах по тому самому был всегда беспощадным и грозным врагом всех недру-

гов нашей земли, особенно же хищных половцев, с которыми он боролся всю жизнь, причем под конец ее успел сломить их могущество.

Дела, совершенные Мономахом в его многочисленных походах и на ратном поле, останутся навсегда высоким образцом истинно русского военного искусства, сущность которого наш великий полководец Суворов так метко определил тремя словами: глазомер, быстрота и натиск. Владимир Мономах всегда правильно оценивал своим военным глазомером обстоятельства, в которых находился, и всегда знал, следует ли воевать с половцами или выждать более благоприятного времени, и если следует, то когда именно и куда направить войско. Поэтому-то только единственный раз в жизни он и потерпел от них поражение при Треполе, где потерял брата Ростислава, и притом только потому, как мы знаем, что как поход, так и самое сражение были предприняты Святополком вопреки его воле. Быстрота передвижений Мономаха с целью настигнуть противника и ошеломить внезапным нападением бывала, как мы виде-

ли, изумительной. При столкновении же с неприятелем на ратном поле он всегда, когда наступало должное время, переходил во главе своей дружины к стремительному натиску, нимало не щадя своей жизни, и тем одерживал победу.

Справедливо заслужив во всем тогдашнем мире славу знаменитого и грозного победителя половцев, Владимир, по свойству своей истинно русской души, перед каждым боем возлагал все свое упование на помощь Господа Бога и не считал постыдным перед лицом всей рати искренно плакать от всей полноты своего сердца, когда горячо молился о даровании победы русскому воинству в предстоящей сече и об упокоении душ храбрецов, которые положат в ней свой живот.

Долгое время после кончины Мономаха на Руси держалось сказание, записанное и на стенах Успенского собора в Москве, что перед смертью он собрал духовенство, бояр и купцов и сказал им: «Да не венчают никого на царство по моей смерти. Отечество наше разделено на многие области; если будет царь, то удельные князья из зависти начнут воевать

с ним и государство погибнет», – после чего вручил царскую утварь сыну Юрию, приказал хранить ее как зеницу ока и передавать из рода в род, пока Бог не воздвигнет царя, истинного самодержца земли Русской.

Глава 3

Ближайшие преемники Владимира Мономаха. Раздоры среди Мономаховичей. Борьба с ними Ольговичей. Новгород; порядки, установившиеся в нем под влиянием княжеских усобиц. Всеволод Ольгович в Киеве. Игорь Ольгович и Изяслав Мстиславович. Юрий Долгорукий и Суздальский край. Сражение на реке Руге. Клятвопреступление Владимирка. Вячеслав в Киеве. Смерть Юрия Долгорукого

Владимир Мономах пережил всех замечательных современных ему князей: ранее других сошли в могилу Олег и Давид Святославовичи Черниговские, а в 1124 году, за год до его смерти, скончались и знаменитые своею братской привязанностью Володарь и Василько.

Из всех внуков Ярослава Мудрого пережил Мономаха только младший брат Олега и Да-

вида Святославовичей Ярослав; по правилам лествического восхождения Ярослав, несомненно, имел известные права на Киевский стол; однако он был настолько незначительным человеком, что, как мы увидим, вскоре потерял старшинство и в своем роде Святославовичей; поэтому, конечно, он вовсе и не мог думать оспаривать Киевский стол у Мстислава, которого еще при жизни отца все князья признали наследником старшего стола.

О более достойном преемнике Мономаху,

чем Мстислав, нельзя было и мечтать. Еще в юных годах он прославился своей победой над крестным отцом Олегом Святославовичем и своим благородным и истинно христианским к нему отношением; вся же его последующая жизнь в Новгородской земле была полна подвигами высокой воинской доблести и самоотверженного служения на благо своих подданных, за что он и был так любим новгородцами.

Кроме Мстислава, Мономах оставил еще четверых сыновей. Все они были, по своим душевным свойствам, замечательными людьми.

Второй сын Ярополк, так же как и старший брат Мстислав, пользовался всеобщей любовью за свое большое благородство и необыкновенную храбрость. Летописец, желая очертить его нравственный облик, называет Ярополка «благочестивого князя корень» и «благочестивая отрасль». Он еще при жизни отца получил Переяславский стол, на котором, как мы видели, все сидевшие князья были как бы в сторожах Русской земли, так как первыми подвергались нападению степных хищников.

Третий сын Мономаха, бездетный Вячеслав, княживший сперва в Смоленске, а потом в Турове, в полную противоположность братьям, замечателен совершенным отсутствием воинственности и был человеком изумительно добродушным; он весьма легко отказывался от своих прав, чтобы избежать кровопролития, хотя и обладал личной храбростью и имел превосходную дружину.

Четвертый сын Мономаха, значительно моложе годами Вячеслава, Юрий, особенно отличался любовью к заселению и устройству далекой Ростовской области, где он княжил с юных лет; однако при этом Юрий никогда не отказывался от своих прав на Киевский стол и за стремление поддержать их из своей далекой Ростово-Суздальской земли получил прозвание Долгорукий.

Наконец, пятый сын Владимира, Андрей, оставил по себе добрую память как о необыкновенно храбром и стойком человеке.

Пред тем, чтобы перейти к изложению весьма сложных событий, наступивших после смерти Мономаха, необходимо ознакомиться, кроме его сыновей, и с остальными

главными действующими лицами этих событий.

Ими были сыновья великого князя Мстислава Владимировича, сыновья Олега и Давида Святославовичей Черниговских, а также и потомство Володаря и Василька.

Из сыновей Мстислава особенное значение имели следующие: старший – Всеволод-Гавриил, посаженный после отца в Новгороде; он, так же как и отец, был искусным и храбрым воином, соединяя эти качества с редким благочестием и чистотой жизни.

Еще большее значение в судьбах Русской земли имел второй сын Мстислава, князь Изяслав Мстиславович. Пылкий и беспрельно храбрый, при этом с ясным и живым умом, находчивый, щедрый, великодушный и милостивый, Изяслав пользовался необыкновенной любовью всех близко стоявших к нему людей и более других внуков Мономаха напоминал своего знаменитого деда.

Третий Мстиславович – Ростислав – был похож на дядю Вячеслава: такой же богобоязненный и миролюбивый; при этом он занял после Вячеслава же и Смоленский стол, когда

тот перешел в Туров. Однако, в противоположность дяде, Ростислав, строго уважая чужие права, вместе с тем требовал строгого уважения и своих собственных.

Несколько иного душевного склада был младший Мстиславович – Владимир, который был по отношению старших своих братьев мачешичем, так как родился не от матери их, королевны Христины, а от мачехи – дочери новгородского посадника Димитрия Завидича, второй жены Мстислава.

Этот мачешич Владимир, в противоположность остальным Мстиславовичам, оставил по себе память как о человеке с нетвердыми нравственными правилами и за легкость, с которой он нарушал свое слово, был метко прозван современниками «вертлявым». Однако и Владимир не был вовсе лишен душевного благородства и был, как мы увидим, способен с опасностью для собственной жизни вступить за обиженного.

Из сыновей Олега Святославовича Черниговского имели особенное значение трое старших: Всеволод, Игорь и Святослав.

Всеволод Ольгович, женатый на дочери ве-

ликого князя Мстислава, отличался ясным умом и большим пониманием сложных княжеских отношений; это был человек честолюбивый, холодный, расчетливый, сильной воли и не всегда разборчивый в средствах, когда этого требовали его выгоды; при этом следует сказать, что Всеволод несомненно обладал многими качествами, нужными для правителя. Как женатый на дочери Мстислава, он был с ним, а также и с его сыновьями, братьями жены, в очень близких родственных отношениях и искусно пользовался ими в своих выгодах.

Брат Всеволода, Игорь Ольгович, был в общем человеком хорошим и храбрым. Известность же по себе он оставил, как мы увидим, своими великими несчастиями и страдальческой смертью.

Третий Ольгович, мужественный и благородный Святослав, особенно дорог сердцу каждого русского человека за свою необыкновенно нежную и самоотверженную братскую любовь к несчастному Игорю. Как мы увидим в последующем нашем изложении, с того дня, как судьба сложилась немилостиво для Иго-

ря, вся жизнь Святослава заключалась в одном лишь стремлении – помочь своему несчастному брату.

Из сыновей Давида Святославовича оставили по себе память тоже трое: уже известный нам князь Николай Святоша, Изяслав и Владимир. Последние два были людьми честолюбивыми, мужественными, порой великодушными и милостивыми, но, к сожалению, порой и вероломными.

В семье Ростиславовичей, после смерти Володаря и Василька, крепкая дружба, всю жизнь соединявшая обоих братьев, рушилась, и в потомстве их возникли раздоры; главным заводчиком этих раздоров был сын Володаря Владимирко, который не только обижал своих двоюродных братьев, сыновей Василька, но крайне утеснял и своего родного брата Ростислава. Владимирко, благодаря смелости и большому, но беззастенчивому уму, стал прибирать к своим рукам волости отца и дяди и, как увидим, вскоре стал весьма могущественным владельцем в западной Руси.

Кроме поименованных выше князей, в со-

бытиях на Руси, наступивших после кончины Мономаха, принимали участие и потомки чародея Всеслава, сидевшие в Полоцкой земле; это были большею частью люди воинственные и задорные, но не лишённые истинного благородства.

Наконец, имел некоторое значение сын Давида Игоревича, ослепившего Василька, Всеволодко, княживший в Городне, или нынешней Гродне; он был женат на дочери Мономаха Агафье.

Потомки же Святополка Изяславовича, другого виновника ослепления Василька, сидели в некоторых незначительных городах, расположенных в Пинских болотах, и в последующих судьбах нашего Отечества никакого значения не имели, кроме одного – Юрия Ярославовича, внука Святополкова, отличавшегося большой храбростью.

Из сделанного нами краткого очерка душевных свойств князей, имевших главнейшее значение в событиях, наступивших после кончины Владимира Мономаха, мы видим, что большинство из них отличались выдающимися качествами: большим благочестием,

благородством, мужеством, крупными умственными способностями и большими военными дарованиями. Казалось бы на первый взгляд, что такие исключительно благоприятные качества потомков святого Владимира должны были послужить только на пользу, процветание, мощь и славу Русской земли.

К сожалению, однако, мы увидим, что, наоборот, при них земля наша, возведенная трудами Владимира Мономаха на ту же степень величия и могущества, на каковой она была при Ярославе Мудром, стала быстро клониться к разложению и упадку. При этом мы ясно увидим также, что единственной причиной этого бедственного явления было отсутствие среди них единства действий, направленных для осуществления общего дела – служения Русской земле. Это единство действий могло быть достигнуто, конечно, только двумя путями; одним из них было бы полное братолюбие, между всеми князьями, причем каждый жил бы не ради себя одного только, а лишь вместе со всеми и для всех; другим же путем было бы установление между ними строго определенных отношений и поддержание

как их, так и направления деятельности всех во имя общего дела единой сильной рукой.

Для первого пути необходимо было совершенное проникновение в сердца наших князей Христовых заповедей, чего, как мы знаем, не было, а для второго – наличность единой сильной верховной власти, чего в то время не было тоже.

Конечно, по занятии в 1125 году старшего Киевского стола Мстиславом блестящее положение нашей Родины, созданное Мономахом, продолжалось еще некоторое время, тем более что сам Мстислав был ему достойным преемником.

Половцы, обрадовавшись смерти Мономаха, немедленно же по вокняжении Мстислава появились в пределах Переяславльского княжества. Но здесь сидел храбрый брат Мстислава Ярополк Владимирович. Он смело выступил против поганых, и когда те стали тотчас же отступать, то погнался за ними, достиг их и, призвавши имя Божие и отца своего Мономаха, смело ударил на врага и одержал над ним блистательную победу.

Почти одновременно с этим Мстиславу

пришлось воевать с полоцкими князьями, которые после смерти Владимира тоже стали позволять себе опустошать соседние владения Мономаховичей.

Мстислав направил свои войска в 1127 году в Полоцкую землю и после двухлетней борьбы с потомками Всеслава окончательно победил их и затем отправил на трех ладьях в Царьград, где они были подвергнуты заточению. Над городами же Полоцкой земли Мстислав поставил своих посадников, а впоследствии посадил там сына Изяслава.

Вслед за присоединением Полоцкой земли Мстиславу пришлось воевать и с жившей на границе этой земли Литвою. Он ходил на нее с сыновьями, а также с Ольговичами и с шурином своим Всеволодком Городенским. Поход был в общем очень удачным.

Удачно ходили сыновья Мстиславовы – Всеволод-Гавриил, Изяслав и Ростислав – и на чудь: много врагов перебили, хоромы пожгли, жен и детей взяли в полон и привели домой.

Этими военными успехами Мстислав, разумеется, еще более утвердил веру в могуще-

ство Руси.

Между тем во время описанных походов в самой княжеской семье произошло явление, имевшее большое значение для будущего. Оно заключалось в следующем: вскоре после занятия великокняжеского стола Мстиславом, причем, как мы знаем, был обойден его малоспособный двоюродный дядя Ярослав Святославович Черниговский, Всеволод Ольгович – родной племянник этого Ярослава – напал на дядю врасплох и, согнав с Черниговского стола, заключил его в неволю.

Конечно, Всеволод рассчитывал, что раз Ярослав спокойно уступил Мстиславу старшинство в целом княжеском роде, то он уступит его также без особых трудностей и в своем племени. Кроме того, очевидно, он сильно рассчитывал и на то, что жена его приходилась дочерью великому князю Мстиславу Владимировичу.

Однако Мстислав, узнав о поступке Всеволода Ольговича, отнюдь не хотел терпеть такого нарушения старшинства и стал вместе с братом Ярополком собирать войско, чтобы идти на Всеволода. Тогда Всеволод отпустил

дядю Ярослава в Муром и послал за половцами. Половцы явились в числе семи тысяч человек и стали на реке Вир. Но стремительный Ярополк успел из Переяславля захватить все течение реки Сейм и стать между половцами и Черниговом, причем он перехватил и половецких послов, направленных к Всеволоду в Чернигов. Тогда половцы сильно испугались и побежали, не ожидая боя; это бегство показывает нам, конечно, какими робкими стали половцы после грозных походов Мономаха и его сыновей.

После бегства половцев Мстислав стал еще больше теснить Всеволода Ольговича. «Что взял, – посылал он сказать ему, – навел половцев, что же, помогли они тебе?» Всеволод стал всячески упрашивать Мстислава, подучивал его бояр, подкупал их дарами и таким образом провел все лето. Зимой прибыл в Киев к Мстиславу и Ярослав Святославович из Мурома и стал со своей стороны упрашивать великого князя идти на Всеволода, а последний еще больше просил тестя смилостивиться над ним и не гнать из Чернигова. В то время в Киевском Андреевском монастыре был игуме-

ном Григорий, которого очень чтили Владимир Мономах, Мстислав и весь народ. Этот-то Григорий все не давал Мстиславу идти ратью на Всеволода и все уговаривал лучше нарушить слово, данное Ярославу, – поддержать его права на Чернигов, нежели пролить кровь христианскую. Мстислав долго не хотел сдаваться на увещания его, но наконец созвал собор из духовенства и передал ему решение вопроса; те отвечали, что принимают на себя грех Мстиславов в нарушении слова Ярославу, но чтобы кровь русская не лилась. Мстислав послушал их, не поддержал Ярослава, и затем всю свою жизнь раскаивался в этом.

Ярослав же, видя себя оставленным Мстиславом, вынужден был идти назад в Муромскую землю, где навсегда и поселился с потомством, так как, будучи выключен из старшинства насилием Всеволода, навсегда потерял свои права на Черниговскую волость. От него пошли князья Муромские и Рязанские.

Конечно, поступок Всеволода Ольговича и уступчивость, проявленная в этом деле Мсти-

славом, должны были служить самым дурным примером для княжеских отношений в будущем, что вскоре и сказалось.

В 1132 году умер Мстислав, горячо всеми оплакиваемый. Он был погребен в Киеве, в обители святого Феодора, им основанной. Летописец, говоря про его княжение, называет его Великим, а Православная церковь причислила его к лику святых.

Мстиславу наследовал следующий за ним брат – Ярополк, «благоверного князя благоверная отрасль». Соперников у него быть не могло. Он был единственным князем, отец и дед которого сидели на Киевском столе, вследствие чего только он и мог сесть на него «по отчине и дедине», как тогда говорили. Кроме этого, он был очень любим за свой благородный нрав и необыкновенное мужество как киевлянами, так и вообще на Руси.

Всем, по-видимому, казалось, что княжение его будет таким же славным и счастливым, как и брата Мстислава. Однако эти ожидания не сбылись.

Тотчас же, по занятии Ярополком Киевского стола, началась большая усобица уже в са-

мой семье Мономаха.

До сих пор мы видели усобицы, происшедшие вследствие того, что дяди обижали своих племянников, которые потом силою стали добывать себе части в Русской земле. Мы видели также, что благодаря княжеским съездам, созданным стараниями Владимира Мономаха, обиженные племянники были наделены волостями, после чего усобицы прекратились.

Теперь начинается новая борьба: борьба племянников, сыновей старших братьев, с младшими дядями. Первый пример этой борьбы показал Всеволод Ольгович, изгнав из Чернигова дядю Ярослава Святославовича.

Как мы видели, Мстислав под влиянием духовенства допустил такое нарушение прав дяди, хотя всю жизнь и сожалел об этом. После же его смерти одно опасение, что возможно подобное повторение нарушения племянником прав дяди, произвело сильнейшую усобицу в его собственном роде.

Дело заключалось в следующем. Мстислав передал Ярополку, который был бездетным, вместе с великим княжением и всех своих де-

тей, причем уговорился с ним при жизни, что тот немедленно, по принятии Киевского стола, переведет на свое место в Переяславль сына Мстиславова Всеволода-Гавриила из Новгорода. Ярополк по смерти Мстислава так и сделал и, севши в Киеве, тотчас же повелел племяннику Всеволоду-Гавриилу перейти из Новгорода в Переяславль. Вот это и повело к усобице, так как, после выделения Черниговской земли в особую волость Святославичам, Переяславль стал считаться старшим после Киева столом, и его должен был занять следующий после Ярополка Владимировича брат Вячеслав Владимирович, сидевший в это время в Турове. Назначение же в Переяславль Мстиславовича – Всеволода-Гавриила, помимо дядей, могло иметь вид, что Ярополк готовит ему после себя Киев.

Вячеслав Туровский, по необыкновенной мягкости своего нрава, не противился перемещению племянника в Переяславль, хотя именно ему принадлежал, после Ярополка, этот стол. Но младшие Мономаховичи, предприимчивые Юрий Долгорукий и Андрей, сейчас же всполошились, особенно имея в ви-

ду пример безнаказанного поступка Всеволода Ольговича Черниговского по отношению к своему дяде Ярославу.

По словам летописца, узнав о распоряжении Ярополка Владимировича относительно занятия Всеволодом-Гавриилом Переяславля, Юрий Долгорукий и Андрей Владимирович прямо сказали: «Брат Ярополк хочет по смерти своей дать Киев Всеволоду, племяннику своему» – и решили этому воспротивиться. Действительно, не успел утром въехать в Переяславль прибывший из Новгорода Всеволод-Гавриил, как был уже изгнан из него после обеда дядей Юрием Долгоруким. Это послужило началом к продолжительной усобице и к большим перемещениям в Русской земле.

Через восемь дней великий князь Ярополк вывел брата Юрия из Переяславля и посадил туда другого племянника – Изяслава Мстиславовича, княжившего в Полоцке, так как, по видимому, Всеволод-Гавриил не пожелал в другой раз сесть в Переяславле, а поспешил вернуться к себе в Новгород.

Тогда полочане, не любившие, подобно

новгородцам, когда князь покидал их волость для другой, решили после ухода Изяслава отложиться от Мономахова рода и призвали одного из прежних своих князей – Василька, внука Всеслава, неизвестно каким образом избежавшего заточения в Царьграде. Видя это, великий князь Ярополк Владимирович, чтобы сохранить хотя часть Полоцкой земли, поспешил вернуть храброго Изяслава Мстиславовича в Минск (единственную волость из Полоцкого княжества, оставшуюся в его руках после призвания полочанами Василька) и придал Изяславу еще Туров и Пинск, а в Переяславль перевел из Турова своего брата Вячеслава Владимировича.

Таким образом, младшие Мономаховичи были удовлетворены: Переяславль перешел к старшему после Ярополка брату, законному преемнику после него и Киевского стола. Но мир продолжался очень недолго. Любившему покой Вячеславу очень не нравилось сидеть в беспокойном Переяславле, и он решил его покинуть, несмотря на увещания великого князя, который послал ему сказать: «Что ты все скитаешься, не посидишь на одном месте,

точно половчин?» Оставив Переяславль, Вячеслав пошел к себе в Туров и вывел оттуда племянника – Изяслава Мстиславовича.

Тогда Ярополк должен был заключить новый договор, или ряд: отдать брату своему Юрию Долгорукому Переяславль, но с тем, чтобы Юрий уступил ему Ростовскую область, конечно, для того, чтобы передать ее племяннику Изяславу Мстиславовичу, оставшемуся, после вывода из Турова, без волости. Юрий согласился на эту мену, так как сильно хотел сидеть в Переяславле, однако настаивал, чтобы часть Ростовской земли осталась во всяком случае за ним. Пока шли эти переговоры между Ярополком и Юрием, Изяслав, выведенный из терпения постоянными перемещениями против собственной воли, решил не ожидать окончания нового ряда между дядями, а отдать дело на суд Божий, то есть прибегнуть к оружию. Он ушел в Новгород к брату своему Всеволоду-Гавриилу и уговорил его идти воевать у Юрия Долгорукого Ростовскую область, считая, что этот дядя – главный виновник всех постигших его бедствий.

Видя, что в семье Мономаховичей возник-

ли семейные раздоры, черниговские Святославовичи решили, что наступило их время вмешаться в эти раздоры с тем, чтобы извлечь для себя все возможные выгоды. Они разочли, что для них выгоднее принять сторону молодых Мстиславовичей против их дядей – Ярополка, Юрия и Андрея, и, как это было в обычаях у Святославовичей, они послали за половцами. Всем делом у Святославовичей руководил Всеволод Ольгович.

Против них выступил великий князь Ярополк с братьями Юрием и Андреем. Опять начались забытые на некоторое время печальные картины кровавого хозяйничанья половцев в Русской земле: запылали села и скирды, по дорогам потянулись вереницы пленников; издалека слышны были плач и стоны женщин и детей, уводимых в неволю.

Борьба шла с переменным счастьем, причем не прекращались и переговоры о мире; наконец, в 1134 году, дяди Мономаховичи успели урядиться с племянниками Мстиславовичами, а потому и Ольговичи должны были также идти на примирение; оно состоялось на следующих условиях: Изяслав Мсти-

славович получал Владимиро-Волынский стол, откуда дядя Андрей Владимирович, сидевший там, переходил в Переяславль, так как Юрий Долгорукий убедился, что беспоконное, сильно разоренное половцами княжество не стоит менять на свою северную, но верную Ростовскую волость. Ольговичи при этом примирении не получили ничего и, конечно, не могли быть довольны, так как рассчитывали вернуть себе земли по реке Сейм, вместе с городом Курском, бывшие в их владении и недавно отошедшие к Мстиславовичам, после того как Всеволод Ольгович изгнал дядю Ярослава из Чернигова, а одновременно с этим Ярополк Мстиславович, выйдя против половцев, захватил Посемье.

Ввиду указанного недовольства, в следующем, 1135 году Ольговичи неожиданно подступили к Переяславлю и три дня бились у ворот города с его крепким сидельцем, мужемственным Андреем Владимировичем; затем, узнав, что на помощь ему идет из Киева брат Андрея великий князь Ярополк, Ольговичи отступили к верховьям реки Супой.

Ярополк был отвагою весь в отца своего

Мономаха, но, к сожалению, не обладал его изумительно верным глазомером; завидя врага, он не мог удержаться, пока подойдут киевские полки; с одной своей дружиной, даже не выстроившись хорошенько, ударил он на Ольговичей со словами: «Где им устоять против нашей силы». И действительно, в начале боя успех был на стороне Ярополка; приведенные Всеволодом Ольговичем половцы побежали; однако все-таки победа в конце концов склонилась на сторону Ольговичей, причем у Ярополка было убито много лучших мужей.

Вернувшись в Киев, великий князь Ярополк стал набирать новое войско и не хотел мириться с Ольговичами, которые, после своей победы при Супое, предлагали заключить мир и рассчитывали получить его на выгодных условиях. Но, собрав огромные силы, Ярополк не выступил в поход. Он, как рассказывает летописец, побоялся суда Божия, смирился перед Ольговичами и не начал кровопролития, исполняя заповедь «любите враги ваша», а заключил с Ольговичами мир, отдав им города по реке Сейм.

Но и этот мир был непродолжительным. Вскоре Ольговичи поднялись снова и стали воевать Переяславльское княжество, причем целью их стремлений было овладеть при удаче и Киевом; принимая уступчивость, проявленную Ярополком, за слабость, в них вновь усилилась надежда вернуть себе утраченное старшинство на Киевский стол.

Узнав про это, великий князь Ярополк собрал огромную рать со всех земель, где сидели Мономаховичи, и вступил в Черниговскую волость.

Всеволод Ольгович испугался и хотел было уже бежать к половцам, но черниговцы остановили его. «Ты хочешь бежать к половцам, – говорили они ему, – а волость свою погубить; но к чему же ты тогда после воротишься. Лучше отложи свое высокоумье и проси мира; мы знаем Ярополково милосердие; он не радуется кровопролитию. Бога ради он помирится, так как соблюдает Русскую землю». Всеволод послушался и стал просить мира у Ярополка. Ярополк, оправдывая прозвище свое «благоверного князя корень и благоверная отрасль», поразмыслив хорошенько, не

захотел кровопролития и заключил с Ольговичами мир, окончательно скрепленный договором в 1139 году. Так кончились усобицы на юге во время княжения Ярополка Владимировича.

Усобицы эти сильно отозвались также на севере, в Новгороде.

Как мы знаем, Новгород занимал особое положение во всей Русской земле. Новгородцы были первые, которые решили объединиться под властью призванных князей; стол их считался древнейшим; на нем еще сидел Рюрик. Когда же великие князья перенесли свое пребывание в Киев, то, по установившемуся обычаю, посылали обыкновенно в Новгород старших своих сыновей. Мы видели, какие услуги оказали новгородцы Ярославу Мудрому, за что он и дал им, в своей известной грамоте, большие льготы. Мы знаем также, что при первых наших князьях новгородцы были необыкновенно им преданы; они готовы были принести во имя их всякие жертвы и очень не любили и обижались, когда они уходили от них. Мы видели, что уважение к имени князя было так велико у нов-

городцев, что, когда к ним попал в плен Все-
слав Полоцкий, причинивший им много зла,
они с почетом отпустили его «ради Бога», вы-
соко уважая его княжеское происхождение.
Но затем мы видели также, что, под влияни-
ем возрастающих усобиц в княжеской среде,
обаяние и значение княжеского имени стало
быстро падать на Руси; жители Киева начи-
нают открыто, а порой и бурно, выражать
свое недовольство на князей и приобретают
большое значение при занятии ими старшего
стола. Та же самая перемена произошла и в
Новгороде; мы видели, что когда великий
князь Святополк Изяславович пожелал Нов-
город для своего сына и предложил Мономаху
вывести из него Мстислава Святого, то новго-
родцы, прибывшие в Киев, держали следую-
щее дерзкое слово: «Не хотим Святополка и
сына его; если у него две головы, то посылай
его».

Конечно, продолжавшиеся усобицы кня-
зей усиливали еще более своевольный дух
новгородцев, тем более что этому способство-
вали и другие обстоятельства.

Благодаря выгодному своему положению

на великом водном пути «из варяг в греки», Новгород вел обширнейшую торговлю и раньше других русских городов достиг цветущего состояния. Особенно много помогли быстрому росту новгородского богатства удачные походы его князей – на запад, север и восток; жившие здесь финские племена покорялись и облагались большой данью; они ее платили главным образом дорогими мехами, очень ценившимися в западной Европе, с которой Новгород вел торговлю при посредстве немецких городов, расположенных на Балтийском море и образовавших одно время большой торговый союз под именем «Ганза»; в этот Ганзейский союз входил и Новгород, и в XII веке в нем проживало уже много немцев. Скопление богатств в Новгороде создало в нем значительное количество очень состоятельных людей, которые, нажив большое состояние, стали, разумеется, искать себе и большей власти в своей земле.

Права всех граждан Новгорода при решении общественных дел, а также в отношении друг к другу считались совершенно равными.

Но это так только считалось; в действи-

тельности же все новгородское население делилось в зависимости от состояния на лучших, то есть более богатых, а потому и более сильных и влиятельных людей, и на меньших людей, к которым принадлежал бедный, а потому менее влиятельный слой населения. Кроме общего разделения на лучших и меньших людей, было у новгородцев деление и на сословия; высшее составляли бояре – крупные земельные собственники и владельцы больших денежных богатств; они не принимали прямого участия в новгородской торговле, но обыкновенно ссужали своими деньгами нуждающихся купцов и, таким образом, на самом деле стояли во главе торговых оборотов Новгорода. За боярами шли так называемые житьи люди; это были граждане, жившие доходами или от своих поместий, или от состояния в деньгах; при этом они были не столь имениты и богаты, как бояре, но также не занимались сами торговлей, как это делало третье сословие – купцы. Новгородские купцы делились на сотни и основывали купеческие общества, куда принимали внесших 50 гривен серебра, причем каждый член тако-

го общества пользовался поддержкой остальных в своих торговых оборотах. Наконец, низшее сословие новгородцев носило название черных людей; сюда входили ремесленники, рабочие, мелкие землевладельцы, или земцы, и смерды – сельское население и бездомные батраки.

Для решения важных общественных дел новгородцы собирались на народное собрание, или вече, как и во всех остальных больших городах на Руси. При этом вече в Новгороде, особенно с умалением значения княжеской власти и ростом богатства жителей, стало приобретать все большую и большую силу, а сидевшие в Новгороде князья вынуждены были все более и более считаться с ним.

Новгород делился рекою Волхов на две части: Торговую, на восточном берегу, и Софийскую, на западном. Главною частью города было огороженное место, или кремль, называвшееся также Детинцем, на Софийской стороне. Этот кремль был обнесен стенами с башнями и воротами. В нем жил князь с дружиною и новгородский владыка (архиепископ). Тут же находился и знаменитый Со-

фийский собор. Вокруг кремля шел посад, который делился на три части, или конца; здесь было еще две стены с башнями и воротами. По восточному берегу Волхова, на Торговой стороне помещались рынки и лавки, а также иностранные торговые дворы: Немецкий и другие. Торговая сторона соединялась с Софийской мостом и заключала две части, или конца, так что весь Новгород, кроме кремля, имел пять концов. Кроме того, на Торговой стороне был расположен известный двор Ярославов. Здесь, на этом дворе, обыкновенно и собиралось вече, хотя иногда оно собиралось и на площади у Софийской церкви.

Кругом Новгорода лежали громадные пространства земель, ему принадлежавших и называвшихся «землями Святой Софии». Эти земли делились на пятины и области. Пятин было по числу концов, то есть пять; в пятинах находились «пригороды», или города, подчиненные Новгороду: Псков, Изборск, Великие Луки, Старая Русса, Ладога и другие. Пригороды имели свои веча, но в общих делах они должны были подчиняться приговору новгородского веча. «На чем старшие сду-

мают, на том и пригороды станут», – говорилось тогда, и этого правила держались на Руси все пригороды относительно старших городов.

За пятинами находились новгородские волости, или «земли», имевшие отличное от пятин устройство: Двинская земля, Заволочье, Пермская земля, Печора, Югра, земля Терская и другие. С земель этих, населенных различными финскими племенами, новгородцы собирали богатую дань, преимущественно драгоценными мехами; при этом для утверждения своего влияния они рубили в некоторых местах городки и так, мало-помалу, распространили свою власть как на дальний северо-восток, так и на Крайний Север, на Поморье – побережье Студеного моря.

Как мы сказали, все важнейшие дела Новгорода решались на вече. Правильное вече созывал князь, или посадник, посылая по улицам скликать людей особых лиц – «бирючей». Каждый конец и каждая улица составляли отдельные общины со своими старостами; в таком порядке собирались они и на вече. Когда все сходились на Ярославовом дворе, то звон

вечевого колокола возвещал открытие вече. Водворялась тишина. Посадник или вечевой дьяк громогласно объявлял собравшимся те вопросы, которые подлежало решить. Вопросы эти предварительно обсуждались и вырабатывались в особом правительственном совете, состоявшем из боярина, занимавшего в то время должность посадника, или так называемого *степенного* посадника[6], старых посадников, тысяцкого, сотских и других именитых людей. Свое согласие или несогласие на вече новгородцы выражали кликами. Когда дело было решено, то писалась грамота с решением, в которой обыкновенно Новгород величался «Господин Великий Новгород».

На беду, не всегда вече бывало правильным. Случалось, что народ, недовольный распоряжением властей, собирался на сходку, не соблюдая никаких правил. Случалось, что и сами бояре, враждуя между собой, возбуждали народ к волнению, подкупая новгородскую чернь; тогда являлись на вече подкупленные крикуны-вечники. Тут уже невозможно было получить беспристрастного решения.

К величайшему сожалению, по мере роста богатства Новгорода и скопления его в руках «лучших людей», вече постепенно все более и более превращалось в игрушку нескольких боярских родов, которые, подкупая «худых мужиков-вечников», получали возможность направлять решения веча в свою пользу.

Случалось, что порой разом в нескольких церквах начинали звонить; народ сходился в разных концах города, и одновременно собирались два враждебных друг другу веча: одно у Святой Софии, а другое на Ярославовом дворе. Они сходились на Волховском мосту, и завязывалась свалка, причем противники старались друг друга столкнуть в реку. В этом случае обыкновенно среди враждующих являлся новгородский владыка в полном облачении, с крестом в руках, и, пренебрегая собственной безопасностью, старался умиротворить обе стороны.

Владыки новгородские избирались на вече. Делалось это так: на вече выбирали трех лиц, достойных, по мнению народа, нести это высокое звание. Затем три записки с именем этих лиц клали в алтаре Софийского собора

на престол и приводили к нему слепца или ребенка, которые должны были взять две записки; оставшаяся же на престоле третья записка вскрывалась, и значившееся на ней лицо считалось избранным во владыки, как бы самим Божиим велением.

Важные должности *посадника*, который был земским начальником всего Новгорода, и *тысяцкого*, начальника всех новгородских черных людей, замещались первоначально лицами по назначению князей. Однако, пользуясь ослаблением княжеской власти вследствие возникших усобиц, новгородцы не замедлили, как мы увидим, присвоить себе право избирать на вече посадников и тысяцких.

Таковы были порядки, установившиеся мало-помалу в Новгороде.

Несмотря на то что старший сын Мономаха доблестный Мстислав Владимирович был крайне любим в Новгороде и принес ему немало славы и пользы своими удачными походами, и он, несомненно, должен был, сидя в нем на княжении, очень считаться с новгородскими сильными людьми, и когда потерял свою первую жену, королеву Христину, то

женился на дочери новгородского боярина Димитрия Завидича.

После того как в 1117 году престарелый Владимир Мономах вызвал Мстислава поближе к себе в Переяславль, вместо него сел в Новгороде сын последнего – юный Всеволод-Гавриил. Конечно, ввиду его крайней молодости и большой кротости, делами правили окружающие бояре, почему своеволие и гордость новгородских сильных людей должны были еще более усилиться. Возмужав, Всеволод-Гавриил женился на дочери князя Николая Святоши и ознаменовал свое княжение многими выдающимися делами: выстроил два великолепных храма, строго следил, чтобы никто из светских не смел вмешиваться в церковный суд, и провел важный закон об уравнении в правах наследства у простых людей дочерей с сыновьями. Особенно же проявил он свои редкие качества во время сильного голода 1127 года: он раздал бедным всю свою казну. Затем он удачно ходил на эстов и литву и очень прославился в 1123 году своим тяжелым походом в Финляндию, когда, несмотря на дурную погоду, плохие дороги и

отсутствие продовольствия, разбил наголову племя ям, или финляндцев, разорявших пограничные новгородские места. Таковы были дела Всеволода-Гавриила в Новгороде.

Однако когда в 1132 году он выехал из него, чтобы, согласно воле дяди Ярополка, сесть в Переяславле, и затем, как мы видели, тотчас же выведенный из последнего города Юрием Долгоруким, поспешил вернуться в свой любимый Новгород, то встретил там «встань великую на людях», обидевшихся, что он предпочел им Переяславль.

Вследствие этого Всеволод-Гавриил принужден был даже выехать из Новгорода. Новгородцы, впрочем, скоро опомнились и просили его с пути вернуться обратно, но уже прежние добрые отношения были нарушены и не поправились, несмотря даже на то, что в следующем, 1133 году Всеволод-Гавриил совершил блистательный поход на эстов и взял город Юрьев, которым было завладела чудь и перебила в нем всех русских. Следует думать, что именно в это время новгородцы, пользуясь затруднительным положением Всеволода-Гавриила, заключили с ним ряд условий,

значительно увеличивавших права веча, причем важнейшим из этих прав было избрание посадника самим вечем, за которым последовало такое же важное право – избирать на вече и тысяцкого. Вместе с тем новгородское вече получило право избирать посадников и для иных городов – Пскова, Ладоги и других. Все это, конечно, сильно умаляло значение князя.

В то время как властолюбивые новгородцы стремились ограничить права своего князя, в Новгород, как мы говорили, прибыл в 1134 году к брату обаятельный и воинственный Изяслав Мстиславович, изгнанный дядей Вячеславом из Турова; потеряв терпение ожидать окончания переговоров великого князя Ярополка с Юрием Долгоруким относительно своей судьбы, он стал уговаривать Всеволода-Гавриила идти на Юрия в Ростовскую область, чтобы добыть для Мстиславовичей хотя бы эту землю.

Вече, собранное для решения вопроса о войне с Юрием, было необыкновенно бурным; мнения разделились; наконец одолели сторонники Мстиславовичей, и часть несо-

гласного меньшинства была сброшена с моста в Волхов. Однако, как только новгородская рать с князьями выступила в поход, противники войны с Юрием, бывшие при войске, взяли верх и заставили всех вернуться назад. Но в Новгороде опять пересилили сторонники войны, и рать опять выступила в Ростовскую землю, несмотря на жестокие морозы и метели, а также и увещания митрополита Михаила, случайно прибывшего из Киева.

Конечно, при таких обстоятельствах невозможно было ожидать столь необходимого для победы единодушия в сердцах выступивших в поход новгородцев; и действительно, они встретились с ростовскими полками Юрия на Ждановой Горе и после жестокой сечи, в которой пало много храбрецов, потерпели поражение.

Сам Изяслав Мстиславович не был на Ждановой Горе, так как покинул Новгород при первом возвращении рати с пути; поэтому следствия понесенного поражения всецело легли на Всеволода-Гавриила и значительно уменьшили силы его сторонников в Новгороде.

В следующем, 1135 году новгородцы отправили своего посадника Мирослава мирить Мономаховичей с Ольговичами, потому что «сильно измаялась земля Русская», говорит летописец. Эта посылка Мирослава весьма замечательна; она ясно показывает, насколько пало значение князей вследствие раздоров между ними; новгородцы уже берут на себя смелость их мирить. Конечно, Мирославу помирить их не удалось, но при переговорах об этом примирении как Ольговичи, так и Мономаховичи старались получить новгородцев на свою сторону, что, разумеется, должно было еще более усилить самомнение последних. И вот новгородцы, рассчитав, что им выгоднее будет принять сторону Ольговичей, одержавших в это время как раз вследствие чрезмерной пылкости Ярослава победу при Супое, решили пригласить к себе Святослава Ольговича, а Всеволода Гавриила изгнать. Это решение новгородцы привели в исполнение в 1136 году, причем совершили над Всеволодом-Гавриилом неслыханное и беспримерное насилие, а именно заключили его со всей семьей в епископском доме до приезда Свято-

слава Ольговича, после чего вывели из города.

Разумеется, это позорное изгнание Всеволода-Гавриила не могло пройти спокойно, так как в городе оставалось много преданных ему сторонников, и скоро в нем поднялась смута. «Новгород разодрался, как разодралась земля Русская», – говорит летописец. Сперва сбросили с моста одного из приверженцев Всеволода, а затем составился и заговор, чтобы убить Святополка, причем в него даже стреляли, но без успеха. Наконец, несколько новгородских мужей побежали ко Всеволоду-Гавриилу в Вышгород, где его приютил дядя, великий князь Ярополк Владимирович, и стали просить его вернуться, уверяя, что у него много сторонников во Пскове и Новгороде, только и ждущих его появления. «Ступай, князь, там тебя хотят», – говорили они.

Всеволод-Гавриил пошел. Прибывши в Псков, он был действительно горячо принят жителями, но когда об этом узнали в Новгороде, то там вспыхнул сильнейший мятеж, и большинство не захотело возвращения Мстиславовича; его друзья подверглись жестокому

преследованию и стали стекаться к нему в Псков. Святослав же Ольгович, собрав всю Новгородскую землю и некоторые вспомогательные войска, пошел изгонять Всеволода-Гавриила из Пскова.

Но псковичи сразу показали большую стойкость, которой всегда отличались и впоследствии; они укрепили город и решили крепко стоять за Всеволода-Гавриила, так как были очень рады получить себе особого князя и тем освободиться от зависимости старшему городу. Эта решимость псковичей смутила новгородцев. Видя, что борьба будет трудная, они вернулись с пути, говоря: «Не хотим проливать крови братьев своих; пусть Бог все управит Своим Промыслом».

К сожалению псковичей, князь их жил недолго и умер в 1137 году, горько всеми оплакиваемый за свою высоко христианскую жизнь. Его нетленные мощи, прославившиеся многими чудесами, покоятся в Псковском соборе Святой Троицы, в придельном храме Благовещения Богородицы, а над гробницей святого Всеволода и донныне висит его огромный меч с надписью: «Чести моей не уступлю».

никуму».

Между тем новгородцы терпели большие неприятности; Мономаховичи были ими недовольны, что они держат у себя Ольговича, и прекратили с ними торговлю, а от этого сделалась большая дороговизна съестных припасов.

Пользуясь, однако, раздорами в княжеской семье, новгородцы сумели выйти из затруднения. Они решили призвать к себе сына Юрия Долгорукого Ростислава, а Святославу Ольговичу указать путь из Новгорода. Этим выбором они мирились как с великим князем Ярополком, так и с Мономаховичами и вместе с тем были избавлены от унижения принимать кого-либо из Мстиславовичей, братьев Всеволода-Гавриила.

Таким образом, из этого обстоятельства мы лишний раз ясно видим, что раздоры в княжеской семье были прямо на руку своему вольным новгородцам: они получили возможность выбирать себе князей, приравливаясь к обстоятельствам, из различных княжеских ветвей, между собой враждовавших.

Великий князь Ярополк Владимирович умер в 1139 году. Несмотря на его редкие душевные качества, у него не хватило сил удержать княжеский род от усобиц, возникавших ввиду чрезвычайно усложнившихся родовых отношений и наполнивших все время его княжения. Конечно, усобицами этими воспользовались наши внешние враги. Половцы, опомнившись от ударов Мономаха и Мстислава, стали вновь появляться в наших пределах и сильно их опустошать; даже чудь имела дерзость захватить Юрьев, и только победы Всеволода-Гавриила вернули нам этот город.

Незадолго до смерти Ярополк Владимирович, как мы видели, примирился с Ольговичами и отдал им Посемье; племянника своего Изяслава Мстиславовича посадил во Владимире-Волынском, брата, Вячеслава Владимировича оставил в Турове, другого брата, Андрея Владимировича, в Переяславе, а третьему – Юрию Долгорукому – вернул Ростов и Суздаль, причем в Южной Руси Юрий удержал Городец на реке Остёр, им самим выстроенный.

По смерти Ярополка, по всем правилам очередного порядка, старший стол занял следовавший за ним по старшинству брат – Вячеслав Владимирович. Конечно, с занятием великокняжеского стола этим в высшей степени мягким человеком следовало ожидать сильнейшего развития своеволия со стороны остальных князей. Так и случилось. Не успел узнать о въезде Вячеслава в Киев предприимчивый Всеволод Ольгович Черниговский, как тотчас же собрал небольшую дружину, быстро двинулся к Киеву и, подойдя к городу, послал сказать Вячеславу: «Иди добром из Киева». На это Вячеслав, имея отличную дружину и будучи сам человеком безусловно храбрым, но больше всего на свете любя покой и тишину, отправил к Всеволоду митрополита с таким ответом: «Я, брат, пришел сюда на место братьев своих Мстислава и Ярополка, по завещанию наших отцов; если же ты, брат, захотел этого стола, оставя свою отчину, то, пожалуйста, я буду меньше тебя, пойду в прежнюю свою волость, а Киев тебе». После этого Вячеслав вернулся в свой Туров, а Всеволод Ольгович сел в Киеве.

Совершая описанный, смелый до дерзости, шаг, Всеволод, понятно, рассчитывал на удачу только потому, что Мономаховичи были разделены и без главы: старшим в роде был слабовольный Вячеслав, а следующие за ним братья, Юрий Долгорукий и Андрей, не могли рассчитывать помимо него занять Киев; племянник же их, Изяслав Мстиславович, наиболее способный из всех Мономаховичей, был во вражде с обоими дядями, Юрием и Андреем. Вместе с тем Всеволод Ольгович был женат на родной сестре Изяслава Мстиславовича, а потому и рассчитывал войти с ним в соглашение и иметь на своей стороне. Сохранились известия, что, по вступлении в Киев, Всеволод послал сказать Изяславу Мстиславовичу во Владимир Волынский: «Дяди твои не дадут тебе сесть в Киеве; сам знаешь, что и прежде вас отовсюду изгоняли, и если бы не я, то никакой волости вам бы не досталось; поэтому теперь я хочу взять Киев, а вас буду держать как родных братьев и не только теперь дам хорошие волости, но и по смерти моей отдам тебе Киев, только вы не соединяйтесь с дядями против меня».

Однако, несмотря на все свои хитрости, положение Всеволода Ольговича было очень затруднительным. Занявши Киев, он должен был улаживаться и с собственным племенем: как с родными братьями Ольговичами, так и с двоюродными Давидовичами, которые были старшею ветвью в роде Святослава; сперва Всеволод обещал после себя Чернигов родному брату Игорю, но, севши в Киеве, отдал его двоюродному – Владимиру Давидовичу, а вместо этого родным должен был, конечно, обещать волости Мономаховичей, как только их изгонит; однако сделать этого он не смог, и потому между ним и его племенем скоро возникли взаимные неудовольствия.

Между тем и Мономаховичи, несмотря на вражду Мстиславовичей к дядям Юрию и Андрею Владимировичам, признавали, что им всем следует соединиться против Всеволода Ольговича, и переговоры об этом начал Юрий Долгорукий; он приехал в Смоленск к третьему Мстиславовичу Ростиславу, который вследствие своего миролюбия и постоянной почтительности к дядям мог быть хорошим посредником между ними и своими братья-

ми.

Узнав о переговорах Мономаховичей между собой и видя, что Изяслав Мстиславович даже не отвечает на его предложение войти с ним в соглашение, Всеволод Ольгович решил быстро открыть военные действия против Мономаховичей, с тем чтобы не дать им времени соединиться и разбить их поодиночке.

Он послал двоюродного брата Изяслава Давидовича с частью своих сил и половцами на запад против Изяслава Мстиславовича Волынского и Вячеслава Владимировича Туровского, а сам с братом Святославом пошел на Андрея Владимировича, сидевшего в Переяславле. Подойдя к Переяславлю, Всеволод послал сказать Андрею: «Ступай в Курск». Но доблестный Андрей не был похож на старшего брата Вячеслава; идти из Переяславля в Курск, незначительную волость Ольговичей, значило подвергнуть сильнейшему унижению весь род Мономаха; и Андрей послал следующий гордый ответ Всеволоду: «Лучше мне умереть с дружиною на своей отчине и дедине, чем взять Курское княженье; отец мой сидел не в Курске, а в Переяславле, и я хочу на

своей отчине умереть; если же тебе, брат, еще мало волостей, мало всей Русской земли, а хочешь взять и эту волость, то убей меня и возьми ее, а живой не пойду из своей волости. Это не в диковину будет нашему роду; так и прежде бывало: разве Святополк не убил Бориса и Глеба из-за волости? Но сам долго ли пожил? И здесь жизни лишился, да и там вечно мучится». После этого дружина Андрея вышла из города и, встретив Святослава, разбила его; на другой день Всеволод примирился с Андреем.

На западе Всеволоду тоже не удалось изгнать Изяслава Мстиславовича и Вячеслава Владимировича из их волостей, несмотря на то что они не получили помощи с севера от Юрия Долгорукого, хотя об этом и шли переговоры; поэтому и с этими Мономаховичами Всеволод вынужден был примириться. Размолвка же со своими Ольговичами у него не прекращалась.

Мы знаем, что новгородцы, указавши путь Святославу Ольговичу, избрали себе в князья сына Юрия Долгорукого Ростислава. Когда Юрий прибыл в Смоленск, чтобы вступить в

переговоры для объединения всех Мономаховичей, он послал к сыну в Новгород, чтобы тот шел оттуда с войском против Всеволода Ольговича, но новгородцы не послушались, и Ростислав должен был уйти к отцу. Юрий, конечно, рассердился на это и захватил у Новгорода Торжок; тогда новгородцы решили вновь призвать Святослава Ольговича, ставшего теперь братом великого князя Киевского; однако и он не мог с ними долго ужиться и тоже скоро ушел на юг и просил у брата Всеволода волости, причем остался очень недоволен, когда тот предложил ему Стародуб.

Вскоре умер храбрый Андрей Владимирович Переяславльский. Тогда великий князь Всеволод Ольгович послал сказать Вячеславу Туровскому, чтобы он шел в Переяславль, а на его место в Турове посадил своего родного сына Святослава Всеволодовича. Это еще более озлобило всех остальных Ольговичей, так как они сами рассчитывали на богатую Туровскую волость. Тогда Всеволод, видя их неудовольствие, позвал к себе рядиться всех братьев – родных и двоюродных. Но недоверие к нему было у всех них настолько сильно,

что сами они в Киев не поехали, а пересылались через Днепр, причем, не придя со Всеволодом ни к какому соглашению, его родные братья Святослав и Игорь Ольговичи целовали с Изяславом и Владимиром Давидовичами крест – действовать всем сообща против Всеволода; после этого все четыре князя двинулись к Переяславлю, где только что сел, по приглашению Всеволода, добродушный Вячеслав Владимирович. Они надеялись так же легко изгнать его оттуда, как он был изгнан Всеволодом Ольговичем из Киева. Однако на этот раз они ошиблись.

У городских стен они встретили отпор, а между тем на помощь Вячеславу с одной стороны шли подкрепления от великого князя Всеволода Ольговича из Киева, а с другой – прибыл самолично его храбрый племянник Изяслав Мстиславович и разбил соединенные силы четверых князей. После этого военные действия продолжались еще некоторое время, пока наконец Всеволод Ольгович не обратился к иноку-князю Николаю Святоше, при посредничестве которого состоялось общее примирение. Но и оно было недолгим. Всево-

лод Ольгович, как мы видели, держался только на всеобщем разьединении, и поэтому ему сильно не нравился союз его родных братьев с двоюродными – Давидовичами. Он послал сказать последним: «Отступите от моих братьев, я вас наделю». Те этим прельстились и перешли на сторону Всеволода, что, разумеется, вызвало ссору с ними Святослава и Игоря Ольговичей, которые еще более обиделись, когда Вячеслав Владимирович, с согласия Всеволода Ольговича, вернулся из Переяславля опять в свою волость Туров, откуда сын Всеволода Святослав перешел во Владимир Волынский, а в Переяславль, на место Вячеслава, сел шурин Всеволода – способный и деятельный Изяслав Мстиславович, с которым великий князь Всеволод успел наконец войти в дружеское соглашение.

Но, конечно, Изяслав Мстиславович хорошо понимал, что за человек был Всеволод Ольгович и что он только по нужде терпит Мстиславовичей в хороших волостях; поэтому Изяслав Мстиславович решил вновь попытаться объединить всех Мономаховичей и примириться для этого с дядей Юрием, к ко-

торому и отправился в Суздаль. К сожалению, однако, нравы и взгляды их были слишком различны, и уладиться они не могли, а, вероятно, расстались еще большими врагами.

Перемещение сына своего Святослава Всеволодовича во Владимир Волынский, на место Изяслава Мстиславовича, привело великого князя Всеволода Ольговича к борьбе и с Владимирко Володаревичем.

Как мы уже говорили, этот хитрый и изворотливый князь успел, пользуясь княжескими усобицами, объединить в своих руках владения Володаря и Василька Ростиславовичей – Перемышльскую и Теробовльскую волости, обидев при этом не только двоюродных братьев – детей Василька, но и родного племянника, сына умершего брата своего Ростислава – Ивана, прозванного, как мы увидим впоследствии, *Берладником*, которому оставил один только город Звенигород; сам же Владимирко, захватив все остальные волости и избрав своей столицей город *Галич*, стал весьма сильным владетельным князем.

При вокняжении Всеволода Ольговича в Киеве у него была дружба с Владимирком, но

когда соседом последнего стал сын Всеволода Святослав, севший во Владимире Волынском, то между ними вскоре возникли раздоры, кончившиеся тем, что в 1144 году Всеволод Ольгович собрал значительное войско и вместе с братом Игорем, с которым примирился, и некоторыми другими князьями, а также и с призванными половцами, пошел против «Многоглаголивого», как его называет летописец, Владимирка.

Тот призвал к себе на помощь венгров, и обе рати встретились у Звенигорода, где Всеволод зашел Владимирку в тыл, отрезав его от Галича и Перемышля. Тогда ловкий Владимирко, чтобы выйти из своего затруднительного положения, послал сказать Игорю Ольговичу: «Если помиришь меня с братом, то, по его смерти, помогу тебе сесть в Киеве». Эта уловка подействовала, и Игорь уговорил брата заключить с Владимирком мир, который его и получил, уплатив Всеволоду за расходы по походу 1200 гривен. «Прежде он много поговорил, а после много заплатил», – примечает по этому поводу летописец.

Неудачное окончание для Владимирка

этой борьбы ободрило его внутренних врагов, приверженцев племянника – Ивана Ростиславовича; когда однажды Владимирко выехал из Галича на охоту, то в город вошел с помощью преданных людей Иван и заперся в нем. После этого Владимирко три недели безуспешно осаждал Галич, и только когда однажды ночью Иван сделал неосторожную вылазку, он успел преградить ему обратное возвращение и вернуть себе Галич. Тогда Иван бежал в Киев к Всеволоду.

Это покровительство, оказанное Ивану Всеволодом, имело следствием новую войну последнего с Владимирком.

Всеволод в 1146 году опять собрал братьев, шуринов, пригласил поляков и диких половцев[7] и со множеством войска подошел к городу Звенигороду, занятому воеводою Владимирка Иваном Халдеевичем. Жители Звенигорода, ранее принадлежавшие Ивану Ростиславовичу, очевидно, не хотели биться за Владимирка; к тому же их могло утратить и множество войска, приведенного Всеволодом. Поэтому после первого же дня осады они собрали вече и решили сдаться. Но Владимирко

имел в Иване Халдеевиче верного и неустрашимого слугу. Он схватил трех граждан, из числа порешивших сдаться, убил их и, рассекши каждого пополам, выбросил вон из города. Этим цель его была достигнута; звенигородцы испугались его больше неприятеля и стали биться без лести. На третий день Всеволод решил взять Звенигород приступом; бой шел с зари до вечера; город был зажжен с трех сторон; но граждане потушили пожар и отбили все приступы. Тогда Всеволод должен был снять осаду и вернуться в Киев. Описанная защита Звенигорода весьма замечательна; она показывает нам, что может сделать мужественный, решительный и находчивый военачальник, даже имея под своим начальством малодушных людей.

Во время великого княжения Всеволода полоцкие князья, вернувшись из своего изгнания, из Греции, воспользовались раздорами в семье Мономаховичей и значительно усилили свое положение; скоро Ольговичи и Мономаховичи вместо вражды стали вступать с ними в родственные союзы. Усилилось, разумеется, при Всеволоде Ольговиче и свое-

волие новгородцев. Они несколько раз меняли своих князей, избирая их то среди Мономаховичей, то среди Ольговичей; чтобы сколько-нибудь обуздать их, Всеволод в течение десяти месяцев не давал им князя, чего они не могли терпеть, по словам летописца; притом сделалась дороговизна, и хлеб ниоткуда к ним не шел. Тогда новгородцы взяли себе опять сына Юрия Долгорукого Ростислава; когда же великий князь Всеволод Ольгович, постоянно враждовавший с Юрием, согласился вслед за тем дать им одного из своих шуринов Святополка Мстиславовича, то до его приезда новгородцы позволили себе опять заточить Ростислава Юрьевича.

Во время своего беспокойного великого княжения Всеволод принимал участие, и притом удачно, и в польских делах, где, к великому для Руси счастью, началась на многие годы такая же родовая усобица, как и у нас; она привела к разделению Польши на несколько отдельных княжеств, между собой враждовавших. Также удачно был отражен во времена Всеволода и разбойничий набег шведского князя, напавшего с 60 судами на купцов, шед-

ших в Новгород. Кроме того, при Всеволоде же мы удачно вновь воевали с финляндцами, вторгшимися в 1142 году в Новгородскую область; ни один человек из них не ушел домой.

Всеволод умер в 1146 году, разболевшись после похода на Галич; он до смерти сохранил Киевский стол и достиг к концу жизни подобия объединения под своей рукой большинства русских князей; но объединение это, в противоположность тому, которое было при Мономахе, основывалось не на общей сплоченности, а на взаимной розни, причем уже резко стали выделяться земли, все более и более терявшие зависимость от великого князя: Юрий Долгорукий был совершенно самостоятелен в своей Суздальско-Ростовской земле и до конца жизни Всеволода не признавал его великим князем; большую независимость приобрели себе князья галицкие и Полоцкие; отдельную замкнутую жизнь вело Рязано-Муромское княжество, куда, как мы помнили, удалился с семьей Ярослав Святославович Черниговский, изгнанный из Чернигова своим предприимчивым племянником Всеволодом Ольговичем; наконец, делался все более

и более своевластным и Господин Великий Новгород.

Еще за год до своей смерти, в присутствии родных и двоюродных братьев и шурина Изяслава Мстиславовича, Всеволод Ольгович объявил своим наследником брата Игоря. Изяслав Мстиславович был, конечно, сильно против этого распоряжения, но должен был ему покориться. За несколько дней до кончины Всеволод послал к князьям повторить свою волю относительно Игоря и, призвав также влиятельнейших киевлян, сказал им: «Я очень болен; вот брат мой Игорь, возьмите его себе в князья»; те отвечали: «Возьмем с радостью»; но они обманывали его, прибавляет летописец.

После похорон брата Игорь собрал киевлян, и все присягнули ему. Однако в этот же день вспыхнул в городе мятеж. Своевольные киевляне собрались на вече и заявили требование, чтобы Игорь уволил тиунов (управителей) покойного брата Всеволода, которые грабили народ. Бывший в Киеве Святослав Ольгович обещал от имени брата исполнить это желание, и вече разошлось. Но не успели кня-

зья сесть за обед, как получили сведение, что киевская чернь грабит дворы бояр, преданных Ольговичам, и Святославу едва удалось со своей дружиной укротить грабителей.

Это начало Игорева великого княжения не предвещало ничего доброго. Ничего доброго не предвещало также и поведение Изяслава Мстиславовича. Игорь послал в Переяславль сказать ему: «Брата нашего Бог взял; стоишь ли в крестном целовании?» – на что Изяслав не только ничего не ответил, но даже задержал посланных Игоря. В это же время в Переяславль прибыли и послы киевлян; они объявили Изяславу, что Игорь не сдержал данного обещания сместить тиунов, ненавистных жителям, почему последние считают себя свободными от присяги, данной Игорю, и просят прибыть Изяслава. Изяслав согласился и выступил в поход со своим юным сыном – храбрым Мстиславом Изяславовичем. Когда он подошел к Зарубу, все пограничное варварское население – черные клобуки, а также и жители соседних городов, прислали ему сказать: «Ты наш князь; Ольговичей не хотим; ступай скорее!»

Наконец, из Киева явились новые послы и держали ему такое слово: «Ты наш князь; ступай, не хотим переходить к Ольговичам, точно по наследству»... Последнее показывает, разумеется, что вследствие постоянных княжеских усобиц киевляне считали уже себя главными вершителями вопроса о том, кто у них должен быть князем, и понятие о преемственности занятия их стола в очередном порядке было уже утрачено жителями.

Игорь ожидал, разумеется, появления Изяслава и спешно готовился его отразить. Прежде всего надо было уладиться со своими двоюродными братьями Давидовичами, племя коих было старше Ольговичей. Те запросили у него очень много волостей, которые он, конечно, обещал, лишь бы они пришли на помощь. Не менее важным делом для Игоря было уладиться и с киевской дружиной. Он обещал ей также всевозможные льготы, но лучшие мужи ее уже тайно передались Изяславу.

При таких условиях состоялась встреча войск обоих противников под самым Киевом. Уже с началом боя киевляне передались Изяславу; однако Игорь этим не смутился и про-

должал некоторое время сражаться, пока, наконец, попав в болотистое место, не был обойден черными клобуками, причем сам он, будучи болен ногами, не мог выйти из болота, а дружина его потерпела полное поражение. После этого Святослав Ольгович, самоотверженно отстаивавший дело брата, должен был с остатками своей дружины уйти за Днепр, а бывший также с Игорем племянник его Святослав Всеволодович спрятался в Ириновском монастыре, где его и взяли.

Изяслав же Мстиславович с великой честью и славой въехал в Киев, встреченный духовенством и ликующим народом. Когда к нему привели захваченного у Святой Ирины Святослава Всеволодовича, то он обнял его и сказал: «Ты мне родной племянник». Действительно, этот молодой князь, будучи родным племянником Ольговичам, как мы знаем, приходился в то же время и родным племянником Мстиславовичам, по матери своей, их родной сестре, почему он и звался ими «сестричичем». Положение Святослава Всеволодовича было глубоко затруднительным, и чувства его должны были постоянно раздваи-

ваться: он был любим и ласкаем дядей Изяславом, но не мог не сочувствовать беде и своих дядей Ольговичей, из которых Игоря схватили через четыре дня в болоте, привели к Изяславу и потом заточили.

Так сел на столе отца своего и деда Изяслав Мстиславович, помимо дядей Вячеслава Владимировича и Юрия Долгорукого, следуя своей любимой поговорке: «Не место идет к голове, а голова к месту». Однако его сидение на этом столе с 1146 по 1154 год, несмотря на блестящие личные качества, было одним из самых тревожных времен для Русской земли; он все время должен был бороться с двумя враждебными для себя обстоятельствами: с горячей любовью Святослава Ольговича к Игорю, готового на все жертвы, чтобы спасти брата, и с непримиримой неприязнью со стороны дяди Юрия Долгорукого.

Юрий Долгорукий был еще ребенком посажен в Ростово-Суздальской земле отцом своим Мономахом, который сдал его на руки дядьке-кормильцу – боярину Юрию Шимоновичу, сыну славного варяга Шимона, строителя большой церкви Киево-Печерского мона-

стыря. Этот дядька-кормилец, за малолетством Юрия, был действительным управителем Суздальской земли, а впоследствии, когда юный князь возмужал и Шимонович стал его тысяцким, то Юрий передавал ему в свое отсутствие эту землю, яко отцу, в полное управление, почему оба они и должны почитаться ее оборонителями и устроителями.

Земля эта лежит в Залесской стороне, за большими лесами страны вятичей, известными также под именем «Брынских лесов», через которые, согласно былинному сказанию, мог проезжать напрямик, во времена святого Владимира, один только Илья Муромец.

Залесская сторона занимает угол между течением верхней Волги и Оки и ограничивается по северной стороне Волгой с притоками, от Зубцова на Белоозеро до впадения Оки в Волгу; в ней с незапамятных времен жили финские племена – меря, мурома и весь, которые, еще до призвания первых князей в 862 году, стали покоряться приходившими с запада славянами, здесь садившимися и, несомненно, основавшими древнейшие города Суздаль, Ростов и Белоозеро. Земля эта была

лесная и в известном смысле глухая, совсем удаленная от беспокойного поприща чуть не ежедневной войны, которая происходила во-круг Киева; почва ее не отличалась особым плодородием, но зато страну эту перерезывало множество речных путей, удобных для развития торговли; жители же ее издревле славились как искусные каменщики, плотники и земледельцы.

В XII веке Суздальская земля стала заметно оживляться и заселяться. Причинами этого были постоянные княжеские усобицы и полоняческие нашествия, разорявшие жителей Киевской Руси, вследствие чего население стремилось уходить оттуда подальше и двигалось на новые места по двум направлениям: на запад – в Галицкую землю и Польшу и на северо-восток – в Суздальский край; в этом крае новые пришельцы, смешавшись со старинными его обитателями, дали начало великорусскому племени, получившему впоследствии столь большое значение в жизни Руси.

Вот на заселение Суздальской земли и прилагали все свои усилия Юрий Долгорукий с дядькой-кормильцем Шимоновичем, всяче-

ски помогая устраиваться прибывающему люду и давая ему «немалую ссуду». Эти поселенцы делались, конечно, или хлебопашцами, или же начинали заниматься торговлею, ремеслами и другими промыслами в городах, как в старых – Ростове и Суздале, так особенно и в возникавших новых, где они составили многочисленное посадское сословие.

Приходя в новую сторону из Киевской Руси и устраиваясь на новых местах, поселенцы приносили с собой и свои родные названия, почему в Суздальской стороне многие города получили южнорусские наименования: Переяславль, Звенигород, Стародуб, Вышгород, Галич; среди сел явились названия Киево, Киевцы, а реки стали прозываться Лыбедь, Почайна, Трубеж. Усердно строя города и церкви, Юрий Долгорукий и Шимонович тоже старались подражать во всем южнорусским храмам, и как в Ростове, так и в Суздале создавались церкви, совершенно подобные Киево-Печерской, даже строившиеся по размерам славного пояса Шимона-варяга.

Это желание перенести на новые места родные названия и строить на них храмы Бо-

жии по точному подобию тех, близ которых находятся на прежней Родине могилы отцов, указывает, конечно, на горячую любовь русского человека к своей родной земле.

Отсюда понятно, почему и Юрий Долгорукий, ревностно устранивая, как добрый хозяин, свой далекий и покойный от княжеских усобиц Суздальский край, был горячо предан и своей искони родной земле, беспокойной Киевской Руси, земле отцов и дедов, в которой во всяком случае желал иметь часть для себя и потомства. Помимо этого, упорная борьба Юрия за киевское старшинство имела великое значение и для Суздальской земли, так как, только добившись старшинства на Руси для себя и для детей, Юрий мог рассчитывать, что и их Суздальский край получит могущество и силу, а не превратится в глухой и заброшенный угол, как соседняя Рязано-Муромская земля, в которой сидели потомки Ярослава Святославовича, потерявшего свое старшинство в княжеском роде.

Наконец, Суздальская земля соприкасалась своими границами и с землями беспокойного Господина Великого Новгорода, и

Юрию, чтобы влиять на Новгород, необходимо было также иметь значение и в судьбах Киевской Руси. Вот причины, почему он, помимо, может быть, личной неприязни, не мог допустить княжения Изяслава Мстиславовича в Киеве.

Впрочем, первым, с кем пришлось столкнуться Изяславу Мстиславовичу, тотчас по занятии старшего стола, был дядя Вячеслав Владимирович. Идя на Киев, Изяслав первоначально объявил, что он хочет добыть его для Вячеслава, старшего в роде Мономаховичей; но киевляне отнюдь не хотели иметь вместо Игоря слабого Вячеслава, а желали только Изяслава, о чем прямо и заявили ему, почему он и должен был подчиниться этому; но, разумеется, бояре Вячеслава, рассчитывавшие перейти из Турова вместе с ним в Киев, не могли быть довольны таким поворотом дела; и вот, несомненно под их влиянием, Вячеслав, узнав, что племянник занял Киев, стал тотчас же распоряжаться как старший: захватил города, отнятые у него Всеволодом Ольговичем, а также и Владимир-Волынский. Но Изяслав быстро показал дяде Вячеславу, кто

из них старший; он послал брата своего Ростислава Мстиславовича Смоленского взять у него Туров и схватить в нем людей, влиявших на Вячеслава; последний, видя такие решительные действия со стороны племянника, скоро успокоился.

Но не успокоился Святослав Ольгович. После бедственного поражения Игоря под Киевом он кинулся к двоюродным братьям Давидовичам Черниговским, прося их, во имя заключенного пять дней тому назад договора, помочь ему выручить брата. Те обещали, но на самом деле решили передаться новому великому князю Киевскому Изяславу Мстиславовичу, опасаясь, что их двоюродные братья Ольговичи, лишенные теперь волостей на западной стороне Днепра, будут добиваться себе части в Черниговской земле; когда Святослав Ольгович, покинув их, отправился к себе в Новгород-Северский собирать людей для похода, то Давидовичи послали сказать Изяславу Мстиславовичу в Киеве: «Игорь как до тебя был зол, так и до нас; держи его крепко», а Святославу Ольговичу было ими послано такое слово: «Ступай прочь из Новгорода Север-

ского в Путивль, а от брата Игоря отступись». Святослав отвечал: «Не хочу ни волости, ничего другого, только отпустите мне брата»; но Давидовичи настаивали: «Целуй крест, что не будешь ни просить, ни искать брата, а волость держи».

Заплакал несчастный Святослав Ольгович и обратился за помощью к Юрию Долгорукому, с которым у них были старинные отношения; они оба, как мы видели, были в молодости повенчаны своими отцами, для пользы Русской земли, с половчанками. Пока Юрий снаряжал помощь Святославу, последнего осадили в Новгороде-Северском Давидовичи, к которым на подмогу прибыл и молодой Мстислав Изяславович, сын великого князя Изяслава Мстиславовича. У Святослава же Ольговича в Новгороде-Северском сидел, в качестве союзника, лишенный волостей своим дядей Владимирком Галицким Иван Берладник, прозванный так по имени города Берлада, лежавшего недалеко от устьев Дуная и бывшего, подобно Тмутаракани, притоном всех беглецов; в нем Иван и собрал свою дружину, с которой сидел теперь в Новгороде-Се-

верском.

Жители этого города хотя были сильно стеснены, но держались крепко и отражали все приступы. Тогда осаждающие отступили и стали уничтожать в окрестности всю «жизнь» (именье, животы) Святослава Ольговича; в одном месте взяли три тысячи кобыл и тысячу жеребцов, в другом подожгли церковь и гумно в 900 стогов сена и захватили множество вина, меда и всякого тяжелого товара, меди и железа.

Тем временем великий князь Изяслав Мстиславович, узнав, что дядя Юрий Долгорукий спешит на помощь Святославу Ольговичу, решил отвлечь Юрия, для чего снесся с князем Рязанским Ростиславом, прося его начать опустошать Суздальскую землю. Узнав про это, Юрий, дошедший уже до Козельска, повернул назад, а к Святославу Ольговичу послал лишь своего сына Ивана Юрьевича. Когда Иван подошел к Новгороду-Северскому, то Святослав, решив ничего не щадить и пожертвовать последним, лишь бы удержать Юрия в союзе для освобождения своего несчастного брата Игоря, отдал Ивану Юрье-

вичу половину своих владений – Курск с волостями по реке Сейм; затем он решил попытаться разжалобить еще раз Давидовичей и послал к ним священника с таким словом: «Братия, землю мою вы повоевали, стада мои и братнии взяли, хлеб пожгли и всю жизнь мою погубили, теперь вам остается убить меня». Но Давидовичи были неумолимы и по-прежнему отвечали, чтобы он оставил брата Игоря. Святослав тоже отвечал им по-прежнему: «Лучше мне помереть, чем оставить брата; буду искать его, пока душа в теле». Вслед за тем прибыл великий князь Изяслав и вместе с Давидовичами взял его город Путивль; при этом во дворе Святослава было захвачено 500 берковцев меду, 80 корчаг вина и 700 рабов. Узнав, что Изяслав от Путивля идет к Новгороду-Северскому, и видя невозможность держаться в нем далее, Святослав вышел из города с женой своей и Игоря, его детьми и частью дружины и пошел к Карачеву, чтобы найти убежище в лесах страны вятичей, откуда легче было пересылаться и с Юрием Долгоруким.

Получив известие, что Святослав Ольгович

покинул Новгород-Северский, Давидовичи сильно раздосадовались; они знали, что пока Святослав будет жив, то не перестанет отыскивать свободы Игорю; в сердцах Изяслав Давидович воскликнул: «Пустите меня за ним, если ему самому удастся уйти от меня, то жену и детей у него отниму, имение его возьму». И, взяв три тысячи конницы, он отправился налегке, без обозов, настигать Святослава. Тогда Святослав Ольгович, чтобы выйти из своего отчаянного положения, смело повернул двоюродному брату навстречу, неожиданно напал на него и разбил наголову. Известие об этом поражении сильно огорчило великого князя Изяслава Мстиславовича, шедшего за Изя славом Давидовичем. Он преследовал Святослава до Карачева, но уже не мог настигнуть и помешать ему уйти в страну вятичей, после чего вернулся в Киев.

Между тем Игорь Ольгович сильно расхворался в своей тюрьме и просил разрешения Изяслава Мстиславовича принять пострижение, о чем он думал, когда был еще князем; Изяслав сжалился и послал сказать ему: «Если была у тебя мысль о пострижении, то ты

волен; а я тебя и без того выпускаю, ради твоей болезни». Игорь вышел из тюрьмы еле живой, восемь дней не пил и не ел, но потом несколько поправился и постригся в Киевском Феодоровском монастыре, приняв схиму.

После отъезда великого князя Изяслава Мстиславовича в Киев война Давидовичей со Святославом Ольговичем в Северной земле и в стране вятичей продолжалась, причем Давидовичи подсылали даже убить его, но оставленный при них великим князем сестричич Святослав Всеволодович, из жалости к дяде Святославу Ольговичу, тайно извещал его о передвижениях Давидовичей, и они успеха над ним не имели, несмотря на то что Святослава в это время покинул и Иван Берладник, перешедший на службу к Ростиславу Мстиславовичу Смоленскому. Так перебивался несчастный Святослав Ольгович весь 1146 год.

В следующем же, 1147 году дела его значительно поправились благодаря подкреплению, присланным Юрием Долгоруким, который сам пошел воевать Новгородскую об-

ласть и, захватив Торжок и земли на Мете, вслед за этим пригласил к себе Святослава на свидание. Оно имело место в Москве, имя которой впервые упоминается по этому поводу в летописях. В те времена Москва, или Москов, не была еще городом, а представляла богатое имение, принадлежавшее боярину Кучке, казненному Юрием за какое-то преступление; вот почему, вместе с названием Москва, она долгое время носила и название Кучково. Достоинно замечания, что первое появление имени Москва связано с памятью о широком гостеприимстве, составившем и впоследствии ее отличительное свойство. Святослав выслал впереди себя своего сына Олега, подарившего Юрию пардуса, или барса. Дружески встретил Юрий старинного приятеля и задал ему «обед силен», богато одарив его и дружину. При этом свидании был, конечно, обстоятельно решен вопрос о дальнейшей помощи Святославу и о совместных действиях против великого князя Изяслава Мстиславовича и Давидовичей.

Скоро Святослав Ольгович, получив от Юрия Долгорукого в помощь сына, а также

наемное войско половцев, с ханами которых он был в родстве по жене, стал успешно воевать против Давидовичей; в состав войск Святослава входили и *бродники*; этим именем назывались вольные обитатели низовьев Дона, они были христианами, большею частью русскими по крови, и представляли, подобно древнейшим обитателям Меотийских болот, предков наших казаков. Видя поворот дел в пользу Святослава, Давидовичи решили круто изменить свое поведение и послали ему такое слово: «Не жалуйся на нас, будем все заодно, позабудь нашу злобу; целуй к нам крест и возьми свою отчину, а что мы взяли твоего, то все отдадим назад».

Вместе с тем Давидовичи решили выманить великого князя Изя слава Мстиславовича из Киева на левый берег Днепра, чтобы захватить его или даже убить; поэтому они отправили и к нему посла с таким словом: «Брат! Святослав Ольгович занял нашу волость Вятичи: пойдём на него; когда его прогоним, то пойдём на Юрия в Суздаль; или помиримся там, или будем биться». Изяслав согласился и отпустил в Чернигов сестричича

Святослава Всеволодовича, тайно бывшего теперь заодно с Давидовичами. Но Давидовичам нужен был не сестричич, а сам Изяслав Мстиславович; они послали ему опять сказать: «Земля наша погибает, а ты не идешь». Тогда Изяслав созвал своих бояр, дружину и киевлян и объявил им о своем намерении идти на защиту Давидовичей против Святослава Ольговича и Юрия Долгорукого. Киевляне отвечали ему на это советом уладиться с дядей Юрием и не верить черниговским князьям. «Нельзя, – отвечал им Изяслав Мстиславович, – они мне крест целовали, я с ними вместе думу думал; не могу никак отложить поход; собирайтесь». Тогда киевляне сказали: «Ну, князь, ты на нас не сердись, а мы не можем на Владимирово племя (Юрия Долгорукого) рук поднять; вот если бы на Ольговичей, то пошли бы и с детьми». Однако Изяслав все-таки настоял на походе.

Оставив Киев на попечение своего младшего брата – мачешича Владимира Мстиславовича, Изяслав Мстиславович выступил со своей дружиной и вызванными охотниками, которых набралось немало; затем, перепра-

вившись через Днепр и став между Черниговской и Переяславльской волостями, он послал в Чернигов к Давидовичам боярина Глеба разузнать, что там делается. Глеб скоро возвратился с неожиданной новостью об измене Давидовичей.

Пораженный этим известием, Изяслав приказал Глебу опять ехать в Чернигов и предложить Давидовичам вновь поцеловать крест, а если они откажутся, то сказать им всю правду. Так и произошло. Давидовичи решительно отказались вновь целовать крест, говоря, что они недавно уже целовали его к Изяславу. На это Глеб заявил им от имени своего князя: «Дошел до меня слух, что ведете меня обманом: поклялись Святославу Ольговичу схватить меня на дороге либо убить за Игоря; так, братья, было дело или не так?» Давидовичи смутились, долго думали и, наконец, послали сказать Изяславу Мстиславовичу: «Брат! Точно мы целовали крест Святославу Ольговичу; жаль нам стало нашего брата Игоря; он уже чернец и схимник, выпусти его, тогда будем подле тебя ездить; разве тебе было бы любо, если бы мы брата твоего держа-

ли?» В ответ на это Изяслав послал бросить им договорные грамоты и, укорив в измене, объявить войну. Он тотчас же известил об этом брата Ростислава Мстиславовича в Смоленске, а в Киев брату Владимиру Мстиславовичу, митрополиту Климу и тысяцкому Лазарю послал приказание собрать всех киевлян на вече во дворе Святой Софии и там торжественно объявить об измене Давидовичей.

Когда жители Киева сошлись на вече от мала до велика, то княжеские гонцы начали свою речь так: «Князь целует брата своего Владимира, Лазаря и всех киевлян, а митрополиту кланяется». Нетерпеливые киевляне перебили их кликами: «Говорите, с чем прислал вас князь». Послы продолжали: «Так вам вещает князь: объявляю, что Владимир и Изяслав Давидовичи и Святослав Всеволодович, сын сестры моей, которого я облагодетельствовал, забыв святость крестного целования, тайно согласились со Святославом Ольговичем и Юрием Суздальским. Они думали лишить меня жизни или свободы; но меня сохранил Бог и крест честной, что ко мне целовали. Так теперь, братья киевляне, что мне

обещали, то и делайте: ступайте ко мне к Чернигову на Ольговичей, собирайтесь все от мала до велика; у кого есть конь, тот на коне, у кого нет, тот в ладье. Ведь они не меня одного хотели убить, но и вас всех искоренить».

Возбужденные этой новостью, киевляне отвечали единогласными кликами: «Идем за тебя и с детьми». К несчастью, в толпе кто-то в это время крикнул: «Мы рады идти за своим князем, но вспомните, что было при Изяславе Ярославовиче, когда, пользуясь народным волнением, злые люди освободили Всеслава Полоцкого из тюрьмы и поставили себе князем, и за то много зла было нашему городу; а теперь Игорь, враг нашего князя и наш, не в заточении, а в Феодоровском монастыре; убьем его и пойдем в Чернигов к нашему князю». Эти слова произвели сильнейшее впечатление. Толпа бросилась к Феодоровскому монастырю. Князь Владимир Мстиславович пришел в ужас и стал ее удерживать, говоря: «Брат мой не велел этого делать, Игоря стерегут крепко; пойдем лучше к брату, как он нам велел». Но возбужденные жители отвечали: «Мы знаем, что добром не кончить с этим

племенем ни вам, ни нам». Митрополит, городской тысяцкий Лазарь и Рагуйло, тысяцкий Владимира, также тщетно пытались остановить расвирепевший народ, с воплями и криками устремившийся на убийство. Владимир Мстиславович, заслуживший впоследствии малочетное прозвище Вертлявый, вел себя в этот день как истинный герой. Он решил во что бы ни стало спасти Игоря, хотя бы ценой своей жизни. Вскочив на коня, он поскакал к Феодоровскому монастырю, но густая толпа народа запрудила всю улицу, и пробиться через нее не было возможности; тогда Владимир повернул в объезд; к несчастью, крюк этот повел за собой потерю времени, и киевляне пришли в монастырь прежде его. Они кинулись в церковь, где у обедни стоял Игорь, и с криками «побейте, побейте» потащили его. В это время подоспел и Владимир и встретил толпу, влачившую Игоря, у монастырских ворот. Он соскочил с лошади, бросился к Игорю и, прикрыв его своим корзном (княжеским плащом), стал просить киевлян: «Братья мои, не делайте этого зла, не убивайте Игоря!» Но те в бешенстве осыпали удара-

ми Игоря, причем им подвергнулся и Владимир. Проходя мимо двора своей матери, Владимиру с помощью боярина Михаила удалось на время отбить Игоря и втащить во двор, в котором успели закрыть ворота. Но толпа в своем исступлении, избив Михаила и сорвав на нем крест с цепью, выломала ворота; ворвавшись в них, она увидела Игоря в сенях, которые были тотчас же разбиты. Затем несчастного инок-князя стащили, повалили без чувств на землю, привязали к ногам веревку и поволокли через Бабий торжок на княжий двор и там прикончили; после чего, положив на дровни, повезли на Подол и бросили на торгу. Его похоронили на следующий день в Семеновском монастыре; впоследствии мощи блаженного Игоря были перенесены в Черниговский собор Спаса Преображения, где почивают и ныне под спудом.

Когда Изяслав Мстиславович получил весть об убийстве Игоря Ольговича, он горько заплакал и сказал своей дружине: «Теперь назовут меня убийцей Игоря. Бог мне свидетель, что я не принимал в этом ни малейшего участия, ни словом, ни делом. Он рассудит нас на

том свете».

Тем временем открылись военные действия. Юрий Долгорукий выслал своим союзникам сына Глеба, а Изяслав часто поручал начальствование над своими отрядами сыну Мстиславу. Обе стороны старались принести друг другу как можно более разорения, но до крупных сражений в 1147 году дело не доходило.

В следующем, 1148 году Изяслав Мстиславович собрал большие силы, призвал также отряды венгров, берендеев и, перейдя Днепр, подошел к Чернигову. Однако и здесь дело до битвы не дошло, и Изяслав, сильно опустошив Черниговскую волость, вернулся назад в Киев.

Видя разорение своих владений и находя помощь, оказанную Юрием, недостаточной, Давидовичи и Святослав Ольгович вновь послали просить его о присылке подкреплений. Но Юрий в это время, очевидно, не мог дать больше войска и прислал отказ.

Тогда черниговские князья послали к Изяславу Мстиславовичу с таким словом: «То бывало и прежде при дедах и отцах наших; мир

стоит до рати, а рать до мира; не жалуйся на нас, что мы первые встали на рать; жаль было нам брата нашего Игоря; мы того только и хотели, чтобы ты выпустил его, а так как теперь он убит, пошел к Богу, где и всем нам быть, то Бог всех нас и рассудит; а здесь нам до каких пор губить Русскую землю; чтобы нам уладиться?» Изяслав согласился и, запросив мнение брата своего Ростислава Смоленского, дал черниговским князьям мир; последние обещали отложить вражду за Игоря, блюсти Русскую землю и быть всем за один брат.

В это же самое время к Изяславу Мстиславовичу явились послы из Новгорода, где сидел тогда его сын Ярослав, жаловаться на Юрия Долгорукого, что он отбирает от их сборщиков дани, собираемые с инородцев, а затем к Изяславу прибыл и старший сын Долгорукого Ростислав и, объявив ему, что рассорился с отцом, просил у великого князя волости. Изяслав отвечал ему: «Всех нас старше отец твой (о слабовольном Вячеславе он, видимо, не счел нужным вспомнить), но он не умеет с нами жить, а мне дай Бог вас, братью

всю свою и весь род свой, иметь в правду, как душу свою; если отец тебе волости не дал, то я тебе дам», – после чего дал Ростиславу шесть городов, а также Городец Остёрский, построенный, как мы видели, Юрием Долгоруким.

Вскоре, по предложению великого князя, у этого Городца съехались недавние противники, а теперь союзники: сам Изяслав Мстиславович и Давидовичи; но ни Святослав Ольгович, ни сестричич Святослав Всеволодович не приехали; Изяслав заметил, конечно, их отсутствие, но Давидовичи отвечали: «Это ничего, что брат Святослав и племянник твой не приехали; все равно мы здесь, а мы все клялись, что где твои будут обиды, так нам быть с тобой». Тогда Изяслав им отвечал: «Дядя мой Юрий из Ростова обижает мой Новгород, дани у новгородцев поотнимал, по дорогам проезду им нет. Хочу пойти и управиться с ним либо миром, либо ратью».

Князья уладились, что как скоро лед станет на реках, то идти на Юрия: Изяслав Мстиславович пойдет из Смоленска, а Давидовичи и Ольговичи из земли вятичей, а всем сойтись на Волге. Свидание закончилось весе-

лым обедом, после чего великий князь Изяслав оставил брата Владимира в Киеве, сына Мстислава в Переяславле, а сыну Юрия Долгорукого Ростиславу вверил защиту западной границы, сказав ему: «Ступай в Бужск и будь там, постереги Русскую землю, пока я схожу на отца твоего и помирюсь с ним или как-нибудь иначе управлюсь».

После этого Изяслав Мстиславович отправился в поход. Он прибыл сперва в Смоленск, где свиделся с братом Ростиславом; братья провели время очень весело, пировали с друзьями и смолянами и дарили друг друга богатыми дарами: Изяслав дарил брата товарами, которые идут из Русской земли и из всех царских (греческих) земель, а Ростислав Изяслава товарами, шедшими с Верхних (северных) земель и от варягов. В Смоленске оба Мстиславовича решили сделать попытку покончить дело с Юрием миром и послали к нему посла. Но тот, вместо ответа, посла этого задержал. Тогда Изяслав Мстиславович приказал брату двинуться по Волге и выждать его приближения, а сам отправился к сыну Ярославу в Новгород.

Новгородцы встретили Изяслава восторженно, вспоминая отца его, великого Мстислава, и самого Изяслава, когда он делал с ними, в молодые годы, славные походы. На собранном вече Изяслав в пламенной речи изложил обиды, чинимые Юрием Долгоруким Новгороду, и предложил вопрос: мириться ли с ним или ратью покончить дело. Воодушевленный его речью народ отвечал: «Ты наш князь, ты наш Владимир, ты наш Мстислав! Рады с тобой идти всюду мстить за свои обиды; пойдём все, только одно духовенство останется Богу молиться».

Вслед за этим новгородцы, великий князь Изяслав и Ростислав Смоленский вошли в Суздальско-Ростовскую землю; Давидовичи же, несмотря на договор, к ним не присоединились. Но Юрий не выходил навстречу противникам; вследствие этого Изяслав Мстиславович до весны 1149 года оставался в его владениях, разоряя их по тогдашнему обычаю ведения войны, а когда началась оттепель, то ушел в Киев, уведя 7 тысяч пленных.

В Киеве его ждали неприятные вести. Ему сообщили, что оставленный стеречь Русскую

землю сын Долгорукого Ростислав сносился с киевлянами и берендеями, замышляя свергнуть Изяслава и посадить в Киеве отца своего Юрия. Изяслав, конечно, страшно вознегодовал и, несмотря на отрицание Ростиславом Юрьевичем взводимой на него вины, отнял у него данные волости и дружину и, посадив в лодку, только с четырьмя отроками отправил к отцу.

Узнав об этом бесчестье, которому подвергся его сын, вознегодовал и Юрий Долгорукий. «Так ни мне, ни детям моим нет части в Русской земле», – возгласил он, помирился с Ольговичами и затем, собрав свою силу и наняв половцев, выступил на юг против Изяслава Мстиславовича. Из прежних союзников к Юрию примкнули Святослав Ольгович с племянником Святославом Всеволодовичем; Давидовичи же на этот раз оставались верными Изяславу.

Тем не менее положение последнего было крайне затруднительным, так как киевляне не хотели идти против Юрия, сына Мономаха, и считали его, как дядю, имеющим больше прав на старший стол, чем племянник. «Ми-

ришь, князь, мы нейдём», – говорили они Изяславу Мстиславовичу. Но Изяслав продолжал уговаривать их поддержать его, тем более что к нему на помощь пришли с большими силами Ростислав Смоленский и Изяслав Давидович Черниговский. Наконец киевляне согласились, но, конечно, неохотно, действовать против Юрия.

Войска обоих противников встретились у Переяславля. Уже передовые части их вступили в бой, когда Юрий послал сказать Изяславу Мстиславовичу: «Брат! Ты на меня приходил, землю повоевал и старшинство снял с меня, а теперь, брат и сын, ради Русской земли и христиан, не станем проливать христианской крови, но дай мне посадить в Переяславле сына своего, а ты сиди себе, царствуя в Киеве; если же не хочешь так сделать, то Бог нас рассудит». Но Изяслав не внял предложению дяди, несмотря и на слезные уговоры епископа. Он отвечал Юрию: «Своей головой добыл я Киев и Переяславль» – и стал готовиться к бою.

23 августа противники сошлись, и Изяслав потерпел страшное поражение: ему измени-

ли переяславцы; киевляне дрались против своего убеждения неохотно; неохотно дрались и черные клобуки, а также войска Изяслава Давидовича. Скоро все обратились в бегство, и Изяслав, сам-третий, прибыл в Киев. Когда через три дня сюда же подошел победоносный Юрий, и Изяслав Мстиславович с братом Ростиславом спросил киевлян: «Можете ли за нас биться?», то те отвечали: «Господа наши князья! Не погубите нас до конца; отцы наши, и братья, и сыновья, одни взяты в плен, другие избиты, и оружие с них снято; возьмут и нас в плен; поезжайте лучше в свою волость; вы знаете, что нам с Юрием не ужиться, где потом увидим ваши стяги, будем готовы с вами». После этого ответа Мстиславовичи разъехались – Изяслав во Владимир-Волынский, а Ростислав в Смоленск. Юрий же Долгорукий вошел в Киев.

Разумеется, прибыв во Владимир-Волынский, Изяслав Мстиславович и не думал складывать оружия. Он послал требовать помощи у венгерского короля Гейзы Второго, женатого на его сестре Евфросинии, а также послал за подмогою к своим своякам – польскому

князю Болеславу Кудрявому и чешскому князю Владиславу Второму. Все они обещали прийти Изяславу на помощь. Вместе с тем Изяслав, желая отнять всякое право у Юрия на Киевский стол, послал сказать дяде своему, старику Вячеславу Владимировичу, сидевшему в это время в Пересопнице: «Будь мне вместо отца, ступай садись в Киев, а с Юрием не могу жить; если же не хочешь принять меня в любовь и не пойдешь в Киев на стол, то я пожгу твою волость».

Вячеслав всполошился и послал сказать брату Юрию: «Венгры уже идут; польские князья сели на коней; сам Изяслав готов выступить; либо мирись с ним, дай ему, чего он хочет, либо приходи ко мне с полками, защити мою волость; приезжай, брат, посмотрим на месте, что нам Бог даст – добра или зла, а если, брат, не пойдешь, то на меня не жалуйся». Юрий немедленно откликнулся на этот зов и явился в Пересопницу с сыновьями Ростиславом и Андреем и дикими половцами; сюда же прибыл и вспомогательный отряд, присланный Юрию Владимирком Галицким; сам же Владимирко стал стягивать все

остальные свои войскак границам Польши и Венгрии, чтобы отвлечь этим союзников Изяслава Мстиславовича. И действительно, венгры и поляки, опасаясь за свои владения, стали настойчиво хлопотать о примирении Изяслава с дядями и сами начали вести об этом переговоры. Тогда Вячеслав и Юрий отвечали, что уладятся с Изяславом, как только поляки и венгры уйдут домой, что те и поспешили сделать. Когда же они ушли, то Юрий вместо переговоров с Изяславом Мстиславовичем открыл против него военные действия.

В этих военных действиях сразу же выдвинулся своими блестящими военными дарованиями и необыкновенным мужеством сын Юрия Андрей, безвыездно проживший более тридцати лет в далекой Суздальской стране и ныне впервые прибывший на юг. Однажды ночью, на ночлеге, половцы, с которыми он шел, отчего-то переполошились и побежали назад, но Андрей не испугался и устоял на месте до рассвета, несмотря на увещания дружины. Затем, когда отряды Юрия подошли к городу Луцку, занятому войсками Изяслава, то из него вышел пеший отряд и стал обстре-

ливать подходившего неприятеля; увидев это, Андрей, с чисто юношеским пылом, стремительно бросился на противника и врубился в него; его дружина едва поспела за ним, и началась ожесточенная схватка. Неприятель окружил Андрея со всех сторон; его копьё было переломлено; лошадь под ним была ранена двумя копьями, третье попало в седло, а с городских стен камни сыпались на него как дождь; один из неприятельских воинов собрался уже прободать его рогатиной; но Бог сохранил героя; он от глубины души призвал на помощь святого Феодора Стратилата, выхватил меч и, отбиваясь им, был вынесен из сечи своим славным конем, который после этого тут же пал от своих ран. Юрий, бояре и все войско приветствовали Андрея за проявленную им беззаветную отвагу; он же устроил своему верному коню торжественное погребение над самой рекою Стырью.

Скоро Изяслав Мстиславович, предоставленный собственным силам, запросил у дяди мира при посредстве Владимирка Галицкого, которому невыгодно было окончательно ослабить Изяслава. Храбрый Андрей Юрье-

вич, который, по словам летописца, «не величав был на ратном поле, а искал похвалы от одного Бога», тоже стал настойчиво уговаривать отца примириться с Изяславом. Наконец, и старый Вячеслав Владимирович также был за мир. «Брат, – говорил он Юрию, – мирись; ты не помирившись прочь пойдешь, а Изяслав мою волость пожжет!»

И вот между так ожесточенно враждовавшими дядей и племянником состоялось в Пересопнице свидание, окончившееся мирным договором. Изяслав Мстиславович уступал Юрию старшинство, а Юрий возвращал все новгородские дани, а также все захваченное после Переяславской битвы как у князей, так и у бояр. После этого Юрий вернулся в Киев и хотел было уступить его своему старшему брату Вячеславу, но бояре отсоветовали ему: «Брату твоему не удержать Киева; не достанется он ни тебе, ни ему». Тогда Юрий посадил Вячеслава в Вышгороде.

Однако мир оказался весьма непрочным и был нарушен в следующем, 1150 году; поводом к этому послужил отказ Юрия выдать Изяславу Мстиславовичу его имущество, как

это было договорено в Пересопнице. Тогда Изяслав, получив точные сведения, что киевляне недовольны Юрием (который привык, конечно, в Суздальской земле к другим порядкам и не сносил своеволия киевлян), быстро выступил из Владимира Волынского на дядю. Застигнутый вестью об этом движении врасплох, Юрий ушел за Днепр и заперся в своем Городце Остёрском.

Не успел он выехать из Киева, как на его место неожиданно явился из Вышгорода старый Вячеслав и расположился в княжеском терему на Ярославовом дворе. Нет сомнения, что Вячеслав решился на этот шаг по совету своей дружины, стремившейся перейти в Киев. Вслед за этим к Киеву прибыл и Изяслав Мстиславович, причем вышедшие ему навстречу представители города решительно заявили, что не хотят иметь своим князем Вячеслава. Тогда Изяслав послал сказать дяде: «Я тебя звал на Киевский стол, но ты тогда не захотел, а теперь, когда брат твой выехал, ты садишься. Ступай теперь в свой Вышгород». Всегда уступчивый Вячеслав на этот раз, однако, не хотел уступать. «Хоть убей меня на

этом месте, не сяду», – ответил он посланным племянника. Изяслав между тем прибыл с войском и огромной толпой киевлян в самый Ярославов двор. Скоро стали раздаваться клики против Вячеслава и возгласы: «Подсечем под ним сени», «Возьми его с дружиной»; но Изяслав остановил недовольных словами: «Сохрани меня Бог, я не убийца своей братьи, дядя мне вместо отца; я сам к нему пойду» – и затем быстро вошел в сени и поклонился старику Вячеславу. Тот его поцеловал. Изяслав сказал ему следующее: «Батюшка, кланяюсь тебе, нельзя мне с тобой рядиться, видишь, какая сила стоит народу, много лиха против тебя замышляется, поезжай в свой Вышгород, оттуда и будем рядиться». Вячеслав отвечал: «Ты меня сам, сын, звал в Киев, а я целовал крест брату Юрию; теперь уже если так случилось, то Киев тебе, а я пойду в свой Вышгород».

На этот раз Изяслав Мстиславович сидел недолго на Киевском столе. Скоро Юрий Долгорукий соединился с Давидовичами и Ольговичами, а из Галича к нему шел на помощь Владимирко. При этих обстоятельствах Изяс-

лав вынужден был поехать в Вышгород и обратиться к добродушному Вячеславу: «Ты мне отец, вот тебе Киев, и еще какую хочешь волость возьми, а остальное мне дай». Вячеслав сначала рассердился и ответил: «А зачем мне не дал Киева тогда и заставил меня со стыдом выехать; теперь, когда одно войско идет из Галича, а другое из Чернигова, так ты мне Киев даешь». Однако племяннику скоро удалось уговорить доброго дядю; Вячеслав поцеловал крест на гробе Бориса и Глеба, что будет иметь Изяслава за сына, дал ему свою отличную дружину и сам прибыл в Киев.

Тем не менее и приезд Вячеслава в Киев не поправил положения дел. Когда Юрий и Владимирко приблизились к городу, то Изяслав и Вячеслав убедились, что на киевлян надежды мало; поэтому они решили покинуть город и отправились в свои волости: дядя в Вышгород, а племянник во Владимир Волынский, откуда Изяслав стал усиленно просить помощи у зятя своего венгерского короля Гейзы Второго и добился ее присылки, несмотря на усилия Владимирка Галицкого помешать этому, для чего последний прибег к подкупу Гей-

зовых бояр.

Когда венгры прибыли на Волынь к Изяславу Мстиславовичу, то положение его было до крайности тяжелым: Владимирко шел на него с запада, а с востока – сыновья Юрия, Андрей и Борис, занимали все дороги к Киеву. Но Изяслав вышел из этого положения самым блестящим образом. Оставив позади себя Владимирко, он двинулся на восток и, совершив необыкновенно искусно скрытый и быстрый поход, неожиданно как для Юрьевичей, так и для самого Юрия, беспечно пировавшего в Киеве, появился перед стенами матери русских городов. Тогда Юрий поспешно удалился в свой Городец Остёрский и заперся в нем, а Владимирко, узнав, что сыновья Юрия пропустили Изяслава и последний уже занял Киев, с досадой повернул домой.

Изяслав же, вторично заняв Киев в течение того же 1150 года, немедленно пригласил опять из Вышгорода дядю Вячеслава и, вновь покаявшись во всех прежних винах, торжественно признал его старшим... «Если ты меня, батюшка, простишь, то и Бог простит; отдаю тебе, батюшка, Киев, поезжай, сядь на

стол деда и отца своего». Растроганный Вячеслав ответил Изяславу полным прощением... «Ты говоришь, что я твой отец, а я тебе скажу, что ты мой сын; у тебя отца нет, а у меня сына нет, ты мой сын, ты мой и брат».

Въехав в Киев, Вячеслав Владимирович задал большой пир киевлянам и прибывшим венграм и объявил, что ввиду своей старости он принимает Изяслава своим соправителем: «Сын! Бог тебе помоги, что воздал мне честь как отцу; а я вот тебе скажу: я уже стар, всех рядов рядить не могу, останемся оба в Киеве, а какой нам придется ряд рядить, между христианами или погаными, то поедем оба к месту; дружины и полки будут у нас общие, ты ими ряди: где нам можно будет обоим ехать, оба поедем, а где нельзя, там ты один поедешь, с моими полками и своими».

После этого Изяслав пригласил брата Ростислава Смоленского, чтобы уговориться относительно дальнейших совместных действий, и стал спешно собирать союзников, причем настойчиво просил венгерского короля о присылке сильного вспомогательного войска.

Юрий тоже усиленно готовился к продолжению борьбы. К нему прибыли его постоянные союзники – дикие половцы, Святослав Ольгович и Владимир Давидович; брат же последнего, Изяслав Давидович, опять перешел на сторону Изяслава Мстиславовича, считая себя обиженным Юрием при распределении волостей. Таким образом, вследствие раздоров Изяслава Мстиславовича с дядей Юрием против Юрия встал уже родной брат Вячеслав, и разделились также и встали друг против друга и родные братья Давидовичи.

Собрав свои силы, Юрий выступил из Городца и подошел к Днепру против Киева, где хотел переправиться. Но Изяслав Мстиславович ожидал его здесь, причем, по выражению летописца, «дивно исхитрил свои лодки»: гребцы на них были закрыты дощатым помостом, на котором стояли ратники в бронях и стреляли; кормчих же было двое – на носу и на корме, почему лодки могли ходить вперед и назад, не поворачиваясь.

Не найдя возможным перейти Днепр у Киева, Юрию удалось это сделать ниже, у Заруба, после чего обе рати совершили несколько

передвижений на правой стороне Днепра, в недалеком расстоянии одна от другой, и подошли к самому Киеву, где Изяслав Мстиславович построил свои войска для боя. Он предполагал подпустить Юрия к себе и биться под городскими стенами, а затем, в случае удачи, преследовать его.

Но добродушный Вячеслав хотел избежать кровопролития; он послал просить Юрия не проливать крови христианской и не губить Русской земли, а потому и не искать Киева, раз он, Вячеслав, в нем сидит. «Ты говорил, – добавлял Вячеслав, – младшему не поклонюсь, а я тебя старше не мало, а много; я уже был брадат, когда ты родился; если же хочешь на мое старшинство поехать, то как нас Бог рассудит». На это Юрий отвечал, что согласен урядиться с Вячеславом, но после того, как Изяслав и Ростислав Мстиславовичи покинут его и уйдут в свои волости. Тогда Вячеслав в свою очередь послал ему сказать: «У тебя семеро сыновей, и я их от тебя не отгоняю, а у меня только два – Изяслав да Ростислав»... и вновь просил отступить от Киева.

На это Юрий уже не отвечал и на другой

день подошел к самому Киеву, причем часть его войска перешла реку Лыбедь. Здесь опять, как под Луцком, сын его Андрей Юрьевич выделился своей отвагой: он вынесся вперед и проскакал настолько далеко, что один половец должен был схватить его коня и воротить назад, браня своих, зачем они отстали от князя. В свою очередь Изяслав выдвинул вперед отборную дружину, выбранную из всех полков, которая вмяла неприятеля в реку Лыбедь и нанесла ему большой урон. В это время Юрий получил известие, что Владимирко выступил из Галича и спешит ему на помощь; тогда он решил отойти от Киева и идти на соединение с Владимирком.

Мстиславовичи с дядей Вячеславом выступили вслед за Юрием; на этот раз с ними были и все киевляне, по-видимому сильно озлобившиеся на Юрия во время его последнего сидения у них. Вячеслав пытался еще раз вступить с Юрием в переговоры о примирении, но тщетно, и войска обеих сторон стали готовиться к бою у реки Рут, близ которой произошла их встреча.

Когда уже рати исполнились, то неужи-

данно густая мгла покрыла все поле; дальше конца собственного копья нельзя было видеть; вскоре пошел дождь, а когда он рассеялся, то Юрий стал несколько отходить: он хотел зайти за топки Рут и там дожидаться Владимирка. Но Изяслав отнюдь этого не желал, а потому напал на задние отряды Юрия и тем принудил его остановиться и принять битву.

Андрей Юрьевич, как старший, после недавно умершего брата Ростислава, стал устраивать полки отца для боя. На стороне его противников Мстиславовичи подъехали к дяде Вячеславу и сказали ему: «Ты много хотел добра, но брат твой не согласился; теперь, батюшка, хотим головы сложить за тебя или честь твою найти». Вячеслав отвечал: «Братья и сыновья! От роду не был я охотник до кровопролития. Брат мой довел до того, что вот стоим на этом месте, Бог нас рассудит». После этого Изяслав разослал известить всех: «Смотрите на мой полк. Как он пойдет, так и вы ступайте».

Так готовились сыновья и внуки Владимира Мономаха вступить в кровопролитную битву между собой.

Со стороны Юрия первым бросился в бой его сын Андрей. Он взял копье наперевес и поскакал на неприятеля; скоро в жаркой сече шлем спал с его головы, щит был оторван, копье сломано, а конь, раненный в ноздри, начал бросаться в разные стороны. Изяслав Мстиславович с своей стороны дрался тоже впереди своих войск; он ворвался в неприятельские ряды, изломал копье, был ранен в руку и ногу и свалился с лошади. Скоро все смешалось в общей схватке. Половцы, любившие пускать тучи стрел издали, но малостойкие в рукопашном бою, побежали первые; за ними войска Ольговичей, а напоследок и Юрия.

Победа досталась Мстиславовичам; много неприятелей избили они, много потонуло в топком Руте, много половецких князей было взято в плен; наконец, был убит и Владимир Давидович Черниговский. Но и потери Мстиславовичей были немалы. Сам Изяслав Мстиславович чуть не погиб от руки своих же. Когда он, очнувшись от ран, стал приподниматься из кучи тел, оставшихся на поле битвы, то толпа пеших киевлян хотела его убить.

«Я князь», – сказал он им. «Ну, так тебя-то нам и надо», – отвечал один, думая, что это Ольгович или Юрьевич, и стал наносить ему удары по шлему, на котором блистало изображение святого Пантелеймона. «Я ваш князь», – сказал, наконец, Изяслав и скинул шлем. Тогда киевляне схватили его с радостью на руки и провозгласили: «Господи, помилуй». Изяслав, несмотря на то что истекал кровью от полученных ран, узнав, что убит Владимир Давидович, сейчас же поехал к его телу и долго плакал с Изяславом Давидовичем; но затем посоветовал ему скорее ехать в Чернигов, чтобы его не упредил там Святослав Ольгович; совет этот оказался удачным, и когда Святослав Ольгович, замешкавшись несколько в пути из-за своей тучности, подъехал к Чернигову, то там уже сидел Изяслав Давидович.

Юрий Долгорукий заперся после сражения в Переяславле. Владимирко же Галицкий, узнав о неблагоприятном для Юрия исходе боя, повернул к себе назад, причем ему удалось захватить врасплох после пирушки венгров, шедших на подкрепление к Изяславу, и

большинство их порубить.

Отдохнувши от битвы, Изяслав Мстиславович с дядей Вячеславом двинулись против Юрия к Переяславлю, а Ростислава Мстиславовича отпустили в Смоленск. На третий день осады Юрий принужден был оставить Переяславль; с разрешения своих противников он удалился в Городец Остёрский, обещав им уйти через месяц в Суздаль. Сын же его Андрей Юрьевич отпросился наперед идти в Суздаль, говоря отцу: «Нам здесь, батюшка, нечего больше делать, уйдем за тепло». Но сам Юрий медлил покинуть Городец и под разными предлогами затягивал свой выезд; слишком больно было ему расставаться с родиной – Киевской Русью. Наконец, Изяслав Мстиславович силой заставил его выйти из Городца, после чего Юрий удалился в Суздальскую землю, разумеется все время не переставая думать о южной Руси; а между тем в 1152 году, чтобы отнять у него всякий оплот в этой Руси, Изяслав Мстиславович сжег до основания Остёрский Городец.

Узнав про это, Юрий вознегодовал. «Я им отожду за это», – объявил он и двинулся к

Чернигову, где сидел Изяслав Давидович, перешедший, как мы видели, на сторону Мстиславовичей. Произведя сильное опустошение в Черниговской волости, Юрий, опасаясь приближения великого князя Изяслава Мстиславовича с войсками, удалился. В 1154 году Юрий опять собрался на Киевскую землю, но опять неудачно, так как вынужден был вернуться домой с пути вследствие сильного конского падежа.

Этим и окончилась борьба его с Изяславом Мстиславовичем. От ее неудачного исхода больше всех пострадал старый друг и верный союзник Юрия Святослав Ольгович, который должен был принять мир по всей воле Изяслава Мстиславовича.

Неудачно кончилась борьба с Изяславом Мстиславовичем и для другого союзника Юрия – Владимирка Галицкого. Как мы видели, после сражения на Руте ему удалось напасть врасплох на венгерский отряд, шедший на помощь Изяславу, и избить его. Чтобы наказать его за это, великий князь Изяслав с зятем своим венгерским королем Гейзою собрали большие силы, вторглись в галицкие вла-

дения и наголову разбили Владимирка у города Перемышля. В этих тяжелых для себя обстоятельствах говорливый и лукавый Владимирко прибегнул к своему излюбленному средству – хитрости; он притворился тяжело больным, от будто бы полученных ран, и стал подсылать к венгерскому королю с просьбами о мире, богато задаривая его вельмож. Изяслав Мстиславович с сыном Мстиславом, предугадывая со стороны Владимирка обман, уговаривали Гейзу не мириться с ним. Но Гейза уже был склонен своими подкупленными вельможами на сторону Владимирка и обещал ему мир, если он поклянется вернуть все захваченные им русские города Изяславу и быть всегда с ним в союзе, при счастье и несчастье.

Посылая с этими требованиями к Владимирку, король послал и крест с частицей Животворящего Креста Господня и приказал ему передать: «Это тот самый Крест, на котором был распят Христос, Бог наш; Богу было угодно, чтобы он достался предку моему, святому Стефану; если Владимирко, поцеловав этот Крест, нарушит клятву и останется жив, то я

либо голову свою сложу, либо добуду Галицкую землю». Владимирко согласился на все королевские требования; он целовал Крест лежа, делая вид, что изнемогает от ран, которых вовсе не было. Когда же венгерский король отбыл домой, то Владимирко немедленно, как и ожидал Изяслав, нарушил свое слово и не отдал последнему ни одного из захваченных городов.

Тогда Изяслав Мстиславович послал в Галич своего боярина Петра Бериславовича, бывшего свидетелем клятвы Владимирка перед крестом святого Стефана, напомнить ему о ней.

Но Владимирко наотрез отказался исполнить обещанное, а когда Петр напомнил ему о крестном целовании, то он пренебрежительно ему ответил: «Вот еще, что мне этот маленький крестик» – и затем выслал Изяслава посла из своих пределов, даже не давши ему ни повозки, ни корму для лошадей.

Когда боярин Петр съезжал с княжеского двора, то Владимирко шел в это время к вечерне и, увидев отъезжающего Петра, стал над ним насмехаться, но когда вечерня ото-

шла и Владимирко возвращался назад, то, дойдя до того места, где он насмеялся над Петром, он вдруг остановился и сказал: «Что это, как будто кто меня ударил по плечу», – затем свалился с ног и к вечеру умер.

Боярин Петр, которого спешно вернули с пути, войдя в терем, увидел на княжеском месте уже сына Владимирка Ярослава, одетого, так же как и бояре, в черные одежды. Ярослав, весь в слезах, объявил Петру о внезапной смерти отца и поручил ему передать великому князю Изяславу просьбу быть ему вместо отца.

Однако этот Ярослав, женатый на дочери Юрия Долгорукого Ольге и прозванный впоследствии за свой большой ум Осмомыслом, так же как и покойный отец, и не думал отдавать городов, захваченных у Изяслава Мстиславовича. Вследствие этого в 1153 году великий князь Изяслав вошел в Галицкую землю и, в кровопролитном сражении у Теребовля, разбил Ярослава, который должен был тогда подчиниться его воле.

Так расправился к 1154 году с своими врагами Изяслав, удачно окончив долголетнюю

кровавую распрю. После этого он собрался жениться на грузинской царице, встретить которую у Днепровских порогов был послан сын его Мстислав. Но брак этот был непродолжителен, и в том же 1154 году Изяслав скончался, горько оплакиваемый духовенством, народом и старым дядей Вячеславом. «Сын, – причитывал старик над гробом, – это было мое место: но, видно, перед Богом ничего не сделаешь».

Так умер Изяслав Мстиславович. Летописец называет его честным, благоверным, христоролюбивым, славным; говорит, что по нему, как по господину, а еще больше как по отцу, плакала вся земля Русская и черные клобуки. Мы уже говорили, что из всех внуков Мономаха своею отвагою, воинским искусством, неустрашимостью и ласковостью к народу он более других напоминал великого деда. Но Мономах выше всего ставил благо всей Русской земли и жертвовал всегда во имя его своими выгодами. Изяслав же Мстиславович, увлеченный сознанием, что его голова больше других идет к Киеву, стал помимо дядей искать великого княжения, провел всю

жизнь в борьбе, истощившей Русскую землю, и умер в цвете лет, в сущности не достигнув цели, так как должен был отказаться от старшинства в пользу дяди Вячеслава.

Узнав о смерти Изяслава Мстиславовича, Изяслав Давидович Черниговский немедленно прибыл к Киеву, чтобы поплакать над гробом почившего; но, плохо доверяя искренности черниговского князя, Вячеслав не пустил его в город, а немедленно вызвал из Смоленска другого своего племянника и названного сына Ростислава Мстиславовича и сделал его своим соправителем на тех же основаниях, как и покойного Изяслава, причем и киевляне охотно его приняли, сказав: «Как брат твой Изяслав обходился с Вячеславом, так и ты обходись, а до твоей смерти Киев твой».

Но, конечно, миролюбивый Ростислав, прозванный современниками Набожным, не мог долго удержаться в Киеве в эти трудные времена. Первым его делом было урядиться с племянником своим, сестричичем Святославом Всеволодовичем, которому он отдал Туров и Пинск, чтобы отвлечь его от Изяслава Давидовича и Святослава Ольговича, опять

вошедших в соглашение с Юрием Долгоруким, который собирал большие силы, свои и половецкие, для вторжения в южную Русь, причем половцы осадили уже Переяславль, где сидел сын покойного великого князя Изяслава Мстиславовича храбрый Мстислав.

Вследствие этого Ростислав Мстиславович, едва прибыв в Киев, должен был направить свои войска к Переяславлю для выручки племянника. Когда же половцы, узнав об этом движении, бросили осаду Переяславля и бежали в степь, то Ростислав со всеми своими силами решил идти прямо к Чернигову на Изяслава Давидовича и Святослава Ольговича, чтобы предупредить их соединение с Юрием Долгоруким, шедшим из Суздаля.

Совершая это движение, войска Ростислава Мстиславовича переправились уже у Вышгорода через Днепр, как прискакавший из Киева гонец привез ему неожиданную весть: «Отец твой Вячеслав умер». – «Как умер? – спросил пораженный Ростислав. – Когда мы поехали, он был здоров». – «В эту ночь пировал он с дружиной и пошел спать здоровым, – отвечал гонец, – но как лег, так больше уже и

не вставал».

Так сошел в могилу старый Вячеслав Владимирович, поставленный судьбой в почетное, но тяжелое положение – старшего в целом Мономаховом племени; он, к сожалению, вовсе не обладал той душевной твердостью, которая была так необходима великому князю Киевскому, чтобы своею властной рукой водворить мир в Русской земле; наоборот, его необыкновенное добродушие было крайне пагубным для земли, так как служило соблазном для его честолюбивых родичей к завладению старшим столом помимо него.

Неожиданная смерть Вячеслава изменила, разумеется, сильнеешим образом положение дел на Руси, тем более что Ростислав Мстиславович, признанный, как мы видели, киевлянами его преемником и походивший своим благодушием на дядю Вячеслава, необходимо должен был считаться с правами дяди Юрия Долгорукого, являвшегося теперь старшим в целом Мономаховом роде.

Похоронив дядю, Ростислав, с племянниками Мстиславом Изяславовичем и сестричицем Святославом Всеволодовичем, продолжал

движение к Чернигову и послал сказать Изяславу Давидовичу: «Целуй крест, что будешь сидеть в своей отчине, в Чернигове, а мы будем в Киеве». На это Изяслав ответил: «Я и теперь вам ничего не сделал; не знаю, зачем вы на меня пришли, а пришли, так уже как нам Бог даст» – и, соединившись с половцами и сыном Юрия Долгорукого Глебом, вышел против Мстиславовичей.

Как только начался бой, миролюбивый Ростислав стал сейчас же пересылаться с Изяславом Давидовичем, предлагая ему за мир под собой Киев, а под Мстиславом Переяславль. Такое поведение дяди во время самой битвы вызвало в воинственном Мстиславе Изяславовиче сильнейшее негодование. «Так не будет же ни мне Переяславля, ни тебе Киева», – сказал он в сердцах дяде и прямо с поля сражения отправился с дружиною в Луцк, свою отчину.

Ростислав же был вскоре обойден половцами, разбит наголову и еле спас жизнь, благодаря героическому самопожертвованию его сына Святослава, отдавшего отцу своего коня, взамен павшего под Ростиславом.

После этой победы Изяслав Давидович был принят киевлянами и сел на великокняжеский стол; конечно, он считал, что имеет на него некоторые права, так как был самым старшим в племени деда своего Святослава, сына Ярослава Мудрого, того Святослава, который, как мы помним, сидел на Киевском столе до самой смерти, хотя и занял его насильно. Но, разумеется, гораздо больше прав на Киев имел Юрий Долгорукий, ставший теперь старшим в племени Мономаха; у Юрия как дед, так и отец были великими князьями Киевскими.

Ввиду этого Изяславу Давидовичу не пришлось долго посидеть на старшем столе. Скоро к Киеву приблизился Юрий, умирившийся по пути с племянником Ростиславом, который вернулся в свой Смоленск. Подойдя к городу, Юрий послал сказать Изяславу: «Мне отчина Киев, а не тебе». Не рассчитывая на особое расположение киевлян и на свою силу, Изяслав отвечал: «Разве я сам поехал в Киев; посадили меня киевляне; Киев твой, только не делай мне зла». Юрий вошел в Киев и помирился с ним. Это было в 1155 году.

Севши на старший стол, Юрий не замедлил открыть военные действия против сыновей своего старого врага – покойного Изяслава Мстиславовича – Мстислава и Ярослава, но вскоре, обеспокоенный замыслами Изяслава Давидовича Черниговского, решил примириться с ними, для чего избрал посредником Ростислава Мстиславовича Смоленского, который действительно и примирил всех Мономаховичей. Это сильно обеспокоило Изяслава Давидовича, и он решил приехать вместе со своим двоюродным братом и давнишним другом Юрия Святославом Ольговичем на княжеский съезд с Мономаховичами, где последовало общее взаимное примирение, причем Юрий женил своего сына Глеба на дочери Изяслава Черниговского.

Однако и этот общий мир был крайне непродолжительным; скоро в разных концах Руси опять началась борьба. Мстислав Изяславович, следуя поговорке своего отца: «Не место идет к голове, а голова к месту», – внезапно напал на дядю своего Владимира Мстиславовича, так называемого мачешича, недавно посаженного во Владимире Волын-

ском, и отнял у него этот город, бывший его отчиной. Юрий должен был заступиться за мачешича и пошел на Мстислава с Ярославом Осмомыслом Галицким; но отобрать город Владимир Волынский им не удалось, и, простояв без пользы под его стенами, они разошлись по домам, а Владимир Волынский так и остался за предприимчивым Мстиславом Изяславовичем.

Затем поднялся на Юрия и Изяслав Давидович Черниговский, который, без сомнения, имел точные сведения из Киева о том, что жители крайне недовольны как Юрием, так и всеми его ближайшими сподвижниками. Но в тот самый день, когда Изяслав Давидович хотел выступить к Киеву, оттуда к нему прискакал гонец с неожиданной вестью: «Ступай, князь, в Киев – Юрий умер». Получив это известие, Изяслав Давидович заплакал, а затем сказал: «Благословен еси Господи, что рассудил меня с ним смертью, а не кровопролитием».

Юрий умер 15 мая 1157 года, заболев после знатного пира у боярина Петрилы. В день похорон Юрия сотворилось много зла: близ Кие-

ва толпа разграбила два двора, принадлежавшие великому князю, и перебила по городам и селам людей его суздальской дружины. Так окончил свой земной путь последний сын Мономаха Юрий, достигнув, после долголетней упорной борьбы, старшего стола, но не сумев привязать к себе сердца своевольных киевлян, которые перенесли свою ненависть и на суздальскую дружину. Это ясно показывает, конечно, что в Суздальской стороне князем Юрием были заведены совершенно иные порядки, чем в южной Руси, где усобицы сильно подорвали значение княжеской власти и дали слишком много воли городской толпе.

Глава 4

Положение дел в Русской земле после смерти Юрия Долгорукого. Андрей Юрьевич и икона Владимирской Божией Матери. Борьба Изяслава Давидовича с Мстиславом Изяславовичем. Ростислав Мстиславович на старшем столе. Войска Андрея Боголюбского берут Киев. Славное чудо Знамения Божией Матери в Новгороде. Геройская защита Вышгорода Мстиславом Храбрым. Мученическая кончина Андрея Боголюбского. Смута в Суздальской земле. Всеволод Юрьевич. «Слово о полку Игореве». Галицкие дела. Свадьба маленькой Верхуславы. Кончина сестричича. Роман и Рюрик. События в Галиче после смерти Романа. Мстислав Удалой и его неожиданная помощь Новгороду.

Первый Земский собор 1211 года. Кончина Всеволода Большое Гнездо

После смерти Юрия Долгорукого в 1157 году, ко времени вторичного вокняжения в Киеве Изяслава Давидовича, положение дел на Руси уже значительно разнилось от того, которое мы застали после кончины Владимира

Мономаха в 1125 году.

За истекшие тридцать два года очередной порядок восхождения на старший стол нарушался столько раз, что определение прав на этот стол делалось все более и более запутанным и сложным, как для Мономаховичей, так и для Ольговичей и Давидовичей; все чаще и чаще стали устанавливаться по этому поводу особые ряды или договоры между князьями,

постоянно, впрочем, нарушаемые, а также все сильнее и сильнее становилось влияние киевлян на решение вопроса о занятии их стола.

Вместе с тем ко времени кончины Юрия Долгорукого было уже почти совершенно предано забвению и другое положение очередного порядка – последовательное передвижение князей с младших столов на более старшие, по мере лествичного восхождения их к Киеву. Начало к забвению этого передвижения было, конечно, положено на Любечском съезде, собранном в 1097 году Мономахом для прекращения княжеских усобиц, причем было установлено правилом, что за князьями остаются их отчины, или вотчины, то есть владения их отцов, кроме Киевской земли, которая, по смыслу очередного порядка, должна принадлежать старшему во всем роде.

Вследствие этого с течением времени отдельные земли стали все более и более обособляться, и в них, по мере увеличения членов княжеских семей, стали возникать такие же родовые счета и усобицы, какие мы до сих пор видели по отношению ко всей Рус-

ской земле. Конечно, это обособление отдельных земель и возникновение в каждой из них своей частной жизни влекло за собой, вместе с ослаблением верховной власти киевского князя, и ослабление у князей этих отдельных земель взаимной связи между собой и чувства принадлежности к единой общей великой Родине.

Рядом с киевским великим князем появились уже и другие великие князья. Во времена двоевластия старого Вячеслава с племянником Изяславом Мстиславовичем, обращаясь к Юрию Долгорукому, оба они говорили ему: «Иди на свое великое Суздальское княжение». Ростислав Мстиславович величался великим князем Смоленским; конечно, и черниговские князья именовались великими; скоро таковым же наименованием стали величаться и князья Рязанские. Все это, разумеется, служило ясным признаком упадка прежнего значения Киевского стола. Однако князья, осевшие в своих землях, или уделах, продолжали ревниво следить, чтобы Киевская земля никому не досталась бы в такое вотчинное, удельное владение, и это было своего

рода вопросом чести для каждого из них.

Таким образом, Изяслав Давидович, севши на старшем столе в 1157 году, являлся вовсе не тем могущественным великим князем всея Руси, каким мы видели Владимира Мономаха. Ему принадлежала только Киевская земля и несколько городов в прежней его Черниговской волости, так как самый Чернигов он должен был отдать своему двоюродному брату Святославу Ольговичу, а Новгород-Северский – честолюбивому сестричичу Святославу Всеволодовичу. Вместе с тем, кроме уже ранее обособившихся княжеств Полоцкого, Муромо-Рязанского и Галицкого, в это время и Смоленская земля тоже выделилась в семейное владение Ростислава Мстиславовича, равно как и Волынская – во владение сына Изяслава Мстиславовича Мстислава Изяславовича, Туровская – во владение Юрия Ярославовича, внука великого князя Святополка Изяславовича и, наконец, Ростово-Суздальская земля – во владение потомков Юрия Долгорукого.

В этой Ростово-Суздальской земле сидел тогда замечательный князь. Как мы видели,

ее первыми радетелями были Юрий Долгорукий со своим дядькой-кормильцем Юрием Шимоновичем, которые приложили немало труда и стараний для устройства в ней переселенцев, потянувшихся со всех концов Киевской Руси, когда там усилились княжеские усобицы и половецкие нашествия.

Но Юрий Долгорукий, несмотря на всю любовь к Суздальскому краю, был, как мы видели, все-таки связан своими помыслами и сердцем с Киевом; из-за Киева вел он тяжелую борьбу до конца своей жизни, и сюда же на юг неоднократно водил он и свои суздальские дружины; наконец, утвердившись в Киевской земле, он здесь же посадил и своих старших сыновей – Андрея в Вышгороде, а Глеба в Переяславле; далекую же Суздальскую сторону он предоставил младшим сыновьям – Мстиславу и Всеволоду и внукам – детям покойного сына своего Ростислава. Это, конечно, показывало, что Киевский стол после себя Юрий готовил старшему сыну Андрею, а на Суздальский край смотрел как на второстепенное владение своей семьи.

Но иных взглядов был сын его Андрей. Вся

его жизнь с раннего детства сложилась совершенно иначе, чем жизнь отца и других князей южной Руси, а потому и с совершенно другими чувствами относился Андрей к событиям, совершавшимся на его глазах в этой южной Руси. Мы уже говорили, что он явился в ней во главе полков своего отца в 1149 году, имея за тридцать лет от роду. До этого же времени он безвыездно прожил в Суздальской стороне, в которой родился, вероятно, в 1111 году. Конечно, с раннего детства, как княжеский сын, Андрей был посвящен во все дела, касающиеся устройства и заселения этого до сих пор лесного и глухого края, и, без сомнения, в его детском сердце оставили самое глубокое впечатление как постоянные рассказы в собственной семье об усобицах, происходивших на юге, так постоянные же рассказы, и притом в самых ярких красках, непрерывно прибывавших в Суздальский край переселенцев из южной Руси, о тех же усобицах, о злых сечах и пожарах, их сопровождавших, о страшных половецких набегах и о раздирающих душу картинах увода в полон степными хищниками дорогих и близких людей.

Все это, разумеется, должно было воспитать в Андрее сильную ненависть к основной причине всех бедствий, имевших место в южной Руси, – к раздорам среди князей, происшедшим из-за отсутствия единой сильной власти над ними. Конечно, прибыв уже зрелым мужем в Киевскую землю, чтобы принять, по приказу отца, участие в шедших там усобицах, Андрей должен был еще сильнее от них отвратиться, тем более что он до сих пор никого не знал из своих южнорусских родичей, которые с детства привыкли жить все вместе, постоянно встречаясь и на ратном поле, и на княжеских съездах; они для Андрея и он для них были совершенно чуждыми людьми. Поэтому, несмотря на свою беззаветную храбрость в боях, Андрей не только не хлопотал о продолжении брани, но, наоборот, являлся усердным сторонником мира, лишь бы скорее получить возможность уйти из этого омута. Находясь на юге с отцом, он еще больше проникся сознанием, что установившимися здесь порядками жить нельзя, и не переставал пребывать мечтою и сердцем в родной и милой Суздальской земле, где мож-

но было предаваться, как доброму хозяину, мирному строительству края и устройству русских людей, бежавших сюда от киевских усобиц и половецких погромов для создания своим трудом новой счастливой жизни под сенью единой и твердой княжеской власти.

На основании этого делается понятным и необычайный на первый взгляд поступок Андрея, совершенный им, когда Юрий, утвердившись в 1155 году, после смерти Вячеслава, в Киеве, посадил его около себя в Вышгороде.

Андрей тайно от отца, не испросив его разрешения, отбыл в свой любимый Суздальский край, несомненно по приглашению как суздальской дружины, так и всей Суздальской земли, желавшей иметь у себя князя умного, сильного и доброго, любившего больше всего хозяйский покой и порядок. При этом, конечно, Андрей, по своему душевному складу, должен был быть особенно дорог именно пришельцам, или новым людям, во множестве приходившим в край с юга и селившимся, главным образом, в новом же городе, во Владимире на Клязьме, куда Андрей и прибыл после тайного своего оставления Вышго-

рода.

Этот беспрецедентный побег Андрея из Киевской земли от зла, там творившегося, сопровождался особым Божиим благословением, память о котором сохранилась в благочестивой среде народа до наших дней.

В Вышгороде существовал женский монастырь, и в нем находилась древняя икона Богоматери, написанная, по преданию, евангелистом Лукою и принесенная им Богородице, во время Ее земной жизни, причем Божия Мать, увидев ее, повторила Свое пророческое изречение: «Отныне ублажат Меня все роды, – и присовокупила: – Благодать Родившегося от Меня и Моя с сей иконою да будут». Икона эта в половине V века, при греческом императоре Феодосии Младшем, была принесена из Иерусалима в Царьград, а в половине XII века привезена оттуда в дар Юрию Долгорукому и поставлена в Вышгородском девичьем монастыре.

В 1155 году с иконой произошло несколько чудесных явлений: она сама собою выходила из киота и в первый раз виделась стоящей среди церкви на воздухе; потом, когда ее по-

ставили в другом месте, она обратилась лицом в алтарь. Тогда поставили ее в алтаре за престолом, но и там она сошла со своего места. Вследствие этого люди в недоумении помышляли, на каком же месте святая икона благоизволит избрать себе пребывание.

Об этих явлениях, конечно, скоро узнал и Андрей. Как и все добрые древние князья, он был благочестив и набожен искренно, а не лицемерно, уже по той только причине, что много раз в опасностях войны был чудесно сохраняем от гибели. Услышав рассказы о чудотворениях Вышгородской иконы, Андрей разгорелся духом и понял, что сама Заступница христианства как бы указывала ему путь из города.

Он поспешил в монастырь и там упал перед святым изображением с усердной молитвой, прося Пречистую быть ему Заступницей и Помощницей в Суздальской земле. С молебным пением он поднял своими руками чудотворный образ и ночью вышел из Вышгорода со своей княгиней, с боярами и со многими людьми, взявши с собою и вышгородского попа и дьякона с их семьями.

В путешествии икона прославилась новыми чудотворениями. Первое чудо совершилось во время переправы через реку Вазузу (приток Волги у Зубцова), где князь Андрей послал проводника искать брода, и слуга было потонул в разлившейся реке вместе с конем, но чудесно спасся и вышел из реки невредимым. Второе чудо произошло на Рогожских полях у нынешнего села Богородска на Клязьме близ города Владимира. При повороте пути к Суздалю лошади под иконою стали и не пошли дальше. Запряжены были новые, но тоже не пошли вперед. Тогда Андрей остановился здесь на ночлег, и в полночь, во время усердной молитвы князя, Богоматерь явилась ему со свитком рукописи в руках и заветчала не ехать дальше, но поставить Ее святую икону во Владимире, а на месте явления построить монастырь. С той поры место это стало прозываться Боголюбовом. Андрей построил здесь каменную церковь и монастырь, обнеся все место каменными стенами; скоро новое селение сделалось городом и любимым местопребыванием Андрея, который и сам получил от него прозвание Боголюб-

ский. Самую же икону он поставил в новостроенном Владимирском храме и украсил ее с таким богатством, которое почиталось дивным для его времени; он вковал в нее больше тридцати гривен золота, кроме серебра, дорогих камней и жемчуга.

Конечно, эта икона Божией Матери стала для Андрея руководительницей и заступницей во всех предприятиях. Уходя с юга против воли отца и подвергаясь, следовательно, опасности от его гнева, не зная хорошо, что его ожидает в любимой Суздальской стороне, Андрей, по чувству древнего благочестия, неизбежно должен был обратиться к заступничеству и покровительству Божьего промысла, и, разумеется, чудеса, явленные иконой в Вышгороде, давали ему уверенность, что Богоматерь не оставит его своим заступничеством. Разрывая навсегда с Киевской землею, он, так сказать, совсем переселялся из старого в новый дом и потому, по русскому обычаю, взял с собой из старого дома и величайшую в нем святыню – чудотворную икону. И действительно, переселение произошло благополучно, а отец не разгневался и оставил сына в по-

кое.

Вера в непрестанную заступницу и помощницу молящихся людей распространилась скоро по всей Суздальской земле, чему особенно способствовали многие чудесные события и случаи. Впоследствии же, как мы увидим в дальнейшем нашем изложении, икона Владимирской Божией Матери становится одной из главнейших святынь всей Русской земли, благодаря помощи, неоднократно явленной через нее нашей Родине в бедственные годы.

Когда спустя два года после тайного ухода Андрея из Вышгорода скончался в 1157 году его отец Юрий, то вся Ростово-Суздальская земля избрала его своим князем, помимо его младших братьев, здесь сидевших, так как все любили Андрея за премногую его добродетель, высоко ценя главный подвиг его жизни – особую любовь к сиротам и нищим. Нищелюбие естественно переносило и сердце, и помыслы князя к нуждам и потребам простого народа, для которого он был действительный отец и кормилец, защитник малых от насилия больших и сильных. И народ так и по-

нимал Андрея, как князя в отцов и праотца место, Божию милостию, над ним поставленного. Со своей стороны и Андрей смотрел, конечно, так на свое избрание князем Суздальской земли.

Но, разумеется, этим не могли быть довольны его дружинники и бояре, с которыми он держался холоднее и дальше, чем было в обычае у южных князей. По-видимому, уходя из Киевской Руси, он оставил там и старые порядки княжеского быта. Он не помрачал своего ума пьянством, а тем более на пирах с дружиною. Отец его оттого и помер, что повеселился, может быть, без меры, на пиру у одного дружинника. Андрей, конечно, знал также, что в пьяных чашах подносилась иногда и отрава. Он даже не переселился ни в Ростов и ни в Суздаль, будучи выбран всей землею князем, но оставался в своей усадьбе во Владимире, откуда часто выезжал или в Боголюбово, где любил проводить время с клирошанами, или же проживал на устье реки Судогды, куда часто выезжал на охоту с малым числом близких людей.

Недовольство бояр необычным образом

жизни Андрея очень скоро сказалось: они постарались лестью и лукавством поссорить его с братьями и старшими дружинниками отца, отчего произошла была лютая смута во всей Суздальской стороне. Но Андрей быстро ее прекратил. Глубоко сознавая страшную ответственность, лежавшую на его душе, за благо и спокойствие земли, которая была ему вверена милостью Божией, он нашел в этом сознании должную силу для прекращения смуты решительными и суровыми мерами: одних бояр он заточил, а других изгнал из края, причем не остановился и пред изгнанием родных братьев – Мстислава и Василька с племянниками; они взяли с собой и восьмилетнего младшего брата их Всеволода с матерью, мачехою Андрея, и удалились в Царьград, где были с честью и любовью приняты императором Мануилом[8].

Водворив таким путем тишину в своей родной земле, Андрей отнесся совершенно безучастно к вокняжению после смерти отца в Киеве Изяслава Давидовича Черниговского. Зато в своей Суздальской стороне Андрей развил беспримерную деятельность. Он усердно

обстраивал город Владимир на Клязьме и Боголюбово и не жалел ничего на построение церквей, монастырей и украшение храмов. Кроме церкви Успения, возбуждавшей удивление современников своим великолепием, он построил во Владимире монастыри Спасский, Вознесенский, соборный храм Спаса в Переяславле и церковь Святого Феодора Стратилата, в память чудесного спасения своего во время сечи под Луцком; затем церковь Покрова при устье реки Нерли и много других. Для этих сооружений Андрей пригласил мастеров с Запада; но вместе с тем в это же время, благодаря его строительству, начало развиваться и русское искусство, и скоро наши мастера, уже без пособия иностранцев, строили и расписывали свои церкви.

Особенно же богато украсил Андрей храм Рождества Богородицы в Боголюбове и любил его показывать всем приезжим. «Приходил ли гость из Царьграда, или от иных стран, из Русской земли, или латинянин, и всякий христианин, или поганые, – тогда князь Андрей приказывал: введите его в церковь и на полати, пусть и поганый видит истинное христи-

анство да крестится, что и бывало: болгары и жидаы и вся погань, видевши славу Божию и украшение церковное, крестились», – говорит летописец.

Отечески нежно любя Владимир на Клязьме и мечтая сделать из него второй Киев, Андрей также заботливо и нежно относился и к его жителям; по улицам постоянно двигались возы, развозившие от князя пищу больным и нищим. Построив каменные Золотые ворота, по образу киевских, он хотел неожиданно открыть их к празднику Успения Божией Матери. Но известка не успела высохнуть и укрепиться к празднику, и когда народ собрался, то ворота упали и накрыли 12 зрителей. Тогда Андрей горячо взмолился к чудотворной иконе: «Если Ты не спасешь этих людей, я, грешный, буду повинен в их смерти!» Подняли ворота – и все придавленные люди остались живы и здоровы.

Усердно занимаясь устройством быта своих подданных, Андрей предпринял и два похода на волжских болгар, исповедовавших магометанство. Оба похода были удачны, особенно имевший место в 1164 году. Войска со-

провождала чудотворная икона; сам князь и все воинство перед походом приобщались Святых Таин; одержав блистательную победу над болгарами, они взяли их главный город, славный Бряхимов. Эта победа была всецело приписана чудесной помощи Божией Матери, и в память ее установлен праздник Спаса 1 августа, и поныне празднуемый церковью.

Безучастное отношение Андрея к делам южной Руси было очень на руку Изяславу Давидовичу, который только и мог рассчитывать удержать за собой Киев, за отсутствием других, более подходящих князей для занятия этого стола. Действительно, старшим из всех Мономаховичей был миролюбивый Ростислав Мстиславович Смоленский, а племянник его, даровитый и храбрый Мстислав Изяславович Волынский, не мог действовать помимо желания дяди Ростислава ни в его пользу, ни в свою; что же касается брата Андрея Боголюбского Глеба Юрьевича, сидевшего в Переяславле, то он был женат на дочери Изяслава Давидовича и потому ему было выгодно, что тесть занимает старший стол в Русской земле.

Однако, несмотря на все, Изяславу Давидовичу все-таки не удалось удержаться долго в Киеве. В следующем же, 1158 году в Галиче вспыхнула смута, подавшая повод к его изгнанию. Дело произошло из-за Ивана Берладника, двоюродного брата Ярослава Осмомысла, зятя Юрия Долгорукого. Когда Юрий окончательно утвердился в Киеве, то согласился выдать Ярославу несчастного Ивана Берладника, уже лишенного всех волостей отцом Ярослава Владимирком, почему он и вынужден был служить за деньги разным князьям.

Однако духовенство решительно воспротивилось этой выдаче; тогда Юрий решил отправить Ивана Берладника в оковах к себе в Суздаль; когда его вели по Черниговской земле, то сидевший в то время в ней Изяслав Давидович перехватил пленника по дороге и стал держать при себе.

Когда же Изяслав занял Киев, то с ним вместе прибыл и Иван и, оставаясь здесь на свободе, начал сноситься с галичанами, настраивая их против Ярослава. Конечно, Ярослав не мог быть этим доволен и, благодаря своему изворотливому уму, повел дело так, что скоро

все князья русские, польские и король Венгерский отправили своих послов к Изяславу Давидовичу требовать выдачи Берладника Ярославу. Изяслав Давидович проявил к изгнанному, которому дал приют, большое благородство и отвечал всем решительным отказом. Берладник, однако, испугался почти всеобщего союза князей против себя, убежал к половцам, занял с ними подунайские города и стал перехватывать галицкие суда. Затем, собрав много половцев и присоединив к ним 6 тысяч берладников, таких же изгнанников, как и сам, он вошел с ними в Галицкую землю, где осадил город Ущицу, в котором заперлась засада (гарнизон) Ярослава Осмомысла.

Половцы хотели взять город приступом, но Иван не позволил этого; несомненно, он сохранил в своем сердце любовь к бывшим подданным отца своего, а потому пожалел жителей Ущицы, которые во время приступа подверглись бы разграблению и убиению.

Этот великодушный поступок Берладника вызвал озлобление против него со стороны половцев, которые его покинули; а между тем благодетель Ивана – Изяслав Давидович звал

его к себе на помощь, так как против Изяслава Давидовича собрались Ярослав Осмомысл и Мстислав Изяславович Волынский и решили идти на Киев. Видя, что большой помощи от Берладника не будет, Изяслав Давидович, чтобы иметь возможность противостоять Ярославу Осмомыслу и Мстиславу Изяславовичу, решил прежде всего примириться со своим собственным племенем, в котором на него было неудовольствие из-за распределения волостей по занятии им старшего стола; он послал теперь сказать Святославу Ольговичу, что придает ему еще два города. На это Святослав Ольгович, с обычным своим благородством, отвечал ему: «Правду сказать, брат, я сердился на тебя за то, что не отдавал мне всей Черниговской волости, но лиха тебе не хотел; а если теперь хотят на тебя идти, то избави меня Бог волоститься (помогать из-за волостей); ты мне брат, дай мне Бог пожить с тобою в добре».

Вскоре на реке Остре состоялся съезд Изяслава Давидовича и всех черниговских князей и «была между ними любовь великая и дары большие». Они немедленно отправили в Га-

лич и Волынь объявить о своем тесном союзе и достигли цели: Ярослав Осмомысл и Мстислав Изяславович отложили поход.

Но Изяслав Давидович, как человек дальновидный, понимал, конечно, что может быть покоен лишь на короткое время и что умные и предприимчивые Ярослав Осмомысл и Мстислав Изяславович только ждут благоприятных для себя обстоятельств, чтобы пойти на Киев. Поэтому он решил, пользуясь союзом со всеми черниговскими князьями, предупредить своих врагов и самому идти на них, после чего, при успехе, посадить в Галиче вместо Осмомысла Ивана Берладника, тем более что Иван получил от галичан приглашение: «Только покажутся твои знамена, мы сейчас отступим от Ярослава».

Однако все эти предположения не удались. Святослав Ольгович не хотел понять необходимости войны для Изяслава и всеми силами отговаривал его от нее. Когда же Изяслав Давидович все-таки выступил в поход, то Святослав Ольгович отправил к нему посла с таким словом: «Брат не велит тебе начинать рати». Раздосадованный этим, Изяслав не удержался

и в сердцах ответил послу: «Скажи брату, что не возвращусь, когда уже пошел, да прибавь еще: если ты сам не идешь со мною и сына не отпускаешь, то смотри: когда, Бог даст, успею в Галиче, то уже не жалуйся на меня, как начнешь ползти из Чернигова к Новгороду-Северскому». Святослав сильно обиделся этим словом. «Господи! – говорил он. – Ты видишь мое смирение: я на свои выгоды не смотрел, хотел только одного, чтобы кровь христианская не лилась и отчина моя не гибла; взял Чернигов с семью городами пустыми, в которых сидят только псари да половцы[9], а всю волость Черниговскую он за собой держит, да за своим племянником; и того ему мало: велит мне из Чернигова выйти; ну, брат, Бог рассудит нас и крест честный, который ты целовал, что не искать подо мной Чернигова никоим образом, а я тебе лиха не хотел, когда запрещал идти на войну, хотел я добра и тишины Русской земле».

Таким образом, Изяслав Давидович неожиданно приобрел себе нового врага в Святославе Ольговиче, а между тем он вскоре потерпел решительное поражение от Ярослава Га-

лицкого и Мстислава Изяславовича под Белгородом, где ему изменили берендеи.

После этого поражения Изяслав, не возвращаясь в Киев, переправился через Днепр у Вышгорода и направился в страну вятичей, принадлежавшую Святославу, которую он занял в отместку за то, что последний своими неуместными советами и отказом в помощи разрушил все его предположения.

Мстислав же Изяславович вместе с Ярославом Галицким вошел в Киев и сейчас же послал в Смоленск звать дядю Ростислава Мстиславовича на старший стол. Ростислав, памятуя, какое положение занимал дядя Вячеслав в Киеве при Изяславе Мстиславовиче, когда действительным великим князем был последний, не захотел того же для себя, а потому послал сказать племяннику: «Если зовете меня вправду с любовью, то я поеду в Киев на свою волю, чтобы вы имели меня отцом себе вправду и в моем послушании ходили; и прежде всего объявляю вам: не хочу видеть Клим митрополита, потому что не взял благословения от Святой Софии и от патриарха».

Этот митрополит Клима Смолятич, то есть

родом из Смоленска, был после блаженного Иллариона, поставленного при Ярославе Мудром, вторым митрополитом из русских, так как все предыдущие были греки или болгары; но Клима не брал благословения от царьградского патриарха, по-видимому, ввиду замешательств, происходивших в то время на патриаршем престоле, а был поставлен собором русских епископов главою святого Климента, привезенной святым равноапостольным Владимиром из Корсуни после своего крещения; при этом Нифонт, епископ Новгородский, отказывался признавать Клима митрополитом, считая его поставление без патриаршего благословения неправильным, и тех же взглядов был и Ростислав Смоленский.

Но Мстислав Изяславович крепко держался Клима и не хотел признать грека Константина, удобного Ростиславу. Наконец, они урядились, решив принять третьего нового митрополита из Царьграда.

После этого, в 1159 году, Ростислав Мстиславович сел в Киеве и имел затем свидание с Святославом Ольговичем, чтобы уговориться насчет общего для них в то время врага – Изя-

слава Давидовича. Князья обедали друг у друга и обменивались подарками; Ростислав дарил Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, белыми волками, рыбьими зубьями, а Святослав отдал барсом и двумя борзыми конями с коваными седлами.

Вслед за тем начались военные действия; они шли некоторое время с переменным счастьем, причем противники сильно опустошали волости друг у друга; наконец, Изяслав Давидович решил обратиться за помощью в Суздаль. Он послал просить у Андрея Боголюбского руки его дочери для своего племянника Святослава, сына брата Владимира, убитого в сражении на реке Руте. Андрей согласился на это сватовство и прислал на помощь жениху и его дяде свои полки, которые, впрочем, скоро вернулись домой, не принеся Изяславу Давидовичу пользы.

Тогда Изяслав Давидович задумал поссорить Ростислава Мстиславовича и Мстислава Изяславовича со Святославом Ольговичем, принимая в расчет то обстоятельство, что киевляне с неудовольствием смотрели на этот

необычный союз Мономаховичей с их всегдашним врагом – черниговским князем. Странствиями некоторых подкупленных бояр скоро эта удалась, и Святослав Ольгович оставил своих недавних союзников.

Этим воспользовался Изяслав Давидович и подошел к Киеву. После кровопролитной схватки с войсками Ростислава (Мстислав Изяславович в это время отсутствовал), которая показалась летописцу вторым пришествием, Изяслав Давидович стал одолевать; тогда дружина Ростислава сказала своему князю: «Князь! Братьев твоих еще нет, нет ни берендеев, ни торков, а у неприятеля сила большая; ступай лучше в Белгород и там поджидай помощи».

Ростислав так и сделал, а Изяслав Давидович в третий раз вошел в столь любимый им Киев, простил всех граждан, попавших в плен, и пошел немедленно осаждать Белгород, где заперся Ростислав Мстиславович. Сюда, под стены Белгорода, Святослав Ольгович опять прислал сказать Изяславу Давидовичу, чтобы он мирился: «Если даже и не помирятся с тобою, во всяком случае ступай за Днепр;

когда будешь за Днепром, то вся твоя правда будет». На это Изяслав Давидович весьма основательно отвечал ему, что он отдал за право сидеть в Киеве своей братии Святославовичам Черниговскую волость, а потому ему теперь некуда деться, а «лучше здесь умереть», и продолжал усиленно осаду Белгородского кремля.

Однако, несмотря на все старания, ему не удалось взять Белгород, а между тем к Ростиславу с разных сторон подходили на выручку подкрепления, направляемые его искусным в воинском деле племянником Мстиславом Изяславовичем; тут были волынские и галицкие полки, а также толпы пограничных варваров: берендеи, ковуи, торки, печенеги. Подходя к Белгороду, черные клобуки стали протиснуться у Мстислава Изяславовича выдвинуться вперед. Он отпустил их. Между тем половцы, бывшие впереди у Изяслава Давидовича, прискакали к нему и объявили, что идет огромная рать. Тогда Изяслав Давидович решил немедленно снять осаду и начал отступать.

Скоро он был настигнут черными клобука-

ми; один из торков, по имени Войбор, ударил его копьем в плечо, другой проколол ему ногу и свалил с лошади. Ростислав Мстиславович со своим храбрым племянником застали Изяслава Давидовича уже при последнем издыхании и трогательно с ним простились. Так погиб в борьбе за обладание Киевом Изяслав Давидович; много греха принял он на свою душу, чтобы посидеть на золотом Киевском столе, но оставил также память и о своих добрых делах: о благородном заступничестве за Ивана Берладника и о большом количестве русских пленных, выкупленных им вместе со своей княгиней у половцев, на что он тратил огромные деньги.

Сохранилось предание, что Изяслав Давидович постоянно носил на себе власяницу брата своего Николая Святоши, но в злосчастный день своей смерти ее не надел и был убит. Тело его было отослано в Чернигов.

Это было в 1161 году, а в следующем году погиб и несчастный Иван Берладник; он был отравлен в Греции, но при каких обстоятельствах и по чьему наущению – осталось невыясненным.

В Киеве же опять сел княжить Ростислав Мстиславович, снова введенный в него своим племянником Мстиславом Изяславовичем. Последний, как мы видели, очень походил на отца. Он был также способен, смел и искусен в ратном деле, но также не отличался и особой сыновней покорностью. Ростислав же, будучи всю жизнь почтительным к старшим, как только сам достиг этого старшинства, стал строго требовать от младших такой же почтительности и покорности.

Это скоро привело к крупным речам между дядей и племянником, и последний, в сердцах, выехал из Киева к себе на Волынь и стал готовиться к борьбе с Ростиславом Мстиславовичем.

Однако он с ним примирился в 1162 году, видя, что сторону Ростислава держат все князья, преклоняясь перед его высокой справедливостью, а главное – перед полным отсутствием корысти, почему он весьма легко раздавал города нуждающимся родственникам.

Из этих нуждающихся родственников на первом месте следует поставить младшего брата Ростислава Владимира Мстиславовича;

судьба этого мачешича была незавидна: он устроился на Волыни, но был, как мы видели, изгнан оттуда племянником Мстиславом Изяславовичем; затем он находился в войсках Изяслава Давидовича и вместе с ним был под Белгородом; после этого занял город Слуцк, но должен был уйти из него под влиянием недовольства других князей, и только брат его Ростислав Мстиславович, севши в Киеве, дал ему Треполь с четырьмя городами.

Таким же влиянием и уважением пользовался Ростислав и в Черниговской стороне. В 1164 году там умер старый Святослав Ольгович, и по всем правилам Чернигов должен был перейти к его племяннику, известному сестричу Святославу Всеволодовичу. Однако вдова умершего князя хотела передать Чернигов сыну своему Олегу. Хотя Олег и уступил Чернигов Святославу Всеволодовичу, а сам удовольствовался Новгородом Северским, но вскоре между ними возникла усобица, прекращенная лишь вмешательством великого князя Ростислава, на дочери которого был женат Олег. Таким образом, Ростиславу, благодаря исключительной чистоте его души и стро-

гой справедливости, удалось умирить всех князей на западной и восточной стороне Днепра.

Улаживая усобицы в княжеской среде, Ростиславу пришлось немало обращать внимания и на половцев. В начале его великого княжения они понесли поражение от волынских князей и галичан; в 1162 году черные клобуки, сперва сильно потерпевшие от них, победили их затем на берегах реки Роси. Кроме того, они были еще несколько раз биты нашими князьями; но все-таки в 1163 году Ростислав, чтобы умириться с ними, счел нужным женить сына своего Юрия на дочери хана Белука. Половцы были опасны не одними своими опустошениями: они также сильно портили киевскую торговлю с греками, заседая в Днепровских порогах и грабя гречников, то есть купцов, производящих торговлю с Грецией. А эта торговля была настолько важна для Руси и опасность от половцев была так велика, что в 1166 году Ростислав приказал собраться со своими полками трем сыновьям, племянникам и соседям, и 13 князей, с самим Ростиславом во главе, стояли у Канева до того време-

ни, пока не прошли все суда.

Немало забот причинял Ростиславу и Господин Великий Новгород. В городе этом сидел с 1158 года сын Ростислава Святослав, а в Торжке – другой его сын, Давид. Как мы знаем, земли новгородские соприкасались с суздальскими владениями, и поэтому, конечно, между соседями возникали постоянные недоразумения; Андрей Боголюбский относился к этим недоразумениям с большим миролюбием; но когда Изяслав Давидович обратился к нему за помощью против Ростислава Мстиславовича, то Андрей послал сказать новгородцам: «Будь вам ведомо, хочу искать Новгорода и добром и лихом».

Услышав это грозное слово, новгородцы испугались и не знали, что делать; они попросили сначала, чтобы Давид Ростиславович выехал из Торжка, надеясь, что Святослав Ростиславович на это рассердится и сам уедет из города; но Святослав не уехал; тогда буйная новгородская толпа, уже привыкшая к бесчинствам, схватила его и заперла в избе; княгиню же Святослава послали в монастырь, а именье разграбили; затем новгород-

цы отправили Святослава в Ладогу, где поставили к нему крепкую стражу.

Узнав об этом, отец его, Ростислав, бывший в Киеве, сильно разгневался и приказал всех находившихся там новгородцев перехватать и посадить в пересеченское подземелье. Когда же утром ему доложили, что там за ночь умерло 14 человек, то Ростислав сильно затужил и велел всех немедленно выпустить.

Вскоре затем Святослав Ростиславович бежал из Ладоги и прибыл в Смоленск, а Ростислав урядился с Андреем Боголюбским, причем они порешили, чтобы Новгород достался опять Святославу же, и притом «по всей воле его». Это выражение летописи лишний раз показывает, что в возникшее после кончины Мономаха междоусобное время новгородцы ставили своим князьям разные стеснительные для них условия; при этом, как только установилось единодушие между двумя сильными князьями, Ростиславом и Андреем, то новгородцы сейчас же вынуждены были принять Святослава, с которым поступили недавно так возмутительно, по всей его воле.

Скоро Святославу Ростиславовичу удалось

одержать блистательную победу над шведами. У шведов в это время прекратились на время внутренние усобицы, почему они приобрели возможность к наступательным действиям против соседей и пришли под Ладогу. Ладожане пожгли свои хоромы, затворились в кремле и послали за помощью в Новгород. Шведы хотели их взять приступом, но были отбиты с большим уроном, а на пятый день пришел Святослав с посадником Захаром и новгородцами, ударил на шведов и разбил их; из 53 судов они потеряли 43; мало их спаслось бегством, да и то раненые.

Однако все-таки отношения Святослава к новгородцам были не особенно дружественными; поэтому в 1168 году Ростислав решил самолично поехать в Новгород, чтобы и там уладить все дела и водворить прочный мир и любовь. Отправляясь в этот далекий путь, он прежде всего заехал к своему зятю Олегу Святославовичу Северскому, а потом держал путь на Смоленск, где сидел столько лет. Смоленяне устроили престарелому Ростиславу очень трогательную встречу: их лучшие люди начали встречать его еще за 300 верст от

города; потом встретили его внуки, сын Роман, сидевший после отца в Смоленске, епископ, тысяцкий и почти все горожане; так обрадовались все его приходу.

Побывать в Новгороде Ростиславу, однако, не довелось. Болезнь задержала его в Великих Луках, где он имел свидание с сыном Святославом и лучшими новгородскими мужами; урядив с ними все дела и получив богатые дары, он вернулся совершенно больным в Смоленск, где его уговаривала сестра Рогнеда остаться и лечь после смерти в построенной им церкви во имя святых Петра и Павла. Но Ростислав непременно хотел лечь в Киеве, рядом с отцом, святым Мстиславом, в церкви Святого Феодора, а если выздоровеет, то принять пострижение в Печерском монастыре.

Мысль о пострижении давно запала в его душу; любя печерского игумена Поликарпа, Ростислав каждую субботу и воскресенье Великого поста приглашал его обедать с 12 братьями в свой терем. Смерть Святослава Ольговича, случившаяся в 1164 году, сильно на него повлияла, и он решил тогда же постричься. Но Поликарп не допустил его до этого, гово-

ря: «Вам Бог так велел быть; правду блюсти на этом свете, суд судить праведный и стоять в крестном целовании».

Ростиславу не пришлось доехать до Киева. Он должен был остановиться в селе Зарубе, недалеко от Смоленска. Здесь, 14 марта 1168 года, застигла его смерть. Он умер в полной памяти, в присутствии священника, и сам прочел себе отходную, смотря на образ Спасителя и отирая платком слезы.

Благодаря истинно христианским качествам своей души Ростиславу удалось перед смертью водворить мир между всеми русскими князьями, то есть достигнуть того, чего не достигал ни один из великих князей после Мономаха, хотя многие из них были значительно выше Ростислава по своим умственным способностям. Согласно своему желанию, он был похоронен рядом с отцом в Киевском Феодоровском монастыре. Православная церковь дала ему наименование Блаженного.

Из сыновей Ростислава, кроме уже знакомого нам Святослава, оставили по себе память: старший *Роман*, сидевший в Смоленске и женатый на дочери Святослава Ольговича;

он отличался большой кротостью и благочестием; *Рюрик* – человек воинственный и честолюбивый, при этом ласковый и не особенно твердой воли; он, как мы увидим, многократно занимал Киевский стол, но не мог на нем досидеть до смерти; *Давид* оставил по себе память как о храбром, твердом и высокодобродетельном князе; наконец, *Мстислав*, умерший в молодых годах, заслужил прозвание *Храброго* за свою необыкновенную воинскую доблесть, соединенную с высоким благочестием; он был горячо предан всем заветам старины и являлся одним из лучших князей своего времени.

Ростислав Мстиславович был последним великим князем, получившим, как мы видели, под конец своей жизни до некоторой степени прежнее значение великого князя Киевского, объединявшего под своей рукой всех остальных князей Русской земли. При его преемниках значение Киевского стола быстро и окончательно рушится.

Старшинство в целом княжеском роде, по смерти Ростислава, принадлежало сестричу Святославу Всеволодовичу Черниговскому.

Но Мономаховичи старшинство это не признавали, а киевляне его не хотели; старший же из Мономаховичей был маловлиятельный мачешич Владимир Мстиславович, которого, как мы видели, после многих скитаний Ростислав приютил в Треполе; рассчитывать на занятие Киевского стола он, очевидно, не мог. Двоюродный же брат мачешича, Андрей Юрьевич Боголюбский, сидел в своем любимом Суздале и никакого желания перейти в Киев не обнаруживал. И вот взоры всех южных князей обратились на любимого киевлянами храброго волынского князя Мстислава Изяславовича, которого братия и пригласила ехать в Киев. Приглашали его также как киевляне, так и черные клобуки.

Мстислав Изяславович согласился, но, будучи человеком властным и твердым, потребовал, чтобы все приглашавшие его князья ходили по его воле. Те, скрепя сердце, согласились, но на самом деле были этим крайне обижены, так как именно рассчитывали, приглашая его, младшего многих из них, самовольно разобрать себе волости.

Скоро во главе всех недовольных стал

старший из всех Мономаховичей мачешич Владимир Мстиславович, который, при приближении Мстислава Изяславовича к Киеву, даже бежал в Вышгород, где Мстислав не замедлил его осадить, после чего они примирились, но ненадолго, так как мачешич не прекращал своих враждебных замыслов против племянника, о чем, конечно, не замедлили сообщить последнему в Киев.

Тогда Мстислав вызвал мачешича на свидание в Печерский монастырь, где, несмотря на показания свидетелей, мачешич отрицал взводимые на него обвинения и подтвердил Мстиславу свое обещание в верности. Но, несмотря на это, вертлявый Владимир Мстиславович скоро нарушил свое слово и стал сноситься с черными клобуками, подучая их против великого князя, причем не посоветовался об этом со своей дружиной. Это очень обидело старших дружинников. «Ты, князь, задумал это сам собою; так не едем по тебе, мы ничего не знали», – сказали они ему. Владимир рассердился на них; взглянув на молодых дружинников, он сказал: «Вот у меня будут бояре!» – и поехал к черным клобукам. Но

те, видя, что он приехал к ним почти один, сказали ему: «Дружины-то у тебя нет; ты нас обманул; так и нам лучше в чужую голову, чем в свою» – и начали пускать во Владимира стрелы, из которых две попали в него. После этого он бежал, потерявши всех отроков, которых избили черные клобуки, и прибыл, после многих скитаний, в Суздальскую землю, прося Андрея Боголюбского о защите и помощи. Андрей не проявил желанья видеть его, но в помощи не отказал. «Ступай в Рязань к тамошнему князю, а я тебя наделю», – послал он сказать двоюродному брату, что тот и сделал.

Мстислав Изяславович начал свое великое княжение славным делом. Еще при жизни дяди Ростислава, в 1167 году, когда состоялось примирение всех князей, «Бог вложил в сердце Мстислава мысль добрую о Русской земле», – говорит летописец; он собрал братию свою и стал им говорить, что ежегодно половцы уводят христиан в свои вежи, постоянно нарушают клятву и уже отнимают у нас все торговые пути, а затем предложил общий поход на половцев, в котором приняли участие

14 князей; поход этот увенчался полным успехом. Став в 1168 году великим князем, Мстислав Изяславович тотчас же предпринял новый общий поход против половцев; поход этот тоже сопровождался большой удачей.

Нет сомнения, что мужественный Мстислав Изяславович не ограничился бы этими двумя походами, а предпринял бы последовательную борьбу с половцами, чтобы в корне подорвать их могущество, но, к несчастью, как обычно, ему помешала наступившая вскоре усобица. После окончания похода 1168 года между южными князьями вспыхнуло общее неудовольствие против него.

Поводом к этому послужили наветы двух бояр, братьев Бериславовичей, на Мстислава Изяславовича, который отослал их от себя за провинность. Эти два боярина стали уверять Рюрика и Давида Ростиславовичей, что Мстислав хочет их схватить во время обеда, на который он их пригласил. Те поверили, а великий князь, узнав про это, сильно обиделся; так возникла между ними ссора. Скоро и другие южные князья стали искать поводов к ссоре с Мстиславом; все они видели, что

ошиблись, призвав его на великое княжение, в расчете, что он, как не имеющий по своему старшинству права на Киев, будет с ними более уступчив. Теперь они решили искать себе другого старшего и обратились к Андрею Боголюбскому, который являлся действительно старшим во всем Мономаховом роде, так как бежавший к нему за покровительством мачешич Владимир Мстиславович тем самым, конечно, потерял свое старшинство перед ним.

Мы видели, насколько Андрею были ненавистны все киевские порядки, почему он навеки и порвал с южной Русью, тайно бежав в Суздальскую землю. Разумеется, занятие старшего стола не могло его сколько-нибудь прельщать и теперь. Но оставаться безучастным зрителем событий, происходивших вокруг Киева, он также отнюдь не мог для блага своей же Суздальской земли, так как земля эта, как мы уже указывали, примыкала к землям Великого Новгорода и была с ними тесно связана множеством отношений; а мы видели, что поведение новгородцев всегда зависело от того, кто занимал Киевский стол. Когда на столе этом сидел Ростислав, посадивший сов-

местно с Андреем сына своего Святослава в Новгороде по всей его воле, то новгородцы должны были во всех своих делах считаться и с суздальским князем. Но как только в Киеве сел Мстислав Изяславович, сын старинного недруга отца Андреева, то новгородцы поняли, что крепкое согласие киевского князя с суздальским, бывшее при жизни Ростислава, рушилось, и сейчас же стали пересылаться с Мстиславом о присылке им в князя его сына и собирать тайные вече по ночам против Святослава, которого хотели схватить.

Когда про это узнал Святослав, то он вышел с дружиною из города, а новгородцы приняли к себе князем сына Мстислава Романа и стали тотчас же вымещать свои обиды на всех сторонниках Святослава, а стало быть, и Андрея, а затем они разбили отряд суздальской рати на реке Северной Двине.

Конечно, Андрею должно было быть крайне не по сердцу все происходившее в Новгородской земле со времени вокняжения Мстислава Изяславовича в Киеве, а потому, и вполне естественно, что когда южнорусские князья, снесясь друг с другом и объявив Андрея

старшим среди всех Мономаховичей, обратились к нему за помощью против Мстислава, то он им в этой помощи не отказал.

Однако Андрей не выступил сам в поход, а послал войска против Киева под начальством сына своего Мстислава и воеводы Бориса Жидиславовича с ростовцами, владимирцами и суздальцами. К этому ополчению присоединились 11 князей: брат Андрея Глеб Юрьевич, сидевший в Переяславле, Роман Ростиславович из Смоленска, Рюрик Ростиславович из Овруча, брат его Давид из Вышгорода, северский князь Олег Святославович с братом Игорем, Всеволод, младший брат Андрея Боголюбского, уже возвратившийся из Греции, где, как мы видели, он был в изгнании, и некоторые другие.

По-видимому, Мстислав Изяславович получил сведения о собравшейся на него грозе слишком поздно. Все его противники соединились в Вышгороде и обступили город Киев.

Узнав о прибытии большой суздальской рати, киевляне почуяли, что им грозит большая беда; они поняли, что в случае успеха суздальцы жестоко отомстят за своих братьев,

безжалостно избитых киевлянами после смерти Юрия Долгорукого. Поэтому на этот раз киевляне не заявили своему князю, как привыкли за время усобиц: «Теперь не твое время, иди из города» – и не отворили ворот неприятелю. Они заперлись с Мстиславом Изяславовичем в засаду и решили крепко отбиваться. Но через три дня осады защита города была сломлена, причем Мстиславу еле удалось спастись во Владимир Волынский, а город был взят приступом «на щит», чего прежде русские князья никогда не делали по отношению Киева. Победители два дня грабили его; не было никому и ничему помилования: жителей били и вязали, жен разлучали с мужьями и вели в плен, младенцы рыдали; все церкви были пожжены и пограблены; в своем ожесточении победители осквернили множество самых дорогих для русского сердца святынь. половцы зажгли было и Печерский монастырь, но монахам удалось потушить пожар. «Были в Киеве, тогда, – говорил летописец, – на всех людях стон и тоска, плач неутешный и скорьбь непрестанная». Это было в 1169 году.

Затем произошло и другое невиданное до сих пор дело. Андрей, признанный всеми старшим князем, войска которого взяли Киев, не пожелал сесть на его золотом столе. Он перевел сюда брата своего Глеба из Переяславля, а сам остался жить в далеком и мало еще известном Владимире на Клязьме.

«Этот последний поступок Андрея, – говорит С. Соловьев в своей известной «Истории России с древнейших времен», – был событием величайшей важности, событием поворотным, с которого начинался на Руси новый порядок вещей».

Мы видели, что Андрей совершенно не искал ни Киева, ни старшинства, но когда это старшинство пришло к нему естественным порядком и его выбрала вся братия, то, конечно, Андрей, как человек глубоко любящий свою Родину и притом нелицемерно верующий в Бога, не мог отнестись к своему новому званию как к пустой обязанности. Он сознавал, что она возложена на него милостью Божией и обязывает его отныне быть для всех князей и для всей земли государем, в отцов и праотца место поставленным.

Это сознание возлагало на него первым делом, конечно, священный долг – поднять значение старшего князя над землю, так упавшее во время усобиц. А для этой цели Киев совершенно не был пригоден как столица: слишком близко сидели отсюда остальные князья, вечно между собой враждовавшие и искавшие случая сесть самим на старшем столе; слишком своевольна и слишком опытна в крамоле была киевская дружина, и слишком распущено и избаловано было киевское городское население.

Поэтому-то и понятно, что после признания Андрея старшим остальными князьями и взятия его войсками Киева он не переехал в это гнездо междоусобия и крамолы, а по простой необходимости жить покойно и безопасно остался во Владимире на Клязьме. В Суздальской земле он занимал вполне независимое и могущественное положение; здесь поблизости не было беспокойных и честолюбивых князей, не было старой родовой киевской дружины и влиятельного, но изменчивого Киевского городского веча. Сам Владимир на Клязьме был по отношению старых

городов Залесской стороны, Ростова и Суздаля, младшим городом, пригородом, заселенным новым, пришлым, посадским людом, заботами своего князя, которому всецело он и был предан.

Но, конечно, это решение Андрея должно было иметь сильнейшее влияние как на дальнейшие отношения князей между собой, так и на судьбы Киева, Суздальского края и всей последующей жизни Русской земли, хотя не все дальнейшие действия Андрея и сопровождались удачей, как мы увидим ниже.

Одной из главнейших причин к отправлению Андреем на юг своих войск для взятия Киева было, несомненно, его сильное недовольство на новгородцев, которые, после удаления Святослава Ростиславовича, пригласили себе в князья сына Мстислава Изяславовича Романа. Поэтому является вполне понятным, что, изгнав отца из Киева, Андрей не замедлил послать и в Новгород сильное войско, чтобы изгнать оттуда и сына Мстиславова Романа.

Этот поход состоялся зимой, в конце того же 1169 года, в котором был взят Киев. Те же

князья, которые ходили на Киев, с теми же ратями, которые безжалостно разгромили древнюю столицу Русской земли, пошли и на Новгород. «Войску, – по свидетельству летописца, – и числа не было».

Огромная рать Андрея при подходе к Новгороду страшно опустошила всю страну, творя жестокие насилия жителям, а затем окружила город со всех сторон, после чего начались кровопролитные приступы.

Новгородцы, страшась судьбы Киева, крепко заперлись со своим юным, но храбрым и способным в воинском деле князем Романом Мстиславовичем и посадником Якуном и решились защищаться до последней капли крови. Они с необыкновенным мужеством отбивали непрерывные и яростные приступы суздальских войск. Но, несмотря на всю храбрость защитников Новгорода, положение их было отчаянное, ввиду огромного превосходства сил у нападающих.

Как говорит предание, уже в трех храмах на трех иконах плакала Богородица, предвидя беду, грозившую Новгороду. Все церкви были отворены, и в них постоянно молились стар-

цы, жены и дети, пока отцы их отбивались на городских стенах. Архиепископ Илья три дня и три ночи стоял в соборе Святой Софии при алтаре, ограждая свою паству неустанной молитвой. В последнюю ночь, когда все знали, что назавтра последует самый кровопролитный приступ, святитель услышал голос: «Иди на Ильину улицу, в церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы и вознеси ее на верх стены; она спасет Новгород».

На другой день Илья с новгородцами вознес икону на стену у загородного конца между Добрыниной и Прусской улицами. Туча стрел посыпалась на святителя, и одна из них вонзилась в икону.

Внезапно Божия Матерь отвратила святой лик Свой от нападающих и обратилась к городу. Слезы падали из ее очей, и архиепископ Илья, приняв их на свою фелонь, с умилением воскликнул: «О, дивное чудо! Как из сухого дерева текут слезы! Царица! Ты даешь нам знамение, что сим образом ходатайствуешь перед Сыном Твоим и Богом нашим об избавлении города». Тотчас же вслед за этим ужас и смятение напали на осаждающих, и они в

исступлении стали стрелять друг в друга. Видя смятение у врага, доблестный Роман Мстиславович сделал общую вылазку всеми силами и без труда одержал блистательную победу над огромными полчищами противников. Новгородцы взяли так много пленных, что продавали суздальцев по две ногаты (приблизительно по двадцать копеек).

В память этого дивного заступничества Богородицы за Новгород установлен праздник Знамения Божьей Матери, который и поныне вся Россия празднует 27 ноября.

Узнав о поражении своей рати под Новгородом, Андрей отнесся к этому с большим спокойствием; по-видимому, он принял это как наказание Божие за те страшные святотатства, которые позволила себе его рать при взятии Киева, и в 1172 году примирился с новгородцами, которые изгнали от себя Романа Мстиславовича и приняли сына Андреева Юрия.

Неудача Андрея под Новгородом отразилась, конечно, и в Киевской Руси, где братья его, Глеб Юрьевич, посаженный в Киеве, и Михалко, сидевший в Торческе, должны были

вести сильную борьбу с половцами. Мстислав Изяславович и не думал признавать себя окончательно побежденным и деятельно готовился к возвращению себе Киева. Он успел заручиться помощью брата своего Ярослава Изяславовича, сидевшего в Луцке, князей Городенских и Туровских, а также и Ярослава Осмомысла Галицкого и, соединившись с черными клобуками, беспрепятственно вошел в Киев, в то время как Глеб Юрьевич отлучился оттуда в Переяславль по делам половецким.

Вместе с Мстиславом Изяславовичем в Киев вошел и мачешич Владимир Мстиславович, успевший уже перебраться на юг, по-видимому, без позволения Андрея Боголюбского.

В Киеве Мстислав урядился со своими союзниками и с мачешичем, давши ему Дорогобуж, а затем пошел осаждать Вышгород, где сидел мужественный Давид Ростиславович. Здесь успехи Мстислава Изяславовича остановились. Скоро к Давиду прибыла помощь от Глеба Юрьевича и от братьев, а союзники Мстислава стали расходиться по домам. В таких обстоятельствах Мстислав отошел к Кие-

ву, а затем, видя, что на него идет Глеб Юрьевич с Ростиславовичами, поспешил к себе на Волынь, обещая, собравшись с силами, вернуться опять в Киев. Однако Мстиславу Изяславовичу не удалось этого выполнить. Он сильно разболелся и умер в августе 1170 года, успев взять клятву с брата своего Ярослава Луцкого, что тот не отнимет Волынской волости у его детей.

Скоро умер и Глеб Юрьевич Киевский; он скончался в 1171 году, оставив по себе добрую память как о братолюбце и человеке, свято сохранявшем свои клятвы, а также как и о беспощадном враге половцев, против которых он не раз ходил с большим успехом, как один, так и вместе с братом своим храбрым Михалком, сидевшим в Торческе. Этот Михалко особенно прославился тем, что однажды, посланный братом Глебом против половцев с 90 человеками дружины, разбил половецкий отряд в 900 человек и отбил у него громадный полон.

После смерти Глеба трое Ростиславовичей, сидевших вокруг Киева: Рюрик, Давид и Мстислав, следуя отцовскому примеру и стро-

го соблюдая старшинство в роде, послали просить принять Киев своего дядю – Владимира Мстиславовича. Таким образом, вертлявый мачешич, после стольких превратностей жизни, сделался напоследок князем Киевским. Но счастье его было и тут непродолжительно. Андрей Боголюбский, вероятно недовольный тем, что тот ушел с севера без его ведома и вступил в союз с Мстиславом Изяславовичем, приказал ему выйти из Киева.

Смерть избавила мачешича от изгнания; он умер в Киеве, пробывши в нем только четыре месяца великим князем. «Много перенес он бед, – говорит летописец, – бегал от Мстислава то в Галич, то в Венгрию, то в Рязань, то к половцам, но все по своей вине, потому что неустойчив был в крестном целовании».

Вместо мачешича Андрей приказал быть в Киеве старшему из Ростиславовичей, кроткому Роману Смоленскому. Вообще Андрей благоволил к Ростиславовичам; воспитанные в правилах своего отца, они чтили старшинство Андрея и до сих пор крепко держались за него. «Вы называли меня отцом, – послал им сказать Андрей, – так я хочу вам добра и даю

брату вашему Роману Киев».

Но и Роману недолго пришлось посидеть в Киеве; скоро Андрею дали знать, что брат его Глеб Юрьевич умер насильственной смертью, и указали на убийц, трех киевских бояр. Конечно, в Киеве в эти времена творились такие дела, что Андрей мог легко поверить этому извету, и потому он потребовал у Ростиславовичей выдачи ему виновных бояр, назвав их поименно. Однако Ростиславовичи, считая, по-видимому, эти обвинения неосновательными, решили не исполнить этого приказания.

Разумеется, их слушание было совершенно в духе отношений, установившихся к тому времени между князьями вследствие развития усобиц. Но зато оно было совершенно не в духе тех понятий, которым следовал Андрей, – памятуя порядки, установленные заветами отцов, по уставу древней русской жизни, по которому виновный князь лишался волости, а виновный боярин головы. И вот Андрей послал сказать Роману: «Не ходишь в моей воле с братьями своими: так ступай вон из Киева, Давид из Вышгорода, Мстислав из

Белгорода; ступайте все в Смоленск и делитесь там как хотите».

Послушный Роман тотчас же исполнил приказание и выехал в Смоленск, после чего в Киеве сел самый младший брат Андрея Всеволод; но Рюрик, Давид и Мстислав Ростиславовичи послали сказать Андрею: «Брат! Мы назвали тебя отцом себе и крест целовали, и стоим в крестном целовании, хотим тебе добра, но вот теперь брата нашего Романа ты вывел из Киева, а нам путь кажешь из Русской земли без нашей вины; так пусть рассудит нас Бог и сила крестная», – после чего въехали ночью в Киев и посадили там брата Рюрика.

Получив сведения о происшедшем, Андрей разгневался чрезвычайно. Этому сильно обрадовались черниговские князья, у которых сейчас же явилась надежда занять места Ростиславовичей в Русской земле; они послали сказать Андрею: «Кто тебе враг, тот и нам; мы готовы идти с тобой». В свою очередь Андрей, призвав мечника своего Михна, наказал ему: «Поезжай к Ростиславовичам и скажи им: не ходите в моей воле; так ступай же ты, Рюрик,

в Смоленск к брату, в свою отчину; Давиду скажи: ты ступай в Берлад; в Русской земле не велю тебе быть; а Мстиславу молви: ты всему зачинщик, не велю тебе быть в Русской земле». Но Мстислав Ростиславович, по словам летописца, привык никого не бояться, кроме Бога. Когда к нему прибыл посланец Андрея, то он приказал остричь ему бороду и голову и отослал назад с таким словом: «Ступай к своему князю и скажи от нас ему: мы до сих пор почитали тебя как отца по любви; но если ты прислал к нам с такими речами, не как к князю, а как к подручнику и простому человеку, то делай, что замыслил, а Бог нас рассудит!»

Андрей переменялся в лице, когда увидал остриженного Михна и услышал от него ответ Мстислава. Он тотчас же стал собирать огромное войско: из ростовцев, суздальцев, владимирцев, переяславцев, белоозерцев, муромцев, новгородцев и рязанцев – всего около 50 тысяч человек; с ним Андрей послал своего сына Юрия и воеводу Бориса Жидиславовича и дал такой наказ: «Рюрика и Давида выгоните из моей отчины, а Мстислава схватите и, не делая ему ничего, приведите ко мне». К

этой огромной рати Андрей приказал, кроме того, присоединиться князьям Полоцким, Туровским, Пинским и Городенским; затем к ним примкнули князья черниговские, а также младшие братья Андрея; наконец и Роман Ростиславович Смоленский, когда рать эта проходила по его земле, принужден был также отпустить свои полки против родных братьев. Всего князей в этом огромном походе было больше двадцати.

Но младшие Ростиславовичи не потеряли головы. Они покинули Киев и отправились в свои прежние волости: Рюрик затворился в Белгороде, Мстислав с Давидовым полком в Вышгороде, а сам Давид поехал в Галич просить помощи у Ярослава Осмомысла.

Старшим и летами, и племенем между союзными князьями в огромной Андреевой рати оказался сестричич Святослав Всеволодович Черниговский, который и принял начальство над всеми войсками. Скоро под его руководством началась осада Вышгорода, навсегда прославившая храброго Мстислава Ростиславовича, геройски защищавшегося против несколько раз сильнейшего врага.

Сперва к Вышгороду подошли младшие князья с братом Андреевым Всеволодом и Игорем Святославовичем Северским во главе. Мстислав Ростиславович смело выступил против них в поле и, сказав своей дружине: «Братья! Ударим с Божьей помощью и святых мучеников Бориса и Глеба», – смял средний полк противника. Стало страшное смятение: слышались стоны, крики, какие-то странные голоса, раздавался треск копий, звук мечей, в густой пыли нельзя было различить ни пешего, ни конного; наконец, после сильной схватки войска разошлись. После этого к Вышгороду подступили все остальные князья и каждый день делали приступы. Мстислав много потерял своих добрых воинов убитыми и ранеными, но и не думал о сдаче. Так прошло девять недель; наступила уже глубокая осень; но вдруг однажды издали показались знамена. Это шел Ярослав Изяславович Луцкий, брат покойного Мстислава Волынского.

Он шел искать себе Киев и, видя, что Ольговичи, надеясь на поддержку Андрея, сами хотят его для себя, решил принять сторону Ростиславовичей, которые за это отказались от

Киева в его пользу. Неожиданное появление Ярослава Луцкого решило судьбу осады. В союзной рати началось смятение; говорили, что вслед за Ярославом подойдут галицкие полки и черные клобуки; скоро все бросились переправляться через Днепр, причем множество людей перетонуло.

Конечно, храбрый Мстислав Ростиславович не замедлил воспользоваться благоприятными для себя обстоятельствами. Он смело вышел из Вышгорода, ударил на неприятеля и взял множество пленных. Таким образом, полная неудача постигла Андрея в южной Руси.

После победы Ростиславовичи сдержали свое слово и дали Ярославу Изяславовичу Луцкому Киев.

Но он пробыл здесь очень недолго; скоро его двоюродный брат, сестричич Святослав Всеволодович Черниговский, прислал ему напомнить про старинный уговор, когда-то заключенный между ними: «Вспомни прежний наш уговор... ты мне говорил: если я сяду в Киеве, то я тебя наделю, если же ты сядешь в Киеве, то ты меня надели; теперь ты сел, —

право ли, криво ли, – надели же меня». На это Ярослав отвечал: «Зачем тебе наша отчина? Тебе эта сторона не надобна». Ответ Ярослава сильно обидел Святослава Всеволодовича. «Я не венгерец и не лях, – послал он сказать, – мы все одного деда внуки, и сколько тебе до них (степеней родства), столько же и мне; если не хочешь исполнить старого договора, то твоя воля».

Скоро за тем Святослав Всеволодович соединился с братьями, внезапно появился под Киевом и заставил Ярослава Изяславовича выйти из него, причем захватил его жену, сына, именье и дружину. Однако вслед за занятием Киева Святослав узнал, что другой его двоюродный брат, Олег Святославович Северский, напал на его Черниговскую волость, очевидно с намерением быть здесь преемником сестричича.

Тогда Святослав Всеволодович устремился на него, желая сохранить за собой Чернигов, так как, конечно, не надеялся долго удержаться в Киеве.

В свою очередь, узнав, что в Киеве нет князя, в него быстро вернулся Ярослав Изяславо-

вич Луцкий и в сердцах задумал, с целью иметь возможность выкупить жену и сына, взять с киевлян все то, что отнято было у него Святославом Всеволодовичем. Затем он скоро помирился с последним, который нуждался в этом мире, чтобы свободнее защищать от Олега Святославовича Северского свою Черниговскую волость.

Тем временем Ростиславовичи тоже завязали мирные переговоры с Андреем Боголюбским. Они понимали, что занятие Киева Ярославом Изяславовичем, родным братом покойного Мстислава Волынского, никогда не признававшего старшинства Андреева, должно было быть последнему весьма неприятным, и стали просить Киев для всегда покорного Андрею старшего брата своего Романа. Андрей пошел на эти переговоры и объявил Ростиславовичам, что даст ответ, когда получит вести от младшей своей братии.

Однако дождаться этих вестей Андрею не пришлось. Он был убит в ночь после праздника святых Петра и Павла, 29 июня 1174 года, у себя в Боголюбове. По рассказу летописца, это было дело рук бояр Кучковичей, родственни-

ков его первой жены, дочери казненного Юрием Долгоруким боярина Кучки, первоначального владельца Москвы, и второй жены Андрея, болгарки родом, которая не могла ему простить славных побед над своим племенем.

Поводом к убийству послужило приказание Андрея казнить одного из Кучковичей, несомненно за тяжкую вину, за которую князь отвечали волостью, а бояре – головой.

Всех заговорщиков было 20 человек, причем никто из них не был лично обижен князем, а многие, наоборот, были им облагодетельствованы, в особенности же два инородца – Анбал, по происхождению яс, и жид Ефрем Мойзич. Андрей, как, к сожалению, и многие князья, охотно приближал к себе иностранцев, ревностно стараясь обратить их в православие. Ловкие люди, конечно, пользовались этим, чтобы войти к нему в доверие, и, таким образом, Анбал попал к нему в ключники, а Мойзич был также очень близким лицом.

Решив убить Андрея, заговорщики собрались и говорили: «Ныне казнил он Кучкови-

ча, а завтра казнит и нас; так промыслим об этом князе». Кроме злобы за казнь Кучковича, их, вероятно, побуждала на убийство и зависть к Андрееву любимцу, какому-то Прокопию.

Выждав глубокой ночи, злодеи отправились в опочивальню Андрея; однако там ужас напал на них; они поспешно бежали из сеней и бросились в погреб, где, напившись вина, ободрились и пошли опять в сени. Один из них стал звать князя: «Господин, господин», – чтоб узнать, здесь ли он. Он спросил: «Кто там?» – и услышал в ответ: «Прокопий». Андрей узнал по голосу, что это не Прокопий, и хватился своего меча, который принадлежал святому Борису при его жизни. Но меч этот был украден днем из спальни Анбалом, а между тем заговорщики выломали двери и вломились в опочивальню. Двое злодеев бросились на Андрея, но были отброшены сильным князем. Тогда ворвались остальные, ранили в темноте одного из своих, поваленного Андреем, и затем бросились на своего князя и начали со всех сторон сечь его саблями и мечами и колоть копьями.

Андрей долго отбивался, говоря им: «Нечестивцы! Зачем хотите сделать то же, что Горясер (убийца святого Глеба). Какое я вам сделал зло? Если прольете кровь мою, то Бог отмстит вам за мой хлеб». Наконец он умолк и свалился. Думая, что он скончался, убийцы, дрожа всем телом, вышли из его покоя. Но Андрей скоро очнулся, поднялся и, громко стоная, пошел в сени. Тогда заговорщики возвратились назад. Не найдя его в опочивальне, они сильно испугались, полагая, что он куда-либо скрылся. «Погибли мы теперь, – говорили они, – станем искать его скорей», – и, зажегши свечу, нашли его по кровавому следу за склоном лестницы. Тогда Петр Кучкович отсек ему руку, а другие несколькими ударами прикончили его.

После этого злодеи убили также и Прокопия и стали грабить и вывозить Андрееву казну. Затем они оделись в его оружие и собрали целый полк своей дружины, боясь, что придет к отмщению дружина владимирская. Собравшись, полк этот налег на грабеж. «Страшно было видеть», – говорит летописец. Следуя примеру полка, принялись также за

грабеж и княжедворцы и горожане Боголюбова.

Тело неотпетого князя во все время этих грабежей оставалось непогребенным. В первый же день убийства преданный слуга Андрея Кузьма киевлянин, видя, что тела нет на том месте, где Андрей был убит, стал спрашивать: «Где господин?» Ему отвечали: «Вон лежит вывлочен в огороде; да ты не смей брать его; все хотят выбросить его собакам; а если кто за него примется, тот нам враг, убьем и его». Кузьма пошел к телу и начал плакать над ним. Увидя Анбала, Кузьма сказал ему: «Анбал! Вражий сын! Дай хоть ковер или что-нибудь подостлать и прикрыть господина нашего». – «Ступай прочь, – отвечал Анбал, – мы хотим бросить его собакам». – «Ах ты, еретик, – сказал ему на это Кузьма. – Собакам выбросить? Да помнишь ли ты, в каком платье пришел ты сюда. Теперь ты стоишь в бархате, а князь нагой лежит; но прошу тебя честью, сбрось мне что-нибудь».

Анбал усовестился и сбросил ковер и княжеский плащ.

Наконец, верному и бесстрашному Кузьме

после многих усилий удалось отпеть своего господина. После этого, когда волнение, вызванное заговорщиками, утихло, тело Андрея было перенесено во Владимир с честью и плачем великим. Увидевши издали княжеский стяг, который несли перед гробом, владимирцы, оставшиеся ждать у Серебряных ворот, не могли удержаться от слез. Они встретили и проводили в могилу во Владимирский собор своего доброго князя с великим плачем и воплем, которые далеко были слышны, по словам летописца.

Здесь, на его похоронах, о нем рассуждали как о невинном страстотерпце, получившем за свою добродетель мученический венец и омывшем кровью свои грехи, и причислили его к первым князьям-мученикам Борису и Глебу. Народ понял, что Андрей пострадал за други своя, был погублен от своих же людей, желая им же всякого добра. Впоследствии церковь причла его к лику святых, а нетленные мощи его в настоящее время открыто почивают в серебряной раке, в приделе его имени во Владимирском соборе.

За девять дней до убиения Андрея скон-

чался его сын Глеб, двадцатилетний юноша, отличавшийся необыкновенной душевной чистотой. Он был положен в том же Владимирском соборе и прославился многими чудесами, совершавшимися у его гроба. Мощи святого Глеба отличаются до сего времени изумительной живостью: руки юного князя свободно поднимаются и гнутся, как у живого; все суставы и самая кожа совершенно целы, только последняя несколько пожелтела.

Андрей окончил свой земной путь шестидесяти трех лет от роду. По словам летописца, он был не велик ростом, но широк в плечах и красив лицом, с черными и кудрявыми волосами, высоким челом и светлыми очами.

Несомненно, он мог бы еще пожить немало лет и укрепить на Руси, для блага земли, те взгляды на верховную власть, носителем которых он был. Мы видели, что проведение им этих взглядов в жизнь подняло против него вольнолюбивых южнорусских князей; избалованные бояре и старые вечевые города также не могли быть им довольны. Наконец, за то, что он, призванный творить правосудие, карал преступление, хотя бы оно было

совершенно и близким ему человеком, его убили свои же домашние люди, всем ему обязанные. Но взгляд Андрея на сущность верховной власти – быть всем своим подданным в отца место – нашел горячий отклик в среде простого народа; люди на себе испытывали и беду, и разоренье от княжеских усобиц, и засыле и тесноту от сильных, а потому были преданы всем сердцем своему государю, Божию милостью превыше всех остальных людей поставленному и строго и нелицемерно каравшему всякого, кто нарушал чужое право и обижал слабого и сирого.

Смерть Андрея дала повод к большой усобице на юге, окончившейся тем, что Ярослав Изяславович выбыл обратно из Киева в свой Луцк, а в Киев опять вернулся сестричич Святослав Всеволодович, урядившись с братьями Ростиславовичами и передав Чернигов Олегу Святославовичу Новгород-Северскому, по смерти которого, случившейся в скором времени, в Чернигове сел брат сестричича Ярослав Всеволодович, а в Новгороде-Северском брат покойного Олега Игорь Святославович.

Большая смута произошла по смерти Ан-

дрея и во всей Залесской стороне. Как скоро разнеслась весть об убиении великого князя, ростовцы, суздальцы, переяславцы, бояре и вся дружина от мала до велика съехались во Владимире на Клязьме, но не затем, чтобы преследовать убийц, а затем только, чтобы сказать народу: «Так уже случилось! Великого князя Бог отнял! Кого изберем на его место», – после чего вся дружина порешила призвать на княженъе не братьев Андрея – Михалка и Всеволода, которым присягали еще при их отце, Юрии, а его племянников, сыновей умершего Ростислава Юрьевича, князей молодых, при которых можно было бы свободнее творить свою волю как боярам, так и прочим сильным людям.

К этому решению склоняли всех и прибывшие бояре соседнего князя Рязанского Глеба, женатого на сестре упомянутых Ростиславовичей – племяннице Андрея Боголюбского; Глеб Рязанский рассчитывал, конечно, влиять через своих шуринов на дела Суздальской земли.

Эти племянники – Мстислав и Ярополк Ростиславовичи были люди еще очень моло-

дые, не старше пятнадцати лет, и ничем не знатные. Дяди же их, братья Андрея, – Михалко и Всеволод, хотя тоже были молоды (младшему Всеволоду было немного больше двадцати лет), но пользовались уже славою храбрых бойцов с половцами и, между прочим, славою князей послушных, исполнявших приказания старших охотно, без лести и крамолы.

Все четверо, племянники и дяди, после поражения Андреевой рати под Вышгородом Мстиславом Ростиславовичем Храбрым проживали в Чернигове; когда пришли послы с севера и сказали Мстиславу и Ярополку: «Ваш отец добр был, когда жил у нас; поезжайте к нам княжить, а других не хотим», – подразумевая, конечно, под другими Михалка да Всеволода, то молодые Ростиславовичи этим послам отвечали, что вдвоем не пойдут, а «либо добро, либо лихо всем нам, пойдём все четверо: Юрьевичей двое да Ростиславовичей двое», – после чего они дали Михалку старшинство.

Из Чернигова вперед поехало двое – дядя Михалко и племянник Ярополк. Когда они

прибыли в Москву, то здесь их встретили ростовские бояре. Они рассердились, увидев, что приехал и Михалко, и пригласили с собой ехать дальше одного Ярополка, а Михалке сказали: «Подожди немного на Москве», – что значило другими словами «воротись назад». Ярополк прибыл в Переяславль-Залесский, где стояла вся дружина, выехавшая навстречу князьям, а Михалко, не желая ожидать в Москве, прибыл во Владимир на Клязьме, где застал только одних простых людей, так как вся владимирская дружина тоже отбыла в Переяславль, по приказанию ростовцев.

В Переяславле-Залесском все целовали крест Ярополку, а затем отправились во Владимир, с целью изгнать оттуда Михалка; с дружиной шла вся сила Ростовской и Суздальской земли, а также полки муромские и рязанские. Казалось бы, что жители Владимира, простые городские люди – ремесленники и торговцы, должны были без сопротивления открыть свои ворота этой грозной рати. Но этого не случилось. Владимирцы заперлись и стали мужественно защищать приехавшего к ним князя.

Что же заставило владимирцев воспротивиться приговору старших городов, взять себе особого князя и самоотверженно отстаивать его против сильного врага? Конечно, владимирские посадские люди поступали так потому, что хорошо знали, как тяжка зависимость пригорода от старого города, как велико своеволие сильных людей этих городов и как хорошо им, владимирцам, жилось, когда в городе у них проживал великий князь Андрей, строгий ревнитель правды и заступник сирого люда.

Но, разумеется, ростовцы и суздальцы негодовали на сопротивление владимирцев. «Пожжем Владимир, или пошлем туда посадника: то наши холопы-каменщики». Однако осада продолжалась семь недель, и владимирцы все не сдавались. Наконец, вследствие начавшегося голода они вынуждены были вступить в переговоры с осаждающими и с великим плачем проводили от себя Михалка, отправившегося в Чернигов. Проявленная владимирцами храбрость заставила их противников пойти на уступки: город не был тронут и получил не посадника, а князя Яро-

полка Ростиславовича; старший же его брат Мстислав сел в Ростове. Но скоро юные Ростиславовичи возбудили против себя сильное недовольство; они были, конечно, всецело под влиянием шурина своего – Глеба Рязанского и приведенных ими дружин из южной Руси, люди которых привыкли, во время усобиц там шедших, к весьма пренебрежительному отношению к жителям. Скоро не только села и дома частных людей, но даже храм Владимирской Божией Матери были ограблены; взято золото и серебро, отняты ее города и даже, наконец, и сама чудотворная икона была отправлена в Рязань, к шурина, – князю Глебу.

Владимирцы возмутились; однако по старой привычке они сперва обратились с жалобой к старшим городам – Ростову и Суздалию; и только когда встретили в них явное к себе недоброжелательство, то решили с жителями другого соседнего города – Переяславля – действовать собственными силами; они послали сказать в Чернигов Михалку, что они зовут его к себе и с помощью Господа и Богородицы надеются управиться с ростовцами и суздаль-

цами. Храбрый Михалко не замедлил откликнуться и выступил с братом Всеволодом Юрьевичем и сыном сестричича – князем Владимиром Святославовичем.

В пути случилась беда. Михалко опасно занемог, и его несли в носилках. Этим воспользовались его молодые племянники Ростиславовичи; Ярополк хотел напасть на него сзади, а Мстислав, узнав, что идет больной Михалко, с малой дружиной выехал из Суздаля и быстро помчался на него «точно на зайцев». Однако больной Михалко, сидя в носилках, так искусно распорядился боем, что без труда наголову разбил племянников и торжественно вступил во Владимир.

После этой победы племянники его бежали: Мстислав в Новгород, а Ярополк в Рязань, но мать и жены их попались владимирцам.

Скоро во Владимир явился посол и от суздальцев с просьбой о мире. Михалко урядился с ними и ростовцами, но сам остался во Владимире на Клязьме, а брата Всеволода посадил в Переяславле-Залесском. Это, конечно, знаменовало полную победу младших городов, пригородов, над старшими, а вместе с

тем и торжество новых взглядов на княжескую власть, которая в младших городах не была ограничена своевольным вечем.

Немедленно возвратив, по вступлении в город Владимир, все города и дани соборной церкви, Михалко собрался затем на князя Рязанского, во власти которого была святая икона. Но Глеб Рязанский, узнав про это, сейчас же послал сказать Михалку: «Князь Глеб тебе кланяется и говорит: я во всем виноват и теперь возвращаю все, что взял у шурьев своих, Ростиславовичей, все до последнего золотника» – и действительно возвратил все. После этого Михалко, уладившись с ним, казнил убийц Андрея Боголюбского и вскоре потом умер. Это было в 1174 году.

Конечно, после его смерти в Залесской земле поднялась опять смута. Ростовцы немедленно вызвали из Новгорода своего бывшего князя молодого Мстислава Ростиславовича, и он пошел с ними ко Владимиру. Но здесь был уже свой князь. Сейчас же после смерти Михалка владимирцы вышли к Золотым воротам и, помня старую присягу свою Юрию Долгорукому, целовали крест Всеволо-

ду Юрьевичу и детям его, послав в Переяславль просить его на княжение. Это целование креста детям Всеволода весьма замечательно. Значит, владимирцы, все больше люди пришлые из Киевской Руси, потерпевшие от княжеских усобиц, весьма глубоко уже прониклись сознанием, что порядок занятия столов старшим в целом роде ведет только к смутам и усобицам и что лишь прочное установление престолонаследия от отца к его же детям может обеспечивать мир и спокойствие в земле.

Узнав о прибытии Мстислава Ростиславовича из Новгорода, Всеволод, человек миролюбивого нрава, предложил племяннику остаться в Ростове с тем, чтобы тот согласился на сидение Всеволода во Владимире; относительно же суздальцев – предоставить выбор им самим. Но ростовцы не могли забыть недавнего унижения, полученного от младшего города. Они объявили Мстиславу: «Если ты хочешь мириться, то мы не хотим» – и потребовали, чтобы он послал Всеволоду отказ. Узнав про это, переяславцы примкнули к владимирцам, и вслед за тем у города Юрьева, за

рекою Кза, произошла битва, где Всеволод нанес полное поражение своему племяннику Мстиславу Ростиславовичу. Тот бежал тогда опять в Новгород; но новгородцы уже не хотели его, обидевшись, что он покинул их, «ударил Новгород пятой», и указали ему путь из города.

Тогда Мстислав отправился к шурина своему Глебу Рязанскому и стал уговаривать его идти войной на дядю Всеволода. Глеб согласился, в ту же осень пришел к Москве и пожег весь город. Всеволод Юрьевич, собрав свои силы и получив в помощь от сестричича двух его сыновей, направился к Коломне, но узнал в пути, что Глеб Рязанский с половцами пошел другой дорогой ко Владимиру, разграбил соборную церковь, пожег другие храмы и отдал город на щит поганым.

Тогда Всеволод вернулся в свою волость и встретил Глеба на реке Колокше; они целый месяц стояли друг против друга по обе стороны реки, но, наконец, завязался бой, и Всеволод победил опять, причем попались в плен Глеб Рязанский с сыном Романом и шурином своим Мстиславом Ростиславовичем.

Радость владимирцев после этой победы Всеволода была неописанная, но вместе с тем велико было и негодование против Глеба и Мстислава, недавно отдавших город на разграбление половцам. И вот владимирцы настойчиво стали требовать казни или ослепления виновных. Всеволод, однако, наотрез отказал в этом и велел только посадить пленников в тюрьму; затем он послал к рязанцам требование выдать ему другого племянника, Ярополка Ростиславовича, которого он тоже заключил в тюрьму.

Скоро в судьбу Глеба Рязанского вмешался знаменитый защитник Вышгорода – Мстислав Ростиславович Храбрый, женатый на его дочери; он просил через сидевшего в Киеве сестричича Святослава Всеволодовича о смягчении участи Глеба; сестричич, дочь которого была за сыном Глебовым Олегом, предлагал, чтобы Глеб, получив свободу, отказался от Рязани и ехал на житье в южную Русь. Но Глеб на это не согласился, говоря: «Не пойду в Русь на изгнание, а лучше умру в тюрьме», – где действительно и умер во время переговоров, затянувшихся на два года. После Глебовой

смерти Рязань досталась его сыну Роману, выпущенному из тюрьмы на условии полной покорности Всеволоду Юрьевичу.

Дело же с молодыми Ростиславовичами окончилось так: владимирцы опять восстали против них. Множество народа опять пришло с оружием в руках и стали кричать: «Чего их держать! Хотим слепить их!» Всеволод очень противился этому решению, очень печалился, но остановить раздраженной толпы не мог. Люди разметали поруб, схватили Мстислава и Ярополка и ослепили их. Слепцы, с гниющими очами, поведены были затем в Русь, но, дойдя до Смоленска, в Смядынской церкви Бориса и Глеба, 5 сентября, в праздник убиения Глеба, чудесно прозрели, после чего нашли себе приют в Новгороде.

Скоро Всеволод вывел из своей волости и другого племянника, сына Андрея Боголюбского Юрия, также сидевшего одно время в Новгороде; этот беспокойный человек принужден был искать счастья в Грузии, но не ужился и там и кончил жизнь неизвестно где.

Поступок владимирцев с племянниками Ростиславовичами лучше всего показывает,

что за народ были эти владимирцы: они во всех случаях старались уничтожить в самом корне причины и поводы княжеских крамол и усобиц, упразднить в зародыше всякое соперничество между князьями. Раз избравши себе князя, по своей мысли вполне достойного, они уже сами обороняли его от всяких соперников, на которых смотрели уже как на лютых своих врагов, и со злобою и ненавистью выпроваживали их из своей земли. Таким образом, единовластие Андрея Боголюбского, а потом и брата его Всеволода Юрьевича происходило не из личных стремлений этих князей, а служило только ответом на требование самой земли.

Мир и тишина восстановились в Суздальской земле, как окончилась смута, и держались уже во все время великого княжения Всеволода, продолжавшегося тридцать семь лет.

Переяславский летописец называет Всеволода миродержцем, то есть держателем мира и тишины. Он, при возможности, охотно склонялся на мир, «благосердый и не хотяй кровопролития». Однако при этом он отнюдь

не веровал в поговорку, что «худой мир лучше доброй брани»; напротив, он верил в другое русское присловье, что «славная брань лучше худого мира» и что «люди, живя со лживым миром, великую пакость земле творят». Поэтому он не оканчивал никакой ссоры без надлежащего возмездия виновным, никогда не прощал земской обиды и, всегда милуя добрых, казнил злых, «не туне нося меч, ему Богом данный».

Ставши великим князем Суздальским, он все свои силы напрягал к тому, чтобы устроить свою землю и править ею как отец и господин. Он вникал во все нужды своих подданных, сам лично творил суд и, по старинному обычаю, постоянно ездил в полюдье, внимательно изучая на местах все условия земской жизни и всегда отыскивая для своих действий точку опоры в здравом рассудке самого народа. У него в самом Владимире имели большой голос не только бояре, но и купцы и все люди.

Благодаря этому князь и подданные составляли как бы одно целое в своих взглядах и стремлениях и представляли, конечно,

весьма внушительную силу, хотя Всеволод вовсе и не думал искать власти над всею Русскою землею. Его слава утвердилась, главным образом, на добром общем мнении о его княжеском достоинстве.

Укрепив свое положение в Суздальской земле после изгнания племянников и очутившись, едва переступив двадцатипятилетний возраст, старшим в роде Мономаховичей, за смертью брата Михалка, Всеволод неизменно продолжал относиться с полным почтением к убеленному сединами сестричичу Святославу Всеволодовичу, сидевшему теперь в Киеве; он всегда помнил, что последний был ему благодетелем, оказывая посильную помощь в трудное время борьбы с племянниками, и до смерти сестричича иначе как «отец мой и брат мой» не называл его. Однако, как добрый князь Суздальской земли, Божию милостью поставленный над нею, Всеволод, несмотря на всю свою личную благодарность и уважение к старому киевскому князю, отнюдь не считал себя вправе поступаться, ввиду этого, пользой и выгодами своих подданных и смело обнажал меч свой, когда, как мы увидим,

находил, что деятельность Святослава Всеволодовича направлялась в ущерб Суздальской земли.

Не почитая себя до конца своей жизни великим князем всея Руси, так как Русь в те времена была уже разделена на несколько отдельных земель с весьма малой связью между ними, и оставаясь всегда лишь великим князем суздальским, Всеволод, даже когда стал старшим во всем княжеском роде, принимал обыкновенно участие в жизни других русских земель лишь постольку, поскольку они касались его родной земли; тем не менее благодаря своим личным качествам и верности своих суздальцев он скоро приобрел влияние на все главнейшие события жизни Руси – вплоть до ее отдаленных уголков.

При этом широкую славу составило, конечно, Всеволоду и его истинно русское гостеприимство, которое он оказывал всем несчастным изгнанникам; а их было немало в те беспокойные времена. Наконец, всеобщее же уважение должны были внушать и его семейные добродетели. Господь благословил его большим потомством, за что впоследствии он

был прозван Большим Гнездом, а супруга его, уроженка Кавказа, ясыня Мария, навсегда оставила по себе самую светлую память за горячую любовь к ближним, за христианское смирение, с которым она переносила тяжелый недуг, сведший ее в могилу, и, наконец, за трогательное наставление детям, которое она им дала перед своей кончиной.

Конечно, утвердившись в Суздальской земле, Всеволод должен был прежде всего обратить свое внимание на ближайших соседей – Новгород и Рязань. С этими землями подданные его имели постоянные сложные отношения, и здесь же находили себе приют все враги Суздальского княжества.

Как мы видели, новгородцы приняли у себя прозревших слепцов – Мстислава и Ярополка Ростиславовичей; старший из них Мстислав был женат на дочери славного Якуна, бывшего посадником во время чудесного отражения суздальской рати, посланной Андреем Боголюбским; но Мстислав по прибытии в Новгород вскоре умер, брата же его Ярополка новгородцы продолжали держать.

Разумеется, Всеволод не мог быть этим до-

волен; он велел захватить в своей волости всех новгородских купцов, а затем двинулся к Торжку. Видя грозное войско под своими стенами, жители Торжка испугались и послали сказать, что будут платить суздальскому князю дань. Миротлюбивый Всеволод вступил было с ними в переговоры, но дружина его, оскорбленная постоянным нарушением клятв со стороны новгородцев, стала побуждать его к приступу, говоря: «Мы не целоваться с ними приехали; они, князь, Богу лгут и тебе», – затем ударила по коням и взяла город против воли князя. После этого Всеволод взял также Волок Ламский и затем, довольный удачным походом, удалился домой, так как новгородцы успели тем временем изгнать племянника его Ярополка Ростиславовича и призвали сына покойного великого князя Киевского Ростислава Романа, сидевшего в Смоленске, с которым Всеволод не имел поводов к вражде.

Не имел он также поводов к вражде и со следующим князем, которого призвали новгородцы, проводя кроткого и богобоязненного Романа с великой честью из своего города и

призвав ему на смену его родного брата Мстислава Храброго, славного своей геройской обороной Вышгорода против огромной рати Андрея Боголюбского; Мстислав, конечно, более подходил новгородцам, чем его миролюбивый брат.

Однако он сильно колебался и не хотел идти в Новгород, и его уговорила только дружина, говоря: «Если зовут тебя с честью, то ступай; разве там не наша же отчизна?» Весь Новгород и духовенство вышли встречать храброго князя. К сожалению, он просидел в Новгороде очень недолго и скончался менее чем через год. За это время он успел жестоко наказать эстонцев, дерзнувших осаждать Псков, и собирался предпринять большой поход на Литву, но умер, сраженный внезапной болезнью. Он скончался на руках горячо любившей его жены и дружины, в полном сознании. Простившись со всеми и со слезами на глазах сделав распоряжение о семье, Мстислав промолвил: «А обо мне как Бог промыслит», – поднял руки к небу, вздохнул, проследился опять – и умер. Горесть новгородцев была неподдельна, и они похоронили его в той

же гробнице, где лежал первый умерший у них князь святой Владимир, сын Ярослава Мудрого, у Святой Софии.

«Душа Мстислава, – говорил летописец, – была всегда полна великими делами». Он соединял с необыкновенным мужеством и замечательную добродетель; был ко всем щедр и милостив и непрестанно заботился о сооружении церквей и призрении сирого люда; никогда не собирал ни серебра, ни золота, а все раздавал. Когда видел православных, уводимых в плен погаными, то говорил дружине, кидаясь в бой: «Братья! Не сомневайтесь: если теперь умрем за христиан, то очистимся от грехов, и Бог вменит кровь нашу в мученическую; если Бог подаст милость Свою, то слава Богу, а если придется умереть, то все равно: надобно же когда-нибудь умирать». Дружина его боготворила и беззаветно шла за своим князем на самые смелые дела. Не было уголка на Руси, где бы его не хотели и не любили. «Сильно горевали братья, услышавши о его смерти, плакала по нем вся Русская земля, не могли забыть доблести его и черные клобуки; все не могли забыть его „приголубле-

ния“», – говорит летописец. Память его местно чтится 14 июня.

После смерти Мстислава Храброго новгородцы решили взять себе княжить Владимира, сына сестричича Святослава Всеволодовича. Этот Владимир незадолго перед этим гостил у Всеволода в Суздальской земле и женился на его племяннице, дочери покойного Михалка. Конечно, против его выбора новгородцами Всеволод также ничего не мог иметь.

Вскоре, однако, положение дел резко переменялось. Причиной этому были дела рязанские. Как мы видели, Роман Глебович Рязанский клятвенно обещал ходить по всей воле Всеволода, после того как был выпущен из тюрьмы во Владимире на Клязьме, где скончался его отец. Но Роман этот был женат на дочери сестричича – великого князя Святослава Всеволодовича Киевского, который считал себя поэтому вправе тоже вмешиваться в рязанские дела, никак не рассчитывая, что молодой и почтительный суздальский князь, столь ему обязанный, посмеет этому противодействовать. Но и умудренный жизненным

опытом сестричич на этот раз жестоко ошибся. Всеволод, как только узнал о его несомненном влиянии на Рязань в ущерб Суздальской земле, немедленно же выступил в поход и, застав в Коломне сына сестричича Глеба, высланного отцом на помощь Роману Рязанскому, приказал его схватить и в оковах отправил во Владимир на Клязьме.

Узнав о пленении сына, Святослав Всеволодович распалился гневом и сказал: «Отомстил бы я Всеволоду, да нельзя; подле меня Ростиславовичи (Давид и Рюрик); – эти мне во всем делают досады в Русской земле; ну, да мне все равно: кто ко мне из Владимирова племени ближе, тот и мой». Он охотился в это время по левому берегу Днепра; а против него, на лодках по самому Днепру, охотился Давид Ростиславович. Отуманенный гневом, Святослав Всеволодович решил сейчас же напасть на Давида Ростиславовича, что и сделал. Однако Давид Ростиславович успел уйти, хотя и был осыпан стрелами, неожиданно полетевшими на него с левой стороны Днепра.

После этого поступка, совершенного под влиянием гнева, Святослав Всеволодович ре-

шил, что ему вернуться в Киев нельзя, и поехал к себе в Чернигов, где созвал родню и объявил о случившемся. «Батюшка! Лучше была бы тишина, – отвечал ему двоюродный брат, Игорь Святославович Северский, – но если уже так случилось, то дал бы только Бог тебе здоровья».

После этого сестричич собрал все свои силы и с приглашенными половцами выступил против суздальского князя. Они встретились в 40 верстах от Переяславля-Залесского – у реки Влена. Тут Всеволод проявил в полной мере свой глубокий ум.

Сестричич немедленно желал вступить в сражение, рассчитывая на пылкость своих южных полков и большую их опытность в открытом бою, ввиду постоянного участия в усобицах. Всеволод, со своей стороны, тоже принял во внимание эти качества Святославова войска, а также и малую опытность своих суздальских полков против южных в бою на открытом поле; зато он знал, что его люди будут непобедимы за закрытиями. Кроме того, он, конечно, сообразил, что надо делать именно не то, чего хочет противник, а потому

выбрал для своего войска весьма искусное расположение, прикрытое крутыми берегами Влены, и, несмотря на все просьбы своей дружины, не выходил для боя со Святославом Всеволодовичем.

Это, конечно, отнюдь не входило в расчеты сестричича. После двух недель ожидания он послал сказать Всеволоду: «Брат и сын! Много я тебе добра сделал и не чаял получить от тебя такой благодарности; если же ты уже задумал на меня зло, захватил сына моего, то не далеко тебе меня искать: отступи подальше от этой речки, дай мне дорогу, чтобы мне можно было к тебе переехать, и тогда нас Бог рассудит; если же ты мне не хочешь дать дороги, то я тебе дам, переезжай ты на эту сторону, и пусть нас Бог рассудит». Но Всеволод на это не дал никакого ответа, даже послов отправил во Владимир, и скоро Святослав Всеволодович, боясь оттепели, должен был отойти, бросив свои обозы, которыми и овладели полки Всеволодовы.

Неприятные действия с обеих сторон продолжались после этого еще довольно продолжительное время. Святослав Всеволодо-

вич направился в Новгород к сыну Владимиру. Рюрик же Ростиславович сел на его место в Киеве и стал собирать всех волынских князей против сестричича; он послал за помощью и к Ярославу Галицкому; наконец, отправил брата Давида в Смоленск просить помощи у брата Романа. Но последнего Давид не застал уже в живых; Роман умер, горько оплакиваемый смолянами за свой необыкновенно кроткий нрав, и стол его занял сам прибывший Давид, который должен был сейчас же выступить на защиту своей Смоленской волости, так как на нее шли черниговские князья, ведя с собой половцев; при этом к Давиду примкнула часть полоцких князей; другая же их часть приняла сторону Ольговичей и привела с собой литовцев и ливов; таким образом, эти северные варвары очутились в одном стане с южными – половцами, пришедшими с черниговскими князьями.

Обе противные стороны сблизились друг с другом у Друцка; скоро к Ольговичам прибыл и сестричич из Новгорода. Тогда они решили вступить в бой с Давидом. Но последний отошел к Смоленску. Святослав же Всеволодович,

не преследуя его, направился к Киеву. Услышав о его приближении, Рюрик Ростиславович неожиданно напал на половцев, бывших с сестричичем, разбил их и затем заключил с последним выгодный мир: он уступил Святославу Всеволодовичу Киев, а себе брал всю Русскую землю, то есть все остальные города Киевской области.

Тем временем на северо-востоке Всеволод Юрьевич успел опять взять, после пятидневной осады, Торжок, где сидел теперь младший из прозревших слепцов – Ярополк Ростиславович. Видя это, новгородцы решили указать путь сыну сестричича Владимиру и просили мира и князя из рук суздальского князя; Всеволод на это немедленно согласился и прислал своего двоюродного племянника Ярослава Владимировича, сына известного нам мачешича.

Таким образом, торжество Всеволода было полное. После этого он не замедлил отпустить с честью сына сестричича Глеба Святославовича к отцу и возобновить с последним старую дружбу.

Этот общий мир, заключенный в 1182 году,

был скреплен двумя браками: младший сын сестричича женился на свояченице Всеволода ясской княжне, а другой сын, только что вернувшийся из плена Глеб – на дочери Рюрика Ростиславовича.

Блистательно выйдя благодаря своей твердости и мудрости из описанного междуособия, Всеволод, по примеру брата своего Андрея Боголюбского, не замедлил предпринять поход против волжских, или серебряных, болгар, в следующем же, 1183 году.

В походе этом приняли участие несколько молодых князей, и в том числе юный племянник Всеволода Изяслав, сын покойного Глеба Юрьевича Переяславского, славного своим благородством и мужественными действиями против половцев. Войска наши плыли на ладьях по Волге до устья Цывиля, а затем шли пешими. По пути они встретили огромное количество половецкой конницы, которая также шла на болгар. Половцы, увидев русских, присоединились к ним и скоро общими силами осадили великий город серебряных болгар.

Юный Изяслав Глебович не хотел ждать

общего приступа и один со своей дружиной ударил на болгарскую пехоту, но был смертельно ранен стрелой в сердце и умер на руках у дяди, нежно его любившего. После этого Всеволод отправился с телом племянника во Владимир, дав легкий мир болгарам, несмотря на то что войска наши имели несколько значительных успехов.

Благодаря наступившему общему миру на Руси и сестричич Святослав Всеволодович задумал на юге, по примеру Владимира Мономаха, большой поход против половцев, которые не переставали наносить сильнейший вред нашему пограничному населению. Среди половцев в это время особенной славой пользовался свирепый хан Кончак, надолго оставивший по себе недобрую память; он с большой ненавистью относился к русским младенцам и в каждый свой набег избивал их великое множество.

Летом 1184 года собрались в поход против половцев девять южнорусских князей, имея во главе престарелого сестричича и Рюрика Ростиславовича. Они пять дней искали варваров за Днепром, и, наконец, на шестые сутки

те появились в огромном количестве. В нашем передовом отряде шел молодой герой Владимир Глебович Переяславский, брат погибшего в предыдущем году у серебряных болгар Изяслава.

Половцы, увидев Владимира Глебовича, заранее объявили его, а также и остальных наших князей своими пленниками. Однако, несмотря на громадное превосходство противника, юный Владимир с такой стремительностью бросился на него, что половцы бежали в степи. Русские скоро их настигли на берегу реки Ерель и взяли 7 тысяч пленных, в том числе хана Кобяка и 417 князьков.

В следующем, 1185 году пошел, говорит летописец, окаянный, безбожный и треклятый Кончак со множеством половцев на Русь; нашел он одного бусурмана, который стрелял живым огнем; были у половцев также луки тугие самострельные, которые едва могли натянуть 50 человек.

Однако и на этот раз великий князь Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславович с младшими князьями неожиданно напали на Кончака и обратили его в бегство; был взят в

плен и тот бусурман, что стрелял живым огнем; хитреца привели к сестричичу со всем снарядом его.

Эта удача, конечно, придала еще больше славы князьям, которые ходили против половцев, и вызвала в южной Руси живейшее ликование.

Ликование это, однако, очень скоро сменилось общею горестью, вследствие печального конца похода, предпринятого несколькими русскими князьями, не участвовавшими в только что описанных удачных военных действиях.

Во главе этих князей стоял Игорь, князь Северский, сын Святослава Ольговича, знаменитого своею братской любовью.

Этот Игорь Северский, женатый на дочери Ярослава Осмомысла, был доблестным витязем, уже перешедшим за тридцатилетний возраст; он несколько раз успешно самостоятельно ходил на половцев и сильно печалился, что домашние дела помешали ему принять участие в последних походах; печаль эту разделял и брат его, князь Трубчевский, Буй-Тур Всеволод, прозванный так за свою отмен-

ную храбрость. И вот братья решили сами предпринять поход на половцев.

23 апреля того же 1185 года Игорь сел на коня в Новгороде-Северском, приказав присоединиться к себе по пути брату Всеволоду из Трубчевска, юному сыну своему Владимиру из Путивля и племяннику Святославу Ольговичу из Рыльска, и кроме того выпросил у черниговского князя Ярослава Всеволодовича боярина Олстина Олексича с пограничным варварским народцем коуями.

Этот поход изображен во всех подробностях в замечательном произведении, «Слове о полку Игореве», дошедшем до нас с тех времен. Неизвестный создатель этого «Слова» с такой необыкновенной живостью описывает всех участников похода, их думы, надежды, предчувствия, неудачи и горести, что читатель совершенно переносится в их среду. Вместе с тем в «Слове» необыкновенно картинно описывается природа наших южных степей и дается замечательно точное и меткое определение главных участников событий русской жизни тех времен. Ввиду поразительной красоты «Слова о полку Игореве»

несколькими нашими писателями сделаны были удачные переложения его стихами с древнерусского языка на наш современный [10].

Когда Игорь, поджидая подхода остальных князей, приблизился к Донцу, то случилось солнечное затмение.

*Словно тьмой полки его прикры-
ты!
И воззрел на светлое он солнце –
Видит: солнце, что двурогий ме-
сяц,
А в рогах был словно уголь горя-
щий;
В темном небе звезды просияли;
У людей в глазах позеленело.
«Не добра ждать», – говорят в
дружине.
Старики поникли головами.
«Быть убитым нам или пленен-
ным!»
Князь же Игорь: «Братья и дружи-
на,
Лучше быть убиту, чем пленену.
Но кому пророчится погибель,
Кто узнает – нам или поганым?
А посядем на коней на борзых*

*Да хоть позрим синего-то Дону!»
Не послушал знаменья он солнца,
Распялясь взглянуть на Дон вели-
кий.*

*«Преломить копьё свое! – он крик-
нул, –*

*Вместе с вами, русичи, хочу я
На конце неведомого поля!*

*Хоть за то б и голову сложить,
А испить шеломом Дону – любо!»*

Сказавши это, Игорь переправился через
Донец и два дня поджидал брата Всеволода.

*За Сулой-рекою да ржут кони,
Звон звенит во Киеве во столь-
ном,*

*В Новеграде затрубили трубы;
Веют стяги красные в Путивле...*

*Поджидает Игорь мила брата;
А пришел и Всеволод, и молвит:
«Игорь брат, един ты свет мой
светлый!*

Святославили мы сыны, два брата!

Ты седлай коней своих ретивых,

А мои оседланы уж в Курске!

А мои куряне ль не смышлены!

Повиты под бранною трубою,

Повзросли под шлемом и кольчу-

гой,
Со конца копья они вскормлены!
Все пути им ведомы, овраги!
Луки туги, тулы[11] отворены,
Остры сабли крепко отточены;
Сами скачут, словно волки в поле,
Алчут чести, а для князя славы!»

Затем князья двинулись в путь и встретили половцев на берегу одной речки. Поганые собрались от мала до велика. Русские выстроили свои полки и бросились на половцев. После жестокой сечи враги побежали.

*А в пяток то было, спозаранья,
Потоптали храбрые поганых,
По полю рассыпавшись что стрелы,
Красных дев помчали половецких,
Аksamиту, паволок и злата,
А орниц и всяких узорочий,
Кожухов и юрт такую силу,
Что мосты в грязях мостили ими.
Все дружине храброй отдал
Игорь,
Красный стяг один себе оставил...*

Три дня стояли здесь русские полки и весе-

лились, говоря: «Прежде наши с великим князем Святославом ходили на половцев и бились с ними, озираясь на Переяславль; а мы теперь в самой земле Половецкой; теперь пойдем за Дон и до конца истребим их; а затем пойдем в Лукоморье, куда и деды наши не хаживали, и возьмем до конца свою славу и честь». Но скоро отряд наших храбрецов стал со всех сторон окружаться половцами.

*А уж Гзак несетя серым волком,
И Кончак, за Гзаком им на-
встречу...*

*И в другой день, полосой кровавой
Повещает день кровавый зори...*

Идут тучи черные от моря...

*Синие в них молнии трепещут,
Быть то грому, дождичку про-
литься...*

Поломаться копьям о кольчуги,

Потупиться саблям о шеломы,

О шеломы половчан поганых!

*А уж в степь зашла ты, Русь, да-
леко!*

Перевал давно переступила!..

Загудело поле, пыль поднялась,

*И сквозь пыль уже знамена бле-
щут...*

*От всех сторон враги подходят:
И от Дона, и от синя моря
Обступают наших отовсюду!
Отовсюду бесовы исчадья
Понеслися с гиканьем и криком;
Молча, Русь, отпор кругом гото-
вя,
Подняла щиты свои багряны.*

В этих тяжелых обстоятельствах благородные князья наши решили: «Если побежим, то сами спасемся, но черных людей оставим, и будет на нас грех перед Богом, что их выдали; уже лучше умрем ли, живы ли будем, все на одном месте».

Порешивши на этом, князья вступили в битву, хотя уже все изнемогали от безводья.

*Ярый Тур ты, Всеволод, стоишь
ты
Впереди с курянами своими!
Прыщешь стрелами на вражьи
вои,
О шеломы их гремишь мечами.
Где ты, Буй-Тур, не поскачешь в
битве,
Золотым посвечивая шлемом,
Там валяются головы поганых,*

Там трещат аварские шеломы
Вкруг тебя от сабель молодец-
ких!

Не считает ран уж он на теле!
Да ему о ранах ли тут помнить,
Коль забыл он и Чернигов слав-
ный,

Отчий стол, честны пиры кня-
жие

И своей красавицы княгини,
Той ли светлой Глебовны утехи,
Милый лик и ласковый обычай!..

Были брани храброго Олега...

Но такой, как Игорева битва,
На Руси не видано от века!

От зари до вечера день целый,
С вечера до света реют стрелы,
Гремят остры сабли о шеломы,
С треском копья ломаются булат-
ны,

Среди неведомого поля,
В самом сердце половецкой сте-
пи!

...Третий день уж бьются!

Третий день к полудню уж подхо-
дит:

Тут и стяги Игоревы пали,
Стяги пали, тут и оба брата

*На Каяле[12] быстрой разлучи-
лись,
Невеселый час настал, о, братья!*

Игорь еще в начале битвы был ранен в руку. Увидев, что побежали коуи, он поскакал к ним, чтобы удержать беглецов, но был тут же захвачен в плен; скоро его глазам представилось страшное зрелище: его брат Всеволод был окружен со всех сторон врагами и, отбиваясь от них, изнемогал в неравной борьбе. Тогда Игорь стал просить себе смерти, только чтобы не видеть гибели брата; но Всеволод не погиб, а был также взят в плен. Победа половцев, со всех сторон кольцом охвативших русских, была полная: наших ушло домой человек пятнадцать.

Известие об этом неслыханном погроме произвело на Руси потрясающее впечатление.

Получив его, старый сестричич зарыдал и стал со всех сторон сзывать помощь.

*Князь великий Всеволод! не мыслию
Перенестся тебе издали,
Побережь отцовский золотой пре-*

стол.

Можешь ты разбрызгать Волгу
веслами,
Можешь вылить Дон шеломами...
Вы, Давид и буйный Рюрик, князь!
Ваши шлемы золоченые
По реке кровавой плавали,
И рычат дружины ваши храбрые,
Словно туры пораженные,
Каленою саблей, на поле неведо-
мом.

Вы вступите во золот стремен
За обиду земли русские
И за раны князя Игоря Святосла-
вича.

Ярослав князь, Осмомыслом ве-
щим прозванный!

Высоко сидишь ты в Галиче
На престоле златокованом!
Подпер горы ты Карпатские,
Что своими ли дружинами же-
лезными,

И, Дунаю затворив врата,
Королю загородил ты путь,
Через облако громадами кидая-
чи,

На Дунай суда снаряжаючи...
Так стреляй же по Кончаку нече-

*стивому,
За свою ли землю Русскую
И за раны князя Игоря Святосла-
вича!
Вы, Роман[13] с Мстиславом, буй-
ные,
Вас манит на поле молодече-
ство...
Есть у вас броня железная
Под шеломами латинскими!..*

Князья стали собираться, но медленно, а между тем половцы, ободренные неожиданным успехом, быстро двинулись на Русскую землю.

Кончак направился на Киевскую сторону, а Гзак – на Черниговскую, где остались одни жены и дети. Скоро Кончак подошел к Переяславлю, в котором сидел знакомый нам молодой герой Владимир Глебович; он неустрашимо вышел из города и ударил на половцев с небольшой дружиной, но был окружен множеством врагов и тяжело ранен тремя копьями; его, однако, выручили остальные люди дружины, и он гордо вернулся в Переяславль, утерев мужественный пот свой за отчизну. Затем половцы взяли город Рим, или нынеш-

ние Ромны, и, произведя на обоих берегах Днепра большие опустошения, успели вернуться домой безнаказанно. А между тем несчастные князья наши продолжали жить в плену, к большому горю их семей.

Вот как говорит «Слово» о тоске по мужу Игоревой жены:

*То не кукушка в роще темной
Кукует рано на заре –
В Путивле плачет Ярославна
Одна на городской стене:
«Я покину бор сосновый
Вдоль Дуная полечу
И в Каяль-реке бобровой
Я рукав мой омочу;
Я домчусь к родному стану,
Где кипит кровавый бой;
Князю я омою рану
На груди его молодой!»
В Путивле плачет Ярославна
Зарей на городской стене:
«Ветер, ветер, о могучий,
Буйный ветер, что шумишь?
Что ты в небе черны тучи
И вздымаешь, и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутил поток реки,*

Вя ханскими стрелами
На родимые полки!»
В Путивле плачет Ярославна
Зарей на городской стене:
«В облаках ли тесно ваять
С гор крутых чужой земли?
Если хочешь ты лелеять
В синем море корабли;
Что же страхом ты усеял
Нашу долю? Для чего
По ковыль-траве развеял
Радость сердца моего?»
В Путивле плачет Ярославна
Зарей на городской стене:
«Днепр мой славный! Ты волнами
Скалы половцев пробил;
Святослав с богатырями
По тебе свой бег стремил;
Не волнуй же, Днепр широкий,
Быстрый ток студеных вод,
Ими князь мой черноокий
В Русь Святую поплывет».
В Путивле плачет Ярославна
Зарей на городской стене:
«О, река! отдай мне друга,
На волнах его лелей,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорей;

Чтобы больше не видала
Вещих ужасов во сне;
Чтобы слез к нему не слала
Синим морем на заре».
В Путивле плачет Ярославна
Зарей на городской стене:
«Солнце, солнце, ты сияешь
Всем прекрасно и светло!
В знойном поле что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки с тетивами
Иссушила в их руках,
И печаль колчан с стрелами
Заложила на плечах».
И тихо в терем Ярославна
Уходит с городской стены.

Однако Ярославна горевала очень недолго. Случай дал возможность Игорю бежать из половецкого плена. Половцы, ценя его блистательную отвагу, обращались с ним почти-тельно: он имел своих слуг и мог ездить на охоту; только стража в 20 человек была при нем неотлучно.

Один из половцев, по имени Лавор, привязался к нему всей душой и предложил бежать вместе в Русь. Игорь сперва воспротивился:

«Я для славы не бежал во время боя от дружины, и теперь бесславным путем не пойду». Но находившийся с ним в плену его тысяцкий и конюший уговорили своего князя на этот шаг. И вот однажды на закате солнца, когда половецкая стража упивалась кумысом, Игорь, поклонившись образу Спасителя, говоря: «Господи сердцеведче, спаси меня, недостойного», надел на себя крест и икону, тихонько поднял полу своего шатра, вылез на свободу и незаметно пробрался на берег реки, где его ждал верный Лавор, после чего благополучно достиг своего дома.

Через два года вернулся также храбрый брат его Буй-Тур Всеволод и юный сын Владимир; последний – с молодой женой; за время своего плена он успел влюбиться в ханскую дочь и жениться на ней.

Так окончился знаменитый поход Игоря. Но враждебные столкновения с половцами продолжались по-прежнему, и при возможности князь ходил в степь их наказывать. В 1187 году, по возвращении из одного такого похода, разболелся и умер, всеми горько оплакиваемый, Владимир Глебович Переяслав-

ский, так прославившийся своею доблестью, несмотря на молодые годы. Вскоре достойным преемником его славы выступил совсем юный сын Рюрика Ростислав. Едва имея от роду пятнадцать лет, Ростислав сделался верным стражем Киевской земли и истинной грозой пограничных хищников.

В том же 1187 году скончался Ярослав Осмомысл Галицкий. Смерть его имела весьма важные следствия. Княжество Галицкое, приведенное долголетним и мудрым правлением Ярослава в блестящее состояние, занимало самую западную окраину Русской земли, простираясь большею своею частью вдоль течений рек Днестр, Серет и Прут.

Этот богатый и благословенный по природе край непосредственно граничил одной своей стороной с Венгрией, а другой – с Польшей, и в нем, в значительной степени, отражалось влияние тех порядков, которые были в этих двух государствах. Порядки же в Польше и Венгрии были совершенно одинаковы с порядками, имевшими место в те времена во всех других западных государствах Европы, где власть королей была значительно ограни-

чена высшим рыцарским сословием.

Также и в Галиче – наряду с князем было весьма сильное и своевольное боярство, которое иногда заставляло даже такого выдающегося человека, как Ярослав, подчиняться своей воле. Это, между прочим, сказалось и на его семейных делах. Он плохо жил со своей женой Ольгой, дочерью Юрия Долгорукого, от которой имел сына Владимира и дочь, жену Игоря Северского, знакомую нам Ярославну. Отослав Ольгу Юрьевну от себя, Ярослав женился на какой-то Настасье, от которой имел сына Олега.

Но этот брак не понравился боярам. Тогда они сожгли несчастную Настасью на костре и заставили Ярослава вернуть к себе Ольгу Юрьевну.

Не любя ее и зная, что его сын от нее Владимир – человек праздный и легкомысленный, не способен к правлению, Ярослав Осмомысл, чувствуя приближение смерти, собрал всех своих бояр и в присутствии духовенства заставил их присягнуть своему младшему сыну Олегу Настасьичу, которому приказал свой Галицкий стол; Владимиру же завещал толь-

ко город Перемышль. После этого он покаялся в своих грехах, раздал нищим огромные богатства и скончался, искренно оплакиваемый народом, как мудрый, славный, богобоязненный и честный князь.

Но, разумеется, бояре после смерти Ярослава и не думали исполнить его волю, а тотчас же изгнали Олега Настасьича и посадили на его место Владимира. Этот последний, очутившись галицким князем, дал полную волю своим порочным и буйным наклонностям: он бросил свою жену и женился на какой-то попадье, от которой прижил двух детей. Скоро галицкие бояре убедились, что покойный Осмомysl был прав и с Владимиром им будет жить трудно, тем более что он отличался большим самовластием.

В это время в соседней с Галичем земле, на Владимир-Волынском столе, сидел замечательный князь. Это был Роман Мстиславович, сын храброго Мстислава Изяславовича, сидевшего на Киевском столе, когда войска Андрея Боголюбского взяли Киев на щит. Свое детство Роман провел при дворе польского князя Казимира, так как мать его была сестрой это-

го Казимира; несомненно, он получил здесь самое широкое образование и рано познакомился со всеми сложными порядками и отношениями, царившими как в Русской земле, так и в Польше, и в Венгрии. Затем мы видели молодого Романа в Новгороде, когда им, при помощи чудесного заступничества Божией Матери, была блистательно отражена от города грозная рать Андрея Боголюбского. Заняв, по удалении из Новгорода, Владимир-Волынский стол, который был его вотчиной, Роман скоро приобрел огромную славу своими необычайными дарованиями. «Он бросался на врагов как лев, – говорит летописец, – пролетал по их земле как орел; гневен был как рысь; губителен как крокодил; храбр же как тур».

Будучи женатым на дочери Рюрика Ростиславовича, Роман имел от нее дочь, которую выдал за сына легкомысленного Владимира, вокняжившегося в Галиче. Видя, что против Владимира в Галиче растет неудовольствие, предприимчивый Роман решил воспользоваться обстоятельствами; для этого он вошел в соглашение с частью влиятельных галиц-

ких бояр и стал их подговаривать помочь ему сесть на место Владимира. Не надеясь на удачу открытого общего восстания против своего князя, ловкие друзья Романа придумали другое средство освободиться от Владимира. «Князь! мы на тебя не встали, – послали они сказать ему, – но не хотим кланяться попадье, хотим ее убить; а ты где хочешь, там и возьми жену». Говоря это, они рассчитывали, что Владимир скорее уйдет из Галича, чем расстанется с женой, и не ошиблись. Опасаясь, чтобы любимую им женщину не постигла участь сожженной Настасьи, Владимир, собрав много золота, ушел со своей попадьею и дружиной в Венгрию.

Роман же вошел в Галич, отдав город Владимир-Волынский брату своему Всеволоду Мстиславовичу.

Между тем Владимир, прибыв в Венгрию, обратился за помощью к королю Беле Третьему, и тот скоро подошел со своими полками к Галичу. Тогда Роман, не имея средств ему сопротивляться, должен был уйти назад к себе на Волынь. Но, к удивлению Владимира, король Бела после этого не вернул ему Галиц-

кий стол, а нашел самым выгодным отдать эти города своему сыну Андрею; Владимир же был приведен назад в Венгрию, где у него было отобрано все имение, а сам он посажен в башню.

Вместе с тем, чтобы упрочить положение своего сына Андрея в Галиче, Бела оставил ему значительный отряд войск, увея с собой заложниками сыновей и братьев лучших бояр.

Галичане были, разумеется, недовольны, что ими завладел чужеземный князь. Часть из них стала просить Романа Мстиславовича вернуться; но он не мог этого пока сделать, так как не находил достаточно сильной помощи. Рюрик Ростиславович с великим князем Киевским Святославом Всеволодовичем хотели было также идти добывать Галич от чужеземца, но они вернулись с пути, не урядившись о распределении волостей.

При таких обстоятельствах галичане решились обратиться к сыну покойного Ивана Берладника Ростиславу, проживавшему в Смоленске; они уверили его, что, как только он появится, все сейчас же передадутся на его

сторону и прогонят венгров. Ростислав поверил этому и с небольшой дружиной быстро отправился в путь. Однако когда он подошел к Галичу, то только несколько бояр перешло на его сторону; из города же вышло много галичан и венгров и выстроились против его малочисленных сторонников. Видя это, дружина сказала Ростиславу: «Видишь, они тебя обманули, пойдём прочь!» Но Ростислав отвечал им: «Нет, братья; вы знаете, на чем они мне целовали крест. Мне уже наскучило скитаться по чужой земле. Хочу голову положить на своей отчизне». С этими словами он бросился в середину венгерских и галицких полков. Конечно, он был тотчас же сбит с лошади и, полумертвый от ран, перенесен в Галич.

Здесь среди простого народа поднялось смятение; многие хотели собраться, чтобы самим принять из рук чужеземцев своего природного князя. Тогда венгры нашли средство быстро покончить дело; они приложили яду к ранам Ростислава, и желание несчастного сына несчастного Берладника исполнилось: он лег на отчизне, подле предков своих.

Убедившись, что галичане хотят русского

князя, венгры стали им жестоко мстить; они отнимали у них жен и дочерей, ставили лошадей по церквам и всячески надругивались над православной верой. Скоро все стали вспоминать о полоненном венграми сыне Ярослава Осмомысла Владимире, и вот, в 1190 году, пронесся слух, что он спасся из неволи. Это оказалось правдой.

Изрезав на куски полотно шатра, который был поставлен наверху его башни, Владимир благополучно спустился с нее и при посредстве двух подкупленных сторожей бежал в Германию, к императору Фридриху Барбароссе, знаменитому своими Крестовыми походами в Святую землю и борьбою со славным Саладином, героем мусульманского Востока. Узнав от Владимира, что он родной племянник по матери великого князя Всеволода Суздальского, с которым у Барбароссы были добрые отношения, последний обещал ему свою помощь за две тысячи гривен серебра ежегодно и действительно отправил приказание польскому князю Казимиру, бывшему у германского императора в зависимости, помочь Владимиру. Казимир послушался, дал ему

войска, и скоро галичане изгнали венгров и с радостью вышли навстречу своему «дедичу», которого провозгласили князем. Севши в Галиче, чтобы обеспечить свое положение от дальнейших притязаний на него как иноземцев, так и южнорусских князей, Владимир тотчас же отдался под сильную руку своего дяди Всеволода Юрьевича Суздальского, уже приютившего его мать, Ольгу Юрьевну. «Отец и господин мой! – послал сказать ему Владимир, – удержи Галич подо мною, а я Божий и твой со всем Галичем и в твоей воле всегда». Снисходя на эту просьбу, Всеволод Юрьевич отправил послов ко всем русским князьям и в Польшу и взял от них присягу не искать Галича под племянником.

После этого Владимир мог спокойно сидеть до самой смерти на своем столе.

Во время описываемых событий жизнь в гостеприимном доме великого князя Всеволода Суздальского текла своим обычным для древнерусских князей порядком, на началах самого широкого гостеприимства.

После того как сыновьям Всеволода исполнилось три года, с особенным торжеством

справляли их постриги, или посвящение в мужи: приглашали епископа и духовенство, звались знатнейшие бояре и горожане; по прочтении молитвы маленькому князю отрезали прядь волос, а затем его сажали на коня и передавали из рук мамушек и нянек на руки дружины и дядьки-кормильца.

Торжество заканчивалось веселым пиром, где щедрый хозяин подносил гостям великолепные подарки – коней, оружие, драгоценные уборы, узорочье и прочее.

В описываемое же время имело место и несколько свадеб в семье Всеволода.

Он женил своего старшего сына, десятилетнего Константина, на внучке покойного князя Романа Смоленского; одну дочь выдал за племянника Святослава Киевского, а другую, свою любимицу Верхуславу, которой исполнилось всего восемь лет, за пятнадцатилетнего Ростислава Рюриковича, уже успевшего, как мы видели, своими ратными подвигами стяжать себе громкую славу героя и грозы половцев. Последняя свадьба была отпразднована с особой пышностью.

Отец жениха прислал за невестой князя

Глеба Туровского и знатнейших бояр с супругами. Конечно, всех гостей щедро одарили и знатно угощали в течение нескольких дней; им показывали храмы, созданные Андреем Боголюбским, и рассказывали о будущем Дмитриевском соборе, к сооружению которого готовился Всеволод.

Дав за Верхуславой богатейшее приданое, родители провожали свою милую дочку до третьего стана и со слезами расстались с ней. По прибытии Верхуславы в Белгород, где сидел тогда Рюрик, была отпразднована пышная свадьба; более двадцати князей пировало на ней, а Рюрик, в знак любви к своей маленькой снохе, подарил ей город Брягин[14].

В 1194 году окончил свой долголетний жизненный путь знаменитый сестричич – Святослав Всеволодович. Он был на съезде в Карачеве с черниговскими князьями, и здесь у него «изверглось нечто на ноге», после чего отправился в Киев, и по дороге, несмотря на тягостную болезнь, непременно хотел посетить Вышгород, чтобы поклониться праху отца своего, а также и святым Борису и Глебу. Оба страстотерпца, открыто почивавшие в

гробнице как живые, постоянно привлекали к себе молельщиков. Прибыв в Киев, Святослав уже не мог принять участия в торжествах по поводу свадьбы одной из своих внучек с греческим царевичем и умер на руках своей верной княгини, приняв перед кончиною пострижение.

После него, согласно ранее заключенному условию, в Киеве сел Рюрик Ростиславович, всеми любимый за свой доступный и ласковый нрав. Великий князь Всеволод Юрьевич, оставшись за смертью сестричича старшим во всем княжеском роде, прислал из Суздаля бояр, чтобы они торжественно посадили Рюрика на Киевский стол. Этим, конечно, еще сильнее подтверждалось, в глазах всех, старшинство Всеволода над остальными князьями. Вокняжение Рюрика в Киеве сопровождалось веселыми княжескими пирами, и съехавшиеся князья урядились между собой о всех волостях Киевской земли. При этом, однако, Рюриком была сделана крупная ошибка. Произведя между князьями распределение волостей Киевской земли, он совершил это совершенно помимо Всеволода Юрьевича.

Последний, как старший, счел это за неуважение к себе и потребовал пять городов, и именно тех, которые были отданы Рюриком мужу своей дочери – знаменитому Роману Мстиславовичу. Рюрик, чтобы не ссориться с Всеволодом, упросил Романа отказаться от этих пяти городов, что Роман, входя в затруднительное положение тестя, и сделал. Но когда после этого Всеволод Юрьевич лучший из этих городов – Торческ отдал своему зятю, мужу юной Верхуславы Ростиславу, Рюрикову сыну, то Роман сильно обиделся, почитая, что сам Рюрик умышленно, чтобы отдать Торческ Ростиславу, повел дело так, будто этого непременно требует Всеволод Юрьевич. Вследствие этого между Романом и Рюриком возникла жестокая вражда, в которой некоторые обвиняли Всеволода, находя, что он поссорил их с умыслом, признавая для себя опасным дружеское единение всех южнорусских князей.

Трудно сказать в настоящее время, чем именно руководствовался Всеволод, требуя себе указанные пять городов, но несомненно одно: он во всяком случае, как добрый государь, прежде всего в деле этом считался с

пользой и выгодами своего Суздальского великого княжества.

Обидевшись на тестя, Роман обратился к брату покойного сестричича Ярославу Всеволодовичу, сидевшему в Чернигове, и предложил свои услуги, чтобы искать ему Киева под Рюриком. Ярослав согласился, но об этом вскоре узнали Рюрик и Всеволод Суздальский, и Роман был торжественно обличен в своих замыслах. Тогда он бежал в Польшу. Здесь шла жестокая усобица между его родственниками. Роман тотчас же в нее вмешался и принял участие в одной битве, но был разбит и, раненый, прибыл домой во Владимир Волынский. При таких тяжелых обстоятельствах он, при посредстве митрополита Никифора, обратился к тестю с просьбой о прощении. Рюрик поверил его раскаянию и примирился с ним.

Вслед за тем, ввиду того что в заговоре с Романом был и Ярослав Черниговский, Рюрик, по уговору с Всеволодом Юрьевичем, послал сказать всем Ольговичам, от имени Мономаховичей, чтобы те целовали крест не искать под ними и их детьми ни Киева, ни Смо-

ленска, а довольствоваться левой стороной Днепра. На это Ольговичи обиделись и ответили, что они согласились не искать Киева только под Всеволодом Юрьевичем и Рюриком Ростиславовичем, но отказаться от него навсегда они не желают, так как «мы не венгры и не ляхи, а одного деда внуки».

Этот ответ Ольговичей повел к усобице между ними и Мономаховичами, причем главное участие в ней со стороны Мономаховичей принимал Рюрик. Всеволод же Суздальский действовал крайне медленно, а когда Ольговичи предложили ему заключить с ними мир и ходить по всей его воле, то он тотчас же согласился, обменялся крестными грамотами и послал сказать об этом Рюрику, который в то же время должен был вести борьбу против зятя своего Романа, принявшего сторону Ольговичей и отославшего к тестю свою жену, которую разлюбил.

Узнав об отдельном мире, заключенном с Ольговичами Всеволодом, Рюрик крайне разгневался и в сердцах отнял у него те пять городов, из-за которых вышла вся описанная распря. Всеволод ничем не ответил на полу-

ченную обиду, но, конечно, Рюрик после этого не мог, в случае нужды, рассчитывать на мощное покровительство суздальского князя, а между тем дела его врага и зятя Романа Мстиславовича значительно поправились.

В 1198 году скончался Владимир Ярославович Галицкий, и на его месте, при помощи поляков, окончательно утвердился Роман, сделавшись, таким образом, могущественным князем Волынским и Галицким. Первым его делом было приобрести себе сторонника во Всеволоде Суздальском, к которому он и обратился, прося покровительства; после этого Роман стал усердно приводить в порядок буйных галицких бояр, причем не стеснялся применять самые беспощадные меры, следуя любимому своему присловию: «не передавивши пчел, меду не есть».

подавив, таким образом, боярскую крамолу, Роман обратил все свои заботы на устройство благосостояния своего края и скоро приобрел от благодарного ему народа наименование «Великий Роман», так как был для него добрым подвижником и строгим ревнителем православия. В это же время он предпринял и

ряд блестящих походов на пограничных с его владениями литовцев и ятвягов и употреблял покоренных пленников на самые тяжелые работы для расчистки девственных лесов, корчевки пней, осушки болот и запахивания невозделанной почвы. «Романе, Романе, худым живеши, литвою ореши», – сложилась про него поговорка у современников. Подобная выдающаяся деятельность снискала ему полное уважение соседей: поляки заискивали в нем, а сидевший одно время до него в Галиче королевич Андрей, занявший вскоре Венгерский престол, завязал с Романом самую тесную дружбу. Они стали названными братьями и поклялись друг другу, что кто из них переживет другого, тот будет заботиться о семье умершего, как отец.

Между тем Рюрик Ростиславович Киевский продолжал питать вражду к Роману. В 1198 году умер Ярослав Всеволодович Черниговский; его стол перешел к Игорю Святославовичу Северскому, герою «Слова о полку»; когда же он через два года умер, то в Чернигове вокняжился сын покойного сестричича Всеволод Чермный, унаследовавший от отца

его честолюбие и умение пользоваться благоприятными обстоятельствами. В 1202 году Рюрик сумел уговорить Всеволода Чермного действовать сообща против Романа. Но Роман зорко следил за тестем, и едва Рюрик и Всеволод Чермный соединили свои войска, как Роман с полками галицкими и волынскими и всеми черными клобуками появился перед Киевом. Все жители с восторгом приняли его сторону, конечно памятуя, что он был сыном и внуком столь любимых в Киевской земле князей, и отворили ему ворота. Тогда Рюрик удалился в свой наследственный удел Овруч, а Всеволод Чермный с Ольговичами – на левый берег Днепра. Киев же, с согласия Всеволода Суздальского, был отдан двоюродному брату Романа Ингварю Ярославовичу Луцкому, а сам Роман отбыл обратно в Галич.

Конечно, Рюрик Ростиславович не мог снести спокойно своей обиды и в следующем же, 1203 году опять соединился с Ольговичами; союзники наняли множество половцев и при их содействии взяли Киев на щит. Опять, как в 1169 году, во времена Боголюбского, город подвергся страшному разграблению; в церк-

вах не осталось ни одного сосуда.

После этого злого дела Рюрик не хотел сесть в несчастном городе, им разрушенном под влиянием чувства мести, и вернулся в свой Овруч. Но здесь он был осажден Романом и скоро вынужден был просить у зятя мира; Роман дал его ему, но заставил тестя целовать крест великому князю Всеволоду Юрьевичу и детям его, то есть отказаться от старшинства в роде и после смерти Всеволода.

Затем Рюрик снова сел в Киеве, который после вторичного разгрома никогда не мог вернуть своего прежнего блеска.

Роман, по-видимому, искренно хотел мира с Рюриком, чтобы иметь возможность действовать общими силами против внешних врагов, и скоро собрался с ним на половцев. Возвращение из этого похода завершилось, однако, совершенно неожиданным и печальным для Рюрика образом. В Треполе, где остановились князья, у них произошел весьма крупный спор из-за волостей, который кончился тем, что Роман схватил Рюрика, отправил в Киев и там велел постричь в монахи

вместе с женою и дочерью, своей бывшей супругой, с которой развелся; сыновей же Рюрика – Владимира и Ростислава, мужа Верхуславы, увел с собою пленниками в Галич. Весть о пленении мужа любимой дочери, разумеется, крайне встревожила Всеволода Суздальского; он отправил своих послов к Роману, и последний возвратил свободу сыновьям Рюрика, причем Ростислав вокняжился в Киеве.

Раздоры с Рюриком не препятствовали Роману деятельно заниматься делами, способствовавшими увеличению благосостояния своих владений, а также возвышению русского имени и защиты веры православной.

Он успел оказать громадную услугу царю Алексею Комнину, нанеся страшный погром половцам, опустошившим греческие владения.

Затем он вел упорную войну со своими бывшими союзниками – поляками, требуя от них в награду за старую дружбу Люблинскую область, составлявшую древнерусское владение, населенное православными жителями. В Риме в это время был папой властолюбивый Иннокентий Третий. Наслышавшись про

храброго и могущественного галицкого князя, нападавшего на католиков поляков, он решил переманить Романа со всеми подданными в латинство и отправил к нему для этого искусного проповедника Бернарда Клервоского, который стал доказывать Роману преимущества католичества перед православием. Но высокообразованный и твердый в православной вере Роман без труда разбил все доказательства хитрого папского слуги. Тогда тот стал прельщать Романа, что папа возложит на него королевский венец, наделит многими городами и поддержит его своим папским мечом.

На это гордый Роман обнажил свой собственный меч и, показав его латинскому послу, промолвил: «Таков ли у папы?! Пока ношу его при своем бедре, не имею нужды в другом, и кровью покупаю города, следуя примеру своих дедов, возвеличивших Русскую землю». Пристыженный папский посланный должен был уехать ни с чем.

Вскоре после этого Роман погиб; воюя с поляками, он понадеялся на их благородство, когда они завязали с ним переговоры о мире,

и неосторожно выехал на охоту с малой дружиной. Тут в засаде его ждал польский отряд, и мужественный Роман, сопротивлявшийся как лев, пал со всеми своими людьми. Он оставил мо лодую вдову, свою вторую жену, с двумя сыновьями, из которых старшему Даниилу было только четыре года. Это произошло в 1205 году.

Сохранилось известие, что Роман, ясно сознавая, что существующий порядок владения землею целым княжеским родом крайне пагубен, обратился ко всем князьям с предложением, чтобы власть над каждою из отдельных земель, на которые была уже тогда разделена наша Родина, передавалась бы прямо от отца к старшему сыну, с тем чтобы прекратить дальнейшее дробление этих земель и устранить усобицы; но предложение это не было никем принято.

Безвременная кончина Романа повела к страшнейшим смутам в Галицкой земле. Галичане присягнули его сыну, малолетнему Даниилу, но скоро бояре, придавленные покойным князем, подняли свои головы и стали вновь готовить крамолу. Рюрик же, как толь-

ко узнал о смерти зятя, сейчас же скинул рясу и сел в Киеве, уговаривая и жену покинуть монастырь, но та в ответ на это приняла великий постриг, или схиму. Затем Рюрик соединился со своими старыми союзниками — Ольговичами и двинулся к Галичу с целью отнять его у детей Романа. Здесь, однако, он опоздал. Умная вдова Романа, чуя надвигавшуюся опасность, поспешила обратиться к венгерскому королю Андрею и напомнила ему, что он обещал быть ее детям отцом в случае смерти мужа, и Андрей тотчас же поддержал ее сильным отрядом венгров, занявших Галич; тогда Рюрик, узнав про это, должен был возвратиться в Киев.

В следующем, 1206 году Рюрик опять соединился с Ольговичами, нанял множество половцев и, собрав огромное войско, направился к Галичу; с другой стороны туда же шел и польский князь Лешко.

Вдова Романа вновь обратилась за помощью к Андрею Венгерскому, и он поднялся в поход сам со своими полками; однако, пока он шел, в Галиче поднялась такая смута, что вдовствующая княгиня вынуждена была бе-

жать с детьми в старинную отцовскую волость мужа – Владимир Волынский. Таким образом, галичане остались без князя, а между тем к городу с трех сторон подходили рати: русская, венгерская и польская.

Скоро Андрей получил известие, что у него в Венгрии поднялись большие волнения; поэтому он стал спешить вернуться домой и вступил в переговоры с Лешко Польским и галичанами о том, чтобы посадить в Галиче сидевшего в Переяславле юного Ярослава, сына Всеволода Суздальского и будущего отца святого Александра Невского. Но галичане, узнав об уходе Андрея в Венгрию, решили принять к себе внука Ярослава Осмомысла по дочери Владимира Игоревича Северского, того самого, который ходил с отцом в знаменитый поход, был в половецком плену и женился на ханской дочери. Он сел в Галиче, а брат его Роман Игоревич – в Звенигороде.

Скоро мстительные галицкие бояре, вместе с молодыми Игоревичами, решили окончательно погубить потомство ненавистного им Романа Мстиславовича. И вот Владимир-волынцы получили из Галича грозное

требование: выдать малолетних детей Романа и принять на княжение третьего Игоревича – Святослава. Большинство жителей Владимира Волынского были настолько возмущены этим требованием, что решили даже убить галицкого посла, но нашлись и предатели, которые приняли сторону галицких бояр и хотели исполнить их требование. При таких отчаянных обстоятельствах вдова Романа, посоветовавшись с дядькой-кормильцем Даниила боярином Мирославом, решила как можно скорей бежать из города.

И вот ночью, через пролом в городской стене, вышла жена Романа Великого из его отчины и дедины, вчетвером с дядькой Мирославом, священником и кормилицей, которые несли маленьких князей Даниила и Василька.

Куда было бежать несчастным? Враги были со всех сторон! Наконец, княгиня решила на крайнее средство: обратиться к великодушью Лешко Польского, в войне с которым был так предательски убит ее муж, после чего мир еще не был заключен. К счастью, она угадала правильно; великодушные и жа-

лость пересилили в Лешко вражду. Он с честью принял беглецов, говоря: «Не знаю, как это случилось! Сам дьявол поссорил меня с Романом», – после чего отправил малютку Даниила в Венгрию, к королю Андрею, и предложил ему вдвоем вернуть детям Романа владения их отца.

Андрей с радостью принял предложение. Однако в действительности как он, так и Лешко вовсе не думали о пользе маленьких Романовичей, а стали вмешиваться в галицкие дела исключительно в собственных выгодах. Скоро Лешко стал самовластно распоряжаться всей Волынской областью, а младенцу Васильку с матерью дал только один город Брест; Андрей же продолжал держать Даниила у себя, а с молодыми Игоревичами вел себя так хитро, что сумел их поссорить между собой, после чего Роман Игоревич изгнал брата Владимира из Галича, а сам сел на его место. Тогда, пользуясь смутами, поднявшимися в Галиче, Андрей Венгерский решил овладеть им и послал для этого сильное войско под начальством знатного воеводы Бенедикта Бора, который не только овладел городом, но и

взял в плен князя Романа Игоревича, в то время как он беспечно мылся в бане.

Довольный своей удачей, король Андрей назначил этого Бенедикта Бора своим наместником в Галиче, и скоро Бенедикт заслужил от всех, за свое управление несчастным городом, название «антихрист». Он беспрестанно мучил бояр и простых людей и бесчестил жен и монахинь. Угнетенные им до крайности, галичане стали искать всюду помощи и, наконец, опять обратились к Игоревичам, из которых Роман успел ускользнуть из венгерского плена и примириться с братом Владимиром. Игоревичи откликнулись на зов галичан, прибыли с сильным войском, изгнали «антихриста» и опять сели в Галицкой земле, послав Андрею богатые дары, чтобы он их оставил в покое. По-видимому, это им удалось, так как Андрей в это время должен был подавлять сильнейшую смуту в собственном королевстве.

Но злая смута настала скоро и в самом Галиче, поднятая крамольным духом бояр. Тогда Игоревичи решили действовать по примеру Романа Великого и, воспользовавшись

первым подходящим случаем, велели перебить галицкую дружину. 500 человек из нее погибло, но другие бежали. Конечно, бежавшие бояре, во главе которых был некий Владислав, стали беспощадными врагами Игоревичей. Этот Владислав, человек лукавый и искусный в крамоле и предательстве, прибыл с двумя другими боярами в Венгрию и обратился к Андрею с просьбой: «Дай нам отчича нашего Даниила; мы пойдем с ним и отнимем Галич у Игоревичей».

Андрей согласился и послал с малюткой Даниилом сильное войско, под начальством восьми воевод. Опять поднялись жестокие волнения во всей Галицкой земле. Некоторые города были за Даниила, другие – за Игоревичей; в дело вмешался Лешко Польский и ближайшие русские князья. Наконец, враги Игоревичей взяли верх и захватили в плен двух из них: Романа и Святослава; Владимир же успел бежать.

Венгры хотели отвести пленников своему королю, но галицкие бояре, задаривши венгерских воевод, выпросили их себе. Затем эти бояре решились на страшное дело, еще

неслыханное в Русской земле: они повесили обоих своих князей.

Так погибли два сына знаменитого Игоря Северского и славной Ярославны.

Это черное дело совершилось в сентябре 1211 года.

Разумеется, бояре призвали маленького Даниила только для того, чтобы самовластно распорядиться Галицкой землею. Узнав о возвращении старшего сына в Галич, вдова великого князя Романа поспешила к нему; они так долго не виделись, что при первом свидании маленький Даниил не узнал матери, но затем горячо привязался к ней; видя это, бояре, опасаясь ее влияния на сына, решили их разлучить и изгнали несчастную женщину из Галича.

Даниил не желал расставаться с матерью и горько плакал. Какой-то боярин Александр хотел насильно отвести его коня от княгини; тогда Даниил выхватил меч, чтобы ударить им Александра, но, плохо владея тяжелым мечом, ранил только коня; несчастная же мать поспешила вырвать этот меч из рук сына, упростила его успокоиться и остаться в Гали-

че, а сама отбыла к венгерскому королю с жалобами на преступных бояр.

Андрей принял ее сторону и приказал схватить главных заводчиков крамолы – Владислава с двумя товарищами. Тогда два брата Владислава – Яволод и Ярополк обратились к сидевшему в Пересопнице князю Мстиславу Немому, сыну покойного Ярослава Изяславовича Луцкого, и убедили его занять Галич; Даниил же принужден был бежать в Венгрию.

Между тем боярин Владислав не терял времени в плену и скоро успел убедить короля Андрея не доверять Галич никому из русских князей, а самому владеть им. Андрей согласился и отпустил Владислава с товарищами вперед, конечно, для того, чтобы приготовить все к новому перевороту, а сам с главными силами своих войск следовал за ними. Но с полпути Андрей спешно должен был вернуться назад; он получил известия о страшных событиях, разыгравшихся в Венгрии за время его отсутствия.

Венгерские бояре, подобно галицким, отличались особо мятежным духом и малою почитательностью к личности короля. Между

тем супруга Андрея, немка, по имени Гертруда, не переносила такого отношения венгерских вельмож и вооружила их против себя рядом строгих мер, которые она советовала мужу. Особенно же озлоб ляло венгерских бояр дерзкое поведение ее брата Бертольда, причем сама Гертруда поощряла его любовь к жене известного нам «антихриста» Бенедикта Бора, который был, как мы видели в Галиче, весьма снисходительным к себе, но крайне строгим к другим. И вот, как только Андрей отправился в поход, его вельможи составили заговор, избили множество немцев, а королеву Гертруду изрубили в куски.

Конечно, Андрей должен был немедленно прекратить свой поход на Галич и в крови мятежников потушил вспыхнувшую смуту.

Ловкий боярин Владислав воспользовался этим. Подходя к Галичу и узнав, что Мстислав Немой, ввиду приближения венгерских войск, покинул его, этот Владислав, по прозвищу Кормиличич, совершил новое неслыханное на Руси дело: он сам сел на высокий Галицкий стол.

Но такой соблазн не мог долго продол-

жаться. Скоро Лешко Польский послал сказать венгерскому королю: «Не годится боярину сидеть на княжеском столе; лучше возьми дочь мою за твоего сына Коломана и посади их в Галиче». Предложение было принято, и пятилетний Коломан был обручен с трехлетней Соломеей, после чего стал княжить в Галиче под опекою отцовских вельмож и защитой венгерских войск. Владислав же был снова схвачен и затем умер в Венгрии, причем никто из русских князей не хотел призреть его детей – за дерзкую попытку сесть на княжеский стол.

Даниил же и Василько получили по настоянию Лешко Владимир Волынский, где они и поселились с матерью. Таким образом, исконной Русской земле – Галичем завладели иноплеменники.

Что же делали русские князья во время описанных запутанных и кровавых событий, разыгрывавшихся в Галиче?

На севере великий князь Суздальский Всеволод Юрьевич, преданный исключительным заботам о нуждах и выгодах своего края, был постоянно занят сложными делами с Гос-

подином Великим Новгородом и беспокойными рязанскими князьями, а на юге Мономаховичи и Ольговичи вели свою обычную борьбу.

В 1206 году, обрадовавшись, что их родственники Игоревичи сели в Галиче, Ольговичи решили захватить Киев, и Рюрик скоро должен был уступить его Всеволоду Чермному и опять уехать в свой Овруч. Еще более ободренные этим успехом, Ольговичи решили отбить у Мономаховичей и Переяславль и дерзнули изгнать из него сына Всеволода Суздальского Ярослава. Все это, разумеется, вызвало большую усобицу, во время которой Рюрик дважды изгонял Всеволода Чермного из Киева и был в свою очередь им сам изгоняем, причем половцы, по всегдашнему своему обычаю, стали опять сильно разорять Киевскую область.

Наконец, в дело вмешался великий князь Всеволод Суздальский, пожалев Русскую землю, разоряемую погаными, и в 1210 году Чермный и все Ольговичи покорились ему, после чего, по общему уговору, применительно к правилам давно забытого очередного по-

рядка, Всеволод Чермный, будучи старшим между пятиюродными братьями во всем роде Ярослава Мудрого, сел в Киеве, а Рюрику был отдан Чернигов, где он и оставался до смерти. Этот мир Всеволода Юрьевича с Ольговичами был закреплен браком второго сына великого князя Суздальского Юрия с дочерью Чермного.

Так уладил великий Всеволод дела на юге. Отношения же его к Рязани завершились иначе. Чрезвычайно размножившаяся семья рязанских князей во все время великого княжения Всеволода не переставала ему чинить всевозможные неприятности и крамолы. После ряда увещаний и частых походов Всеволод решился, наконец, на крайнюю меру: он самолично вторгся в Рязанские земли, овладел после трехнедельной осады городом Пронском, затем сжег до основания Рязань, а всех князей ее с княгинями взял в плен и заточил во Владимире на Клязьме; в Рязанской же земле посадил сына своего Ярослава. Это было в 1209 году.

Отношения к Новгороду составляли постоянно одну из важнейших забот Всеволода

Юрьевича. Мы видели, что для пользы Суздальского края ему было совершенно необходимо, чтобы князь, сидевший в Новгороде, был его сторонником. И вот Всеволод настойчиво идет к этой цели за все время своего великого княжения; для этого же он два раза брал и Торжок, имевший огромное значение в новгородской жизни, так как к Торжку сходились все пути с юга, по которым шел хлеб в неплодородную Новгородскую область, главным образом из Поволжья, или низовых земель; поэтому, как только неприятель занимал Торжок и прерывал подвоз хлеба, в Новгороде обыкновенно сейчас же начинала повышаться цена на хлеб, а затем наступал и голод; этим, разумеется, старались пользоваться враги новгородцев.

Умирившись с сестричичем в 1181 году, Всеволод Юрьевич, как мы видели, посадил в Новгороде Ярослава Владимировича, сына безземельного мачешича; этот Ярослав Владимирович сидел в Новгороде недолго и ушел из него вследствие вражды против него одной из городских партий, но затем был снова дважды посажен там сильной рукою Всеволо-

да Суздальского. Ярославом Владимировичем была заложена знаменитая своею живописью церковь Спаса Нередицы, существующая и поныне, близ Новгорода. Во время его же сидения новгородцы совершили свой славный поход на шведов, чтобы отомстить за разбойничьи нападения на наших купцов. В 1188 году новгородцы подняли финское племя корел, пошли морем на шведов, пробрались через проток Стокзунд, над которым впоследствии был выстроен город Стокгольм, нынешняя столица Швеции, и до основания разорили богатый город Сигтуну, увезя из него большие медные ворота, и поныне украшающие храм Святой Софии.

Вообще, в конце XII века, несмотря на частые смены князей и непрерывную борьбу городских партий, новгородцы, при выборе нового князя, вынуждены были уже постоянно считаться с желаниями Всеволода Суздальского, сила и значение которого все увеличивались, и, наконец, они стали принимать к себе его сыновей. Сперва Всеволод посадил к ним одного из младших детей – Святослава, еще младенца; но затем, видя, что дела в Нов-

городе принимают не тот оборот, который он желал придать им, Всеволод Юрьевич отправил туда в 1205 году своего первенца – умного, благородного и храброго Константина, оставив его отъезд большой торжественностью; он благословил Константина крестом и мечом и громогласно заявил, что Новгород – старейшее княжество в Русской земле.

Польщенные этим, новгородцы приняли с большими почестями Константина и поспешили выбрать угодного Всеволоду посадника – Дмитра Мирошкинича, принадлежавшего к семье, издавна преданной суздальским князьям. Все время сидения Константина в Новгороде прошло благополучно.

Когда же в 1209 году он по приказанию отца отправился из Новгорода против рязанских князей и взял с собой Дмитра, то в городе против последнего, и вообще против всех Мирошкиничей, вспыхнул сильный мятеж. Народ обвинял их в ряде поборов и вымогательств; скоро толпа сожгла двор Дмитра и отца его Мирошки и ограбила все их имения. Но месть новгородцев этим не ограничилась; когда прибыло в Новгород тело Дмитра, умер-

шего от ран, полученных в войне с Рязанью, то народ хотел сбросить гроб в Волхов, а когда явился в Новгород Святослав, вновь присланный отцом своим Всеволодом вместо Константина, то граждане целовали на вече крест, чтобы всех Дмитровых приверженцев отдать в заточение князю. Святослав, однако же, отправил Мирошкиничей не в заточение, а во Владимир на Клязьме, где им было оказано покровительство. Тогда новгородцы, конечно, под влиянием стороны, враждебной суздальскому князю, стали всячески выражать свое неудовольствие, чем, разумеется, вызвали Всеволода на крутые меры против себя; он приказал задерживать новгородских купцов, ездивших с товарами по его земле, и не велел пускать из нее хлеб в Новгород.

Последнее обстоятельство скоро поставило новгородцев в крайне тяжелое положение. Но вдруг они совершенно неожиданно получили сильную помощь.

В Торопце, владея незначительным уделом, сидел, уже пришедший в зрелый возраст, князь, до сих пор ничем особенным не отличавшийся. Это был старший сын Мсти-

слава Ростиславовича Храброго, славного своей геройской обороной Вышгорода против войск Андрея Боголюбского и очень любимого новгородцами, у которых он, как мы знаем, и умер в 1180 году. Теперь тридцать лет спустя, в 1210 году, его сын, видя, что дорогие его сердцу, по памяти отца, новгородцы терпят угнетения от Всеволода Суздальского, решил выступить на их защиту, будучи таким же смелым, великодушным и бескорыстным, как и покойный отец.

Он неожиданно напал на Торжок, схватил бояр Святослава Всеволодовича и посадника, державшегося Суздальской стороны, заковал их, отправил в Новгород и приказал послу своему держать на вече такое слово:

«Кланяюсь Святой Софии, и гробу отца моего, и всем новгородцам; пришел к вам, услышавши, что князья делают вам насилие: жаль мне своей отчины».

Новгородцы восторженно приняли это приветствие, посадили князя Святослава Всеволодовича с его боярами под стражу на архиерейском дворе, а Мстиславу Мстиславовичу послали сказать: «Иди, князь, на стол».

Прибывши в Новгород, Мстислав сейчас же собрал войско и выступил на Всеволода. Но когда он сделал несколько переходов, то к нему явились послы суздальского князя, которые сказали ему от него: «Ты мне сын, а я тебе отец; отпусти Святослава с дружиной и отдай все, что захватил, а я также отпущу гостей и товары их».

Конечно, мудрый Всеволод поступил так, не желая подвергать Суздальскую землю всем бедствиям вторжения и вступать в своих преклонных годах в столкновение из-за новгородских дел с отважным Мстиславом. Мстиславу тоже не за что было драться. Они целовали друг другу крест, и обе рати разошлись по домам, после чего Мстислав с торжеством возвратился к Святой Софии, устроив дела Новгорода и не пролив притом ни капли крови. Скоро к имени его стали прибавлять прозвание Удалой.

В 1211 году великий князь Всеволод Юрьевич стал изнемогать и хотел при жизни распорядиться насчет сыновей. Хотя сам он правил долгие годы единовластно Суздальской землей, что, как мы видели, вполне отвечало

стремлению ее жителей, но передать свою власть одному из сыновей, лишив волостей других, он не смог; так сильны были еще понятия об общем владении землею всем княжеским родом.

Сыновей у Всеволода было шесть: Константин, Юрий, Ярослав, Святослав, Владимир и Иван.

Он послал за старшим сыном Константином, княжившим в Ростове, желая ему дать после себя Владимир, а в Ростове посадить второго сына – Юрия. Но Константин не соглашался на это; он непременно хотел оставить за собой и Ростов, который очень любил, по-видимому, с тем, чтобы сделать его старшим городом; особенно привязывал его к Ростову бывший в нем незадолго большой пожар, после которого Константин вложил всю свою душу в дело облегчения бедствий жителей, причем выстроил весь город заново.

Неожиданный отказ старшего сына крайне поразил Всеволода. И вот он решился на дело, по мнению И.Е. Забелина, может быть, самое замечательное за его княжение. Он созвал первый Земский собор от всей земли; на

собор этот были собраны епископ Иоанн, все бояре с городов и волостей, игумены, попы, купцы, дворяне и простые люди. С ними долго и обстоятельно думал Всеволод ввиду отказа непокорного старшего сына. Вместе с тем, разумеется, разрешался важный вопрос: какому городу быть старшим в Суздальской земле, древнему ли великому Ростову или новому мизинному Владимиру; старому ли великому боярству или новым маленьким людям. Наконец, по совету епископа Иоанна решено было отдать старшинство второму сыну Юрию, помимо старшего послушника, причем все люди утверждены были в этом крестным целованием.

Вскоре после этого, 14 апреля 1212 года, Всеволод умер, конечно горячо оплакиваемый всею Суздальскою землею.

Еще при жизни его величали иногда Великим Всеволодом; наименование же Большое Гнездо он получил впоследствии, так как от детей его и внуков пошло все племя северных князей. Прибавляется иногда к имени Всеволода и название Третий, считая Всеволодом Первым отца Мономаха, а Вторым – Всеволо-

да Ольговича.

Дела и жизнь Великого Всеволода, описанные нами, достаточно говорят за себя. Память о нем навсегда останется как об одном из лучших, твердых и мудрых князей Русской земли.

Глава 5

Усобища в Суздальской земле. Мстислав Удалой в Новгороде. Даниил Романович совершает беспрецедентный по трудности поход. Ярослав и новгородцы. Липецкая битва. Пленение Коломана и Фили Прегордого. Захват немцами балтийского побережья. Положение дел в Русской земле перед нашествием татар. Состояние соседних государств. Внутренняя жизнь. Богатыри. Новгородские былины. Церковь. Подвижники. Обыденные храмы

Со смертью Всеволода Юрьевича Суздальского исчезла последняя сила, объединявшая до некоторой степени жизнь отдельных русских земель. Тотчас же как в самой семье его, так и в других местах Руси начались усобицы.

Похоронив отца, Юрий сел во Владимире и освободил рязанских князей, заточенных Все-

володом, причем скоро должен был раскаяться в своей великодушии, так как между князьями этими не замедлила возгореться сильнейшая распря, завершившаяся братоубийством, в котором погибло шестеро из них.

Старший брат Юрия Константин, конечно, не мог примириться с тем, что великое княжение Суздальское досталось не ему, и «воздвиг свои брови со гневом на свою братию, особенно же на Юрия». Усобица между Всеволодовичами началась еще до похорон отца. К Юрию примкнул следующий за ним брат Яро-

слав, сидевший в это время в Переяславле-Залесском; остальные же колебались и приставали то к одной, то к другой стороне. Константин отнял у Юрия Москву, пожег Кострому и захватил еще несколько городов. Но Юрий подошел с полками к Ростову и заставил старшего брата помириться с собою. Мир этот был, однако, неискренний и продолжался недолго.

Тем временем в Новгороде сидел Мстислав Удалой и деятельно служил на благо Святой Софии. Он два раза успешно ходил на чудь к Варяжскому морю, наказывал ее и брал большую дань, отдавая из нее две трети новгородцам, а одну – своей дружине. И новгородцы, и князь жили как нельзя более дружно и не думали разлучаться, как вдруг в 1214 году пришла Мстиславу весть, что Ольговичи, во главе которых стоял Всеволод Чермный, обижают его двоюродных племянников, сыновей умершего Рюрика Ростиславовича, не давая им части в Русской земле.

Мстислав тотчас же созвал вече, поклонился новгородцам, сказал, что идет под Киев выручать свою братию, и предложил вопрос –

не пойдут ли они с ним. Те отвечали: «Куда, князь, ты глянешь, туда мы бросимся головами своими». Затем Мстислав выступил на юг; но под Смоленском, где его приветствовал двоюродный брат Мстислав Романович, свое нравные новгородцы, перессорившись с смолянами, объявили, что они не пойдут дальше. Тогда Мстислав Удалой перецеловался со всеми ними и, ласково откланявшись, пошел дальше с дружиной и смоленскими полками. Пристыженные этим, а также и словами посадника Твердислава, новгородцы скоро одумались и нагнали Мстислава.

Явившись в Поднепровье, Мстислав быстро поправил дела племянников, изгнал Чермного в Черниговскую область, где он скоро умер, посадил в Киеве Мстислава Романовича Смоленского и вернулся в Новгород, восторженно приветствуемый жителями.

Однако, несмотря на все свои услуги новгородцам, Мстислав не мог долго оставаться с ними. Он скоро узнал, что сторона, приверженная суздальским князьям, затевает против него крамолу и собирает уже тайные веча, чтобы изгнать его. Мстислав не стал дожи-

даться этого. Он неожиданно сам собрал вече и объявил на нем: «У меня есть дела на Руси, а вы вольны в князьях» – и покинул город. Подумав, кого принять себе в князья, новгородцы пригласили третьего сына покойного Всеволода Ярослава; он был женат на старшей дочери Мстислава Феодосии, и, таким образом, его избранием могли быть удовлетворены как сторона, державшаяся суздальских князей, так и сторонники Мстислава.

Мстислав же тем временем спешил в Галич. Сюда его звал бывший опекун Даниила и Василька Романовичей, а ныне отец малолетней княгини Галицкой Саломеи Лешко Польский. Он успел рассориться со своим сватом, венгерским королем Андреем, отцом мужа Саломеи Коломана, и решил пригласить Мстислава сесть вместо Коломана в Галиче. Расчет свой Лешко, очевидно, строил на том, что, имея в Галиче своего союзника Мстислава, ему легче будет хозяйничать на Волыни, где, как мы помним, были посажены малолетние сыновья покойного Романа Великого. Это были чудные дети, которые стали теперь подрастать; меньший – Василько мог сидеть

уже на коне, а пятнадцатилетний Даниил поражал всех своим царственным величием, воинской отвагой, необыкновенным благородством, мудростью и огромной способностью к государственным делам. Оба брата были связаны самой нежной, трогательной привязанностью друг к другу, которую неизменно сохранили до гроба.

Что же касается их матери, то она, видя, что сыновья делаются самостоятельными, удалилась вскоре в монастырь, как благочестивым вдовам в те времена и полагалось.

Даниил, конечно, не скрывал своей обиды на венгров и поляков и громко заявлял, что Лешко Польский неправильно держит его города по Бугу, издревле составлявшие Русскую вотчину. Вот против Романовичей, а также и против венгров, засевших в Галиче, и рассчитывал Лешко найти себе союзника в Мстиславе. Но он ошибся. Венгры действительно удалились из Галича, как только к нему подошел Удалой князь, сейчас же его занявший без боя. Но, увидевши Даниила, Мстислав не мог быть его противником. Он сразу пленился необыкновенным отроком, от души полюбил

его, а затем выдал за него и свою младшую дочь Анну, после чего тесть и зять стали жить в самой тесной дружбе. Мстислав сидел в Галиче, Даниил же – во Владимире Волынском.

При этом последний продолжал враждовать с Лешко Польским и настойчиво требовал возвращения Бугской Украины – под Брестом. Скоро он обратился к Мстиславу, прося помощи против Лешко, но Мстислав отвечал ему: «Сын мой, за прежнюю любовь я не могу подняться на Лешко, ищи себе других союзников». Тогда Даниил, вместе со своим неизменным союзником на всю жизнь – юным братом Василько, пошел на поляков и возвратил себе всю Украину под Брестом. При этих обстоятельствах Лешко, будучи уверен, что Мстислав помогает Даниилу, решил порвать с первым и опять сойтись с венграми, которые, видя успехи русских, тоже искали примирения с поляками. Скоро в Галицкую землю вторглось огромное венгерско-польское войско, с целью вновь посадить здесь Коломана.

Узнав об этом, Мстислав рассчитал, что ему будет выгоднее всего выйти из Галича,

полного крамольными боярами, отойти затем к реке Збруч и ударить оттуда в тыл неприятельской рати. В Галиче же он оставил Даниила и приказал идти туда же и двоюродному его брату – Александру Всеволодовичу бельзскому. Но этот бельзский князь, тоже сидевший на Волыни, приходился тестем Лешко Польскому, а потому он принял сторону последнего, и Даниил должен был один отсиживаться в Галиче, который не замедлили окружить поляки и венгры.

Скоро молодой защитник города стал проявлять необыкновенное бесстрашие и воинское искусство и удачно отбивал все приступы неприятеля.

Тогда венгры и поляки решили оставить осаду Галича и обрушиться всеми силами на Мстислава, который, ввиду крайней незначительности своих войск, вынужден был отступить к югу, к нынешнему Каменцу-Подольскому, а Даниилу послал приказ оставить Галич и спешить к нему на соединение.

Получив это почти невыполнимое приказание, Даниил тем не менее приступил к его исполнению. Скоро начался беспримерный

по своей трудности поход. Даниил вышел со своим маленьким отрядом из Галича, а огромная союзная польско-венгерская рать всеми соединенными силами устремилась на него. Трудно было прочистить себе дорогу при выходе из города, но еще труднее было Даниилу идти вниз по Днестру, имея со всех сторон сильные отряды противника. Поляки и венгры преследовали его по пятам, преграждали путь и оспаривали каждый шаг. Нападения их шли беспрестанно; скоро появился недостаток в припасах, а затем наступила и полная бескормица, а между тем приходилось безостановочно двигаться и быть ежедневно готовым вступить в бой с новыми вражьими силами.

Даниил с честью вышел из этого почти безвыходного положения. Как и подобает князю, он всегда был в самом опасном месте, по несколько суток не сходил с коня и сам кидался преследовать противника, когда тот поворачивал, утраченный необыкновенным сопротивлением русских. Бояре и дружина с изумлением и восторгом смотрели на своего вождя, еще не вполне вышедшего из отроче-

ства, и тоже оказывали чудеса храбрости. Тем не менее положение маленького отряда было отчаянным; сельское население, находившееся во власти крамольных галицких бояр, относилось к нему недружелюбно и отказывало в продовольствии.

Однажды Даниил и все его воины совершенно уже погибали от голода, как вдруг увидели обозы с продовольствием, тянувшиеся на торг в город, к празднику святого Димитрия. Они живо захватили их, «насытились обильно и возблагодарили святого Димитрия, „яко накорми я“», – говорит летописец. Затем, подойдя к тому месту Днестра, где им надлежало перейти на другой берег, Даниил не нашел ни моста, ни брода. Положение казалось совершенно безнадежным, как вдруг опять нежданно-негаданно появились торговые суда, шедшие из Олешья. И вот на судах этих наших бесстрашных воинов напоили и накормили вином и рыбою и благополучно перевезли на другой берег.

Наконец, Даниил соединился с тестем. Мстислав Удалой несказанно ему обрадовался, торжественно «великую похвалу сотвори

Данилови» и подарил ему своего любимого коня.

Весело отпраздновав чудесное соединение с зятем, тесть сказал ему затем: «Пока ступай в свой Владимир-Волынский, а уж мы им отомстим весь срам наш». После этого Мстислав отбыл к половцам, чтобы их поднять против венгров и ляхов, и, будучи вдовым, скоро женился на дочери хана Котяна; Даниил же, до новых подвигов, обещанных тестем, отправился к себе на Волынь.

Между тем в Новгороде за время отсутствия Удалого князя произошли большие дела.

Как мы видели, новгородцы призывали, после отъезда Мстислава, его зятя Ярослава, который должен был, по-видимому, удовлетворить желаниям всех сторон. Но скоро новгородцы убедились, что они жестоко ошиблись. Этот Ярослав, выросший в понятиях отца своего Всеволода Суздальского, не мог примириться с новгородскими порядками, тем более что своим нравом он во многом походил на пращура своего Ярослава Мудрого и был таким же страстным и неукротимым, как и

он. Прибыв в Новгород, он сейчас же схватил и заковал двух знатнейших бояр и заточил их в своем городе Твери. Скоро поднялись обычные городские крамолы и убийства. Ярославу показалось это нестерпимым, и он, удалившись в Торжок, или Новый Торг, стал здесь княжить, а в Новгород послал посадника. Повидимому, он хотел сделать то же, что сделали его дядя Андрей Боголюбский и отец Всеволод, то есть, покинув старый город с его вечем и крамолами, возвеличить новый – мизинный.

При этом казалось, что сама судьба благоприятствовала Ярославу, так как мороз побил весь хлеб в Новгородской области, и только на Торжке все было цело. Чтобы сильнее надавить на Новгород, Ярослав не велел пускать туда ни одного воза хлеба с низовой земли. Вследствие этого в Новгороде скоро начался голод, и к Ярославу прибыли трое посланных бояр – просить его приехать к ним опять. Но он ничего не ответил, а посланных задержал.

Голод между тем быстро усиливался и достиг такой степени, что за кусок хлеба стали продавать детей; люди умирали на улицах, и

собаки не успевали их съесть. Тогда новгородцы опять послали к Ярославу двух бояр, но он опять их задержал и приказал только привезти себе из Новгорода жену свою. Наконец, новгородцы послали ему еще раз сказать: «Ступай в свою вотчину, к Святой Софии, а не едешь, так скажи прямо». Но Ярославу, конечно, этого было мало. Он решил вовсе сломить своей железной волей все новгородские порядки и смилостивиться, разумеется, только тогда, когда город отдастся по всей его воле, а потому, не давая ответа, опять задержал посланных и всех гостей новгородских. «И были в Новгороде, – говорит летописец, – печаль и вопль».

Тут опять на спасение новгородцев неожиданно явился Мстислав. Узнав, какие дела творятся в дорогом его сердцу городе, он немедленно бросил юг, прибыл к Святой Софии, схватил посадника, поставленного Ярославом, перековал его людей, въехал на Ярославов двор, поцеловал крест Великому Новгороду и объявил: «Либо возвращу новгородских мужей и новгородские волости, либо голову свою сложу за Великий Новгород». – «На

жизнь и на смерть готовы с тобой!» – восторженно отвечали до слез растроганные новгородцы. Затем он послал доверенного священника сказать Ярославу: «Сын мой, кланяюсь тебе, отпусти мужей и гостей новгородских. Уйди из Нового Торга и возьми со мною любовь!»

Но Ярослав был не из таких, чтобы уступать. Он не только отпустил посла тестя без мира, но приказал еще схватить всех новгородцев, бывших в Торжке, в числе до двух тысяч человек, заковал их и разместил по своим городам, а имение и лошадей раздал дружине.

Известие об этом вызвало опять сильнейшую печаль и уныние в Новгороде. Один только мужественный Мстислав не пал духом. Он велел звонить в вечевой колокол и когда народ собрался, то объявил ему: «Идем, братия, поищем мужей своих, вернем власти ваши! Да не будет Новый Торг Великим Новгородом, ни Новгород Торжком! Где Святая София, тут и Новгород; и в силе Бог, и мале Бог да правда!»

Затем Мстислав быстро собрался в поход и

выступил 1 марта 1216 года, направляясь озером Селигер к Зубцову на Волге, городу, принадлежавшему Ярославу. При этом тотчас же обнаружилось, как велика была рознь и вражда среди новгородцев: несмотря на то что все целовали крест Мстиславу, уже на второй день похода четыре человека побежали к Ярославу. Новгородцы шли в поход не одни; к ним присоединились псковичи с братом Мстислава Владимиром и смоляне с двоюродным племянником Мстислава Владимиром Рюриковичем.

Взявши Зубцов, Удалой еще раз послал к Ярославу с мирными предложениями, но тот отвечал тестю: «Мира не хочу: пошли, так ступайте; на одного вашего придется сто наших». Тогда Мстислав пошел дальше. Князья Псковский и Смоленский советовали ему идти на Торжок, но он вместо того, чтобы воевать в своей Новгородской области, справедливо и благоразумно положил идти прямо к Переяславлю-Залесскому, в середину владений великого князя Юрия Суздальского, союзника Ярослава, причем Мстислав рассчитывал сблизиться также с Константином Ростов-

ским и привлечь его на свою сторону, так как, конечно, знал о худом мире между старшими братьями Всеволодовичами.

Узнав про это движение Мстислава, и Ярослав выступил из Торжка и направился тоже на Переяславль – на соединение с войском брата Юрия; при этом движении Ярун, начальствовавший передовой стражей Мстислава, напал на передовую стражу Ярослава, опрокинул и разбил ее. Затем Мстислав отправил боярина своего Яволода к Константину Ростовскому, приглашая его присоединиться к ним, на что тот охотно согласился. Быстро двигаясь по Суздальской земле, для чего были даже брошены все тяжести, Мстислав с союзниками подошел к реке Колокше и стал близ нее на обширном Липецком поле. Сюда навстречу им вышел и Ярослав с Юрием и младшими братьями и расположились за лесом на Авдовой горе, окружив стан свой плетнем и тыном.

«Страшное было чудо и дивное, братья, – говорит летописец, – пошли сыновья на отца, отец на детей, брат на брата, рабы на господина, а господин на рабов».

Когда Мстислав с братией завидели полки Юрия рядом с Ярославовыми, то послали сказать первому: «Кланяемся; у нас с тобой нет ссоры; ссора с Ярославом». На это Юрий отвечал: «Мы с братом Ярославом – один человек».

Тогда было послано сказать Ярославу, чтобы он отпустил всех захваченных им людей и их имущество и мирился. Но он приказал передать союзникам: «Мира не хочу; новгородцев и новоторжан при себе держу; вы далеко шли и вышли как рыба на сухо». На это, в третий раз, Мстиславом было послано сказать обоим Всеволодовичам, чтобы они соглашались на мир во избежание кровопролития, с тем чтобы посадить Константина во Владимире и взять себе остальную Суздальскую землю. Тогда Юрий велел передать послу следующее: «Скажи братии моей, князьям Мстиславу и Владимиру: пришли, так ступайте куда хотите, а брату, князю Константину, скажи: перемоги нас, а тогда тебе вся земля».

Конечно, настойчивые предложения противников не начинать боя, а помириться были приняты Юрием и Ярославом за их край-

ную слабость. Уверенные в своем несомненном успехе, молодые Всеволодовичи начали пировать с дружиной; один из старых бояр начал было советовать мириться, указывая на блестящие ратные способности и храбрость Мстислава. Но его сейчас же перебили голоса других бояр, заметивших, что речь престарелого боярина не нравится Юрию и Ярославу. Эти льстецы стали доказывать, что если бы пришли сюда силы со всех русских областей, то и они не выбрались бы из Суздальской земли; «а эти-то полки, – говорили они, презрительно указывая на малое число противников, – да мы их седлами закидаем».

Такие речи подействовали на молодых князей опьяняюще. Они созвали своих бояр и указали им, как следует обращаться с добычей после боя, а затем совершили беспримерный, по своей самонадеянности, поступок. Войдя в шатер, они стали распределять волости, которыми будут владеть после победы. «Мне, брат Ярослав, Владимирская земля и Ростовская, – говорил Юрий, – тебе Новгород; Смоленск – брату нашему Святославу, Киев отдай черниговским князьям, а Галич нам

же». Когда младшие братья на это согласились, то все поцеловали крест, а затем стали писать грамоты на это распределение.

Противники их между тем усердно готовились к бою, но на следующий день еще раз предложили мириться, на условиях уступки Константину Владимирского стола. Младшие Всеволодовичи опять отвечали отказом.

Тогда начался бой. Целый день 20 апреля происходили схватки передовых частей, но суждальцы не выходили из своего стана.

На другой день – 21 апреля – Мстислав употребил хитрость, чтоб их выманить; он предпринял притворное боковое движение к Владимиру. Полагая, что он отступает, Юрий и Ярослав стали спускаться с Авдовой горы, чтобы его преследовать. Константин Всеволодович и Владимир Мстиславович Псковский были обеспокоены боковым движением, предпринятым Мстиславом в непосредственной близости Юрия и Ярослава, занимавших Авдову гору, и опасались, что они ударят с нее им прямо в тыл.

Но Удалой Мстислав их успокоил. «Гора нам не поможет, гора нас и не победит. При-

звавши на помощь крест честный и святую правду, пойдём к ним», – сказал он обоим князьям и, внезапно обратившись назад, стал быстро выстраивать полки против спускавшихся суздальцев. Затем, перед самым началом сечи, он объехал с Владимиром Рюриковичем Смоленским ряды своих полков и держал им такое слово: «Братья, мы вошли в землю сильную; так, положивши надежду на Бога, станем крепко, не озираясь назад. Победивши, все равно не уйти. Так забудем про дома, жен и детей. Ведь надо же когда-нибудь умереть! Ступайте, кто как хочет, кто пеший, кто на коне».

На это новгородцы, вспоминая, как их предки дрались на Колокше с Мстиславом Великим, отвечали: «Мы не хотим умирать на конях, хотим биться пешими, как отцы наши бились на Колокше». Затем, сойдя с лошадей, они сняли с себя порты и сапоги и ударились бежать босыми на врагов; за ними устремились и смоляне, также пешими. Скоро поднялся страшный бой – пошли в дело дубины, топоры и засапожные ножи. Вдруг суздальцы побежали, и стяг Ярослава оказался уже под-

рубленным. Тогда Мстислав, видя, что его молодцы досекаются уже и до второго неприятельского стяга и что их надо поддержать, крикнул: «Не дай нам Бог выдать добрых людей», – и все князья разом ударили на противника. Мстислав трижды проехал по вражьи́м полкам, нанося направо и налево страшные удары топором, который был привязан к его руке.

Скоро младшие Всеволодовичи были наголову разбиты. У них пало на месте 9233 человека, кроме множества пленных и раненых; потери же новгородцев и их союзников были ничтожны. Так окончилась знаменитая Липецкая битва.

Юрий, загнав трех коней, прискакал на четвертом во Владимир. Там оставались только духовенство, жены и дети. Видя, что кто-то скачет к городу, все обрадовались, думая, что это гонец с вестью о победе. Но когда увидели, что это князь Юрий, приказывающий скорее укреплять стены, то все смутились и вместо веселья поднялся всеобщий плач. Ярослав, потеряв во время боя свой шлем и броню, тоже загнал четырех коней и прибыл на пятом

в Переяславль. Здесь, готовясь к обороне, он приказал запереть в погреба находившихся в городе новгородских и смоленских купцов, отчего полтораста новгородцев и задохлись.

Между тем Мстислав с союзниками подошел к Владимиру на Клязьме. Некоторые из них стали проситься на приступ, видя, что город горит в разных местах, но Мстислав, не желая кровопролития, не дал своего согласия. На другой же день из города вышел Юрий и помирился со своими противниками. Он уступил старшему брату Константину Владимиру, а сам должен был довольствоваться незначительным Радиловым Городцом на Волге. Ярослав был признан всеми виновником всех обрушившихся бед. Когда союзники подошли к Переяславлю, он послал богатые дары брату своему Константину и просил не выдавать его Мстиславу. Добросердечный Константин желал их примирить. Но Мстислав не захотел видеть Ярослава, а потребовал свою дочь, которую и взял к себе. Потом Ярослав несколько раз обращался к нему с жалобами и просьбами: «Разве не бывает распрей между князьями. Пришли ко мне мою

княгиню». Но Мстислав не отвечал и только спустя много времени отпустил к нему жену, снисходя на его усиленные ходатайства об этом.

Липецкой победой Мстислав уничтожил завещание Всеволода и восстановил старшинство Константина. Но Константин воспользовался этим ненадолго. Он скончался в начале 1218 года, искренно примирившись с Юрием, и передал ему старшинство вместе с попечением о своих детях. При жизни Константин отличался большою добротой, за что и получил наименование Добрый, а также особенной любовью к просвещению.

Вернувшись после Суздальского похода в Новгород, Мстислав опять недолго сидел здесь. В 1218 году он собрал вече и неожиданно объявил: «Кланяюсь Святой Софии, гробу отца моего и вам! Хочу поискать Галича, а вас не забуду. Дай Бог лечь у гроба отца моего, у Святой Софии».

Новгородцы упрашивали его остаться, но напрасно.

В Галиче между тем вновь сидел малолетний Коломан, и под его рукой латинское духо-

венство изгнало православного галицкого епископа и русских священников. Венгерскими же войсками Коломана начальствовал некий вельможа Фильний. Будучи недалек умом, но отменно спесив, он с большим презрением отзывался о русских войсках, говоря: «Один камень много горшков побивает»; говорил он также: «Острый меч, борзый конь – много Руси». Галичане называли его «Филя величавый» или «Филя прегордый». Кроме Филя, делами в Галиче распорядился и русский изменник, боярин Судислав. «Изменниче Судиславе! Мятежниче земли» – не звали его иначе в народе.

Из Новгорода Удалой направился в Киев, прибыв куда он пригласил князей на съезд, побуждая всех идти на Галич, чтобы отнять старинную Русскую землю от иноплеменников – латинян. Сидевший тогда в Киеве Мстислав Романович, внук Блаженного Ростислава, неохотно обещал свое содействие, что, конечно, вызвало к нему охлаждение со стороны Мстислава Удалого, но Владимир Рюрикович Смоленский выразил полную свою готовность участвовать в походе; рад был, разуме-

ется, прибытию тестя и молодой Даниил Романович. Затем Мстислав сходил в степь к тестю хану Котяну, и этот тоже обещал прийти со своими половцами.

Противники Удалого, узнав о его замыслах, также готовились. К Коломану прибыл сильный венгерский отряд. Лешко половину своих сил отправил к Галичу, а другую двинул на Волынь против Даниила и Василька, которые все время терпели чрезвычайные затруднения как от поляков и тестя Лешко Александра Бельзского, так и от ятвягов и литовцев, натравляемых на них поляками. «Не бе им помощи, – говорит летописец, – ни от кого же, разве от Бога, дондеже приде Мстислав с половци».

В самом Галиче величавый Филя и изменник Судислав деятельно готовились к обороне и возбудили величайшее негодование православного люда, когда изуродовали собор Святой Богородицы, обратив его в род крепости, для метания в наступающего неприятеля стрел и камней. Венгры же и поляки братались между собой и клялись «победить или умереть».

Тем временем Мстислав быстро подошел к Галичу, так что Филя едва успел вывести свои войска в поле и выстроить для боя, причем разделил их на два отдельных стана. Искусный в ратном деле Мстислав сразу оценил своим военным глазомером ошибочное расположение Филиных войск и решил воспользоваться этим, чтобы разбить их. Он приказал Владимиру Рюриковичу со смолянами наступать на поляков; сам же стал между ними и венграми, а половцев поставил для действий в тылу.

Скоро началось страшное побоище, в котором наши одержали самую блистательную победу. Половцы кинулись было грабить добычу, но русские беспощадно избивали врагов, в ужасе рассыпавшихся по всему полю. Сам Филя заперся в городской башне, устроенной в Богородичной церкви, и первый прислал переговариваться о сдаче. Однако венгры, запертые с Коломаном в башне, еще не сдавались некоторое время, несмотря на страшную жажду. Тогда Мстислав послал в подарок Коломану целое ведро воды; измученные венгры поделили ее по частям, а за-

тем скоро сдались все до единого, вместе с Филей, Судиславом, Коломаном и Саломеей. Все они были забраны в плен; при этом предатель Судислав, заливаясь слезами, пал в ноги Мстиславу, обнял колени и клялся, что будет ему служить до гроба, как верный раб. К величайшему сожалению, благодушный Мстислав не только не повесил его за измену русскому делу, но дал ему еще на кормление один из городов.

Узнав о гибели своих поляков и о поражении венгров, Лешко поспешил заключить мир, опять «начав иметь великую любовь к Даниилу». А Даниил, обрадованный победою тестя, с малой дружиной прискакал в Галич, чтобы приветствовать его. Весь галицкий народ восторженно величал Мстислава за свое освобождение «ясным соколом» и своим «красным солнышком».

Казалось бы, что светлые дни должны были наступить после этого как для Галича, так и на Волыни. Но это было не так. Скоро, как увидим, опять поднялись «многие крамолы и частые восстания, великие льсти и бесчисленные рати». Главной причиной всему это-

му был благодушный и доверчивый нрав самого Мстислава.

Новгородцы после неожиданного отъезда Мстислава, вторично отправившегося искать Галич, приглашали к себе на княжение Святослава и Всеволода Мстиславовичей, сыновей Мстислава Романовича Киевского. Время их сидения в Новгороде ознаменовалось сильнейшей борьбой сторон, с обычными кровавыми уличными побоищами, причем борьба эта коснулась даже личности владыки. Кроме того, оба князя питали особую вражду к посаднику Твердиславу, которая еще более обостряла городские раздоры. Дело кончилось тем, что Твердислав, будучи совершенно больным и не желая, чтобы из-за него лилась кровь, тайно ушел в монастырь и постригся, а князю Всеволоду был в 1221 году указан путь, причем вместо него был принят другой Всеволод, сын великого князя Юрия Владимировича. Но этому Всеволоду не понравилось сидеть в Новгороде, и он скоро тайно вышел из него.

Тогда новгородцы пригласили к себе вновь брата Юрия Ярославича, того самого, из-за которого они терпели такой страшный голод в

1216 году и которого разбили потом на Липецком поле. Но и Ярослав тоже от них скоро ушел, несмотря на просьбы новгородцев, которые теперь желали, чтобы он у них остался. Ввиду ухода Ярослава они опять попросили к себе Всеволода, сына Юрия, но он опять сидел у них недолго и вновь тайно ушел, возмущенный нескончаемой крамолой и непрерывными кровопролитными схватками граждан. На этот раз Всеволод засел в Торжке и просил отца Юрия прийти на помощь с ратью, чтобы понудить новгородцев силою прекратить усобицу, шедшую у них. Это было в 1224 году.

Конечно, при описанной выше непрерывной смене князей и при нескончаемой борьбе городских сторон, Новгороду трудно было иметь какой-либо успех против внешних врагов, а между тем, кроме чуди, нападения Литвы на земли Святой Софии делались все более и более дерзкими, а затем сильно давал себя чувствовать и новый враг, появившийся в пределах Русской земли.

Этот враг были немцы.

Мы уже говорили в первой части нашего труда, что немецкий император Карл Вели-

кий начал еще в VIII веке ожесточенную борьбу с храбрыми славянскими племенами, сидевшими в западной части балтийского побережья. С тех пор немцы были всегда беспощадными врагами славян, причем в половине XII века один из преемников Карла Великого германский император Конрад Третий объявил Крестовый поход на западных славян – бодричей, любичей и поморян, сражавшихся с немцами с величайшим мужеством, но, к сожалению, в конце концов побежденных ими вследствие своей разрозненности.

Затем немцы стали распространять свое влияние еще более к востоку.

Как мы знаем, древние русские владения по берегам Балтийского моря были заселены различными языческими племенами, частью литовскими (ливы, куры, летты, земигола, или жмудь, и другие), частью финскими (чудь, эсты, водь и пр.); владения эти делились на две половины: северная зависела более или менее от Новгорода, южная – от Полоцка.

Однажды бурей в устья Западной Двины было занесено немецкое торговое судно. Это

было в 1158 году. Местные обитатели ливы встретили его крайне недружелюбно, но после схватки с немцами, причем победа осталась за последними, ливы стали сговорчивее и стали обменивать свои произведения на их товары; эта мена была произведена с такой выгодой для немцев, купцов города Бремена, что они начали уже нарочито заходить в устья Двины с товарами и скоро образовали здесь два укрепленных поселка – Уксукуль и Дален.

Как известно, римские папы, став светскими государями, усердно разыскивали языческие страны, чтобы насаждать в них латинство и затем включать в свои владения. Так и папа Александр Третий, узнав о существовании язычников ливов и об основании немцами в их земле двух поселков, послал сюда искусного проповедника, монаха Мейнгарда. Он отправился в Полоцк к местному русскому князю испросить позволение выстроить в Уксукуле латинскую церковь и крестить в свою веру язычников – ливов. Тот, очевидно не соображая, какие важные последствия может повести это разрешение, согласился, и

Мейнгард стал обращать ливов в латинство.

При этом он стал учить их строить крепкие замки из камня по немецкому образцу, чтобы успешно защищаться в них от врагов. Однако пастве его плохо прививалось христианство; скоро многие язычники начали обнаруживать явно враждебные действия против него, а уже крещеные стали погружаться в Двину, чтобы смыть с себя крещение и отослать в Германию; товарища же Мейнгарда, монаха Феодориха, однажды хотели принести в жертву языческим богам, а другой раз — убить за то, что случилось солнечное затмение.

Видя плохой успех своей проповеди, Мейнгард обратился к папе, прося объявить Крестовый поход для проповеди латинства ливам, но не дождался прибытия крестового ополчения и умер в 1193 году. В этом же году датский король Канут Шестой пристал к эстонскому берегу, утвердился здесь и стал силой распространять латинство. Затем прибыл новый епископ, на место Мейнгарда, по имени Бартольд, но был так плохо встречен туземцами, что поспешил бежать, и вновь обра-

тился к папе, прося скорей объявить Крестовый поход. Папа внял его просьбе и объявил всем отпущение грехов, кто отправится с Бартольдом против ливов. Скоро он прибыл со значительным отрядом и высадился в устьях Двины; туземцы обратились к нему с таким словом: «Отпусти войско домой и ступай с миром на свое епископство; кто крестился, тех ты можешь принудить оставаться христианами; других убеждай словами, а не палками». Но Бартольд не внял их совету; он самолично принял участие в битве, которая произошла вслед за тем, и был изрублен язычниками. Немцы, однако, победили; они страшно опустошили страну, силою крестили туземцев, определили в ней священников и затем удалились. Но как только они сели на корабли, туземцы тотчас же стали окунаться в Двину, чтобы смыть с себя крещение, и выгнали от себя священников.

Вслед за тем прибыл новый епископ; он привез с собой войско уже на 23 кораблях. Имя его было Альберт Бугстевден. Это был человек исключительного ума и силы воли. Он сразу понял, что немцам надо твердо укреп-

питья в стране ливов, чтобы обратить их в христианство и владеть ими. И вот в 1200 году он закладывает у устья Двины город Ригу и обносит его крепкою стеною; затем он едет в Германию, деятельно набирает там поселенцев для нового города и, наконец, испрашивает разрешение у папы Иннокентия Третьего устроить, по образцу бывших в Палестине, военное братство, или *орден* воинствующих монахов-рыцарей. Папа вполне одобрил мысль Альберта, и в 1202 году на нашем балтийском побережье появились рыцари Ордена братьев Меча; они носили белый плащ с нашитым красным мечом и крестом, вместо которого впоследствии началишивать звезду.

Так стали твердою ногою немцы в устьях Западной Двины. Полоцкие князья этому не препятствовали. Разделенные на множество мелких княжений, они были постоянно заняты взаимными усобицами и, конечно, не отдавали себе ясного отчета о всей важности утверждения немцев в наших владениях. Впрочем, они делали попытки брать дань с новых пришельцев и взяли ее в 1203 году с жителей Уксуля.

Затем было со стороны полоцкого князя две попытки овладеть, по просьбе ливов, Ригу, но обе они не удались; при последней из них, предпринятой во время отсутствия Альберта, который выехал в Германию набирать войско, наши чуть было уже не ворвались в Ригу, но в это время как раз на море показались корабли с войсками, которые вел возвращавшийся Альберт, и полоцкий князь должен был уйти ни с чем. Эта неудача русских нанесла страшный удар всему делу туземцев; они убедились, что сила на стороне немцев, и самые упорные из них поспешили принять латинство.

Конечно, одни полоцкие князья, разъединенные между собой и имея, кроме того, опасного врага в литовцах, не могли бороться со сплоченным нашествием немцев, которые с обычной настойчивостью и холодной жесткостью продолжали распространять свои захваты. Скоро захватам этим подверглись и два русских удельных владения по Западной Двине: Кукейнос (нынешний Кокенхузен) и Герсик.

В Кукейносе сидел один из полоцких кня-

зей – Вячеслав. Будучи не в силах бороться с литовцами, он имел неосторожность попросить в 1207 году у Альберта помощи, в случае их нападения на Кукейнос. Епископ согласился. Вскоре после этого один из рыцарей внезапно напал на Кукейнос, захватил жителей, их имение и заключил самого князя в оковы. Альберт заступился за Вячеслава, но потребовал сдачи немцам половины крепости и ввел в нее свои войска. Конечно, это скоро показалось нестерпимым Вячеславу, и он, рассчитывая, что епископ должен отплыть в Германию, стал избивать немцев, хозяйничавших в Кукейносе как дома. Однако, на его несчастье, противные ветры задержали отплытие Альберта в Германию; он быстро подошел к Кукейносу с войском, и Вячеслав должен был зажать свое родовое гнездо, уйти из него со своими людьми и искать с ними спасения от беспощадного гнева немцев в глубине дремучих лесов.

После Кукейноса пал в 1209 году и Герсик, где сидел храбрый и мужественный князь Всеволод, женатый на дочери одного из литовских князей, которую нежно любил. Ре-

шив завладеть Герсиком, Альберт напал на него совершенно нечаянно; Всеволод успел спастись на лодках через Двину, но княгиня его попала в плен. Благородные латинские инок-рыцари вместе со своим пастырем Альбертом пробыли в городе целый день и ограбили его дочиста; снесли из всех углов города платье, серебро, из церквей колокола, иконы и всякие украшения. Затем, уходя в Ригу, они сожгли Герсик. Несчастный Всеволод, видя все это с противоположного берега, жалостно стенал: «Герсик! Любимый город, дорогая моя отчина! Пришлось мне увидеть, бедному, сожжение моего города и гибель моих людей!» Он отправился вслед за епископом в Ригу, назвал его отцом, всех латинян братьями и просил только, чтобы ему отдали жену и всех русских. На это Альберт поставил условие, чтобы он отдал свое княжество навеки в дар ордену и сидел бы в нем как подручник немцев. Всеволод вынужден был согласиться и дал обещание открывать епископу все замыслы русских и литовцев. Но, вернувшись домой, он, само собой разумеется, стал сноситься с литовцами и возбуждать их против

немцев. Тогда последние снова пошли на Герсик и овладели им окончательно, по-видимому, в 1215 году, причем Всеволод был убит.

Особенное ожесточение возбудили против себя немцы во Пскове. В 1213 году псковичи изгнали своего князя Владимира, родного брата Мстислава Удалого, за то только, что он выдал свою дочь за брата епископа Альберта.

После этого Владимир отправился в Ригу, служил некоторое время ордену, исполняя обязанности воеводы в одном округе, но затем раскаялся и вернулся во Псков, где стал опять княжить. В 1216 году он участвовал в Липецкой битве, а в 1217 году ему удалось отомстить своим прежним друзьям. Он отправился с псковичами и новгородцами на чудь и подошел к их главному городу Медвежьей Голове, или Оденпе. Чудь начала слать к русским с поклоном, а в это время навела немцев, которые совершенно неожиданно напали перед рассветом на стан новгородцев. Те, однако, спохватились и выбили немцев, нанеся им большие потери, причем в руки Владимира попал его зять, брат Альберта, которого он и отвел во Псков.

Но, разумеется, это был только частный успех, который нисколько не мог поправить русское дело на балтийском побережье; как мы видели, общей власти над Русской землею не было вовсе, а ближайшие соседи немцев — полоцкие князья и Господин Великий Новгород были ослаблены внутренними распрями. Поэтому только немцы и могли неуклонно подвигаться вперед и прочно захватывать в свои руки древние русские владения.

Наконец, в 1224 году перед ними пало самое старое и самое крепкое русское поселение в Чудской земле, город Юрьев, основанный Ярославом Мудрым. Здесь сидел в это время заклятый враг немцев Вячеслав, или Вячко, который, как мы видели, вынужден был ими покинуть несколько лет перед этим свою вотчину Кукейнос. Конечно, Вячко хорошо помнил свою обиду и не пропускал случая, чтобы нанести из своего Юрьева как можно более зла ненавистным немцам; к нему же стекались все туземцы, недовольные пришельцами. И вот против Вячко собралась вся немецкая сила.

15 августа подошли к Юрьеву и осадили

его все рыцари ордена, слуги Римской церкви, крестоносцы, купцы, граждане рижские, крещеные ливы и летты. Немцы приготовили множество осадных орудий, выстроили из огромнейших деревьев башню, в уровень с городскими стенами, и стали день и ночь вести подкоп. Но Вячко тоже с необыкновенным искусством и мужеством отражал все их попытки взять город и отказался вступить с ними в переговоры. Так продолжалось много дней. Наконец, немцы собрали военный совет, на котором решили: взять Юрьев приступом и, в пример другим русским городам, всех жителей избить или полонить, причем кто первый взойдет на стену, тот получит, кроме множества добычи, и самого знатного пленника, исключая князя Вячко, который будет повешен на самом высоком дереве.

На следующий день последовал приступ. Но он был отбит. Осажденные сделали в стене большое отверстие и выкатили оттуда раскаленные колеса, которые зажгли башню, причинявшую им столько вреда. Однако брату епископа со своими слугами удалось затем взобраться на стену; за ними полезли другие,

потом ворвались ливы и летты, и началась резня. Русские мужественно сопротивлялись, но были наконец перебиты. Из всех мужчин немцы оставили только одного – слугу суздальского князя; они дали ему лошадь и отправили в Новгород, откуда Вячко ожидал помощи, с известием о своей победе.

Это было в 1224 году.

В этом же роковом году появился и другой страшный и невиданный враг. «Се лютая година наступила. Уже бяше Божьяго гневу не противитися: недоумение бо и грозу, и страх и трепет наведе на ны за прегрешения наша... Приидоша языка незнаемая, безбожные Моавитяне, рекомые татары», – в ужасе восклицает летописец.

Перед тем, чтобы перейти к изложению дальнейших грозных и неожиданных событий, потрясших до основания жизнь Русской земли, взглянем, что происходило кругом нашей Родины, ко времени появления татар, и чем она являлась сама.

Мы видели, как немцы, пользуясь внутренними нестроениями на Руси, прочно утверждались на наших берегах Балтийского

моря. Одно время опасными соперниками для них могли быть датчане; как мы уже говорили, Канут Шестой Датский в 1196 году утвердился на эстонском побережье; но немцам удалось скоро справиться с этими соперниками; они обманом захватили на охоте преемника Канута – брата его Вольдемара Второго и несколько лет продержали последнего в заточении, причем за это время почти все датские приобретения на Балтийском море перешли в руки немцев.

Что касается шведов, то они, в рассматриваемые нами времена, не могли соперничать с немцами, так как у них непрерывно шла жестокая и кровопролитная усобица, закончившаяся только в 1222 году – избранием короля Эриха Эрихсона; скоро этот слабый человек подпал под влияние могущественного вельможи – ярла[15] Биргера, который стал приводить страну в порядок и готовить престол собственной семье.

В Польше, со второй половины XII века, как мы указывали, шли также жестокие распри, и она была разделена на четыре больших отдельных княжества; во главе одного из

них, Маковецкого, и стоял Лешко Польский. Вместе с тем поляки были все время заняты и внешней борьбой с опасными соседями: немцами, чехами и литовским племенем – пруссами.

Со смутой и бесправным положением короля среди своих вельмож в Венгрии мы уже достаточно познакомились при описании событий в Галицкой земле.

Ужасающие уобицы и смены императоров происходили в конце XII и начале XIII века и в Греческой земле, причем в 1204 году Царьград был неожиданно взят латинскими рыцарями-крестоносцами, отправлявшимися в новый Крестовый поход, для обратного добывания Иерусалима, который был у них отобран в XII веке мусульманами, воспользовавшимися распрями, постоянно царившими среди крестоносцев в Палестине.

Захват Царьграда был делом рук правителя, или дожа, богатейшего по своей морской торговле города Венеции Генриха Дандоло. Он посоветовал крестоносцам, которые отправлялись в Палестину через Венецию, предварительно овладеть Константинопо-

лем, причем дал им этот совет исключительно в целях собственной своей наживы. Этот Дандоло, увечный и почти слепой девяностотрехлетний старик, самолично распорядился как приступом, так и последующим ужасающим разграблением города.

Рыцари, плавая в крови мирных обитателей Царьграда, позволяли себе неслыханные жестокости и святотатства. Все церкви были ими дочиста ограблены; в числе похищенных святынь были Животворящий Крест и терновый венец Господень, риза Богородицы, глава Иоанна Крестителя, мощи апостола Андрея Первозванного и великих святителей Григория Богослова и Иоанна Златоуста, равноапостольной царицы Елены и святого Иоанна Милостивого. В храме Святой Софии благородные рыцари собственноручно изрубили на части и разделили между собой Святой престол, слитый из золота с драгоценными камнями, в то время как распутная женщина плясала на горнем месте и пела непристойные песни. Когда латиняне творили эти неслыханные кощунства и святотатства, патриарх Иоанн, одетый в рубище, верхом на

осле выехал из залитого кровью несчастного города.

Властолюбивый папа Иннокентий Третий поспешил, разумеется, воспользоваться разрушением Константинополя крестоносцами и удалением из него патриарха и пытался подчинить себе Русскую церковь, но попытка его осталась без последствий, причем митрополиты наши ставились из Никеи, где проживали патриархи до изгнания латинян из Царьграда, что случилось, как мы увидим, в 1261 году.

Во время описанных нами событий на Западе расположенная за Кавказским хребтом единовенная нам Грузия переживала свой золотой век. Здесь, в конце XII столетия, воцарилась необыкновенная женщина – великая Тамара, преданиями о славных делах которой живут грузины и до настоящего времени, приписывая ей все выдающиеся дела в их земле и построение почти всех крепостей и замков. Эта Тамара, очаровательная своим обликом и соединявшая огромный государственный ум с редкой душевной чистотой, была строгой ревнительницей православия и

вела ряд удачных войн с грозными соседями – мусульманскими государями, искусно воспользовавшись тем, что во время ее царствования они должны были постоянно вести напряженную борьбу с крестоносцами. Она всегда лично присутствовала в сражениях, не вмешиваясь, однако, в распоряжения военачальников, но ободряя их и солдат своим ласковым словом и нежной заботой. Конечно, ее воины, сражаясь на глазах боготворимой ими царицы, совершали чудеса храбрости. Тамара сочеталась браком с сыном Андрея Боголюбского Юрием; но Юрий не оценил достоинств своей супруги, хотел царствовать сам над грузинами, поднялся на нее войною и, проиграв большое сражение, был с честью отпущен ею.

Что касается наших соседей – половцев, то с ними постоянно и непрерывно шла тяжелая и утомительная борьба, достаточно нами уже очерченная. Летопись насчитывает 37 значительных половецких нашествий до появления татар; конечно, мелких было гораздо больше.

Постоянно же шла у нас борьба и с пограничными финскими племенами: ее вели как

новгородцы, так и суздальские князья.

Новгородцы имели столкновения с *водью*, обитавшей в нынешней Петербургской губернии; *чудью* – жившей западнее воды, вдоль побережья; *ямью* – населявшей Финляндию, *корелою* – расположенной вокруг Ладожского и Онежского озер, и с финнами, составлявшими население крайних севера и востока Европы: *заволжской чудью, печерой, югрою и пермью*.

В эти дальние страны новгородцы ходили за данью, причем походы их бывали порой и неудачными. Так, новгородские данники потерпели сильнейшее поражение в 1193 году от югры, жившей на Урале, благодаря тому, что их выдал неприятелю свой же изменник, какой-то злодей Савка.

Тут же на далеком северо-востоке, в последней четверти XII века, была устроена новгородскими выходцами независимая община Вятка, наподобие Тмутаракани или Берлада.

Суздальским князьям приходилось воевать с финнами, обитавшими на Волге и ее притоках, главным образом с мордвой и болгарями. Мы уже видели, что Андрей Боголюб-

ский и Всеволод Большое Гнездо предпринимали против болгар несколько удачных походов. После же смерти Всеволода, во время усобиц, возникших среди его сыновей, болгары предприняли сами наступательное движение и взяли у нас в 1217 году Устюг, причем только в 1220 году Юрий Всеволодович Суздальский собрался послать против них сильную рать. Поход этот был успешен и закончился взятием болгарского города Ошела и многих других городов по реке Каме. Обрадованный Юрий выехал сам навстречу своим войскам, щедро наградил их, пировал три дня и заложил в 1221 году для закрепления своих завоеваний город Нижний Новгород, у впадения Оки в Волгу. Он был основан на земле мордвы, с которой поэтому тоже пришлось вступить в упорную и кровавую борьбу.

Кроме борьбы с финскими племенами, в первой четверти XIII века у нас значительно усилились столкновения и с многочисленными воинственными племенами литовскими, которые заметно стали проявлять большую деятельность.

Таково было ко времени появления татар

положение дел в пограничных с Русскою землею странах и государствах.

Как мы видели, в большинстве случаев в них шли не меньшие, чем у нас, усобицы и нестроения.

Переходя к очерку внутреннего состояния нашей Родины к этому же времени, мы должны заметить, что в предыдущем изложении уже достаточно очерчена главнейшая перемена, произошедшая на Руси после кончины Ярослава Мудрого, – разделение власти над землею, и следствия этого разделения: умаление значения княжеского достоинства среди населения, распадение Русской земли на несколько отдельных земель и полное падение Киева.

По внешности же русская жизнь мало отличалась от той, которую мы видели в конце княжения Ярослава Мудрого.

Князя по-прежнему проводили все свое время с дружиною и без совета ее старших мужей – «боярской думы» – не предпринимали ни одного важного дела. Люди дружины так же, как и прежде, могли свободно переходить от одного князя к другому; но, конечно,

при частых сменах князьями столов переходы эти должны были участиться, причем, разумеется, среди дружинников должно было падать чувство преданности к своему князю, а развивалось искание личной выгоды. «Прошли те времена, – говорит летописец, – когда боярин не твердил князю: «мне мало двухсот гривен», а довольствовался жалованьем и говорил товарищам: «Станем за князя, станем за Русскую землю»; тогда жены боярские носили не золотые, а просто серебряные кольца. Ныне другие времена!»

Доходы князя, как и прежде, составляли дани, получаемые с населения, судебные пени и торговые пошлины; кроме того, князья обладали значительными поместьями.

Что же касается бояр, то они главным образом кормились жалованьем от князя; земельные же их владения не должны были быть значительными, ввиду частого перехода дружин из одной волости в другую. Исключение из этого составляли новгородские и галицкие бояре, которые, не следуя за князьями при перемене ими столов, скоро сосредоточили в своих руках огромные земельные богат-

ства и являлись силой, обыкновенно весьма враждебной княжеской власти.

Все население, кроме дружины и духовенства, носило общее название «люди»; крестьяне же обыкновенно прозывались «смердами»; к смердам причисляли также мелких купцов, промышленников и ремесленников. Главное занятие крестьян было земледелие, скотоводство и бортничество, то есть собирание меда в бортях, или старых дуплах деревьев. Крестьяне были людьми свободными. Такими же свободными людьми было и все посадское население, особенно многочисленное в городах Суздальской земли. Кроме свободных людей, были и полусвободные, так называемые «закупы», обязанные за долг отработать известное число лет; наконец, были, как и во всех европейских государствах того времени, рабы, или «холопы», находившиеся в полной воле у своих господ. Рабами делались главным образом неоплатные должники, а также и пленники, захватываемые в многочисленных походах того времени. У князей и бояр рабы эти употреблялись для работы в имениях: они носили общее название «челяди», и мно-

гие из них отличались замечательной преданностью своим господам, что свидетельствует, конечно, о добрых, родственных отношениях, господствовавших между слугами и их владельцами.

Что же касается русских князей, то мы видели, что большинство из них, несмотря на постоянные усобицы между собой, поражают нас своим благородством, мужеством и сердечною добротою. Особенно отличались своими высокими душевными качествами потомки святого Мстислава Великого, как бы передавая их по наследству от отца сыну. Вместе с тем мы должны отметить также рядом с распрями, имевшими место среди преемников Ярослава Мудрого, и много образцов самой трогательной братской привязанности: такою была братская любовь Василька и Володаря, Святослава Ольговича и его несчастного брата Игоря, сыновей Святослава Ольговича – Игоря Северского и Буй-Тура Всеволода и, наконец, юных Даниила и Василька Романовичей.

Почти все наши князья, может быть, за исключением одного Владимирка Галицкого,

были людьми глубоко верующими и своим благочестием служили добрым примером для подданных. Нередко перед кончиной они принимали пострижение и даже схиму.

Вместе с тем в громадном большинстве случаев семейная жизнь наших князей отличалась большой чистотой и привязанностью к своим женам, в полную противоположность тому, что делалось в это время на Западе.

Наконец, надо сказать, что князья наши, так же как и во времена Ярослава Мудрого, получали разностороннее образование, и некоторые из них были действительно высокообразованными людьми. Храбрый Михалко, брат Всеволода Большое Гнездо, мог так же свободно говорить по-латыни и по-гречески, как и по-русски, и превосходно знал Священное Писание, но не любил спорить о вере; замечательным образованием отличался и Ярослав Осмомысл; сын Всеволода Суздальского Константин тоже был необыкновенно начитан; одних греческих книг у него было более тысячи, а краткий Роман Ростиславович Смоленский был до того предан науке и

так заботился о просвещении, устраивая множество училищ, в которых были греческие и латинские учителя, что истратил на это все свое немалое состояние, почему после смерти смоляне должны были хоронить его на свой счет.

Любимым чтением на русском языке, кроме Священного Писания, были многочисленные переводы сказаний о прошлом разных стран, преимущественно с греческого языка; эти переводные сказания, писание которых началось на Руси с XI века, вместе с различными поучениями соединялись в «Изборники», носившие название «Златоустов», «Златоструев», «Измарагдов» и «Палей»; были также и особые сборники «Пчелы», заключавшие в себе изречения отцов церкви и древних мудрецов.

Наконец, были произведения и своих русских писателей. Во-первых, умножилось число летописцев, и до нас с тех времен дошли летописи Киевская, Волынская, Новгородская и Суздальская; первые две отличаются живым изложением и образностью языка; новгородские летописцы выражаются весьма

кратко и отрывисто, а суздальские – страдают деланым, вычурным языком. Сохранились с тех времен и несколько замечательных русских «Поучений» и «Слов». Кроме уже известного нам «Поучения» Владимира Мономаха, дошло до нас поучение, написанное самому Владимиру митрополитом Никифором, рисующее в очень светлых красках облик Мономаха; сохранились также проповеди и молитвы святого Кирилла, епископа Туровского, глубоко проникнутые истинным христианским смирением; затем широким распространением пользовалось и жалобное «Слово» некоего Даниила, заточенного Юрием Долгоруким на озере Лача, в нынешней Олонецкой губернии. Наконец, несомненно, имели весьма большую известность такие произведения, как «Слово о полку Игореве» и песни и былины про богатырей.

Богатырей, служивших всей душой защите слабого и сирого и вообще всякому правому делу, было немало и в рассмотренные нами времена непрерывных усобиц. Благодарное население называло их «Божьими людьми». О некоторых из них сохранились сказания и

в летописях. Так, в летописях говорится о Демьяне Куденевиче, жившем со своим верным слугою Тарасом в Переяславле Южном в половине XII века; о ростовском богатыре Александре Поповиче и его оруженосце Торопе, которые вместе с Добрынею Резаничем, по прозвищу «Золотой Пояс», и другими ростовскими богатырями были в славной Липецкой битве.

Вскоре после этой битвы, глубоко скорбя о княжеских усобицах, Александр Попович собрал у себя всех остальных ростовских богатырей, и они сотворили такой совет: «Если начнем служить князьям по разным княжениям, то все будем перебиты, потому что у князей на Руси великое нестроение и частые междоусобные битвы» – и положили ряд-уговор: всем вместе идти служить единому великому князю – к матери всех русских городов – в Киев, где они и были приняты с большею честью Мстиславом Романовичем Киевским.

Кроме известий о богатырях, сохранились былины и о героях Господина Великого Новгорода, как нам это рисуют новгородские былины: о «Садке, богатом госте» и о «Василии Буслаеве, удалом купеческом сыне». Эти люди

были несколько иного склада, чем богатыри.

В былине о Садке рассказывается, как он, будучи бедным певцом на гусях, потешал своими песнями владельца Поддонного царства, который в награду за это дал ему несметные богатства; тогда Садко сделался именитейшим купцом, причем задал всем знатым горожанам большой пир, на котором хвастал своим богатством:

*Коли будет чем Садку похвасти-
ти,
Так бессчетной золотой казной,
Приносите мне товары в Ново-го-
род
На три дня и в три привода;
И худые то товары все и добрые
Выкуплю в три дня и в три упово-
да,
Не оставлю вам товаров ни на де-
нежку,
Ни на малую полушечку.*

После чего действительно, не стесняясь ценой, Садко скупил все, что только имелось в городе, не оставив даже битых горшков, а затем стал делать щедрые вклады на построение церквей.

Эта былина, конечно, показывает, что главным достоинством человека новгородцы в те времена почитали не воинские доблести и подвиги в борьбе с врагами на защиту Родины и веры, а богатство, приобретенное хотя бы и темными путями от царя Поддонного царства, причем богачи от своего избытка жертвовали и на храм Божий.

Весьма замечательна и былина о Василии Буслаеве. Это был богатый купеческий сын, получивший прекрасное образование в детстве; но как только он подрос, то:

*Стал с ребятами побалывать,
Шуточки нелегкие пошучивать.
За руку ли дернет – ручку выдернет,
За ногу ли хватит – ножку выломит,
В голову ударит – голова со плеч.*

Жители Новгорода были, конечно, им недовольны и просили его мать, старую вдову Мамельфу Тимофеевну, унять сына, грозя иначе, что

Будем унимать всем Новым городом,

*Сгоним Ваську вниз под Волхово,
Сбросим Ваську прямо в Волхово.*

Но Васька не унимался. Напротив, он стал скликать таких же озорников, как и сам, и скоро собрал дружину в тридцать человек, предварительно испытывая каждого, может ли он одним духом выпить полтора ведра водки. С ними Васька выступил в побоище против всего Новгорода, с целью показать свое удальство, причем не только нещадно бил всех попадавшихся под руку, но не постеснялся хватить осиновым колом по голове и своего крестного отца, который вздумал его усовещивать, и только старая мать Васьки могла еле-еле успокоить своего расходившегося сына.

Затем Васька Буслаев решил со своей дружиной отправиться на богомолье в Иерусалим. Но, прибыв в Святую землю, она продолжает проявлять и там свои буйные склонности; попав на гору Фавор и увидев там человеческий череп, Василий с презрением подкидывает его концом своей дубины в поднебесье, за что и получает упрек от этого черепа; затем он идет купаться на реку Иордан и не

обращает внимания на то, что все, чья святость места, ходят в воду одетыми, а сейчас же раздевается донага; наконец, он подошел с товарищами к какому-то большому камню, на котором была надпись, что его следует обходить, а отнюдь не перепрыгивать, так как это грозит лишением жизни. Но и эта надпись ничуть не остановила Василия; напротив, он сейчас же обратился к своим ребятам со следующим словом:

*«Уж давайте-ка вы, братцы, те-
шиться,
Тешиться да забавляться:
Вы скачите поперек камня,
Поперек камня да наперед лицом,
Сам я вдоль скачу назад лицом».*

После этого веселая дружина Буслаева стала тешиться над камнем, и Васька, наконец, допрыгался: во время одного скачка он неловко зацепился ногой, ударился головой о землю и тут же умер. На этом и закончились его подвиги.

Былина о Василии Буслаеве очень замечательна. Она показывает нам, во что могло выродиться у новгородских богачей, под влия-

нием распушенности, являвшейся следствием отсутствия твердой власти над ними, бывшее благородство и величие духа, издревле отличавшие граждан этого славного города. Показывает эта былина нам также, как у пресыщенных богатством людей могли пропадать, под влиянием озорства, религиозное чувство и уважение к святыне.

Но, конечно, такие беспутные новгородские молодцы составляли исключение. Весь же народ, как вообще на Руси, так и в самом Новгороде, был в те времена очень силен своей верой, а паломничество в Палестину, несмотря на все опасности пути, приняло такие размеры, что духовенство наше даже высказывалось против него, конечно, потому, что многие совершенно разоряли свои дома, лишь бы только иметь возможность отправиться поклониться святым местам.

Вообще, ко времени появления татар святая православная вера наша, принесенная нам греками, вполне уже стала чисто народной русской верой и воплотилась в нашу кровь и плоть.

Значение церкви на Руси было очень вели-

ко.

Митрополит Киевский был один на всю Русскую землю, что служило, разумеется, сильным объединяющим звеном для различных земель. К тому же духовенство наше отличалось и весьма большими достоинствами; хотя митрополиты, ставившиеся царьградскими патриархами, и были обыкновенно греками и иногда болгарами (исключая двух русских: Иллариона, при Ярославе Мудром, и Клима Смолятича, при Изяславе Мстиславовиче), но они ставились всегда с согласия киевских князей, и многие из них были истинно праведными людьми.

Православная наша церковь, с первых же времен своего возникновения на Руси, делала все от нее зависящее для умиротворения ее сынов и собирания их воедино. Ее главной задачей всегда было печалование о розни и отсутствии единой братской любви, а также заступничество за всех, в нем нуждавшихся. Во время усобиц митрополиты постоянно «ходили между князьями», стараясь умирить враждующих. Часто на лиц духовного звания возлагались и обязанности послов между во-

юющими сторонами.

Любовь русских людей к своей вере выразилась в те времена, кроме оказания истинно христианской помощи всем нуждающимся и раздачи обильной милостыни нищим, также и сооружением многочисленных храмов, красота постройки которых и поныне возбуждает всеобщее удивление. Расцвела в это время и русская церковная живопись. Последователями первого русского иконописца, преподобного Алипия Печерского, явились главным образом новгородские и псковские мастера, которые, к сожалению, не оставили, из скромности, своих имен на написанных ими иконах. Но многие из этих икон, к великому для нас счастью, сохранились до наших дней, причем всякий, кому доводилось видеть их, конечно, сохранил в своей душе неизгладимое впечатление об их чарующей прелести. Нет никакого сомнения, что иконы наших скромных новгородских и псковских иконописцев могут быть поставлены наряду с иконами величайших и знаменитейших итальянских мастеров.

Монастыри в описанное время были уже

во многих городах, но самым знаменитым, по подвигам своих иноков, продолжал считаться Киево-Печерский. «Всю славу и честь моей кафедры вменил бы я за ничто, чтобы хотя щепкой торчать за воротами или сором валяться в Печерском монастыре», – писал печерскому чернецу суздальский епископ Симон, причтенный за свою праведную жизнь к лику святых.

Затем в большой славе были монастыри Хутынский, близ Новгорода, основанный добровольно удалившимся из мира и долго подвизавшимся в одиночестве святым Варлаамом Прозорливым, и Туровский, в котором проживал одно время святой епископ Кирилл, про писания которого мы говорили; он прошел через необыкновенно тяжкое подвижничество на столпе.

Подвизался также на столпе и преподобный Никита, уроженец Переяславля-Залеского. Он был заведующим сбором податей и беспощадно взыскивал их, притом не столько в пользу своего князя Юрия Долгорукого, сколько для собственной корысти. Проведя так много лет, Никита был однажды сильно

потрясен словами пророка Исаии, читанными в церкви, и страшным видением своей жены; он оставил мир, прошел ряд тяжких подвигов и, наконец, затворился на столпе, надев каменную шапку и тяжелые вериги. Здесь он получил благодатный дар исцелять болезни и принял мученическую кончину от своих родственников, которые убили его, думая, что его блестящие вериги сделаны из золота. Мощи праведника обретенны нетленными и прославились множеством чудес. Они почивают в Никитском монастыре в Переяславле.

Из святых, принадлежавших к членам нашего княжеского дома, отличалась своей благочестивой жизнью святая Ефросиния Полоцкая, в мире Предслава, жившая во второй половине XII века. Она была правнучкой того Бречислава Полоцкого, который ходил воевать Новгород и которого настиг Ярослав Мудрый, сделав изумительно быстрый переход в 700 верст в течение семи суток[16]. Обладая замечательной красотой, Предслава с раннего отрочества стала привлекать к себе многочисленных женихов, но решительно

всем отказывала и, имея только двенадцать лет от роду, тайно удалилась в женский монастырь, где игуменьей была ее тетка; здесь, несмотря на слезы родителей, она постриглась и приняла имя Ефросинии, а через несколько лет испросила разрешение епископа жить в затворе. Находясь в затворе, эта праведница, будучи высокообразованной девушкой, усердно занималась после молитвы списыванием священных книг, которые отдавала в продажу, а деньги, вырученные за них, раздавала нищим. Пробыв известное число лет в затворе, Ефросиния, по особому видению, решила основать близ Полоцка свой монастырь во имя Святого Спаса, куда поступила как ее родная сестра Градислава, так и двоюродная – Звенислава. Будучи уже в преклонных годах, преподобная Ефросиния предприняла паломничество в Святую землю, где и почилa. Ея нетленные мощи были перевезены в Киев и хранились в Печерской лавре до 1909 года, когда они торжественно были перенесены на родину и положены, благоговейно приветствуемые народом, в ею же основанном Спасском монастыре. До сих пор сохрани-

лись изготовленный праведной Ефросинией драгоценный крест и выпрошенная ею у своего родственника, императора Мануила, одна из икон Божией Матери, написанных, по преданию, евангелистом Лукою; она хранится ныне в соборной церкви города Торопца.

Несколько позже святой Ефросинии, в конце XII и начале XIII века, жили муромские чудотворцы – Петр и Феврония. Петр, в миру Давид, принадлежал к роду муромских князей, ходивших в те времена в полной воле сильного суздальского князя. По преданию, он страдал в юности струпьями по всему телу, от чего его вылечила простая крестьянская девушка, дочь «древолозца» бортника Ефросиния. Пленясь ее красотой, умом и добродетелью, князь дал слово на ней жениться, но потом нашел это для себя неприличным. Когда же болезнь возобновилась и Ефросиния опять вылечила его, то он выполнил свое обещание. Скоро муромские бояре предложили ему, считая низким происхождение Ефросинии, или лишиться княжеской власти, или оставить жену. Он согласился на первое и терпел одно время большие лишения; но затем его вновь

призвали на княжение. Здесь оба супруга прославили себя необыкновенно праведной и чистой жизнью, постоянно творя добро, а под старость оба приняли иночество (Ефросиния под именем Февронии) и преставились на Пасху в один день; они оба почивают ныне в Муромском соборном храме в одной раке.

Из только что сделанного краткого очерка русской жизни ко времени появления татар мы видим, что рядом с крайне темными сторонами, являвшимися вследствие разделения власти над землею, в ней было и много хорошего.

При этом надо сказать, что само разделение власти между многими князьями, будучи гибельным для нашей Родины, так как совершенно ослабило ее мощь, принесло тем не менее и известную долю пользы: каждый князь вносил в свою волость просвещение и искусство Киевской Руси и быстро застраивал свой столичный город церквами и другими сооружениями по образцу киевских; при этом частые переезды князей из одной земли в другую и постоянные походы того времени из одного края нашей Родины в другой заставля-

ли и население не замыкаться исключительно в своих местных заботах, а следить с живейшим вниманием и за всем тем, что делалось в разных концах нашей земли, и чувствовать свою принадлежность к одной великой Родине.

Но, конечно, отсутствие единой сильной власти над землею, или взамен ее – глубокого братского единения всех князей между собой, должно было привести к неисчислимым бедствиям при первом же столкновении с сильным врагом.

Это вполне сознавалось всеми лучшими людьми того времени.

Мы видели, как об этом мыслили богатыри, собранные Александром Поповичем на совет после Липецкой битвы. Певец же «Слова о полку Игореве» высказывает по этому поводу следующее:

*От усобиц княжских – гибель Руси
На себя куют крамолу сами,
А на Русь с победами приходят
Отовсюду вороги лихие...
Не добыть вам славы дедовой...
О, стонать тебе, святая Русь,*

*Время прежнее поминаючи,
Поминаючи удалых князей.*

Конечно, и в среде простого народа было немало людей, которые мыслили и чувствовали совершенно так же.

Мы видели, как горячо было предано своим славным князьям население Суздальской земли, за данные ему мир и тишину, и хотя ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод Большое Гнездо не создали и не могли создать никаких новых порядков в деле владения и наследования землею, но память о их твердом, единовластном княжении глубоко запала в народное сердце и, как увидим, принесла впоследствии свои плоды.

Это искание единой высшей власти и братской любви и согласия, бывшее желанием большинства русских людей того времени, весьма ясно сказывается и в построенных ими храмах. Повсеместно сооружались церкви во имя Святых Бориса и Глеба, пострадавших из-за отсутствия братской любви; строились храмы во имя Святой Софии Премудрости Господней, дивно все устрояющей, и, наконец, возводились церкви во имя Живона-

чальной Троицы, выражавшей собою высшее объединение всех сил в единодушии, согласии и любви.

Нет сомнения, что под влиянием глубоко сидевшего в душах русских людей чувства необходимости на деле осуществить высокий завет христианского братолюбия возник в те времена и глубоко умилительный обычай, существовавший только у нас на Руси, – сооружать обыденные храмы.

Храмы эти строились всем миром, причем князь, боярин и челядин принимали совершенно одинаковое участие, и строились они в один день; обыкновенно в ночь с пятницы на субботу начиналась рубка леса и свозка его на место, весь день в субботу шла постройка, а утром в воскресенье в совершенно готовом храме с престолом и иконами служилась уже ранняя обедня. Такие храмы были обыкновенно обетными и сооружались по большей части в благодарность за избавление от какой-либо большой беды: мора, пожара или голода.

Также изумительно быстро, конечно, по обету и всем миром, сооружались и камен-

ные церкви; каменный храм Святых Трех Отроков был начат и окончен в 1219 году в Новгороде в четыре дня.

Вот при таких-то чувствах потребности братского единения во имя общего дела, уже запавших в душу многих русских людей, но при полном отсутствии как единой власти над землею, так и крепкого согласия между князьями, сидевшими в ее различных частях, перед Родиной нашей внезапно предстало тягчайшее испытание. Неизвестно откуда явился злой враг – татары.

Глава 6

Монголы. Чингисхан. Битва на реке Калке. Жизнь в Русской земле после Калкского побоища. Нашествие Батыя. Александр Невский. Его славные победы и великие труды на пользу Родине. Мученическая кончина князя Михаила Черниговского. Даниил Романович и татары. Миндовг Литовский

Глубоко в Азии, у подножья Алтайского и Хинганского хребтов, с незапамятных времен жили многочисленные орды кочевых племен, известных под именем монгол или та-

тар. Уже за двадцать пять веков до Рождества Христова орды эти пришли в столкновение с оседлым и миролюбивым населением Китая, и после борьбы, продолжавшейся несколько столетий, китайцы оградили себя, наконец, от своих беспокойных соседей сооружением известной Великой стены, развалины которой сохранились и до настоящего времени.

После этого монгольские племена объеди-

нились, за два века до Рождества Христова, в могущественное государство и распространили свои владения до Каспийского моря, но затем государство их распалось, и монголы продолжали жить отдельными племенами, неоднократно, впрочем, образуя на непродолжительное время сильные владения.

В 1155 году у князя одной из монгольских орд родился сын, которого назвали Темучин. Этот Темучин еще ребенком лишился отца, наследовал от него сорок тысяч подвластных семейств и рано испытал все превратности судьбы. Беспреданно угрожаемый соседями, он возрастал среди постоянных опасностей и собственным опытом постиг трудную науку жизни.

Скоро Темучин стал питать в своей душе обширнейшие замыслы.

Несомненно, порядки соседнего Китая, страны высокопросвещенной и благоустроенной, были отлично ему известны; в них он заимствовал все, что считал полезным для своих целей в отношении государственного, гражданского и военного устройства.

С другой стороны, Монголия, страна ча-

стью степная, частью гористая и лесистая, предоставляла все для удовлетворения страсти Темучина к охоте, которую он считал лучшей школой войны.

Многочисленные табуны лошадей его народа дали Темучину возможность создать превосходную конницу в 30 тысяч человек, при посредстве которой он стал подчинять себе соседние племена. При этом он быстро обнаружил исключительные дарования как в деле устройства внутреннего управления, так и в области обучения войск военному искусству.

Основными душевными чертами Темучина были безграничная алчность, непреклонная воля и жестокость, ни с чем не сравнимая, но сочетавшаяся при этом с ясным умом, большой образованностью и изумительным знанием людей. Исполинского роста, с широким лбом и длинной бородою, он резко выделялся среди своих подданных.

Когда часть подвластных ему князей задумала было начать против него смуту, то Темучин быстро покончил с нею: он схватил всех непокорных и сварил их в 70 котлах.

«Счастливей всех на земле тот, – любил он говорить, – кто гонит разбитых им неприятелей, грабит их добро, лобкуется слезами людей им близких и целует их жен и дочерей».

Обладая такими особо исключительными свойствами, Темучин не замедлил стать повелителем над всеми монгольскими племенами. Но честолюбие его и алчность отнюдь этим не удовлетворились. Он решил покорить себе весь мир.

В 1206 году Темучин созвал недалеко от истоков рек, образующих Амур, в глубине Монголии, так называемый *курултай*, или торжественное собрание всех подвластных ему князей и вождей, и приказал одному пророчествующему волхву объявить, что велением неба ему предназначено быть великим ханом всех народов и принять поэтому новое имя – Чингисхан.

Затем он стал приводить в исполнение свои замыслы. Его замечательные постановления по военному и гражданскому устройству монголов были изданы в особом своде под названием *Яса*. Этот свод так же свято чтился татарами, как мусульманами состав-

ленный Магометом Коран.

Ввиду предупреждения самовольства, раздоров, междоусобий и насилий и для утверждения порядка и благоустройства подвластные Чингисхану монгольские племена получили строго определенные каждому племени пространства земли для пастьбы стад и перекочевков. В каждом племени кибитки, или семейства, были разделены на десятки, сотни и тысячи, имевшие своих начальников. Воинами считались все способные носить оружие, и поэтому каждый десяток, смотря по надобности, должен был выставлять по одному, двух и более воинов, снабжая их продовольствием и всем нужным для похода.

В войсках были такие же подразделения: на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч; последними начальствовали темники, а подчиненный темнику отряд назывался тьмою; сторожевые же отряды назывались караулами.

Для распределения войск в походе, указания им пути следования и становищ, как во время войны, так и на охоте, для которой собиралось огромное число войск, а также для

расположения летних и зимних кочевков и для сбора сведений о местности, по которой предстояло двигаться, имелись особо назначенные лица. Особые же лица были для передвижения запасов продовольствия, снятия станков, хранения военной добычи и правильного раздела ее, для разбора ссор и споров между воинскими чинами и для многих других надобностей.

Повеления хана передавались через чинов, состоящих при нем, сперва – десятитысячникам, а от них уже тысячникам и так далее.

Все чины войска, не исключая самых высших, подвергались заслушание строжайшим наказаниям.

Беглецы с поля сражения, если только бегство не было общим, немедленно же все умерщвлялись; если из десятка один или несколько человек попадались в плен, а другие их не выручали, то последние умерщвлялись также. Смертная казнь полагалась и за грабеж неприятеля без разрешения на это.

Военная добыча служила главным средством к вознаграждению воинов и заменяла

жалованье, которого войска Чингисхана во все не получали, причем еще сами со своими семействами должны были платить подати лошадьми, скотом и войлоками. Продовольствовались войска во время похода всем забираемым у жителей или стадами, которые гнали за собой; в случае же недостатка припасов питались кореньями и зернами, отыскиваемыми в ямах, в которых они хранились; наконец, устраивались в больших размерах охоты, которые служили и военным упражнением, потому что во время охот соблюдались все военные правила и предосторожности. Ели татары решительно все, так как Чингисхан запретил считать что-либо нечистым, говоря, что в природе все чисто. Покоренные ими народы сохранили предание, что при нужде монголы не гнушались и мясом своих пленных, а будучи осажденными, ели в случае крайности и своих же татар, по жребию.

Вооружение монголов состояло из луков и стрел, секир, копий с крючьями для стаскивания неприятеля с седел, кривых сабель, кожаных или железных шлемов, лат и щитов. Каждый воин обязан был иметь пилку для

острения стрел и копий, шило, иглы, нитки из жил животных, кожаные мешки, или турсуки, для возки вещей и веревки для таскания осадных орудий.

Этими орудиями были пороки, или тараны, для разбития стен, подвижные башни, или гуляй-города, в которых находились воины, различные метательные орудия – камнеметы и громадные луки-самострелы, лестницы для взлезания на стены и всевозможные другие приспособления, употреблявшиеся при взятии городов, в чем татары были весьма искусны[17]. При надобности они заготавливали по несколько тысяч таких приспособлений и орудий.

Умели татары также производить наводнения, отводить воду и устраивать большие подкопы под землю; знали они и употребление зажигательных составов и особых горшков с нефтью – «греческого огня», которым закидывались, с целью вызвать пожары, осажденные города; при этом имеются сведения, что для того, чтобы греческий огонь распространял свое действие сильнее, татары иногда предварительно метали в огромном коли-

честве жир с убитых врагов, а затем на него уже горшки с нефтью.

Войско состояло из конницы – легкой и тяжелой.

Первая назначалась для охраны, разведывания неприятеля и преследования, а вторая – для нанесения решительных ударов. Каждый татарин с детства приучался ездить верхом и в походе должен был иметь по несколько лошадей в заводу.

Для боя монголы строились в несколько линий, имея всегда позади особую часть, так называемый резерв, для нанесения окончательного удара. В передних линиях ставились войска союзников или покоренных народов, а в последующих – свои. Бой начинали издали – сильной и меткой стрельбой из луков, а сблизившись с противником, татары стремительно кидались на него, стараясь охватить с обоих крыльев, для чего растягивали свои линии вправо и влево. Если татары встречали сильный отпор, то притворно отступали, производя при этом сильную стрельбу, а коль скоро замечали, что привели неприятеля в расстройство, то внезапно переходили в на-

ступление, старались его окружить со всех сторон и сильным и дружным ударом нанесли ему окончательное поражение. Вообще, они старались сначала обманывать противника разными хитростями, а потом уже одолевать силою оружия. После победы они немедленно пускались преследовать разбитого врага легкой конницей и избивали всех до единого.

В бою войска управлялись при посредстве труб или разного рода флагов и производили боевые движения с необыкновенною легкостью и быстротой. Начальники же войск следили за ходом боя издали и управляли им большею частью при посредстве особых посыльных; при этом они следили также, чтобы воины, отдельно бежавшие с поля сражения, тут же предавались смерти.

Встречая по пути сильно укрепленный город, татары опустошали прежде всего его окрестности, чтобы лишить жителей продовольствия; затем старались выманить войско, в нем находившееся, в чистое поле и разбить его там. Если же этого не удавалось, то весь город окружался изгородями или даже

валами со рвами, чтобы отрезать ему всякое сообщение с остальным миром. Затем приступали к осадным работам, причем их производили окрестные жители или военнопленные. Этих же людей пускали в первую голову и на приступ; сами же татары шли позади, как бы подталкивая их и беспощадно предавая смерти всех бегущих. Таким образом они брали города, так сказать, покоренными ими народами; свои же войска они щадили.

При этом они прибегали ко всякого рода военным хитростям, обманам, угрозам и не скупились на щедрые обещания. Завладев же городом приступом, нечаянным нападением, лестью или предательством, у татар положено было непреложным правилом: отобрав себе нужное количество сильных и здоровых мужчин в рабы, а также искусных мастеров и ремесленников, остальных жителей, не разбирая ни пола, ни возраста, истреблять всех до единого. Этим они достигали того, что в своем тылу не имели городов с недовольным населением, для усмирения которого необходимо было бы оставлять свои войска.

Перед началом войны Чингисхан всегда

обстоятельно узнавал о свойствах местности, количестве жителей, составе войск, величине имеющихся продовольственных припасов и о внутреннем состоянии тех стран, на которые собирался напасть; он заводил в них тайные связи и склонял, путем подкупа, недовольных вступать в свою службу; необходимые же ему сведения он собирал посредством посольств, торговых сношений и лазутчиков.

Война решалась на курилтае, или торжественном собрании всех важнейших лиц государства; здесь определялся как состав войск, нужных для похода, так и места их сбора, пути следования и прочее. Затем все распоряжения быстро передавались по стране посредством почты, устроенной Чингисханом во всех значительных местах своих владений.

Когда все было готово к походу, то Чингисхан предлагал государю неприятельской страны, коротко, но ясно и грозно, либо покориться ему безусловно, либо лишиться всего без исключения. В первом случае покорившийся был обязан дать заложников, допустить исчисление своего народа, принять

монгольских правителей и давать десятую часть с произведений земли, десятую голову со скота каждого наименования и десятого отрока и девицу со своего населения. Если же согласия на покорение не изъяслялось, то Чингисхан немедленно открывал войну — вторжением в неприятельский край с нескольких сторон сразу, чем приводил противника в недоумение, где ему следует встретиться с главными силами монголов, тем более что легкие татарские отряды шли далеко впереди своих главных сил и, широко расходясь по стране, составляли как бы завесу для своих войск, двигавшихся позади.

Широкие реки нимало не останавливали монголов; они переплывали их вплавь, держась за хвосты лошадей и привязав себе вокруг тела оружие и турсуки.

Поход свой начинал Чингисхан обыкновенно осенью, когда лошади и верблюды его после летней пастьбы были в хорошем теле.

Опустошение неприятельской страны и истребление ее жителей, носивших оружие, составляло одно из главных военных правил Чингисхана; в захваченных же городах, как

мы уже говорили, умерщвлялись поголовно все, кроме лиц, необходимых для службы самим же татарам; кроме того, Чингисхан щадил и духовенство, рассчитывая этим иметь его на своей стороне для влияния на оставшееся в живых население; все же знатные пленники, так называемые лучшие люди, избивались обыкновенно без малейшей пощады. Вообще, о пощаде Чингисхан выражался, что она имеет только одно неизменное следствие: вызывать сожаление о том, что была оказана.

Таково было военное устройство и военное дело у монголов, обязанных этим исключительно одному только человеку – Чингисхану.

Правда, сами монголы как нельзя более ответственности всем порядкам, заведенным у них Чингисханом, и не было ни одного народа в мире, который отличался бы таким послушанием и уважением к начальникам своим, как татары, говорили все видевшие их современники. Воздержание и терпение их были чрезвычайны; случится день, два не поесть – ничего; поют и играют, как будто сытно

пообедали; легко переносили они также холод и жару. Кроме того, будучи от природы крайне нечистоплотными, они легко же мирились и со всей обстановкой войны, порой весьма неприглядной. Татары были ласковы и приветливы друг к другу, но зато необычайно свирепы, гневливы, лживы и коварны по отношению к другим; все они были, конечно, врожденные убийцы. Татарские женщины и девушки пользовались уважением и влиянием; на них лежали все хозяйственные заботы, но вместе с тем все они отлично ездили верхом и носили лук и стрелы; при этом многие из них отличались большим сквернословием. Жен татарин мог иметь столько, сколько был в состоянии прокормить, причем женились, не разбирая родства, не беря за себя только собственную мать, дочь и сестру от родной матери. Жили татары в круглых юртах, сделанных из хвороста и тонких жердей и покрытых войлоком; юрты эти обыкновенно легко разбирались для похода или же возились на телегах как есть. Юрты были всегда открыты и не запирались, так как между своими татары не воровали.

Татары признавали существование единого Бога, но ему не молились, а приносили жертвы идолам, помещаемым против входа в юрту; обожали солнце, луну и звезды, верили в заклинания и были, вообще, очень суеверны; но к религиям покоренных ими народов относились безразлично.

Таковы были подданные Чингисхану монголы. Они стали быстро доставлять ему ряд блестящих побед; скоро он покорил Китай, взял и разгромил столицу его Пекин и, заключив с китайским императором мир в 1211 году, двинулся на запад, против могущественной магометанской державы Ховарезмийской, объединявшей собой владения Хивинские, Бухарские и большую часть Персидских.

Здесь, в густонаселенной и высокообразованной стране, покрытой обширнейшими цветущими городами, произошел ряд кровопролитных сражений, сопровождавшихся столь губительным опустошением, что страна эта уже никогда впоследствии не могла достигнуть своего бывшего цветущего состояния.

Чингисхан, по обыкновению, двинулся на Ховарезмию с огромными полчищами своих

татар. Когда он подошел к городу Самарканду, в котором находилось одних войск до 100 тысяч человек, то жители хотели соорудить вокруг него новые рвы; но их повелитель, храбрый султан Ховарезмийский, послал им сказать, чтобы они избавили себя от напрасного труда, так как монголов столько, что они одними своими кнутами наполнят все рвы. Скоро Самарканд, Хива, Термез, Балх обратились в груды трупов и развалин, а города эти были по своим размерам таковы, что в одном только Балхе было 200 бань для странников и 1200 мечетей.

Через три года Ховарезмия была окончательно покорена и опустошена от реки Инд до берегов Каспийского и Аральского морей. Все это было совершено полководцами Чингисхана; сам же он оставался большею частью в Самарканде и устраивал в его окрестностях замечательные охоты. Целые народы были собираемы для того, чтобы стогнать сотни тысяч диких зверей, которых убивал и пожирал Чингисхан со своими придворными. Рядом с этим он усердно знакомился с бытом покоренных им народов и часто беседовал с

их учеными и мудрецами.

Покорив Ховарезмию, Чингисхан собрал большой курилтай, на котором показался во всем блеске своей славы. Торжество происходило на громадной равнине, и хотя местность имела 49 верст в окружности, но едва могла вместить одни только шатры всех прибывших князей.

Во время описанных охот и торжеств Чингисхан не переставал деятельно готовиться и к дальнейшим своим походам.

Еще в 1220 году, осаждая Самарканд, он послал своих полководцев Чжебе и Субутая с 30 тысячами конницы захватить бежавшего ховарезмийского султана Магомета, который после многих бедствий и скитаний укрылся на одном из островов Каспийского моря и умер в такой крайности, что не во что было завернуть его тело; при этом перед самой смертью он имел горе узнать, что семья его взята татарами, все сыновья убиты, а дочери отданы победителям.

Преследуя несчастного Магомета, Чжебе и Субутай, обогнув с юга Каспийское море и не отыскав его, двинулись через Персию в Гру-

зию, разоряя все по пути. Храбрые грузины, следуя заветам своей великой царицы Тамары, смело встретили врага, но были наголову разбиты под Тифлисом; затем они вышли еще раз против татар и были еще раз разбиты; после этого татары, взяв Дербент, стали переходить через Кавказский хребет для дальнейшего своего движения к северу. Это было в 1223 году.

Здесь татары были встречены местными яскими и другими воинственными горскими племенами, пригласившими себе в союзники половцев. Положение татар, окруженных со всех сторон неприятелем в неприступных горах, стало отчаянным. Но им пришла на выручку обычная бесчестность половцев. Они жадно склонились на дары, предложенные им татарами, и вероломно покинули своих союзников, после чего татары разбили последних, а затем двинулись и вслед за половцами, расходившимися без всяких предосторожностей по своим кочевьям, и тоже наголову разгромили их.

Тогда половцы, в ужасе уходя от шедших за ними следом татар, кинулись за помощью

к русским.

И вот к Мстиславу Удалому, сидевшему в это время в Галиче, где коварные бояре, его окружавшие, сумели вызвать в нем охлаждение к Даниилу Романовичу и убедили обручить его самую младшую дочь с малолетним венгерским королевичем Андреем, братом Коломана, неожиданно прибежал тесть, половецкий хан Котян, и стал усиленно просить о помощи против татар, о которых никто ничего не знал на Руси.

Мстислав Удалой, конечно, согласился, и скоро по его приглашению в Киеве состоялся большой княжеский съезд для решения вопроса об общем походе против нового неслыханного врага. Половцы усиленно задаривали князей конями, верблюдами, буйволами и невольницами; они говорили: «Если не поможете нам, то сегодня мы будем иссечены, а завтра вы».

На съезд собрались трое старших князей – Мстислав Романович Киевский, Мстислав Мстиславович Галицкий, бывший душой съезда, и Мстислав Святославович Черниговский, а также много младших князей; в числе

последних были уже знакомый нам Мстислав Ярославович Пересопницкий, по прозванию Немой, Всеволод Мстиславович – сын Киевского князя, Михаил – сын покойного князя Всеволода Чермного и Даниил Романович Волынский; брата же его Василька, за молодостью лет, не было. Не было также и великого князя Юрия Всеволодовича Суздальского; но на решение съезда он прислал свое согласие.

После продолжительного обсуждения съезд постановил: «Лучше нам принять татар на чужой земле, чем на своей». Затем все стали деятельно готовиться к большому общему походу. Войска собралось очень много. Выступили и все божьи люди – 70 богатырей, приведенных в Киев Александром Поповичем. Конница шла степью, а пехота спускалась по Днепру на ладьях. Судов было столько, что по ним можно было пройти пешком с одного берега Днепра на другой. Галицкие воины и часть волынских спустились по Днестру, переплыли Черное море и поднялись по Днепру до порогов, где ожидали соединения с остальными.

Шел отряд и от Юрия Суздальского. Его вел

нежно любимый им племянник, почти отрок, Василько, сын покойного старшего брата Константина; но отряд этот несколько опоздал в своем движении и не успел соединиться с остальными нашими силами.

Проведав про поход русских, татары прислали нашим князьям послов, которые держали такое слово: «Слышали мы, что вы пошли против нас, послушавшись половцев, а мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел, на вас не приходили; пришли мы попущением Божиим на холопей своих и конюхов, на поганых половцев, а с вами нам нет войны; если половцы бегут к вам, то вы бейте их оттуда и добро их себе берите; слышали мы, что они и вам много зла делают, потому же и мы их отсюда били». Русские этим словам веры не дали, а самих послов перебили. Когда войска наши стояли на Днепре, не доходя Олешья, то татары прислали новых послов, которые объявили: «Если вы послушались половцев, послов наших перебили и все идете против нас, то ступайте, пусть Бог нас рассудит, а мы вас ничем не трогаем». На этот раз послы были отпущены живыми.

Когда собрались все полки русские и половецкие, то Мстислав Удалой с тысячей человек перешел Днепр и обратил в бегство татарских сторожей, причем было захвачено несколько людей, выданных половцам на смерть.

После этого все князья переправились через Днепр; скоро дали знать, что появились татары осматривать наши ладьи. Даниил Романович с половцами поскакал их смотреть. Вернувшись в стан, все стали рассуждать о татарах; большинство склонялось к мнению, что враг не страшен, даже хуже половцев, но опытный галицкий воевода, Юрий Домамерич, утверждал, что они хорошие воины. А между тем татары все отходили назад; стрельцы наши встретили их тыловые отряды в половецком поле, победили их и, захватив много скота, пригнали его к своим полкам. Ободренные этим успехом русские продвигались все дальше и дальше вперед и, наконец, дошли до реки Калки, впадающей в Азовское море. Здесь был встречен опять небольшой татарский отряд и был опять отогнан нами.

Тогда Мстислав Удалой, идя в сторожах, приказал Даниилу Галицкому перейти реку, а вслед за ним перешел ее и сам, послав вперед половцев с их вождем Яруном; прочим же князьям об этом движении не было дано знать, и они стали станом. Последнее было сделано Мстиславом Удалым, как говорит летописец, чтобы одному одержать победу, так как у него была ссора с Мстиславом Киевским; но возможно и другое объяснение: идя далеко впереди в сторожах, Мстислав, может быть, и не мог своевременно известить киевского князя о появлении противника, потому что не успел он с Даниилом Романовичем перейти реку, как сейчас же появилось огромное количество татар, готовых к бою. Это было 16 июня 1224 года.

Завидя врага, двадцатитрехлетний Даниил Романович, в сердце которого с детства глубоко запали слова Писания: «Медляй на брань страшливу душу имат», разгорячил своего коня, вынесся вперед и первый врубился в татарские ряды: скоро он был ранен в грудь, но, сильный своею молодостью и воодушевленный боем, он не заметил раны и продолжал

рубиться с врагами, бешено на него наседавшими со всех сторон. «Бе бо дерз и храбор, от главы и до ног его не бе на нем порока», — примечает летописец по этому поводу.

Видя опасность, в которую попал Даниил, двоюродный дядя его, любивший доблестного племянника своего как родного сына, князь Мстислав Немой кидается ему на выручку. С другой стороны храбрейший князь Олег Курский наносит страшные удары татарам. Конечно, и наши славные богатыри оказывают чудеса храбрости. Битва делается все ожесточеннее и ожесточеннее. Уже победа, по-видимому, могла склониться на нашу сторону. Но вдруг побежали презренные половцы и стали топтать станы остальных князей, которые не успели еще построить полки для боя. Это решило дело в пользу татар. Скоро они нещадно начинают избивать полки Мстислава Удалого и Даниила, конечно окружив их со всех сторон после бегства половцев.

Поражение русских было такое, какого не бывало еще от начала Русской земли. Мстислав Удалой, Даниил Романович и немногие из бывших в сечи успели бежать в направле-

нии к западу; при этом, только нагнувшись к речке, чтобы напиться воды, Даниил заметил свою рану. Доблестные же наши богатыри все до единого сложили свои головы.

Видя бедственное положение части нашего войска, дравшегося под начальством Удалого и Даниила, князь Мстислав Киевский, с зятем своим Андреем и князем Александром Дубровицким[18], по неизвестным причинам не двинулся с места; он стоял на горе над самой Калкой и оградился здесь со всех сторон кольями.

Татары, направив часть своих сил для преследования бегущих, другою частью осадили Мстислава Киевского, который успешно отбивался от них три дня, пока дело не решило предательство. Вместе с татарами были и *бродники*, православные обитатели низовьев Дона, о которых мы уже упоминали. Воевода этих бродников, Плоския, целовал крест Мстиславу и другим князьям, что если они сдадутся, то татары их не убьют, а отпустят на выкуп.

Князья поверили, сдались и были задавлены: татары подложили их под доски, на кото-

рые сели обедать.

Шестеро других князей погибло во время бегства к Днепру, и между ними князь Мстислав Черниговский с сыном. Мстиславу же Удалому с Даниилом Романовичем удалось с большим трудом уйти за Днепр. Вообще, вернулось домой не более одной десятой части ходивших на Калку.

Татары преследовали до Новгорода Святополчского[19], после чего вернулись назад. Жители русских городов и сел, лежавших на их пути, выходили им навстречу, но все были убиваемы. «Погибло бесчисленное множество людей», – говорит летописец.

Юный же племянник Юрия Суздальского Василько Константинович Ростовский, подойдя к Чернигову и услышав о Калкском побоище, вернулся назад.

Так окончилась наша первая встреча с татарами. В битве под Калкою сказались полностью все порядки тогдашней Руси: много храбрейших героев и полное отсутствие единства; не было ни общего начальника над русскими войсками, ни сознания у вождей, что при встрече с врагом необходимо действо-

вать сообща, а не врозь.

Скоро после своей победы татары исчезли, и о них ничего не было более слышно.

В Русской земле продолжалась прежняя жизнь. В Киеве, после бедственной кончины Мстислава Романовича, сел его двоюродной брат Владимир Рюрикович, и скоро в Поднепровье опять поднялась старая усобица между Мономаховичами и Ольговичами.

Мстислав же Удалой, вернувшись в Галич, попал опять в среду своих крамольных бояр, которые стали вновь его возбуждать против зятя Даниила Романовича Волынского; в этом же направлении влиял на доверчивого Мстислава и давнишний враг Даниила – князь Александр Бельзский. Они уверяли Мстислава, что зять ищет под ним Галича и хочет его убить. Скоро началась горестная усобица между двумя самыми доблестными и знаменитыми князьями; Мстислав привел половцев; Даниил – поляков; впрочем, в усобице этой больше всего пострадала волость главного заводчика смуты – князя Александра Бельзского. Наконец, Мстиславу открыли глаза, что Даниила оклеветали перед ним, и он прими-

рился с зятем. Но смута в Галиче продолжалась, поддерживаемая бессовестными боярами, уже знакомыми нам, – Судиславом и Глебом Зеремеевичем. Наконец, они уговорили Мстислава ускорить брак его младшей дочери с венгерским королевичем Андреем, который был еще мальчиком, и отдать им Галич, конечно, для того, чтобы за малолетством королевича заправлять самим всеми делами.

«Князь, – говорили коварные советники, – сам ты не можешь держать Галича: бояре не хотят тебя. Если отдашь его королевичу, то возьмешь его назад, когда захочешь; если же отдашь Даниилу, то уже никогда не будет больше твой Галич, потому что народ крепко любит Даниила». И Мстислав послушал их и отдал Галич малолетнему Андрею с супругой, то есть тем же крамольным боярам, а сам взял Понизье[20] и удалился в Торческ.

Он скоро раскаялся в своей недалекости и послал сказать Даниилу: «Сын! Согрешил я, что не дал тебе Галича, по совету льстеца Судислава; обольстил он меня. Но если Богу угодно, то дело еще можно поправить». Однако уже до самой смерти он попра-

вить его не мог и умер, так и не успев пови-
даться с Даниилом. Он скончался в 1229 году,
приняв перед смертью схиму.

После смерти Удалого главные события в
Галицкой земле неразрывно связываются с
именем доблестного Даниила Романовича.
Судьба продолжала окружать его со всех сто-
рон врагами и всевозможными опасностями;
но он мужественно шел им навстречу, при-
чем во всех случаях своей жизни руковод-
ствовался чувствами своей благородной ду-
ши и, как мы увидим, не запятнал себя ни од-
ним низким поступком.

Вскоре после сражения под Калкой Мсти-
слав Немой передал Даниилу свою Пересоп-
ницкую волость; из-за этого у него возникла
вражда с троюродным братом своим Яросла-
вом Ингваревичем, отец которого сидел ко-
гда-то в этой волости; однажды Даниил,
едучи на богомолье, повстречался с этим Яро-
славом, и его бояре стали тотчас же совето-
вать захватить Ярослава, но он с негодовани-
ем отверг эту коварную меру.

Затем, после смерти Мстислава, Даниил
овладел Понизьем; это подняло против него

цельный союз южнорусских князей, во главе с киевским князем Владимиром Рюриковичем, отец которого был когда-то насильно пострижен отцом Даниила – Романом Великим. Теперь Владимир Рюрикович хотел мстить за обиду отца и составил союз из многих князей, а также пригласил половцев и пошел на Даниила. Митрополит Кирилл тщетно старался отвратить это междоусобие. Но Даниил, послав просить помощи у поляков, быстро успел затем привлечь на свою сторону половецкого хана Котяна, после чего киевский князь должен был заключить с ним мир.

В следующем, 1229 году умер Лешко Польский, убитый своей же родней, причем под конец жизни он был верным союзником молодым Романовичам. Помогая за это его брату Конраду в возникшей в Польше усобице, Даниил двинулся со своими войсками к городу Калишу и принял участие в его осаде, причем жители стали скоро просить о пощаде. Тогда, желая узнать настроение, царившее в городе, Даниил, закрыв лицо забралом своего шлема, въехал в Калиш и, будучи принят за поляка, в сопровождении одного только польского

вельможи, смело отправился на вече; когда там стали говорить, не подозревая о его присутствии, что только из-за него калишане не получают мира, причем его тут же бранили, то Даниил громко рассмеялся и открыл свое лицо перед изумленным вечем, из среды которого раздались затем голоса: «Смилуйся, помирись», после чего Даниил дал жителям Калиша не только мир, но и заключил с ними дружеский договор.

В том же 1229 году Даниилу удалось изгнать из Галича королевича Андрея и сесть самому на стол отца своего; но положение его в городе было крайне непрочным; изменник Судислав, про которого мы уже неоднократно упоминали, отправился в Венгрию и навел большое войско на Галич, предводительствуемое самим королем. На этот раз Даниилу помогло само небо; начались страшные дожди, лошади тонули в грязи, кожа у венгров падала с ног, как обувь, и они принуждены были повернуть назад. Сейчас же затем, однако, начались внутренние смуты. «Скажем многих мятеж, великие льсти, бесчисленные рати», — опять говорит летописец, начиная описывать

это время жизни Даниила.

Действительно, положение его было очень трудным. Однажды бояре решили убить Даниила и собрались уже в его тереме, чтобы стовориться как бы его поджечь, и только молодой Василько случайно спас брату жизнь; он вошел в комнату с обнаженным мечом и в шутку кинулся на боярских слуг; бояре же, видя это, подумали, что их заговор открыт, и в ужасе бросились бежать. Вслед за тем Даниил был приглашен к одному из заговорщиков обедать и тоже, только случайно, узнал, что его собираются там убить. Открыв боярский заговор, Даниил великодушно простил виновных; но это нисколько их не образумило, а только усилило дерзость крамольных вельмож, причем однажды за столом один из них позволил себе даже плеснуть Даниилу вином в лицо.

Наконец, у Даниила из всей дружины осталось верными только 18 отроков. С ними он должен был выступить в поход против своего злейшего врага – князя Александра Бельзского, спешившего воспользоваться его трудным положением; по дороге старый дядька-корми-

лец Даниилов Мирослав привел еще несколько отроков, а затем к нему примкнуло, для вида, и еще несколько неверных бояр. Конечно, с таким воинством невозможно было успешно действовать и против одного Александра Бельзского, а между тем на Даниила снова поднялся и венгерский король, который затем быстро овладел не только Галичем с подвластными ему городами, но и Владимиром Волынским, исконным владением Романовичей.

Тем не менее и в этих исключительно трудных обстоятельствах Даниил не падал духом, а продолжал, поддерживаемый своим верным братом Васильком, мужественно бороться с венграми и сумел своею настойчивостью вести эту борьбу так успешно, что даже его старый враг Александр Бельзский нашел для себя выгодным перейти на сторону Романовичей, впрочем ненадолго.

Только в 1233 году, после смерти венгерского королевича Андрея, удалось Даниилу сесть в Галиче.

Однако и после этого ему не стало спокойнее, так как он тотчас же принял участие в

распре, шедшей в это время между Мономаховичами и Ольговичами, и ходил с Владимиром Рюриковичем Киевским против сына Черного – Михаила Всеволодовича Черниговского.

Возвращаясь назад из этого похода, Владимир Рюрикович стал усиленно просить Даниила идти помочь ему против половцев; просьбу эту поддерживал также и Даниилов дядька-кормилец Мирослав. Даниил указывал на страшную усталость своих войск, но затем согласился. Когда же они встретились с половцами у Звенигорода, то сами, Владимир Рюрикович и Мирослав, стали его отговаривать от боя, говоря, что войска сильно утомлены.

На это Даниил отвечал им с гордостью: «Воин, вышедший раз на брань, должен победить или пасть; прежде я сам отговаривал вас идти в поход, а теперь вижу, что вы трусы; разве я вам не говорил, что не следует выходить усталым полкам против свежих? А теперь чего испугались? Ступайте!» Сеча была злая, и половцы победили. Под Даниилом была убита лошадь, а Владимир Рюрикович Ки-

евский и Мирослав попали в плен.

После этого в Галиче поднялась такая смута, что Даниил должен был удалиться к своим бывшим врагам – венграм, с которыми примирился после смерти королевича Андрея, а на Волыни оставил брата своего Василька.

В Галиче же сел Михаил Всеволодович Черниговский, а в Киеве племянник его Изяслав Владимирович, внук Игоря Северского, героя «Слова о полку».

Владимиру Рюриковичу удалось скоро ускользнуть из половецкого плена, но вернуть себе Киев ему уже больше не пришлось. Из-за Галича же между Даниилом Романовичем и Михаилом Черниговским поднялась ожесточенная борьба, непрерывно шедшая в течение нескольких лет, причем город неоднократно переходил из рук в руки, пока в распрю эту не вмешался брат Юрия Суздальского, хорошо знакомый нам пылкий и неукротимый Ярослав Всеволодович.

Ярослав захватил Черниговскую волость и занял Киев. Скоро, однако, он быстро его оставил. Страшные вести пришли о новом втор-

жении татар, на этот раз с севера.

Михаил же Черниговский, узнав о хозяйничанье Ярослава в своей отчине и о занятии им Киева, а также и о поспешном его выезде оттуда, решил сам двинуться к Киеву, а в Галиче оставил своего сына Ростислава. Но Ростиславу пришлось недолго посидеть в Галиче. Скоро появился под городскими стенами Даниил и стал говорить жителям: «Люди городские, до которых пор хотите вы терпеть державу иноплеменных князей». Те закричали в ответ: «Вот наш держатель, Богом данный» – и пустились к Даниилу, «как дети к отцу, как пчелы к матке, как жаждущие воды к источнику». Крамольные же бояре должны были «с ослабленным лицом и облизывая губы» явиться к Даниилу и поневоле сказать ему: «Приди, князь Даниил, прими город».

Так опять сел в Галиче мужественный Даниил в страшный год вторичного появления татар в Русской земле. Это было в 1238 году.

Во время только что описанной непрерывной борьбы в Поднепровье и в Галиче, шедшей после битвы под Калкою, на севере Руси шла не менее беспокойная жизнь.

Мы прервали наш рассказ о событиях в Новгороде на том, что в 1224 году сын великого князя Юрия Суздальского Всеволод, не будучи в состоянии переносить новгородские порядки, вторично тайно оставил город и на этот раз, по примеру дяди Ярослава, засел в Торжке, куда пришел к нему на помощь и отец со значительными силами.

Юрий потребовал от новгородцев выдачи главных зачинщиков крамолы против суздальских князей и грозил им в случае отказа: «Я поил коней своих Тверцой, напою и Волховом», но затем смягчился и дал им в князя своего шурина, уже известного нам Михаила Черниговского, сына Чермного, который в то время не мог утвердиться в Чернигове, враждуя с дядей своим – Олегом Курским, героем битвы на реке Калке.

Новгородцы жили хорошо с Михаилом, но, пробыв около года, он простился с ними и отправился на юг, чтобы сесть в своей отчине – Чернигове, помирившись при помощи Юрия Суздальского с дядей – Олегом Курским.

Тогда новгородцы опять пригласили себе брата Юрия Ярослава, который вскоре нанес

сильнейшее поражение литовцам и совершил затем смелый поход вглубь Финляндии, после чего мирно крестил язычников корелов в православную веру.

Затем деятельный Ярослав отправился во Псков и повез туда много подарков; по-видимому, он желал войти в добрые отношения с псковичами, чтобы пойти с ними против немцев. Псковичи, однако, не только не приняли Ярослава, чем он был крайне обижен, но даже, узнав, что он собирается идти на немцев в Ригу и привел для этого свои переяславские полки, сами поспешили заключить с рыцарями ордена мир, с тем чтобы они помогли им в случае войны с Новгородом[21]. Новгородцы же, узнав про это, сказали Ярославу: «Мы без своей братьи, без псковичей, не пойдём на Ригу, а тебе, князь, кланяемся» – и, несмотря на все просьбы его, не согласились идти на немцев. Раздосадованный Ярослав уехал к себе в Переяславль-Залесский, а в Новгороде оставил двух малолетних сыновей своих, Феодора и Александра, с дядькой-кормильцем Феодором Даниловичем.

Скоро в Новгороде поднялись обычные

волнения и самоуправство; к тому же осенью 1228 года полили сильные дожди, которые шли день и ночь, и с Успенья до Николы не видно было солнца – ни сена нельзя было добыть, ни пашни пахать. Угнетенный этим ненастьем, народ восстал против владыки Арсения, упрекая его, что Бог наказывает их по его вине, так как будто он заставил своего предшественника Антония удалиться в Хутынский монастырь, тогда как в действительности Антоний ушел из владык, будучи разбит всем телом от болезни и потеряв при этом язык. Благочестивый и смиренный Арсений денно и нощно молился о прекращении ненастья, но буйная толпа вытащила его из архиерейского дома, била, гнала и чуть не лишила жизни, затем извлекла из монастыря немого и разбитого Антония и силой посадила его опять владыкой. Новгородцы не успокоились и на этом; они разграбили многие дома, лишили сана тысяцкого, избрали нового и послали к Ярославу требование, чтобы он скорей ехал. Но пока от него ожидали ответа, дядька молодых князей, без сомнения опасаясь за них, ввиду описанных бесчинств, по-

спешил тайно покинуть с ними город.

Тогда новгородцы очень обиделись. «Что же это они побежали, – говорили они, – разве какое зло задумали на Святую Софию, а мы их не гнали, только братью свою казнили, а князю никакого зла не сделали».

После этого они послали за Михаилом в Чернигов. Он поспешил в Торжок и прибыл оттуда в Новгород, где был восторженно принят, причем целовал крест по всей новгородской воле. Это было в 1229 году.

Между тем, узнав о призвании Михаила в Новгород, обиделся и Ярослав и, считая, что это дело рук шурина Михаила, своего родного брата Юрия, перенес на него весь свой гнев, причем умел возбудить против Юрия и племянников – Константиновичей Ростовских.

Но миролюбивый и благородный Юрий, чтобы выяснить дело, созвал всех своих братьев и племянников на съезд и привел их в такую любовь, что всякая вражда прекратилась тотчас же. Все поклонились ему, целовали крест, что будут почитать как отца родного, затем весело отпраздновали Рождество Богородицы и, получив богатые подарки, разъе-

хались по домам. Скоро был заключен мир и между Ярославом и Михаилом Черниговским, причем для этого приезжал во Владимир сам митрополит Кирилл.

Но Михаил недолго посидел в Новгороде; оставив здесь своего малолетнего сына Ростислава, он опять отправился в свою Черниговскую землю.

В Новгороде же, после его отъезда, вновь поднялись обычные крамолы, грабежи и убийства, особенно усилившиеся при наступлении в 1230 году жестокого голода, причем новгородцы указали путь юному Ростиславу и опять пригласили к себе Ярослава. Ярослав согласился, но через две недели вновь уехал к себе в Переяславль, оставив здесь, как и прежде, малых сыновей – Феодора и Александра.

В Новгороде между тем голод усиливался и вызвал ужасающий мор. Бедные ели мох, желуди, собак, кошек и человеческие трупы. В короткое время умерло 42 тысячи человек. Голодные собаки терзали на улицах младенцев подле умерших от истощения родителей. К несчастью, неоткуда было привезти и хлеба,

так как бедствие было общее для всей Руси, кроме Киева. В одном Смоленске от голода умерло 30 тысяч человек.

Наконец, пришла помощь: немецкие купцы из-за моря привезли хлеб, который продавали по доступной цене.

Между тем Михаил Черниговский, вернувшись в свою волость, скоро завел усобицу с Владимиром Рюриковичем Киевским, причем, как мы видели, когда Владимир был разбит половцами и попал к ним в плен, то Михаил не только посадил своего племянника Изяслава на Киевский стол, но и сам занял Галич и повел из-за него продолжительную борьбу с Даниилом Романовичем.

Борьба эта поссорила Михаила Черниговского и с суздальскими князьями, так как дочь великого князя Юрия успела выйти замуж за Василька, брата Даниила, а сын Юрия Всеволод женился на дочери Владимира Рюриковича. Кроме того, гневался на Михаила и Ярослав Всеволодович за то, что он охотно давал у себя приют всем врагам его, бежавшим из Новгорода.

Эти новгородские изгнанники подняли

против Ярослава родственника Михаила – трубчевского князя Святослава, уверив его, что он будет тотчас же принят новгородцами, как только появится в их пределах. Однако попытка их окончилась полной неудачей, и они должны были бежать во Псков, а когда псковичи предложили им выйти из города, то эти изгнанные новгородские мужи передались немцам в Оденпе. Это было в 1232 году. Ярослав же продолжал княжить в Новгороде, имея в нем сыновей, а сам пребывал большею частью в Переяславле-Залесском.

В 1233 году новгородцы готовились к большому торжеству.

Юный Феодор Ярославович должен был вступить в брак. Все было готово к свадьбе, и гости собрались на пир, как вдруг жених, отрок редкой душевной чистоты, внезапно скончался. Получив известие об этой неожиданной кончине сына, мать его, блаженная княгиня Феодосия, обнаружила замечательную покорность воле Божией; она тотчас же с великим смирением промолвила: «Ты, Господи, дал, Ты и взял; да будет благословенно имя Твое». Кажется, невеста неожиданно

скончавшегося князя приняла пострижение и оставила по себе память под именем преподобной Харитины; тело же отрока было похоронено в соборе Святой Софии, причем через четыреста лет его мощи были обретены нетленными, прославились некоторыми чудесами и ныне открыто почивают там же.

Похоронив внезапно умершего сына, Ярослав должен был обнажить свой меч на немцев, причем он настолько удачно действовал против занятых ими городов Юрьева и Оденпе, что они запросили у него мира, и он заключил его «по всей своей правде». После этого похода Ярослав нанес тяжелое поражение литовцам, а затем отправился в Поднепровье – против Михаила, где, как мы видели, он скоро захватил Черниговскую область и Киев, но откуда должен был спешно вернуться на север, в том же 1238 году, получив сведения о новом нашествии татар. Киев же после его отъезда был занят Михаилом Черниговским.

Перед тем, чтобы перейти к подробному рассказу от этом новом нашествии татар, скажем несколько слов о том положении, которое занимали в это время другие враги Рус-

ской земли, сидевшие на западе: литовцы и немцы.

Многочисленные литовские племена, все более и более приходившие в столкновения со своими соседями, стали в 1235 году объединяться вокруг одного из своих умнейших князей – Миндовга, и уже в 1236 году успели наголову разбить рижских рыцарей, причем сам начальник, или великий магистр, последних, старец Вольквин, был убит вместе со множеством других рыцарей.

Эта победа литовцев грозила уничтожением всему немецкому делу на балтийском побережье, примыкавшем к русским владениям.

К несчастью, однако, другое могущественное немецкое рыцарское братство уже утвердило в это время свое владычество несколько западнее, в стране, заселенной литовским племенем – пруссами. Это был сильный орден *немецких*, или *тевтонских*, рыцарей, которых пригласил сюда из Святой земли уже известный нам Конрад, князь Мазовецкий, брат и преемник Лешко, чтобы ослабить воинственных пруссов, постоянно на него напа-

давших.

Уступка Конрадом Пруссии и даже части своей земли немцам была большой и ничем не поправимой ошибкой против славянского дела вообще. Доблестный Даниил Романович тотчас же понял значение этой уступки и в 1231 году предпринял поход против новых пришельцев, сказав: «Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарям», – причем захватил у них один город, но, конечно, он один ничего существенного против них предпринять не мог.

Ливонские рыцари Ордена братьев Меча, терпя поражения от литовцев, стали скоро искать соединения с новоприбывшим Тевтонским орденом; тевтонцы вначале отказывали им в этом, ввиду плохой нравственности меченосцев; однако в 1237 году, по благословению папы, состоялось слияние обоих орденов, после чего дело немцев успешно пошло вперед.

Во время описанных событий на юге и западе Юрий Всеволодович, следуя примеру отца своего, ретиво занимался приведением в благосостояние своей Суздальской земли и

время от времени воевал с мордвой и болгарями, причем с последними он заключил прочный мир.

Так шла жизнь в Русской земле после несчастной битвы на Калке, о которой, кажется, скоро все позабыли. Нет также никаких признаков того, чтобы кем-либо были приняты какие-нибудь меры на случай нового появления татар.

А татары между тем деятельно готовились к новым завоеваниям.

В 1127 году умер страшный Чингисхан: семидесятидвухлетнего повелителя Азии зарезала ночью молодая жена одного хана, которую он, по-видимому, силою отнял у мужа, после чего она, боясь казни, сама утопилась в реке.

Существует предание, что незадолго до смерти Чингисхан собрал своих сыновей и, раздавши каждому по стреле, велел им их разломать, что те, конечно, легко сделали; затем он предложил каждому разломать пучок из нескольких стрел; но на это ни у кого из них не хватило силы. Тогда он им сказал: «Вот видите, если вы все будете всегда дей-

ствовать сообща, то никто вас не сломит, если же разъединитесь, то вас, как эти стрелы, легко будет уничтожить врагам вашим поодиночке».

Завет этот, видимо, глубоко запал в сердце наследников Чингисхана, так как смерть его нисколько не остановила их в преследовании намеченных им великих предначертаний.

После похода Чжебе и Субутая, окончившегося в 1224 году битвой на Калке, монголы посылали еще новые войска в 1229 году к Волге. Оба этих похода можно назвать предварительным военным обозрением ими страны к западу от Волги, для совершения своего главного похода, предпринятого зимой с 1237 на 1238 год.

Сохранились известия, что у них были составлены соображения, как овладеть после покорения Русской земли и всей остальной Европой. Таким образом, второе нашествие татар было делом давно и глубоко обдуманым еще при жизни Чингисхана. После смерти его, согласно оставленному завещанию, верховная власть над всеми подвластными монгольскими народами перешла к третьему

его сыну Октаю, или Угедю, получившему звание великого хана; внуку же Чингисхана Батыю, сыну старшего сына Джучи, умершего раньше отца, достались все приобретения в восточной Европе, сделанные во время походов 1224 и 1229 годов.

Докончив покорение северного Китая, Октай собрал в 1235 году курилтай, на котором решены были одновременные походы в южный Китай, Корею, Кашмир, Индию и в Европу.

Для последней цели главным предводителем был назначен Батый, а в помощь ему опытный полководец Субутай, уже бывший в 1224 году в восточной Европе.

Местом сбора всех войск, назначенных в этот поход, в количестве от 300 до 500 тысяч человек, были определены верховья Иртыша и западный Алтай. Отсюда, в феврале 1236 года, все воинство двинулось к средней Волге, куда и прибыло, вероятно, уже в июле. С Волги Субутай двинулся с частью сил для довершения покорения болгар, а Батый продолжал поход на запад и в 1237 году, завоеывая все земли, по которым проходил, подошел к пре-

делам Русской земли – к границам Рязанского княжества.

К этому времени сама природа дала, по-видимому, ряд грозных предзнаменований о бедствиях, которые готовы были разразиться над нашей Родиной.

Еще в самый год битвы под Калкой все лето отличалось необычайной засухой и сильным зноем: всюду были большие лесные пожары, а осенью появилась огромная хвостатая звезда – комета. В последующие годы случались страшные пожары в Новгороде и Владимире и свирепствовал, описанный нами, голодный мор, когда люди, по словам летописца, «резаху свою братью и поедяху». Затем повсеместно прошло сильное землетрясение. Во Владимире за обедней вдруг задвигались паникадила собора и колебались иконы и светильники. Тогда же в Киеве, 3 мая 1230 года, в праздник святого Феодосия, присутствовавшие при обедне князья, бояре и весь народ почувствовали сильный подземный удар; трапеза, где стояли уже яства для гостей и монахов, распалась, и кирпичи падали на пол, а в Переяславле на Альте каменный храм рас-

селся в двух углах и пала кровля, повредившая иконы. Через десять дней случилось солнечное затмение, причем необычайные столпы различных цветов ходили по небу. Особенно грозно было явление в Киеве: от этих столпов отделилось огненное облако и понеслось на самый город, но затем упало в Днепр; при этом многие каялись в грехах и прощались с близкими, предполагая, что наступил конец света. Затем, в августе 1237 года, было опять затмение солнца, тоже, конечно, сильно повлиявшее на народ.

Подойдя к границам Рязанской земли, татары остановились на одном из притоков реки Суры и отправили послов к рязанскому князю, какую-то жену, чародейку и с нею двух мужей, которые начали требовать десятины во всем – от князей, простых людей и коней: белых, вороных, рыжих, пегих.

Рязанский князь Юрий Игоревич, не подпуская татар к городам, отправился им навстречу в Воронеж и ответил послам, как всегда и везде отвечал русский князь: «Коли нас не будет, то все ваше будет». Тогда послы пошли к великому князю Юрию во Владимир,

вероятно предлагая мир на тех же условиях. Юрий Всеволодович тоже, конечно, не согласился и отпустил послов назад, в их стан. Затем рязанский князь послал к Юрию Владимировскому с просьбой прислать помощь или чтобы сам Юрий выходил с войском.

«Но нельзя было противиться гневу Божию, — замечает летописец, — навел Господь на всех недоумение и грозу, и страх и трепет». Великий князь не послушался: ни помощи не прислал, ни сам не пришел. Задумал ли он лично один защищать свою землю или не успел собрать ратников, осталось невыясненным, хотя вернее второе предположение, так как он, как увидим, не успел собрать своих войск даже для защиты Владимира.

Получив ответ рязанского князя, татары двинулись на Русскую землю. По некоторым известиям, Юрий Рязанский, видя, что он не будет поддержан вовремя великим князем Владимиром, послал к Батюю для переговоров сына своего Феодора, причем Батый, узнав о красоте жены Феодоровой Евпраксии, объявил ему, что желает ее видеть; но Феодор с негодованием отверг это предложение и

был варварски убит. Обеспокоенная опасной поездкой мужа, молодая княгиня, с грудным младенцем на руках, ожидала его возвращения, тревожно глядя в поле с высоты храма Святого Николы; когда же ей принесли сюда ужасную весть, что «ради любви и красоты ее князь убиен бысть», она не выдержала и, «ринувшись из превысокого храма» на землю, – «заразилась», то есть убилась до смерти; с тех пор храм этот именуется церковью Николы Заразского[22].

По тем же известиям, отец Феодора Юрий, несмотря на малочисленность своего войска, отважился на бой с татарами в открытом поле; в бою этом, им проигранном, легли все рязанские витязи вместе с князьями Пронскими, Коломенскими и Муромскими. Только одного князя, Олега Ингоревича Красного, привели живым к Батью, который, будучи удивлен его красотой, предлагал ему свою дружбу и веру; но Олег с негодованием отверг эти предложения и умер, истекая кровью от полученных ран.

Сам Юрий Рязанский затворился в старой Рязани (ныне город Спасск). 16 декабря тата-

ры, разорив по пути до основания города Пронск, Белгород и Переяславец и перебив без милосердия всех жителей, осадили Рязань, после чего тотчас же стали обносить город тыном. «Кровь лилась пять дней; воины Батыевы переменялись, а граждане, не выпуская оружия из рук, едва могли стоять на стенах. В шестой день, 21 декабря, поутру, изготовив лестницы, татары начали действовать стенобитными орудиями и зажгли крепость; сквозь дым и пламя вломились в улицы, истребляя все огнем именем».

«Князь, супруга, мать его, бояре, народ — были жертвой их свирепости»... «Веселясь отчаянием и муками людей, варвары Батыевы распинали пленников или, связав им руки, стреляли в них, как в цель, для забавы; оскверняли святыни храмов насилием юных монахинь, знаменитых жен и девиц в присутствии издыхающих супругов и матерей; жгли иереев или кровью их обагрjali алтари. Весь город с окрестными монастырями обратился в пепел... Несколько дней продолжались убийства. Наконец, исчез вопль отчаяния: ибо уже некому было стонать и плакать... И

не было стонущего, ни плачущегося... Но все вкуче мертвы лежаше»... Этими словами летописца знаменитый писатель Н.М. Карамзин оканчивает свое описание гибели Рязани.

Опустошивши Рязанскую землю, татары двинулись к Коломне и Москве. Некоторые летописцы рассказывают, что во время вторжения татар в Рязанскую область брат Игоря Рязанского князь Ингорь находился по своим делам в Черниговской земле, причем его боярин Евпатий Коловрат, покинувший Чернигов несколько раньше Ингоря, встретился при своем возвращении в Рязанскую волость с отходящими, после взятия Рязани, войсками Батыя. Пылая ревностью отмстить татарам, Евпатий бросился им вслед со своими воинами, в числе 1700 человек, и быстрым ударом смял их задние полки. Пораженные татары думали сперва, что это восстали рязанские мертвецы; когда же пять захваченных пленников были приведены к Батыю и он спросил их, кто они такие, то эти доблестные люди отвечали: «Слуги князя Рязанского, полка Евпатиева; нам велено с честью проводить тебя, как знаменитого государя, и как русские

обыкновенно провожают от себя иноплеменников: стрелами и копьями». Конечно, славный подвиг Евпатия не мог поправить наши дела. Когда, вслед за ним, вернулся из Чернигова князь Ингорь, то Рязанская область предстала его глазам в виде необъятного кладбища; там, где цвели города и селения, остались только кучи пепла и трупы, терзаемые хищными зверями и птицами; он едва мог найти тело князя Юрия, а над могилами Феодора и Евпраксии поставил каменные кресты.

У Коломны татары встретили незначительный отряд сына великого князя Юрия юного Всеволода, к которому присоединился и небольшой отряд сына Ингоря Рязанского Романа. Наши молодые князья неустрашимо вступили в неравную борьбу, но после жестокой сечи были, разумеется, совершенно разбиты татарами, обрушившимися на них в подавляющем количестве; при этом был убит Роман Ингоревич и знаменитый воевода Еремей Глебович. Всеволоду же удалось спастись во Владимир.

От Коломны татары пошли на Москву. Они сожгли и разграбили город, убили воеводу

Филиппа Няньку и захватили другого сына великого князя Юрия Владимира, еще мальчика. От Москвы часть их сил пошла к Торжку, а Батый с остальными войсками направился на Владимир.

Занятие Коломны, Москвы и Торжка показывает, конечно, что татары желали отрезать великому князю Юрию все пути как к Новгороду, так и в южную Русь, откуда могли прийти подкрепления.

Народ по пути следования татар ко Владимиру разбегался, разумеется, во все стороны и с ужасом передавал друг другу страшные вести, как о быстроте движения несметных татарских полчищ, так и о тех зверствах, которыми они предавались: «груди возрезаваху и желчь выимаху, а с иных кожи одираху, а иным иглы и щепы за ногти бияху...» – говорит летописец.

Наконец 3 февраля 1238 года полчища татарские, бесчисленные как саранча, обступили со всех сторон Владимир.

Великого князя Юрия не было в городе. Он выехал на север собирать войска с тремя племянниками Константиновичами и, располо-

жившись с малой дружиной на реке Сити, с нетерпением ожидал сбора ратников и прибытия брата своего – храброго Ярослава, спешившего к нему, как мы видели, из Киева. Защита же Владимира была поручена Юрием двум его молодым сыновьям, уже знакомому нам Всеволоду и Мстиславу, с воеводою Петром Ослядюковичем.

Когда татары подъехали к Золотым воротам, то они стали спрашивать: «Великий князь Юрий в городе ли?» Владимирцы на это пустили в них град стрел. Ответив им тем же, татары закричали: «Не стреляйте!» – и затем, выведя вперед захваченного в Москве отрока Владимира, спросили: «Узнаете ли вашего княжича?» Владимир действительно так похудел, что узнать его было трудно. При виде его братья, бояре и весь народ заплакали; тут же все поголовно решили: «Лучше умрем все перед Золотыми воротами за Святую Богородицу и за правую веру, чем быть в их воле». Однако опытный воевода Ослядюкович отговорил молодых князей выходить за ворота, и они последовали его совету обождать за стенами, пока не подойдет великий князь Юрий

на выручку.

Между тем Батый немедленно отрядил часть сил для взятия Суздаля, где были сожжены церкви и избиты все жители, кроме молодых иноков, инокинь и церковников, а сам стал, не теряя времени, готовить все для успешной осады Владимира.

6 февраля городские жители с изумлением смотрели, как ставились незнакомые им стенобитные и метательные орудия, готовились лестницы для приступа и город обносился тыном. Все поняли, что им не устоять, и решили умереть, как подобает героям и христианам. «Открылось зрелище достопамятное и незабвенное», – говорит Карамзин. Всеволод, юная супруга его, бояре и множество других людей собрались в славном храме Владимирской Божией Матери; здесь епископ Митрофан совершил умильный обряд пострижения их в схиму. Затем все способные носить оружие отправились опять на защиту городских стен.

На следующий день, утром 7 февраля, татары пошли на приступ и до обеда взяли Новый город и зажгли его; тогда Всеволод и Мстислав с остальными жителями бросились в Пе-

черский, или Старый, город, чтобы защищаться здесь. Мать же князей, великая княгиня Агафья, ее дочь, снохи, внучата и множество знатных людей, неспособных к бою, затворились в соборной церкви.

Скоро Всеволод, видя, что гибель неминуема, решил в отчаянии выйти с малою дружиною и богатыми дарами навстречу Батыю, думая, что, может быть, это умилюстит его. Но Батый не тронулся молодостью и несчастьем Всеволода и приказал тут же, перед своими глазами, зарезать его.

Татары подошли к собору, обложили его дровами и подожгли, а затем отбили двери и стали грабить и убивать, никого не щадя, в то время как с амвона преосвященный Митрофан громогласно отпускал грехи умирающим, провозглашая сквозь слезы: «Господи! Прости невидимую руку свою и прими в мире души рабов твоих». Из бывших в храме никто не спасся: одни задохнулись от дыма или сгорели, другие же были убиты.

Покончив с Владимиром, татары пошли дальше, разделившись на несколько отрядов, и в течение февраля взяли 14 городов, в том

числе Ростов, Ярославль, Городец, Юрьев, Дмитров, Волоколамск и Тверь, где убили одного из сыновей князя Ярослава Всеволодовича.

Великий князь Юрий стоял на реке Сити, когда узнал о сожжении Владимира и гибели семьи. «Так ли Господи угодно милосердию Твоему? Зачем я остался один?» – отвечал он словами Иова, получив страшную весть. Затем, тотчас же поборов свое великое горе, он послал воеводу Дорожа с трехтысячным отрядом произвести разведку противника. Дорож вернулся и объявил, что татары уже обошли русское войско с нашего правого крыла. Тогда Юрий сел на коня и вместе с братом Святославом и тремя племянниками бесстрашно выступил против врагов 4 марта 1238 года.

Скоро произошла встреча с татарами. Русские бились мужественно и долго, но были совершенно разбиты окружившими их огромными татарскими полчищами. Убитых было великое множество. Самому князю Юрию была отрублена голова.

Молодой племянник Юрия Василько, который в 1224 году не успел подойти к Калкско-

му побоищу, был взят в плен; татарам очень хотелось, чтобы он принял их обычаи и воевал вместе с ними. Но благородный Василько отверг с укоризнами предложение поганых и был ими убит в Шернском лесу. По сохранившимся известиям, Василько был красив лицом, имел ясный и вместе с тем грозный взгляд, был необычайно храбр, отважен на охоте, сердцем легок, до бояр ласков. Когда он умирал под ударами татар, то молился вслух: «Господи, Ты знаешь тайны сердца моего, знаешь все нечистоты мои; очисти меня от грехов моих» – и затем, вознеся молитву за малолетних сыновей своих, Бориса и Глеба, и за всех братьев христиан, возблагодарил Господа за свою славную кончину и предал Ему дух. Православная церковь причла его к лику святых, так же как и погибшего на Сити великого князя Юрия.

Его обезглавленное тело было найдено ростовским епископом Кириллом и вместе с телом Василька, брошенным татарами в Шернском лесу, погребено в Ростовском соборе. Голова же князя Юрия была найдена позднее и также положена в гроб вместе с телом. Когда

через два года гробы были перевезены во Владимирский собор, где мощи почивают до настоящего времени открыто, то произошло невиданное чудо: святая глава Юрия так прильнула к своему телу, что не осталось и следа ее отделения.

От Сити татары двинулись на Торжок, еще ими не взятый, били его две недели пороками и наконец овладели 23 марта, после чего избили всех жителей.

Затем они направились по Селигерскому пути на Новгород, но, не доходя 100 верст, повернули назад. Очевидно, Батый, войдя в страну речную и болотистую, опасался потерять при оттепели, которая должна была скоро начаться, всех лошадей, а также боялся развития болезней от непривычной для монголов весенней влажности воздуха.

Повернув от Новгорода, татары двинулись к югу, направляясь в степи, но были по пути надолго задержаны у незначительного города Козельска. Здесь сидел князем один из Ольговичей – Василий, еще малый ребенок. Но жители Козельска решили: «Хотя князь наш и молод, однако положим живот свой за него, и

здесь славу и там небесные венцы от Христа Бога получим». Татары вынуждены были осаждать город в течение семи недель, встретив упорнейшее сопротивление; наконец, они разбили городские стены и взошли на вал, но горожане, однако, и тут защищались с необыкновенной отвагой; одни резались с врагом ножами, другие, выйдя из города, напали на татарские полки и убили четыре тысячи неприятеля, причем дрались до тех пор, пока все не были истреблены. Озлобленные татары не оставили в живых ни одного человека; все старики, женщины и младенцы были перебиты; юный же князь потонул, по преданию, в крови. Татары прозвали Козельск злым городом.

После взятия Козельска, вступив в половецкие степи, Батый разбил знаменитого Котяна, тестя Мстислава Удалого; тогда Котян с 40 тысячами своего народа удалился в Венгрию, где им были отведены земли.

В следующем, 1239 году татары снова появились на северо-востоке. Они взяли земли мордвы и, дойдя до реки Клязьмы, сожгли Гороховец. Весть об их новом нашествии произ-

вела необычайный ужас; жители городов и сел бежали сами не зная куда.

Впрочем, татары дальше Клязьмы на этот раз в северо-восточной Руси не ходили, но зато Батый со всеми своими силами двинулся в Поднепровье. Скоро были сожжены и разграблены Чернигов и Переяславль Южный. После этого двоюродный брат Батыя, князь Менгу, двинулся для производства разведки к самому Киеву и отправил к князю Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, сидевшему в это время здесь, послов с дарами, склоняя его и граждан к сдаче; но послов не послушали, и они были убиты; князь же Михаил оставил город и отправился искать себе убежища и помощи в Венгрии.

Татары, однако, до зимы с 1240 на 1241 год Киева не трогали, и в нем за это время успели перемениться два князя. Пользуясь выездом Михаила Черниговского, Киев поспешил захватить внук Давида Ростиславовича Смоленского Ростислав Мстиславович; но его четвероюродный брат Даниил Романович, уже утвердившийся в это время в Галиче, воспротивился этому захвату, как старший в племе-

ни Мстислава Великого, и сам взял себе Киев. Однако Даниил в Киеве не остался, а поручил его своему тысяцкому Димитрию.

Тем временем Михаил Черниговский был крайне холодно принят венграми и встретил затем такой же прием и у поляков. Тогда он решил искать примирения с Даниилом и Васильком, чистосердечно раскаявшись в прежней вражде. Благородные сыновья Романа тотчас же искренно примирились с Михаилом и обещали ему вернуть Киев.

Но к последнему подходили уже вновь татары, и на этот раз в огромных силах, под начальством самого Батыя.

От скрипа татарских телег, рева верблюдов и ржания лошадей киевляне не могли слышать друг друга. Батый поставил пороки у Лядских ворот и беспрестанно бил ими день и ночь, пока наконец городские стены не были сломаны. Но киевляне оборонялись с беззаветным мужеством.

Граждане, руководимые тысяцким Димитрием, человеком исключительной доблести и военных дарований, взошли на остаток укреплений и продолжали защищаться, как

львы. К ночи Димитрий был ранен, и татары, овладев и последними стенами, решили остаться на них до рассвета с тем, чтобы наутро начать грабеж города.

Киевляне, однако, пользуясь ночным покровом, спешили возвести новые укрепления вокруг десятинной церкви, и татары с наступлением дня принялись вновь брать их с кровопролитнейшего боя. Наконец, остатки защитников заперлись в самой церкви и продолжали свою беспримерную оборону. Боярин Димитрий, несмотря на рану, руководил боем по-прежнему. Скоро, однако, церковные стены не выдержали тяжести собравшегося народа, который, без сомнения, был во множестве на кровле и на полатях, и рухнули. Тогда, устилая путь трупами, татары предались нещадному избиению последних защитников. Это было 6 декабря 1240 года.

Когда раненого Димитрия привели к Батю, то этот бесчеловечный варвар, изумленный его необыкновенным мужеством, даровал ему жизнь и оставил при себе.

Скоро Киев превратился в груды развалин. Десятинная церковь была разрушена до осно-

вания. Та же участь постигла Печерскую лавру и другие сооружения. Татары не оставили в покое и могил и давили своими ногами черепа наших древних князей. Но гробница Ярослава Мудрого каким-то образом сохранилась. Сохранилось и несколько келий печерских черноризцев и малый придел в лавре.

Так погиб Киев.

Узнав о его падении, Михаил Черниговский выехал в Польшу, а Даниил Романович – в Венгрию, чтобы привести оттуда войска на защиту своей земли.

В свою очередь и Батый, получив известия об отъезде князей, спешил овладеть Волынью и Галичем до прибытия к ним подкреплений с запада. Подойдя к городу Ладыжину на Волыни, Батый не мог его взять приступом; тогда он стал уговаривать льстивыми обещаниями граждан к сдаче; те поверили и сдались и были избиты все до единого. Скоро Владимир Волынский, Каменец, Галич и много других городов пали под ударами татар; только один Кременец, по причине своей неприступности, был ими обойден.

Видя гибель Русской земли, пленный бо-

ярин Димитрий, чтобы отвести от нее татар, стал говорить Батыю: «Будет тебе здесь воевать, время идти на венгров; если же еще станешь ждать, то там земля сильная, соберутся и не пустят тебя в нее». Батый послушался и повернул свои орды к границам Венгрии.

Между тем вся западная Европа была в необычайном страхе и трепете, когда там узнали про ужасы, сопровождавшие нашествие монголов на Русскую землю. Про татар, так же как в старое время про гуннов, стали распространять самые нелепые басни и уверять, что они происходят прямо от Сатаны. В 1238 году англичане не производили у своих берегов ловли сельди, из страха перед монголами, а во всех латинских церквах молились: «Господи, избави нас от ярости татар». Немецкий император Фридрих Второй рассылал даже воззвания к вооружению против врагов всего христианского мира; однако эти великодушные воззвания не достигли цели, так как у него самого шла в это время борьба с папой, а внутри империи царило большое разъединение.

Только одни славянские государства долж-

ны были взять на себя борьбу с татарами.

Весною 1241 года Батый вторгнулся в Венгрию и, разбив наголову ее короля, стал опустошать его владения; другой же татарский отряд двинулся в Польшу, также внося везде ужас и разорение. Затем татары двинулись дальше на запад, разбили немцев в большом сражении под Лигницем, но были затем остановлены чешским королем Вячеславом, преградившим им путь своими многочисленными войсками.

С ним татары не решились вступить в борьбу и повернули назад; затем они потерпели поражение под Оломуцем от храброго чешского воеводы Ярослава и поспешно вернулись в Венгрию, чтобы идти оттуда в Австрию; но на этом пути они опять были остановлены чешским королем Вячеславом и его храбрыми полками, после чего татары отхлынули к востоку.

Таким образом, исключительно благодаря мужеству западных славян – чехов вся остальная Европа была спасена от ужасов монгольского нашествия. Украина же Европы – Русская земля, принявшая грудью своею

смертоносный удар, надолго подпала под татарское иго.

Выйдя из Венгрии, татары, не привыкшие жить в лесистой местности, покинули пределы Русской земли, отошли к Нижней Волге и в расстилающихся здесь степях привольно расположились со своими бесчисленными стадами и табунами. Скоро в 60 верстах от Астрахани, на притоке Волги Ахтубе, в месте главного становища монголов, возник город Сарай.

Конечно, о продолжении борьбы с татарами Русской земле нечего было и думать. Надо было покориться на полную волю победителю.

После убиения великого князя Юрия на Сити старшим остался брат его Ярослав. Он приехал в Суздальский край господствовать над трупами и развалинами. К счастью, это был человек необычайно твердой воли и ясного ума, который тотчас же всецело отдался великому служению своей Родине, постигнутой столь беспримерным бедствием. Ярослав стал ревностно собирать оставшихся в живых жителей, которые рассеялись по лесам, ободрял

их и заставлял всюду искать и хоронить покойников во избежание мора; восстанавливал храмы, села; строго наказывал злодеев, расплодившихся, как всегда, при народных бедствиях, и прославился своим правосудием.

Одновременно с этим Ярославу пришлось обнажить свой меч и против литовцев, которые, пользуясь бедствием Руси, завладели большею частью Смоленской области. Он смело двинулся на них, нанес сильное поражение и освободил Смоленск.

Когда орды татар после похода в Венгрию отхлынули к Волге, Даниил Галицкий с братом Васильком, а также и Михаил Черниговский возвратились в Русскую землю, не получив помощи ни от венгров, ни от поляков, которые, как мы видели, были порознь разбиты татарами.

От страшного смрада трупов Даниил не мог въехать ни в Брест, ни во Владимир Волынский. К счастью, совершенно уцелел выстроенный им город Холм, красивое местоположение которого полюбилось ему как-то во время охоты, и Даниил решил здесь утвердить свое местопребывание. Из Холма, вдали

от боярских крамол, свивших себе прочное гнездо в Галиче, он, подобно Ярославу Суздальскому, стал деятельно приводить в порядок свой еще недавно цветущий край, так безжалостно опустошенный татарами.

Михаил Черниговский первоначально поселился на острове, лежащем против развалин Киева, а затем перебрался в Чернигов.

Сын же Михаила Ростислав, несмотря на искреннее примирение, последовавшее между его отцом и Даниилом, хотел попытаться, пользуясь общим бедствием, овладеть Галичем и Перемышлем, но был скоро изгнан оттуда твердою рукою Даниила.

За три года, с 1238 по 1241, весь обширнейший Суздальский край, а также все Поднепровье, Волынь и Галич были подвергнуты ужасающему разрушению, причем, и после отхода главных сил Батыя к Волге, отдельные татарские отряды не переставали повсюду рыскать и производить свою кровавую расправу над беззащитным населением.

Печальны были дела нашей несчастной Родины и на западе. Полоцкая и Смоленская земли, вследствие сильного размножения их

княжеских семей, были разбиты на большое число отдельных маленьких волостей, которые не могли представить сколько-нибудь значительной силы сопротивления внешним врагам. У Господина же Великого Новгорода господствовали прежние буйные порядки.

А между тем враги Русской земли быстро росли здесь. Нападения Литвы делались все более и более дерзкими; ливонские рыцари, как мы видели, значительно усилились благодаря соединению своему с немецким орденом, а в Швеции честолюбивый и властный Биргер успел, с 1221 года, завести прочные порядки; он женился на сестре короля, твердо взял власть в свои руки и усиленно готовился к овладению всеми землями по финскому побережью, которые искони принадлежали русским или были под их влиянием.

Наконец, римский папа, зорко следя за ходом мировых событий, правильно оценил то тяжелое положение, в которое попала Русь после разгрома ее татарами, и решил, что настало благоприятное время для нанесения смертельного удара православию. Он объявил Крестовый поход как против язычников,

населявших Финляндию, так и против русских, обещая прощение грехов всем участникам его и вечное блаженство павшим в бою.

Огромное войско, собиравшееся в Швеции с лишком два года из знатных рыцарей, воинов и многочисленных искателей приключений, было готово в 1240 году для вторжения в наши пределы. Его вел сам ярл Биргер в сопровождении «честных епископов» и множества духовных лиц.

Но Господь явил в это грозное время свое заступничество Русской земле и святой православной вере в лице нашего князя Александра, сына Ярослава Всеволодовича Суздальского.

«О, Господи, аз худой и грешный и маломышленный покушаюся написать житие Святого и великого князя Александра Ярославовича», – восклицает современный ему летописец, начиная свое сказание о его великих делах на пользу Русской земле.

Александр Ярославович родился 30 мая 1219 года в Переяславле-Залесском. По отцу и по матери он был прямым потомком славного Мономаха, причем в племени отца своего

он имел таких предков и родичей, как Всеволод Большое Гнездо и Андрей Боголюбский, а со стороны матери – блаженной Феодосии, женщины необыкновенно святой жизни, в нем текла кровь святого Мстислава Великого, блаженного Ростислава Смоленского, святого Мстислава Храброго и Мстислава Удалого.

Таким образом, Александр мог унаследовать от своих благородных и доблестных предков необыкновенное благочестие и горячую любовь к Родине, свойственные им всем; сострадательное сердце, отвагу, пылкость и блестящие военные способности от дедов и прадедов со стороны матери и вместе с тем ясный и проникновенный ум и железную твердость воли в делах государственных, как от мудрого деда по отцу – Всеволода Большое Гнездо, так и от отца своего – Ярослава.

Конечно, Александр с детства, по обычаю своего времени, стал получать обширное и разностороннее образование; «от юного возраста и от младых ногтей всякому делу благу научен бысть», – говорит про него летописец. При этом с юного же детства жизнь Александра стала протекать при необычайных и

крайне тяжелых обстоятельствах. Едва войдя в возраст пяти лет, он должен был уже слышать о страшном Калкском побоище, где чуть не погиб его дед Мстислав Удалой. Затем мы видели, что отец Александра неоднократно оставлял его, вместе со старшим братом Феодором и дядькой-кормильцем Феодором Даниловичем, в Новгороде в те печальные времена, когда борьба сторон, с кровавыми распряями на улицах, шла в нем непрерывно; в Новгороде же пережил Александр страшный голод и последовавший затем мор; в нем слышал он постоянно о шведах, о литовских набегах и о все возрастающей силе немцев; о взятии последними Кукейноса, Герсика и Юрьева, о проявленных ими при этом коварстве, беспощадной жестокости и ненависти к православию и, наконец, об ужасном татарском погроме, лишившем его лично дяди Юрия с двоюродными братьями.

Эти необычайные события, пережитые им в детстве, повлияли бы, конечно, в высшей степени пагубно на человека слабого, но по отношению Александра они способствовали лишь к развитию и укреплению всех его бога-

тых душевных сил: мужества, твердости, ясности взгляда на происходящие события, горячей любви к Родине и непоколебимой веры в Божественный промысел.

Когда Александру исполнилось семнадцать лет и отец его уехал, как мы видели, на юг, то он был торжественно посажен в Софийском соборе на княжеском столе. Прекрасный по наружности, выше ростом всех остальных людей, с голосом могучим, как труба, Александр очаровывал всех своим царственным видом и тогда уже поражал окружающих зрелостью и мудростью ума.

В это время как раз начальник рижских рыцарей, магистр Андрей Вельвен, опытный и почтенный человек, имел свидание с Александром, без сомнения, по делам ордена, с которым, как мы видели, у нас был заключен Ярославом выгодный мир в 1233 году. Этот Андрей Вельвен, вернувшись в Ригу, с изумлением говорил: «Я прошел многие страны, знаю свет, людей и государей, но видел и слушал Александра Новгородского с изумлением».

В 1239 году, когда Александру исполнилось

двадцать лет, он женился на дочери полоцкого князя Бречислава княжне Александре.

Невеста принесла в приданое ту знаменитую икону Божией Матери, писанную, по преданию, евангелистом Лукою, которая, как мы говорили, была получена ее родственницей, святой Ефросинией Полоцкой, от греческого императора. Свадьба была отпразднована в Торопце. Вернувшись с молодой супругой домой – в Новгород, Александр устроил второе брачное пиршество, или «кашу», как тогда говорили, так как на свадебных пирах того времени новобрачным всегда подавалась каша, приготовляемая с особыми обрядами. Это было за год до грозного Крестового похода шведов на русских.

Точно на магометан во Святую землю, с пением священных гимнов, с крестом впереди, вошли шведские крестоносцы на свои корабли летом 1240 года. Переезд через Балтийское море до Або и от Або к устью Невы совершился вполне благополучно. Пылая ратным духом, знаменитый ярл Биргер рассчитывал прежде всего напасть на Ладогу и, ставши здесь твердой ногой, обрушиться на Новго-

род. Остановившись при устье реки Ижоры, Биргер, не сомневаясь в своей победе, «загордевся» и послал сказать Александру: «Выходи против меня, если можешь сопротивляться! Я уже здесь и пленю твою землю».

Получив этот надменный вызов и узнав об огромном воинстве пришельцев, расположившихся на берегу Невы, Александр «разгорелся сердцем», как говорит летописец.

Немедленно приказав собраться своей малочисленной дружине, он отправился в собор Святой Софии и, упав на колени перед алтарем, стал, проливая горячие слезы, возносить Господу свою усердную молитву: «Боже хвальный, Боже праведный, Боже великий и крепкий, Боже пречечный! Сотворивый небо и землю и поставивый пределы языкам, и жити повелевый, не преступая в чужия части... И ныне Владыко прещедрый!.. слыши словеса гордого варвара сего, похваляющася разорити Святуу Веру Православную и пролита хоца кровь христианскую. Призри с небес и виждь и посети нас винограда своего и суди обидящих мя, и возбрани борющихся со мною, и приими оружие и щит и стани в

помощь мне, да не рекут врази наши, где есть Бог их? Ты бо еси Бог наш и на Тя уповаем».

Принеся эту молитву и получив благословение епископа Спиридона, Александр, утирая слезы, струившиеся из его прекрасных очей, вышел к собравшейся дружине и народу и объявил: «Братья! Не в силе Бог, а в правде! Вспомним слова псалмопевца: „сии во оружии, и сии на конях, мы же во имя Господа Бога нашего призовем... Не убоимся множества ратных, яко с нами Бог“». Слова эти, конечно, вызвали необычайное воодушевление.

Александр решил идти на врага немедленно, не ожидая ни сбора новгородцев, ни подкреплений от отца; он правильно определил своим проникновенным военным взглядом, что только молниеносной быстротой и полной внезапностью можно победить огромное вражеское воинство.

«И пойте на них во ярости мужества своего, в мале вой своих, не дожда много вой своих с великою силою, но уповая на Святую Троицу. Жалостно и слышати, яко отец его, честный князь Ярослав Всеволодович, не бе ведал

такового встания на сына своего милаго, на великаго князя Александра, ни оному бестъ вести, когда послати к отцю; а затем же и мнози новгородцы не совокупившеся, ускори понеже великий князь Александр Ярославович пойти против ратных», – говорит летописец.

Но при необыкновенной стремительности своего движения Александр шел со всеми военными предосторожностями, и при этом отнюдь не с завязанными глазами.

За шведами зорко следил некий Пелгусий, которому была поручена морская стража финского побережья. Пелгусий этот был старшиной финского языческого племени ижоры, но сам ревностно исповедовал православие.

Когда утром, 15 июля 1240 года, Александр подходил к берегам Невы, то Пелгусий вышел ему навстречу; он точно определил количество приплывших крестоносцев, а также места их станов и, конечно, указал те пути, по которым к ним можно было подойти совершенно скрытно.

При этом Пелгусий рассказал Александру о чудном и страшном видении, которое он

имел. «Всю ночь провел я без сна на берегу, наблюдая за врагами, – передавал он Александру так, чтобы их не слышали остальные. – На восходе солнца я услышал на воде сильный шум и увидел один насад (ладью) с гребцами. Посреди насада стояли в алых одеждах, положивши на рамена друг друга руки, святые мученики Борис и Глеб, а гребцы, сидевшие в насаде, были «яко мглою одеяны». И сказал Борис: «Брат Глеб! вели грести, да поможем сроднику своему, великому князю Александру Ярославовичу». Увидя дивное видение и услышав святых мучеников, я стоял в трепете и ужасе, пока видение не исчезло из вида».

Конечно, сообщение Пелгусия было радостно встречено Александром. Приказав ему никому не говорить о виденном, он перешел реку Ижору и совершенно скрытно подошел к шведскому стану.

Затем, выстроив свое немногочисленное воинство, к которому присоединились в пути и ладожане, и призывая помощь Всевышнего, Александр смело ударил на врага, несясь впереди всех на своем борзom скакуне, в сияю-

щих доспехах, грозный и прекрасный, подобный архангелу Михаилу, архистратигу небесных сил.

Шведы были расположены совершенно беспечно, так как не могли иметь и мысли о возможности нападения русских. Неожиданное появление наших отважных воинов, налетевших на них с громкими криками, произвело в шведском стане неопишемое смятение.

Скоро Александр увидел своего надменно-го врага – ярла Биргера. Юный герой устремился на него и своим копьем нанес Биргеру тяжелый удар по лицу, «возложил печать на лицо его», по выражению летописца.

Часть крестоносцев в ужасе бросилась к своим судам, спасаясь от убийственных ударов русских, прошедших насквозь весь вражеский стан; но другие оправились от внезапного нападения и стали оказывать упорнейшее сопротивление. Жестокий бой кипел до ночи. Наконец Господь даровал нам полную победу.

Малочисленные соратники Александра, руководимые своим бесстрашным вождем,

оказали в этот день чудеса храбрости.

Особенно отличились шесть человек, как об этом рассказывал после битвы сам Александр: доблестный витязь Гавриил Олексич прорубился до шведского корабля; видя, что на корабль этот по доске несут на руках сына Биргера, Гавриил выехал на него верхом по той же доске, а когда шведы сбросили эту доску вместе с ним и конем в воду, то он снова кинулся к судну и так крепко бился, что убил находившегося на нем воеводу и латинского епископа. Второй – был новгородец Сбыслав Якунович: он много раз въезжал в самые густые полчища неприятеля с одним только топором и бесстрашно рассекал густые толпы противников. Третий – Яков Полочанин, ловчий князя, один ударил со своим мечом на целый неприятельский полк и так мужественно и крепко поражал их, что заслужил личную похвалу Александра. Четвертый – новгородец, именем Миша, собрав дружину соратников, пеший бросился в море и погубил три шведских корабля. Пятый – отрок Александра, Савва, наехал на большой златоверхий шатер Биргера и, подсекши под ним

столп, уронил его, чем возвестил русским победу. Наконец, шестой – был доблестный слуга Александра Ратмир; он мужественно бился пеший и погиб от ран, врубившись в толпу шведов.

Потери наши были изумительно малы – всего с ладожанами двадцать человек! Этим ничтожным потерям дивились даже и современники.

Темная ночь спасла остатки шведов. Они не хотели ждать утра и поспешили уйти, нагрузив три корабля телами одних только убитых знатных воинов, в том числе и главного воеводы их Спиридония и епископа. Вероятно, потери шведов были так велики потому, что они не успели надеть свои доспехи, когда на них внезапно напал Александр. Так печально окончился грозный Крестовый поход, предпринятый папой против православия и Руси, благодаря блистательной победе Александра, одержанной на берегах Невы 15 июля 1240 года, в день святого равноапостольного князя Владимира и святых и праведных Кирика и Улиты.

За эту победу благодарное потомство дало

ему наименование Невский.

Но новгородцы, несмотря и на этот замечательный подвиг, совершенный их князем во славу Святой Софии, остались верны самим себе: обычная крамола и борьба сторон продолжалась по-прежнему, и в том же 1240 году Александр, забрав мать, жену и весь свой двор, должен был выехать от них и поселиться в отцовском Переяславле-Залесском. А враги православия и Русской земли между тем не дремали.

Мы уже упомянули, что в 1232 году, во время сидения в Новгороде отца Александра – Ярослава, изгнанные им новгородские мужи нашли себе приют у немцев, в городе Оденпе. Здесь же, в Оденпе, находился и князь Ярослав, сын брата Мстислава Удалого Владимира, того самого Владимира, который, бывши князем во Пскове, принимал участие со своими псковичами в славной Липецкой битве, а ранее этого был одно время на службе у немецких рыцарей, так как выдал свою дочь за брата епископа Альберта. Сын этого Владимира, Ярослав, тоже передался на сторону немцев.

Когда в Оденпе, где он сидел, прибыли новгородские изгнанники, то он попытался вместе с ними и при помощи рыцарей взять город Изборск, что им и удалось; но затем вскоре они были захвачены псковичами и заточены в 1233 году в Переяславле-Залесском.

Однако, к сожалению, Ярославу удалось уйти из своего заточения опять к немцам. Конечно, этот князь-отступник стал злейшим врагом своей Родины, и у него находили приют все русские изменники. А между тем в это время завелись предатели и во Пскове, несомненно подкупленные немцами, во главе с каким-то Твердилою. И вот Ярослав Владимирович вместе с Твердилою стали подучивать немцев пойти на Изборск, а потом и на Псков, обещая им верный успех.

Обнадеженные ими рыцари начали собирать большие войска, так как папа, направивший грозную рать крестоносцев из Швеции к устьям Невы, неотложно требовал и от ливонских рыцарей распространения их власти над русскими, уже разгромленными с востока татарами, и дерптский (юрьевский) епископ Герман стал первый созывать ополчение. За-

тем, собравшись, немцы без объявления войны напали на Изборск и взяли его приступом. «Из русских никто не был оставлен в покое. Убивали или забирали в плен всех, кто только осмеливался защищаться. Вопль и стоны раздавались по всей земле», – говорит с торжеством современный немецкий летописец.

Псковичи, возмущенные предательским нападением на Изборск, вышли рыцарям навстречу в том же 1240 году, когда Александр одержал свою блистательную победу над шведами, но, к сожалению, потерпели жестокое поражение и принуждены были заключить мир на унижительных для себя условиях: они должны были дать в заложники детей знатнейших граждан и пустить к себе в Псков для управления немцев во главе с гнусным Твердилою.

Конечно, это был громкий успех для рыцарей. Весть о нем разнеслась по всей Германии, и толпы немецких искателей приключений стали прибывать одна за другой на усиление ливонских рыцарей.

Скоро немцы вошли и в земли Великого Новгорода. Они обложили данью вожан и по-

строили крепость Копорье на берегу Финского залива, близ нынешнего Петербурга. Затем они пошли еще дальше, нещадно разоряя население, и появились уже в 30 верстах от города Новгорода, грабя русских купцов. При таких тяжелых обстоятельствах новгородцы стали просить у великого князя Ярослава себе князя; Ярослав согласился, но послал им не Александра, а следующего за ним сына – Андрея. Однако Андрей не смог улучшить дела новгородцев. Наоборот, к захватам немцев присоединились также дерзкие набеги литвы и чуди; уводились люди, лошади, скот; крестьянам нечем было пахать.

Тогда, наконец, новгородцы решились обратиться к Александру, занятому в это время сооружением в Переяславле-Залесском монастыря. Торжественное посольство, во главе с новгородским владыкою, отправилось к нему и стало умолять простить нанесенную обиду.

Александр согласился и прибыл к Святой Софии. Все мгновенно преобразилось. Немедленно собралось войско: новгородцы, ладожане, корелы, ижорцы весело шли под знаменами невского героя и скоро взяли Копорье, пле-

нив многих немцев.

Александр освободил большинство пленных рыцарей и только некоторых привел с собой в Новгород; «милостив был паче меры», – замечает летописец, но изменников вожан и чудь перевешал.

После этого он отправился к отцу, выпросил у него суздальские полки и с братом Андреем вернулся в Новгород.

Усердно помолившись у Святой Софии и испросив благословение Божие на новый подвиг, Александр объявил поход на немцев, похвалившихся «укорить словенский язык»; затем, по обыкновению, не теряя времени на ожидание, пока соберется новгородская рать, он поспешил занять все дороги, ведущие к Пскову, и быстро появился под его стенами, раньше, чем ошеломленные немцы могли получить сведения о его сборах.

Город был освобожден без особого труда, и немецкие наместники отправлены закованными в Новгород; шесть же главных изменников псковичей были преданы казни. Вслед за этим Александр вторгнулся во владения ливонских рыцарей, примыкавшие к самому

Пскову, и много неприятеля погибло, не ожидавшего такого быстрого нападения.

Страшная весть о потере Пскова была для немцев подобна громовому удару. Скоро стало собираться огромное ополчение. Рыцари решили навсегда покончить с Александром, как когда-то с мужественным, но несчастным Вячко. Первый магистр ордена и епископ были вполне уверены в успехе. «Пойдем погубим великого князя Русского, возьмем Александра живым в полон», – говорили они.

Но Александр был непоколебим в своем уповании на заступничество Божие за православную веру. Перед выступлением на врага он со всеми гражданами города усердно молился в Псковском детинце, в славном храме Святой Троицы, первоначальное построение которого приписывается равноапостольной княгине Ольге.

Затем войска выступили в поход. Наступила весна, но морозы еще держались, и воды были скованы льдом. Скоро один из наших передовых отрядов наткнулся на превосходные силы немцев и был ими разбит; другие наши части, посланные на разведку, доноси-

ли, что противник движется с огромными силами, ведя с собой множество чуди. Тогда Александр рассчитал, что ему будет выгоднее несколько отойти и ждать немцев на самом Чудском озере, лед на котором был еще крепок. Он так и сделал и расположился близ местности, носившей название «Вороньи Камни».

В субботу, 5 апреля 1242 года, показались немцы. С высоты скалы на Узмени, при повороте Чудского озера во Псковское, держа свою рать в полной готовности, Александр зорко следил за движением неприятельского войска, сверкавшего сталью своих копий, щитов и брони; оно стройно шло в особом клинообразном боевом порядке, носившем название свиньи. Это была страшная свинья для всех слабых духом войск; она врезывалась во вражеские полки своим острым клином, расстривала их ряды, и затем начиналось жестокое избиение неприятеля.

Видя, что противник уже подходит, Александр, осенив себя крестным знаменем, воздел руки к небу и громко произнес: «Помоги мне, Господи, как некогда моему прадеду Яро-

славу против Святополка Окаянного»[23]. «О, дорогой и честный наш княже! Пришло время! Мы все положим за тебя свои головы!» – восторженно отвечали ему на это из рядов.

Скоро приблизились немцы. Грозная свинья врезалась в наши войска и прошла их насквозь, но рыцари с ужасом убедились, что ряды русских и не думают расстраиваться, а, наоборот, плотно и стройно смыкаются вокруг них, сжимая как клещами, и затем со всех сторон начинают наносить ожесточенные удары. «Тогда бысть сеча зла на Немци и на Чюдь, трус (сотрясение, шум) велик от копейнаго коления и звук от мечеваго сечения, яко и озеро помръзе двигнутися, и не бе видети леду, покрыто бо бяще кровью», – рассказывает летописец.

Немцы дрогнули. Заметя это, Александр быстро совершил с отборным полком обходное движение и ударил в самое чувствительное место неприятельского расположения. Скоро началось ужаснейшее избиение рыцарей и чуди. Лед озера, красный от крови на протяжении семи верст, покрылся трупами. Потери наших врагов были громадны.

После этого беспримерного побоища, получившего прозвание Ледового, Александр с великой славой въехал во Псков. Близ его коня шли 50 знатнейших рыцарей, а позади – множество простых пленных. Он первым делом направился к храму Святой Троицы и здесь вознес горячую молитву за дарованную победу, причем жители города обещали вечную признательность ему и его потомству.

Так печально окончилось предприятие ордена против русских. «Храбрый Александр принудил рыцарей к миру», – с грустью отмечает немецкий летописец.

Ледовое побоище, вместе с Невской победой, дало полное торжество православию над ковами против него со стороны папы и надолго остановило наступательные движения против нас шведов и немцев, в самые горестные и трудные годы русской жизни.

Но в эти злые времена на нашем северо-западе поднялся и третий свирепый враг – Литва. «В то время умножишься языка литовского и начата пакостити в области великого князя Александра», – говорит летописец; но Александр не замедлил нанести и Литве

несколько жесточайших поражений.

*Радуйся, буйства неустроенная в
тыя дни Литвы укротителю!
Радуйся, своя земля мужествен-
ный Защитителю! –*

поется ему в акафисте.

Летом 1242 года, по получении первых известий о набегах литовцев, Александр с немногочисленным войском выступил им навстречу; как обычно, недостаток своих сил он восполнял необыкновенной быстротой передвижений и искусным ведением боя. За один поход ему удалось рассеять до семи неприятельских отрядов и избить множество их князей, причем он и сам не раз подвергался величайшей опасности.

Удар, нанесенный им, был так силен, что литовцы не беспокоили Александра больше двух лет, в течение которых он прожил сравнительно спокойно в Новгороде, понеся, впрочем, в 1244 году незаменимую утрату: скончалась жившая с ним мать его – «блаженная и чюдная» княгиня Феодосия, принявшая перед кончиною схиму с именем Ефросинии.

В 1245 году литовцы оправились и опять стали совершать ряд набегов на Русскую землю; они сожгли окрестности Торжка и Бежецка и завладели было Торопцом, в котором заперлись. Но сюда, наутро, уже прискакал грозный Александр и взял обратно город, причем множество литовцев было иссечено и в том числе восемь князей. Довольные победой, новгородцы не хотели продолжать похода, но дальновидный Александр судил иначе; с одной своей дружиной, «со своим двором», он погнался преследовать литовцев, настиг их у озера Жизец и изрубил всех до единого человека. Затем, после краткого отдыха у тестя Бречислава в Витебске, Александр взял с собой своего маленького сына, гостившего у деда, и выступил в новый поход против литовцев; он встретился с ними близ Усвята и опять нанес жесточайшее поражение. Этими решительными и беспощадными действиями Александр навел на литовцев полный ужас, и в течение нескольких лет они не осмеливались появляться в его владениях.

Но все блистательные победы Александра не могли, разумеется, иметь какого-либо зна-

чения по отношению татар.

В 1243 году великий князь Ярослав, деятельно занятый приведением в порядок своей земли после испытанного страшного погрома и постоянно тратя огромные деньги из личных своих средств на выкуп и облегчение участи несчастных, попавших в неволю к татарам, получил грозное приглашение Батыя явиться к нему. Надо было, разумеется, беспрекословно повиноваться; у самого Батыя на Волге имелось всегда под рукою шестисоттысячное войско, а в степях Поднепровья было расположено 60 тысяч человек, под начальством татарского воеводы Куремсы. Вслед за Ярославом отправились к Батыю на поклон и все его родичи, а сын Ярослава Константин поехал в Татарские земли, за Байкальское озеро, где близ Каракорума была расположена ставка великого хана. Батый принял Ярослава довольно милостиво и, отпустив, сказал: «Будь ты старший между всеми князьями в русском народе».

В 1245 году молодой князь Константин вернулся из Татарских земель, и отец его Ярослав должен был сам отправиться туда. Он присут-

ствовал там при воцарении, в 1246 году, нового хана Гаюка; через некоторое время мать этого Гаюка пригласила к себе Ярослава и в знак великой чести дала ему есть и пить из своих рук, отчего, однако, он заболел и через семь дней умер; полагали, что он был отравлен ханшей, так как тело его посинело удивительным образом, и что это было сделано по наветам какого-то русского предателя, Феодора Яруновича. Так кончил свой земной путь мужественный Ярослав, много потрудившись на пользу Русской земли в наступившие ужасные для нее годы.

Почти в то же время, как погиб Ярослав, и Михаил Черниговский был вызван к Батыю. Он возбудил против себя неудовольствие татарских должностных лиц, производивших в Чернигове поголовную перепись оставшихся в живых жителей и наложивших на всех тяжелую дань.

Перед отправлением в Орду Михаила напутствовал епископ и дал ему запасные дары; его сопровождали малолетний внук Борис, сын убитого татарами в Шернском лесу Василька Константиновича, и верный боярин

Феодор.

Прибыв в Сарай, Михаил хотел войти в ханский шатер, но от него потребовали, чтобы он раньше прошел через разложенный перед ставкою огонь и поклонился татарским идолам. Михаил отказался от этого наотрез. «Я могу поклониться царю вашему, ибо Богу угодно было поставить его надо мною, но христианин не служит ни огню, ни идолам». Разгневанный Батый послал тогда к нему своего вельможу Эльдегу с приказанием или повиноваться, или принять смерть. Михаил согласился на последнее и, причастившись вместе с боярином Феодором Святых Тайн, стал в ожидании смерти громогласно петь псалмы царя Давида. Юный Борис и остальные русские вельможи со слезами на глазах умоляли Михаила согласиться исполнить требуемое, но он был непоколебим. Скоро на Михаила набросились озверелые татары и начали топтать ногами и бить в сердце; все русские безмолвствовали, пораженные ужасом; один только боярин Феодор с просветленным лицом продолжал петь псалмы. Наконец, некий русский вероотступник, Доман из Путивля,

отсек Михаилу голову и слышал последние слова князя, произнесенные тихим голосом: «Христианин есмь». Вскоре за ним был умерщвлен и боярин Феодор, после чего тела двух страдальцев были брошены на съедение псам; однако они были сохранены усердием приехавших с ними русских, а наша церковь причла обоих мучеников к лику святых.

После варварского убийства Михаила внук его Борис Василькович получил позволение вернуться домой. Старшая дочь Михаила Федулия отличалась большим благочестием. Она была невестой одного из потомков славного варяга Шимона – князя Мины Суздальского; когда же жених ее скончался, то она постриглась в Суздале с именем Ефросинии, провела жизнь в строгом подвижничестве и после смерти удостоилась нетления мощей [24].

В то время как Михаил Черниговский погибал мученической смертью в Орде, сын его Ростислав, успевший жениться на дочери венгерского короля Белы Четвертого, не прекращал своих происков овладеть Галичем, пользуясь помощью венгров и крамольных

галицких бояр. Наконец, Даниил разбил его на реке Сан, причем был убит и известный нам Филя Прегордый. После этого Даниил стал скоро одним из сильнейших славянских князей, и в нем начали заискивать все его соседи.

По отношению татар дела Даниила шли менее блестяще.

Он получил грозный приказ Батые: «Дай Галич». Тогда Даниил решил сам отправиться в Орду. По пути он встретил татар за Переяславлем, гостил у их начальника Куремсы и, наконец, прибыл к Батыю. Батый встретил его милостиво, не заставил исполнять монгольских обрядов и приветствовал словами: «Ты долго не хотел меня видеть, но теперь загладил свою вину. Пьешь ли ты наше молоко, кобылий кумыс?» – «До сих пор не пил, а прикажешь – буду», – смиренно отвечал Даниил, стоя на коленях.

После этого Батый, в знак особого благоволения, прислал ему вина. Прожив двадцать пять дней у татар, Даниил выехал домой с большой честью – с именем слуги и данника ханского. «О, злее зла честь татарская!» – го-

рестно восклицает летописец, рассказывая про это.

Кроме русских князей, к великому хану в Татарские земли ездило на поклон огромное количество всевозможных лиц из Азии и Европы. Беспокойство в последней, в ожидании татар, было общее: народ постился, а духовенство день и ночь молилось в церквах. Только один Людовик Святой, храбрый французский король, не терял бодрости и говорил своей матери, что он, в надежде на Бога и на свой меч, смело встретит монголов. Папа Иннокентий Четвертый, желая миром удалить грозу нашествия, отправил к великому хану послов с дружелюбными письмами. Один из них, монах Плано-Карпини, проезжал через Русскую землю в Татарские земли в 1246 году и оставил любопытные записки о своем путешествии.

Василько, брат Даниила Романовича, принимал Карпини во Владимире Волынском; Карпини убеждал его, от имени папы, перейти в латинство, но Василько с епископами отвечали, что они без Даниила, бывшего в это время в Орде, ничего сделать не могут. Проез-

жая дальше по России, Карпини нашел везде очень мало жителей, так как большинство были убиты; Киев же представлял собою небольшой городок, в котором было двести дворов.

Проведя несколько времени на Волге у Батая, который принял гостей в палатке, отобранной у венгерского короля, они отправились дальше в Татарские земли, куда длинный путь был необыкновенно тяжел; в Киргизской степи Карпини видел кости бояр Ярослава, умерших здесь от жажды. Наконец, они прибыли в Большую Орду, которая называлась также Золотой, так как великий хан помещался в шатре, поддерживаемом столбами, окованными золотом. Посольство застало в Орде до четырех тысяч знатных людей из разных стран. Все они дожидались торжественного утверждения на курилтае великим ханом преемника Угедея – Гаюка. Первое место среди иностранцев занимал великий князь Ярослав Всеволодович; однако честь, оказываемая ему, была не особенно велика: за обедом он садился ниже приставленного к нему пристава. Гаюк не хотел принимать по-

сольства от папы, так как он деятельно готовился к походу для завоевания Европы, но затем все-таки Карпини удалось быть принятым им, вручить письмо папы и получить на него ответное, в котором Гаюк между прочим писал: «Бог на небесах, а я на земле». После этого папских послов скоро отправили в обратный путь, и перед своим отъездом они были свидетелями отравления Ярослава Всеволодовича.

Карпини привез в Европу страшную весть о готовящемся новом нашествии монголов для ее покорения в течение восемнадцати лет, но, к счастью, Гаюк жил недолго и скоро погиб от яда, а его преемник Менгу был отвлечен внутренними волнениями, начавшимися в Азии, почему поход на Европу и был отложен.

После кончины Ярослава великое княжение Владимирское перешло к брату его Святославу, который утвердил сыновей Ярослава на уделах, данных им отцом.

С этого времени начинается новая пора в жизни Александра и великого его служения Родине. Он понял своим глубоким умом пол-

ную невозможность борьбы с татарами до наступления лучших времен и понял также, что только безусловным повиновением нашим новым властителям и беспрекословным исполнением всех их требований по части уплаты дани возможно спасти Родину от всех ужасов второго татарского нашествия.

Поэтому вся жизнь Александра после кончины отца и была направлена к тому, чтобы приобрести полное доверие к себе со стороны татар, конечно, для того, чтобы они, по возможности менее вмешиваясь в наши внутренние дела, позволили бы отдохнуть и обратиться с свежими силами полураздавленной русской народности.

Для достижения этой великой и святой цели Александр не щадил себя; он шел на всякие опасности и труды и испил до дна горькую чашу унижений от татар; вместе с тем он прошел также через ряд самых глубоких душевных страданий, так как зачастую не был понят даже своими близкими и родными.

Оплакав насильственную смерть отца, Александр получил грозное приглашение Батая явиться к нему. Он отправился вслед за

своим братом Андреем, выехавшим ранее его.

Когда Александр прибыл в ханскую ставку, то, как об этом говорится в его житии, татарские волхвы перед тем, чтобы допустить его к Батыю, потребовали от него так же, как и от Михаила Черниговского, чтобы он прошел «сквозь огонь и поклонился кусту и огневи и идолам». Готовый претерпеть для блага и спасения своей Родины всевозможные унижения, Александр не счел, однако, возможным совершить что-либо противное христианской совести. Поэтому на гнусное предложение волхвов он, не страшась своим отказом навлечь на себя мученическую смерть, бестрепетно отвечал: «Я – христианин, и мне не подобает кланяться твари. Я поклоняюсь Отцу и Сыну и Святому Духу, Богу единому, в Троице славимому, создавшему небо и землю и вся, иже в них суть». Спокойное мужество Александра поразило придворных хана, которые тотчас же отправились доложить об его ответе Батыю. Все были уверены, что он, так же как Михаилу Черниговскому, велит объявить ему свое повеление: или поклониться огню, кусту и идолам, или умереть.

Однако, к общему удивлению, Батый прислал сказать, что он разрешает Александру предстать перед его очи без исполнения обрядов, требуемых волхвами.

И вот русский князь Александр, знаменитый победитель шведов, немцев и литовцев, прекрасный и светлый, как ангел, вошел в шатер грязного татарина, поработителя его земли и убийцы многих близких родственников, разложил принесенные дары, пал перед ним на колени и смиренно склонил голову.

Много веков прошло с тех пор, но и теперь сердце каждого русского человека должно болезненно сжиматься, вспоминая это бесконечно тяжкое унижение лучшего из русских князей, который искупал им не свой, а чужой грех – отсутствие братолюбия и единства, погубившее нашу Родину. Батый несколько времени любовался преклоненным перед ним героем; наконец, обращаясь к окружающим, он произнес: «Правду говорили мне: нет князя, равного этому».

От Батыея Александру с братом Андреем пришлось совершить длинный и трудный путь в далекие края, для представления вели-

кому хану, и, конечно, пройти и там через ряд горьких унижений.

Во время этой поездки их младший брат, Михаил Хоробрит, или Храбрый, получивший в удел Москву, решил, не имея никаких прав, изгнать дядю Святослава из Владимира и самому сесть на великое княжение. Михаил, впрочем, скоро погиб в борьбе с Литвою, а на следующий год вернулись Александр и Андрей с честью и пожалованием от хана Менгу.

Андрею было дано великое княжение Владимирское (дядя Святослав жил недолго и скоро умер); Александр же, хотя и старше Андрея, получил Новгород и Киев.

Что заставило хана обойти Александра — неизвестно. Может быть, это соответствовало и желанию покойного Ярослава, который считал Александра, как самого способного из своих сыновей, наиболее пригодным для занятия столь трудных в то время столов, как Новгородский и особенно Киевский, где все необходимо было восстанавливать вновь из развалин.

Во всяком случае, вернувшись к началу

1250 года в Русскую землю, Александр отправился в Новгород, где был встречен жителями с большой радостью, и стал усердно заниматься делами Святой Софии.

Скоро в Новгород к нему прибыло чрезвычайное посольство от папы Иннокентия Четвертого.

Папа прислал к нему двух своих знатнейших вельмож – кардиналов Гольда и Гемен-та – с письмом, в котором требовал перехода Александра вместе со всем русским народом в латинство, утверждая, что покойный отец его Ярослав обещал это перед смертью в Татарских землях его послу Плано-Карпини, чего в действительности не было, так как в своих записках, дошедших до нас, Плано-Карпини, описывая смерть Ярослава, не говорит об этом ни одного слова.

Хитрые кардиналы, вручив Александру папское послание, помеченное 8 февраля 1248 года, стали, разумеется, всячески его уговаривать перейти в латинство, уверяя, что, только отрекшись от православия, он найдет помощь у западных государей и тем спасет как себя, так и свой народ от татар.

На это Александр, до глубины души возмущенный как самим предложением, так и клеветой на покойного отца, грозно отвечал им:

«Слышите, посланцы папезстии и прелестницы преокаянныя. От Адама и до потопа, и от потопа до разделения язык и от разделения язык и до начала Авраамля, и от Авраамля до приития Израилева сквозе Чермное море, а от начала царства Соломона до Августа царя, а от начала Августа до Рождества Христова, и до страсти, и до воскресения Его, а от воскресения Его и на небеса всшествия, и до царствия Великого Константина, и до первого собора и до седьмого собора: сия вся сведаем добре, а от вас учения не принимаем».

Сообщив этот же ответ папе в письме, Александр отправил кардиналов домой и продолжал ревностно заниматься новгородскими делами с тем, разумеется, чтобы привести их в порядок и иметь возможность отправиться для многотрудной деятельности в Киев, откуда приехал его навестить митрополит Кирилл, вместе с ростовским епископом Кириллом же, большим почитателем Александра.

Однако вскоре после отъезда митрополита Александр заболел какою-то опасной болезнью; «бысть болезнь его тяжка зело», что вызвало сильнейшее беспокойство во всем Новгороде и задержало выезд в Киев.

Затем, едва оправившись от болезни, Александр должен был приложить все свои заботы на предупреждение голода, грозившего Новгороду в 1252 году, вследствие дурной весны, а также и на снаряжение посольства к норвежскому королю Гакону, с целью сватовства дочери его Христины за сына своего Василия.

Но занятия всеми этими делами были неожиданно прерваны. Вместо Батыея, за его старостью, в Сараевской Орде стал править сын его Сартак, к которому надлежало спешить ехать на поклон, так как во Владимире в это время произошли страшные беспорядки, вызвавшие второе нашествие татар.

Насколько можно судить по дошедшим до нас сведениям, Андрей Ярославович был человеком благородным, но не столь мудрым, как брат Александр, «поспешным», по определению отца своего Ярослава, и, севши на ве-

ликое княжение во Владимире, он не мог сносить терпеливо унижительной для себя зависимости от татар; это вызвало с их стороны величайшее раздражение и посылку большого карательного отряда, под начальством Неврюя, то есть вызвало именно то, от чего так самоотверженно старался защитить Русскую землю Александр.

Ввиду этих грозных обстоятельств Андрей вынужден был тайно выйти из Владимира, а Александр поспешил в Орду, чтобы представиться Сартаку и умилоствовать его гнев. При этом на своем пути он должен был иметь большую горечь встретить войска Неврюя, шедшие опустошать Суздальский край.

Татары настигли Андрея у Переяславля, разбили его дружину и едва не захватили его самого; затем они разошлись по всем Владимирским областям, жгли, насильничали и убивали; захватили Переяславль, составлявший удел Александра, убили в нем воеводу, жену юного брата Александра Ярослава и пленили ее детей.

Александр в это время сумел умилоствовать в Орде Сартака и возвращался с пожало-

ванием на великое княжение, но поздно: татары уже уходили с торжеством, разорив и ограбив все, что было в их силах.

Сердечно встреченный владимирцами, Александр должен был, подобно покойному отцу, хоронить трупы, восстанавливать храмы и жилища и призывать жителей, разбежавшихся по лесам, вернуться в свои владения.

Неблагодарный же Андрей бежал в Швецию и только через несколько лет вернулся на Родину, где с любовью был принят старшим братом, который дал ему Суздаль.

Между тем после сурового ответа, данного Александром послам папы, в Риме решили опять открыть враждебные действия против Русской земли, натравливая на нее для этого наших соседей. В 1253 году Иннокентий Четвертый, писавший Александру, послал приказание епископам и духовенству Ливонии – проповедовать новый Крестовый поход, причем презрительно смешивал в своем послании русских с татарами.

В том же 1253 году рыцари внезапно подступили к Пскову, в надежде его легко захва-

тить, но были мужественно отбиты жителями города и затем стали поспешно отступать, узнав, что на выручку псковичей идут новгородцы с сыном Александра Невского – юным Василием; так, после Невской победы и Ледового побоища, стал наводить на немцев страх один только слух о движении новгородцев.

Тогда, не теряя времени на преследование, новгородцы направились к устью реки Наровы, в расположенные здесь немецкие владения, и «створиша волость их пусту». Псковичи же, видя поспешное отступление немцев, погнались за ними, принудили к бою и «победита я». При таких обстоятельствах рыцари вынуждены были просить мира, который и был заключен «на всей воле Новгородской и Псковской».

Кроме немцев, латиняне возбуждали против нас жестокого и коварного Миндовга, объединителя литовских племен.

Он овладел еще в 1235 году русским городом Новогрудком, затем стал быстро усиливаться и, найдя выгодным иметь поддержку папы[25], принял католичество, в награду за что получил из Рима королевский венец. Ско-

ро он отрекся от христианства, но сила его возрастала все более и более; Миндовг овладел раздробленными уделами полоцких князей и после Бречислава, тестя Александра Невского, посадил в древнем гнезде Рогнеды своего племянника Тевтивила.

В 1252 году, во время поездки Александра в Орду для представления Сартаку, Миндовг пошел воевать Смоленскую землю, причем отряды его стали опустошать и новгородские владения. Тогда сидевший в это время в Новгороде сын Александра Василий, несмотря на крайнюю свою юность (11–12 лет), храбро выступил против литовцев, конечно руководимый опытными боярами, геройски сразился с ними и разбил наголову. Таким образом, на время были усмирены и литовцы.

Но новгородцы не могли ужиться долго и с юным сыном Александра Невского, и в 1255 году он должен был выехать от них в Торжок.

Узнав про это, Александр отправил свои войска к Новгороду, с целью смирить его, причем решил сделать это без кровопролития; подойдя к городу, он потребовал выдачи посадника Анании, которого считал главным

заводчиком происшедшего недоразумения с сыном. Однако у Анании была сильная партия, не желавшая его выдавать; поэтому возникли оживленные переговоры, и, наконец, снисходя на усиленные просьбы жителей, Александр удовольствовался только смещением Анании с должности посадника и вернулся домой.

Скоро, однако, ему вновь довелось ехать в Новгород. В следующем же, 1256 году шведы, в союзе с датчанами, собрали большие силы, конечно, не без влияния папы, и стали строить крепость недалеко от устья Наровы. Это всполошило новгородцев. Они стали собирать свои войска и просили Александра прийти им на помощь. Узнав про это, шведы поспешили уйти и оставили свою крепость недостроенной. Но Александр решил их сильно наказать за дерзкую попытку. Он прибыл со всеми своими полками в Новгород и, несмотря на суровую зиму, приказал тотчас же выступить в дальнейший поход. Все повиновались, но никто не знал, куда они идут, хотя с войсками шел и митрополит Кирилл, что показывало, конечно, на чрезвычайное зна-

чение предстоящих военных действий.

Когда рать достигла Копорья и остановилась здесь для отдыха, то Александр поздравил своих воинов с походом в Финляндию, где с 1242 года стали утверждаться шведы, построив укрепленный замок Тавастгус. Вот здесь, в Финляндии, Александр и решил нанести шведам ряд тяжелых ударов и вместе с тем показать и финляндцам мощь русских.

Митрополит Кирилл благословил Александра и его ратников на продолжительные тяжелые подвиги и вернулся в Русскую землю; войска же наши, с доблестным своим князем, начали беспремерный по трудности поход. «Бысть зол путь, – говорит летописец, – аки же не видали ни дня, ни ночи». Но могучая воля Александра и самоотверженность его сподвижников преодолевали все трудности. Двигаясь постоянно в сумерках зимнего дня, почти ощупью, терпя недостаток во всем, войско наше шло безостановочно вперед, и Александр прошел по Финляндии – «как Божия гроза из края в край».

Этот поход навел такой страх на шведов, что только тридцать семь лет спустя они

осмелились вновь начать враждебные действия против русских.

По возвращении из тяжелого Финляндского похода Александру пришлось снова отправиться в Волжскую Орду, где опять произошли большие перемены: Сартак был убит дядей своим Берки, который, согласно воле великого хана, объявил себя преемником умершего Батыя и поручил ведать Русскою землею своему вельможе Улавчию.

По-видимому, Александр проведал, что Улавчий собирается послать в наши пределы отряд татар для составления переписи и сбора дани; ввиду этого он и поспешил в Орду, неся богатые дары для отвращения посылки татарского отряда, так как хорошо знал, по уже бывшим при Батые примерам, как производят такие отряды переписи.

«Батый, – рассказывает Плано-Карпини, – прислал на Русь[26] для сбора дани своего доверенного вельможу – баскака, который у каждого отца семейства, имевшего трех сыновей, брал одного, захватывал всех неженатых мужчин и женщин, не имевших мужей, также всех нищих; остальных же перечис-

лил, по татарскому обычаю, и обложил данью; каждый мужчина, какого бы он ни был состояния, обязан был платить по меху – медвежьему, бобровому, соболиному, хорьковому и лисьему; кто не мог заплатить, того отдавали в рабство».

В Орде Александр достиг весьма многого, а именно: внутреннее управление делами в Русской земле и право вести с кем угодно войну и заключать мир было оставлено за князьями. Конечно, это имело громаднейшее значение в судьбе нашей Родины и дало возможность русским людям обратиться с силами, чтобы освободиться от позорного татарского ига.

Но отклонить проезд татарских чиновников для производства поголовной переписи Александру не удалось, и по его возвращении домой приехали и татары в Суздальскую, Рязанскую и Муромскую земли, сосчитали всех жителей и поставили над ними для сбора дани десятников, сотников и тысячников; только лица духовного звания были освобождены от ее уплаты.

Скоро Александру пришлось опять отпра-

виться к Улавчию, чтобы отворотить новую беду, которая грозила Русской земле, так как последний настоятельно требовал, чтобы и новгородцы также платили поголовную дань, а Александр знал, что они от этого откажутся.

Однако Александру не удалось отговорить Улавчия не брать дани с новгородцев; тогда, страшась, что буйные новгородцы могут раздражить татарских сборщиков и тем, конечно, вызвать новое нашествие варваров, которые опустошат все великое княжество Владимирское, прежде чем доберутся до новгородцев, он сам отправился с ханскими сборщиками в Новгород, рассчитывая при этом, что, находясь на месте, он будет в состоянии своим личным влиянием сейчас же улаживать все могущие возникнуть недоразумения с татарами. Это было в 1257 году.

Однако и известие, что Александр лично едет со сборщиками дани, не подействовало на новгородцев. Их лучшие люди поняли, что надо беспрекословно покориться татарам, но не так думала толпа и те люди, которые подучали ее; скоро в городе вспыхнул мятеж и убили двух посадников; сын же Александра,

пылкий и юный Василий, продолжавший сидеть здесь на княжении, объявил, подстрекаемый крамольными советниками, что не хочет повиноваться отцу, который ведет с собой оковы и стыд для вольных людей, и выехал из Новгорода.

В это время как раз приехал Александр с татарскими послами. Новгородцы объявили им, что не хотят повиноваться хану, и, наотрез отказавшись платить дань, отправили их обратно в Орду, сделав, впрочем, этим послам подарки.

Предвидя страшную месть со стороны татар, грозившую прежде всего обрушиться не на Новгород, а на ни в чем не повинный Суздальский край, по которому они пройдут, Александр поспешил сам сурово наказать заводчиков мятежа и главных из них казнил отсечением руки или лишением глаз и других членов. Разумеется, он прибегнул к этим необычным в Русской земле казням только для того, чтобы, в случае надобности, показать казненных татарам и убедить последних, что виновные были тотчас же наказаны; если же бы он казнил их лишением жизни,

то, не зная никого в Новгороде, татары, по приезде туда, могли этому и не поверить.

Нет сомнения, что эта пора в жизни Александра была для него самая безотрадная; даже родной сын не понял его и восстал против отца; конечно, ему было крайне тяжело прибегать и к указанным жестоким казням, и только в сознании их полной необходимости для блага всей Русской земли мог он находить себе нравственную поддержку.

Действительно, благодаря принятым Александром решительным мерам хан удовлетворился его объяснениями и уведомлением, что новгородцы решили покориться новым владыкам Русской земли, и хотя затем прошел слух, приведший всех в ужас, что на Новгород идут грозные полчища татар, сюда на самом деле прибыло в 1259 году только два татарских чиновника со своими семьями и с подручными людьми для переписи и сбора дани.

Скоро, однако, новгородцы, не привыкшие к наглости татар, возмутились опять, и перепуганные ханские посланные стали просить у Александра охраны. Он немедленно приста-

вил к ним сына посадника и боярских детей, которые стерегли их день и ночь, но мятеж все-таки не утихал. Тогда Александр прибегнул к последнему средству: он выехал вместе с татарскими сборщиками из города и объявил, что предает его гневу хана, а сам навсегда едет во Владимир. Это наконец подействовало, и народ согласился принять переписчиков. Татары ездили из улицы в улицу и всех переписывали. И безмолвие, и скорбь царили в гордом городе.

После благополучного отъезда из Новгорода нагруженных данью татар отбыл из него и Александр, оставив здесь своего сына Димитрия. Он отправился прежде всего в Ростов — отдохнуть от своих тяжелых трудов; здесь, в Ростове, проживала всеми глубокочтимая княгиня Мария Михайловна, дочь замученного в Орде Михаила Черниговского и вдова замученного же в Шернском лесу Василька Константиновича. Ее сыновья Борис и Глеб были очень преданы Александру и более других понимали его. В Ростове же он должен был встретиться с епископом Кириллом. Из Ростова Александр отбыл к себе во Владимир

на Клязьме, где он продолжал усердно заниматься делами своего великого княжества и укреплением дружеских отношений с Орду. Он постоянно отправлял туда огромные деньги для выкупа пленных и на подарки ханским чиновникам.

В 1261 году ему удалось устроить в Орде большое дело: ему разрешили учредить православную епархию в самой ханской столице – Сарае, что, конечно, было великим утешением для многочисленных русских пленников.

Первым сарайским епископом был преосвященный Митрофан; и, несомненно, как ему, так и митрополиту Кириллу, самоотверженно лично ездившему в Орду, русские люди были обязаны тем, что святая наша вера начала скоро пользоваться величайшим уважением среди татар; некоторые ханши стали исповедовать христианство, а племянник хана Берке даже тайно бежал в Ростов, крестился здесь, причем был наречен Петром и впоследствии за свою праведную жизнь был причтен к лику святых.

Сравнительно спокойная жизнь Алек-

сандра во Владимире продолжалась недолго. В 1262 году в наших пределах появились новые пришельцы. То были «бессермены» – мусульманские и жидовские купцы из Средней Азии, которые откупили у татар право собирать дань с Русской земли и стали собирать ее так, что и до сих пор слово «басурман» считается бранным. Эти проклятые бессермены особенно хитро опутывали неопытных людей громадными ростоми, или процентами, за невнесенную вовремя дань и затем в большом количестве продавали своих должников. Наконец русские люди не выдержали и во многих городах стали при звуках вечевых колоколов изгонять бессермен, причем некоторых и убивали; убит был тогда также и отступник монах Зосима, перешедший в магометанство и утеснявший православный народ; тело его было брошено на съедение псам.

Конечно, эта расправа с бессерменами должна была вызвать сильнейшее негодование в Орде.

Александр в это время готовился выступить против ливонских рыцарей, но, узнав об избиении бессермен, поручил вести войска

против немцев сыну своему Димитрию, который скоро взял приступом Юрьев и заключил с немцами выгодный мир; сам же он решил ехать в Орду, отклонить от Русской земли новое вражеское нашествие за изгнание бессермен.

Несомненно, он ехал туда почти на верную смерть, так как хан Берке, получив известие об избиении бессермен, пришел в ярость и решил двинуть в наши пределы 300 тысяч своих войск, собранных для похода в Персию.

Однако милосердный Господь помог Александру и на этот раз спасти свою Родину от гибели. В Волжской, или Кипчакской, Орде происходили в это время великие несогласия. Один из главных татарских воевод – Ногай – отложился от хана и образовал независимую Орду на берегах Черного моря, после чего вступил в союз с греческим императором Михаилом Палеологом, который в 1261 году изгнал латинян из Царьграда и восстановил Византийскую империю; этот Палеолог, вступив в союз с Ногаем, не устыдился выдать за него свою дочь.

Что же касается хана Берке, то он внезапно

умер, и Александр, прожив около года в Орде, повел дело с новым ханом Менгу-Тимуром так искусно, что последний не только простил мятеж против бессермен, но и освободил русских от обязанности давать свои войска для участия в походах татар, чего настоятельно требовал хан Берке.

Эта четвертая поездка в Орду была последним земным подвигом Александра.

Возвращаясь домой, он заболел в пути и приехал в Нижний, уже изнемогая от слабости; оправившись немного, он продолжал путешествие, но в Волжском Городце слег окончательно в Феодоровском монастыре.

Чувствуя приближение конца своей многотрудной жизни, Александр стал просить о пострижении его в иночество с именем Алексий.

«Горе тебе, бедный человек, како можеши написати кончину господина своего, великого князя Александра Ярославовича? – восклицает летописец. – Как не испадета зеници твои вкупе со слезами? Как ли не разседеся сердце твое от многыя тугы? Отца бо человек может забыта, а добра господина, аще бы с

ним и в гроб влезл». В келии, где лежал умирающий, собрались братья и все близкие ему люди. Слыша громкие рыдания верных слуг вокруг своего смертного одра, смиренный схимник Алексей открыл глаза и кротко произнес: «Удадитесь и не сокрушайте души моей жалостью», затем он еще раз открыл свои очи, орошенные слезами, и сподобился причаститься Святых Тайн, после чего сейчас же отдал Господу свою светлую душу, на сорок пятом году земной жизни. Это было 14 ноября 1263 года, в день памяти святого апостола Филиппа.

В то время, когда Александр оканчивал свою жизнь в Волжском Городце, его верный друг и сподвижник, митрополит Кирилл, гостил во Владимире на Клязьме. Служа в соборном храме обедню и, без сомнения, горячо молясь о благополучном возвращении великого князя из Орды, святитель внезапно поднял свой взор вверх и увидел, что перед ним, как живой, стоит Александр, но озаренный неземным сиянием, а затем тихо, как бы вознесясь на крыльях, скрылось из глаз Кирилла «подобие образа блаженного великого князя

Александра». Митрополит понял, что не стало великого защитника и печальника за Родину.

«Зашло солнце земли Русской», – проговорил он сквозь слезы с амвона. Но никто не мог понять значения этих слов.

Тогда Кирилл, прерывая слова рыданиями, громко произнес: «Чада моя милая, знайте, что ныне благоверный князь великий Александр преставился»... Ужас охватил всех при этих словах. Раздались вопли скорби и отчаяния. «Погибаем!» – воскликнули все единодушно.

Скоро опустел весь стольный город Владимир; духовенство, бояре и народ, несмотря на жестокий мороз, вышли к Боголюбову встретить драгоценный прах своего великого князя, а 23 ноября состоялось торжественное отпевание в соборном храме.

Когда инок Севастьян, приблизившись к гробу, хотел было разогнуть руку усопшего, чтобы митрополит мог вложить в нее грамоту душевную, то блаженный князь, «яко жив», сам простер руку, чтобы принять «свиток грехов прощения», и затем снова сложил крестообразно руки на груди. Это чудо глубо-

ко поразило всех присутствующих.

Затем тело было положено в соборной церкви иноческой обители Рождества Богородицы.

Говорить о земных заслугах Александра перед Родиной излишне. Они навеки запечатлены в сердцах всех истинно русских людей и преемственно передаются отцами своим детям в то время, когда они начинают учить их молиться Богу и любить своего государя и Родину.

О многочисленных же чудесах при мощах святого благоверного великого князя Александра Невского и о их перенесении Петром Великим в Петербург будет говориться в последующих «Сказаниях о Русской земле».

Скоро после Александра Невского сошел в могилу и Даниил Романович Галицкий. Когда он вернулся домой от Батыея с ханским пожалованием, то король венгерский и поляки стали наперерыв искать его дружбы, так как Даниил, конечно, стал им страшен приобретенными связями с татарами. Но сам Даниил не мог забыть «злой чести татарской» и всех унижений, вытерпленных им в Орде, и ре-

шил искать сближения с Западом, чтобы иметь себе союзников для борьбы с монголами.

Он вошел в сношения с папой, причем был поднят вопрос о переходе его и всего галицкого народа под власть последнего, если папа соберет достаточно большое количество войск против татар; при этом Даниил настаивал, чтобы был собран Вселенский собор для обсуждения вопроса о примирении православной и латинской веры, а папа, соглашаясь на это, проклял в своем послании всех католиков, которые будут хулить православие до созыва собора. Но как со стороны Даниила не было искреннего желания признать папу главой церкви, так и со стороны папы обещания собрать войска и созвать собор были тоже только искусной уловкой, или, как говорят, политикой, с целью переманить в латинство Даниила со всеми его подданными. К тому же увлечение на Западе Крестовыми походами прошло, и на призыв папы никто и не думал собираться идти против татар.

Тогда хитрый Иннокентий Четвертый вздумал прельстить Даниила присылкой ко-

ролевского венца; но тот разумно отвечал на это: «Требую войска, а не венца, украшения суетного, пока варвары господствуют над нами». Однако, уступая настояниям матери и вельмож, Даниил принял венец, но скоро прекратил сношения с папой, убедившись, что помощи от него не будет, и стал сам готовиться к борьбе с татарами, деятельно укрепляя свои города. Затем он напал на ханского темника Куремсу, отличавшегося отсутствием способностей, и несколько раз бил татарские отряды, чем стяжал себе громкую славу у соседей и распространил свое влияние как в Польше и Венгрии, так и в Литве.

Но эти успехи над татарами были непрочны: в 1261 году на смену бездарному Куремсе явился умный и деятельный Бурундай, и все быстро переменилось. Бурундай потребовал, чтобы были скрыты все крепости, и Даниил, убедившись, что сопротивление невозможно, должен был этому подчиниться; только один Холм был спасен благодаря хитрости брата Даниила Василька. Уничтожив крепости, татары решили рассорить Даниила и с его союзниками. «Ты наш друг, – объявили они ему, –

пойдем с твоими войсками наказывать нашего врага, венгерского короля». Даниил должен был послать свои войска воевать против союзных венгров. Затем татары ему сказали: «Ты наш друг, пойдем воевать нашего врага, литовского князя», также союзника Даниила. И вот Даниил должен идти и на этого союзника. То же делалось и по отношению к Польше. Конечно, Даниил не мог долго переносить таких страданий и умер в 1264 году.

Неудача, постигнувшая доблестного Даниила по отношению татар, ясно показывает, насколько проницательно и мудро относительно их было поведение Александра Невского, сразу понявшего, что спасти свою Родину можно было в его время только безусловным подчинением нашим новым владыкам.

Кроме этой единственной ошибки по отношению татар, вся остальная деятельность Даниила была необыкновенно целесообразна и плодотворна для своей земли. Он до смерти сохранил юношескую отвагу и в своих бесчисленных походах всегда ходил во главе войска. После монгольского нашествия он быстро вновь привел своими неустанными

заботами Галицкую и Волынскую земли в цветущее состояние, усилил торговлю и промышленность и обстроил много городов; при этом, однако, за недостатком русских он населял свои города немцами, армянами, поляками и жидами, что впоследствии сильно отразилось на судьбах края, который, как мы увидим, менее чем через восемьдесят лет после его кончины был разделен между венграми, поляками и литовцами.

Одновременно с Даниилом Романовичем окончил свой земной путь и Миндовг, первый собиратель Литвы. Образование двух сильных немецких орденов с одной стороны, а с другой – бедственное для Руси нашествие татар должны были привести к тому, что литовцы, отступая перед более сильным врагом, немцами, направляли свои силы на покорение русских пограничных владений, обессиленных татарами и внутренними усобицами.

Плано-Карпини в своем рассказе о поездке в 1246 году в Орду говорит, что литовцы после нашествия Батыя безнаказанно опустошали русские области.

Как нельзя более подходил по своему ду-

шевному складу для направления деятельности всех литовских племен Миндовг, их первый собиратель: хитрый, жестокий и умный варвар; он всегда верно оценивал положение дел, не разбирал средств для достижения своих целей и не останавливался ни перед каким злодейством. Мы видели, что, когда ему пришлось круто со стороны рыцарей, он прибегнул к покровительству папы, принял латинство и получил королевский венец; когда же надобность в папе прошла, то он опять стал язычником, а затем, разбив немцев, торжественно принес в жертву своим богам рыцаря, сжегши его на костре вместе с конем. Наконец, видя возрастающую силу Даниила Романовича, Миндовг, чтобы приобрести его дружбу, уступил ему часть захваченных русских земель и выдал свою дочь за сына Данилова Шварна; при этом собственный его сын Воишелг, возбуждавший у современников ужас своею свирепой жестокостью, крестился и даже постригся потом в монахи.

Ведя дела с чрезвычайным искусством, Миндовг постепенно распространил свою власть на северо-восток по Двине – в преде-

лах Полоцкого княжества, захватив и часть Смоленского, а на юго-запад – на страну реки Припети – Пинск и Туров.

Дальнейшее соби́рание им русских и литовских земель было остановлено внезапной смертью. Овдовев, Миндовг вызвал к себе сестру своей покойной жены, бывшую замужем за одним из литовских князей Довмонтом, и насильно оставил ее у себя.

Тогда Довмонт, мстя, по языческому обычаю, за свою обиду, убил Миндовга вместе с двумя его сыновьями. Это было в 1263 году.

Глава 7

Русская земля при братьях и сыновьях Александра Невского. Удельный порядок. Святой Довмонт-Тимофей. Раковорская битва. Церковный собор 1274 года. Первые московские князья. Борьба Москвы с Тверью. Святой Петр. Иоанн Калита. Гедимин. Симеон Гордый. Подвиги Сергия Радонежского. Иоанн Добрый. Начало княжения Дмитрия Иоанновича. Ольгерд и Кейстут. Поездка Дмитрия в Орду. Олег Рязанский. Мамай. Общий поход против татар. Куликовская битва. Нашествие

Тохтамьша. Ушкуйники. Завещание Димитрия Донского и его кончина. Ягайло и Ядвига. Чудесное посещение Божией Матерью святого Сергия Радонежского. Его ученики. Состояние Русской земли ко времени кончины Димитрия Донского

Митрополит Кирилл, провозглашая с амвона о кончине Александра Невского словами: «закатилось солнце земли Русской», как нельзя более верно определил положение дел в Русской земле, наступившее после смерти ее великого защитника и печальника.

Его преемники на великом княжении Вла-

димирском были обыкновенными грешными людьми, обуреваемыми страстями; они, конечно, не могли нести самоотверженный подвиг служения Родине так, как его нес Александр; наоборот, взаимные счеты и соперничество с братией имели среди них первенствующее значение. Так было при братьях Невского – Ярославле Тверском, наследовавшем после него великое княжение и умершем в 1272 году, и при Василии Костромском, занимавшем великокняжеский стол с 1272 по 1276 год.

Еще хуже пошли дела при преемниках Василия – старших сыновьях Александра Невского, при Димитрии Переяславском и при Андрее Городецком, выступивших соискателями на великое княжение после смерти дяди Василия. Между ними не замедлила возникнуть продолжительная и кровавая борьба, в которой несколько раз принимали участие и татары; они приходили поддерживать Андрея и при этом сильно опустошали всю землю.

Вообще, время великого княжения Андрея, продолжавшееся до 1304 года, было одно из

самых безотрадных в жизни Русской земли.

После покорения нашей Родины татарами наибольшее значение и самостоятельность сохранила за собой северо-восточная Русь, конечно, благодаря великим трудам Александра Невского. Но тем не менее получение великокняжеского Владимирского стола зависело уже исключительно от наших новых владык; кто из князей был в состоянии истратить в Орде больше денег на подкуп ханских вельмож, тот и мог рассчитывать получить ярлык на великое княжение.

Разумеется, это повело к сильному ослаблению родового единства между князьями. Ослаблению этому очень способствовало и то обстоятельство, что очередной порядок владения землей, с последовательной переменой столов, уже окончательно заменился в северо-восточной Руси вотчинным, или удельным, порядком; уделы уже составляли полную собственность известной княжеской семьи; по смерти отца владения его переходили не к брату, а к детям и делились между ними; это, разумеется, должно было вызвать сильное мельчание уделов, причем князья, в них

сидевшие, делались все более и более чуждыми друг другу. Вместе с тем, даже добившись великокняжеского стола, князья уже не идут, после Александра Невского, во Владимир, а присоединяют его к своему княжеству и управляют им из своего удела; свои же отношения к другим князьям они определяли каждый раз особыми договорами, в которых подробно объяснялась степень зависимости одного князя от другого; часто для заключения этих договоров князья собирались на княжеские съезды.

При этом каждый князь, получив ярлык на великое княжение, добивался поставить от себя в зависимость и Господина Великого Новгорода, который, будучи расположен далее других земель от татар и в местности трудно для них доступной, крайне неохотно шел на то, чтобы участвовать со всеми русскими людьми в несении тяжелого татарского ига; великие же князья, принужденные платить огромную дань в Орду, постоянно нуждались в деньгах и, конечно, считали справедливым требовать, чтобы и богатый Новгород участвовал в этих расходах.

Уже преемник Александра Невского, брат его Ярослав, вел настолько ожесточенную борьбу с Новгородом, что хотел даже призвать себе на помощь татар, и только другой брат его, Василий, успел отклонить эту беду от Новгорода. Та же борьба с новгородцами шла постоянно и у прочих великих князей.

Отношения татар к Русской земле по смерти Александра Невского продолжали быть крайне тяжелыми. В 1266 году умер хан Берке и «была ослаба Руси от насилия татарского», – говорит летописец; но в 1275 году последовала новая перепись населения, конечно, с величайшими насилиями, и насилия эти проявлялись татарами при каждом удобном случае, причем они не стеснялись производить их и над нашими князьями.

Так, в 1270 году погиб мученической смертью рязанский князь Роман Ольгович, внучатый племянник Юрия Игоревича Рязанского, убитого войсками Батыея во время взятия ими Рязани за верность христианской вере. Этот Роман Ольгович удерживал от насилий одного татарского баскака при сборе дани, а тот пожаловался в Орду, донося, что Роман поно-

сит татар и их веру. Тогда Романа вызвали в Орду и там предложили ему на выбор: или отступить от христианства, или быть убитым. Роман выбрал последнее, и хан Менгу-Темир произнес над ним приговор: «Пусть умрет мучительной смертью». Когда Романа привели на место казни, то ему прежде всего отрезали язык, так как он не переставал громко говорить о святости Христовой веры. Затем ему выкололи глаза, обрубили пальцы рук и ног, обрезали уши и губы, потом отсекли руки и ноги; когда же осталось одно туловище, но еще с искрами жизни, то мучители содрали с головы кожу, затем отрубили голову и воткнули ее на копьё. Память святого мученика Романа чтится нашей церковью 19 июня.

Кроме частых насилий со стороны татар и постоянных крупных расходов по уплате им дани, русские люди, по смерти Александра Невского, должны были нести и другую тяжелую повинность, которую Александр, пользуясь своим влиянием в Орде, сумел отклонить при своей жизни; татары стали требовать от русских вспомогательных отрядов для своих походов, и вот русские ополчения наших се-

веро-восточных земель, под начальством своих князей, покоряют татарам кавказских ясов и берут в южном Дагестане город Деяков, а затем помогают им в борьбе и с дунайскими болгарами. Галицкие же полки должны были, как мы видели, еще при Данииле ходить на венгров, литву и поляков.

После смерти Даниила Романовича Галицкая земля разделилась между тремя его сыновьями – Львом, Мстиславом и Шварном, а Волынь осталась по-прежнему за дядей их – Васильком Романовичем.

В Литве, после убиения Миндовга, сын его Воишелг вышел из монастыря и, объявив, что он на три года снимает рясу, чтобы отомстить за отца, стал предаваться ужасным жестокостям; однако Довмонту, убившему Миндовга, удалось бежать с дружиной во Псков. Удовлетворив, насколько было возможно, свое чувство мести, Воишелг удалился опять в монастырь замаливать грехи, а все свои владения в Литве отдал Шварну Данииловичу, женатому на его сестре.

Это возбудило неудовольствие старшего брата Шварна Льва; он вызвал Воишелга из

монастыря на свидание, а затем в ссоре убил его. Вскоре после этого умер бездетный Шварн, и Лев хотел завладеть после него Литвою. Однако это ему не удалось, так как литовцы выбрали себе князя из своей среды — некоего Тройдена, грубого и свирепого язычника. После Тройдена в Литве начались на некоторое время большие смуты и усобицы.

Доблестный Василько Волынский пережил своего горячо любимого брата на двенадцать лет и умер в 1276 году смиренным монахом, близ Львова (ныне Лемберг), где он подвизался в пещере в суровых подвигах. Ему наследовал единственный сын его Владимир-Иоанн; это был тоже замечательный князь. Отличаясь большой храбростью и страстью к охоте, он вместе с тем был очень набожным и высокообразованным человеком, за что и получил прозвание Философа; много потрудившись на пользу своей земли, последние годы своей жизни Владимир был тяжело болен гниением нижней челюсти и переносил свои страдания с великим смирением; будучи бездетным, он завещал свой стол двоюродному брату Мстиславу Данииловичу, а все свои сосуды и вещи

из золота и серебра перелил в гривны и роздал бедным. Когда, в 1288 году, он умер во Владимире Волынском, то все граждане, от мала до велика, провожали его в могилу. На похоронах вдова-княгиня причитала сквозь слезы: «Царь мой кроткий, смиренный, правдивый! Вправду назвали тебя в крещении Иоанном, всякими добродетелями похож ты был на него: много досады принял ты от сродников своих, но не видела я, чтобы ты отмстил им злом за зло».

Другим замечательным князем на Руси в это время был укrywшийся во Пскове от мщения Воишелга Довмонт. Восприняв здесь крещение с именем Тимофея, он стал отличаться необыкновенной праведностью и ревностью к Христовой вере и вместе с тем прославил себя рядом блистательных воинских подвигов на защиту родины святой Ольги против ее грозных врагов – литовцев и немцев. Конечно, псковичи души не чаяли в своем храбром князе.

Одержав в 1266 году славную победу над литовцами на берегах Западной Двины, Довмонт принял в 1268 году участие в большом

походе против Раковора, или Везенберга, занятого датчанами. Поход этот был предпринят по почину Новгорода, и в нем, кроме новгородцев и псковичей с Довмонтом, участвовали также и полки великого князя Ярослава Ярославовича, пославшего их с двумя своими сыновьями. Перед походом новгородцы сыскали мастеров, умеющих делать стенобитные орудия, и стали готовить пороки. Ливонские немцы, услышав об этих приготовлениях, отправили в Новгород послов с изъявлением дружбы. «Нам с вами мир, – говорили послы, – переведывайтесь с датчанами-колыванцами (ревельцами) и раковорцами (везенбергцами). А мы к ним не пристаем, на чем и крест целуем» – и действительно целовали крест. Новгородцы, однако, этим не удовольствовались и послали в Ливонию – привести к кресту всех «бискупов и Божьих дворян (рыцарей)», и те все присягнули, что не будут помогать датчанам.

Но, несмотря на это крестное целование, знаменитые и гордые своим благородством немецкие епископы и рыцари поступили с нами самым бесчестным образом. Когда 18

февраля 1268 года русские подходили к Раковору, то вдруг увидели немецкие полки, которые стояли как лес дремучий, потому что собралась вся земля Немецкая, обманувши новгородцев ложной клятвой. Русские, однако, не испугались и, смело перейдя реку, отделявшую их от врага, построили свои полки для боя. В свою очередь и немцы выстроили «великую свинью», и скоро началась битва. «Было побоище страшное, – говорит летописец, – какого не видели ни отцы, ни деды». Наконец русские сломали немцев и гнали их семь верст до Раковора; но победа эта стоила нам очень дорого: кроме множества убитых, новгородцы потеряли посадника и тысяцкого. Неприятелей же пало столько, что мы не могли пробраться по их телам.

После победы, простояв три дня на костях, новгородцы отправились домой, увозя своих убитых, а Довмонт со псковичами опустошил Ливонию до моря и вернулся с большим полонном во Псков.

В следующем, 1269 году 18 тысяч немцев под начальством магистра ордена сожгли Изборск и подошли ко Пскову со множеством

стенобитных орудий, с тем чтобы сровнять его с землею. Увидев грозного врага под стенами города, храбрый Довмонт не смутился; он привел свою малую дружину в собор Святой Троицы, горячо помолился у мощей славного защитника Пскова святого Всеволода-Гавриила, а затем положил свой меч перед алтарем; игумен Исидор торжественно благословил этот меч и собственноручно препоясал им Довмонта.

Укрепленный горячей молитвой и непоколебимой верой в заступничество Божие, Довмонт не замедлил совершить ряд блистательных подвигов; он десять дней без устали бился с немцами и ранил самого магистра; тем временем подоспели подкрепления из Новгорода, и ливонцы, не надеясь на успех, поспешили заключить с нами мир.

Храбрый Довмонт княжил во Пскове до глубокой старости и успел под конец своей жизни, в 1299 году, оказать своей второй Родине еще одну важную услугу. Ливонские рыцари в 1299 году неожиданно осадили Псков и, разграбив монастыри в предместье, убивали безоружных монахов, женщин и младен-

цев. Тогда Довмонт, уже маститый старец, немедленно вывел свою малочисленную дружину из города, напал на рыцарей, смял их в реку Великую, причем был ранен командор ордена, и забрал затем множество пленных и оружия.

Вскоре после этого Довмонт умер, оплакиваемый решительно всеми.

В часы опасности и кровопролития он обыкновенно говорил: «Добрые мужи псковичи! Кто из вас стар, тот мне отец, кто молод, тот брат. Помните Отечество и церковь Божию». За свою высокоправедную жизнь Довмонт-Тимофей причтен церковью к лику святых. Мощи его покоятся в Троицком соборе, в приделе святого Всеволода-Гавриила.

После славного похода Александра Невского в 1256 году в Финляндию шведы ограничивались лишь незначительными попытками против нас до 1293 года; в 1293 же году они построили крепость Выборг в новгородских владениях – в Карельской земле, а в 1300 году вошли в Неву с большой силой, привели мастеров из своей земли и из Италии и поставили город при устье реки Охты; «они утверди-

ли его твердостью несказанной», – говорит летописец, и назвали «Венцом Земли» (Ландскроною); затем, оставив в нем сильный отряд войска (гарнизон), ушли домой. Но, несмотря на это, Венец Земли был взят в следующем же, 1301 году русскими, под предводительством великого князя Андрея, и срыт до основания.

Этим походом Андрей несколько снял со своей памяти огромную вину, лежавшую на нем за то, что, враждуя с братом Димитрием из-за великого княжения, он, как мы говорили, несколько раз призывал себе на помощь татар, опустошавших Русскую землю.

Под влиянием татарского ига стало заметно усиливаться общее огрубение нравов; образованность падала, а развивались пьянство и любовь к грубым зрелищам, между прочим к кровавым кулачным боям, с многочисленными убитыми; женщин, во избежание оскорблений, приходилось уже тщательно оберегать и держать больше дома.

Но, отмечая эти печальные стороны, появившиеся в русской жизни, необходимо сказать, что наряду с этим не переводились и от-

дельные светлые личности, причем, к большому счастью, своими высокими душевными качествами особенно отличался в темные времена татарщины целый ряд представителей русского духовенства; это были не только праведные служители Церкви, но и люди, горячо любившие Русскую землю, ее истинные защитники и печальники, нисколько не заботившиеся о собственном возвеличении и обогащении, а только об единении всех во имя любви к Родине. Таковыми были уже знакомый нам верный сподвижник Александра Невского митрополит Кирилл и заступивший после него блаженный Максим, родом грек, а также епископы: святой Симеон Тверской, блаженный Серапион Владимирский и святой Игнатий Ростовский.

Видя сильное падение нравов, как среди населения, так и среди низшего духовенства, после нашествия татар, митрополит Кирилл решил с этим бороться и созвал в 1274 году собор, на котором были созданы строгие правила для устранения всех беспорядков в церковной жизни и искоренения злоупотреблений, причем всех не соответствующих сану свя-

ценников решено было удалить. «Пусть лучше будет один достойный служитель церкви, – постановили отцы собора, – нежели тысяча незаконных», и это мудрое постановление было затем строго проведено в жизнь.

Конечно, такое ревностное отношение к званию служителя церкви и собственная высокоправедная жизнь наших святителей имели сильное влияние на всю паству. Предаваясь братоубийственной розни, пьянству, любостыжанию и прочим порокам, каждый самый закоренелый грешник того времени всегда имел перед глазами высокие примеры праведной жизни и всегда носил в своем сердце сознание, глубоко заложенное ему Православною церковью, что наша земная жизнь не самостоятельное благо и нет в ней самодовлеющей ценности, а она должна быть всецело подвигом смирения, кротости, воздержания и деятельной любви к ближнему ради небесного, причем Церковь учила, что и сама молитва должна быть «не вся за ся, но (лишь) третья часть за ся, остальное (ино) все за (все) крестьян и за князя», как и Христос учил в молитве Господней молиться за всех

людей, а отнюдь не лично за себя: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго».

Ввиду такого глубокого влияния церкви, и в частной жизни было у всех стремление приблизить домашнюю обстановку к подобию храма, а быт мирян – к правилам иноческим, со строгим ограничением в удобствах обстановки, с осуждением веселья, с похвалой слез, безмолвия, со строгим соблюдением поста, ежедневным посещением церковных служб и ночью молитвою, особенно настойчиво предписывавшейся с древнейших времен, и, наконец, с непрестанным памятованием о смерти и о Страшном суде Божиим.

Поэтому, когда настала гибель, когда после нашествия поганых, по словам Серапиона Владимирского, «величество наше смирилось, красота наша погибла и в поношение и в постыд стала светло светлая и украсно украшенная земля Русская», то хотя и приостановился рост просвещения книжного, но не вымерло просвещение церковным и свято-

отеческим поучением, благодаря сосредоточению его в лице святых подвижников, которые почти все прошли через трудный путь иночества; святая жизнь этих подвижников благотворно влияла не только на русских, но поражала даже и татар, почему в Орде и были случаи крещения отдельных лиц.

Из русских же людей, стяжавших себе в те времена святость своей праведной жизнью в миру, следует упомянуть, кроме уже ранее указанных, следующих: князя Романа Угловского, жившего до 1285 года и бывшего истинным отцом и благодетелем своих подданных; князя Феодора Смоленского и Ярославского (умер в 1296 году), ходившего по приказанию татар воевать кавказских ясов и настолько поразившего своим мужеством хана Менгу-Темира, что тот отдал за Феодора свою дочь и позволил ей креститься, и святого Прокопия Устюжского – первого русского юродивого. Святой Прокопий был богатым иностранным купцом, торговавшим в Новгороде; пленившись чистым учением Православной церкви, он отрекся от латинства, роздал все состояние бедным и, пробыв некоторое время

в Хутынском монастыре, отправился в Великий Устюг, где вступил на тяжкий путь юродства, терпеливо снося всевозможные лишения и унижения. Святой Прокопий обладал даром прозорливости и умер в 1285 году, приобретя под конец жизни величайшее уважение устюжан как своею праведностью, так и чудесным избавлением города от избиения граждан каменным дождем; этот дождь падающих небесных камней разразился не над Устюгом, а в 20 верстах от него, по усердной молитве Прокопия перед чудесной иконой Благовещения Божией Матери, хранящейся ныне в Московском Успенском соборе. Во время жизни святого Прокопия имело место и чудесное явление в Костроме чудотворной иконы Божией Матери, именуемой Федоровской, которой впоследствии был благословлен на царство первый из царей ныне царствующего дома Романовых Михаил Федорович.

Православная церковь причла также к лику святых и жившего в те времена младшего сына Александра Невского Даниила, родившегося за два года до преставления своего

блаженного родителя. Судьба Даниила весьма замечательна. Как младший сын, он получил самый незначительный удел – *Москву*, имя которой, как мы помним, впервые упоминается в 1147 году, по случаю свидания в ней Юрия Долгорукого со Святославом Ольговичем; тогда это не был даже город, а только усадьба опального боярина Кучки, так как собственно город был заложен в 1156 году. Мы уже видели, что Москва была пограничным городком Суздальской земли, через который шла дорога из южной Руси на северо-восток; другая дорога шла через Москву же от Новгорода и Волоколамска по Москве-реке и Оке – на среднюю и нижнюю Волгу, или же по Дону – к Азовскому и Черному морям. Значение этого последнего пути становится весьма заметным после нашествия татар, когда заглох старый великий путь из «варяг в греки», шедший через Киев по Днепру, и когда черноморский торг принял иное направление. Торг этот сосредоточился на новом месте, покровительствуемом татарами, быстро оценившими выгоды торговли, а именно у устьев Дона на Сурожском (Азовском) море и близ древнего

Киммерийского Боспора, где предприимчивые купцы итальянского города Генуи создали большой торговый город Кафу (Феодосию), хотя самый путь к устьям Дона и в Кафу, вследствие хозяйничанья татар в Русской земле, и проходил на значительной части своего протяжения по совершенно бесплодным местам.

Вот как описывает свое путешествие по Дону архимандрит Пимен, ездивший во второй половине XIV столетия из Москвы в Царьград через Кафу: «Путешествие сие было печально и уныло; повсюду совершенная пустыня; не видно ни городов, ни сел; там, где прежде были красивые и цветущие города, теперь только пустые и бесплодные места. Нигде не видно человека; только дикие животные: козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медведи, бобры и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и другие во множестве встречаются в этой пустыне».

При изменении направления торгового пути от Балтийского моря к Сурожскому и стало быстро возрастать значение Москвы, где выгодно было останавливаться торговым людям

и куда с разных сторон стекались товары. Все это началось во время княжения Даниила Александровича, причем замечательно, что он сел в Москве почти грудным ребенком, и никто, несмотря на усобицы, поднявшиеся после смерти Александра Невского, не напал на младенца-князя и не покушался овладеть его уделом. Придя в возраст, Даниил стал во многом походить на своего знаменитого предка – Всеволода Большое Гнездо; будучи весьма набожным и смиренным человеком, он так же, как и Всеволод, был горячо предан делу устройства своей земли; при этом, неизбежно вовлекаемый в усобицы князей, возникшие ввиду вражды старших своих братьев – Дмитрия и Андрея, он держал себя умеренно и осторожно и искренно старался гасить возникавшие ссоры, но вместе с тем отличался и большой храбростью; так, однажды, участвуя в одной усобице, он побил множество татар, приведенных его противником – рязанским князем Константином, которого взял в плен и привел в Москву, причем замечательно, что это прошло безнаказанным со стороны татар.

В 1302 году Даниил получил сильное приращение к своему уделу; родной его племянник, князь Иван Димитриевич Переяславский, умер бездетным и, любя дядю Даниила больше других, конечно, за его добрый нрав, оставил ему свое богатое и сильное Переяславское княжество; это очень усилило московского князя, но, разумеется, должно было возбудить зависть и неудовольствие у соседей. Скоро после этого Даниил умер, приняв перед смертью схиму в построенном им на берегу Москвы-реки монастыре в честь Даниила Столпника, причем, по глубокому смирению, он назначил себе могилу не в храме, а на общем братском кладбище, где впоследствии мощи его были обреты нетленными. Даниил скончался в 1303 году, а в следующем, 1304 году умер и его брат, великий князь Андрей Александрович. Его бояре, имевшие при нем большое значение, самовластные, алчные и искусные в крамоле, переехали после его смерти к тверскому князю. Это, конечно, было недоброе наследство.

И действительно, смерть Андрея послужила началом долголетней и кровавой борьбы

между Тверью и Москвою.

Тверь, выделившаяся в особый удел при Ярославе, брате Александра Невского, ставшего после него великим князем Владимирским, быстро сделалась одним из сильнейших княжеств в северо-восточной Руси, которое стало тоже прозываться великим.

Ко времени кончины Даниила и Андрея Александровичей в Твери сидел их двоюродный брат Михаил Ярославович; он был очень недоволен завещанием Переяславской земли Иваном Димитриевичем в пользу московского князя, так как сам имел на нее виды. Вместе с тем, как старший в роде Всеволода Большое Гнездо, за смертью Андрея и Даниила, Михаил считал, что великое княжение Владимирское должно принадлежать ему.

Но Даниил Александрович оставил несколько сыновей, из которых старший – решительный и крутой Юрий – считал себя, как внук Александра Невского, тоже имеющим право на занятие старшего Владимирского стола.

Эти обстоятельства и привели Москву и Тверь к борьбе между собой.

Когда Михаил поехал в Орду за ярлыком на великое княжение, то туда же отправился и Юрий. Митрополит Максим, переехавший в 1299 году из совершенно разоренного Киева на жительство во Владимир («не терпя насилья татарского»), уговаривал Юрия не ходить в Орду и не спорить с Михаилом, ручаясь, что он даст Юрию какие тот пожелает волости, но Юрий не послушал. «Я иду в Орду так, по своим делам, а вовсе не искать великого княжения», – отвечал он Максиму, и этому можно верить, так как Переяславская земля, основа силы Московского княжества, оставалась в споре с Михаилом и по воле хана могла перейти в другие руки.

По дороге в Орду тверские бояре хотели перехватить Юрия; после этого они неожиданно напали в Костроме на брата его Бориса и захватили его в плен, а затем подошли к Переяславлю, для обороны которого успел прибыть из Москвы другой брат Юрия Иоанн Даниилович. При этом тверскими полками руководил некий боярин Акинф; боярин этот был одновременно на службе у московского князя Даниила, но когда к Даниилу прибыл из Киева зна-

менитый боярин Родион Несторович с сыном и привел собственный двор в 1700 человек, то Акинф, злобясь на московского князя, что он дал Родиону первое место, перешел на службу к Твери. Теперь Акинф осадил Иоанна в Переяславле и рассчитывал его захватить. Но на выручку своего князя спешил из Москвы упомянутый боярин Родион; он зашел тверичам в тыл, а Иоанн в то же время сделал вылазку из города, и после злой сечи неприятель потерпел полное поражение; при этом Родион собственноручно убил Акинфа, воткнул его голову на копье и поднес ее князю Иоанну со словами: «Вот, господин, твоего изменника, а моего местника голова».

Между тем в Орде происходил торг из-за ярлыка на великое княжение; татары откровенно заявляли, что они дадут его тому, кто больше заплатит, и Михаил надал такую цену, что Юрий должен был отказаться. «Отец и брат, – сказал он Михаилу, – ты даешь больше: я уступаю, ибо не хочу грабить Русскую землю».

По возвращении из Орды Михаил пошел на Юрия к Москве, но дело до битвы не до-

шло, и поход окончился миром. Затем Михаил послал в Новгород своих наместников, так как новгородцы, по получении им ярлыка, признали его и своим князем[27].

Спустя три года Михаил другой раз ходил к Москве со всей силой. Был бой, много зла сотворилось, но город не был взят, и Михаил возвратился ни с чем.

В 1313 году в Орде воцарился новый хан Узбек, и Михаил поспешил в Орду, так как от нового хана надлежало брать и новый ярлык на великое княжение. Этим воспользовались новгородцы, которым давно были не по сердцу тверские наместники; они изгнали их и послали сказать Юрию, что зовут его к себе. Юрий согласился, но вскоре от Узбека пришло требование, чтобы он немедленно прибыл в Орду. Оставив в Новгороде брата Афанасия, Юрий поспешил в Орду, а тем временем из Орды прибыл Михаил с татарской ратью, чтобы наказать новгородцев за измену. Новгородцы вышли к Торжку, но потерпели страшнейшее поражение и получили мир, давши за себя выкуп в 50 тысяч гривен серебра, причем кремль в Торжке был скрыт до ос-

нования. Несмотря, однако, на этот мир и страшнейшее поражение, в следующем же, 1316 году новгородцы опять изгнали наместников Михаила, и он снова пошел на них походом; однако, близко подойдя к самому городу, он не имел успеха, так как войска его, заблудившись по лесам и болотам, стали погибать от голоду и едва вернулись домой.

Тем временем Юрий жил в Орде, и, конечно, не даром. Он там женился на любимой сестре Узбека Кончаке, названной в крещении Агафьей, и успел себе выправить ярлык на великое княжение, после чего с молодой женою и татарскою ратью, под предводительством некоего Ковгадыя, пришел к Твери. За 40 верст от города, при селе Бортенева, произошло побоище, в котором Юрий был наголову разбит, причем тверичи захватили в плен княгиню Кончаку, брата Юрия Бориса и множество знатных пленных; Юрий же с малой дружиной бежал в Новгород.

После этого Михаил заключил мир с Ковгадыем, принял его с большим почетом и думал, что привлек его на свою сторону, как в этом уверил его вероломный татарин, отпра-

ляясь назад в Орду с богатейшими дарами.

Вскоре за тем был заключен мир и между Михаилом и Юрием, причем оба согласились идти опять в Орду и там порешить все свои споры. Но в это время как раз, на несчастье Михаила, скоропостижно умерла бывшая у него в плену жена Юрия Агафья-Кончака. Тотчас же был пущен слух о ее отраве, слух выгодный, конечно, для Юрия, но гибельный для Михаила.

Уже по дороге в Орду Михаил убедился, что Ковгадый обнес его перед ханом и ему трудно будет сдобровать. Его сыновья, Дмитрий и Александр, говорили ему, чтобы он обождал с поездкой, пока не пройдет ханский гнев, а послал кого-либо из сыновей, но он решил ехать сам. «Хан зовет не вас и никого другого, и моей головы хочет; не поеду, так вотчина моя вся будет опустошена и множество христиан избито; после когда-нибудь надо же умирать, так лучше теперь положу душу мою за многие души». Михаил нашел Узбека при устье Дона. Здесь он полтора месяца, по обычаю и ввиду суда, разносил подарки татарским князьям, ханшам и, наконец, самому

Узбеку, который повелел: «Сотворите суд князю Михаилу с князем Юрием Московским. Которого будет правда, того хочу жаловать, а виноватого повелю казнить». Обвинителем и судьей был назначен Ковгадый.

На суде Михаилу предъявили следующие обвинения: «Ты был горд и непокорен хану, ты позорил его посла Ковгадыя, бился с ним и татар его побил, дани ханские брал себе, хотел бежать к немцам с казною, и казну в Рим к папе отпустил, княгиню Юрьеву отравил». Михаил защищался, но тщетно; у него скоро отобрали платье, отняли слуг, духовника, наложили на шею тяжелую колоду и погнали за Узбеком на охоту, на которую, по примеру Чингисхана, было собрано несколько сот тысяч народу, чтобы стогнать зверей с Кавказских гор. Во время пути, по ночам, руки Михаила забивали в колодки, и так как он постоянно читал Псалтырь, то отрок сидел перед ним и перевертывал листы. Орда остановилась под городом Дедяковом. По дороге отрок говорил Михаилу: «Князь! Проводники и лошади готовы; беги в горы, спаси жизнь свою». Михаил отказался. «Если я один спасусь, – го-

ворил он, – а людей своих оставлю в беде, то какая мне будет слава?»

После двадцати четырех дней томления Ковгадый приказал привести Михаила на торг, поставил его перед собой на колени, всячески глумился и, наконец, объявил, что завтра или послезавтра его простят и он будет опять в большой чести у хана.

Надругавшись над несчастным, Ковгадый велел отвести его прочь; с тех пор на глазах Михаила всегда были слезы, потому что он предугадывал свою участь. Прошел еще день, и Михаил велел отпеть заутреню, прочел со слезами правило к причащению, исповедовался, призвал сына своего Константина, бывшего тоже в Орде, чтобы объявить ему последнюю свою волю, и потом сказал: «Дайте мне Псалтырь, очень тяжело у меня на душе». Открылся псалом: «Сердце мое смутится во мне, и страх смертный прииде на мя». «Что значит этот псалом?» – спросил князь у священников; те, чтобы не смутить его еще больше, указали на другой псалом: «Возверзи на Господа печаль свою, и той ти пропитает и не даст во веки смятения праведному». Когда

Михаил перестал читать, вдруг вскочил в вежу отрок, бледный весь, и едва мог выговорить: «Господин князь, идут от хана Ковгадый и князь Юрий Даниилович со множеством народа, прямо к твоей веже». Михаил тотчас встал и со вздохом сказал: «Знаю, зачем идут, убить меня» – и послал Константина к ханше. Между тем палачи вошли в вежу, схватили Михаила за колоду и ударили его об стену так, что вежа проломилась; когда же Михаил вскочил на ноги, то на него бросилось множество убийц, повалили на землю и били пятами нещадно; наконец один из них, по имени Романец, вероятно русский, выхватил большой нож, ударил им Михаила в ребра и вырезал сердце.

За свою мученическую кончину князь Михаил Ярославович Тверской причтен нашей церковью к лику святых. Тело его было доставлено в Русскую землю и похоронено в 1319 году в Москве, в Спасском монастыре.

В 1320 году Юрий вернулся в Москву с ярлыком на великое княжение и привез с собой молодого Константина Михайловича и бояр его в качестве пленников; только заключив

мир с его братьями – Димитрием, Александром и Василием – на выгодных условиях, Юрий согласился отпустить Константина, а также отдать тело убитого князя Михаила его скорбной вдове – княгине Анне.

Эта княгиня Анна, по наименованию Кашинская, так как принесла за собой в приданое город Кашин, была замечательной женщиной, как своею высокоправедной жизнью, так и великими несчастиями, ее постигшими, причем убиение мужа в Орде было только их началом[28].

Несмотря на заключенный мир, вражда сыновей Михаила Тверского с Юрием Московским, разумеется, не прекратилась.

Скоро Юрия успели оклеветать в Орде, что он утаивает «выходное» серебро, то есть собираемое для уплаты дани татарам. Обвинение это было очень важным, так как после переписи 1275 года ханы стали поручать собирать дань самим князьям.

Димитрий Михайлович Тверской отправился в Орду и получил там ярлык на великое княжение, а к Юрию оттуда прибыл грозный посол Ахмыл звать его к ответу. Когда же

Юрий отправился в путь, то Михайловичи стерегли его на всех путях, желая схватить и своими руками доставить в Орду, причем он едва спасся близ Ярославля от захвата Александром Михайловичем и, кружным путем через Пермь, достиг, наконец, Сарая.

Здесь он встретился со старшим Михайловичем – Димитрием, по прозванию Грозные Очи. Этот Димитрий Михайлович убил Юрия своими руками 21 ноября 1324 года, кажется, на глазах хана, – в канун дня казни своего отца; он убил его без ханского слова, надеясь на милость Узбека, который очень чтит Димитрия. Хан, однако, подвергнул его опале за самоуправство и велел тоже убить, а ярлык на великое княжение отдал брату его Александру Михайловичу Тверскому.

Что же касается до княжества Московского, то здесь после Юрия, успевшего, несмотря на крайне беспокойную жизнь, увеличить его землями по всему течению Москвы-реки, сел его брат Иоанн Даниилович. При этом, так как остальные братья его умерли еще при жизни Юрия, он стал один княжить во всей Московской волости.

Князь Иоанн Даниилович вполне походил своим нравом как на отца, так и на прапрадеда – Всеволода Большое Гнездо; всем своим образом мыслей и всеми действиями он совершенно отвечал духу и желаниям земских людей и, как мы увидим, был одним из великих государей Русской земли. За свою необыкновенную доброту и внимание к нищим и сиротам, причем он всегда ходил с огромным кошельком калитою, для раздачи милостыни, благодарный народ прозвал его Калита.

Одновременно с занятием Иоанном Данииловичем Московского стола произошло и другое событие, в высшей степени важное и благодетельное для Москвы и имевшее, кроме того, огромное влияние и на всю дальнейшую жизнь нашей Родины.

Мы уже говорили, что митрополит Максим окончательно переехал на жительство в 1299 году из совершенно разоренного Киева во Владимир на Клязьме, бывший стольным городом старшего великого княжества Владимирского, хотя в это время князья, получив ярлык на великое княжение, уже не переезжали в него, а продолжали жить в своих уде-

лах.

Преемник Максима митрополит Петр был замечательный человек. Это был старец святой жизни, незлобивый и беспредельно преданный своей Родине. Вот этой-то беспредельной любовью к Русской земле, подверженной при его жизни тяжелому и позорному татарскому игу, и замечателен митрополит Петр. Все помыслы его были всецело поглощены заботами о своей пастве и думами о том, как поднять нашу Родину из той пучины бедствий и унижений, в которую ее ввергло татарское иго. При этом святой Петр, как служитель Церкви, яснее других людей понимал, разумеется, что основная причина наших бедствий заключалась в отсутствии братолюбия и разделении нашей державы на ряд отдельных владений. Без сомнения, митрополит Петр питал в своем сердце горячее желание видеть вновь Русскую землю под властью единого сильного государя, и, разъезжая постоянно по делам паствы из одного конца Руси в другой, он горячо полюбил набожного Иоанна Данииловича, князя мудрого и заботливого о своих подданных.

Полюбились митрополиту Петру и Москва, чудесно расположенная в прекрасной местности, в узле дорог, идущих с разных концов Русской земли. В ней он часто останавливался для отдыха во время своих путешествий, а когда Иоанн Даниилович после брата Юрия, в 1325 году, сел в Москве на княжение, то митрополит Петр сам переехал сюда же на жительство и умер здесь в следующем, 1326 году, причем перед смертью призвал к себе Калиту, завещал похоронить себя в Москве и построить каменный храм во имя Успения Святой Богородицы, а затем произнес следующее пророческое слово: «Если меня, сын, послушаешься, храм Пречистой Богородице построишь и меня упокоишь в своем городе, то и сам прославишься больше других князей, и сыновья, и внуки твои, и город этот славен будет, святители станут в нем жить, и подчинит он себе все остальные города». После этого Петр вскоре умер и, согласно завещанию, был похоронен Калитой в заложенном им Успенском соборе, запрестольный образ для которого был написан самим святителем.

Конечно, гроб святого Петра был так же

драгоценен для Москвы, как и пребывание живого святителя. Выбор Петра казался внушением Божиим, и новый митрополит Феогност, тоже человек исключительной святости, уже не хотел оставить гроб и дом чудотворца и поселился в нем.

Это перенесение местожительства митрополита в Москву имело огромное значение. Митрополит был один на всю Русь, а потому, пребывая в Москве, он давал и ей вид столицы всея Руси; при этом, конечно, действия князей, здесь сидевших, должны были всегда направляться советами и руководством митрополитов, а советы эти могли быть только направлены ко благу всей земли, почему вся земля и должна была скоро приучиться уважать и ценить все то, что исходило из Москвы, от митрополита и ее князя. Другие князья хорошо понимали, что значил переход митрополита на жительство в Москву, и, конечно, очень на это досадовали, но делать было нечего.

Тем временем в Тверь возвратился из Орды Александр Михайлович и с ним татары, его *должники*, собирать долги, вероятно, за

полученный ярлык на великое княжение, и было много тяготы от них Тверской земле. Из Москвы же должен был идти в Орду, и пошел туда, брат убитого князя Иоанн Калита. Скоро своим мудрым поведением, следуя примеру великого деда Александра Невского, он сумел приобрести полное доверие татар, что, конечно, послужило на благо его подданных.

В 1327 году в Тверь приехал свирепый ханский посол Шевкал, или Щелкан, Дуденевич, двоюродный брат Узбека. До сих пор татарское владычество над Русью происходило издалека. Теперь, по-видимому, татары задумали иное. Царевичи и князья стали будто бы говорить хану, что для полного завоевания Русской земли необходимо совсем истребить и тверского, и всех русских князей, причем будто бы именно Щелкан и вызвался на это дело. «Если повелишь мне, – говорил он хану, – я пойду на Русь и разорю христианство, князей их изобью, а княжьих детей к тебе приведу». И повелел ему хан так исполнить.

Приехав в Тверь, Щелкан действительно изгнал великого князя Александра с отцовского двора и поселился в нем сам.

Скоро начались обиды, грабежи, поругания, насилия; жители возмущались и стали жаловаться князю; но Александр не мог помочь и велел терпеть. Однако тверичи искали только удобного случая, чтобы броситься избивать татар. Говорят, что и Щелкан тоже ожидал только всенародного скопления, чтобы разом истребить православное христианство. И вот в день Успения Богородицы дьякон Дюдько повел утром молодую и здоровую кобылу на водопой; увидев хорошую лошадь, татары кинулись ее отнимать. Это и послужило знаком к кровопролитному побоищу с обеих сторон. Говорили, что сам Александр, узнав о замысле Щелкана, предупредил его и начал битву.

Бились весь день; к вечеру Александр одолел, причем Щелкан сгорел в княжеском дворце со всеми своими татарами. Гостей — купцов ордынских, которые вовсе не участвовали в битве, всех побили, посекли, иных пожгли на кострах, иных потопили. Это была беда напрасная и неразумная. Тверичи докончили всех татар, не оставив даже и вестника, чтобы рассказать в Орде о случившемся.

Услышав об этом погроме, Узбек расшвырянул на тверских князей и, решив их всех истребить, в гневе потребовал в Орду Иоанна Калиту, ибо только московский князь остался теперь видным лицом и старшим во всем княжеском роде Суздальской земли.

Если бы и не желал идти в Орду князь Иоанн Данилович, боясь ханского гнева, он неминуемо должен был идти для спасения от татарской грозы собственных Московских волостей; вместе с тем он должен был заступиться и за всю землю, направив грозу по возможности исключительно на виноватого, на Тверскую область. При этом, конечно, несчастье Твери было выгодно для Москвы, так как открывало ей просторную дорогу к первенству; требовалось только уметь стать между Ордою и Русской землею в такие отношения, чтобы надолго успокоить обе стороны.

Наказать тверского князя, за невероятное самоволие над татарами, пришла особая большая рать, пять темников великих с 50 тысячами войска и множеством ордынских князей. С ними же шел Иоанн Калита и, кроме него, суздальские князья.

«Кто берег свою отчину, да и всю Русскую землю, тот должен был идти теперь с татарами, хотя бы против родного отца», – говорит по этому поводу знаменитый исследователь русской жизни И.Е. Забелин. Татары пошли прямо к Твери, опустошили все тверские города и хотели было идти к Новгороду, но он откупился двумя тысячами рублей и множеством даров[29]. Было разорение, и пленение, и кровопролитие великое, просто сказать, татары, как говорит летописец, «положили пусту всю Русскую землю». Сохранил Бог только Новгород да Москву и всю отчину Иоанна Данииловича. Тверской же Александр с семьей убежал было в Новгород, но не был там принят и потому ушел во Псков, где псковичи, хорошо памятуя завещание Александра Невского и свою присягу ему – принимать с честью и беречь всех князей изгнанников, приходящих в печали, – ласково встретили Александра.

Когда татары возвратились в Орду, следом за ними пошли и русские князья утверждать себя на княжения, ввиду сложившихся новых отношений после погрома Твери. Хан Узбек

отдал великое княжение Иоанну Московскому и «иные княжения даде ему к Москве», а Константину Михайловичу – тверское княжение, но вместе с тем повелел всем заодно искать брата его Александра.

Исполняя ханское повеление, все князья отправили послов к Александру во Псков и наказали идти в Орду. Но Александр отказался идти. Тогда Узбек, в 1329 году, прислал новый приказ, чтобы все князья непременно бы отыскали и привели в Орду Александра. Дело становилось опасным и общим. За него должна была отвечать вся земля. Так сами татары способствовали пробуждению в народе общих целей.

Все князья, и во главе их митрополит Феогност, послали сказать Александру: «Иди в Орду, не погуби христиан от поганых. Лучше тебе одному за всех пострадать и тем сохранить землю от беды». Александр хотел идти, но псковичи не пустили его, говоря: «Не ездь, господин, в Орду; что бы с тобой ни случилось, умрем, господин, с тобою на одном месте». Это было весьма благородно со стороны псковичей, но могло иметь весьма пагубные

последствия для всей земли, особенно имея в виду, что татарам пришлось бы пройти через всю Русскую землю, прежде чем добраться до Пскова. Ввиду этого Иоанн Даниилович, старейший вождь всего ополчения, двинул войска из Новгорода на Псков, но они шли так медленно, что в три недели сделали 110 верст. Ясно было, что войны не предполагалось; для того же, чтобы смирить псковичей без кровопролития, митрополит Феогност объявил, что если они не отпустят Александра, то он отлучит их от церкви и запрет все храмы, – это подействовало; Александр, не желая подвергать такой казни Псков, побежал к немцам, а потом в Литву, а хану донесли, что он ушел к немцам, и Узбек этим удовольствовался. Через полтора года, когда гроза утихла, Александр вернулся во Псков, где все время оставалась его семья, и стал снова в нем княжить. Но, сидя спокойно во Пскове, Александр все-таки хорошо понимал, что, убежав из своей отчины Твери, он тем самым лишает и своих детей прав на владение отцовским наследством, и решил поэтому попытаться искать примирения с ханом, для че-

го послал в Орду своего старшего сына, конечно, не с пустыми руками.

Хан потребовал его самого. И вот в 1337 году, прокняжив десять лет во Пскове на свободе, князь Александр, простившись с семьей и боярами и напутствуемый духовенством, пошел в татарскую неволю. «Господин царь вольный! – сказал он Узбеку, – много я виновен перед тобою, но пришел к тебе; ищу твоей милости... Смерть или жизнь приму от тебя, как тебе Бог известит, я на все готов. Вот голова моя перед тобою!» Смиренная мудрость князя победила ханский гнев. «Избавился от смерти князь Александр», – молвил Узбек и пожаловал его Тверским княжением.

Но после десяти лет в самой Твери произошла уже перемена к бывшему князю; как только туда приехал Александр и перевез из Пскова свою княгиню и детей, многие бояре, пользуясь своим правом свободного отъезда, поспешили уехать от него в Москву.

Затем летописец говорит, что Александр не утвердил договора с московским великим князем и, не взяв с ним мира, послал за чем-то в Орду своего старшего сына Феодора.

Предупреждая опасность, Иоанн Калита тоже пошел в Орду с двумя сыновьями – Симеоном и Иоанном. Он возвратился с великим пожалованием, но по его думе хан потребовал к себе в Орду налицо всех русских князей. Иоанн Даниилович, впрочем, сам не поехал, но послал туда всех трех своих сыновей – Симеона, Иоанна и Андрея.

Весь собор русских князей должен был решить в Орде, кто заводчик новой крамолы и кто желает добра Русской земле. Десять лет, в течение отсутствия Александра, Тверское княжество пребывало в тишине и все в нем были довольны своей участью, подчиняясь московскому великому князю только в общеземском отношении. Ясное дело, что Александр шел дальше и, получив в последний свой приезд в Орду точку опоры у жены Узбека, искал владычества над Москвой и всей землею, что вызвало общее возбуждение, для окончания которого хан и созвал в Орде собор всех князей.

Конечно, по этому поводу на княжеском соборе было высказано против Александра много неудовольствий; и вот, разгневанный

этими суждениями, Узбек повелел коварно вызвать его, тихо, кротко, с обещанием, что зовет к великому «жалованию». Александр колебался, но решился идти. «Если пойду, приму смерть, – рассуждал он, – если же не пойду, то придет рать и много христиан будет пленено и убито, и всему тому буду я виноват. Лучше одному за всех погибнуть».

Когда после печальных проводов из Твери он прибыл в Орду, то сын его Феодор объявил, что дела его идут плохо. Скоро Узбек решил его участь, определил смерть и назначил день казни на 29 октября 1339 года. В этот день Александр встал рано, помолился и, видя, что время проходит, послал к ханше за вестями, а сам сел на коня и поехал к знакомым разузнавать о своей участи. Но отовсюду был один ответ, что казнь назначена на сегодня. Тогда Александр, вернувшись к себе, стал прощаться с сыном и боярами, сделал распоряжение насчет княжества своего, исповедался и причастился; то же сделали Феодор и бояре. Ждали после этого недолго: вошли отроки с плачем и объявили о приближении убийц. Мужественный Александр сам вышел им на-

встречу и был рознят по суставам, вместе с сыном Феодором.

Так потеряла святая страдальца великая княгиня Анна Кашинская и своего второго сына, вместе с внуком Феодором. Русская земля встретила останки новых мучеников с глубоким религиозным чувством общего к ним почтения; они были преданы земле в Тверской соборной церкви, подле гробниц святого Михаила и Димитрия Грозные Очи.

Так закончилась борьба Москвы с Тверью. После нее ни тверские князья, ни рязанские, также бывшие в это время довольно сильными, не могли уже тягаться с Москвою. Внешним же выражением победы Москвы было перенесение в нее из Твери большого колокола из церкви Святого Спаса.

«Довольно кратко обозначенные в летописях обстоятельства описанных тверских и московских отношений дают полную возможность обвинять московского Иоанна Даниловича в хитрой, ловкой, то есть коварной, плутовской политике, погубившей князя Александра, – говорит И.Е. Забелин. – Однако, – продолжает он, – рассмотревши эти об-

стоятельства с должным вниманием, мы увидим, что Александр погиб вовсе не от хитрости врагов, но от собственной самоуверенности и самонадеянности в том, что он легко их осилит. По-видимому, он намеревался перенять у Москвы и самое великое княжение».

Конечно, этого Москва не могла уступить, особенно после установившейся земской тишины, которую народ прямо приписывал тому обстоятельству, что на великом княжении утвердился московский князь. Даже тверской летописец и тот так говорит про княжение Иоанна Калиты: «Того же лета сяде Иоанн Данилович на великом княжении всея Руси, и была тишина великая на 40 лет и престаша поганья воевать Русскую землю и закалати христиан: и отдохнуша и опочинуша христиане от великия истомы и многия тягости, и от насилия татарского; и бысть оттоле тишина велика по всей земле». Ловким же хитрецом московский князь выставляется некоторыми потому, что он, всегда памятуя прежде всего о народном благе, держал себя осторожно и во все не отличался той безрассудной самоуверенностью и самонадеянностью, которой осо-

бенно славились тверские князья, поддерживаемые в этом своими искусными в крамоле боярами.

Москва же, как мы видели, вначале даже и не боролась, а только защищалась от Твери, стараясь сохранить за собой Переяславское княжество. При этом надо не забывать, что хождение в Орду было всегда опасным делом и для таких ханских любимцев, какими сделались вскоре московские князья; даже Иоанн Калита, собираясь в Орду, писал духовное завещание.

Осторожное и разумное поведение Москвы по отношению татар не замедлило принести обильные плоды. Татары, усыпленные «смиренной мудростью» Калиты, всячески ему покровительствовали и усиленно способствовали этим созданию в будущем из Московского княжества могучей силы против себя же. Мы уже видели, что выгодное положение города Москвы, в узле главнейших путей того времени, привлекало к нему торговых людей; сюда же шли на житье и многочисленные поселенцы, привлекаемые как возможностью заработка, так и тишиной, и спокойствием, кото-

рые водворил Калита в своей земле; он «исправи землю Русскую от татей», говорит летописец, и водворил «тишину велию и правый суд». Кроме того, Калита ввел в действие и важный земледельческий закон, по образцу Византийского земско-полицейского и уголовного устава.

Такая постоянная забота о благе своих подданных привлекла во владения Иоанна Даниловича, помимо множества поселян-земледельцев, ремесленников и купцов, также и бояр из других княжеств, и притом таких бояр, которые были врагами крамолы и насилий, а искали князя твердого и справедливого, ограждавшего права своих подданных строгим поддержанием порядка и законов. Таким путем в Москве собралась большая боярская сила, причем большинство из них были настоящими боярами – в самом лучшем значении этого слова, то есть преданными слугами и мудрыми советниками своему князю, руководившимися во всех своих поступках исключительно благом земли.

Мы уже говорили о крайне важном значении, которое приобрела Москва перенесени-

ем в нее митрополитами своего стола. Это значение еще очень усилилось тем обстоятельством, что, по особому благословению Божию, первые московские митрополиты были все людьми, горячо преданными Русской земле. Святой Феогност был достойным преемником святого Петра и горячим сподвижником Калиты во всех его делах по устройству земли.

Нет никакого сомнения, что во время княжения Калиты, при непосредственном участии митрополита, высшего духовенства, московских бояр и, вероятно, ближайших к Москве удельных князей, неоднократно обсуждались все вопросы, относившиеся к положению дел в Русской земле; вспоминалось ее славное прошлое, оплакивалось ее печальное настоящее, разбирались причины, приведшие к татарскому игу, намечались возможные судьбы будущего и, наконец, вырабатывались строго продуманные основания для возрождения нашей Родины.

Конечно, всеми единогласно признавалось, что гибель земли произошла из-за отсутствия братолюбия, завещанного Яросла-

вом Мудрым, но, несомненно, вместе с тем было признано также, что рассчитывать на прочное единение всех по доброй воле, на основании глубокого христианского чувства и горячей любви к Родине, было, к сожалению, невозможно, а потому все и постановили: начать постепенно собирать вновь Русскую землю с благословения Церкви и во исполнение завещания святого Петра, но собирать при этом уже с *подчинением* московскому князю как всех остальных князей, так и Господина Великого Новгорода, пользуясь для этого всеми удобными обстоятельствами; по отношению же татар – продолжать «мудрое смирение», завещанное Александром Невским, до тех пор, пока Русь не соберется и не окрепнет настолько, чтобы свергнуть с себя позорное и ненавистное иго.

Конечно, Иоанн Калита по своему душевному складу как нельзя более соответствовал для выполнения этих мудрых предначертаний. Будучи глубоко верующим человеком, он, разумеется, неоднократно горячо молился у мощей святого Петра в заложенном им храме Успения Святой Богородицы, прося благо-

словения и сил на это великое служение для блага Родины. Нет сомнения также, что только после принятия на себя выполнения этой многотрудной задачи Иоанн Калита стал прибавлять к своему наименованию великого князя слова «всая Руси», имевшие для всех любивших Русскую землю глубокий и знаменательный смысл.

Ходя всегда с открытым кошельком, из которого он неустанно черпал для раздачи бедному люду на пропитание, Иоанн Даниилович вместе с тем усердно копил деньги, чтобы покупать на них, во исполнение заветной цели собирания Руси, как можно более земли у частных лиц, церквей, монастырей и других удельных князей, вынужденных продавать свое достояние, ввиду тяжелых условий землевладения, созданных татарским разорением.

Таким путем, скупая целые города у бедных северо-восточных князей, он приобрел Белоозерск, Кострому, Галич, Перемышль и Углич.

Трудясь над собиранием земли, Калита не менее усердно заботился и о застроении и украшении Москвы. Он обнес ее дубовыми

стенами в 1339 году и кроме храма Успения Богородицы воздвиг еще три церкви: Спаса на Бору, Михаила Архангела и Ивана Лествичника под колокола (впоследствии Иван Великий).

Сооружение Успенского собора производилось на деньги святого митрополита Петра, который завещал для этого все свое состояние. Всей постройкой Успенского храма заведовал тысяцкий Протасий, потомок знаменитого Шимона-варяга.

Калита умер 31 марта 1341 года, приняв перед кончиной схиму и крепко наказав трем своим сыновьям жить всем вместе, как один человек. Он завещал всем города и волости, но старшему Симеону дал больше, чем другим. Город же Москва был им отдан в общее пользование всем трем; это распоряжение, которого придерживались и последующие великие князья Московские, было крайне мудро, так как, владея сообща Москвой, братья поневоле постоянно виделись, имели общие заботы, были близки друг другу и сообща же, при благословении митрополита, решали все возникавшие вопросы о Русской земле.

Из движимости Калита оставил после себя двенадцать цепей золотых, девять ценных поясов, шесть золотых чаш, две золотые чары, одно золотое блюдце с жемчугом и камнями, десять блюд серебряных, два золотых сосуда больших, два поменьше и коробочку золотую. Так невелико было достояние в драгоценных вещах богатого князя «всея Руси» во время татарского ига.

Народ, чутко ценивший Иоанна Данииловича и великое дело, которому он себя посвятил, а также и его великую сердечную доброту, не только дал ему почетное наименование Собирателя Русской земли, но и был убежден, что церковь причтет его к лику святых; в течение весьма долгого времени память его чтилась местно, и он даже именовался святым в рукописных святцах.

Во время Калиты каких-либо важных действий со стороны шведов и немцев против Русской земли не было. Еще в 1322 году новгородцы ходили с Юрием Данииловичем к Выборгу, били его шестью пороками, но взять не могли, перебили только много шведов; затем, чтобы остановить их дальнейшие наступа-

тельные движения, новгородцы заложили у истока Невы из Ладожского озера крепость Орешек, известную впоследствии под именем Шлиссельбурга.

Шведы предприняли было против Новгорода поход в 1337 и 1338 годах, но должны были заключить мир по старым грамотам.

У ливонских немцев с конца XIII века шла ужасная междоусобица. Орденские рыцари воевали с епископами Рижскими, причем епископы не затруднялись призывать язычников-литовцев против латинян – рыцарей. После этого дело было перенесено на папский суд, на котором епископы обвиняли орден в разных злодействах. Затем они призвали опять литовцев к себе на помощь, но в конце концов рыцари, держа в течение года в осаде город Ригу, довели ее жителей до полного истощения от голода и дали мир на тяжелых условиях.

В западной же Руси, а также в Польше и в Литве произошли тем временем важные перемены.

В противоположность сильному размножению потомков Всеволода Большое Гнездо в

северо-восточной Руси, княжеский род в юго-западной Руси вымирал крайне быстро.

Уже в начале XIV века внук Даниила Романовича, Юрий Львович, является единственным и последним чисто русским и православным князем, соединявшим в своих руках Галич и Волынь. Его два сына, Андрей и Лев, рано умерли бездетными, и после них Галицко-Волынский стол получил сын их сестры, бывшей замужем за польским князем, Юрий-Болеслав. Этот Болеслав, всецело приверженный латинству, окружил себя немцами, поляками и чехами, глубоко презирал все русское и скоро возбудил к себе общую ненависть; наконец, в 1340 году, его отравили бояре, причем будто бы яд был так силен, что тело его разнесло на куски.

По смерти Юрия-Болеслава обширные его владения после долголетней борьбы были разделены между двумя соседями: Галицкая земля с городом Холм досталась Польше, а Волынь – Литве.

Как Польша, так и Литва успели с начала XIV века значительно усилиться.

Польша, разделенная весьма долгое время,

так же как и Русская земля, на отдельные княжества, стала в начале XIV века собираться Владиславом Локеткем, который подчинил себе большую часть удельных князей. Дело Локетка усердно продолжал сын его Казимир, прозванный Великим; он и присоединил к своим владениям Галичину и Холм.

В Литве после Тройдена сменилось несколько языческих князей, пока в 1316 году не вокняжился Гедимин. Этот замечательный по своему необыкновенно ясному уму, настойчивости, хитрости и дальновидности князь был истинным основателем могущества своего государства.

Оказывая явное покровительство и предпочтение всему русскому, он искусно объединил под своею властью многие южные и западные русские земли, разоренные и ослабленные татарами; Волынь и Киевская область, а также владения Минские, Туровские и Пинские принадлежали уже Гедимину к концу его жизни; поэтому, будучи великим князем Литовским, он стал носить в то же время и наименование великого князя Русского, так как русские области по своей вели-

чине по крайней мере вдвое превосходили его Литовские владения.

Занятый собиранием русских земель, Гедимин вместе с тем вел беспощадную войну с немцами, удачно пользуясь раздорами, происходившими между ливонскими рыцарями и рижскими епископами, причем однажды, чтобы принудить рыцарей к миру, он отправил к папе посольство, прося помощи и обещая почитать его, как отца.

Обрадованный папа, думая, что Гедимин желает принять христианство, приказал рыцарям немедленно прекратить военные действия против него и отправил своих послов крестить Гедими́на. Но тут их ожидало разочарование. «Я действительно говорил, – объявил Гедимин, – что буду почитать папу, как отца, но я сказал это потому, что он старше меня; всех стариков я почитаю, как отцов; сверстников моих люблю, как братьев; тех же, кто моложе меня, я готов любить, как сыновей. Креститься же я не намерен».

Нет сомнения, что принятию христианства Гедимину препятствовала сильная приверженность литовцев к язычеству и чрезвы-

чайное влияние, которое имели на народ жрецы. Боги литовцев были схожи с древнерусскими, причем главным почитался Перкунас, то есть Перун – бог молнии. Все же жрецеское сословие было тесно между собой связано, причем в нескольких местах на Литве были особые священные рощи Ромове, где перед идолом Перкуна горел неугасаемый огонь Знич.

Охотясь однажды по Вилии и убив близ такого Ромове огромного тура, Гедимин по указанию верховного жреца установил здесь свою столицу – Вильно, причем свой замок, развалины коего сохранились и поныне, построил на высокой горе, где пал убитый им тур. Конечно, соединение местопребывания великого князя с местом расположения Ромове сильно способствовало объединению под рукой Гедимины всех литовских племен, так как литовцы были необыкновенно горячо привержены к своей вере, обычаям и вообще к своей старине, что между прочим ясно показывает следующее событие.

В 1336 году прибыло из Германии до двухсот князей, графов и простых рыцарей в Тев-

тонский орден с благочестивой целью – мечом крестить литовцев в латинство. И вот магистр ордена устроил для дорогих гостей род большой охоты на язычников и с сильным отрядом осадил замок Пиллене, в котором заперлось до четырех тысяч литовцев с женами и детьми, под начальством местного князька Маргера.

Литовцы защищались отчаянно, и немцы никак не могли взять замок, пока одному рыцарю не пришла мысль зажечь его деревянные стены посредством стрел, обмокнутых в горючий состав. Это удалось, и замок запылал во многих местах. Тогда осажденные, видя, что спасения нет, решили умереть все до единого. Они сложили огромный костер и сожгли на нем все свое имущество; потом начали избивать отцы своих детей, мужья своих жен и бросать их в тот же костер. Затем литовские мужи разделились по двое и один другому вонзали мечи прямо в грудь. Оставшиеся еще в живых протягивали свои шеи под топор одной старой жрицы; наконец, исполнив свое дело, и она бросилась в пламя; все это совершалось под наблюдением Марге-

ра; когда же избиение окончилось, он заколол собственную жену, скрытую им в подземелье замка, а потом покончил и с собою.

Конечно, при такой необыкновенной ревности к язычеству со стороны своего народа Гедимину было затруднительно самому креститься, но лично он имел двух русских православных жен (Ольгу и Еву) и не препятствовал детям не только устраивать христианские браки, но и креститься.

При этом в деле устройства браков своих детей Гедимин проявил необыкновенное искусство, приобретя ряд родственных связей, посредством которых он или подготовлял присоединение к Литве новых русских областей, или получал важных союзников. Своего сына Ольгерда он женил на Марии Ярославне, дочери витебского князя, не имевшего сыновей, почему Ольгерд и получил впоследствии Витебск; другого сына Любарта он женил на внучке Юрия Львовича, князя галицко-волынского, одну свою дочь Айгусту он выдал за старшего сына Иоанна Калиты Симеона, другую – за Дмитрия Михайловича Грозные Очи, убитого в Орде, третью – за Казими-

ра Великого, короля Польского, а четвертую – за того Болеслава-Юрия, который был последним князем галицко-волыньским и отравлен в 1340 году.

Сам Гедимин умер в 1341 году, так же как и Иоанн Калита. Он был убит при осаде одного немецкого замка. Сыновья свезли его тело в Вильно, и оно было торжественно сожжено вместе с конем, любимым слугою и тремя пленными немцами, по литовскому обычаю, схожему с древнерусскими и скифскими.

Таким образом, одновременно с собиранием Руси, начавшимся на северо-востоке – под рукой Москвы, шло уже сильное собирание западной и южной Руси – Литвой. Конечно, эти две силы должны были весьма скоро столкнуться между собою из-за пограничных друг к другу областей.

По смерти Калиты его дети – Симеон, Иоанн и Андрей, а с ними и все русские князья, по обычному порядку, отправились в Орду утверждать за собой свои отчины, причем князья – ярославский, тверской и суздальский – прямо пошли искать великого княжения. Однако хан, памятуя хорошее поведение

покойного Калиты, не только отдал великое княжение Симеону, но дал в своем ярлыке клятву за себя и детей своих укрепить великое княжение за потомками Калиты; мало того, «все князья русские были отданы *под руки* Симеона».

Таким образом, благодаря «мудрому смирению» московских князей сами татары давали им власть над остальной их братией, и исполнилось то, против чего так восставал Мстислав Храбрый, обривая голову и бороду послу Андрея Боголюбского и наказывая передать Андрею, что князья ему не подручники.

Летописец рассказывает, что двадцатитрехлетний Симеон, которому все остальные князья не замедлили дать прозвание Гордый, созвал их и напомнил им, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья беспрекословно повиновались старшему, и что теперь только таким же беспрекословным повиновением ему, Симеону, они могут освободиться от татарского ига.

И князья, может быть, скрепя сердце, повиновались ему; Тверь не думала больше о борьбе, причем князь ее, Всеволод Алексан-

дрович, отдал сестру свою Марию за Симеона, когда он вздумал вступить в третий брак, потеряв первую жену Айгусту Гедиминовну и разведясь со второй – Евпраксией Феодоровной Смоленской[30]; другой же тверской князь женился впоследствии на дочери Симеоновой. За невестой Симеона, княгиней Марией Александровной, ездил в Тверь боярин Андрей Кобыла, родоначальник ныне благополучно царствующего дома Романовых.

Возвратившись из Орды, Симеон должен был привести под свою волю Господин Великий Новгород. Новгородцы, еще при жизни Калиты, не желали признавать над собою главенства Москвы и призывали к себе даже сына Гедиминова Нориманта, весьма, впрочем, недолго у них сидевшего. Теперь Симеон, конечно истощив свою казну в Орде, справедливо желал, чтобы и новгородцы участвовали в этих расходах, и послал в богатый Торжок за сбором дани.

Это вызвало неудовольствие, особенно среди новоторжских бояр; по их наущению послы Симеоновы были закованы и посажены в

тюрьму, а в Новгород послали за ратной помощью, зная, что великий князь не оставит этого самоуправства без наказания.

Однако в Новгороде против посланной рати восстала чернь и не позволила начинать войну. Вслед за тем и в Торжке чернь поднялась на бояр с криком: «Зачем призвали новгородцев? Зачем московских бояр поковали и посажали в тюрьмы? Ведь не вам, а нам за это погибать!» После чего чернь надела брони, вооружилась, освободила заключенных, с честью выпроводив их из города, и с особым ожесточением напала на дома своих бояр.

Таким образом, сам народ был крепким союзником Москвы за увеличение ее власти в спорах и ссоре с Новгородом и со всеми другими княжествами, так как народ уже достаточно понимал, чем кончаются все междоусобия, и потому теперь уже стал всячески стараться прекратить их в самом начале и поддерживать того князя, который своею крепкою рукой может сберечь землю от кровопролития и разорения.

Поступок новоторжских бояр был делом очень важным для всей остальной Руси – это

было самоуправство; дань собиралась главным образом для татар, и ее недобор всегда грозил новым татарским нашествием, от которого должны были пострадать не одни виновные, но и вся земля. Когда в Москве узнали о сопротивлении новоторжцев, то Симеон собрал к себе в Москву помыслить об общем деле всех князей и тут же утвердился с ними крестным целованием «быть всем за едино: прежде всего смирить и покорить новгородцев, а затем и между собой жить в совете и единстве. Кому между князей будет обида в отчине или в ином чем, то войны не начинать, но судиться перед великим князем, а кто начнет войну и позовет татар или у татар суда поищет, на того всем князьям идти за едино».

После этого была собрана рать, и все князья, во главе с митрополитом, пошли к Торжку. Конечно, присутствие митрополита, как и в походе Калиты против псковичей, показывало, что собственно войны не полагается, а что это поход судей против виноватого. Новгородцы тоже поднялись, но послали своего владыку Василия с челобитьем. Дело окончи-

лось миром, причем новгородцы отдали Симеону на два года «черный бор» (сбор особой дани с черного люда), да и с Торжка было взято тысяча рублей в виде пени. Митрополит же Феогност лично посетил Новгород и был богато одарен.

Таким образом, Симеон удачно продолжал следовать по начертанному пути собирания Руси под властью Москвы. Ему же пришлось давать отпор и объединительным стремлениям Литвы по отношению русских пограничных земель.

Застигнутый неожиданной смертью, Гедимин, по-видимому, не успел распорядиться относительно того, кому из сыновей его быть великим князем Литовским и Русским. Всех же их у него было семь, из коих особенно замечательны были Ольгерд и Кейстут, рожденные от одной матери и связанные между собой самой прочной братской любовью; Ольгерд не замедлил скоро стать великим князем Литовским и взял себе в управление области, примыкавшие к Руси, тогда как Кейстут взял те, которые были обращены к стороне владений немцев.

Оба брата как бы дополняли друг друга: Кейстут был настоящим язычником-литовцем – храбрый, добродушный, хотя и не без некоторого коварства; Ольгерд же отличался глубокими государственными дарованиями, он умел правильно пользоваться обстоятельствами, верно намечал цели своих стремлений, выгодно заключал союзы и удачно выбирал время для приведения в исполнение своих замыслов. При этом он был крайне сдержан, осмотрителен и сохранял свои намерения в непроницаемой тайне. Так же скрытно и внезапно любил он совершать и свои военные походы. Ольгерд был человеком безусловно трезвым, что было редко в его время, и был очень склонен как к русским обычаям, так и вообще ко всему русскому, сознавая, конечно, насколько русский быт стоял неизмеримо выше варварского литовского; при этом он сам исповедовал православие, однако тайно, зная ненависть к нему со стороны литовцев, и когда трое его молодых приближенных – Кумец, Нежило и Круглец – приняли православие с именами Иоанн, Антоний и Евстафий и стали открыто его исповедовать, то

Ольгерд, уступая требованию жрецов, не постыдился ввергнуть их в темницу, а потом и предать мучительной казни. Нетленные мощи этих святых мучеников почивают в настоящее время открыто в Виленском Святодуховом монастыре.

В год возвращения Симеона из Орды Ольгерд внезапно подошел к Можайску, входившему во владения Москвы, но город взять не успел и ушел назад. Спустя восемь лет Ольгерд придумал новое средство осилить московского князя. Он послал своего брата в Орду, где в это время, после смерти Узбека, шли большие усобицы и ханы быстро сменялись, просить помощи против Москвы. Тогда Симеон, узнав об этом, тоже отправил в Орду своих послов, которые держали хану Чанибеку такое слово: «Князь Литовский Ольгерд твои улусы (Русскую землю) все высек и в полон вывел, а теперь и нас, твоих данников, хочет полонить и твой улус, Русскую землю, хочет до конца опустошить, и все с той мыслью, чтобы, разбогатеv, подняться и на тебя».

Чанибек понял справедливость слов своего верного данника, московского князя, и вы-

дал ему головой брата Ольгердова с дружиной, которые и были доставлены в Москву.

Литовский князь присмирел и на другой год прислал в Москву послов с челобитьем и многими дарами, прося мира и помилования его брату. Симеон великодушно отпустил пленников, после чего между ним и Ольгердом завязалась любовь и дружба, причем Ольгерд, потеряв свою первую жену – Марию Ярославну Витебскую, женился на свояченице Симеона – Ульяне Александровне Тверской, а брат его Любарт, тоже вдовец, – на ростовской княжне.

Во времена Симеона у немцев окончилась усобица ливонских рыцарей с рижскими епископами; поэтому они возобновили свои наступательные действия и несколько раз ходили воевать со Псковом, но храбрые псковичи, усердно призывая на помощь святых Всеволода и Довмонта, каждый раз успешно били немцев; однажды им на помощь приходил и Ольгерд, который, впрочем, ходил также и на новгородцев, обидевшись на их посадника, пренебрежительно отзывавшегося о нем.

У Новгорода тоже возобновилась борьба со

шведами. Шведский король Магнус возымел странную мысль – идти Крестовым походом на Новгород, для обращения в латинство русских язычников, для чего, собрав в налог десятую часть дохода всех жителей, выступил в 1341 году в поход; он вошел в Неву и отправил послов в Новгород, которые объявили на вече от его имени: «Пришлите на съезд своих философов, а я пришлю своих, пусть они поговорят о вере; хочу узнать, какая вера будет лучше: если ваша будет лучше, то я иду в вашу веру, если же наша лучше, то ступайте в нашу веру и будем все как один человек; если же не хотите соединиться с нами, то иду на вас со всей моею силою».

Новгородцы, во главе с владыкой Василием, отвечали: «Если хочешь узнать, какая вера лучше, то пошли в Царьград к патриарху, потому что мы от греков приняли православную веру, а с тобой нам нечего спорить о вере; если же тебе есть какая-нибудь от нас обида, то шлем к тебе на съезд» – и послали тысяцкого с боярами. Но Магнус ответил им: «Обиды мне от вас нет никакой; ступайте в мою веру, а не пойдете, то я иду на вас со всей

моей силою» – и, отпустивши послов, осадил Орешек, причем всем попадавшим в руки русским велел брить бороды, а потом пере-крещивал их в латинство.

«Но русские скоро показали, что у них борода опять выросли», – уныло говорит шведский летописец. Хотя Магнусу и удалось овладеть Орешком, но новгородцы на следующий год взяли его обратно, затем подошли к Выборгу, разбили вышедших им навстречу шведов и заключили выгодный мир. Во время этого похода Псков, за содействие Новгороду, был пожалован младшим братом Новгороду, причем было определено: посаднику новгородскому во Пскове не сидеть, от владыки судить во Пскове псковичу и псковитян на суд в Новгород не вызывать.

В 1352 году Русскую землю посетило страшное бедствие – мор, под названием «*черной смерти*», которая была, вероятно, легочной чумою. Первоначально она появилась в Китае, где от нее умерло 13 миллионов людей; затем она была занесена на кораблях в Европу, обошла Францию, Англию, Германию, Швецию, откуда проникла, через Новгород и

Псков, в Русскую землю. Священники не успевали отпевать покойников – так велика была смертность; в городах Глухове и Белозерске не осталось ни единого человека; все перемерли.

Население было, конечно, в ужасе, и много зла творилось в это время преступными людьми; но вместе с тем многими русскими людьми было проявлено и замечательное мужество, и самоотверженность в служении больным. Особенно прославился своим бесстрашием и истинно христианской любовью к несчастным зачумленным новгородский владыка Василий, который, к сожалению, и сам скончался от мора.

В 1353 году «черная смерть» постигла и Москву, и от нее умерли митрополит Феогност, сам великий князь Симеон, едва достигший тридцатилетнего возраста, все его дети, молодой брат Андрей и множество народа. Перед кончиной Феогност много претерпел за Русскую землю. Поехав в Орду на поклон новому хану Джанибеку, он был задержан татарами, которые предавали его разным истязаниям с тем, чтобы он отказался от

прав Русской церкви, данных прежними ханами; но святитель твердо перенес свои страдания и, раздав богатые дары, сумел отстоять права нашей церкви. Он был причтен к лику святых и погребен рядом со святым Петром в Успенском соборе.

Симеон в своей духовной грамоте завещал следующее: «А по благословению нашего отца, что нам приказал жити за один, так и я вам приказываю, своей братии – жити за один. А лихих бы людей вы не слушали, кто станет вас сваживать; слушали бы вы отца нашего, владыку Алексия (преемника митрополита Феогноста), также и старых бояр, кто хотел отцу нашему добра и нам. А пишу вам это слово для того, чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла». Так умер мудрый и твердый духом Симеон. Кроме непрерывных занятий по делам своей земли он усердно занимался украшением Москвы. При нем были чудесно расписаны греческими и русскими мастерами храмы, сооруженные его отцом. Во времена Симеона же возникло в Москве, под руководством славного мастера Бориса, родом римлянина, и

необходимое для Руси искусство – колокольное литье.

Смерть Симеона хотя и подняла новые крамолы, но не произвела никакого особого замешательства; так уже крепко была устроена Москвой связь земских и княжеских отношений, причем в заботах об этой связи Москва не упустила важнейшего дела и вполне обеспечила себя относительно избрания митрополита. Еще при жизни святого Феогноста им же был избран наместником митрополичьего стола русский человек, старец Алексей, из черниговских бояр; его отец Феодор Бяконт перебрался на службу к князю Даниилу Александровичу, и Иоанн Калита, будучи еще отроком, крестил старшего сына Феодора Елевферия.

Достигнув тринадцати лет, Елевферий услышал однажды, занимаясь ловлей птичек, голос, указавший ему путь к иночеству; поэтому уже на пятнадцатом году жизни он принял пострижение с именем Алексей и после двадцати лет строгих подвигов обратил на себя внимание Феогноста, который назначил его своим преемником и, без сомнения,

посвятил во все задачи об освобождении Руси от татар и собирания ее под властью Москвы, завещанные еще святым Петром. Вот слушать этого Алексея и наказал своим братьям умирающий Симеон.

Кроме Алексея в то же время был уже славен своими подвигами и другой великий русский подвижник.

В 1314 году у благочестивого ростовского боярина Кирилла и жены его Марии родился сын Варфоломей. Это был замечательный ребенок, и боярыня Мария еще до рождения Варфоломея почувствовала, что жизнь его будет необыкновенной по своей святости. Мальчик рос тихим и набожным; на седьмом году его отдали учиться грамоте вместе с братьями – Стефаном и Петром, но она, к глубокому огорчению, ему не давалась, и он часто со слезами молился Богу, чтобы Он подал ему разумение грамоты.

Наконец горячая молитва его была услышана; однажды он был послан отцом в поле искать лошадей и увидел незнакомого старца, который стоял под дубом и усердно молился. Варфоломей выждал окончания его

молитвы, а затем подошел к благословению; когда же старец спросил его, что он желает, то мальчик рассказал ему о своих успехах в грамоте и просил его помолиться за него. Старец помолился и дал часть просфоры, сказав при этом, что отныне ему дается от Бога разум к учению. И действительно, в тот же день Варфоломей, в присутствии старца, приглашенного мальчиком в дом своих родителей, стал за часами уже стройно читать Псалтырь; после этого, благословив еще раз Варфоломея и предсказав ему за добродетельное житье великую будущность, старец стал внезапно невидимым, из чего присутствующие и узнали, что их чудесно посетил ангел Божий.

Когда Варфоломею минуло пятнадцать лет, отец его совершенно разорился; он принужден был покинуть Ростов и переселиться с семьей в городок Радонеж, в 54 верстах от Москвы; здесь, достигнув двадцатилетнего возраста, Варфоломей пожелал постричься, так как по жизни своей был уже с детства строжайшим иноком. Родители его ничего не имели против этого, но так как старшие сыновья уже женились и имели на попечении

собственные семьи, то старики просили Варфоломея оставить свое намерение до их смерти, с тем чтобы он поддерживал их старость своим трудом.

Варфоломей исполнил это желание, и только дождавшись кончины родителей, имея двадцать три года от роду, покончил с мирскою жизнью. Однако он не пошел ни в один из существовавших монастырей, а, следуя примерам великих основателей монашества, пустынников Египта Антония, Пахомия и Макария, решил уединиться в лесу и пригласил себе в товарищи родного своего брата Стефана, успевшего овдоветь к этому времени и постричься в монастыре.

В громадном лесу, расположенном близ Радонежа, они выбрали себе место, где решили поставить церквичку и шалаш. Это было в том самом месте, где ныне стоит величественная Троице-Сергиевская лавра, знакомая каждому русскому человеку.

Деревянная церквичка была выстроена и освящена по благословию митрополита Феоноста во имя Святой Троицы; но скоро Стефан не выдержал суровой жизни и ушел в

Москву, в Богоявленский монастырь. Варфоломей же остался совершенно один в дремучем лесу, где можно было только видеть и слышать зверей и птиц; впрочем, к нему пришел ненадолго один игумен-старец, по имени Митрофан, и постриг его в иноки с именем Сергей; после ухода Митрофана он в течение нескольких лет оставался совершенно одиноким в лесу, пребывая постоянно в молитве, исключая время, необходимое для работы в своем небольшом огороде.

Во время этого сурового одиночества страшные видения постоянно осаждали по ночам молодого подвижника и вместе с воем и ревом хищных зверей, бродивших вокруг кельи, должны были делать его жизнь особенно безотрадней; но инок Сергей, горячо призывая помощь Божию, бодро выносил эти испытания и приобрел даже расположение среди зверей; стада волков бегали мимо него, не причиняя вреда, а один медведь стал часто посещать преподобного, который делился с ним своим хлебом, несмотря на то что его едва хватало самому на пропитание. Когда же случалось, что хлеба совсем не было и мед-

ведь не находил своей краюхи на урочном месте, то он долго не отходил от кельи, упорно ожидая подачки, как будто злой заимодавец, настоятельно желающий получить свой долг; эти ежедневные посещения медведя продолжались более года.

Несмотря на полное уединение, слава о подвигах смиренного отшельника постепенно распространялась, и к нему стали обращаться с настойчивыми просьбами – позволить подвизаться вместе с ним. Конечно, Сергей не отказывал желающим, указывая им только на трудность предстоящей жизни, и таким путем было положено начало его монастырю, нынешней знаменитой Троице-Сергиевской лавре.

Скоро собралось 12 человек монахов, и они просили Сергея быть их игуменом; однако он решительно отказался, и первым игуменом был приглашенный братиею старец Митрофан, постригший Сергея. Когда же он скончался, то, по усердной просьбе и требованию всех иноков, Сергей принял, наконец, игуменство и стал во всем следовать примеру Феодосия Печерского, который тоже был избран

игуменом в молодые годы. В первое время существования монастыря бедность была страшная, и братии по несколько дней приходилось голодать; однажды, чтобы получить решето гнилого хлеба для обители, Сергей смиренно исполнил большую плотничью работу. Но когда слава об обители стала все более и более возрастать, то к ней стали стекаться и пожертвования, что дало возможность Сергию творить самую широкую милость.

Число пустынников долго ограничивалось двенадцатью; первый, поступивший сверх этого числа, был смоленский архимандрит Симон, променявший власть на звание послушника Сергея и вручивший ему все свое большое богатство, которое пошло на построение новой церкви и монастыря.

Спустя десять лет после основания обители вокруг нее стали в большом количестве селиться крестьяне и скоро окружили монастырь кольцом своих поселков.

Преподобный Сергей ввел в своей обители строгий общежительный устав, по примеру древних апостольских общин, когда у всех со-

бравшихся верующих «было одно сердце и одна душа, и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян.: IV, 32); при этом он сам не только работал наравне со всеми, но по крайней мере за двоих, так как был от природы очень сильным человеком и не стыдился никакой работы – ни поварства, ни плотничества, ни кроения и шитья одежды и обуви на братию; нарочитой же его работой было печение просфор, причем он сам изготовлял муку для них (толок зерно и молот его ручной мельницей), катание свечей и варение кутьи. Одежда преподобного Сергия была не только одинакова со всей братией, но хуже всех, и носил он ее до тех пор, пока она не сваливалась с плеч. Брат Сергия Стефан, когда монастырь расширился, вернулся в него и выразил однажды неудовольствие, что игуменом не он; тогда смиренный Сергий тайно ушел из обители и основал другую в 50 верстах от своей – на берегу реки Киржач, и только по приказанию митрополита Алексия, которого об этом просила братия, он вернулся обратно в свой Троицкий монастырь.

Святой Сергей обладал в большой степени даром прозорливости и чудотворения, причем из чудес, имевших место при жизни его, особенно замечательно следующее. У одного благочестивого человека, жившего близ монастыря, тяжело заболел единственный сын, еще малютка. Он поспешил принести его к Сергию, надеясь на молитвы святого, но едва только он переступил порог кельи, как малютка умер. Убитый горем отец оставил сына в келье и пошел за гробом; но пока он ходил, Сергей помолился и дитя ожило; затем когда отец вернулся, то Сергей по своему смирению объявил ему, что ребенок не умирал, а просто от сильного холода заоченел (дело было зимой), а теперь в келье отошел. Но отец, хорошо видевший, что ребенок был мертв, настаивал, что он воскресил его сына. Тогда Сергей запретил ему разглашать о чуде, под опасением лишиться мальчика.

Таков был святой Сергей, стяжавший себе громкую славу уже ко времени кончины великого князя Симеона Гордого.

Симеону наследовал брат его – Иоанн Красный, прозванный так за великую свою красо-

ту. Его называли также Добрым, так как это был князь «кроткий, тихий и милостивый». Но что служит лучшим украшением иноков, не всегда соответствует правителям. «Время государей тихих, – говорит Карамзин про княжение Иоанна Красного, – редко бывает спокойно, и мягкосердечие их имеет вид слабости, благоприятной для внешних врагов и внутренних».

Все князья поехали в Орду узнать, кто будет их главой; при этом новгородцы отправили особого посла с большими деньгами на подкуп, чтобы устроить великое княжение не Москве, а суздальскому князю Константину [31]. Однако Чанибек решил дело в пользу Иоанна, который не преследовал своих соперников и не мстил им, несмотря на то что новгородцы некоторое время продолжали его не признавать и после получения им от хана ярлыка на великое княжение.

В то же время и рязанский князь Олег, дерзкий, жестокий и коварный, дерзнул подняться на Иоанна, желая быть совсем независимым; он взял принадлежавший Москве город Лопасню и увел его наместника в плен;

Иоанн также не пошел на него войной, а удовольствовался освобождением упомянутого наместника из неволи. В свою очередь и Ольгерд Литовский тоже не замедлил воспользоваться слабостью Иоанна; он присоединил к себе Брянск и занял было своим войском Ржев, чем открыл себе путь к Москве и Твери, но встревоженные тверитяне и жители Можайска поспешили вооружиться и сами выгнали из Ржева литовцев.

Отсутствие твердой великокняжеской руки давало себя, разумеется, знать и в самой Руси: в Твери, Муроме и Новгороде во время Иоанна Доброго шли жестокие усобицы, особенно же в Новгороде. Наконец, даже в самой Москве не было спокойно. Здесь еще во время Симеона Гордого важную должность тысяцкого занимал некий боярин Алексей Петрович Хвост, человек, по-видимому, тщеславный, жадный до власти и коварный. Он затеял крамолу против великого князя, но решительный Симеон быстро ее прекратил, изгнав Алексея Петровича из своих владений и лишив его всех волостей. При этом дальновидный Симеон потребовал, чтобы братья Иоанн

и Андрей принесли клятву не принимать к себе на службу мятежного боярина, ни детей его; кроме того, зная слабоволие Иоанна, Симеон взял с него еще особую клятву – ни под каким видом не отдавать Алексею Петровичу той части его имения, которую он, Иоанн, получил от Симеона.

Однако, несмотря на все, Алексей Петрович Хвост стал вновь тысяцким после смерти Симеона. Нет сомнения, что большинство остальных московских бояр, зная хорошо дела Алексея Петровича, были крайне недовольны его возвышением и неоднократно высказывали это великому князю; но слабовольный Иоанн, конечно находившийся под сильным влиянием властного Хвоста, не обращал на это внимания. И вот 3 февраля 1357 года, ночью, тело Алексея Петровича было найдено на площади, причем нельзя было выяснить, кто его убил, но, по-видимому, это последовало по тайному заговору бояр. После этого убийства в городе стал сильный мятеж, причем многие бояре даже временно выехали из Москвы в Рязань.

Среди этих досадных нестроений, вызван-

ных исключительно слабостью Иоанна, все более и более возрастало значение и обаяние митрополита Алексия, отличавшегося, помимо святости жизни и чрезвычайной любви к Родине, также и обширнейшей образованностью; он сам переводил с древних подлинников Священное Писание на славянский язык. Скоро ему представился случай оказать важную услугу Родине.

В 1357 году хан Чанибек потребовал его к себе для исцеления своей любимой жены Тайдулы, тяжело больной и ослепшей уже три года назад. «Мы слышали, – писал хан Иоанну, – что небо ни в чем не отказывает молитве главного попа вашего; да испросит же он здравие моей супруге». Перед отправлением в Орду святитель отслужил молебен у мощей митрополита Петра; вдруг на глазах у всех сама собой зажглась свеча при гробе чудотворца. С остатком этой свечи и освященной водой Алексий отправился в Орду, усердно помолился над Тайдулой, окропил ее святой водой, и она чудесно прозрела; после этого он с великой честью вернулся в Москву и заложил здесь, в память чудесного исцеления Тайду-

лы, Чудов монастырь; кроме того, в честь царицы Тайдулы же был основан и город Тула.

Вскоре, в том же 1357 году, хан Чанибек был убит сыном своим Бердибеком, который, заодно с отцом, убил и 12 своих братьев.

Тревожное время настало тогда и для Русской земли. Явился грозный посол от нового хана с требованием «царева запроса», чрезвычайного сбора дани, не в очередь и не по ряду, а что послу заблагорассудится назначить, и была «великая истома русским князьям», – говорит летописец.

При этом, по-видимому, свирепый Бердибек остался недоволен собранной данью, так как собирался идти воевать Русскую землю. И вот, чтобы отвратить гнев нового хана, митрополит Алексей вторично отправился в Орду из Москвы молить его за Русь; он потерпел там большую тесноту, но все-таки успел, при содействии благодарной ему матери Бердибека Тайдулы, отклонить грозившую беду и был отпущен с честью и миром для всей Русской земли.

При возвращении в Москву Алексею была устроена торжественная встреча: великий

князь, бояре и народ встретили его как утешителя небесного; особенно же трогательно было видеть, как восьмилетний старший сын Иоанна Димитрий, одушевленный знаками всеобщей любви к Алексию, говорил ему, проливая от волнения слезы: «О, Владыко! Ты даровал нам житие мирное; чем можем мы изъяснить тебе нашу благодарность?»

Вскоре после этого, в 1359 году, умер Иоанн Добрый, имея всего тридцать три года от роду. После него остались малолетние сыновья – Димитрий и Иоанн и малолетний же племянник – Владимир Андреевич.

Почти одновременно с кончиною Иоанна был убит и хан Бердибек сыном своим Кульпою. Это было началом «великой замятни», по словам летописца, то есть ряда кровавых переворотов в Орде, причем ханы один за другим вступали на престол через трупы своих предшественников, что, конечно, сильно пошатнуло могущество татар. Хан Кульпа, севший после Бердибека, был в свою очередь убит через пять-шесть месяцев вместе с двумя сыновьями, исповедовавшими христианство, одним из потомков Чингисхана – Навру-

сом, который после этого воцарился в Сарайской Орде, уже называвшейся в то время также и Золотой.

Во время этих кровавых переворотов у татар русские князья после кончины Иоанна Доброго отправились, по обычаю, в Орду, чтобы хан разделил им их владения; при этом Наврус отдал ярлык на великое княжение Дмитрию Константиновичу Суздальскому[32], не по отчине и не по дедине, но, вероятно, при посредстве серебра новгородцев, которым выгодно было иметь великого князя не столь могущественного, как московский князь, и сидящего подальше от их земель. Однако торжество Дмитрия Суздальского было непродолжительным. Наврус был вскоре убит Хидырем, который, став ханом, лишил жизни и престарелую Тайдулу. Русские князья опять отправились чествовать нового хана, но затем едва спаслись бегством от наставшего междоусобия в Орде, так как Хидыря убил его сын Темихоржа, который в свою очередь царствовал только шесть дней; ордынский вельможа, темник Мамай, сильный и властный, возмутил всю Орду, убил Теми-

хоржу, перешел с луговой стороны Волги на нагорную и выставил ханом Абдула; но у Абдула явилось несколько соперников, из которых главным был Амурат, брат убитого Хидыря; его признала Орда, оставшаяся в Сарае. Таким образом явились две больших Орды – Волжская и Сарайская, с двумя независимыми и враждебными друг другу ханами.

Старший сын покойного Иоанна Московского Димитрий, едва достигший десятилетнего возраста, тоже отправился в Орду в это кровавое время, но был благополучно вывезен из нее своими боярами, еще до смерти Хидыря. Скоро бояре эти успели выпросить у сарайского хана Амурата ярлык для Димитрия на великое княжение.

Затем, так как Димитрий Суздальский не думал подчиниться этому решению, те же московские бояре посадили на коней своих отроков князей – Димитрия, Иоанна и Владимира Андреевича – и выступили под их начальством к Владимиру на Клязьме. Димитрий Константинович, пораженный этой решимостью Москвы, не сопротивлялся и бежал в Суздаль, после чего юный Димитрий

Иоаннович Московский, торжественно сев на столе Андрея Боголюбского во Владимире, вернулся к себе в Москву.

Вскоре сюда к нему прибыл посол и от хана Абдула, тоже с ярлыком на великое княжение. Конечно, его пришлось принять с благодарностью и отпустить посла с дарами. Но когда об этом узнал Амурат, то он сильно разгневался и послал ярлык на великое княжение Дмитрию Константиновичу, который поспешил сесть снова на Владимирский стол. Но Дмитрий Иоаннович смело выступил против него, изгнал из Владимира, осадил Суздаль, где он затворился, и, наконец, принудил его заключить с ним вечный мир, по которому Дмитрий Константинович навсегда отказался искать великого княжения и признал старшим над собой московского князя. Это было в 1363 году.

После Дмитрия Константиновича и другие князья Суздальской Руси признали главенство Москвы, а двух мелких удельных князей – Дмитрия Галицкого и Ивана Стародубского – Дмитрий Московский, очевидно за непослушание, вовсе лишил их уделов.

Так твердо и смело начал свое правление тринадцатилетний внук Иоанна Калиты; конечно, несмотря на юные годы, он был уже вполне проникнут высоким заветом святого Петра – собирать под властью Москвы Русскую землю, чтобы свергнуть затем татарское иго; при этом он был искусно руководим и поддерживаем в своих поступках митрополитом Алексием, а также умом и единомышленником своих бояр.

В следующем, 1364 году была занесена в наши пределы, на этот раз с нижней Волги, моровая язва, вероятно бубонная чума. Погибло, как и при Симеоне Гордом, множество людей и в числе их мать великого князя Димитрия, брат его Иоанн, а также нижегородский князь Андрей.

Удел Иоанна достался Димитрию, Нижний же Новгород стал предметом распри между Димитрием Константиновичем Суздальским и младшим братом его Борисом, женатым на дочери Ольгерда Литовского. Этот Борис успел получить ярлык на Нижний от хана и не хотел его отдавать старшему брату. Тогда последний обратился к великому князю с

просьбой рассудить его с младшим братом, и Димитрий Иоаннович послал Борису приказание отдать Нижний Димитрию Константиновичу. Но Борис упорствовал. Чтобы сломить его упорство, митрополит Алексей вызвал преподобного Сергия из его уединенной обители и послал к Борису с предложением приехать в Москву; если же он ослушается, то приказал закрыть все церкви в Нижнем и прекратить богослужения. Борис не внял увещаниям Сергия и в Москву ехать отказался.

Тогда Сергей закрыл все церкви в Нижнем, а великий князь Димитрий Иоаннович двинул сильную рать из Москвы. Это наконец подействовало. Борис смирился и уступил Нижний Новгород старшему брату.

Справедливо рассудив таким образом своего бывшего врага с его младшим братом, пятнадцатилетний московский князь женился вслед за тем на дочери Димитрия Константиновича Евдокии.

Мы много видели в Древней Руси добродетельных княгинь и счастливых браков, но брак Димитрия Иоанновича Московского отличался особым благословением Божиим;

юная княгиня Евдокия была совершенно исключительной женщиной по своей необыкновенной набожности, кротости и глубокой привязанности к мужу. Что же касается Дмитрия, то он, поражая всех с юных лет своею твердостью воли и большим государственным умом, несмотря на то что, выросши в столь тревожное время «аще и книгам неучен беаше добре», сохранил при этом до конца своих дней необыкновенное целомудрие и чисто девическую стыдливость; будучи чрезвычайно набожным, он всегда носил власницу на голом теле, ежедневно бывал у обедни, а в посту каждую неделю приобщался Святых Тайн.

Конечно, брачный союз таких двух людей, скрепленный глубокой любовью, должен был быть весьма счастлив, и, разумеется, в этом семейном счастье и черпал Дмитрий свои необыкновенные силы для борьбы с теми неожиданными, сложными и чрезвычайно грозными обстоятельствами, которые сопровождали все его великое княжение. После свадьбы, весьма пышно отпразднованной в Коломне, Дмитрий вернулся в Москву и тот-

час же приступил к ее возобновлению, так как незадолго перед тем случился страшный пожар, совершенно ее опустошивший. Во время этого пожара, названного Всесвятским, потому что он начался с церкви Всех Святых, в течение двух часов выгорел весь город. Возобновляя Москву, Димитрий решил, вместо прежних дубовых стен кремля, выстроить каменные, которые и были готовы в 1367 году. Скоро мы увидим, насколько это решение было дальновидно и мудро.

Крайняя мягкость правления Иоанна Красного имела следствием падение порядка в разных концах северо-восточной Руси. Ослабление же могущества татар, вследствие постоянной смены ханов, повлекло за собой то, что князья наши стали одерживать верх над татарскими вельможами, отделявшимися от Золотой Орды и основывавшими самостоятельные владения; так, Олег Рязанский разбил мурзу Тагая, начавшего властвовать в Мордовской земле и сжегшего Рязань, а Димитрий Нижегородский с братом Борисом наказали мурзу Булат-Темира, грабившего их владения.

Но эти мелкие успехи над отдельными татарскими мурзами не привлекали Димитрия Московского. Проникнутый сознанием трудности и важности лежащей перед ним задачи – совершенно сломить могущество Орды, он желал прежде всего установить твердый порядок во всех частях великого княжества; поэтому, как отмечает летописец, шестнадцатилетний московский князь стал всех русских князей приводить под свою волю, а которые не повиновались, то на тех он стал «посягать».

В Новгороде к этому времени установилось, что его беспокойная молодежь собиралась в ватаги, садилась на большие лодки – ушкуи и отправлялась на добычу, то есть, говоря попросту, на разбой, в разные отдаленные места, грабя без зазрения совести всех, кто попадется под руку, как русских, так и инородцев. Один из предводителей этих ушкуников, Александр Абакумович, ходил по Оби до самого моря, а затем по Волге и Каме, где не стесняясь грабил и убивал, как в Нижнем Новгороде, так и в других городах. Возмущенный этими разбоями, Димитрий послал

грозное слово в Новгород, и новгородцы поспешили умилоствовать великого князя, уверяя, что ушкуйники ходят без их ведома.

В это же время в Тверском княжестве шла вражда между Михаилом, сыном убитого в Орде князя Александра Михайловича, и дядей его Василием Михайловичем Кашинским из-за вопроса, кому из них быть старшим в своем княжестве. Теснимый племянником, Василий Михайлович обратился за заступничеством к юному великому князю Димитрию, что повело к новой ожесточенной борьбе между Москвой и Тверью, утихнувшей со времен Иоанна Калиты. Димитрий и митрополит Алексей приняли сторону Василия Кашинского как старшего; тогда Михаил бежал в Литву, где сестра его Ульяна была замужем за Ольгердом[33]. Пользуясь его отсутствием, Василий занял область Михаила, надеясь, что он не вернется; но Михаил вернулся и вел с собой литовскую рать; он взял Тверь, пленил свою тетку и хотел осадить Кашин, где заперся Василий; только благодаря стараниям тверского епископа Михаил помирился с дядей на условии, что тот уступит старшинство

племяннику.

Но затем к великому князю стали вновь поступать жалобы на Михаила; тогда он его вызвал в Москву для переговоров, и там, когда Михаил не согласился идти на уступки, его заключили под стражу; он скоро был выпущен на свободу, вероятно под влиянием митрополита Алексия, который обещал ему безопасность при проезде в Москву; но, конечно, совершенное над ним насилие вызвало в его сердце сильнейшую вражду к Дмитрию, и, как только в 1368 году умер его дядя Василий, он тотчас же начал мстить Москве.

Для этого Михаил обратился к Ольгерду, который, деятельно собирая западную Русь, стал уже чувствовать силу Москвы с вокняжением в ней Дмитрия Иоанновича, юный двоюродный брат которого, храбрый и способный в ратном деле Владимир Андреевич, успел, незадолго перед этим, изгнать литовцев из Ржева.

И вот, по обыкновению сохраняя в строжайшей тайне свои предприятия, Ольгерд, поздно осенью 1368 года, внезапно появился у границы Московского княжества с братом

своим Кейстутом и его сыном Витовтом; затем он разбил высланных наспех против него воевод Димитрия и, варварски предавая все на пути огню и мечу, быстро подошел к Москве, где, не успев собрать войска, заперся Димитрий с братом Владимиром Андреевичем, митрополитом и другими знатнейшими лицами.

Каменные стены кремля, выстроенные всего год тому назад, сослужили теперь свою службу. Ольгерд простоял под ними три дня, ничего не мог сделать, кроме ограбления окрестных монастырей, и 14 ноября двинулся назад, боясь жестоких морозов, причем произвел страшные опустошения на обратном пути.

Димитрий же, освободившись от нашествия Литвы, должен был тотчас отправить своего брата и верного друга Владимира Андреевича против немцев, нападавших на Псков и занявших Изборск. Доблестному Владимиру Андреевичу удалось вернуть Изборск обратно, а затем заключить с немцами и почетный для нас мир в 1371 году.

После того как потрясение, произведенное

литовским нашествием, прошло, борьба Москвы с Тверью возобновилась, и Димитрий, заняв Зубцов и Микулин, принудил Михаила вторично бежать в Литву; из Литвы же Михаил пробрался к татарам, где Мамай успел соединить Сарайскую, или Золотую, и Волжскую Орды вместе. Мамай объявил ханом Маманта-Салтана, но в действительности сам господствовал его именем. Он принял Михаила благосклонно и дал ему ярлык на великое княжение.

Но ханские ярлыки уже потеряли свою силу. Московские отряды всюду сторожили Михаила, чтобы захватить его при возвращении из Орды, и он должен был вновь отправиться в Литву и уговаривать Ольгерда идти опять на Москву.

Ольгерд согласился и, как стала зима, подошел, в исходе ноября 1370 года, к Волоколамску, где начальствовал храбрый воевода Димитрия – князь Василий Иванович Березуйский.

После трехдневной осады деревянной крепости Ольгерд должен был, к своей досаде, отойти от Волока, не взявши его, несмотря на

то что доблестный Березуйский был в последний день убит; 6 декабря Ольгерд расположился станом близ Москвы вместе с Кейстутом и подручником своим – князем смоленским.

Димитрий опять заперся в кремле, спокойно ожидая развития событий, а Владимир Андреевич стоял в Перемышле, куда собирались сильные полки, чтобы ударить на литовцев с тыла; князь же пронский, Владимир Димитриевич, вел войска свои от Рязани.

При этих обстоятельствах осторожный Ольгерд устранился быть разбитым и запросил вечного мира, причем предлагал для его скрепления выдать дочь свою Елену за Владимира Андреевича. Димитрий пошел навстречу предложению Ольгерда и заключил с ним перемирие до июля 1371 года, после чего литовцы поспешно удалились, не грабя на сей раз никого на обратном пути и стараясь благополучно уйти от наступившей повсеместно оттепели.

При заключении перемирия с Москвой Ольгерд забыл включить в договор Михаила Тверского. Тогда последний опять обратился

к Мамаю и вновь выехал из Орды с ярлыком на великое княжение, причем хан предлагал ему даже войско для помощи. Михаил от татарского войска отказался, но взял с собой ханского посла Сароходжу, чтобы он торжественно посадил его во Владимире на великокняжеский стол и привел всех князей к крестному целованию. Однако Димитрий Иоаннович, узнав об этом, сам поспешил во всех частях великого княжества привести к крестному целованию на верность себе всех бояр и черных людей.

Когда Михаил и Сароходжа пришли во Владимир, то граждане единодушно отвечали: «У нас есть уже законный государь, а другого не знаем!» Тщетно звал Сароходжа и самого Димитрия к княжескому ярлыку. Тот отвечал ему: «К ярлыку не еду, Михаила в столицу не пускаю, а тебе, послу, даю путь свободный». При этом Москва приглашала посла к себе в гости с великою любовью; татарин сначала не хотел было идти, но, любя честь и дары, направился все же в Москву, где был, конечно, принят на славу. Он остался своим приемом так доволен, что, возвращаясь в Ор-

ду, всю дорогу хвалил и возносил добрые нравы и смирение московского князя.

Но тем не менее Димитрий не исполнил приказания хана. Сильный Мамай, конечно, не мог простить ему двукратного послушания, особенно имея под рукою большое войско, готовое для вторжения в Русскую землю. Поэтому, вслед за отъездом Сароходжи, Димитрий стал советоваться с митрополитом и боярами: немедленно ли восстать на татар или пока еще выждать, а прибегнуть в настоящее время к старинному «мудрому смирению» и богатым дарам. На совете перевес взяло второе решение, так как Москва была еще не готова к открытию борьбы. И вот Димитрий должен был сам ехать в Орду вымаливать себе прощение. Без сомнения, он рассчитывал несколько на помощь Сароходжи, но весь народ пришел в ужас, узнав, что его надежда — юный и мужественный московский князь, которому едва исполнилось двадцать лет, может подвергнуться участи Михаила Ярославовича Тверского и многих других князей, замученных в Орде.

Никто не мог видеть без сердечного умиле-

ния, как для блага своей Родины Димитрий, следуя примеру великого своего предка Александра Невского, решил смело подвергнуть опасности свою голову. Конечно, народная любовь к нему возросла еще более.

Митрополит Алексей провожал Димитрия до берегов Оки, где благословил его на дальний и опасный путь, и 15 июня 1371 года расстался с ним, несмотря на все свое желание ехать в Орду вместе, так как должен был вернуться в Москву – заключать торжественный мир с послами Ольгерда по случаю предстоящей свадьбы Елены Ольгердовны с Владимиром Андреевичем.

Во все время отсутствия Димитрия русские люди сильно беспокоились о нем и с нетерпением ожидали вестей из Орды; особенно тревожили всех необычайные явления природы; они и ранее происходили во время великого княжения Димитрия Иоанновича и тщательно отмечались летописцами; но теперь всех поражали черные пятна, подобные гвоздям, появившиеся на солнце; затем все лето были сильнейшая засуха и столь густые туманы, что в двух сажнях нельзя было разглядеть

человека, а птицы, не смея летать, стаями ходили по земле; везде был страшный неурожай и падеж скота; при этом, пользуясь отсутствием Димитрия, Михаил Тверской пытался завоевать Кострому, взял Мологу и сжег Углич и Бежецк.

Однако осенью жители Москвы были несказанно обрадованы благополучным возвращением своего великого князя. Он вывез из Орды не только ярлык на великое княжение и разрешение платить дань значительно меньше прежней, но, кроме того, и сына Михаила Тверского Ивана, который был оставлен там в виде залога, за долг отца в 10 тысяч рублей. Иван был выкуплен Димитрием и доставлен в Москву, где жил в доме митрополита до тех пор, пока отец его не уплатил следующие деньги. Однако борьба Москвы с Тверью не закончилась и на этом.

Между тем Димитрию пришлось бороться и с другим врагом; это был князь рязанский Олег, который еще при Иоанне Добром показал себя недругом Москвы. Вернувшись из Орды, Димитрий вынужден был послать войско под начальством искусного воеводы своего

Димитрия Михайловича Волынского-Боброка против Олега Рязанского, чтобы защитить союзника Димитрия – князя Пронского.

Когда московские полки встретились с рязанскими, то перед битвой самонадеянные рязанцы говорили между собой: «Друзья! Нам нужны не щиты и не копья, а только одни веревки, чтобы вязать пленников, слабых, боязливых москвитян». Но «слабые» москвитяне наголову разбили рязанцев, причем князь их Олег едва успел уйти. Димитрий, однако, скоро с ним примирился ввиду новых осложнений со стороны Твери.

Несмотря на выгодный мир с Москвой и на брак дочери с Владимиром Андреевичем, Ольгерд согласился и в третий раз на просьбу Михаила Тверского – идти воевать Москву, и только соблюдая приличие, пошел не сам, а послал Кейстута с сыном Витовтом и своего собственного сына – Андрея. Действуя так же скрытно и внезапно, как брат, Кейстут весной 1372 года неожиданно осадил Переяславль, а затем, соединившись с Михаилом Тверским, пошел к Дмитрову и Кашину, где сидел князь Михаил Васильевич, преданный,

как и покойный его отец, Димитрию Иоанновичу.

Отсюда Кейстут повернул назад, не подходя к Москве; при этом с городов литовцы брали выкупы, а посады, села и волости пожгли и пополнили; они злодействовали даже во владениях Михаила Тверского, который в это время захватил Торжок и посадил там своих наместников.

Новгородцы, возмущенные этим захватом, прислали к Торжку свою рать, изгнали всех наместников Михаила и ограбили тверских купцов. Скоро после этого к Торжку подошел сам Михаил и потребовал, чтобы его наместники были бы вновь приняты, а люди, виновные в грабеже купцов, выданы ему головой. Но гордые новгородцы во главе с Александром Абакумовичем, знаменитым предводителем ушкуйников, отвечали отказом; затем они вышли из города, сразились с Михаилом Тверским и были наголову разбиты, причем сложил свою буйную голову и сам Александр Абакумович.

Бедный же Торжок, в котором заперлась часть новгородцев, был выжжен дотла благо-

даря поднявшемуся сильному ветру и предан жестокому грабежу. Во время пожара несчастные новгородцы бросались прямо в руки своих врагов; иные сторели, другие задохнулись в церкви Святого Спаса или перетонули в реке; добрые женщины и девицы, видя себя раздетыми донага, от стыда сами бросались в реку.

Истребивши Торжок, Михаил отправился на соединение с Ольгердом, который, вслед за набегом Кейстута, шел сам на Москву и входил уже в русские пределы.

На этот раз им не удалось застать Димитрия врасплох; он вышел своим врагам навстречу и разбил сторожевой литовский полк. Этой одной неудачи было достаточно для осторожного Ольгерда. Он поспешно отступил и остановился за крутым оврагом, а через несколько дней заключил с Димитрием перемирие, с 1 августа до 26 октября 1372 года. Таким образом благодаря твердости Димитрия было опять остановлено новое нашествие Литвы, причем в течение ближайших последующих годов они больше не повторялись.

Но заключенным перемирием с Ольгердом борьба Москвы с Тверью все же не оканчивалась, а между тем вскоре появились и другие опасности. В 1374 году ханские послы, прибыв в Нижний, стали нагло оскорблять князя Дмитрия Константиновича и граждан и довели их до того, что рассвирепевший народ умертвил всех татар. На это, разумеется, страшно разгневался Мамай, подозревавший, что описанное убийство его послов было совершено с согласия великого князя; он послал войско опустошить границы Нижегородской земли и клялся погубить Дмитрия.

Конечно, это было на руку тверскому князю, а также и московским изменникам, которые завелись в Москве в его время. Мы видели, какое важное значение имела должность тысяцкого, начальника и предводителя на войне всех черных людей. Очевидно, считая эту должность вредною, как возбуждающую зависть среди остальных бояр, а также и как умаляющую власть самого князя, Дмитрий после смерти последнего тысяцкого, знатного боярина Василия Вельяминова, решил, конечно с общего совета Боярской думы и по благо-

словению митрополита, вовсе упразднить ее. Но этим был сильно оскорблен сын Василия Вельяминова Иван, который после смерти отца сам рассчитывал быть тысяцким. И вот вместе с богатым сурожанином – купцом Некоматом, тоже чем-то недовольным Дмитрием, они отправились сперва в Тверь к Михаилу, а потом и в Орду к Мамаю, хлопотать для Михаила ярлык на великое княжение и возбуждать хана, и без того разгневанного за избиение послов в Нижнем Новгороде, против Дмитрия.

Хлопоты их были успешны, и летом 1375 года Некомат привез Михаилу ярлык с обещанием, что ему на подмогу придет татарская рать. Обрадованный Михаил тотчас послал звать себе на помощь и Ольгерда с литвою и, получив его согласие, выступил в поход против Дмитрия.

Застигнутый этими обстоятельствами, Дмитрий, однако, не потерялся. В предвидении грозной возможности иметь одновременно дело с тремя врагами – Тверью, Мамаем и Литвой, он проявил необыкновенную деятельность; гонцы его скакали из области в об-

ласть, ратники спешно выступали из различных городов, и скоро под Волоколамском собралось многочисленное воинство из полков самой Москвы и 19 мелких князей, ей подвластных.

С этими войсками Димитрий немедленно перешел в решительное наступление против Михаила и 5 августа осадил Тверь. Осада продолжалась три недели, и тверитяне мужественно умирали на своих стенах. Но Михаил тщетно ожидал помощи; о Мамае не было слышно, а литва хотя и пришла, но, увидя, что дело неподходящее, быстро повернула назад; а между тем к Димитрию подоспели новгородцы, пылая мщением за разорение Торжка. Скоро Михаилу пришлось выбирать между двумя решениями: умереть или смириться. Он выбрал последнее и послал для переговоров к великому князю владыку Евфимия.

Мудрый Димитрий, скромный в своем успехе и памятуя о славной задаче, лежавшей на нем, как на великом князе, собирателе всея Руси, предъявил весьма умеренные требования к Михаилу; требования эти имели единственную цель – приобрести в нем союз-

ника. Вот главные условия заключенного между ними договора:

«По благословению отца нашего Алексия, митрополита всея Руси, ты, князь Тверской, дай клятву за себя и за наследников своих – признавать меня *старшим* братом, никогда не искать великого княжения Владимирского, нашей отчины, и не принимать оного от ханов, также и Новгорода Великого; а мы обещаем не отнимать у тебя наследственной Тверской области... Князья Ростовские и Ярославские *со мной один человек*; не обижай их, или мы за них вступимся. Откажись от союза с Ольгердом; когда Литва объявит войну смоленскому (уже в это время порвавшему с Литвой и ставшему союзником Димитрия) или другим князьям, нашим братьям, мы обязаны защищать их, равно как и тебя. В рассуждении татар поступай согласно с нами: решимся ли воевать, и ты враг их; решим ли платить им дань, и ты плати оную. Когда я и брат мой, князь Владимир Андреевич, сядем на коней, будь нам товарищ в поле. Когда пошлем воевод, да соединятся с ними и твои».

Так окончилась борьба Москвы с Тверью,

веденная первой исключительно во имя единства Русской земли.

Через два года после этого, в 1377 году, сошел в могилу Ольгерд Литовский. Как мы видели, благодаря необыкновенным способностям Димитрия все стремления Ольгерда подчинить себе земли, пограничные с Москвой, не окончились в его пользу; но зато он успел захватить Северскую Русь – Новгород-Северский, Брянск и другие города.

Смерть Ольгерда повлекла за собой важные перемены и события. Великим княжеством Литовским завладел, помимо дяди Кейстута и старших братьев, сын Ольгерда Ягайло, от второго брака его с Ульяной Тверской.

Этот Ягайло был человеком достаточно дальновидным и при этом коварным, а когда ему было выгодно, то и до крайности жестоким. Дядя Кейстут, столько поработавший для Литвы, особенно в борьбе с немцами, великодушно уступил ему старший стол и довольствовался удельным княжеством Трокским.

Однако, несмотря на великодушную уступчивость Кейстута, скоро между ним и подозрительным племянником возникли нелады;

затем Кейстут был самым предательским образом заманен в ловушку, заточен в подземелье уединенного замка и, наконец, удушен золотым шнурком собственного кафтана, по приказанию Ягайлы, который устроил после этого гнусного убийства пышные похороны дяде, объявив народу, что он умер естественной смертью. Сын Кейстута Витовт, который был очень дружен с двоюродным братом Ягайлой, был тоже схвачен и заточен, причем, по-видимому, ему грозила такая же участь, как и отцу.

Что же касается до братьев Ягайлы, то самый старший – Андрей, княживший в Полоцке, тотчас же, как умер отец, рассорился с ним и сел в Новгороде, с позволения Димитрия Московского; вслед за тем и другие два брата Ягайлы, Димитрий Корибут Брянский и Димитрий Трубчевский, не замедлили переехать в Москву после того, как великий князь Димитрий Донской выслал в Северскую землю свои полки, под начальством князя Димитрия Михайловича Волынского-Боброка, женатого на его сестре Анне.

Этот же искусный полководец удачно хо-

дил по приказанию великого князя, после заключения мира с Тверью, на камских болгар, разбил их под Казанью, покорил двух ханов Москве и взял большую дань.

Конечно, значительное усиление Московского княжества, созданное твердой и искусной рукой Димитрия Иоанновича, не могло ускользнуть от бдительности татар.

Мамай готовился обрушиться всеми силами на Русскую землю, чтобы повторить времена Батыея, и ждал только благоприятного для этого времени, до наступления же его он не упускал случая вредить нам где можно.

В 1377 году мордва провела татарского царевича Арапшу с войском в Нижегородские владения; узнав об этом, Димитрий немедленно отправил на поддержку тестя свои войска, которые собрались с нижегородской ратью за рекой Пьяной. К несчастью, воеводы наши проявили излишнюю самонадеянность по отношению татар; поверив ложно пущенному слуху, что Арапша далеко, они не приняли никаких мер к охранению стана, а беспечно предавались охоте и пиршествам и были внезапно застигнуты врасплох Арапшей;

татары перебили великое множество воинов и бояр, а также двух князей. После этого они подошли на третий день к Нижнему Новгороду, где царили ужас и смятение, сожгли его и разграбили. В то же время другой татарский отряд напал на Рязань, и князь Олег, весь израненный и покрытый кровью, едва мог вырваться из рук неприятеля.

Скоро обе области, Нижегородская и Рязанская, были превращены в пепел и развалины удаляющимися татарами; а вслед за ними подняла голову и мордва и начала неистово злодействовать вокруг Нижнего. Но против мордвы удачно действовал князь Борис Городецкий; в следующем, 1378 году он совершил поход в их землю, истребляя жилища и жителей; пленников же, приведенных им в Нижний Новгород, расшвырял народ затравил псами на льду реки Волги.

Эти жестокости против мордвы, подвластной Орде, вновь возбудили гнев Мамаю; в том же 1378 году Нижний Новгород был вторично сожжен татарами, которые вслед за тем соединились с сильным отрядом мурзы Бегича, посланного против московского князя. Ди-

митрий Иоаннович встретил их на берегах реки Вожи в рязанских пределах; выстроив свои войска, он поручил начальствование над одним крылом своему ближнему боярину, или окольниковому, Тимофею, над другим — князю Даниилу Пронскому, а сам, став против середины, быстро двинулся на татар и стремительным натиском решил дело; татары были наголову разбиты и в ужасе бежали с необычайной быстротой.

Услыхав об этом поражении, Мамай затрепетал от гнева и немедленно послал новый отряд, который овладел Рязанью и сжег ее; князь Олег опять едва спасся. Удовлетворив свое чувство мести, Мамай стал деятельно готовиться для нанесения Димитрию решительного удара, уже всеми силами.

С своей стороны и Димитрий также с полным напряжением готовился к предстоящей страшной борьбе, неустанно занимаясь государственными делами и проявляя всюду свою обычную твердость и решимость.

В бою под Вожей попал в плен посланный из Орды от бежавшего в нее изменника Ивана Вельяминова с мешком лютых зелий,

предназначенных, конечно, не для доброго дела; а спустя год был пойман и сам Иван Вельяминов, явившийся в Русскую землю, очевидно, для своих козней. Несмотря на то что брат его Николай был женат на родной сестре великой княгини Евдокии, Димитрий, после суда над преступником, всенародно казнил его на Кучковом поле, к большому ужасу народа; вслед за тем вскоре был пойман и другой преступник, купец Некомат, и также казнен всенародно.

В числе важнейших вопросов, занимавших Димитрия Иоанновича, был вопрос о нахождении достойного преемника митрополиту Алексию, который скончался в 1378 году и был похоронен в основанном им Чудовом монастыре, где мощи его скоро прославились многочисленными чудесами.

Последние годы святого старца были омрачены печалью.

Его горячая любовь к Русской земле и к ее собирательнице – Москве – создала ему сильных врагов. Ольгерд и Михаил Тверской жаловались на него неоднократно царьградскому патриарху; при этом Ольгерд хлопотал о

назначении отдельного митрополита в Киев для подвластных Литве русских земель; к этому присоединился и польский король Казимир, требуя митрополита для *Малой России* и грозя, в противном случае, обратить своих галичан в латинство. При этих обстоятельствах патриарх назначил серба Киприана митрополитом Киевским и Литовским, с правом, по смерти Алексия, распространить свою власть и на Восточную Россию.

Но Алексей и Димитрий Иоаннович хотели своего русского митрополита. Алексей наметил себе в преемники святого Сергия Радонежского и, призвав его, объявил об этом; однако смиренный старец наотрез отказался от столь высокого звания; Димитрий же Иоаннович готовил в преемники Алексею своего любимца Михаила (Митяя), очень умного и сведущего священника; он постригся в монахи и, быстро возвысившись до звания архимандрита, отправился после смерти святого Алексия в Царьград за посвящением, но умер в пути; в Царьграде же вместо него был поставлен митрополитом бывший с Митяем в путешествии другой архимандрит – Пимен. Однако

Димитрий Иоаннович не согласился на это, и в конце концов в Москву на митрополичий стол прибыл из Киева Киприан.

Прибытие его в Москву совпало с началом решительных действий Димитрия и татар друг против друга.

В это время как раз Мамай, устранив хана Магомета, именем которого он правил, сам провозгласил себя ханом и приступил к исполнению своего давнишнего намерения — повторить Батыево нашествие на Русскую землю.

Летом 1380 года он собрал огромное войско и, перейдя Волгу, стал кочевать при устье реки Воронеж. Тут были татары, половцы, черкесы, бессермены, ясы, кавказские жида, армяне, крымские гонуэзцы и представители многих других народов.

Олег Рязанский не надеялся на свою силу и, сохраняя себя, должен был, конечно, или искать благоволения Мамай, или же стать заодно с великим князем Московским; он избрал первое, и, очевидно, потому, что Мамай стоял уже на его границах, а Олег еще недавно дважды испытал, что значит нашествие

даже незначительных татарских отрядов.

Дав зная Димитрию о приготовлениях Мамая, Олег вместе с тем вошел в тайные переговоры с татарами, а также и с Ягайлой Литовским.

Олег с Ягайлой, по-видимому, были вполне уверены, что Димитрий не отважится вступить в бой, а убежит на север – в Новгород или на Двину; они же, ублаготворив Мамая богатыми дарами, разделят всю северо-восточную Русь надвое: одна сторона отойдет к Литве, а другая – к Рязани.

Для Москвы такой союз был в действительности грозен; с такой тройной силою ей еще не приходилось бороться.

Но Димитрий и не думал никуда бежать. Он давно уже сам готовился к страшной, но славной борьбе со всей татарской силою; рассылая повсюду гонцов, он с великой любовью и со многим смирением стал призывать русских князей на общее и святое дело, приказав в то же время укреплять пограничные города – Коломну, Тулу и другие; сам же, готовясь на подвиг, по обычаю благочестивых своих предков, прибег к молитве и покаянию.

Между тем в Москву приехали послы от Мамаю и потребовали такого же выхода (дани), который Русь платила при Узбеке. На собранной великим князем Боярской думе, где присутствовало и духовенство, решено было послать ту дань, которая была установлена при последней поездке Димитрия в Орду; вместе с тем по совету митрополита Киприана был послан к Мамаю Захар Тютчев с особыми богатыми дарами, чтобы поближе разведать о его намерениях.

Скоро Тютчев донес, что к татарам приехали Олег Рязанский и Ягайло. Донесение это было получено Димитрием на пиру у боярина Николая Васильевича Вельяминова, брата казненного Ивана. Конечно, оно ничуть не поколебало бодрости Димитрия, который, несомненно, заранее предвидел возможность такого союза Литвы и Рязани с татарами. Он только ускорил сборы войска и решил, как и всегда решали его славные предки, самому выйти навстречу Мамаю в степи, с тем чтобы быстротой действий предупредить своих противников и не дать им возможности соединиться.

Вместе с тем Димитрий выслал вперед «крепкую сторожу» – сильный конный разведочный отряд, под начальством Родиона Ржевского, Андрея Волосатого и Василия Тупика; им приказано было подойти под самую Орду, чтобы «добыть языка», то есть захватить пленных. Вслед за первой была отправлена и вторая сторожа, под начальством Климента Поленина, Ивана Свяслова и Григория Судока. Скоро Димитрий получил от своих разведчиков известие, что Мамай, несомненно, идет на Москву со всею Ордою, но что не спешит, ожидая, с одной стороны, уборки хлебов, чтобы ими воспользоваться для прокормления своих войск, а с другой стороны – и подхода Ягайлы.

Конечно, это известие только заставило Димитрия еще более ускорить свои сборы. Тем войскам, которые не успели прийти в Москву, велено было следовать прямо в Коломну, где сбор областным полкам был назначен на 15 августа, к Успеньеву дню.

Сам же Димитрий, вместе с братом Владимиром Андреевичем и боярами, отправился помолиться Живоначальной Троице, в храм

святого Сергия, и принять его благословение. Святой Сергий не только благословил его на предстоящий великий подвиг, но и предсказал за трапезой конечное запустение и погубление Мамаю, а Димитрию помощь небесных сил и милость и славу. Кроме того, святой Сергий отпустил с ним двух иноков-богатырей – Александра Пересвета, бывшего в миру брянским боярином, и Ослябю – и дал каждому из них схиму с нашитым крестом, чтобы возлагать ее поверх шлема.

Отпуская Димитрия, Сергий вновь сказал ему: «Господь Бог будет тебе помощник и защитник; Он победит и низложит твоих супостатов и прославит тебя». Вещие слова преподобного наполнили радостью и надеждою сердце великого князя.

Между тем русское воинство стекалось со всех сторон.

Явились полки и дружины – ростовские, белозерские, ярославские, владимирские, суздальские, переяславские, костромские, муромские, димитровские, можайские, звенигородские, серпуховские; пришла рать и от тверского князя с племянником его Иваном

Холмским; наконец, должны были подойти полки нижегородские, а также верные союзники московского князя, сыновья Ольгерда и братья Ягайлы – Андрей Полоцкий, сидевший тогда во Пскове, и Димитрий Корибут Брянский; ожидалась и некоторые другие отряды.

Почти все войско было конное, что, конечно, давало возможность Димитрию развить большую быстроту движений. Бряцание оружия и трубные звуки не умолкали в Москве. Среди ратников царило величайшее воодушевление; каждый был счастлив сознанием величия предстоящей борьбы, а в храмах священники и коленопреклоненный народ умиленно возносили свои горячие молитвы о ниспослании победы.

20 августа, в прекрасное ясное утро, московская рать выступила в поход. Димитрий сначала горячо молился в соборном Успенском храме, со слезами припадая к раке святого Петра и усердно прося его помощи, а потом перешел в Архангельский собор, где поклонился гробам родителя и деда.

Затем он простился с нежно любимой супругой своей и детьми.

Удерживая слезы, он поцеловал княгиню Евдокию Димитриевну, сказал ей на прощанье: «Бог нам заступник» – и, сев на коня, выехал к выступавшему войску, которое благословляло и кропило святой водой духовенство, вышедшее его проводить из кремлевских соборов. Евдокия же Димитриевна, вместе со своими боярынями, смотрела с верха великокняжеского терема вслед удалявшемуся воинству.

Полки представляли величественное зрелище. Их доспехи и оружие ярко блистали на утреннем солнце. Кольчатые железные брони или стальные панцири из блях, шлемы с остроконечными верхушками, продолговатые щиты, окрашенные в красный цвет, тугие луки и колчаны со стрелами, острые копья, частью кривые булатные сабли, частью прямые составляли вооружение и снаряжение русских воинов. Над их рядами во множестве развевались знамена, или стяги, на высоких древках, а поднятые вверх копья имели подобие целого леса. Князья и воеводы отличались наиболее нарядными, большею частью позлащенными, доспехами, а также яркими,

наброшенными поверх них плащами.

Из их среды особенно выделялся сам Димитрий Иоаннович. Это был высокий, плотный человек, с темной окладистой бородой и большими умными глазами, в полном расцвете своих сил: ему было едва тридцать лет от роду. Далек был виден и его огромный алого цвета великокняжеский стяг с ликом Нерукотворного Спаса.

Расставшись с нежной супругой, Димитрий подъехал к войскам и громко сказал: «Братия моя милая, не пощадим живота своего за веру христианскую, за святые церкви и за землю Русскую!»

«Готовы сложить свои головы за веру Христову и за тебя, государь, великий князь!» – восторженно отвечали ему из рядов.

Во избежание тесноты и для достижения наибольшей быстроты рать двинулась к Коломне по трем дорогам. С войсками шло десять сурожан – русских купцов, хорошо знавших южные пути по степи, почему они и могли быть надежными проводниками, а также отыскивать и закупать по дороге продовольствие.

24 августа великий князь достиг Коломны; на другой день на Девичьем поле был произведен смотр войскам, которые, конечно, представились в самом блестящем виде. Их было свыше ста пятидесяти тысяч человек.

Надо думать, что здесь Димитрий окончательно убедился в измене Олега Рязанского.

Из Коломны рать наша, сопровождаемая благословением духовенства, двинулась дальше. Ввиду измены Олега Рязанского она была весьма искусно направлена по левому берегу Оки к устью реки Лопасни – у «четырех церквей», или «Сенькиной переправы». Направляясь сюда, Димитрий не только скрывал свое движение от Олега, прикрываясь Окой, но становился между ним, Ягайлой, подходившим к Одоеву, и Мамаем, бывшим на пути к устью реки Непрядвы. Таким образом, он мог рассчитывать, быстро двинувшись отсюда на татар, предупредить их соединение с другими двумя союзниками.

У устья Лопасни к рати Димитрия присоединились брат его, князь Владимир Андреевич, со своими войсками, собиравшимися в Серпухове, а также и большой воевода мос-

ковский, или окольниковый, Тимофей Вельяминов с остальными московскими полками. Собралась несметная рать, может быть, тысяч более двухсот.

От устья Лопасни, переправившись через Оку, рать эта направилась прямо к верхнему Дону, причем, проходя по Рязанской земле, настрого было приказано не обижать жителей – «ни один волос не тронуть». Очевидно, умный Димитрий отнюдь не желал разорять и раздражать население Рязанской земли, неповинное в измене своего князя.

Войска наши двигались, разделенные, по обычаю, на четыре полка. Главный, или великий, полк Димитрий оставил под личным своим начальством; в свой же полк он поместил и удалых князей Белозерских. Кроме собственной московской дружины, в этом главном полку находились местные воеводы, начальствовавшие следующими дружинами: коломенской – тысяцкий Николай Васильевич Вельяминов, владимирской – князь Роман Прозоровский, юрьевской – боярин Тимофей Валуевич, костромской – Иван Родионович Квашня и переяславской – Андрей Серки-

зович.

Полк правой руки, шедший по дорогам правее пути следования великого полка, вел брат Димитрия – князь Владимир Андреевич, которому были приданы и князя Ярославские; под Владимиром Андреевичем воеводами были бояре Данило Белоус и Константин Кононович, князя Феодор Елецкий, Юрий Мещерский и Андрей Муромский.

Полк левой руки, шедший левее великого полка, вел князь Глеб Брянский.

Передовой же полк, шедший во главе рати, вели князя Димитрий и Владимир Всеволодовичи (по-видимому, Друцкие).

По пути от устья Лопасни присоединились и оба Ольгердовича – Андрей и Димитрий Корибут.

Для сбора сведений о положении, силах и намерениях неприятеля на поддержку своей «крепкой сторожи» была выслана вперед отборная конница смелого и искусного боярина Семена Мелика; с ним находились и славные своим удальством московские дворяне разведчики Кренин, Тынин, Горский, Чириков, Карп Александрович и другие.

Подойдя к Дону, Димитрий Иоаннович остановился в местности, называемой Береза, поджидая подхода нашей рати; сюда к нему явились с разведки Петр Горский и Карп Александрович с приведенным языком, татарин из двора самого Мамай, который, под угрозой жестокой пытки, показал, что Мамай подвигается вперед, но медленно, вероятно ожидая прибытия Ягайлы Литовского и Олега Рязанского, причем он не знает, что Димитрий подошел уже так близко, полагая, что тот не отважится выступить ему навстречу; однако надо думать, что Мамай все же дня через три уже перейдет Дон.

В то же время пришла весть и с другой стороны: Ягайло выступил на соединение с Мамаем и стал уже у Одоева.

При этих обстоятельствах медлить в принятии решения было отнюдь нельзя, и Димитрий тотчас же собрал военный совет из князей и бояр. На совете этом, как обыкновенно на всех советах, мнения разделились. Более осторожные советовали не переходить Дона, а принять на нем оборонительный бой, тогда, в случае неудачи, легче будет отсту-

пать, но другие, в том числе и Ольгердовичи Литовские, говорили иначе: «Если останемся здесь, то дадим место малодушию. А если переедемся на ту сторону Дона, то крепкий дух будет в воинстве твоём. Зная, что отступить и бежать некуда, что остается только победить или лечь костью, воины будут сражаться мужественно. А что языки (вести) страшат нас несметною татарскою силою, то не в силе Бог, а в правде». Приводили при этом и примеры славных предков Дмитрия: Ярослава, победившего Святополка Окаянного, переправившись через Днепр, и Александра Невского, поразившего шведов по переходе через реку Ижору. Наконец, указывали и на важную необходимость движения вперед, с целью помешать соединению Ягайлы с Мамаем.

Дмитрий Иоаннович был, разумеется, всецело за движение вперед. И вот, для поощрения более осторожных воевод, он стал держать такое слово: «Любезные друзья и братья! Ведайте, что я пришел сюда не за тем, чтобы на Олега смотреть или реку Дон стеречь, но дабы Русскую землю от пленения и разорения избавить или голову свою за всех положить;

честная смерть лучше плохого живота. Лучше было бы мне не идти против безбожных татар, нежели, пришед и ничтоже сотворив, воротиться вспять. Ныне же пойдем за Дон и там или победим и все от гибели сохраним, или сложим свои головы за святые церкви, за православную веру и за братьев наших христиан».

Мужественное и мудрое решение Дмитрия сильно поддерживала и полученная им грамота от святого Сергия, которую последний прислал вместе с освященной просфорой.

Этот пламенный печальник и молитвенник о земле Русской следил с живейшим участием за всеми движениями нашей рати и получал об этом сведения через гонцов, постоянно посылаемых Дмитрием в Москву к боярам и духовенству, а также и к своей супруге, княгине Евдокии Дмитриевне, которая была оставлена там с детьми на попечение воеводы Феодора Андреевича Кобылина, сына помянутого нами боярина Андрея Кобылы, родоначальника ныне благополучно царствующего дома Романовых.

Святой Сергий в своей грамоте, вместе с

пастырским благословением, наказывал Димитрию: «Без всякого сомнения, государь, иди против них и, не предаваясь страху, твердо надейся, что поможет тебе Господь и Пресвятая Богородица».

7 сентября войско наше придвинулось к Дону, и пехота переправилась через наведенные мосты из деревьев и хворосту, нарубленных в соседних дубравах, а коннице приказано было искать бродов.

К ночи вся русская рать успела перейти реку и стала на ночлег на лесистых холмах, расположенных у впадения в Дон речки Непрядвы.

В это время бывший впереди с разведчиками боярин Семен Мелик лично прискакал к Димитрию с важным донесением, что Мамай со всеми силами уже подходит и что передовые русские части уже бились с татарами.

Таким образом, завтра, 8 сентября, в день Рождества Богородицы, между обоими воинствами должно было начаться страшное побоище на местности, носящей название Куликово поле; поле это покрыто небольшими возвышенностями и оврагами; кое-где на нем

рос и лес. Речка Смолка разделяла оба стана.

Ночь была тихая и теплая.

Великий князь с воеводой Димитрием Михайловичем Волынским-Боброком сели на коней, выехали на Куликово поле, стали между обеих ратей и начали прислушиваться.

Димитрий Михайлович Волынский-Боброк, поступивший из безудельных волынских князей на службу к московскому князю и женившийся, как мы говорили, на его сестре Анне, кроме того, что был человеком очень искусным в ратном деле, слыл также за знатока различных примет и умел гадать по разным знамениям. Вот для этого-то Димитрий и выехал с ним в поле, чтобы по звукам, раздававшимся в ночной тиши, предугадать судьбы завтрашнего дня.

Со стороны татарского стана доносился великий клич и стук, а позади него слышалось завывание волков; на левой стороне, носясь в воздухе, клеттали орлы и граяли вороны; а на правой – вились стаи гусей, лебедей и уток и трепетно плескали крыльями, как бы перед страшной бурей.

С русской же стороны ничего не было

слышно; видно было только зарево, как бы от множества огней.

«Господине княже, благодари Бога, Пречистую Богородицу, великого чудотворца Петра и всех святых, – промолвил Боброк. – Огни суть доброе знамение. Призывай Господа Бога на помощь и не оскудевай верою».

«Есть у меня еще примета», – сказал он затем и, сойдя с коня, припал к земле правым ухом. Долго прислушивался, потом встал и понурил голову.

«Что же, брат, поведай, какова примета», – спросил Димитрий.

Воевода, однако, не отвечал; был печален и даже заплакал, но потом, на усиленные просьбы Димитрия, сообщил ему, что слышал как бы горький плач – с одной стороны татарской женщины, а с другой – русской девицы, и что, по его мнению, это значит, что русские одолеют татар, но при этом падет и много наших. Димитрий в свою очередь прослезился тоже и, сказав: «Да будет воля Господня», обещал никому об этом не говорить, чтобы не смущать сердца воинов.

«И тогда же в той нощи, – говорит летопис-

сец, – видение видеша Василий Капица да Семен Антонов: видеша от поля грядуща множество Ефиоп в велицей силе, овии на колесницах, овии на конех и бе страшно видети их и абие внезапно явися Святой Петр митрополит всея Руси и, имея в руке жезл злат и приде на них с яростью велиею, глаголя – почто приидосте погубляти мое стадо, его же ми дарова Бог соблюдати и нача жезлом своим их прокалати, они же на бег устремишася».

В ту же ночь в соборном храме Богородицы в городе Владимире на Клязьме было также чудесное явление. Оставленные на ночь в церкви пономари увидели, как у гробницы святого Александра Невского вдруг сама собой зажглась свеча, а из алтаря вышли два старца (может быть, святые митрополиты Петр и Алексей) и, подойдя к раке, сказали: «Восстани, Александре, ускори на помощь правнуку своему, великому князю Димитрию, одолеваему суцу от иноплеменников».

И тотчас же, как живой, восстал из гроба преславный князь Александр, после чего все трое стали невидимы. Это чудесное явление послужило к открытию и прославлению мо-

щей святого Александра Невского, найденных нетленными.

Утро 8 сентября было очень туманное; мгла мешала видеть движение полков, и с обеих сторон слышны были только трубные звуки, но в девятом часу появилось солнце.

Русские полки, занимая линию в 10 верст, выстроились так, что оконечностями своих крыльев они упирались в труднодоступные места – овраги и дебри протекающих на Куликовом поле речек. Полк правой руки, под начальством Андрея Ольгердовича, примкнул к оврагу Нижнего Дубика. Полк левой руки князей Белозерских прикрывался речкой Смолкою. В середине расположился большой полк, которым под великим князем начальствовали князь Глеб Брянский и окольный Тимофей Вельяминов. Впереди был поставлен передовой полк, к которому отошли и разведчики Семена Мелика; им начальствовали братья Всеволодовичи (вероятно, князя Друцкие). Кроме того, за левым крылом большого полка, в виде поддержки ему, был поставлен особый отряд Димитрия Ольгердовича.

Наконец, засадный полк, или, как теперь

говорят, общий резерв для нанесения решительного удара, из отборной конницы, под начальством князя Владимира Андреевича и славного воеводы Димитрия Михайловича Волынского-Боброка, расположился за левым крылом всего боевого порядка, укрываясь густой зеленою дубравою. Выбор этого места обнаруживал весьма проницательный военный глазомер Димитрия: засадный полк был помещен совершенно укрыто и притом таким образом, что мог легко подкрепить сражающихся и вместе с тем прикрывал обозы и сообщение с мостами, наведенными на Дону, то есть единственный путь отступления на случай неудачи.

Чрезвычайно удачно были назначены Димитрием и начальники над засадным полком: опытный воевода Димитрий Михайлович Волынский-Боброк мог лучше всякого другого определить – когда именно надлежало начать действовать этому полку и сдерживать до времени молодого и горячего Владимира Андреевича; пылкий же князь Владимир Андреевич, любимец войск, был как нельзя более пригоден для воодушевления

своих воинов и ведения самого решительного боя, после того как засадный полк вступит в дело.

Устроив полки, Димитрий объехал их, говоря: «Возлюбленные отцы и братья, Господа ради и Пречистыя Богородицы и своего ради спасения подвизайтесь за православную веру и за братию нашу». Ему отвечали из рядов восторженными кликами.

Затем он подъехал к своей дружине, стоявшей в челе главного полка, где развевался его собственный большой алый стяг с ликом Нерукотворного Спаса. Димитрий сошел с своего богато убранного коня, усердно помолился Богу, снял с себя золототканый плащ и возложил его на своего любимца, боярина Михаила Андреевича Бренка; сам же покрылся сверх своей позлащенной брони простым плащом и пересел на другую лошадь. Затем он вынул из-за пазухи крест с частицею животворящего древа, вкусил просфору, присланную святым Сергием, и, творя в сердечном умилении молитву, поехал в сторожевой полк, чтобы впереди него, по примеру великих своих предков, собственноручно ударить

на врагов.

Очевидно, Димитрий надел свой златотканый плащ на боярина Бренка для того, чтобы не сразу броситься в глаза татарам, а также и для того, чтобы простые воины, взглядывая во время сечи на большой полк и видя под алым стягом всадника в златотканом плаще, имели бы уверенность, что их славный вождь жив.

Князя и воеводы удерживали Димитрия от желания драться впереди как простому воину и указывали, что ему надлежит стоять в стороне от битвы, наблюдая за ее ходом.

«Тебе подобает стоять особо от битвы, – говорили они, – и смотреть на сражающихся, а потом честить и жаловать оставшихся в живых и творить память по убиенным. Если же тебя, государь, лишимся, то уподобимся стаду овец без пастыря; придут волки и распугают нас». Но уговоры их были напрасны. «Братия моя милая, – отвечал Димитрий, – добрыя ваши речи и похвалы достойныя. Но если я вам глава, то впереди вас хочу и битву начать. Умру или жив буду – вместе с вами».

Часов в одиннадцать утра показалась та-

тарская рать; своими серыми кафтанами и темными щитами она походила на черную тучу. Навстречу татарам немедленно двинулись русские, сияя своими светлыми доспехами и червлеными щитами. Передовой татарский полк в средней своей части состоял из пехоты (вероятно, наемные итальянцы – крымские генуэзцы). Эти пехотинцы шли густым строем, причем задние ряды клали свои копья на плечи передних; у последних они были короче, а у задних длиннее. В русском передовом полку тоже имелась пехота.

В некотором расстоянии друг от друга обе рати вдруг остановились. Тут с татарской стороны выехал огромный воин, подобный древнему Голиафу, чтобы начать битву единоборством. Звали татарского великана Челибей, а по другим сведениям – Темир-Мурза.

Завидя его, инок Пересвет, шедший с Ослябей в передовом полку, сказал воеводам, что хочет биться с татаринном, и воскликнул: «Отцы и братья, простите меня грешнаго; брате Ослябе, моли за меня Бога. Преподобный отец игумен Сергей, помоги мне молитвою твоею!» Затем с копьем в руке и со схимою и кре-

стом на голове Пересвет выскакал из рядов и понесся на татарского Голиафа. Тот тоже кинулся ему навстречу, и оба ударились друг о друга с такой силою, что кони их пали на колени, а сами богатыри мертвыми ринулись на землю.

Вслед за тем наступил черед и Димитрия Иоанновича. Он бросился во главе передового полка на татар и, громогласно читая псалом: «Бог нам прибежище и сила», – врубился в их ряды.

Вскоре обе рати смешались, и началась жесточайшая сеча. Димитрий продолжал сражаться как простой ратник, показывая пример мужества и отваги, и переменил несколько коней, убитых под ним. Мамай же, по татарскому обычаю, наблюдал за сражением с вершины Красного холма. Ратники задыхались в густой свалке, а расступиться в сторону мешали свойства местности, изрезанной оврагами. В тесноте воины схватывали противника левой рукой, а правой рубили или кололи. Многие умирали под конскими копытами. По выражению летописца, «копья ломались как солома, стрелы падали дождем,

пыль закрывала солнечные лучи, мечи сверкали молниями, а люди падали, как трава под косою, кровь же лилась как вода и текла ручьями». Кони едва могли двигаться от множества трупов, которыми в самое короткое время покрылось все поле битвы.

Скоро пешая русская рать, бывшая в передовом полку, вся полегла костьюми. Татары, коих было свыше трехсот тысяч, пользуясь своим превосходством в числе, стали теперь напирать на главную рать. Продвигаясь вперед в жаркой сечи, они досеклись до великокняжеского стяга и успели, несмотря на отчаянное сопротивление, подрубить его древко, причем был убит славный боярин Бренка. Настал страшный час. Но Глеб Брянский и окольный Тимофей Вельяминов с своими полками смогли наконец остановить дальнейшее движение врагов в этом месте. На нашей же правой руке храбрый Андрей Ольгердович не только выдержал напор сильного татарского полчища, навалившегося на него, но стал даже его одолевать.

Тогда татары, видя, что нельзя обойти русских с крыльев, благодаря искусному распо-

ложению нашей рати великим князем, реши-ли прорвать где-либо наш строй и ударили с огромными силами на наше левое крыло, с целью уничтожить его совершенно. Страш-ный бой закипел здесь: свежие полчища та-тар устремлялись сюда одно за другим; на-конец, все храбрые белозерские князья, дравши-ся героями, пали, и наш полк левой руки, тая все более и более, стал подаваться назад под напором врагов. Вследствие этого большому полку угрожала теперь опасность быть обой-денным с боку и с тыла, причем войско наше припиралось к реке Непрядве и отрезывалось от Дона и мостов. Конечно, татарские воево-ды хорошо соображали это, а потому и напра-вили все свои силы в самое чувствительное место русского войска. Уже раздавалось неистовое гиканье и победные клики татар. Но тут-то и сказала замечательная преду-смотрительность великого князя в располо-жении нашего засадного полка.

Храбрый Владимир Андреевич уже давно порывался вступить с этим полком в бой, сле-дя (при помощи нескольких воинов, взобрав-шихся на деревья) за его ходом. Но опытный

Димитрий Михайлович Волынский-Боброк его сдерживал, и только когда наступавшая в пылу боя на наше ослабленное левое крыло татарская рать поравнялась с дубравой, где стоял засадный полк, тогда Волынский-Боброк решил двинуться. Он громко воскликнул: «Теперь и наш час приспел. Дерзайте, братия и други. Во имя Отца и Сына и Святого Духа», – и, «как соколы на журавлиное стадо», устремились герои засадного полка на совершенно не чаявших их татар. Конечно, это ошеломило их до чрезвычайности. А между тем и Димитрий Ольгердович, предусмотрительно поставленный позади большого полка, в виде его поддержки, закрыл с своей стороны его открывшийся бок, и татарская рать попала здесь как бы между двух стен.

К концу дня русское мужество и стойкость взяли наконец верх. Татары дрогнули и стали повсеместно отходить назад. Около своих таборов они приостановились и вновь вступили в бой, но ненадолго. Русские неудержимо пошли вперед и охватывали врагов со всех сторон. Скоро все татарское полчище обратилось в дикое бегство. Сам Мамай, охваченный

ужасом, воскликнул с тоской: «Велик Бог христианский!» – и бежал без оглядки. Наши конные отряды преследовали врагов до реки Мечи, то есть на расстоянии 40 верст.

Победа была самая полная. Ягайло, стоявший от поля битвы в расстоянии дневного перехода, поспешно отступил в свои пределы, как только узнал о ее печальном исходе для Мамаю.

Храбрый Владимир Андреевич стал на косях под алым великокняжеским знаменем и велел трубить сбор. Скоро со всех сторон начали съезжаться князья и воеводы, но Димитрия не было. «Где брат мой и первоначальник нашей славы?» – с беспокойством спрашивал Владимир Андреевич, но никто не мог дать на это ответа, хотя многие и видели отдельные подвиги Димитрия в течение дня.

Тогда были посланы во все стороны люди его дружины. Они рассыпались по Куликову полю и начали прилежно осматривать лежавшие повсюду кучи трупов. Некоторые увидели на одном убитом великокняжеский плащ и думали, что нашли Димитрия; но это оказался боярин Бренка; другие приняли бы-

ло за великого князя Феодора Семеновича Белозерского, который был похож на него; третьи нашли павшего коня и несколько убитых слуг Димитрия; но самого его не было видно. Наконец, два костромича, Феодор Сабур и Григорий Хлопщев, усмотрели в какой-то дубраве великого князя, лежащего недвижимо под ветвями вновь срубленного дерева, но с признаками жизни. Скоро сюда прискакали все князья и бояре и, слезши с коней, поклонились до земли лежащему Димитрию.

«Брат мой милый, великий княже Димитрий Иоаннович! Слава Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери! Молитвами и помощью угодников Божиих мы победили своих супостатов», – раздался над ним взволнованный голос.

«Кто глаголет сие?» – проговорил Димитрий, открывая глаза.

«Это я, брат твой Владимир; возвещаю тебе, что Бог явил тебе милость, даровав победу над врагами».

Обрадованного Димитрия подняли на ноги. Шлем его и латы были иссечены; все тело покрыто язвами и ушибами, но смертельных

ран не было. Его повезли в великокняжеский шатер и веселыми трубными звуками известили воинство, что его державный вождь милостию Божиею жив.

Следующий день был воскресный. Вознеся усердные молитвы Всевышнему, Димитрий, несмотря на страшное утомление и слабость, стал объезжать войска и горячо благодарить их за славную победу. Потом он отправился осматривать поле битвы. Зрелище было потрясающее. При виде множества убитых славных защитников Родины великий князь залился слезами. Одних князей было убито 15 человек. Кроме Пересвета, погиб и славный инок Ослябя, а также лихой разведчик Семен Мелик и много других бояр.

Восемь дней оставались русские близ места ужасного побоища, предавая погребению своих братьев. Когда сосчитали оставшихся в живых, то их было только 40 тысяч человек. Такой дорогой ценой была куплена Куликовская победа!

Значение ее, конечно, было громадно во всех отношениях. Это было несомненное торжество Руси над всей татарской ордой; мало

того, это было вместе с тем и торжество Европы над Азией. Русский народ, волею Всевышнего поставленный в сторожах всех европейских народов для защиты их от вторжения азиатских полчищ, блистательно выполнил на Куликовом поле свое великое назначение. Если же мы припомним, что с одной стороны участвовали все несметные силы Мамаю, а с другой – население только трех или четырех губерний нынешней Европейской России, то мы должны еще более проникнуться благоговейным уважением перед великим подвигом доблестных наших предков и пред изумительными дарованиями Димитрия Иоанновича, получившего от благодарного русского народа за Куликовскую победу наименование Донской.

В свою очередь и он увековечил память убиенных на Куликовом поле героев установлением их поминовения на все времена, пока будет жить Русская земля, – в Димитриевскую субботу.

Димитрий Иоаннович Донской показал себя не только мудрым и великим правителем в деле собирания и подготовки сил для пред-

стоявшей ему борьбы, но и одним из величайших полководцев – по тому необыкновенному искусству, с которым велись военные действия против Мамаю. Вместе с тем он всецело оставался верным и заветам своих великих предков: действовать против врага смелым и стремительным наступлением, с полным напряжением всех сил, а в решительный день, отдав все распоряжения для боя, во главе своего войска первым кидаться в сечу.

Вместе с татарами победой на Куликовом поле Москва, в лице своего великого князя, победила старое княжеское разногласие и вражду из-за частных волостных выгод, при забвении надобностей, общих для всей Родины. На Куликовом поле народ узнал, что Москва есть истинное средоточие и сердце Русской земли, истинный защитник, сберегатель и устроитель земской тишины и независимости от соседних держав. В этом поведении Москвы и скрывалась истинная причина ее возвышения над всеми остальными княжествами, из которых сильнейшие, Тверь и Рязань, в глазах народа выступили одно – мятежником против общей тишины, а другое –

изменником русскому делу. На Мамаевом побоище явились героями не сильные, высокомерные и честолюбивые князья, а слабые владетели мелких отчин, не искавшие себе владычества над землею, но помышлявшие только о службе Отечеству.

Но вместе с тем Куликовская битва, будучи величайшим русским торжеством, являлась, с другой стороны, и событием плачевным, великою жалостью. «Была на Руси радость великая, – говорит летописец, – но была и печаль большая по убитым от Мамаю на Дону; оскудела совершенно вся земля Русская воеводами, и слугами, и всяким воинством, и от этого был страх большой по всей земле Русской».

Это оскудение дало татарам еще кратковременное торжество над своими победителями. Мамай, возвратившись в Орду, собрал опять большое войско, с тем чтобы идти на московского князя, но был остановлен другим врагом: на него напал хан Заяицкий Тохтамыш, потомок Чингисхана, и разбил его на берегах Калки, после чего Мамай бежал в Крым – в Кафу, где его убили генуэзцы.

Тохтамыш же завладел Золотой Ордой и послал известить об этом Димитрия Иоанновича и других русских князей. Послы нового хана были приняты с честью и отпущены с дарами; но дары – не дань, и эту разницу в отношениях, конечно, сразу понял Тохтамыш. В следующем, 1381 году он послал в Русскую землю нового своего посла Ахкозю с 700 татарами; но тот доехал только до Нижнего и затем не осмелился ехать в Москву, а побежал назад в Орду.

Тогда Тохтамыш решил рассеять страх, напавший на татар после Куликовской битвы. Он неожиданно велел пограбить русских гостей в Болгарах (Казани) и перехватить их суда, а сам пошел к Москве, соблюдая большую осторожность, чтобы напасть на нее внезапно. Эта скрытность и поспешность Тохтамыша лучше всего показывает перемену, произошедшую в татарах после Куликовской битвы; хан надеялся иметь успех, только напавши врасплох на русских.

Навстречу Тохтамышу нижегородский князь выслал своих двоих сыновей, чтобы умилостивить его дарами. Встретил его на

своих границах и Олег Рязанский, прося не воевать его область, и указал брод на Оке, на пути к Москве.

Наконец, узнал и великий князь о новой грозе; он получил об этом вести от своих добрыхотов, то есть тайных его слуг среди татар, живших в Орде и посылавших, конечно, за большие деньги, свои донесения о всем происходившем там.

Димитрий Иоаннович хотел было выйти навстречу Тохтамышу, но должен был убедиться, что вследствие страшного оскудения с земли нельзя скоро собрать новой рати; поэтому он отправился в Переяславль, а потом в Кострому – собирать полки, а защищать Москву, в которой после его отъезда поднялся было мятеж, он послал молодого литовского князя Остейя, внука Ольгерда.

Мужественный Остей скоро успокоил народное волнение, укрепил кремль и стал в нем ожидать Тохтамыша, передовые отряды которого подошли к Москве 23 августа 1382 года.

Обскакав кремль, татары увидели, что все вокруг него было чисто, так как сами гражда-

не пожгли все посадки, не оставя ни одного тына или дерева, опасаясь устройства примета к стенам.

На следующий день прибыл сам Тохтамыш с войсками и немедленно начал осаду, причем татарские стрелы падали в город как дождь и убивали в нем множество народа.

Внутри кремля Остей усердно трудился над укреплением стен, но не сумел устранить одного обстоятельства. Привлеченная им для устройства и защиты оборонительных сооружений городская чернь работала отважно и усердно, но в то время, как добрые люди молились Богу день и ночь, часть толпы разбила княжеские и боярские погреба и упиалась господскими медами допьяна.

Пьяным было море по колено, а потому, когда под городом появились татары, все встретили их не только храбро, но и с пьяным высокомерием стали браниться и, понося татарскую силу, кричали: «Не устрашимся поганых татар, город крепок, стены каменные, ворота железные». Однако и в пьяном виде народ исполнял свое дело в надлежащем порядке, обливая взбировшихся по пристав-

ным лестницам татар кипятком, побивая их камнями и стреляя в них из самострелов и из пушек, впервые появившихся у наших предков в это время. Один суконник, именем Адам со Спасских ворот, убил из самострела даже ордынского славного князя, любимца Тохтамыша, что привело последнего в великую печаль.

Три дня стояли татары под городом и не могли его взять. Тогда Тохтамыш решил прибегнуть к лести: он завел переговоры, говоря, что пришел воевать не с горожанами, а только наказать великого князя, и что если они сдадутся, то всем будет и мир и любовь. В этом уверяли москвичей, конечно, обманутые Тохтамышем, и шурины Дмитрия Иоанновича, сыновья нижегородского князя, утверждая, что хан только хочет осмотреть город и удовольствуется небольшими дарами.

Наконец горожане поверили, отворили ворота, и лучшие люди с князем Остеем вышли с крестами и дарами. Но татары немедленно убили Остея; затем они подошли к воротам и начали безжалостно рубить духовенство; потом ворвались в кремль, побили или полони-

ли всех жителей, разграбили церкви, взяли княжескую казну и имущество частных людей и пожгли великое множество книг, свезенных со всех сторон в кремль и сложенных до самых сводов в храмах.

Всех потерь нельзя было и счесть; мало сказать «тысячу тысяч», замечает летописец. Но, конечно, самая невознаградимая из этих потерь было сожжение книг в церквах, так как вместе с ними исчезли, несомненно, многие драгоценные сведения о нашей древней жизни.

Разоривши Москву, Тохтамыш распустил рать по всей Московской области для грабежа, но затем, сведав, что Владимир Андреевич Храбрый, получивший это прозвище за Куликовскую битву, стоял у Волоколамска, а Димитрий Иоаннович скопляет полки у Костромы, поспешил уйти домой, обремененный награбленным богатством и бесчисленным множеством пленных.

Вслед за этим Димитрий Донской приехал в свою опустошенную столицу и стал приводить ее в порядок после хозяйничанья татар; одних убитых было похоронено 24 тысячи че-

ловек.

Но москвичи скоро опомнились. Татары предательски взяли Москву 26 августа, а уже в сентябре великий князь пошел на Олега Рязанского, наказывать его за пособничество татарам; Олег бежал было в Литву, но затем Дмитрий помирился с ним, причем по договору великий князь получил все места, взятые у татар, и в том числе город Тулу, Мордовскую область и Мещеру.

Тем не менее после Тохтамышева нашествия московскому князю пришлось снова признать себя данником Золотой Орды и при этом противодействовать в ней домогательствам прежних своих врагов, поднявших голову после сожжения Москвы; ими были князь Михаил Тверской, князь Борис Городецкий и даже брат его, тесть великого князя, князь Димитрий Нижегородский, который тоже стал искать милости Тохтамышша.

Ввиду этих обстоятельств Димитрий Иоаннович вынужден был отправиться в 1383 году в Орду со своим старшим сыном, одиннадцатилетним Василием, для противодействия вражеским проискам.

Тохтамыш был крайне польщен покорностью московского князя и оставил за ним великокняжеский ярлык, несмотря на все старания Михаила Тверского, но удержал при себе юного Василия Дмитриевича, требуя за него окупа в восемь тысяч рублей, что тогда было не по силам Москве; только пробыв два года в Орде, Василию удалось в 1385 году спастись из нее бегством.

Вообще, первое время Москве приходилось очень трудно от непосильных поборов Тохтамыша. Скоро во Владимир пришел лютый посыл, именем Адаш, за сбором дани, или царева запроса. «Тяжкая и великая дань была по всему княжеству Московскому: собирали с деревни, с двух-трех дворов по полтине; тогда же и золотом давали в Орду...» – говорит летописец.

Вместе с тем и Олег Рязанский, пользуясь затруднительными обстоятельствами Москвы, внезапно напал в 1385 году на Коломну и захватил ее; против него была направлена рать под начальством Владимира Андреевича Храброго, но безуспешно, причем было потеряно с московской стороны много воевод и

бояр. Димитрий желал мира, но Олег на него не шел; наконец, по просьбе великого князя, к Олегу отправился святой Сергий.

Этот чудный старец много беседовал с Олегом о душевной пользе, о мире и любви и, конечно, о великой задаче всех русских людей и князей – собраться воедино под знаменем Москвы; он успел своими тихими и кроткими речами произвести на него необыкновенное впечатление: Олег переменил свою свирепость на кротость, утих, умилился душой и заключил вечный мир с Москвой, который действительно оказался вечным, причем он был скреплен и браком сына Олега на дочери Димитрия. Наконец, рязанский князь признал себя также и младшим братом князя Московского.

Покончив миролюбиво с Рязанью, великий князь нашел нужным привести в порядок и Господин Великий Новгород; мы уже видели, как дерзки были разбои новгородских ушкуйников, против которых Москва посылала свое грозное слово еще в первые годы княжения Димитрия Иоанновича. Несмотря на это, разбои новгородской вольницы

продолжались при всяком удобном случае. Во время трудной борьбы Москвы с Тверью ушкуйники взяли в 1371 году Кострому и Ярославль; в 1374 году они пограбили на 90 судах Вятку, ходили по Каме и Ветлуге и всюду производили великое опустошение. В 1375 году, во время похода на Тверь, новгородские разбойники, силою в две тысячи человек на 70 ушкуях, спустились рекою Костромою в Волгу и после жестокой битвы опять взяли Кострому, разграбили ее дочиста и много людей увели в плен. Отсюда они спустились к Нижнему, взяли город и сожгли; потом повернули в Каму для грабежа, воротились в Казань, продали басурманам жен и девиц, плененных в Костроме и Нижнем, и пошли по Волге к Сараю, разбивая и грабя гостей-купцов, своих же христиан. Ушкуйники спустились в самую Астрахань и отлично поторговали пленными. Астраханский князь принял их очень дружелюбно и, обольстив своим расположением, напоил пьяными, а затем избил всех до единого, причем из их черепов в Астрахани была сооружена целая мечеть.

Будучи занят важными делами, Димитрий

отложил свою расправу с Новгородом за непрерывные разбои до благоприятного времени. Теперь, покойный со стороны Рязани и Тохтамыша, он собрал весной 1386 года рать от 29 городов и двинулся к Новгороду; услышав об этом, новгородцы запросили мира. Но великий князь не слушал и подвигался дальше. Тогда новгородцы стали готовиться сесть в крепкую осаду и безжалостно пожгли свои предместья, причем сгорело 24 монастыря. Однако великий князь не хотел большого кровопролития, а потому, не дойдя 30 верст до города, позволил себя склонить на мир, с выдачей ему восьми тысяч рублей и черного бора. Так обуздывала Москва земское своеволие.

В это же время той же Москве, в лице сидевшего в ней митрополита, пришлось обуздывать твердой рукой и своеволие, возникшее в церковной области.

Во Пскове, недовольном тем, что в церковном отношении он зависел от новгородского владыки, явилась ересь *стригольников*, названная так от имени Карпа Стригольника, одного из ее основателей, которая учила, что

не должно принимать от духовных таинств и что миряне могут учить народ вере; что не следует ни отпевать умерших, ни служить заупокойных обеден. Эта ересь из Пскова перешла даже в Новгород, где главные ее основатели были сброшены с моста в Волхов народом, озлобленным их дерзкими речами по отношению к церкви. Митрополит запретил иметь со стригольниками какое-либо сношение и разрешил наказывать их, но только не смертью, после чего ересь мало-помалу исчезла.

Поглощенный заботами о водворении прочного порядка во всех частях своего великого княжества, Димитрий Иоаннович счел себя вынужденным проявить свою власть и над боярами своего брата и друга Владимира Андреевича Храброго. В 1389 году, за какую-то вину, Димитрий приказал захватить старших из этих бояр и заточить по разным городам. Вследствие этого между братьями и верными друзьями возникла была ссора, но она скоро окончилась искренним примирением, так как на основании договоров, заключенных Димитрием с братом, первый имел полное

право наказывать бояр второго в случае их вины.

Вот наиболее замечательные места этих договоров: «Тебе, брату моему младшему, князю Владимиру, держать под мною княжение мое великое честно и грозно; тебе, брату моему младшему, служить мне без ослушания, по уговору, как будет мне надобно и тебе; а мне тебя кормить по твоей службе. Если случится мне отпустить своих воевод из великого княжения, то ты должен послать своих воевод с моими вместе без ослушания; а кто ослушается, того я буду казнить, а ты вместе со мною». Кроме того, Владимир обещал, в случае смерти Димитрия, считать старшего сына его, а своего племянника, старшим братом себе и служить ему.

Вскоре после своей кратковременной размовки и примирения с Владимиром Андреевичем, в том же 1389 году, Димитрий «разболелся и прискорбен бысть вельми, потом же легчае бысть ему; и паке впаде в большую болезнь и стенание прииде к сердцю его, яко торгати внутреньм его, и уже приближися к смерти душа», – говорил летописец.

Чрезвычайное напряжение в течение всей жизни и сильные ушибы, полученные во время Куликовской битвы, надломали железное здоровье Дмитрия Иоанновича и вызвали смертельную болезнь, вероятно грудную жабу.

19 мая, чувствуя приближение конца, Дмитрий пожелал видеть свою княгиню, ожидавшую шестого сына, и своих славных сотрудников – московских бояр. Сохраняя удивительную твердость духа, он долго говорил с женой и детьми; приказывал им быть во всем послушным матери и действовать единодушно, любить Отечество и его верных слуг.

Затем он велел приблизиться боярам и сказал им: «Вам, свидетелям моего рождения и младенчества, известно внутреннее состояние души моей; с вами веселился я в благоденствии и скорбел в злополучиях; я любил вас искренно и награждал по достоинству; не касался ни чести, ни собственности вашей, боясь досадить вам единым грубым словом; вы были не боярами, но князьями земли Русской; теперь вспомните, что мне всегда говорили: «умрем за тебя и детей твоих». Служите

верно моей княгине и юным сыновьям; делите с ними радость и бедствия». После этого он представил им семнадцатилетнего Василия Димитриевича, как будущего великого князя, и, благословив его, выбрал ему из среды бояр девять опытных советников.

Затем началось умиленное прощание со всеми; к умирающему по очереди подходили княгиня Евдокия, сыновья и бояре; он обнимал каждого подходящего, после чего, проговорив: «Бог мира да будет с вами», – сложил руки на груди и преставился, имея всего тридцать девять лет от роду.

Димитрия похоронили, по обычаю того времени, на другой день, в церкви архангела Михаила. На погребении присутствовал и святой Сергий. Его вызвали за несколько дней до кончины великого князя, и он был один из скрепивших своею подписью его духовное завещание.

В этом духовном завещании мы встречаем неслыханное прежде распоряжение: московский князь благословляет старшего своего сына Василия великим княжением Владимирским, которое зовет своею «отчиной». Дон-

ской уже не боится соперников для своего сына, ни из Твери, ни из Суздаля. Да и татары перестали быть грозными к концу его жизни, когда Русская земля несколько оправилась от потерь Куликовского боя и внезапного набега Тохтамыша.

В своем завещании Димитрий выражает надежду, что от уплаты дани Орде уже освободятся его сыновья: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода». Назначая Василия великим князем, Димитрий дал каждому из сыновей уделы, а княгине Евдокии завещал несколько поместий и значительную часть московских доходов.

Из драгоценных же вещей Димитрий оставил после себя одну икону, одну цепь, восемь поясов, бармы, шапку золотую, наплечники, два ковша золотых и еще три ценных предмета. Так страшно обеднел, даже в сравнении с дедом своим Иоанном Калитой, один из величайших русских государей и европейских полководцев, славный как своей всемирной по значению победой над татарами, так и утверждением нового порядка наследования престола и владения Русской землей, с целью

ее собирания под единою сильною властью московского князя, по завету своих мудрых предков и первых святителей Москвы, ее блаженных митрополитов.

Эта умилительная бедность домашней обстановки, в которой умер Димитрий, ясно показывает нам также, насколько он был далек от личного обогащения, посягая на других князей и приводя их под руку Москвы, во имя собирания воедино своей Родины.

Во время великого княжения Димитрия Иоанновича не имели место какие-либо значительные действия со стороны шведов и немцев, но зато в последние годы его жизни в Польше и на Литве произошли события чрезвычайной важности по своим последствиям, которые и в настоящее время сильно сказываются на жизни русского народа.

Опоздав на один день к Куликовской битве, Ягайло поспешно вернулся назад и после нее не мог уже продолжать борьбы против Димитрия. Мы уже говорили, что он самым изменническим образом убил своего престарелого дядю Кейстута; при этом он взял также в плен и сына Кейстута Витовта, бывшего до

сих пор самым верным и преданным другом своему коварному двоюродному брату. Ягайло заключил Витовта в тот же замок, в котором был задушен Кейстут, и, по-видимому, сыну готовилась одинаковая участь с отцом. Но Витовта спасла находчивость его супруги Анны, княжны Смоленской, и преданность ее служанки Елены. Анна выпросила позволение вместе с двумя служанками посещать мужа и во время одного из своих посещений передела Витовта в платье Елены, которая заняла его место. Невысокий рост и женоподобное лицо молодого Витовта помогли обмануть стражу, и он благополучно спасся вместе с женой и другой служанкой. Елена же, не вставая с постели, так хорошо представляла князя (будто бы заболевшего), что была узнаваема только на третий день, после чего эта благородная девушка поплатилась жизнью за самоотверженную преданность своему князю.

Конечно, спасшись из плена, Витовт стал опасным врагом Ягайлы.

При этом, не будучи в состоянии своими силами бороться с двоюродным братом, он объявил немецкому ордену, что признает се-

бя его подручником и примет латинство, если орден вернет ему его владения.

Следствием этого был переход Витовта из православия в католичество и война его, в союзе с немцами, против Ягайлы. Скоро последний начал терпеть ряд неудач. Наконец, когда рыцари стали сильно укреплять Ковно, чтобы отсюда можно было заняться прочным покорением Литвы, Ягайло предложил Витовту забыть прежнюю вражду и заключить мир и союз для действий против исконного врага Литвы немцев, причем обещал ему значительные волости. Витовт согласился, перешел обратно в православие и соединил свои силы с Ягайловыми; после трехнедельных страшных усилий они овладели Ковной, нанося своим соединением огромные потери ордену.

Затем Витовт получил русские владения своего отца – Брест, Дрогичин, Гродно и другие; однако удел Кейстута – Троки, несмотря на данное обещание, Ягайло удержал за собой; конечно, это вызвало неудовольствие Витовта, но он скрыл его до более благоприятного времени, а пока стал усердно помогать

Ягайле как в его войне с немцами, так и в видах последнего на польскую корону.

Дело заключалось в следующем. В 1370 году умер польский король Казимир Великий, не оставив мужского поколения; он утвердил еще при жизни свое наследство за племянником – венгерским королем Людовиком, а когда этот последний умер, то польской королевой в 1383 году была признана его четырнадцатилетняя дочь Ядвига. Конечно, всеми делами в Польше правило сильное латинское духовенство и польские вельможи. Ядвига еще с детства была невестой своего ровесника, австрийского принца Вильгельма, и семи лет от роду венчалась с ним в церкви, после чего их разъединили до тех пор, пока они не подрастут до двенадцати лет. Между тем к этому времени умер отец Ядвиги, и она, после полуторагодовых усобиц и переговоров, была выбрана королевой Польши.

Польские государственные люди были сильно озабочены, с одной стороны, возрастающим могуществом Литвы, часто нападавшей на польские владения, а с другой – ростом могущества немецкого ордена в Прус-

сии. И вот они решили соединить Литву с Польшей посредством брака Ядвиги с Ягайлой, которому в это время было около сорока лет. Это, конечно, было крайне выгодно Польше, так как Литва соединялась с ней в одно государство; было выгодно и заманчиво и для Ягайлы, который не только согласился перейти из православия в латинство, но согласился крестить в католическую веру и своих литовцев.

Однако сильное препятствие было за Ядвигой. Латинские епископы и польские вельможи настаивали, чтобы она расторгла свой брак с принцем Вильгельмом для пользы государства, но Ядвига, весьма благочестивая девица, оставалась верна своему мужу, которого последний раз видела будучи семи лет от роду; обладая очень большим воображением, она постоянно о нем мечтала и наотрез отказалась расторгнуть с ним брак.

При этих обстоятельствах в Краков, где пребывала Ядвига, неожиданно самолично прибыл ее юный муж, красивый и статный. Польские вельможи, конечно, приняли все меры, чтобы не допустить его до Ядвиги. Но

Ядвига нашла способ устраивать с ним свидания в одном старом монастыре, и между молодыми супругами вспыхнула самая страстная любовь, причем Вильгельм даже некоторое время скрывался в покоях своей красавицы жены. Вскоре, однако, об этом узнали, и молодой принц был с позором изгнан из королевского замка, а страже был отдан приказ не выпускать королеву за его ворота.

Влюбленная Ядвига хотела во что бы то ни стало следовать за мужем; когда она увидела запертыми перед собою ворота и убедилась, что их ей не открыть, то схватила топор и принялась сбивать тяжелые замки. Но, конечно, руки ее были для этого слишком слабы, и она поневоле должна была покориться своей участи. Скоро Ядвига имела случай убедиться, что ее юный муж проявил менее доблести к защите своих супружеских прав, чем она от него ожидала. Это, конечно, страшно подействовало на нее.

Окруженная суровыми панями и хитрыми польскими епископами, покинутая собственной матерью, Ядвига долго продолжала отказываться от брака с литовским князем; она не

могла забыть Вильгельма и смущалась мыслью о расторжении брака, только что ставшего действительным; вместе с тем ее пугали и слухи о Ягайле, убившем недавно собственного дядю и покрытом, по рассказам, с ног до головы волосами, как зверь.

Но латинское духовенство и паны постарались рассеять все ее сомнения.

Действуя на благочестие своей молодой королевы, они настойчиво указывали ей на великую услугу обратить в христианство целый народ, и, наконец, утомленная борьбой, Ядвига уступила; однако, желая иметь точные сведения о наружности своего будущего мужа, она послала к нему одного из своих приближенных – Завишу Олесницкого, который, вернувшись, поспешил ее успокоить и описал жениха в привлекательном свете, хотя в действительности Ягайло был очень неказист: он был среднего роста, худощав, имел небольшую голову клином, покрытую редкими волосами, продолговатое лицо с узким подбородком и маленькие черные глаза, с бегающим, беспокойным взглядом; брил бороду и носил длинные, тонкие усы. Он не

умел ни читать, ни писать, но, кроме литовского языка, знал и русский.

Успокоенная Завишей насчет внешности Ягайлы, Ядвига дала наконец свое согласие. Их брак состоялся в 1386 году, причем как сам Ягайло, так и многие его бояре перешли из православия в католичество.

Вскоре после этого последовало и крещение Литвы.

В Вильну было созвано множество язычников; чтобы сократить обряд, литовцев ставили в ряды целыми полками; священники кропили их святой водой и давали христианские имена: в одном полку называли всех Петрами, в другом – Павлами и так далее. Ягайло ездил между полками, объяснял на литовском языке Символ веры и дарил всем белые суконные кафтаны, чем литовцы были очень довольны, так как до тех пор они одевались только в шкуры и полотно.

Конечно, этот брак Ядвиги с Ягайлой был в высшей степени неблагоприятным для будущности всех западных русских областей. До него Литва была вполне русским государством, с полным господством всех русских

над язычниками-литовцами. Теперь же, с переходом Ягайлы в католичество и соединением Литвы с Польшей, все должно было сильно измениться. Тотчас же после свадьбы Ягайло велел казнить двух своих приближенных, имена которых, к величайшему сожалению, не сохранились, за отказ перейти из православия в католичество. Как мы увидим в наших последующих «Сказаниях о Русской земле», бедствия, обрушившиеся на православие в западной Руси вследствие этого брака, продолжались многие столетия и не окончились и в настоящее время.

Что же касается укрепления святой нашей веры в северо-восточной Руси, то во времена Дмитрия Иоанновича Донского делу этому служили многочисленные подвижники во главе с Сергием Радонежским. Святой старец пережил великого князя на три года. Влияние его на всю Русскую землю было огромно. Неустанно подвизаясь в молитве и посте и в заботах о своей обители, он в то же время являлся истинным духовным отцом всех русских людей, а лавра его – преемницей Киево-Печерского монастыря как в деле укрепле-

ния православия среди народа, так и насаждения его между язычниками.

Из Троице-Сергиевской лавры вышел ряд учеников преподобного Сергия, разошедшихся до самых далеких окраин нашего северо-востока; здесь они устраивали в пустынных местностях свои келии, затем привлекали строгим подвижничеством учеников, образуя, по примеру обители святого Сергия, общежительные монастыри; вокруг них селились крестьяне, расчищались леса, и таким путем возникали новые поселения русских людей, имевших в своих соседях-монахах усердных молитвенников и наставников в жизни духовной.

Сам преподобный Сергий, кроме своей первоначальной обители и Киржачской, основал верстах в тридцати от лавры два Дубенских монастыря, по поручению великого князя Димитрия Иоанновича, один до Куликовской битвы, а другой – после нее, а также Московский Симонов и Коломенский Голутвин монастыри; затем им же был устроен, по поручению Владимира Андреевича Храброго, Высоцкий монастырь в Серпухове. Наконец,

святой Сергей помог блаженному митрополиту Алексию устроить Московский Андроников монастырь. Все места для этих обителей преподобный Сергей выбрал лично сам, совершая свои передвижения исключительно пешком.

Во время этих путешествий он посещал, конечно, неоднократно как великого князя и святителя Алексия, так и своих учеников и друзей; с некоторыми из них был в постоянном общении и Димитрий Иоаннович. Из многочисленных учеников преподобного Сергия следующие, еще при жизни его, были основателями новых монастырей или игуменами в уже устроенных святым Сергием обителях.

Преподобный *Никон* Радонежский был достойным преемником Сергия по управлению лаврой; его поставил в ней игуменом сам Сергей за полгода до своей праведной кончины.

Блаженный *Роман* был первым игуменом Киржачской обители.

Преподобный *Антонин* был настоятелем Спасского монастыря – на реке Яузе, из которого вышли знаменитые иконописцы того

времени, праведные старцы *Даниил Черный* и *Андрей Рублев*; дивные образа последнего и в настоящее время возбуждают глубокое восхищение у всех видевших их.

Блаженные *Феодор* и *Павел Борисоглебские* были основателями монастыря того же имени.

Преподобный *Феодор*, родной племянник святого Сергия, был приведен своим отцом на тринадцатом году жизни в пустынь Сергия; впоследствии он стал знаменитым по своей чистой жизни и по обширному уму епископом Ростовским и был духовником Димитрия Иоанновича Донского.

Преподобный *Мефодий Яхромский* был основателем Свято-Николаевского Пешношского монастыря близ города Дмитрова, названного последним именем потому, что святитель, строя монастырь, сам носил «пеш» – деревья для его стен через речку. Монастырь этот и до настоящего времени отличается особо продолжительными богослужениями и особым же «столповым пением».

Преподобный *Афанасий*, друг блаженного митрополита Киприана, был первым игуме-

ном Серпуховского Высоцкого монастыря.

Преподобный *Савва Сторожевский*, игумен и основатель Дубенского и Сторожевского монастырей, из которых последний посещается и до настоящего времени многочисленными богомольцами, прославился большой святостью своей жизни.

Преподобный *Авраамий* с юных лет посвятил себя Господу; он устроил обитель на Галицком озере, после чудесного видения иконы Божией Матери, а затем построил еще три монастыря среди обитавшей здесь чуди.

Духовными советами святого Сергия пользовались и жившие в его время великие подвижники *Кирилл* и *Ферапонт*, основатели знаменитой Кирилло-Белозерской обители на Белом озере, с чрезвычайно строгими правилами общежития.

Кроме многочисленных учеников, святой Сергей имел и нескольких друзей, отличавшихся святостью своей жизни; самым близким из них был святой *Стефан Махрицкий* – ближайший его сосед (35 верст от лавры), с которым он часто виделся.

Стефан был первоначально иноком Кие-

во-Печерской лавры, откуда он ушел из-за притеснений католиками. Он основал уединенную обитель на берегу реки Махрици и много лет трудился в ней, храня безмолвие. Кроме дружбы со святым Сергием, он пользовался и любовью Димитрия Иоанновича Донского.

Также большой любовью Донского пользовался и другой друг преподобного Сергия – святой *Димитрий Прилукский*. Святой Димитрий был в миру сыном богатого купца, но рано удалился в монастырь и через несколько лет основал свою Николаевскую обитель на берегу Переяславского озера, с весьма строгими правилами общежития. Обладая очень красивой наружностью, причем красота его еще более расцвела от поста, он закрывал лицо свое куколем и бегал от женщин, чтобы их не смущать; но одна знатная боярыня непременно хотела его видеть, что ей, несмотря на нежелание Димитрия, удалось, когда преподобный готовился к священнослужению; однако она сейчас же была поражена расслаблением. Видя ее жалкое положение и слезы раскаяния, Димитрий простил ее; он сказал: «За-

чем ты хотела видеть грешника, уже умершего для мира» – и крестным знаменем возвратил ей здравие.

Впоследствии смиренный Димитрий основал Прилукский монастырь на реке Вологде, причем с большим разбором принимал подавание для братии. Одному жертвователю, человеку скупому и немилостивому, он сказал: «Отнеси назад, что принес нам, и накорми слуг и сирот крестьян, живущих у тебя, чтобы они не страдали от голода; когда же останется от того что-нибудь, принеси и нашей нищете».

19 мая 1389 года, в день и час кончины Димитрия Донского, занимаясь работой с братией, святой Димитрий Прилукский вдруг вздохнул и сказал: «Мы, братия, строим земные, тленные дела, а благоверный великий князь Димитрий уже не печется о суетной жизни».

Большой дружбой святого Сергия пользовался и святитель *Дионисий*, подвизавшийся смолоду на берегу Волги, в трех верстах от Нижнего Новгорода, и основавший там Вознесенский монастырь. Будучи назначен еписко-

пом Суздальским, Дионисий отличался особой смелостью, с которой он выражал свои мысли князьям, когда находил, что они заблуждаются.

Наконец, к числу друзей святого Сергия принадлежал также и святой *Стефан*, знаменитый апостол земли Пермской. Он родился в Великом Устюге и с юности решил посвятить себя просвещению диких обитателей севера – зырян, которых встречал на торгу в своем городе. Приняв пострижение, Стефан стал усердно заниматься греческим языком; затем он составил азбуку для зырян, перевел на их язык, который знал с детства, несколько церковных книг и отправился на свой трудный подвиг.

Он скоро снискал себе любовь и всеобщее уважение дикарей, а затем стал их крестить, всюду проповедуя слово Божие, и выстроил церковь Благовещения на реке Вычегде. Конечно, проповедь Стефана возбудила против него местных жрецов, которые покушались его убить, но он смело выступил против них с обличениями и срубил громадную «прокудливую» березу, бывшую предметом обожания

язычников; Стефан сжег ее и своею проникновенной проповедью привел многих к крещению. На месте же сожженной «прокудливой» березы он поставил храм в честь архангела Михаила – победителя духов тьмы.

Рубя и сожигая всюду идолов и воздвигая церкви, а также неустанно заботясь о нуждах своей паствы, Стефан скоро стал истинным отцом зырян; он ходил с ними в полном облачении против врагов их – вогулян[34], ходатайствовал о присылке хлеба в неурожайные годы, а когда в пределах его паствы появились новгородские ушкуйники, то Стефан отправился в Новгород с убеждениями, чтобы была обуздана наглость его вольницы.

В 1390 году святой Стефан ходил в Москву для нужд своей паствы. Не успев зайти в Троицкую обитель, чтобы повидать святого Сергия, так как он сильно торопился домой, Стефан, проходя мимо нее в расстоянии девяти верст, остановился на дороге, сотворил усердную молитву и, обращаясь духовно к святому Сергию, сказал: «Мир тебе, духовный брат». Святой Сергий сидел в это время с братией за трапезой; он тотчас же встал, поклонился в

направлении к Стефану и сказал: «Радуйся и ты, Христов пастырь; мир Божий да пребывает с тобою».

Память об этом чудесном сообщении друга с другом святых мужей увековечена сооружением колодца на том месте, где остановился Стефан, и сохранившимся в Троице-Сергиевской лавре до настоящего времени трогательным обычаем: во время трапезы, по данному колоколом знаку, вся братия встает, и произносится краткая молитва.

Таковы были иноки, которые жили одновременно со святым Сергием и были его преданными друзьями.

Праведный старец сподобился при своей жизни быть очевидцем нескольких чудесных явлений.

Однажды во время глубокой молитвы он увидел множество прекрасных птиц и услышал голос: «Сергий, Господь внял молитве твоей о чадах твоих. Как видишь этих птиц, так умножится число учеников твоих, и после тебя не оскудеют последующие стопам твоим». Сергий в радости позвал ученика своего Симона, и тот еще мог видеть конец явле-

ния.

Еще гораздо более знаменательно было другое явление. Оно имело место в посту Рождества Христова, в пятницу, вероятно, в 1388 году.

Стоя, по обычаю своему, перед иконой Божией Матери, Сергей горячо молился ей; затем, прочтя канон Пречистой и совершив правило, он сел, чтобы немного отдохнуть. Тут же находился и его келейник Михей.

Вдруг преподобный обратился к нему со словами: «Чадо, трезвися и бодрствуй, потому что сейчас имеет нам быть чудное и ужасное посещение». И когда он еще говорил это, услышан был голос: «Пречистая идет». Тогда Сергей поспешно вышел в сени келии. Его вдруг озарил большой свет, ярче солнечного, и он увидел Царицу Небесную с апостолами Петром и Иоанном, блистающими в несказанной светлости. Не будучи в состоянии переносить нестерпимый свет, Сергей пал ниц. Пречистая прикоснулась к нему руками Своими и сказала: «Не ужасайся, избранник Мой. Я пришла посетить тебя. Услышана молитва твоя об учениках твоих, о которых ты молил-

ся, и об обители твоей; не скорби более, ибо отныне она всем будет изобиловать, и не только до тех пор, пока ты жив, но и по твоему Господу отшествию, неотступна буду от твоея обители, подавая неоскудно потребное и снабжая ее и покрывая». Сказав это, Царица Небесная стала невидима, а святой пребывал как бы в иступлении ума, будучи одержим страхом и трепетом.

Придя в себя, он нашел Михея, лежащим от страха, как мертвого; когда последний очнулся, то он стал спрашивать святого Сергия: «Скажи мне, отче, Господа ради, что значило это чудное явление, так как дух мой едва не вышел из моего тела от блистающего видения». Но святой, глубоко взволнованный сам, мог только ответить: «Потерпи, чадо, потому что и во мне трепещет дух мой от чудного видения». И так они стояли в безмолвном удивлении друг против друга. Потом Сергей приказал призвать братьев Исаака и Симона и рассказал по порядку, как происходило чудесное посещение его Богоматерью. Отстояв молебен Пречистой, все разошлись, но Сергей всю ночь пробыл без сна, размышляя о неиз-

реченном видении.

Посещение Царицы Небесной было необыкновенной милостью к преподобному Сергию, так как из житий святых мы знаем, что таковых посещений удостаивались весьма немногие угодники, и даже среди всех величайших подвижников Афонской горы был только один святой Петр, который сподобился видеть в тонком сне Пречистую Деву.

Позволительно думать, что святой Сергий удостоился этого величайшего счастья за свою беспредельную любовь к Русской земле.

В 1392 году, достигнув маститой старости, святой Сергий получил откровение за шесть месяцев о своем преставлении. Призвав братию, он вручил игуменство ученику своему Никону, а сам подвергся совершенному безмолвию. В начале сентября святой старец впал в предсмертную болезнь, а 25-го числа, преподав братии конечное поучение об иноческом доброжитии, он предал дух свой Богу, после семидесяти восьми лет жизни и пятидесяти пяти лет иночества. По своему смирению святой Сергий приказал положить свое тело на общем кладбище, но митрополит, по

просьбе братии, отдал повеление похоронить его в церкви, на правой стороне от алтаря, причем на отпевание его собралось множество народа.

Мощи святого Сергия были открыты через тридцать лет по особому откровению и найдены нетленными, несмотря на то что были окружены водой; не изменились и его ризы. С тех пор они были прославлены множеством чудес и великими делами, совершенными у них русскими людьми, как мы увидим в последующих наших «Сказаниях о Русской земле».

Говорить о заслугах святого Сергия перед Родиной не приходится, так как на всем обширном пространстве нашего Отечества, конечно, нет простого человека, который не знал бы о Сергии Радонежском, и не найдется ни одной простой женщины, которая не учила бы своих детей еще в колыбели ему молиться.

Православная церковь причла к лику святых и блаженную великую княгиню Евдокию Димитриевну, которая пережила своего славного супруга на восемнадцать лет. Мы знаем,

какой преданной и нежной подругой она была Дмитрию Иоанновичу в его многотрудной жизни. Принимая близко к сердцу все великие, но грозные события, непрерывно сменявшиеся вокруг нее, она находила всегда утешение в смиренной и глубокой молитве, и еще при жизни мужа, когда был задержан старший сын ее Василий в Орде, что совпало с кончиной ее отца, благочестивая княгиня основала Вознесенскую женскую обитель.

После смерти Дмитрия Донского она не поступила, по примеру многих других княгинь, в монастырь, хотя и стремилась к этому, но осталась в миру, чтобы дать воспитание своим детям, достойное их великого отца; при этом, однако, она тратила все свои средства на нищих и на украшение и восстановление разрушенных татарами храмов; с особенной же любовью была ею сооружена церковь Рождества Богородицы, в память славной победы на Куликовом поле.

Ведя строго подвижническую жизнь, Евдокия Дмитриевна, следуя примеру своего мужа, держала это в тайне, а на людях показывалась всегда с веселым лицом, нося богатые

одежды, украшенные жемчугом; конечно, она делала это, чтобы являться в глазах толпы с видом, подобающим высокому званию великой княгини.

Однако некоторые злонамеренные люди стали распространять о ней дурные слухи, которые дошли и до одного из ее сыновей — Юрия; Юрий в беспокойстве сообщил о них матери. Тогда Евдокия Дмитриевна созвала детей в молельню и сняла часть своих одежд. Увидя худобу ее тела, изнуренного постом и измученного веригами, они ужаснулись; но Евдокия Дмитриевна просила их не говорить об этом никому, а на людские толки о ней советовала не обращать внимания.

О своей кончине блаженная княгиня была предуведомлена появлением ангела, после чего она тотчас же онемела; затем она знаками стала просить живописца написать ей ангела, и когда он написал архангела Михаила, то Евдокия Дмитриевна обрадовалась, и к ней вновь вернулась способность говорить. Перед самой кончиной она чудесно исцелила одного слепца и, приняв иночество, с именем Ефросиния, мирно преставилась 7 июня 1407

года, после чего была погребена в основанном ею Вознесенском монастыре.

Таковы были дела праведников, живших во время Димитрия Донского. При нем же было и чудесное явление иконы Тихвинской Божией Матери в области Великого Новгорода, которая не замедлила стать одной из величайших наших святынь вследствие неоднократно проявленной от нее благодати Царицей Небесной.

Сделанный нами обзор жизни Русской земли, со времени разделения власти над ней при преемниках Ярослава Мудрого до конца великого княжения Димитрия Иоанновича Донского, обнимает собой ряд событий чрезвычайной важности в судьбах нашей Родины, причем изучение их необыкновенно поучительно и для настоящего времени.

Знакомство со всеми сложными явлениями, наступившими после кончины Ярослава Мудрого, и со множеством разнообразнейших лиц, принимавших в них участие, выдвигает перед нами на первое место то огромное значение, которое имела верховная власть во всех обстоятельствах жизни нашей земли.

При этом мы ясно видели, что вслед за разделением власти над ней тотчас же неудержимо стало падать могущество нашей Родины, вовсе уничтоженное татарским нашествием.

Причиной этого печального явления был, конечно, самый порядок владения землею, основанный на началах родового быта и возможный только при полном братолюбии всех родичей между собой, что и завещал своим потомкам Ярослав Мудрый, пророчески предсказывая, в случае нарушения этого братолюбия, полную гибель им и родной земле.

Однако, несмотря на целый ряд выдающихся князей с самыми высокими душевными качествами, братолюбие и жизнь, посвященная служению общему делу, оказались под силу далеко не всем, почему предсказание Ярослава, к несчастью для нашей Родины, и сбылось.

Может быть, только благодаря мудрой и самоотверженной деятельности Александра Невского татары не уничтожили в корне существования Руси и вовсе не залили кровью тот небольшой очаг нашей жизни, который

теплился в Залесской земле. Здесь мудрые потомки Александра Невского, московские князья, глубоко проникнулись сознанием, поддерживаемым в них и нашими святыми митрополитами, что для спасения и возрождения Родины им предстоит великая задача – соби- рание Русской земли под своей рукою.

При этом, убедившись в невозможности осуществления общего братолюбия, во имя жизни со всеми и для всех, завещанного Яро- славом, что было бы, конечно, наилучшим ос- нованием для государственного устройства, если бы только люди были достаточно про- никнуты Христовыми заповедями, первые московские князья, по благословию вели- кого святителя митрополита Петра и его до- стойных преемников, заменили это основа- ние, в силу необходимости, другим, а именно: что все без исключения русские люди (кня- зья, бояре и простой народ) должны быть слу- гами единого государя, а государь, в свою оче- редь, есть первый слуга своего Отечества.

Вместе с этим новым руководящим основа- нием для своей деятельности все лучшие мос- ковские князья, истинные собиратели нашей

земли, конечно, во всем старались следовать примеру своих великих предков Владимира Мономаха и Александра Невского, то есть быть милостивыми, кроткими, нищелюбивыми и праведными в частной жизни, и проявлять при этом твердость алмаза во всех делах государственных.

Достоинно самого большого внимания то обстоятельство, что в своей деятельности по собиранию земли московские князья встретили самое полное сочувствие среди всех земских людей, жаждавших единой сильной Родины, обеспечивающей им внутренний мир и защиту от внешних врагов под высокой рукою единого государя, всем своим подданным в отцов и праотца место поставленного.

К этим стремлениям русского народа прикнула и лучшая часть боярства, которая стала собираться в Москве.

И вот, идя рука об руку с желанием всех русских людей, горячо любящих свою Родину, внук Иоанна Калиты, первого собирателя Москвы, Димитрий Иоаннович Донской одерживает уже блистательную победу над татарами, устанавливает новый порядок престо-

лонаследия, завещая великое княжение прямо старшему сыну, а от остальных князей берет клятвенное обязательство служить своему преемнику «честно и грозно».

Знакомство с событиями русской жизни после Ярослава Мудрого достаточно освещает нам великое значение перемены в престолонаследии и в отношениях младших князей к великому князю, произведенных Димитрием Иоанновичем Донским.

Вспомним только, какой ценой были приобретены эти перемены. Для этого потребовался бесконечный ряд усобиц, шедших на протяжении с лишком трехсот лет, татарское иго, потеря обоих морей – Балтийского и Черного, крушение Киевской Руси, подпадение западной под власть Литвы и Польши и, наконец, страшное напряжение сил, надолго истощившее землю, чтобы одержать победу на Куликовом поле.

Все великое княжение Димитрия Иоанновича было непрерывной борьбой с врагами, со всех сторон препятствовавшими Москве образовать ядро будущего величия Русской земли.

Но, преждевременно сойдя в могилу от непомерного напряжения своих сил, Димитрий Иоаннович успел, однако, заложить прочные основания нового порядка вещей для восстановления бывшего величия нашей Родины.

Пусть татары еще некоторое время будут брать дань с Русской земли, пусть шведы, немцы, Польша и Литва продолжают свои усилия, чтобы отхватить возможно больше исконных наших владений, пусть поднимется даже на время и усобица между князьями, — сердца русских людей, после славного великого княжения Димитрия Иоанновича Донского, озарились уже твердой надеждой на возрождение нашей могучей Родины под сильной рукою Москвы, самое имя которой становится с тех пор родным и близким каждому русскому человеку.

Признавая выдающееся значение Москвы, ее мудрых князей и блаженных святителей в деле собирания нашего Отечества под единой сильной властью, необходимо, конечно, помнить, что все это могло быть осуществлено только благодаря высоким душевным каче-

ствам нашего великого народа. Застигнутый врасплох, среди общей розни и недоумения, грозным татарским нашествием, русский народ, несмотря на весь ужас этого нашествия, с честью выдержал страшное испытание и показал себя достойным быть великим и свободным.

Завет великого Святослава глубоко запал в сердца русских людей: они всегда крепко стояли против врага и предпочитали славную смерть позорному бегству.

Крепко держались русские люди и заветов преподобного Феодосия Печерского и с дерзновением шли на смерть за святую православную нашу веру.

Вместе с тем, как мы видим, и в своей частной, семейной жизни каждый русский человек стремился, по мере сил, вести ее по заветам отцов Церкви, причем изумительная стойкость и мужество наших предков в трудные времена татарщины находили обыкновенно большую поддержку в преданности и любви их домовитых и глубоко благочестивых жен.

Эта крепкая вера в Бога, одинаковая у всех

русских людей, начиная от князя и кончая крестьянином, конечно, сильно сближала всех между собой и сглаживала различия, происходившие от разности положения и состояния; вместе с тем она, в связи с бедствиями Отечества, развила и присущее русскому человеку стремление к подвигу. Пострадать за веру православную, за государя и за землю Русскую – слова, которые и в настоящее время находят отклик в сердце каждого из нас.

Конечно, безотрадное состояние, наступившее на Руси во время татарского ига, еще более усилило у всех сознание необходимости братской любви между собой во имя общего дела.

Нет сомнения, что и святой Сергей, именно под влиянием этого чувства основывая свою обитель, заложил в ней храм во имя Живоначальной Троицы, олицетворяющей собой высшее единение во взаимной любви.

По той же причине не прекращалось во время татарского ига и сооружение обыденных церквей трудами князей и поселян, богатых и бедных, здоровых и калек, словом, всего православного мира. Создание этих памят-

ников единогодушия, возникавших, как мы видели, в течение одного дня, всегда сопровождалось необыкновенным подъемом душевного настроения. Даже в Новгороде на бурном вече тотчас же водворялась величайшая тишина, когда дело касалось построения обыденного храма, и вопрос решался без прений – единогласно и мгновенно. При этом все тотчас же предавались дружной, изумительно-усердной и быстрой работе, вызывавшей восторг и слезы умиления у всех ее участников.

Таким образом, самым могучим звеном, соединявшим русский народ во единое целое и не давшим ему погибнуть в години тягчайших испытаний, была его глубокая вера в Бога, а православный наш храм, как бы мал и беден он ни был, являлся тем крепким оплотом, в котором в тяжелые дни скорби и отчаяния каждый русский человек получал сердечное утешение и черпал новые силы для подвигов во имя любви к Родине.

Источники первой части

На русском языке:

Полное собрание русских летописей.

Указатель к восьми томам полного собрания русских летописей. Отделы I и II.

«Степенная книга царского родословия» митрополита Макария, изданная Герардом Миллером в 1775 году.

«История государства Российского» Н.М. Карамзина.

«История России с древнейших времен» С. Соловьева.

«История Российская с самых древних времен» В. Татищева. Изд. 1774 г.

«История Российская с древнейших времен» князя М. Щербатова. Изд. 1794 г.

«История России» Д. Иловайского.

«Первобытные обитатели Московской Промышленной области» И.Е. Забелина.

«Первоначальная история Московской Промышленной Области» его же.

«Суздальская Русь в татарской неволе» его же.

«Первенство Москвы» его же.

«Философия общего дела» Н.Ф. Федорова.

«Курс русской истории» В. Ключевского.

«Лекции по русской истории» С.Ф. Платонова.

«Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Н. Костомарова.

«Северно-русские народоправства» его же.

«Русская история с древнейших времен» Н. Павлова.

«Чтения по истории Западной России» М.О. Кояловича.

«Русская история» К. Бестужева-Рюмина.

«Родная старина» В. Сиповского.

Сборник «Москва в ее прошлом и настоящем».

«Русская военная история» князя Н. Голицына.

«Русская военная сила» изд. В. Пирогова.

«Очерк военного искусства до Петра Великого» А. Елчаникова.

«Памятники московских древностей, собранные И. Снегиревым». Изд. 1842–1845 гг.

«Царственный летописец», рукопись.

«Большая государственная книга 1672 года, или Корень российских государей, также цар-

ский титулярник».

«Лебедевская рукопись», принадлежащая С.-Петербургской публичной библиотеке.

«Радзивилловская летопись», рукопись XV века, принадлежащая Императорской академии наук.

«Радзивилловская летопись», изданная Императорским обществом любителей древней русской письменности, со статьями академиков Н.П. Кондакова и А.А. Шахматова.

«Казанский летописец», рукопись Императорской академии наук.

«Сильвестровский сборник», рукопись XIV века, заключающая в себе лицевое житие святых Бориса и Глеба.

«Лицевое рукописное житие святого Алексия, написанное в XVI веке Пахомием Логофетом».

«Житие святого Сергия Радонежского», рукопись, принадлежащая Троицко-Сергиевской лавре.

«Житие святого Сергия Радонежского», рукопись, принадлежащая Императорской академии наук.

«Лицевое житие святого Нифонта» XVI ве-

ка, принадлежащее Императорскому историческому музею в Москве.

«Житие благоверной великой княгини Ефросинии Суздальской, списано иноком Григорием». Издание Импер. общ. любит. древн. русской письменности.

«Лицевое житие Николая Чудотворца», рукопись XVI века, принадлежащая Румянцевскому музею в Москве.

«Житие святого Всеволода-Гавриила», рукопись XVI века, принадлежащая С.-Петербургской духовной академии.

«Четыи mineи» святого Димитрия Ростовского.

«Жития святых, чтимых Православной церковью» преосвященного Филарета.

«История русской церкви» Г. Голубинского.

«История канонизации святых Русской церкви» его же.

«Преподобный Сергий, основатель Троицко-Сергиевской лавры» его же.

«Древнерусские жития святых, как исторический памятник» В. Ключевского.

«Святой благоверный великий князь Александр Ярославович Невский» М. Хитрово.

«Рассказы из истории Русской церкви» графа М. Толстого.

«Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский» В. Георгиевского.

«Археологическое описание церковных древностей Новгорода и его окрестностей» архиепископа Макария.

«Храм-усыпальница великого князя Сергия Александровича во имя преподобного Сергия в Чудовом монастыре в Москве» М.П. Степанова.

«О научных задачах истории древнерусского искусства» Н.П. Кондакова.

«Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века» его же.

«Русские древности в памятниках искусства» И. Толстого и Н. Кондакова.

«Лицевой список хождения Даниила Паломника», статья Д. Веневитинова; издание Импер. общ. любит. древн. – русской письменности.

«Древности Российского государства» акад. Ф.Г. Солнцева.

«Ромове», археологическое исследование А.Ф. Мержинского.

«О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем» В.А. Кожевникова.

«Северорусские думы и впечатления» его же.

«Материалы для истории русского иконописания» Н.П. Лихачева.

«Древности русского права» В. Сергеевича.

«Боярская дума Древней Руси» В. Ключевского.

«Княжое право в Древней Руси» А. Преснякова.

«Феодализм в Древней Руси» Н. Сильванского.

«Географическо-статистический словарь Российской империи» П. Семенова.

«Словарь географический Российского государства», собранный Афанасием Щекатовым.

«Учебный атлас русской истории» М. Замысловского.

«Учебный атлас русской истории» барона Ф.Ф. Торнау.

«История государства Российского в изображениях державных его правителей» В.П.

Верещагина.

«Россия и ее моря» А. Риттиха и А. Бубнова.

«Русский богатырский эпос» Ф. Буслаева.

«Книга былин» В.П. Авенариуса.

«История русской словесности» П. Полево-го.

«Слово о полку Игореве» в переложении русских поэтов Мея, Майкова, Гербеля и Козлова.

«Альбом в память 300-летия Нижегородского ополчения». Издание В.И. Бреева.

«Трон или царское место Грозного в московском Успенском соборе» проф. Щепкина.

«Великокняжеская и царская охота на Руси» Н. Кутепова.

«Политика, как наука» А. Стронина.

«Национализм и национальное воспитание» П.И. Ковалевского.

«Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» проф. М.К. Любавского.

«Описание путешествия в Московию» Адама Олеария.

«История Монгапов» Иоанна де Плано-Карпини.

«История человечества» Гельмольта.

«История Византии» Г.Ф. Герцберга.

«Польско-литовские древности» Гольдштейна.

«Георгиевский собор в Юрьеве-Польском» К.К. Романова.

«Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности» В.Т. Георгиевского.

«Памятники древнерусского искусства». Издание Императорской академии художеств.

«Святыни и древности Пскова и Новгорода» М. Толстого.

«Древнерусские кресты» Шляпкина.

«Всемирная история» Шлоссера.

«Всеобщая история» А. Иегера.

«Русская история в картинах, или Живописный Карамзин». Издание А. Прево.

«История русского искусства» Игоря Грабаря.

На польском языке:

«Польский гербовник, или Гнездо добродетелей» Папроцкого. Изд. 1550 г.

«Войны и военное устройство Польши» Т.

Корзона.

«Атлас рисунков Западной Руси и Галиции» Наполеона Орды.

На чешском языке:

«Чешская хроника XVI века, приписываемая Пухту».

На латинском языке:

«Изображения святейших пап». Изд. XVIII века.

«Описание европейской Сарматии» А. Гваньини. Изд. 1581 г.

«Космография Себастиана Мюнстера». Изд. 1550 г.

«Житие святой Ядвиги Силезской», рукопись XIV века, хранящаяся в г. Острово в Австрии.

На французском языке:

«История Крестовых походов» Мишо.

«Живописный Кавказ» князя Гагарина.

«История Польши» Иоахима Лелевеля.

На немецком языке:

«Космография Себастиана Мюнстера». Изд.
1550 и 1572 гг.

Источники второй части

На русском языке:

Полное собрание русских летописей.
Указатель к восьми томам полного собрания русских летописей. Отделы I и II.

«История государства Российского» Н.М. Карамзина.

«История России с древнейших времен» С. Соловьева.

«История русской жизни с древнейших времен» И.Е. Забелина.

«История Российская с самых древних времен» В. Татищева. Изд. 1774 г.

«История Российская с древнейших времен» князя М. Щербатова. Изд. 1794 г.

«История России» Д. Иловайского.

«Курс русской истории» В. Ключевского.

«Боярская дума Древней Руси» его же.

«Лекции по русской истории» С.Ф. Платонова.

«Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Н. Костомарова.

«Русская история» К. Бестужева-Рюмина.

«Царственный летописец», рукопись.

«Радзивилловская летопись», рукопись XV века, принадлежащая Императорской академии наук.

«Радзивилловская летопись», изданная Императорским обществом любителей древней русской письменности, со статьями академиков Н.П. Кондакова и А.А. Шахматова.

«Философия общего дела» Н.Ф. Федорова.

«Разыскания о древнейших русских летописях» академика А.А. Шахматова.

«О так называемой Ростовской летописи» его же.

«Сказание о призвании варягов» его же.

«О первоначальной летописи» князя М. Оболенского.

«Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке» А.Л. Шлейера.

«Состав и характер летописи» М.Н. Сухомятина.

«Четьи mineи» святого Димитрия Ростовского.

«Жития святых, чтимых Православною церковью» преосвященного Филарета.

«История Русской церкви» Е. Голубинского.

«Рассказы из истории Русской церкви» гра-

фа М. Толстого.

«Киево-Печерский патерик».

«Афонский патерик».

«История Православной церкви» К.П. Победоносцева.

«Святыни и древности Пскова и Новгорода» графа М. Толстого.

«Сильвестровский сборник», рукопись XIV века, заключающая лицезовое житие святых Бориса и Глеба.

«Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба», изданное по рукописи XV века Импер. общ. любит. древн. – русской письменности.

«Толковая рукописная Палея» новгородского письма 1477 года, принадлежащая патриаршей библиотеке в Москве.

«Большая государственная книга 1672 года, или Корень российских государей, также царский титулярник».

«Русские древности в памятниках искусства» И. Толстого и Н. Кондакова.

«Русские клады» Н. Кондакова.

«Александрия», рукопись XVII века, принадлежащая Московскому историческому му-

зею.

«Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских» В.В. Стасова.

«Древности Боспора Киммерийского».

«Первобытные древности» (История южной России) Н. Веселовского.

«Очерки памятников христианской иконографии и искусства» Н. Покровского.

«Палеографическое значение бумажных водяных знаков» Н.П. Лихачева.

«Материалы для истории русского иконописания» его же.

«Из лекций по дипломатике» его же.

«Херсонес Таврический» графа А. Бобринского.

«Раскопки Ольвии в 1902–1903 годах» Б.В. Фармаковского.

«Золотые обивки налучий из Ильинецкого и Чертомлыцкого курганов» его же.

«Исторические труды императрицы Екатерины Второй» Пыпина.

«Очерки событий по русской истории». Издание 1839 года М. Резваго.

«Две заметки по вопросам русского языко-

знания» В. Рудановского.

«Древности русского права» В. Сергеевича.

«Княжое право в Древней Руси» А. Преснякова.

«Московская историческая энциклопедия XVI века» его же.

«Материалы по истории русской одежды» В. Прохорова.

«Русские исторические одежды» С. Стрекалова.

«Географическо-статистический словарь Российской империи» П. Семенова.

«Былое Черниговской земли» Я. Ярыгина.

«Библейская история» А.П. Лопухина.

«Путеводитель по святой Афонской горе».

«История русской словесности» Н. Полевого.

«Русский богатырский эпос» Ф. Буслаева.

«Книга былин» В.П. Авенариуса.

«Учебный атлас русской истории» барона Ф.Ф. Торнау.

«Великокняжеская и царская охота на Руси» Н. Кутепова.

«Из истории славянских передвижений» А.Л. Погодина.

- «Всемирная история» Шлоссера.
- «Всеобщая история» А. Иегера.
- «Эллинизм со времен Александра Великого» Р.Ф. Скала.
- «Придунайские народы» Генриха Влислоцкого.
- «Памятники христианского Херсонеса».
- «Жития херсонских святых в греко-славянской письменности» П. Лаврова.
- «Картинный атлас всемирной истории» Л. Вейссера.
- «Русская военная история» князя Н.С. Голицына.
- «Русская военная сила», издание В. Пирогова.
- «Россия и ее моря» А.Ф. Риттиха и А.Л. Бубнова.
- «Картины России» П. Свиньина. Изд. 1839 г.
- «Русская история в картинах, или Живописный Карамзин». Издание А. Прево. «Северное Сияние» – художественный альбом.
- «История русского искусства» Игоря Грабаря.

На церковно-славянском языке:

«Мирославово Евангелие» XII века. Издание сербского короля Александра.

На польском языке:

Польский гербовник «Гнездо добродетелей», соч. Папроцкого. Изд. 1550 г.

«Польское собрание оригинальных рисунков», принадлежащее Императорской академии художеств.

На греческом языке:

«Хроника Ивана Скилицы Куропалата», греческая рукопись половины XIV века, принадлежащая Испанскому национальному музею в Мадриде.

На латинском языке:

«Космография Себастиана Мюнстера». Изд. 1550 г.

«Описание европейской Сарматии» А. Гваньини, изд. 1581 г.

На французском языке:

«Византийская эпопея в конце X века», три части Шлумбержера.

«Византийский император в X веке» его же.

«Реймское славянское Евангелие» Л. Лежье.

«Сборник исторических документов, касающихся королевы Анны, супруги Генриха I и дочери Ярослава Мудрого» князя Лобанова-Ростовского.

«Анна Русская, королева Французская и графиня Валуа в XI веке» виконта де Кэ.

«Свидетельство современников о святом Владимире» князя А. Голицына.

«Траянова колонна» Н. Фронер.

«Царский некрополь в Сидоне» С. Рейнах и Гамдибей.

«О неравенстве человеческих пород» графа Гобино.

«История Польши» Иоахима Лелевеля.

«Сборник древностей» Даремберга и Сальо.

На немецком языке:

«Истории» Геродота.

«Божества древних греков» Л. Преллера.

«Греческая иконография» Бернулли.

«Живопись на вазах» Фуртвенглера и Рейх-

Гольда.

«Достопримечательности классических древностей» Баумейстера.

«О руссах, произведших в 844 году нападение на Испанию» Крузе.

«О походе русских в 944 году на берега Каспийского моря» Куника.

«Космография Себастиана Мюнстера», изд. 1550 и 1572 гг.

Список иллюстраций

Часть первая

Глава 1

Бой скифов со славянами. *В.М. Васнецов*

Глава 2

Призвание варяжских князей. Здесь и далее иллюстрации из альбома «История государства Российского в изображениях державных его правителей с кратким пояснительным текстом» *В.П. Верещагина*

Глава 3

Князь Игорь, после неудачного похода на Византию, присягою перед Перуном подтверждает договор Олега с греками

Глава 4

Великий князь Владимир равноапостольный

Глава 5

Великий князь Святополк, удаленный от престола Ярославом Новгородским, кончил жизнь в скитании безумным

Часть вторая

Глава 1

Смерть Изяслава

Глава 2

Владимир Мономах

Глава 3

Юрий Долгорукий

Глава 4

Смерть в битве Ростислава Мстиславича

Глава 5

Епископ Кирилл находит обезглавленное тело великого князя Юрия на поле сражения на реке Сить

Глава 6

Александр Невский принимает схиму на смертном одре

Глава 7

Дмитрий Донской перед решительной битвой молит Всевышнего даровать победу

Сноски

Безмездный – даровой, производимый без оплаты. (*Примеч. ред.*)

[^^^]

2

Убитого в известной Гастингской битве своим соперником Вильгельмом Завоевателем.

[^^^]

Эти слова ясно показывают, что Мономах не одобрял самовольного захвата Мурома Изяславом.

[^^^]

4

Третий их брат Рюрик к этому времени, как мы говорили, уже умер.

[^^^]

5

Впоследствии Давиду был дан Дорогобуж, где он и умер. Род же его вскоре захудал.

[^^^]

6

Он отправлял свои обязанности на особом возвышении, называвшемся степенью.

[^^^]

В это время дикими половцами назывались те, с которыми у нас не было постоянных мирных или родственных отношений.

[^^^]

Другой юный брат Андрея Михаил, или Михалко, сидел в это время в южной Руси – в Торческе.

[^^^]

Эти слова показывают, насколько опустели города в южной Руси под влиянием княжеских усобиц и половецких набегов.

[^^^]

Меем, Майковым, Козловым, Гербелем.

[^^^]

Тулы – колчаны, хранилища для стрел.

[^^^]

Каяла – речка.

[^^^]

Волынский.

[^^^]

Верхуслава оставила о себе память как выдающаяся женщина, имевшая важное влияние на дела; между прочим, сохранилось известие о ее участии в делах церковных, по вопросу о назначении одного епископа.

[^^^]

Ярл – звание, дававшееся высшим вельможам в Швеции.

[^^^]

Об этом говорится в первой части «Сказаний».

[^^^]

Эти орудия и приспособления были совершенно одинаковы с употреблявшимися древними греками и римлянами, у которых осадное искусство было доведено до высокой степени совершенства.

[^^^]

Турово-Пинской волости.

[^^^]

В Переяславской земле.

[^^^]

Нынешняя Подольская губерния.

[^^^]

Надо думать, что псковичи не приняли Ярослава, памятуя о его крутом обращении с Новгородом, приведшем к Липецкой битве.

[^^^]

На берегу реки Остёр.

[^^^]

Святополк Окаянный был также разбит на льду Ярославом Мудрым, как об этом говорится в первой части настоящего труда.

[^^^]

Потомки Михаила Черниговского весьма многочисленны: князья Новосильские, Белевские, Воротынские, Одоевские, Мезецкие, Барятинские, Оболенские, Долгорукие, Щербатовы, Мосальские, Елецкие, Звенигородские и Козельские.

[^^^]

Поддержка папы была ему нужна в это время, так как его сильно теснили рыцари.

[^^^]

Очевидно, Карпини говорит про Киевскую и Черниговскую земли.

[^^^]

Вообще в это время в Новгороде уже часто сидят наместники великого князя, а не особые князя.

[^^^]

Торжественное прославление ее святых мощей последовало в 1909 году.

[^^^]

Древнейшие рубли были простыми отрубками серебра, весом около 22 золотников.

[^^^]

Причиной развода была, как говорит летописец, порча Евпраксии Феодоровны на свадьбе, почему каждую ночь она казалась супругу мертвецом.

[^^^]

Правнуку сына Александра Невского Андрея.

[^^^]

После смерти Константина Суздальского, соперника Симеона Гордого на великое княжение, княжество его разделилось между тремя сыновьями: старший Андрей взял Нижний Новгород, Димитрий – Суздаль, а младший Борис – Городец на Волге.

[^^^]

Она была второй женой Ольгерда, а первой – княжна Мария Ярославовна Витебская.

[^^^]

Финское племя, родственное зырянам.

[^^^]